

СЕРГЕЙ КАЛИНИЧЕНКО КАКИМИ МЫ БЫЛИ...

СЕРГЕЙ КАЛИНИЧЕНКО

**КАКИМИ
МЫ БЫЛИ...**

Днепропетровск
ИМА-пресс
2011

УДК 821.161(477)-92(082)

ББК 84 (4Укр=Рос6)

К 17

Калиниченко Сергей Александрович

К17   Какими мы были... Воспоминания. Литературно-документальное издание. — Днепропетровск. ИМА-пресс. — 2011. — 584 с. + 40 с. вкл.

ISBN 978-966-331-362-7

Эта книга — острый взгляд не постороннего наблюдателя, а профессионала с большой буквы, полковника разведки, награжденного за военные заслуги перед Отечеством орденом и двумя боевыми медалями высшего отличия. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

УДК 821.161(477)-92(082)

ББК 84 (4Укр=Рос6)

Літературно-документальне видання

КАЛІНІЧЕНКО СЕРГІЙ ОЛЕКСАНДРОВИЧ

ЯКИМИ МИ БУЛИ...

(Російською мовою)

Технічний редактор М.Михлик

Художній редактор В. Ларін

Коректор М. Литвиненко

Підписано до друку з оригінал-макету 20.01.2011 р. Формат 84 x 108^{1/32}.
Гарнітура «Таймс». Друк офс. Ум. др. арк. 32,76. Зам. № 53. Тираж 320 прим.
Видавництво ІМА-прес, 49051, м. Дніпропетровськ, вул. Журналістів, 7/215.
(056-2) 27-76-70, 050-514-52-75. 067-910-61-01. E-mail: IMA@optima.com.ua
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру суб'єктів видавничої справи
ДК № 244 від 16.11.2000 р.

Друк ОКП «Нікопольська друкарня»,
53219, м. Нікополь, вул. Електрометалургів, 21.
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру, ДП № 2947 від 28.08.2007 р.

ISBN 978-966-331-362-7

© Калиниченко С.А., 2011.

ТАЙНА ЗА СЕМЬЮ ПЕЧАТЯМИ

О Спецназе ГРУ изданы десятки сборников, репортажей, военных мемуаров, воспоминаний, литературных и приключенческих опусов. Но по достоверности, глубине охвата повседневной службы спецназовцев, профессионализму их толкования, художественному отображению портретов солдат и офицеров спецназ, правдивости и душевному откровению данная книга затмевает многие издания этой тематики и не имеет себе равных.

Эта книга – острый взгляд не постороннего наблюдателя, а профессионала с большой буквы, полковника разведки, награжденного за военные заслуги перед Отечеством орденом и двумя боевыми медалями высшего отличия.

Автором прекрасно передана международная обстановка того времени, когда Советский Союз, противостоя в холодной войне ведущим капиталистическим державам, вынужден был на первое место ставить вопросы укрепления своей обороны, поддерживать высокую боевую готовность армии. Люди старшего поколения хорошо помнят привычные для того времени сообщения в средствах массовой информации о провокациях на советской границе, о регулярных масштабных учениях армий вероятного противника в непосредственной близости от наших границ, о подготовке американских войск и их союзников по НАТО воевать в условиях сильных морозов, в тайге и в горах, на пустынной местности и в городах. Нам также было хорошо известно, как обучалась элита вероятного противника - спецподразделения «зеленых беретов» к действиям в экстремальных условиях на территории Советского Союза.

Но вряд ли кто припомнит хотя бы одно сообщение или даже намек в газете или радио о существовании таких частей в Советской Армии, как войска специального назначения. И все же они имелись и находились в режиме особой секретности. Десятки лет это была тайна за семью печатями. И не вина разведчиков-спецназовцев в том, что в годы «лихой горбачевской перестройки» рухнули режимные ограничения по сохранению военной тайны, в том числе и касающиеся войск специального назначения. Это, в конечном итоге, и послужило поводом сделать достоянием гласности вопросы прелюбопытные и интересные для широкого круга читателей и не только в нашей стране...

В советское время под руководством истинных патриотов своего Отечества, среди которых первое место, безусловно, занимает Герой Советского Союза генерал армии Петр Иванович Ивашутин, формировались отборные подразделения, части и соединения специальной разведки. Их было немало, и комплектовались они наиболее подготовленными офицерами из разных военных училищ, составлявшими костяк воинских коллективов. Но по прошествии времени следуют объективно сказать, не обижая выпускников РВВДКУ имени генерала армии В.Ф. Маргелова, одним из лучших ВУЗов являлось Киевское высшее общевойсковое командное училище имени М.В.Фрунзе, которое, кстати сказать, закончил автор этой книги.

Автор является выходцем из семьи защитников Отечества. Про таких, как он, в народе говорят: с ним можно идти в разведку, такой не подведет, на таких держится армия. Воспитанный на подвигах советских воинов-победителей в Великой Отечественной войне, он вместе со своими воспитанниками из года в год наращивал мастерство тактики специальных операций, владения оружием всех видов, рукопашного единоборства, воздушно-десантной подготовки, учился таинствам минно-подрывного дела. Совершенно не афишировалась в войсках система изучения языка вероятного противника, но им - командирам спецназа, как правило, выпускникам суворовских военных училищ изучение языков было совершенно не в тягость.

При этом, стремясь быть объективным, автор пишет, что в данной книге приведены в основном его собственные впечатления и его личное восприятие того, что происходило в 15-ой отдельной бригаде специального назначения в тот период времени, когда мы служили в ней. И что характерно – все главы книги построены на конкретных боевых примерах, откровениях непосредственных участников, и личном опыте автора, начавшего службу лейтенантом и закончившим полковником военной разведки.

Он мог бы рассказать о многом, но верный офицерской этике и чести, ограничил себя: «Я описал лишь те события, которые происходили на моих глазах, а также лишь о тех моих сослуживцах, которые были в той или иной степени рядом. Я стремился к тому, чтобы у читателей книги сложилось, по возможности, более полное представление о том, что собой представляла 15 отдельная бригада специального назначения, и на этой основе они смогли бы лучше понять каким был советский спецназ Главного разведывательного управления ГШ ВС СССР в 70-х годах прошлого века. При этом мне, конечно же, не удалось охватить все многообразие тех проблем, которые были у нас в те времена. В этой связи многое из того, о чем можно было бы написать, пришлось оставить за рамками данного повествования».

Сотни фамилий боевых товарищей и эпизодов боевой учебы воспроизведены автором в главах книги. Многие образы написаны четко, выразительно. Их лица, голоса, поступки физически ощутимы, и прежде всего тем, кто служил в 15-й бригаде специального назначения. Особое внимание автор уделяет солдатам и сержантам, тщательно отобранным для нелегкой службы в спецназе. Среди них рано ушедший из жизни статный красавец «отец советского спецназа» старшина Валерий Бахтий, который дослужился до звания полковника, выполнявший многие спецзадания государства в различных горячих точках планеты. Выразительным получился образ сержанта

Александра Петрова, отличившегося на окружных учениях и получившего ценный подарок от командующего войсками Средне-Азиатского военного округа генерала армии Н.Г.Лященко.

Условностей и послаблений в учебе и службе спецназовцев не допускалось. Боевая служба требовала много сил и молодой энергии. И дело было не только в спартанском образе жизни и постоянном экстриме. По-настоящему романтическую спецназовскую науку побеждать надо было еще и горячо любить. И этой аурой особого отношения личного состава к будничным делам службы пронизана вся книга.

В глазах обывателя образ «классного» спецназовца нередко ассоциируется с «героями» западных боевиков – монстрами, умеющими с тупой улыбкой неистово крошить кирпичи или разбивать бутылки о голову. Нашими «РЭКСАМИ» спецназа были не «безбашенные», как у нас говорили, а обаятельные и интеллигентные люди, такие как выпускники РВВДКУ Сергей Ершов, ставший единственным и полковником разведки СССР, и капитаном первого ранга ВМС Украины одновременно, Рафик Латыпов, сформировавший отдельную роту спецназ и первым воевавший в Афганистане, выпускник КВОКУ Федор Волох, впоследствии ставший самобытным и ярким преподавателем кафедры специальной разведки Общевойсковой академии ВС РФ, подготовивший несколько поколений современных спецназовских командиров.

Бесспорным достоинством этой книги являются также страницы, ообразившие конкретную повседневную деятельность офицеров 15-й бригады спецназ Роберта Павловича Мосолова, Василия Васильевича Колесника, Александра Алексеевича Овчарова, Игоря Стодереvского, Юрия Цыганова, Александра Чубарова, Игоря Ревина, Александра Тимченко и многих других. С задушевностью и истинной признательностью написаны страницы посвященные начальнику политотдела бригады полковнику Н.В.Лысаку, замполиту второго отряда спецназ подполковнику Д.В.Кондратовичу.

А какой пронзительной болью сочатся строки впервые высказанной правды о непродуманной, непрофессиональной работе высоких штабов в полосе организационно-штатных экспериментов в войсках, накануне Афганской войны. Этот печальный опыт поучителен для нынешних руководителей, проводящих по живому «реформирование» Российской Армии и ее составной части военной разведки.

И в этом автор верен своим принципам: «Я совершенно сознательно пошел на написание этой книги ради того, - пишет он, - чтобы оставить для потомков хоть небольшую частицу богатой и многообразной истории бригады. Думаю, что только во имя этой, как мне представляется, благородной цели, можно пренебречь мнением тех, кто в той или иной степени будет недоволен тем, как мной тракуются в книге те или иные события».

И, последнее, в нынешней исторической эпохе XXI века, для современных разведчиков остаются актуальными патриотические строки ветерана спецназа Владимира Кошелева о необходимости быть в постоянной готовности к защите Родины: «За целый мир Спецназ в ответе: везде разведке есть дела, - прикажут нам, мы в Новом Свете свои распустим купола...»

Ценным подарком к 60-летию создания подразделений и частей специального назначения ГРУ ГШ ВС РФ и настольным учебником молодому поколению защитников Отечества – офицерам и солдатам Спецназа России, станет эта мудрая книга моего друга и соратника.

*Честь имею,
Олег КРИВОПАЛОВ
полковник, ветеран 15 обрСпН,
участник боевых действий
в Афганистане.*

*«Из тех многочисленных спецназов,
которые различные силовые ведомства направляют
на борьбу с бандитизмом, лучшие всех демонст-
рирует себя спецназ ГРУ. Его показатели на порядок
лучше, чем у всех остальных».*

Президент Российской Федерации В.В.Путин

*(Из речи Президента Российской Федерации В.В. Путина в ходе
посещения им бригады специального назначения Сибирского
военного округа в 2002 году)*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последнее время о войсках специального назначения (СпН) пишут и говорят много, при этом исключительно в превосходной степени. И это вполне заслуженно. Ведь еще со времен войны в Афганистане подвиги советского, а впоследствии и российского спецназа, мужество и отвага его солдат и офицеров, а также высокая результативность их боевой деятельности снискали в Советской, а затем и в Российской армии, в российском народе заслуженное уважение и восхищение. А ведь истоки этого мастерства, доблести и славы спецназа начинались еще тогда, когда о существовании в Советской армии элитных войск специального назначения не знала не только широкая общественность Советского Союза, но и большинство высокопоставленных военных чинов, которые даже не догадывались об их существовании. Ведь в советские времена лишь немногие доподлинно знали, что свои «зеленые береты» есть и в СССР.

В Вооруженных Силах Советского Союза и Российской Федерации многие силовые ведомства пытались создать структуры, подобные спецназу Главного разведывательного управления (ГРУ) Генерального штаба, и добиться в них такой же эффективности в боевой деятельности. Однако, несмотря на то, что, казалось бы, нужно лишь в точности скопировать все, что уже имелось в войсках специального назначения ГРУ ГШ и было хорошо отработано, и вновь созданные подразделения будут действовать с той же поразительной результативностью. Ан, нет. Далеко не всегда это получалось и далеко не везде давало ожидаемый результат.

Достаточно вспомнить, как в 1980 году в Афганистане пытались по спецназовским канонам подготовить разведывательные подразделения воздушно-десантных войск (ВДВ) к боевым действиям в составе небольших групп, использующих тактику войск специального назначения. С этой целью в течение трех месяцев офицеры из различных бригад спецназ Главного разведывательного управления в качестве инструкторов обучали десантников и пытались добиться повышения эффективности и результативности их боевых действий. Однако, несмотря на то, что были затрачены значительные усилия и средства, из этого мероприятия так, к сожалению, мало что получилось.

Конечно же, десантники Витебской воздушно-десантной дивизии, особенно разведчики, к тому времени уже повоевавшие с душманами в Афганистане, что-то новое взяли для себя из спецназовского опыта, но, как показала практика, взяли немного. Видимо, для того, чтобы стать настоящим спецназовцем и действовать в боевой обстановке методами войск специального назначения, недостаточно лишь прослушать, образно говоря, курс лекций по спецназовской науке побеждать. Наверное, необходимо что-то значительно большее и более сложное. Этого примитивными административными и организационными мерами достичь практически невозможно. Настоящим спецназовцем невозможно стать, образно говоря, в чистом поле. Для этого

необходима совокупность определенных условий, в которых выковываются необходимые спецназовцу качества его характера, его мастерства и сути.

Частично эта мысль, вынесенная мной в качестве эпиграфа, в сконцентрированном виде прозвучала 2002 году из уст Президента Российской Федерации В.В.Путина в ходе посещения одной из бригад специального назначения Сибирского военного округа. Владимир Владимирович, в частности, сказал: «Из тех многочисленных спецназов, которые различные силовые ведомства направляют на борьбу с бандитизмом, лучше всех демонстрирует себя спецназ ГРУ. Его показатели на порядок лучше, чем у всех остальных». В этих простых, но емких словах Президента России дана высокая оценка, суть и содержание профессии спецназовца Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации. И не умоляя значимость для нашей страны других довольно многочисленных в последнее время спецназовских структур, Президент дал свое понимание того значения, которое представляет собой для обеспечения обороноспособности нашей Родины спецназ ГРУ ГШ.

Можно было бы много написать о боевых успехах и достижениях советских и российских войск, соединений, частей и подразделений специального назначения как в Афганистане, так и в Чечне, а также в других горячих точках СССР и России. Об этом уже достаточно написано и, надеюсь, еще будет написано немало. Однако в тех книгах и публикациях о спецназе, которые приходилось читать, не всегда можно было найти ответ на вопрос, в чем же все-таки заключается секрет спецназа ГРУ ГШ ВС России. Как он взрастал и мужал, где и в чем таятся истоки его мужества и доблести, как из простых молодых ребят, пришедших в армию со школьной скамьи, получают такие солдаты-спецназовцы, которыми по праву гордится наша страна, и о которых так мог сказать Президент Российской Федерации. После таких слов Президента на память приходят строки поэта Н.С.Тихонова: «Гвозди бы делать из этих людей, крепче б не было в мире гвоздей». Хотя это было сказано и не о солдатах спецназа, но эти слова можно в полной мере и по праву отнести и к нашим спецназовцам, как прошлых лет, так и к их нынешним последователям.

О героизме у нас в России всегда много пишут, однако не всегда авторам удается написать об истоках этого героизма, о причинах того, почему люди могут преодолевать огромные трудности и, в конце концов, осознанно идти на подвиг.

Основная цель данных моих воспоминаний заключается в том, чтобы как можно точнее описать то, как служили простые советские спецназовцы 15 отдельной бригады специального назначения (обрСпН) ГРУ ГШ ВС СССР, офицеры и солдаты 70-х годов прошлого века. Как в тех мирных условиях они готовились выполнять различного рода боевые задачи Командования.

Как представляется, данная книга, временные рамки описываемых событий которой ограничиваются в основном 1974 годом – началом 1980 года, ценна не только тем, что дает представление о том, как совершенствовался и мужал спецназ в 70-х годах прошлого века, но полезна она также и тем, что освещает и сохраняет для потомков частицу истории войск специального назначения. Ее ценность также представляется, прежде всего, и тем, что молодому поколению России во всем его многообразии и молодым

спецназовцам, в частности, она дает пусть и общее, но все-таки представление о том, как мы служили, как работали над собой, как происходил процесс нашего становления, какие были у спецназовцев тех времен традиции, проблемы, трудности и победы.

Возможно, наш пример, я имею в виду легендарную Чирчикскую бригаду специального назначения, и описание того, как мы служили в те далекие уже годы, может быть полезным тем ребятам, которые сейчас служат в войсках специального назначения России, да и не только им. Уверен, кое-какой наш опыт можно будет взять для себя и многим другим нашим современникам, интересующимся проблемами войск специального назначения.

КАК БЫЛА НАПИСАНА ЭТА КНИГА

Как-то в 2001 году мой друг и сослуживец по Чирчикской отдельной бригаде специального назначения Олег Кривопапов в очередной раз, будучи в Москве проездом из Днепропетровска в Челябинск, где живут его родственники, заехал ко мне в гости. В ходе обычного для такого случая застолья Олег поведал, что он недавно начал писать книгу о советском спецназе, а вернее о Чирчикской отдельной бригаде специального назначения. Обосновывая свою мысль, Олег заявил, что, по его предположениям, это должна быть книга не о войсках специального назначения вообще, а лишь о том, что, как выразился Олег, «проходило перед глазами, когда служил в спецназе в советские времена».

А написать полковнику запаса войск специального назначения Олегу Владимировичу Кривопапову было о чем, ведь он проходил службу в Чирчикской и Псковской бригадах спецназ, а также служил в 15 отдельной бригаде специального назначения начальником политического отдела, когда она выполняла интернациональный долг в Афганистане. Будучи человеком романтического склада, исповедующим активную жизненную позицию, Олег за 30 лет своей офицерской карьеры собрал поистине богатейший личный архив о спецназе, хранил в своей памяти довольно большой фактологический материал о тех событиях и людях, которые проходили перед его глазами, а также о тех спецназовцах, кто был живой историей, гордостью и славой войск специального назначения Советского Союза.

Оказалось, в своем архиве Олег Кривопапов накопил массу различных материалов по тем соединениям спецназ, в которых пришлось служить. А во время своей командировки в Демократическую Республику Афганистан, вопреки всякого рода многочисленным запретам, он умудрился вести свой личный дневник, в который постоянно записывал все, что происходило в тот период в 15 отдельной бригаде специального назначения. Тем самым за долгие годы службы Олег собрал бесценный материал, основанный на личных впечатлениях о своей службе в различных соединениях спецназ, по их боевой учебе и боевым действиям, а также по командованию, офицерскому и личному составу тех бригад, в которых он проходил службу.

Я точно знал, что такой фактурой, какая была у Олега по спецназу, вернее в основном по 15 обрСпН, не обладал никто из тех офицеров, которые служили в этой бригаде. Такого объема материала не было ни у кого из спецназовцев, с которыми приходилось служить и общаться за долгие годы службы в Вооруженных силах Советского Союза, тем более не было ни у кого из тех, кто пытался в разные годы писать о спецназе. Однако самое главное из того, чем располагал Кривопапов, - это многочисленные документальные материалы и его личные воспоминания по боевым действиям 15 обрСпН в Афганистане. Еще раз повторю, что такого материала, в столь полном и

сконцентрированном виде не было ни у кого из наших друзей и знакомых, сослуживцев и ветеранов бригады.

Более того, после увольнения в запас Олег постоянно писал статьи в периодические издания России и Украины. В них на основе своих воспоминаний, документальных материалов, собственных дневниковых записей или со слов очевидцев он описывал события, происходившие в различных соединениях специального назначения в 70-е – 80-е годы XX века. Кроме того, отдельной темой в воспоминаниях, публикациях и статьях Олега проходили боевые действия подразделений частей и соединений советского спецназа в Афганистане.

Как правило, эти статьи отличало то, что они содержали много конкретного и очень интересного материала, прежде всего, по персоналиям участников тех событий, о которых шла речь. Этим его воспоминания и были по-настоящему ценны. Ведь они не только помогали восстановить в памяти очевидцев то, что происходило в те времена, но и позволяли сохранить для наших потомков собранную Олегом Кривопаловым правду о советском спецназе мирного времени, а также о его героических действиях в период афганской войны. Эти статьи способствовали тому, чтобы все, кто их читал, вновь и вновь возвращались к тем неординарным событиям, а очевидцы вспоминали фамилии и героические подвиги тех простых солдат и офицеров советского спецназа, о которых шла речь в статьях Олега Кривопалова. И это большое количество, прежде всего, русских и узбеков, белорусов и таджиков, украинцев и казахов, представителей других национальностей Советского Союза, именно тех простых солдат сержантов и офицеров, которые служили в спецназе в разные годы, а также принимали участие в боевых действиях в Афганистане.

И вот, имея в своем распоряжении большой собственный архив, а также достаточное количество уже опубликованных статей о войсках специального назначения, О.Кривопалов решил, что на этой основе он не просто должен, он просто обязан написать книгу о войсках специального назначения советского периода. Олег не мог не сделать этого, так как считал, что имеющиеся у него свои собственные знания, а также богатый документальный материал о спецназе должны увидеть свет, а не лежать «мертвым грузом» в его личном архиве. Эту работу он считал весьма важной и полезной как для поколения наших ровесников-спецназовцев Советского Союза, так и «в назидание последующим поколениям» наших соотечественников в России, Украине, Узбекистане, Казахстане, Таджикистане и других странах СНГ.

Идею Олега о написании книги о советском спецназе, тем более о 15 отдельной бригаде специального назначения я, конечно же, горячо поддержал. В свою очередь, Олег обратился ко мне с просьбой оказать посильное содействие в его предстоящей работе. По настоянию Олега я согласился написать для его книги страниц 15 - 20 моих личных воспоминаний о своей службе в Чирчикской бригаде специального назначения в период 1974 - 1980 годов. Кроме того, имея определенный практический опыт, я предложил ему свою помощь в редактировании текста его будущей книги.

Через некоторое время после состоявшегося разговора Олег начал периодически высылать мне те части его будущей книги, которые на тот

момент уже были им написаны. Они в основном касались афганского периода службы полковника О.В.Кривопалова. На основе прочитанных мной материалов пришлось дать автору некоторые рекомендации в плане своего понимания концепции его книги, а также сделать необходимые поправки по тексту.

Когда читал и редактировал написанное Олегом, в памяти неизменно возникали какие-то собственные воспоминания о своей службе в 15 бригаде спецназ, перед глазами всплывали, казалось бы, совсем забытые эпизоды и образы сослуживцев по Чирчику. Постепенно я проникался тем духом, которым были пропитаны воспоминания Олега Кривопалова. При этом по мере прочтения различных частей его книги я также накапливал необходимый запас эмоционального потенциала с тем, чтобы настроиться самому на написание своих собственных воспоминаний, которые можно было бы включить составной частью в книгу Олега.

Наконец, к началу 2002 года я все-таки «созрел» до такого уровня, когда можно было попытаться «изобразить» на бумаге что-то такое, что можно было бы предложить Олегу Кривопалову в качестве своих воспоминаний о годах нашей службы в Чирчикской отдельной бригаде специального назначения. А, когда начал писать, то сразу же понял, что ранее заявленным объемом в 15 - максимум 20 страниц ограничиться будет весьма и весьма сложно, так как, чем дальше, тем все больше и больше, хотелось написать о многом из того, что было в те далекие, но такие родные годы, проведенные в Чирчике. Кроме того, по мере описания тех или иных событий появлялись какие-то мысли и идеи, совершенно не относящиеся к нашей службе в спецназе, которые также хотелось бы как-то отразить на бумаге.

Однако на том этапе моих творческих исканий это были еще, образно говоря, лишь бессистемные «путевые заметки», написанные на основе отрывочных воспоминаний о днях давным-давно минувших. Ничего стройного и систематизированного на выходе к тому времени пока еще не было. Поэтому, когда 30 октября 2002 года Олег вновь приехал в Москву, порадовать его реальным результатом моей работы я еще, к сожалению, так и не смог. Но зато была твердая уверенность и решимость написать что-то хорошее и, по возможности, интересное о нашей службе в Чирчике. Об этом мы много говорили во время той памятной встречи 30 октября 2002 года, сидя за праздничным столом на кухне моей квартиры.

Помню, что в тот день Олег, как обычно, воспользовался пребыванием в столице, чтобы позвонить нескольким своим бывшим сослуживцам, проживавшим в Москве. Кроме того, была у нас с ним мысль позвонить и нашему бывшему командиру Чирчикской отдельной бригады специального назначения Герою Советского Союза, генерал-майору в запасе Василию Васильевичу Колеснику. Однако, постольку, поскольку я был в курсе дела, сообщил Олегу, что Василий Васильевич именно в тот день должен был вернуться из Владикавказа, где в Северокавказском суворовском военном училище он принимал участие в праздновании 100-летия образования Владикавказского кадетского корпуса. В.В.Колесник был приглашен на данное мероприятие в качестве почетного гостя потому, что в свое время заканчивал

Орджоникидзевское СВУ, которое в 2000 году было воссоздано во Владикавказе в качестве Северокавказского суворовского военного училища.

Учитывая то, что принимал участие Василий Васильевич в столь важном мероприятии, и встречи с друзьями во Владикавказе могли утомить его, мы с Олегом сошлись на мысли, что не совсем этично в этот день беспокоить В.В.Колесника. Ведь человек был уже в почтенном возрасте, более того, он только что вернулся домой и явно устал с дороги, поэтому, скорее всего, захочет отдохнуть и ему будет не до телефонных разговоров. С учетом этих обстоятельств, было решено, что Олег позвонит Василию Васильевичу, когда вернется домой в Днепропетровск или в следующий свой приезд в Москву. В общем, было решено, что я выберу время и позвоню нашему бывшему командиру через несколько дней, передам большой привет от Олега Кривопалова и расскажу ему последние спецназовские новости, привезенные Олегом с Украины.

Однако вечером того же дня, когда после проводов Олега Кривопалова на Курский вокзал я вернулся домой, вдруг позвонил бывший подчиненный В.В.Колесника по работе в ГРУ ГШ полковник запаса Сергей Баленко и сообщил, что Василий Васильевич после возвращения из Владикавказа скоропостижно скончался у себя дома. Это известие меня, да и всех, кто знал В.В.Колесника, до глубины души поразило своей неожиданностью. Ведь еще неделю назад многие из нас виделись с ним в ресторане гостиницы «Севастопольская», где проходило торжественное празднование 52-й годовщины образования войск специального назначения России. Тогда он был на вид совершенно здоров, бодр и весел, собирался ехать во Владикавказ, был полон планов работы на предстоящий обозримый период времени.

После скорбной для всех спецназовцев вести о внезапной кончине Василия Васильевича, наряду с горечью по поводу невосполнимой для российского спецназа утраты, какой явилась эта смерть, мы с Олегом не один раз пожалели, что не позвонили Василию Васильевичу в тот его последний в жизни день, когда он вернулся из Владикавказа в Москву, и не поговорили с ним. К сожалению, всего в жизни предусмотреть невозможно. А после смерти Василия Васильевича я много раз вспоминал и думал об этом.

На сороковинах в память Героя Советского Союза, генерал-майора войск специального назначения Василия Васильевича Колесника его сослуживцы по спецназу и однокашники по Владикавказкому суворовскому военному училищу, а также родственники приняли решение о том, чтобы общими усилиями тех, кто его хорошо знал, написать книгу воспоминаний о нем. За организационную работу по написанию и изданию этой книги взялся Сергей Баленко.

Я тоже выразил горячее желание принять участие в написании книги воспоминаний о Василии Васильевиче. Тогда мне казалось, что, имея в своем распоряжении кое-что из написанного для книги Олега Кривопалова, я смогу на этой основе, не особенно затягивая творческий процесс по времени, написать очерк собственных воспоминаний о Василии Васильевиче. Однако, как говорят в таких случаях, «скоро лишь сага сказывается, да не скоро дело делается».

Как оказалось, по моральным, а вернее чисто психологическим соображениям, мне было очень трудно не только написать, но даже приступить

к написанию своего очерка про Василия Васильевича Колесника. Когда многие из тех, кто вызвался написать личные воспоминания для книги о Василии Васильевиче, получившей в последующем название «Батя. Легенда спецназа ГРУ», уже сдавали Сергею Баленко написанные ими собственные очерки про Колесника, я все еще не мог себя заставить даже начать писать. Это, как мне кажется, потому, что мне было трудно осознать, что Вась Вась, как мы его с любовью звали в 15 обрСпН, уже не среди нас, уже не с нами. Когда же все, кто его знал, давно осознали факт его неожиданной смерти, в том числе и я, мне все-таки было почему-то очень трудно сесть и написать воспоминания о В.В.Колеснике.

В конечном итоге, безнадежно затянув все установленные сроки, я где-то в апреле 2003 года, наконец-то, нашел в себе силы и сел писать свой очерк. Когда же лимит обозначенного времени был уже полностью исчерпан, я все же закончил его достаточно быстро. После того, как мои воспоминания были отрецензированы полковником запаса А.А.Овчаровым, командовавшим 15 отдельной бригадой специального назначения после Василия Васильевича, я уже фактически самым последним из всех соавторов, привлеченных к написанию данной книги, сдал Сергею Баленко свой очерк, который назывался «О В.В.Колеснике, командире и человеке».

Правда, после того, как этот очерк был с большими потугами, в конце концов, все-таки написан и сдан в редакцию, вдруг, как говорил о подобной ситуации классик: «Остапа понесло». Меня охватил завидный творческий порыв, который не покидал меня достаточно долго и не давал возможности отвлечься ни на что другое, кроме написания своих воспоминаний о нашей службе в 15 обрСпН. Я только успевал класть на бумагу то, что хотелось написать о нашей службе в Чирчикской отдельной бригаде специального назначения.

К октябрю 2003 года, вместо ожидаемых 20 страниц для книги Олега Кривопалова было написано уже более 60. И конца творческому порыву по написанию своих воспоминаний о том, «как мы служили в бригаде спецназ в Чирчике», просто не было видно. Хотелось писать больше и больше, так как воспоминания о нашей службе меня, образно говоря, «захлестнули с головой». Этому способствовало также и то, что к тому времени я уволился из Вооруженных сил и имел возможность свободно распоряжаться своим временем.

Для того, чтобы можно было объективным и критическим «взглядом со стороны» посмотреть на все, что к осени 2003 года уже было мной написано, решил отдать рукопись на рецензию моему однокашнику по разведывательному факультету Киевского ВОКУ и сослуживцу по 15 бригаде спецназ полковнику Ф.К.Волоху, который в то время был преподавателем специальной разведки Общевоинской академии ВС РФ (бывшая Военная академия имени М.В.Фрунзе).

Федор Волох внимательно прочитал мои «путевые заметки» о Чирчикской бригаде спецназ, при этом сделал совершенно необходимые терминологические правки и уточнения по некоторым деталям описанных мной событий. Кроме того, Федор оценил прочитанное, как «достаточно интересное повествование, которое может быть интересно не только тем, кто служил в

Чирчике, и не только спецназовцам», что явилось для меня весьма и весьма важной оценкой проделанной работы.

После такой оценки Федором Волохом моих скромных потуг по изложению на бумаге своих воспоминаний пришлось рассказать ему о том, что в процессе творческих терзаний в ходе написания воспоминаний о В.В.Колеснике и 15 обрСпН пришел к выводу, что, кроме своего очерка для книги Олега Кривопалова, я решил написать свою собственную книгу о Чирчикской отдельной бригаде специального назначения. Федя Волох поддержал эту идею и вызвался, со своей стороны, оказывать посильное содействие в работе.

Правда, в ходе обсуждения этой темы Федя попытался склонить меня к тому, чтобы я написал полную, всеобъемлющую историю 15 отдельной бригады специального назначения, однако я сразу же отказался от этой идеи. Это было обусловлено тем, что я не считал себя в праве написать столь серьезную работу, прежде всего, из-за отсутствия у меня необходимых документов, фактуры и информации. Об этом я совершенно откровенно заявил Федору. При этом убедил его в том, что в настоящее время пока готов лишь откровенно и достаточно полно написать о нашей службе в Чирчике во второй половине 70-х годов XX века.

Когда и другие многие мои сослуживцы по Чирчику предлагали мне все-таки взяться за написание полной истории 15 отдельной бригады специального назначения, я всячески открещивался и уходил от этого. Ведь я не считал, что смогу сделать столь масштабную и ответственную работу. Именно поэтому в данной книге приведены в основном мои собственные впечатления и мое личное восприятие того, что происходило в нашей бригаде в тот период времени, когда мы служили в Чирчике. Именно поэтому я описывал лишь те события, которые происходили на моих глазах, а также писал лишь о тех моих сослуживцах, которые были в той или иной степени рядом. Преимущественно по этой причине, в данной книге совершенно не претендую на всесторонний и всеобъемлющий охват тех событий, которые происходили в то время с нами, тем более не «замахиваюсь» на написание истории Чирчикской отдельной бригады специального назначения. Единственное, к чему я стремился в ходе написания данной книги, так это к достоверной точности всех тех событий, о которых писал.

Так, фактически с благословения Феди Волоха, который, кроме моей супруги Ирины, стал самым первым человеком, который прочитал начальные варианты будущей книги о Чирчикском спецназе ГРУ ГШ ВС СССР, я и начал писать ее. После этого работа над данной книгой пошла настолько споро и быстро, что уже к декабрю 2003 года было написано около 150 страниц.

Постепенно к работе над книгой я стал, чем дальше, тем все больше и больше привлекать максимально возможное количество тех из моих сослуживцев по Чирчику, которые проживали в Москве и других городах России и СНГ. С многими из них до сих пор поддерживаю тесные связи и контакты, несмотря ни на какие служебные и жизненные перипетии, разделы и развалы, произошедшие за множество лет, пролетевших с тех уже далеких, в том числе и для нас, чирчикских времен.

Большинство из моих сослуживцев по Чирчику с энтузиазмом и удовольствием помогали мне в написании этой книги. Кто-то помог восстановить в памяти те или иные детали происходивших в 15 обрСпН событий, кто-то отдал мне фотографии, а кто-то просто оказывал моральную, но столь необходимую поддержку. За давностью лет, а минуло с тех пор уже добрых 30 с лишним лет, порой трудно было в точности восстановить ход многих событий, о которых хотелось бы написать, поэтому пришлось провести большую работу по выяснению у моих бывших сослуживцев интересовавших меня деталей тех или иных событий.

В этой связи хотелось бы выразить искреннюю благодарность всем тем из моих добровольных и бескорыстных помощников, как из числа спецназовцев, так и из числа людей, не служивших в спецназе, да и вообще не служивших в армии, которые, не считаясь со своим личным временем, оказывали мне помощь и содействие в обсуждении концепции и общего содержания данной книги, уточнении деталей происходивших в 15 бригаде спецназ событий, подборе различного рода материалов и фотографий, редактировании и правке текста. Без их неоценимой помощи и всяческой, пусть даже самой малой поддержки книга, скорее всего, никогда не увидела бы свет.

В этой связи, особую искреннюю, я бы сказал, дружескую благодарность хотелось бы выразить всем моим добровольным и бескорыстным помощникам: Евгению Александрову, Александру Бабенко, Сергею Баленко, Валерию Бахтию, Петру Бондарю, Федору Волоху, Николаю Губанову, Сергею Ершову, Георгию Иванову, Евгению Климовичу, Василию Васильевичу Колеснику, Екатерине Михайловне Колесник, Михаилу Колеснику, Олегу Кривопалову, Александру Латышеву, Николаю Васильевичу Лысаку, Александру Алексеевичу Овчарову, Игорю Ревину, Андрею Сидорову, Юрию Тимофеевичу Старову, Владимиру Сомову, Игорю Стодереvскому, Александру Чубарову, Юрию Широкову.

Кто-то из них сам лично брался написать пару-тройку абзацев или даже несколько страниц о том, «как это было тогда в Чирчике», что затем я мог их воспоминания вставить в нужное место книги, а кто-то помогал освежать в памяти те или иные моменты, происходившие в Чирчике. Например, Игорь Ревин и Саша Бабенко одними из первых, как говорят в таких случаях, «в цветах и красках» и далеко не в двух-трех абзацах, а на нескольких страницах расписали действия своих групп спецназ, которыми они командовали, на стратегическом учении войск Туркестанского военного округа в марте 1976 года. Чем, как можно предположить, оказали мне весьма ощутимую помощь в достоверном и точном восстановлении в памяти тех уже совершенно далеких событий. Содействие же подавляющего большинства моих многочисленных чирчикских сослуживцев заключалось в том, что они с удовольствием отвечали на возникавшие у меня различные вопросы и давали, по возможности, полные консультации или пояснения по тем делам и событиям, к которым имели непосредственное отношение. За это всем им «огромное командирское спасибо», как любил выражаться один из моих командиров.

Спецназовская специфика, романтический настрой большинства офицеров, служивших в бригаде, воспоминания о нормальной дружеской атмосфере, которая была в нашей воинской части, способствовали тому, чтобы

отойти от формального описания в хронологической последовательности тех событий, которые происходили со мной и моими сослуживцами. Однако это не всегда удавалось. И как только мое повествование скатывалось к тому стилю, который характерен для большинства прочитанных мной в разное время военных мемуаров, я выключал компьютер и прекращал писать до тех пор, пока настроение, необходимое для неформального подхода к описанию пережитых мной событий, ни приходило вновь.

Как известно, такая манера творчества, которую можно назвать не иначе как «под определенное настроение», совершенно не способствует особой «плодовитости» автора. Поэтому данную книгу я написал не так быстро, как хотелось бы. В период ее написания я заметил, что созданию особого, я бы даже сказал, специфического и романтического настроения, необходимого для того, чтобы писалось с известной степенью творчества, способствует хорошая музыка. Я заметил, что для меня многое из советской музыки было приемлемо, но, прежде всего, способствовали творчеству песни Александра Розенбаума. Так что в числе однозначных своих соавторов могу назвать многих моих сослуживцев, ну и, как правило, песни Александра Розенбаума, который не будучи моим другом или сослуживцем, но постоянно и однозначно помогал мне в написании этой книги, создавая особый творческий настрой, так необходимый мне в ходе работы над этой книгой.

Как уже говорилось выше, большое содействие в написании книги мне оказал уже упоминавшийся выше мой друг и сослуживец по 15 обрСпН Олег Владимирович Кривопапов, который делился имеющейся у него информацией по тем вопросам, которые мне были плохо известны, вызывали трудности или сомнения. Я постоянно обращался к Олегу, чтобы уточнить у него какие-то детали. Мы с ним постоянно держали связь и по телефону, и по электронной почте, а когда это было возможно, то в ходе нечастых личных встреч на московской земле, что нам обоим доставляло огромное удовольствие и радость. Олег много консультировал меня, при этом всегда делал это основательно и глубоко, используя лишь хорошо проверенные факты. Он, в частности, очень здорово помог мне в написании тех частей книги, которые касались, например, командира 15 бригады спецназ Р.П.Мосолова, а также заместителя начальника политического отдела бригады Д.В.Кондратовича.

В марте 2004 года в Москву из Украины по служебным делам приехал Игорь Стодереvский, который в Чирчикской бригаде спецназ прослужил от командира группы до командира отряда специального назначения. Примечательным было то, что сначала мы с Игорем просто служили в разных ротах одного отряда, а затем, когда я получил роту, капитан Стодереvский был командиром нашего отряда. Во время той памятной встречи Игорь рассказал мне, что привез в Москву рукопись своей будущей книги, в которой описывал историю нескольких поколений семьи Стодереvских, при этом значительная часть его повествования, естественно, была посвящена годам службы Игоря в 15 отдельной бригаде специального назначения. В этой связи я с большим интересом прочитал рукопись его воспоминаний, так как в них содержалось много фактического материала, который был очень полезен мне, прежде всего, тем, что позволил оживить в памяти и уточнить многие моменты из истории 15 обрСпН, которые мы с Игорем вместе пережили в бригаде.

Будущая книга Игоря как по задумке и ее содержанию, так и по форме изложения серьезно отличалась от того, что пытался написать я. У него это было автобиографическое изложение автором истории его семьи и своего жизненного и служебного пути. Однако именно этим-то книга Игоря Стодереvского и могла быть интересна и полезна любому читателю и мне в частности.

Хоть времени у нас с Игорем было и немного, но в ходе беседы с ним выявилось множество совпадений в наших взглядах и оценках тех значимых событий, которые происходили в Чирчикской отдельной бригаде специального назначения. Правда, было и множество «разночтений» в оценках, прежде всего, отдельных личностей и их роли в истории нашей бригады, да и в спецназе вообще. В конечном итоге, мы договорились с Игорем Стодереvским, что, когда у меня уже будет более-менее законченный или, как говорят, «читабельный» вариант моей книги, я обращусь к нему за рецензированием ее содержания.

Отдельно и особо хотелось бы сказать о той помощи, которую оказал мне давний мой друг Андрей Сидоров. Он не спецназовец, более того, он даже в армии не служил, но, будучи доктором исторических наук, преподавателем одного из престижных московских ВУЗов, Андрей, видимо, под моим влиянием тоже проникся особым интересом и особым отношением к войскам специального назначения. Он всегда с желанием откликался на мои просьбы «свежим, сторонним взглядом» взглянуть на то, что было уже написано. Так было и тогда, когда я написал статью о В.В.Колеснике для книги «Батя. Легенда спецназа ГРУ», так было и в ходе написания этой книги. Его замечания и ценные предложения так называемого «совершенно стороннего наблюдателя», как он скромно называл себя, всегда были конструктивны и полезны для меня и существенным образом отразились, если не на качестве книги в целом, то уж точно на качестве отдельных ее частей.

Естественно, что по мере того, как увеличивался фактический объем моей будущей книги, постепенно стала меняться ее направленность и самое главное ее концепция, которые, если так можно сказать, приобрели новые очертания по сравнению с тем, что задумывалось в самом начале ее написания. В конечном итоге, содержание книги стало гораздо шире, чем та фактура и те события, о которых мне хотелось написать на начальном этапе работы над ней.

Со временем я стал стремиться к тому, чтобы у различного рода читателей данной книги сложилось, по возможности, более полное представление о том, что собой представляла 15 отдельная бригада специального назначения. На этой основе они смогли бы намного лучше понять каким был советский спецназ Главного разведывательного управления Генерального штаба ВС СССР в 70-х годах прошлого века и Чирчикская бригада специального назначения, в частности. При этом мне, конечно же, не удалось охватить все многообразие тех проблем, которые были у нас в Чирчике в те времена. В этой связи многое из того, о чем можно было бы написать, пришлось оставить далеко за рамками данного повествования.

В декабре 2003 года, когда уже была написана основа книги, я решил, что, кроме воспоминаний, в нее можно было бы включить мои личные письма, которые были написаны из Чирчика моему другу по разведывательному

факультету Киевского ВОКУ Жене Климовичу. Данное решение было обусловлено тем, что, в те времена, когда я служил в Чирчике, самые объемные, содержательные и подробные письма были написаны мной именно Жене. Основную их часть, за редким исключением личностных моментов, составляло описание того, что происходило в 15 отдельной бригаде специального назначения. Как представлялось, включение в книгу этих довольно подробных и емких по своей фактуре писем позволило бы серьезно дополнить все то, что было написано о Чирчикской бригаде спецназ и нашей службе в ней на основе только моих воспоминаний.

Для того, чтобы заполучить эти письма в свое распоряжение, пришлось специально поехать к Жене Климовичу в Санкт-Петербург, где он жил после увольнения в запас из Вооруженных Сил. К моему откровенному удивлению, оказалось, что Женя на протяжении почти 30 лет хранил все мои письма, все до единого. Это было на самом деле удивительно. Удивительным оказалось также и то, что добросовестный хранитель писем Женя Климович совершенно не захотел отдавать их мне. Пришлось долго уговаривать его и, в конце концов, он нехотя, но все-таки отдал все письма тому, кто около тридцати лет назад написал их.

После прочтения своих чирчикских посланий Жене Климовичу я решил, что главу книги, в которой предполагалось их опубликовать, можно было бы назвать «Письма другу». Однако в последующем захотелось расширить рамки этой главы за счет моих писем из Чирчика моей маме Наталье Андреевне и сестре Ирине, а также Олегу Кривоपालову. В отличие от моего друга Жени Климовича, мама и Олег с пониманием отнеслись к просьбе выслать мне мои чирчикские письма. После того, как все письма, которые оказались в моем распоряжении, были набраны на компьютере и расположены в хронологическом порядке, логичным оказалось, вместо названия этой главы книги «Письма другу», озаглавить ее «Письма из Чирчика».

Я ясно отдаю себе отчет в том, что, видимо, найдется определенное количество читателей и, прежде всего, из числа моих сослуживцев по 15 отдельной бригаде спецназ, которые с определенной степенью недовольства в адрес автора могут сказать, что по рассматриваемому отрезку времени о нашей бригаде можно было бы написать намного лучше и шире. Например, можно было подробно написать о том-то или о чем-то другом. Более того, я прекрасно понимаю, что обязательно найдутся и те, кто скажет, что, например, некоторые акценты в книге смещены, так как на самом деле все было не так, как написано в этой книге, что автор упустил то-то и то-то, а роль такого нашего сослуживца написана неправильно, не точно или вообще искажена. Именно в этом плане я предвижу самые откровенные и резкие оценки в мой адрес. Однако, несмотря на то, что при написании книги я предвидел и предполагал наличие определенного количества недовольных и разного рода критиков, или вернее сказать, критиканов, однако, тем не менее, я сознательно пошел на написание этой книги.

Я взялся за ее написание, во-первых, потому, что с самого начала считал и считаю сейчас, что не мог не написать ее, так как о тех людях, с которыми мне пришлось служить надо и должно много писать. О них уже много написано и еще, даст Бог, напишут, но, мне кажется, то, что я могу сделать, я должен

сделать обязательно. Вместо меня, этого никто не сделает. Кто-то может сделать лучше меня, кто-то хуже, но я однозначно считаю, что вместо меня не сделает никто, кроме меня. Именно поэтому я и взялся за перо.

Во-вторых, приступая к написанию книги и в ходе работы над ней, я стремился к максимально возможной в моих условиях объективности изложения описываемых событий. С этой целью привлек себе в помощь большое количество своих друзей и сослуживцев, которые с заинтересованностью отнеслись к самой моей идее, поэтому всячески поддерживали и помогали мне избежать субъективизма при изложении тех или иных фактов и событий, происходивших в описываемый период в Чирчикской бригаде специального назначения.

В этом плане огромную помощь мне оказали добровольные рецензенты моей рукописи, в качестве которых выступали бывшие командиры 15 обрСпН полковники А.А.Овчаров и Ю.Т.Старов, начальник политического отдела бригады Н.В.Лысак, а также многие мои сослуживцы по Чирчику, о которых я уже говорил выше. Думаю, что их многочисленные и принципиально важные для меня замечания, предложения и советы по улучшению и расширению содержания данной книги помогли мне уйти от неизбежного при написании подобного рода мемуаров субъективизма и односторонности в изложении различных фактов и событий, происходивших в разное время в нашей бригаде.

В-третьих, я совершенно сознательно пошел на написание этой книги ради того, чтобы оставить для потомков хоть небольшую частицу богатой и многообразной истории 15 отдельной бригады специального назначения. Думаю, что только во имя этой, как мне представляется, совершенно благородной цели, можно пренебречь мнением тех, кто в той или иной степени будет недоволен тем, как мной трактуются в книге те или иные события, имевшие место в нашей Чирчикской отдельной бригаде специального назначения в 70-х годах прошлого столетия.

И, наконец, в-четвертых, всем тем, у кого по содержанию книги будет свое особое мнение или будут претензии относительно описываемых событий, хочется сказать: «Возьмите перо и бумагу или сядьте за компьютер и напишите свою книгу, где дайте собственную трактовку того, что Вы считаете у меня неправильным или ошибочным». Думаю, что это будет правильно.

По себе знаю, что критиковать всегда легко, труднее сделать что-то конкретное и хоть чуть-чуть полезное. Несколько раз именно так я отвечал тем своим коллегам-спецназовцам, которые активно принялись критиковать одну из первых книг про спецназ Главного разведывательного управления «Спецназ ГРУ» и «Спецназ ГРУ 2» С.Козлова. Да, в книгах Сергея Козлова, по моему мнению, было много, как говорят в таких случаях, «несколько не так и немного не о том». Однако всем критикам Козлова я непременно говорил: «Напишите лучше, чем Козлов, опровергните то, что считаете в его книгах неправдой, неточностью или искажением». После этих слов критические замечания в адрес автора, как правило, прекращались или уровень критики заметно понижался.

В этой связи еще раз хочется сказать всем, кто намерен критиковать меня за мою книгу: «Возьмите и напишите свою трактовку тех событий, которые происходили в Чирчике в середине – конце 70-х годов 20-го века». Ведь, как известно, только в споре рождается истина. А она, в свою очередь,

несомненно, окажется полезной для тех, кто все-таки когда-нибудь отважится написать историю знаменитой, и я бы даже сказал, легендарной 15 отдельной бригады специального назначения. Пусть добросовестные историки по праву судят, дают надлежащие оценки и расставляют акценты. Время, как известно, все расставляет на свои места.

Исходя из всего вышесказанного, хочу еще раз повторить, что в данной книге я хотел показать, или вернее отразить лишь только то, что доподлинно знал лично, чему был свидетелем или участником. При этом еще раз хочу поблагодарить всех, кто помогал мне теми уточнениями, дополнениями и правками, сделанными моими добровольными помощниками из числа моих сослуживцев по Чирчикской отдельной бригаде специального назначения.

Мой дорогой читатель! Поверьте, мне очень жаль, что в данной книге я не смог назвать все имена и фамилии десятков моих сослуживцев офицеров, прапорщиков и солдат, людей вполне достойных и заслуженных, а также не поведал о множестве важных событий, происходивших в 15 отдельной бригаде специального назначения в период времени, который охватывает данная книга. Все, что было, и все, что помнится, написать совершенно невозможно. С одной стороны, сделать это мне не позволили рамки данной книги, а с другой, - ее концепция, которая, если сказать в общем, заключается в том, что я писал только то, чему был свидетелем или то, что считал важным. Все остальное осталось, к моему великому сожалению, за рамками книги.

Тем не менее, буду искренне рад, если мои сослуживцы по 15 бригаде спецназ, спецназовцы из других бригад специального назначения, а также обычные читатели найдут возможность поделиться со мной своими соображениями, вызванными книгой, а также воспоминаниями о происходивших в Чирчикской бригаде спецназ событиях во второй половине 1974 года – начале 1980 годов.

Честно и искренне скажу, что мне было бы очень интересно узнать о том, какие мысли пришли читателю книги по поводу прочитанного, которыми они захотели бы поделиться с автором. Кроме воспоминаний моих уважаемых читателей, интересны были бы также их идеи и пожелания, которые, если у меня хватит решимости и, как говорят в таких случаях, творческого «запала», а также соответствующего рабочего настроения и решимости, можно было бы учесть и использовать в последующем, возможно, во втором издании книги.

ПЕРВЫЕ ШАГИ ПО 15 БРИГАДЕ СПЕЦНАЗ

Служба в войсках специального назначения для меня началась 6 сентября 1974 года. Именно в этот день мне довелось впервые оказаться в 15 отдельной бригаде специального назначения Среднеазиатского военного округа (САВО). Впечатления и чувства не только того дня, но и многих последующих дней начала службы в Чирчикской бригаде спецназ помнятся мне до сих пор в самых мельчайших деталях и подробностях, как это всегда бывает, когда попадаешь в новую, незнакомую, но весьма желанную для себя обстановку.

В тот день утром, получив предписание в Разведывательном управлении штаба САВО прибыть для дальнейшего прохождения службы в войсковую часть 64411, дислоцирующуюся в городе Чирчике Ташкентской области, самолетом вылетел из города Алма-Аты в Ташкент. Хорошо помню, как из Ташкентского аэропорта на такси, за рулем которого сидел очень веселый и разговорчивый пожилой узбек, добрался до Чирчика.

Когда мой веселый таксист узнал, что мне надо в ту десантную воинскую часть, которая находится недалеко от Чирчикского родильного дома, он, глядя на меня с загадочной улыбкой, несколько понизив голос, с сильным узбекским акцентом, который тогда еще был очень непривычен для меня, поведал, что мне предстоит служить «в совсем необычной десантной части».

В связи с тем, что мне было очень интересно узнать, что же простой народ в Чирчике знает о бригаде спецназ, я, сделав удивленное лицо, поинтересовался, что он имеет в виду и в чем же заключается «необычность» этой воинской части. Таксист, оговорившись, что рассказывает мне «страшную военную тайну», заявил, что в Чирчике есть три десантных воинских части, две из них - «настоящие десантники», а та, в которую еду я, – это «не совсем обычные десантники» повторился он.

Как оказалось, по заключению таксиста, от остальных эта воинская часть отличается тем, что «летом на полевые занятия ее солдаты и офицеры ходят по Чирчику в «облегченной» форме желтого цвета». При этом, собеседник, засмеявшись, заявил: «Когда у них форма новая, то из-за ее желтого цвета все они похожи на настоящих цыплят. Идут на занятия, командир впереди, а солдаты за ним вышагивают в своей желтой форме, ну, точно как цыплята. Только автоматы у них черным цветом выделяются, да еще ранцы за спинами зеленые». Вот такая, со слов таксиста, «военная тайна» про Чирчикскую бригаду специального назначения получалась.

Подъехав к воротам той воинской части, в которой предстояло начать свою офицерскую службу, я тепло распрощался с таксистом и, подхватив чемодан с вещами, подошел к КПП. Не скажу, что в свои 22 года, после окончания Свердловского СВУ и разведывательного факультета Киевского высшего общевойскового командного дважды Краснознаменного училища (КВОКДКУ) имени М.В.Фрунзе, где четыре года учебы готовил себя к службе в войсках специального назначения, я был чувствительным и впечатлительным

молодым человеком. Однако при подъезде Чирчику, и особенно при приближении к расположению своей будущей воинской части, испытал сильное, и, как мне казалось в то время, совершенно необъяснимое чувство сильного волнения. Тогда свое волнение и переполнявший меня душевный подъем я объяснял себе тем, что, наконец-то, исполнилась моя курсантская мечта после училища попасть служить в войска специального назначения. И в этой связи волнение было совершенно понятным и вполне объяснимым.

Конечно же, не знал я в то время, что именно тогда, 6 сентября 1974 года, не просто исполнилась моя страстная курсантская мечта служить в спецназе, а произошло событие, которое коренным образом определило всю мою военную судьбу, службу, карьеру и всю мою последующую жизнь. Не мог я тогда знать, что в тот период времени в принципиальном плане определялась моя судьба и не только на предстоящие пять с половиной лет службы в Чирчикской бригаде спецназ, не только на мою дальнейшую офицерскую карьеру, но и на всю предстоящую жизнь.

Знать я этого не знал, но то волнение, которое меня охватило перед приездом в 15 отдельную бригаду специального назначения, подсказывало, что с этой бригадой у меня в жизни и судьбе будет связано очень и очень многое. Глубокое осознание того судьбоносного для меня события, которое произошло в начале сентября 1974 года, пришло много позже. А в тот день было определенное волнение, которое я сам себе объяснял лишь тем, что просто сбылась та мечта, осуществлению которой я посвятил годы учебы в Киевском общевойсковом командном училище.

Тогда еще не знал, да и не мог знать молодой лейтенант, что именно с этой прославленной воинской частью и с городом Чирчиком будет также связано многое и многое в моей жизни. Именно здесь я нашел своих настоящих и преданных друзей, встретил свою любовь, здесь у меня родились дети, и именно в том родильном доме, рядом с которым и находилась наша бригада. Теперь-то я точно знаю, что в моей последующей жизни было довольно много весьма значимых событий, начало которым положил тот памятный сентябрьский день, когда я прибыл служить в Чирчик, в 15 отдельную бригаду специального назначения Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных сил Советского Союза.

Ну а тогда, когда я впервые попал в Чирчикскую бригаду спецназ, все только начиналось. Предчувствуя, что впереди у меня будет масса интересного, трудного и неизведанного, я пытался разобраться, куда же все-таки занесла меня моя военная судьба. При этом первые мои впечатления о бригаде оказались с самого начала весьма и весьма положительными.

Прежде всего, я был приятно удивлен хорошей строевой выучкой и бросающейся в глаза предупредительностью, с одной стороны, и подчеркнутой сдержанностью, с другой, в поведении сержанта-дежурного по КПП воинской части 64411, который, внимательно проверив мое предписание, сказал: «Пожалуйста, проходите, товарищ лейтенант», - при этом, как мне показалось, как-то очень уж лихо отдал честь, приложив правую руку к голубому берету.

Не скрою, сам процесс проверки документов, который, будучи довольно коротким по времени, мне очень понравился тем, что дежурный действовал, хоть и в рамках устава и инструкции дежурного по КПП, но, я бы сказал, очень

четко и молодцевато. Кроме того, в форме одежды сержанта я не заметил никаких нарушений, что мне также было приятно отметить. Под стать ему по выправке оказались и два дневальных по КПП, которые вышли из дежурной комнаты и с нескрываемым интересом рассматривали молодого лейтенанта, прибывшего в их воинскую часть. «Первое впечатление о бригаде, которое пока, правда, ограничивается лишь внешним видом и действиями наряда по КПП, довольно благоприятное, - подумал я, пройдя через проходную, - посмотрим, что окажется на самом деле. Ведь только «встречают по одежке, а провожают, как известно, по уму».

В то время, когда дежурный объяснял мне, как дойти до штаба части, через проходную прошел старший лейтенант в повседневной форме одежды. Я обратил внимание, что его брюки были мятые, грязные, сплошь в жировых пятнах, в которые намертво въелась пыль. Внешний вид этого офицера производил, честно говоря, удручающее впечатление, особенно на контрасте с чистой и наглаженной формой одежды наряда по КПП. Удручающий вид этого офицера (им оказался, как потом я узнал, начальник продовольственной службы бригады) моментально вернул меня с небес на землю и произвел определенное отрезвляющее действие. Невольно взглянув на свои новые, как говорят в таких случаях, с иголочки брюки, я подумал, что через год, а может быть даже и раньше, я также, как и этот старший лейтенант, видимо, буду представлять собой такое же жалкое зрелище.

Однако, даже беглого взгляда на тех солдат и офицеров, которые мне встретились, когда я прошел на территорию части, было достаточно, чтобы понять, что первый попавшийся мне на глаза офицер бригады, оказался фактически единственным, внешний вид которого навевал на меня определенную тоску. Порадовала меня не только опрятная форма одежды всех, кто проходил мимо, но также и то, что солдаты-спецназовцы четко отдавали воинскую честь, переходя на строевой шаг за пять метров до старшего по званию, как это требует строевой устав. Более того, воинскую честь мне, молодому лейтенанту, отдавали даже достаточно пожилые прапорщики, шедшие мне навстречу, что, как известно, очень редко встречалось в Советской армии. Во всяком случае, в нашем Киевском высшем общевойсковом командном училище (КВКУ) такого точно не было. Там, например, прапорщики отдавали честь только старшим офицерам училища, а об отдании чести младшим офицерам, тем более, молодым лейтенантам, недавним выпускникам училища, речь вообще никогда не шла.

Бросилась мне в глаза и подчеркнуто деловая атмосфера, царившая в части. Несмотря на то, что это был конец дня пятницы, когда, казалось бы, все уже должны отдыхать, везде, куда я бросал взгляд, солдаты и офицеры занимались чем-то полезным. Около расположения одной из рот строился для инструктажа новый караул, другое подразделение на плацу занималось строевой подготовкой, в бассейне, мимо которого я шел в штаб, какой-то офицер принимал у солдат зачет по плаванию, при этом примерно три десятка человек «качались» на спортивном городке.

Глядя на все это, буквально с первых минут пребывания в 15 обрСпН меня охватил совершенно необычный душевный подъем, при этом я поймал

себя на мысли, что мне здесь уже буквально все нравится, хотя я еще фактически ничего не знаю о бригаде, в которой предстояло проходить службу.

Огромную массу положительных эмоций мне добавило и то, что, подходя к штабу, я встретил Володю Чернобая, который, так же, как и я, но двумя годами раньше закончил разведывательный факультет Киевского ВОКУ. Мы оба искренне обрадовались совершенно неожиданной встрече, крепко обнялись, бурно приветствуя друг друга. Как только эмоции несколько улеглись, я сразу же напомнил Владимиру, что, когда в июле 1972 года новоиспеченный лейтенант Чернобай перед отъездом из Киева в Чирчик прощался с нами, в то время еще курсантами второго курса, я, заявил ему: «Ну, Володя, жди меня через два года, в 1974 году, в Чирчикской бригаде специального назначения». И вот моя мечта сбылась.

Чернобай, коротко выразив радость по поводу того, что мое предсказание сбылось, не задавая лишних вопросов, повел меня в штаб, при этом пояснил, что мой приезд как нельзя кстати. Оказалось, что командира 4 группы 6 роты спецназ лейтенанта Сергея Сухомлинова комбриг планирует перевести на должность старшего переводчика бригады, и он ждал лишь приезда очередного молодого лейтенанта-китаиста из Киевского ВОКУ или Рязанского воздушно-десантного училища, который мог бы заменить Сухомлинова в качестве командира группы.

Володя Чернобай провел меня прямо к кабинету командира бригады, и пока там были посетители, пояснил, что командир части полковник Мосолов Роберт Павлович в настоящее время находится в отпуске, а его обязанности исполняет начальник штаба бригады подполковник Колесник Василий Васильевич. Когда исполняющий обязанности комбрига освободился, я зашел в его кабинет и по всей форме доложил о своем прибытии в часть для «дальнейшего прохождения службы».

Подполковник Колесник вышел из-за стола, внимательно посмотрел мне прямо в глаза и, крепко пожав руку, поздравил с прибытием в бригаду специального назначения. Он сразу предупредил, что сейчас беседовать со мной не будет, так как на следующую неделю запланировано его официальное знакомство с вновь прибывшими молодыми офицерами, на котором он и побеседует с молодежью, в том числе и со мной. Увидев за моей спиной Чернобая, Колесник, как можно было понять, в продолжение ранее уже имевшего место разговора, сказал ему: «Ну, что? Назначаем его вместо Сухомлинова? Хорошо, тогда отведи молодого лейтенанта в шестую роту, к капитану Голубовичу».

Во время доклада из-за определенной и вполне естественной в такой ситуации «волнительности» момента мне не удалось внимательно разглядеть исполняющего обязанности комбрига подполковника Колесника, однако в глаза бросилась подтянутость этого моложавого офицера и ярко выраженная решительность во взгляде.

Только мы с Володей Чернобаем вышли из кабинета командира и направились к выходу из штаба части, как у двери секретной комнаты Володя остановил меня и, показывая на одного из офицеров, стоявших около входа в секретную часть, сказал: «А вот и твой будущий командир роты капитан Голубович Александр Леонидович». Я подошел к капитану Голубовичу и,

приложив руку к головному убору, доложил о том, что прибыл для дальнейшего прохождения службы уже в его непосредственное распоряжение.

Если при докладе командиру бригады мне не удалось особенно рассмотреть подполковника Колесника, то своего будущего командира роты я смог осмотреть достаточно внимательно. В глаза, прежде всего, бросилась его широкая открытая улыбка, которой он меня встретил. Она, как можно было судить, свидетельствовала о том, что А.Л.Голубович был рад прибытию в его роту молодого лейтенанта. Несколько слов, которые он произнес в качестве приветствия, также свидетельствовали о том, что он искренне обрадовался моему приезду.

Александр Леонидович был очень высокого роста и худощавого телосложения. Его руки оказались настолько длинными, что рукава его офицерской рубашки едва доходили ему до запястий. При моем среднем росте для того, чтобы в узком коридоре штаба части заглянуть ему в лицо, надо было высоко заирать голову.

После моего доклада и обмена ничего не значащими фразами стало заметно, что Александр Леонидович серьезно задумался, видимо, решая, где же ему разместить неожиданно свалившегося на него молодого лейтенанта. Однако проблему разрешил Володя Чернобай, сказав, что забирает меня к себе домой на первые пару дней. «А, там будет видно», - заявил Володя и, условившись с капитаном Голубовичем, что на службу я выйду в понедельник, мы отправились к Чернобаям домой.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ЗНАКОМСТВО С ЧИРЧИКОМ И БРИГАДОЙ

Так прошел первый день моего пребывания в Чирчикской бригаде спецназ. Ну, а вечером того же дня дома у Володи Чернобая состоялась небольшая вечеринка по поводу его недавнего возвращения из отпуска, на которой, кроме хозяев и меня, был еще офицер нашей части Ульянов с супругой. Один из тостов во время застолья был поднят и за меня, прибывшего в Чирчикскую бригаду молодого лейтенанта, за успехи в моей предстоящей офицерской службе. Теплая атмосфера дружеского застолья лишь дополнила массу положительных эмоций к тем впечатлениям о 15 обрСпН, которые у меня остались во время первого ее посещения.

После того, как гости Чернобаев разошлись, мы с Володей оккупировали кухню и долго разговаривали. Я совершенно коротко рассказал ему о том, что было в училище за два года, которые прошли после отъезда молодого лейтенанта Чернобая из Киевского ВОКУ, а он начал вводить меня в курс дел и обстановки в бригаде. Как было нам известно еще во время учебы в училище, на протяжении многих лет командованием Среднеазиатского военного округа наша бригада признавалась лучшим соединением САВО. Она, по словам Володи Чернобая, на самом деле являлась одной из самых передовых в Среднеазиатском военном округе. Кроме того, бригада была лучшей по воинской дисциплине и внутреннему порядку в Чирчикском гарнизоне, где на тот период дислоцировалось 22 воинских части, в том числе Ташкентское высшее танковое командное училище, парашютно-десантный и артиллерийский полки Ферганской воздушно-десантной дивизии, истребительный и бомбардировочный авиационные полки, полк гражданской обороны, а также другие воинские части и подразделения.

Город Чирчик, как можно было судить по рассказам Володи, в максимальной степени отвечал всем требованиям, предъявляемым к местам дислокации частей и соединений спецназ. К ним, в первую очередь, относилась имевшаяся здесь инфраструктура, и, прежде всего, первоклассный военный аэродром, на котором в то время базировались бомбардировочный и истребительный авиационные полки. Кроме того, Чирчик находился в таком районе Узбекистана, физико-географические особенности которого позволяли с максимальной эффективностью готовить личный состав бригады специального назначения к боевым действиям в различных климатических и природных условиях. Для этого бригадой использовалась межгорная Чирчик-Ангренская впадина, а также расположенные недалеко от города Угамский, Чимганский и Чаткальский горные хребты, являющиеся отрогами горной системы Тянь-Шань, степные районы Чимкентской и Джамбульской областей Казахстана, обширные пустынные участки пустынь Кызылкум и Каракумы на территории Узбекистана и Туркмении. Близость к Чирчику столь различных по своим физико-географическим особенностям районов создавала благоприятные

условия для проведения эффективной боевой подготовки подразделений специального назначения с минимальными материальными затратами и с высокой эффективностью.

Кстати, название города Чирчик, как пояснил Володя Чернобай, происходит от таджикского слова «Чорчик», где «чор» значит «четыре», а «чик» - устье. Таким образом, название можно перевести как «стоящий на устье четырех рек». Как оказалось, водных источников в городе Чирчике и его пригородах действительно много. Кроме реки Чирчик и канала Бозсу, здесь действует Чирчикский каскад гидроэлектростанций, которые используют для своей работы мощные водные потоки горных хребтов Чаткал и Коржантау.

Еще одной из примечательных особенностей 15 отдельной бригады специального назначения было также и то, что, входя в состав Среднеазиатского военного округа, на самом деле она дислоцировалась на территории Туркестанского военного округа (ТуркВО). Это стало возможным потому, что, будучи сформированной 1 января 1963 года в составе ТуркВО, 15 обрСпН при разделе в 1969 году Туркестанского военного округа на САВО и ТуркВО подчинили Среднеазиатскому военному округу как округу первого разряда, в состав которого по штату должно входить соединение специального назначения. В силу вышеназванных физико-географических условий Чирчика, а также, видимо, по материальным соображениям место дислокации бригады менять не стали, поэтому она подчинялась Разведывательному управлению штаба Среднеазиатского военного округа в Алма-Ате, хотя находилась недалеко от Ташкента, где дислоцировался штаб Туркестанского военного округа.

По словам Володи Чернобая, для людей непосвященных данное обстоятельство внешне никак не проявлялось, за исключением, может быть, того, что наша бригада получала газету Среднеазиатского военного округа «Красный боец». Кстати, солдаты и офицеры нашей бригады между собой называли подобного рода газету не иначе, как «Окопная правда», при этом войска Туркестанского округа, дислоцировавшиеся в Чирчике, получали свою «Окопную правду» - окружную газету «Фрунзевец».

Кроме того, определенным разведывательным признаком того, что наша часть не подчиняется Ташкенту, являлось также и то, что руководство бригады никогда не вызывали на окружные совещания в узбекскую столицу, не приглашали на различного рода партийные активы и тому подобные мероприятия. При этом руководство нашей бригады нечасто, но все-таки иногда ездило на крупные совещания командования в Алма-Ату, где дислоцировался штаб Среднеазиатского военного округа.

Мы допоздна засиделись с Володей, разговаривая на разные темы. Подводя итог своим рассказам о 15 обрСпН, Володя заявил: «Наша бригада очень хорошая по многим параметрам. Служить в ней очень почетно и интересно. Правда, как и в любом коллективе, у нас тоже имеются свои разного рода мелкие проблемы и трудности, с которыми со временем сам разберешься».

В свою очередь, я теперь уже достаточно подробно рассказал Володе о том, что произошло в Киевском высшем общевойсковом командном дважды Краснознаменном училище, начиная с 1972 года, когда лейтенант Чернобай уехал из Киева, а также о наших преподавателях по китайскому языку и

различным военным дисциплинам. С интересом поведал Владимиру, например о том, что начальник кафедры иностранных языков Киевского ВОКУ Карайчев, в конце-концов, получил звание полковника, чем он очень гордился. В первое время после получения этого звания, нам, курсантам, которые искренне поздравляли его с этим важным в его жизни событием, совершенно откровенно говорил: «Ребята, учите иностранные языки, и обязательно будете полковниками, как, например, я».

Володя Чернобай показал мне свой учебник китайского языка для солдат и сержантов бригады, который был написан на основе требований программы боевой подготовки частей и подразделений специального назначения по иностранному языку. В свою очередь, я дал ему посмотреть два карманных словаря, изданных Генеральным штабом Российской армии накануне русско-японской войны 1904-1905 годов, которые удалось отыскать в одном из букинистических магазинов Киева. Один из словарей, кстати, имел весьма и весьма актуальное даже для современных спецназовцев название: «Разведчику в Маньчжурии».

На следующий день, в субботу, мы с Володией поехали погулять по Чирчику, который мне сразу же очень понравился. Будучи достаточно крупным для Узбекистана городом с населением около 130 тыс. человек, он входил в число десяти наиболее развитых промышленных городов, окружавших столицу Узбекской ССР город Ташкент. Подавляющую часть населения Чирчика составляли русские, которые, в основном, работали здесь на многочисленных промышленных, в том числе и оборонных предприятиях.

Несмотря на наличие в Чирчике большого количества русских, а также заводов и фабрик, в том числе и союзного значения, он обладал своим собственным восточным колоритом, который приезжим, типа меня, сразу же бросался в глаза, особенно таким, кто раньше не бывал в Средней Азии. Местная специфика здесь просматривалась во многом, начиная с облика и архитектуры административных и жилых зданий и кончая теми запахами, которые в своем многообразии наполняли улицы города. Наиболее остро азиатский колорит Чирчика проявлялся на базаре, который являлся его деловым и торговым центром, как, в общем-то, в любом восточном городе.

Я с интересом смотрел на все, что попадалось на нашем с Владимиром пути. Все было очень интересно и непривычно. При этом на базаре поразило обилие фруктов и овощей на прилавках, за которыми стояли продавцы – в основном, экзотического вида узбеки и узбечки, зачастую старики и старушки и даже дети в национальных одеждах. Шашлык, чебуреки, манты, чучвара, которые продавались тут же, будоражили аппетит. В общем, могу сказать, что город Чирчик со всей его национальной, да и промышленной архитектурой, так же, как и наша бригада с ее спецназовской спецификой, мне понравился буквально с первого взгляда.

Утром, в воскресенье, к Володе Чернобаю домой зашел капитан Голубович, который к тому времени уже договорился о месте в офицерском общежитии для меня. Александр Леонидович предложил мне, вопреки своему указанию прибыть на службу в понедельник, приступить к работе уже в воскресенье после обеда. Он пояснил, что с понедельника начинается непосредственная подготовка бригады к итоговой осенней проверке за 1974

год, поэтому необходимо будет использовать вторую половину воскресенья для того, чтобы мне успеть подготовиться к проведению в понедельник занятий с личным составом моей четвертой группы шестой роты.

ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ В ШЕСТОЙ РОТЕ ЧИРЧИКСКОЙ БРИГАДЫ СПЕЦНАЗ

В указанное капитаном А.Л.Голубовичем время я прибыл в шестую роту бригады. В канцелярии, куда провел меня дежурный по роте, было пять офицеров. На правах старшего Александр Леонидович представил присутствующим сначала меня, а затем он, по очереди показывая рукой на каждого из сидевших за столами офицеров, познакомил меня с командирами групп шестой роты: старшим лейтенантом Сашей Тимченко и двумя Сергеем лейтенантами Золотаревым и Маковским, а также со своим заместителем по политической части лейтенантом Олегом Кривопаловым.

Помню, что мне сразу понравилась атмосфера, которая царила в ротной канцелярии во время моего знакомства с офицерами роты. Короткие характеристики, которые во время представления давал командир роты своим офицерам, в шутливой форме комментировались практически всеми присутствующими, включая и тех, о ком шла речь. И хотя Голубович, пытаясь придать определенную торжественность данному моменту, напускал на себя строгость, его усилия сводились к минимуму репликами, комментариями и замечаниями, отпускавшимися в адрес тех, о ком шла речь, что вызывало у всех не только улыбки, но и искренний, как говорят в таких случаях «дружеский солдатский смех». Многое из того, над чем тогда смеялись офицеры, мне было не совсем понятно, но атмосферу при нашем первичном знакомстве это создавало весьма благоприятную.

Затем Голубович извиняющимся, как мне показалось, тоном еще раз пояснил мне, что, как правило, по субботам и воскресеньям офицеры нашей бригады, кроме дежурных и ответственных, не работают. Однако сегодняшний день объявлен рабочим в связи с тем, что бригада начала подготовку к годовой проверке. После проверки, заявил командир роты, все получают накопившиеся за этот период отгулы и выходные.

Для меня суть речи командира роты была совершенно неожиданной и удивительной, так как я не первый день служил в армии и знал, что значат и какими бывают выходные дни для советского офицера. Более того, сам готов был работать без отдыха и выходных дней. А тут, просто какая-то несурезица получается. Когда Голубович закончил, я невольно подумал: «Да, бригада с самого первого дня продолжает меня удивлять и искренне радовать».

После этого командир роты попросил меня рассказать немного о себе. В мои 22 года рассказывать особенно было нечего, так как у меня была, в общем-то, типичная, я бы сказал, стандартная биография молодого лейтенанта-недавнего выпускника военного училища. Тем не менее, пришлось рассказать, что родился в семье военнослужащего. Отец, Александр Акимович, будучи

майором Советской армии при возвращении с работы домой на служебной автомашине погиб в автомобильной катастрофе, которая случилась по вине солдата-водителя. Когда я сказал, что в 1970 году закончил Свердловское суворовское военное училище, замполит роты Олег Кривопалов улыбнулся широкой и радостной улыбкой, резко встал со стула и со словами: «О! Настоящий уралец, земляк!» - крепко пожал мне руку. При моем упоминании о суворовском военном училище командир роты капитан Голубович заметил, что он, также как и Сергей Маковский, закончил Московское СВУ, а Александр Тимченко – Уссурийское.

На мое сообщение о том, что являюсь выпускником разведывательного факультета Киевского высшего общевойскового командного училища, Тимченко и Маковский отреагировали менее эмоционально, чем Кривопалов, но при этом просто заявили, что также закончили это же училище соответственно в 1971 и 1972 годах. Сережа Золотарев также вступил в разговор и сообщил, что является выпускником Ташкентского ВОКУ 1972 года. В свою очередь, Олег Кривопалов заявил, что закончил Свердловское военно-политическое танко-артиллерийское училище в 1972 году, а Голубович – Московское ВОКУ в 1967 году.

Поверхностный анализ, который я провел по ходу знакомства со своими будущими сослуживцами, показал, что четыре офицера шестой роты, включая меня, – выпускники различных суворовских училищ, а три командира групп являются выпускниками разведывательного факультета Киевского высшего общевойскового командного училища. В дополнение ко всему этому, двое из моих новых сослуживцев были Сергееми. Это, конечно, совершенно не имеет никакого отношения к столь важному спецназовскому делу, но тем не менее. При этом приятно было также отметить что, во время моего короткого представления будущим коллегам я еще больше утвердился в своем первом ощущении, что обстановка в офицерском коллективе роты вполне нормальная, рабочая и дружеская.

После официоза моего короткого представления и знакомства с офицерами роты Голубович вручил мне заранее подготовленную тетрадь и предложил написать конспекты для проведения завтрашних занятий с личным составом моей четвертой группы шестой роты. Сидевший за столом Саша Тимченко хмуро и с определенной долей иронии и наигранности в голосе заметил: «Вот так, Сергей Александрович, молодые офицеры в спецназе в основном начинают службу с четвертой группы в роте. Пройдет три, а то и четыре года, и Вы совершите головокружительную карьеру от командира четвертой, до командира первой группы, как это получилось, например, у меня».

Все присутствовавшие в канцелярии будто бы ждали этого замечания Александра и дружно засмеялись. По их реакции можно было понять, что данная шутка давно отработана здесь, и, как можно было судить, ею всегда встречают молодых лейтенантов - недавних выпускников военных училищ.

К моему удивлению, на слова Александра Тимченко Голубович отреагировал слишком бурно. Он буквально взорвался, что для меня оказалось совершенно неожиданным, так как первые впечатления о командире роты совершенно не указывали на то, что он человек слишком эмоциональный. При

этом я подумал, используя выражение генерала Черноты в исполнении актера Ульянова из кинофильма «Бег»: «А, ты азартен, Парамоша! А вернее, Александр Леонидович»

В свою очередь, Александр Леонидович, распалившийся от услышанных им слов Тимченко, начал, обращаясь, в первую очередь, ко мне, да и к другим офицерам роты, очень эмоционально, громко и довольно долго объяснять, что в войска специального назначения надо идти не за высокими званиями и должностями, а за романтикой спецназовской службы. При этом практически все бурно включились в дискуссию. Кто-то из офицеров роты полностью соглашался с доводами капитана Голубовича, а кто-то, возражая ему, приводил примеры своих друзей и сокурсников в других войсках, которые уже давно командуют ротами, а некоторые батальонами и готовятся поступать в Военную академию имени М.В.Фрунзе. А в это время такие, как мы, офицеры-спецназовцы, романтики и лирики по своей сути, еще даже не рассматриваются в качестве возможных кандидатов для выдвижения на должность командира роты, не говоря уже о поступлении в военную академию. Спор был хоть и жарким, но совершенно не долгим, что могло свидетельствовать о том, что данная тема обсуждалась в роте периодически. Однако, как можно было судить, сторонники и противники точки зрения капитана Голубовича так и не пришли к общему мнению.

В дискуссии офицеров для меня не было ничего нового, поэтому, подводя черту и обозначая свою позицию по данному вопросу, я заявил, что, в общем-то, эту проблему войск специального назначения хорошо знаю, и пришел служить сюда не за высокими званиями и должностями, а именно за романтикой службы, которой характеризуется спецназ. Хотя, как говорят в таких случаях, «вечно» служить в должности командира группы, честно говоря, не готов, так как считаю, что настоящий офицер должен «расти по службе», так как это вполне естественно для любого военного человека, вне зависимости от того, где он служит.

При этом совершенно искренне рассказал офицерам роты, что практически все четыре года учебы в училище, несмотря на достаточно широкие возможности после выпуска пойти в другие войска и различные службы, мечтал только о спецназе. Этому в немалой степени способствовало то, что в седьмой роте Киевского ВОКУ, в которой я учился, сформировалась довольно многочисленная и устойчивая группа изучавших различные иностранные языки курсантов, которые страстно желали после окончания училища пойти служить в войска специального назначения. Примечательно то, что одним из вдохновителей и пропагандистов спецназа в нашей курсантской роте был выпускник Минского СВУ Федор Волох, с которым мы учились в одной китайской языковой группе и который, кстати сказать, также попал служить в Чирчикскую бригаду специального назначения.

Своим новым сослуживцам я также рассказал, что в своем желании и стремлении пойти служить именно в спецназ я еще больше укрепился после войсковой стажировки, которую после третьего курса проходил в городе Эчмиадзине, в разведывательном батальоне 164 мотострелковой дивизии, дислоцировавшейся в Ереване. Несмотря на то, что войсковые разведчики того разведывательного батальона, в котором я проходил стажировку, по уровню

боевой подготовки, дисциплине и порядку и прочим параметрам были намного выше и лучше, чем их сослуживцы в мотострелковых и танковом полках этой дивизии, и мне там все понравилось, однако, тем не менее, после окончания стажировки я пришел к однозначному для себя выводу: если уж судьбой мне было определено попасть в военную разведку, то служить надо только в войсках специального назначения.

Кстати, если говорить о моей судьбе, то офицеры шестой роты в день нашего с ними знакомства с интересом также выслушали мой рассказ о том, что стажировался я как раз там, где в годы Великой Отечественной войны старшиной разведывательной роты стрелковой дивизии служил мой дедушка Калиниченко Андрей Андреевич. Он после призыва в армию в 1941 году, в возрасте 37 лет, по собственному желанию пошел служить в войсковую разведку и до конца 1942 года «ползал на пузе», как он сам выражался, в тылу у немцев, чтобы добывать «языков».

Затем их дивизию немцы «под орех», по выражению дедушки, разбили на Северном Кавказе. Ее остатки влились в один из партизанских отрядов, где дедушка командовал разведывательным взводом партизанского отряда. После воссоединения отряда с регулярной армией он вошел в состав вновь сформированной стрелковой дивизии, направленной в последствии в Ереван для прикрытия советско-турецкой границы. Дивизионная разведывательная рота, в которой мой дедушка был старшиной, дислоцировалась в городе Эчмиадзин, который он, рассказывая о своей службе в те времена, называл не иначе, как «Эчмиацзинь». Там старшина роты разведки А.А.Калиниченко и прослужил до окончания войны. Из Эчмиадзина он и уволился в запас в 1945 году в числе первых, так как ему в то время был уже 41 год, а дома его ждали жена и трое дочерей.

К сожалению, после того, как в 1985 году в возрасте 81 года дедушка Андрей умер, уже не представлялось возможным уточнить, служил старшиной разведроты старший сержант Калиниченко именно в 164 дивизии, в которой я проходил стажировку, или он служил в каком-то другом соединении. Скорее всего, после войны все воинские части и соединения, дислоцировавшиеся в районе Еревана, не единожды переформировывались и сокращались. В результате, в Ереване осталась 164 мсд, разведывательный батальон которой стоял в Эчмиадзине, где я и проходил войсковую стажировку.

В конце концов, в данном случае не так уж и важно, та ли это была дивизия и то ли это разведывательное подразделение, в котором служил мой дед. Главное, что с временным разрывом в 28 лет место службы моего дедушки и место моей стажировки – армянский город Эчмиадзин по велению судьбы полностью совпали. Совпали также его и моя воинские специальности – войсковые разведчики. Как мне представляется, просто так, случайно, без проведения свыше, сами собой такие вещи в жизни, в общем-то, не происходят.

Вот так через армянский город Эчмиадзин, вернее через подразделения войсковой разведки разных времен совершенно витиевато переплелись судьбы деда-фронтовика и меня, его внука. Справедливости ради надо сказать, что наши с ним судьбы не столько переплелись во время моей стажировки, сколько, скорее всего, моя судьба явилась продолжением судьбы моего деда Андрея Андреевича Калиниченко. Видимо, в 1970 году я после окончания

Свердловского СВУ пошел на факультет войсковой разведки Киевского ВОКУ по той самой фронтовой тропинке, которую мой дедушка Андрей протоптал, а может быть, как он любил говорить, «проползал на своем пузе» для себя и, как оказалось, для меня еще в годы Великой Отечественной войны.

Так за разговорами, проходившими одновременно с подготовкой к завтрашним занятиям, закончился воскресный день, мой первый рабочий день в 15 отдельной бригаде специального назначения. В конце концов капитан Голубович коротко поставил задачи на понедельник. При этом командир роты напомнил, что все офицеры утром должны быть на физической зарядке, вместе с подчиненным личным составом своих подразделений, и после этого отпустил всех нас со службы.

Поздно вечером, выходя из расположения шестой роты, я поинтересовался относительно того, а когда же командир роты пойдет домой. Все офицеры наперебой начали говорить, что он человек увлеченный, романтического склада характера, ярко выраженный трудоголик, при этом свою службу очень любит, поэтому «днюет и ночует в казарме». В этой связи супруге Александра Леонидовича и его детям многие офицеры части откровенно сочувствуют.

По пути к общежитию, которое находилось в непосредственной близости от части, поинтересовался у своих сослуживцев тем, что это за сержант был сегодня дежурным по роте? При этом рассказал, что когда я впервые вошел в расположение шестой роты, то на представившегося мне дежурного особого внимания не обратил, однако, когда он несколько раз заходил в канцелярию с докладами командиру роты по разным поводам, заметил, что голова сержанта была повернута в сторону Голубовича, которому он докладывал, а глаза смотрели на меня. Создавалось впечатление, что у него косоглазие, да и фамилию было трудно понять на слух.

Олег пояснил мне, что это сержант Валерий Бахтий, который в мае этого года с отличием закончил учебную школу сержантов войск специального назначения в городе Печоры Псковской области. За высокие показатели во время учебы ему, одному из немногих, вместо звания младший сержант, было присвоено звание сержант. «А косил он свой взгляд на тебя, - заметил Олег Кривопалов, хитровато улыбаясь, - потому, что, видимо, хотел получше рассмотреть своего будущего командира. Ведь сержант Бахтий является заместителем командира именно твоей четвертой группы».

Кривопалов, как и положено замполиту, дал короткую, но достаточно емкую характеристику Бахтию. Оказалось, что Валерий призывался из Алма-Аты, где он работал на заводе после того, как не прошел по конкурсу на факультет журналистики Казахского государственного университета. Ему повезло не только в том, что он попал служить в спецназ, но и в том, что в Чирчике у него жили многочисленные родственники, а в последующем сюда перебрались из Джамбула и его родители. Человек он, по словам Олега, серьезный, вдумчивый, что в основном и предопределило его направление после призыва в учебную школу сержантов специального назначения в Печорах. Войска спецназ, по словам Олега Кривопалова, Валерий очень любит, служит с удовольствием, увлеченно, хорошо усвоил программу боевой и политической подготовки по всем предметам. Именно за эти особенности

Бахтия, несмотря на его молодость, солдаты шестой роты, да и всего второго отряда, в шутку прозвали его «Отцом советского спецназа», чем Валерий втайне очень даже гордится.

Приятно было услышать из уст старшего товарища такую хорошую характеристику своему будущему подчиненному. При этом вновь поймал себя на мысли, что бригада и ее люди, офицеры и солдаты, мне все больше и больше нравятся и по-прежнему продолжают меня удивлять. Под конец первого рабочего дня я с удовольствием уже не в первый раз за сегодняшний день отметил, что мне здорово повезло в том, что я попал именно в 15 отдельную бригаду специального назначения, более того, в шестую роту этой бригады.

В общежитии, куда меня, в конце концов, определил Володя Чернобай, допоздна разговаривал с моим однокашником по Киевскому ВОКУ Федей Волохом. Мы с интересом рассказывали друг другу о том, чем пришлось заниматься, делились первыми впечатлениями о той части, в которую попали служить. Федор прибыл в бригаду на целую неделю раньше меня, поэтому уже многое успел увидеть своими глазами и имел свое собственное мнение о многих вещах, которые были для меня новыми. Он уже со знанием дела мог отвечать на мои многочисленные, и порой совершенно незамысловатые вопросы. При этом его назначили командиром группы в штабную роту, которая считалась одним из самых боевых подразделений бригады и, соответственно, комплектовалась офицерами и молодым пополнением в первую очередь.

ПЕРВЫЙ РАЗВОД НА ЗАНЯТИЯ

Утром в понедельник офицеры шестой роты, все в спортивных костюмах, были в подразделении на подъеме, а затем вместе с солдатами пробежали трехкилометровый кросс по трассе вдоль водного канала, проходившего за забором части. Во время интенсивной разминки на спортгородке, которой руководил сам Голубович, Саша Тимченко, игриво улыбнувшись, кивнул на перекладину и предложил мне показать, на что я способен. Когда я легко сделал около десяти подъемов переворотом и спрыгнул с перекладины, Голубович вслух заметил что-то типа того, что с моими физическими данными из меня может получиться довольно хороший командир группы специального назначения.

Многие солдаты шестой роты, которые находились поблизости, не прекращая делать зарядку, с интересом наблюдали, как офицеры роты с пристрастием «проверяли» мою физическую готовность, то есть готовность молодого лейтенанта к физическим нагрузкам службы в войсках специального назначения. По мимике на лицах офицеров и солдат нашей роты можно было понять, что это первое, и для меня совершенно немудреное спецназовское испытание, я успешно прошел, обеспечив тем самым основу для формирования авторитета в глазах своих будущих сослуживцев и, конечно же, подчиненных.

При этом кто-то из офицеров роты рассказал, что командир части полковник Р.П. Мосолов молодым лейтенантам после их доклада о прибытии в бригаду «для дальнейшего прохождения службы» сразу же предлагал поднять на количество раз двухпудовую гирию, стоявшую в кабинете командира. Не все лейтенанты могли поднять гирию необходимое количество раз, поэтому в последующем с периодичностью один раз в неделю заходили к Мосолову в кабинет и демонстрировали успехи в совершенствовании своей физической подготовки.

По времени физическая зарядка уже должна была бы подходить к концу, но командир роты, судя по его настрою, заканчивать ее не собирался. Олег Кривопалов как старший по должности из присутствовавших офицеров подошел к Голубовичу и напомнил, что пора бы завершать тренировку на спортивном городке, так как, кроме туалета, уборки расположения роты и утреннего осмотра личного состава, распорядком дня в понедельник предусмотрена еще и политическая информация. Александр Леонидович дал команду старшине роты сержанту Ковалю вести личный состав в расположение, а сам недовольно пробурчал, что лучше было бы, если хотя бы половину тех многочисленных часов занятий, которые выделены на политические информации и политическую подготовку, отдали бы в спецназе на другие учебные предметы и, прежде всего, на физическую подготовку.

Во время построения шестой роты на развод на занятия капитан Голубович официально представил меня личному составу четвертой группы, и

я стал на правом фланге своего подразделения. Рота заняла свое место в строю бригады. Я с интересом наблюдал за процессом построения нашей части. В строю некоторых подразделений я с удовольствием замечал своих недавних однокашников по Киевскому высшему общевойсковому командному училищу.

Когда зазвучал встречный марш в исполнении духового оркестра бригады, я был откровенно удивлен разноголосицей услышанных звуков, которые слабо напоминали музыку, тем более, встречный марш. Это было совершенно что-то невообразимое даже для неизбалованного уха молодого лейтенанта. Встречный марш в «местном чирчикском исполнении специального назначения» не шел ни в какое сравнение с тем, как его исполнял оркестр, например, в Киевском ВОКУ или в Свердловском СВУ. Для всех солдат и офицеров бригады, в том числе и для меня, слушать какофонию, добросовестно выдаваемую оркестром нашей бригады на плацу, было настоящей пыткой. Однако, другого, как видно, нам было не дано судьбой на ближайшее время.

Позже, в ответ на мой вопрос, кто-то из офицеров шестой роты рассказал мне, что по штату в 15 обрСпН оркестр не положен, поэтому в одну из групп спецназ подбираются солдаты и сержанты, которые имеют музыкальное образование или которых можно без особого труда научить играть на духовых или ударных инструментах. Поэтому много требовать от такого, считай, самодеятельного оркестра нельзя, так как это обычное боевое подразделение специального назначения, которому во время самоподготовки периодически (а точнее, достаточно редко) выделялось время для занятий, собственно, музыкой.

Глубинную причину того, почему я невольно обратил особое внимание на ужасное исполнение оркестром бригады встречного марша на первом своем разводе на занятия, я понял лишь через два с лишним года, когда меня назначили командовать именно этой, так называемой, «музыкальной группой специального назначения». И за внештатный оркестр 15 отдельной бригады специального назначения уже отвечал не кто-то другой, а лично я. Но тогда, когда мне впервые в своей жизни пришлось стоять в строю бригады на разводе на занятия и слушать ужасное исполнение встречного марша, я лишь вспомнил выражение, как нельзя кстати подходящее к той самой ситуации: «Не стреляйте в музыканта. Он играет, как умеет», - и успокоился.

После развода, перед тем, как роты бригады должны были идти на занятия, ко мне подошел один из моих однокашников по училищу, который, как и Федя Волох, уже целую неделю служил в части. В то время, когда у меня на душе была настоящая эйфория от чувства восторга и удовлетворения всем увиденным за короткий период пребывания в 15 обрСпН, мой однокашник заявил буквально следующее: «Сергея, ты просто не представляешь, в какую глубокую задницу мы с тобой попали в этой бригаде», - и начал в цветах и красках расписывать, что здесь ему не понравилось. При этом он совершенно серьезно поинтересовался, куда я собираюсь, как он выразился, «рвать когти» из Чирчикской бригады спецназ.

Я со всей откровенностью и прямоотой заявил, что приехал в Чирчик служить, и, несмотря на то, что еще ничего не успел увидеть, и тем более узнать, мне все в бригаде очень даже нравится, поэтому «когти свои рвать»

никуда не намерен, а буду служить здесь. Собеседник как-то сразу сник и отошел в сторону, видимо, размышляя о чем-то, о своем. Не буду называть фамилию этого моего сокурсника по Киевскому ВОКУ, тем более, что он впоследствии нормально служил не только в Чирчике, но и других частях и соединениях специального назначения, закончил Военную академию имени М.В.Фрунзе, стал полковником.

ВЫМПЕЛ МИНИСТРА ОБОРОНЫ СССР

Так началась моя служба в 15 отдельной бригаде специального назначения. Сразу же пришлось с головой погрузиться в учебный процесс, основным содержанием которого в тот начальный период моей службы была подготовка к сдаче итоговой осенней проверки за 1974 учебный год. В связи с тем, что бригада предыдущие несколько лет была в Среднеазиатском военном округе самой передовой воинской частью, то и командиры бригады, и командование округа рассчитывало на то, что бригада сдаст проверку в очередной раз на «отлично». Поэтому практически весь сентябрь, не считаясь со временем, офицеры и солдаты усиленно готовились к сдаче теоретических дисциплин, тренировались на стрельбище стрелять из всех имеющихся видов оружия днем и ночью, проводили полевые занятия, где отрабатывали различные способы действий разведывательных групп спецназ в тылу противника. В общем, каждый в 15 обрСпН, от солдата до командира бригады делали все от них зависящее, чтобы отлично сдать осеннюю итоговую проверку 1974 года.

Однако, несмотря на то, что все в части готовились к сдаче итоговой проверки и ни на что другое не отвлекались, подполковник В.В.Колесник, как и обещал мне при первой нашей встрече, нашел время познакомиться с молодыми лейтенантами, прибывшими в 15 отдельную бригаду специального назначения. Для проведения беседы Колесник собрал всех нас в кабинете командира части, где, кроме начальника политического отдела подполковника Н.В.Лысака, также присутствовали заместители командира бригады: по воздушно-десантной службе полковник В.А.Ленский, по тылу полковник Н.Д.Мельников.

В самом начале данного мероприятия Василий Васильевич попросил каждого молодого офицера представиться. Мы по очереди вставали со своих мест и коротко рассказывали о себе. Оказалось, что из Киевского общевойскового командного училища в 1974 году в Чирчикскую бригаду специального назначения пришло восемь лейтенантов, это В.Болдырев, Ф.Волох, Н.Ершов, А.Задорожный, А.Кормушин, И.Ревин, И.Фокин и я, из Рязанского воздушно-десантного – трое - В.Боев, Р.Латыпов, В.Устинов, из Алма-Атинского общевойскового – один - В.Бильгильдеев, из Тюменского инженерного – один - Н.Земский, из Новосибирского политического – двое - Кутишкин, А.Михайлов.

После нашего представления руководству бригады слово взял подполковник В.В.Колесник. Он сообщил, что командир 15 отдельной бригады специального назначения полковник Роберт Павлович Мосолов находится в очередном отпуске, а он, будучи штатным начальником штаба, временно исполняет его обязанности. Затем Колесник представился сам и представил нам заместителей командира бригады. Кроме того, из его выступления мы узнали,

что собой представляет наша бригада, ее основные задачи в военное время в ходе проведения фронтовой наступательной или оборонительной операции Среднеазиатского военного округа советских войск на Синьцзянском стратегическом направлении. Он также коротко остановился на предназначении основных подразделений нашей части.

Кроме того, начальник штаба бригады обратил наше внимание на необходимость строгого соблюдения режима секретности в части. В этой связи, он довел до нас ту легенду, под которой скрывалось истинное название и, естественно, боевое предназначение бригады. Колесник строго предупредил всех присутствовавших о том, что слова «спецназ», «специального назначения», которые сами по себе являются секретным, а также производные от них не должны звучать за пределами части даже среди наших офицеров и прапорщиков.

В своем выступлении Колесник особый упор также сделал на том, что мы, молодые офицеры, прибыли служить в лучшее соединение Среднеазиатского военного округа и одно из самых лучших в войсках специального назначения Вооруженных Сил Советского Союза. В качестве подтверждения он привел пример, что наша бригада первой в спецназе была награждена высшей наградой министра обороны СССР - Вымпелом «За мужество и воинскую доблесть». Бригада за успехи в боевой и политической подготовке также имела много почетных знамен и других наград партийных и комсомольских организаций различных уровней. Офицеры и солдаты бригады гордятся службой в такой части, как наша. Начальник штаба в своей речи выразил надежду, что молодые офицеры-выпускники 1974 года, прибывшие служить в бригаду, внесут достойный вклад в повышение уровня ее боевой готовности и приумножат ее славу.

Заканчивая встречу с нами, Василий Васильевич поставил молодым офицерам ближайшую задачу – сделать все от нас зависящее, чтобы сдать в подчиненных нам подразделениях предстоящую итоговую проверку за 1974 год как можно лучше с тем, чтобы бригада, как это было и раньше, вновь заслуженно получила оценку «отлично» и стала одной из лучших воинских частей Среднеазиатского военного округа.

Завершил свое выступление подполковник В.В.Колесник словами, которые мне, да, наверное, и всем присутствовавшим в кабинете молодым лейтенантам запомнились навсегда. Он сказал, что мы закончили различные военные училища, имеем неодинаковый уровень подготовки и разные оценки в наших дипломах. У кого-то они лучше, у кого-то хуже, но для успешной службы в 15 отдельной бригаде специального назначения все это особого значения не имеет. Решающая оценка работы каждого из нас, а тем более выдвижение по службе на вышестоящие должности будет производиться не по цвету дипломов и оценкам в них, а исключительно по результатам работы здесь, в нашей воинской части. Полученные в училищах теоретические знания и практические навыки являются лишь основой для будущих успехов в конкретной работе на тех должностях, на которые нас назначили.

В последующем во время службы в 15 обрСпН многим из нас не раз приходилось убеждаться в правоте этих слов Василия Васильевича. Честно говоря, за пять с лишним лет моей службы в бригаде не было ни одного случая,

когда бы офицера выдвинули на вышестоящую должность незаслуженно или представили к государственной награде не за конкретные успехи в боевой и политической подготовке, а по каким-либо другим критериям.

Во время данного мероприятия я не только внимательно слушал Василия Васильевича, но и с интересом наблюдал за ним. Единственное, что мне тогда бросилось в глаза, - это то, что он был человеком немногословным, но говорил он убедительно и, как мне показалось, достаточно интересно. Было это, вероятно, в первую очередь, потому, что в своей речи подполковник В.В.Колесник касался совершенно конкретных вещей, которыми нам необходимо было овладеть и заниматься, но которые в военных училищах практически не изучают. Кроме того, он в своей речи дал соответствующий настрой на работу и обозначил для нас вполне определенную перспективу в нашей дальнейшей службе в бригаде специального назначения.

Еще одно глубоко запавшее в мою память впечатление от речи, которую мы прослушали, относилось к той ее части, где В.В.Колесник говорил о необходимости строгого соблюдения в бригаде режима секретности. Под влиянием всего услышанного из уст Василия Васильевича, а также потому, что у нас в бригаде этому вопросу всегда уделялось самое серьезное внимание, мы, офицеры бригады, сами никогда не бравировали тем, что служим в спецназе, и приучали к этому своих подчиненных. Это сейчас, когда разгул демократии и безграничной открытости окончательно овладел народными массами и их представителями в органах законодательной и исполнительной власти, все говорят и пишут, что хотят и как хотят. А тогда, в середине 70-х годов, с режимом секретности в Вооруженных силах СССР было очень строго, а в войсках специального назначения тем более.

Когда мы вышли из кабинета командира части после беседы с подполковником В.В.Колесником, то, проходя мимо знаменной комнаты, мы уже совершенно по-другому, чем раньше, а именно с осбым почтением и гордостью смотрели на Боевое Знамя бригады и Вымпел министра обороны, на котором золотыми буквами было вышито: «Вымпел Министра обороны СССР войсковой части 64411 за мужество и воинскую доблесть, проявленные на учениях в 1972 году». Как потом оказалось, никто из нас, молодых лейтенантов, раньше не только не видел, но даже и не слышал о существовании в Советской армии наивысшей награды для воинской части, какой является Вымпел министра обороны. А теперь все мы начинали свою офицерскую службу в 15 отдельной бригаде специального назначения, которая была удостоена такой высокой чести в 1972 году.

Не знаю, как другие мои сослуживцы, а я был очень горд этим обстоятельством, несмотря на то, что к успехам теперь уже нашей бригады спецназ в прошлые годы я сам лично не имел никакого отношения. Однако после беседы с подполковником Колесником и другими представителями руководства 15 обрСпН появилось чувство, что свой определенный вклад в копилку добрых дел Чирчикской бригады специального назначения я еще сделаю.

ПОДГОТОВКА И СДАЧА БРИГАДОЙ ИТОГОВОЙ ПРОВЕРКИ 1974 ГОДА

Вот так, воодушевленные беседой с начальником штаба бригады подполковником Колесником, другими офицерами бригады, а также той атмосферой подъема, которая существовала в бригаде, особенно перед сдачей итоговой проверки, мы, молодые офицеры, с энтузиазмом продолжили готовить свои подразделения к экзаменам и зачетам по различным предметам боевой подготовки. Теоретические занятия проводились в расположении части, практические - на полигоне. Мне, нравилось то, что во время стрельб, которые проходили и днем, и ночью, солдаты и сержанты в массе своей получали в основном пятерки и четверки. Видно было, что это результат постоянных тренировок в течение всего учебного года.

Помню, как однажды во время ночных стрельб, дожидаясь своей очереди для стрельбы, солдаты моей группы, как это обычно бывает, травили спецназовские байки и не без удовольствия рассказывали мне о том, как во время предыдущей весенней проверки, ночную стрельбу в шестой роте принимал приехавший в составе комиссии Разведуправления штаба САВО какой-то пехотный полковник. Видимо, не очень представляя уровень подготовки спецназовцев, а вернее, зная достаточно низкие результаты по стрельбе в пехоте и других войсках, тем более ночью, он перед началом сдачи зачета весьма опрометчиво объявил перед строем роты, что всем тем солдатам и сержантам, кто выполнит упражнение учебных стрельб ночью на «отлично», он будет выдавать по 10 рублей из своих личных средств.

После того, как первая и вторая смены стрелявших получили пятерки, что обошлось полковнику в 60 рублей, от дальнейшего выполнения своего довольно опрометчивого обещания ему пришлось, к сожалению тех, кто еще не успел отстрелять данное упражнение, отказаться. Это было сделано, как потом шутили солдаты нашей роты «по чисто материальным соображениям». Позже, когда ночные стрельбы были закончены, а рота получила оценку «отлично», офицеры «скинулись» и вернули пехотному полковнику его деньги, при этом посоветовали впредь в спецназе не давать подобных непродуманных обещаний, так как это только в одной роте, где личного состава всего лишь 59 человек, может обойтись ему в полковничью зарплату. Ну а полученные за отличную стрельбу 60 рублей из числа так называемых «полковничьих наградных» солдаты уже утром следующего дня реализовали в буфете части, который все почему-то называли «Чепок», где с удовольствием съели гору печенья и халвы, а также выпили целых три ящика лимонада.

Стрельбу в ходе осенней проверки 1974 года шестая рота без особых усилий и напряжения сдала на «отлично», при этом отличникам никто, конечно же, предусмотрительно никаких денег и наград не платил. Пятерки также были

получены по минно-подрывному делу, иностранным армиям, политической подготовке, топографии и некоторым другим предметам.

Экзамен по китайскому языку во всех подразделениях бригады принимал капитан Т.Кривошеев, приехавший из Алма-Аты в составе приемной комиссии Разведывательного управления штаба Среднеазиатского военного округа. Как можно было судить, он творчески подошел к тому, что по экзаменационным билетам докладывали ему солдаты, сержанты и офицеры шестой роты. Кривошеев особенно не докучал нас замысловатыми вопросами и ставил оценки бойцам-китаистам с таким расчетом, чтобы рота получила по языку четверку, так как этого было достаточно для того, чтобы ей бороться за звание отличной. При этом Тимур прекрасно понимал, что за два года службы невозможно научить солдата хорошо говорить на этом очень сложном языке. Даже при условии, что к занятиям по языку в бригаде относились так же, я бы сказал, «трепетно», как и к политической подготовке, однако «натаскать» даже самого неспособного к языкам бойца на ведение элементарного допроса военнотружущего противника, вполне реально. И наши бойцы-китаисты убедительно подтверждали это во время итоговых экзаменов.

Позже, уже после сдачи экзамена, беседа с Кривошеевым, я понял, что проверяющий прекрасно знает, как трудно в обычных армейских условиях научить солдата говорить на китайском языке, ведь это не английский или какой-нибудь другой язык. Поэтому, если боец за один год службы твердо заучил порядок допроса военнопленных различных воинских специальностей и еще кое-что понимает из того, что ему отвечают, то этого, по мнению Кривошеева, было вполне достаточно, чтобы успешно выполнять в тылу противника те задачи, которые разведывательным подразделениям 15 бригады спецназ могут быть поставлены. Расчет на более высокий уровень знания языка должен предполагать более интенсивную языковую подготовку. Для этого в бригаде не было ни учебного времени, предусмотренного программой боевой подготовки бригады, ни особых условий, если не считать двух прекрасно оборудованных лингафонных классов с современным по тем временам чешским оборудованием фирмы «Тесла», предназначенным для изучения личным составом иностранных языков. Кстати сказать, как оказалось, таких лингафонных классов, какие были в нашей бригаде, как в общем-то и в других бригадах спецназ, не было в лабораториях устной речи даже в Киевском ВОКУ и Рязанском ВВДКУ.

ПЕРВОЕ СПЕЦНАЗОВСКОЕ УЧЕНИЕ

Во время сдачи проверки в бригаде ощущался высокий подъём и настрой на достижение максимального результата, который был во всех подразделениях. Как уже упоминалось выше, офицеры постоянно находились в ротах, солдаты порой не только днем, но и ночами учили и повторяли те предметы, которые надо было сдавать. Однако все знали, что определяющим, а поэтому самым важным этапом итоговой проверки будет тактико-специальное учение бригады, к которому готовились все штатные разведывательные группы спецназ, радиотелеграфисты-маломощники, радисты-центровики, автомобильная служба, а также подразделения тыла. Масштабы, организация и порядок его проведения меня лично впечатлили. Более того, могу точно сказать, что в последующие годы, вплоть до 1980 года, многочисленные учения 15 обрСпН проводились далеко не с тем размахом, с каким это было в сентябре 1974 года.

Учение бригады началось с подъема личного состава по тревоге. Когда я прибежал на плац, где стояла в строю шестая рота, Голубович был уже на месте. Доложил командиру роты о прибытии и подошел к своей группе. Мое оружие и снаряжение было под присмотром молодого солдата Агзямова. После проверки личного состава коротко напомнил своему заместителю, сержанту Бахтию, какие мероприятия необходимо будет провести по подготовке группы к выполнению задач в тылу «противника», а сам побежал в автопарк. Дело в том, что меня, как самого молодого офицера шестой роты, согласно боевому расчету бригады, назначили выполнять во время данного учения обязанности начальника пункта приема автомобильной техники (ППТ) для автомобильной службы нашей части из народного хозяйства.

Пока разведывательные роты, согласно все тому же боевому расчету, готовились к выполнению задач в тылу «противника», хозяйственные и обеспечивающие подразделения загружали материальные запасы и проводили подготовку к выезду в район сосредоточения. При этом на плацу, в автопарке и на складах части присутствовали проверяющие из округа с секундомерами для контроля выполнения временных нормативов.

Имущество, которое было необходимо для развертывания в районе сосредоточения бригады пункта приема автомобильной техники из народного хозяйства, уже было загружено в два ЗиЛ-131. Поэтому мне пришлось проверить лишь количество переходивших в мое подчинение солдат автороты и дать команду на выдвижение из автопарка, чтобы занять назначенное нам место в колонне нашей части.

Во время выдвижения колонны 15 обрСпН в район сосредоточения с интересом рассматривал Чирчик, и особенно его окрестности. Оказалось, что прав был Володя Чернобай, который в первый день моего приезда рассказывал мне о том, что здесь есть практически все географические зоны, которые можно использовать для подготовки солдат спецназа. Отъехав совсем немного от

города, мы сразу же оказались среди сопкок, которые являлись предгорным районом, расположенным впереди по маршруту движения нашей бригады.

Когда колонна вошла в район сосредоточения 15 обрСпН, который находился в предгорьях в 50 - 60 километрах от Чирчика, под руководством начальника автомобильной службы бригады капитана Хайдарова я с бойцами автороты сразу же приступил к оборудованию пункта приема автомобильной техники. Солдаты-водители соорудили эстакаду для технического осмотра прибывающей из народного хозяйства автотехники, поставили стол, разложили заранее заготовленную документацию, с моей помощью поставили две палатки, а также обозначили камнями площадку под полевой автопарк. К моему удивлению, четыре солдата из автороты действовали очень быстро, ловко и слаженно, работая за целый взвод, который по существующим нормативам должен был выделяться для организации и проведения приема автомобильной техники. Поэтому развертывание полевого ППТ не заняло много времени. Как только все приготовления были закончены, Хайдаров еще раз все осмотрел и, приказав ждать проверяющих из комиссии штаба Среднеазиатского военного округа, уехал в штаб бригады докладывать о готовности автомобильной службы к приему техники из гражданских предприятий, учреждений и ведомств.

Однако членов комиссии пришлось ждать довольно долго. Солдаты с моего разрешения успели поспать, растянувшись на земле, в тени грузовиков, после чего они предложили мне пообедать тем немудреным запасом, который был у них в машинах. После обеда бойцы, несколько бравируя своим хорошим знанием специфики подобных учений, в которых они, по их словам, принимали участие несчетное количество раз, начали выдвигать предположения относительно того, что будет в ближайшее время и как будет проходить проверка того, что мы с ними «натворили в сопках», то есть того объекта, который называется пункт приема автомобильной техники. Свои предположения они сопровождали различного рода шутками и прибаутками, которые свидетельствовали о том, что они действительно имеют достаточный опыт подобных мероприятий и относятся ко всему, что их может ожидать, с однозначно необходимым в таких случаях юмором и задором.

В общем, прогноз бойцов-автомобилистов оказался недалек от той истины, которую мы все вместе наблюдали после того, как примерно в четыре часа дня в сопровождении Хайдарова приехал один из членов окружной комиссии, также, кстати, пехотный полковник. Он ходил по пункту приема техники с очень важным видом, на что жестами и не без удовольствия обратили мое внимание солдаты-водители, тем самым подтверждая, что они были совершенно правы в своих недавних предположениях. Полковник слушал пояснения начальника автомобильной службы и задавал какие-то, на мой взгляд, ничего незначащие, я бы даже сказал, пустые вопросы.

Наконец, проверяющий обратил свой взор на меня и, поняв, что я в бригаде без года уже целую неделю, сразу же решил «задрать» молодого лейтенанта вопросами по обязанностям начальника пункта приема автомобильной техники. Бойцы же, так, чтобы полковник не видел, мимикой и жестами с улыбкой на лицах будто бы говорили мне: «Товарищ лейтенант, мы же Вас предупреждали, что будет именно так».

Благо, пока бойцы спали, я перечитал всю документацию и выучил свои обязанности. Видимо, удовлетворившись моими ответами, полковник-проверяющий подумал, что я офицер автомобильной службы бригады. Однако, когда он узнал, что я командир четвертой группы шестой роты, то выдал это капитану Хайдарову в качестве недостатка в организации пункта приема техники. Ведь я, по его мнению, давно должен быть со своей группой и готовить ее к выполнению разведывательных задач в тылу «противника». Бойцы автомобильной службы вновь жестами дали мне понять: «Полковник – хоть и настоящая пехота, а в наших спецназовских делах хоть чуть-чуть, но все-таки разбирается». Капитан Хайдаров в целях скорейшего устранения данного недостатка приказал одному из водителей, хихикающих за спиной у полковника, отвезти меня на ЗиЛ-131 в расположение шестой роты.

Голубович, увидев меня, облегченно вздохнул и сразу же наставил целую кучу задач, которые другие командиры групп шестой роты последовательно выполняли в течение всего дня. В этой связи времени на выполнение всего комплекса задач было совершенно мало. Мне предстояло за каких-то полчаса до убытия моей группы в район разведки в оперативно-разведывательном отделении (ОРО) бригады ознакомиться с боевой задачей для моей группы на ведение разведки, а также на складе топокарт получить топографические карты на район наших действий. Ну, а на все остальное в плане подготовки моей группы к ведению разведки в тылу «противника» уже просто не оставалось времени.

В связи с тем, что подразделения бригады в районе сосредоточения располагаются на большом расстоянии друг от друга, то за время, оставшееся до выезда разведгрупп из района сосредоточения, успеть сделать все необходимое было весьма трудно. Благо, Олег Кривопалов предложил свою помощь в получении карт, тем более, что он на время учения был назначен посредником ко мне в группу.

Начальник оперативно-разведывательного отделения, увидев меня, с усмешкой заметил, что уже и не надеялся встретиться с командиром четвертой группы шестой роты и хотел в этой связи записать меня «в безвозвратные потери бригады», а задачу предполагал поставить моему штатному заместителю сержанту Бахтию. После такого вступительного слова он с элементами назидания объяснил мне, что все оперативные офицеры ОРО, которые занимались подготовкой разведгрупп к учению, уже давно выполняют другие задачи, поэтому и «оператор», у которого на руководстве находится моя группа, тоже убыл из штаба. Поэтому он сам лично довел до меня задачу, оговорившись, что на войне, видимо, будут и не такие нарушения существующих инструкций и наставлений.

Поставив задачу на действия моей группы в тылу «противника», начальник оперативно-разведывательного отделения не преминул пожелать удачи на учении, однако сделал это с таким пафосом, что создавалось впечатление, будто бы от моих успехов и результатов работы моей группы зависит итоговая оценка всей бригады, Разведуправления Среднеазиатского военного округа, да и всех Вооруженных сил Советского Союза.

Прибежав в расположение своей группы, я узнал от Олега Кривопалова, что карты посредникам не выдают, их должны получать только командиры

групп. В связи с этим мне придется еще «чуть-чуть размяться и сбегать вон за ту виднеющуюся вдалеке сопку», где располагается полевой склад топографических карт бригады. Кривопалов также сказал, что попросил начальника склада не «сворачиваться» до моего прибытия. Чтобы идти четвертой группе шестой роты в районе разведки «не по памяти, а по карте» и «снимать» по ней координаты разведанных объектов, мне пришлось еще раз припустить рысью к полевому складу топографических карт.

Когда, вдоволь набегавшись еще до начала учения, я, наконец-то, получил эти злосчастные топографические карты и вернулся в расположение роты, мой личный состав уже грузился в машину. Только в кузове я отдышался и начал разбираться с тем, что сделано для подготовки к выходу группы в район разведки. По докладу заместителя командира группы сержанта Бахтия оказалось, что все необходимое, выполнено в полном объеме, за исключением того, что никто, кроме меня, не знает поставленной задачи и, естественно, район предстоящих действий личным составом заранее не изучен, как это положено было бы сделать.

Во время выезда из района сосредоточения, я, сидя в кузове ЗиЛ-131, уяснил нашу задачу и, вместе с Олегом и сержантами группы пока еще не село солнце, изучил район разведки, в котором предстояло действовать. В соответствии с поставленной нам задачей, «десантироваться» мы должны были примерно в 20:00 в нескольких километрах юго-восточнее Чимкента. При этом, ближайшая к нам граница района разведки, в котором располагалась радиолокационная станция (РЛС), место дислокации которой нам предстояло разведать и координаты доложить в Центр, находилась примерно в 50 км северо-восточнее Чимкента. То есть, только до границы района надо прошагать не менее 100 километров. Да, еще надо «пропахать» весь район разведки, чтобы найти РЛС. С учетом данного обстоятельства, а также в связи с тем, что, согласно имеющейся программе связи, Центр будет принимать наши радиogramмы вплоть до 17 часов следующего дня, можно было предположить, что времени на выдвижение в район действий и проведение разведки объекта совершенно недостаточно. Кроме того, к 18 часам группа должна будет выйти в пункт эвакуации, который также был довольно далеко от района наших действий.

Результатами уяснения задачи и оценки обстановки я поделился с Олегом. Мы оба пришли к выводу, что, если бы в нашем распоряжении был вертолет, то, возможно, группа и смогла бы выполнить поставленную задачу за отведенное время. Олег хитровато улыбнулся, при этом заявил что-то типа того, что только командиру дано право решать, как поступать в складывающейся непростой ситуации.

Уклонившись от помощи мне в принятии решения на действия группы в тылу «противника», Кривопалов, видимо, хотел проверить способность молодого лейтенанта уяснить задачу, оценить обстановку и принять единственно правильное в сложившейся ситуации решение, которое позволит однозначно выполнить поставленную задачу в отведенное время.

Я прекрасно понимал, что обстановка, вроде бы, мирная, но учение необходимо проводить в условиях, максимально приближенных к боевым. Если исходить из этого и действовать по всем принятым в спецназе канонам, то в

район разведки можно выйти лишь к концу следующего дня, особенно если соблюдать все необходимые меры безопасности и конспирации.

Вот и крутись, товарищ командир разведывательной группы специального назначения (ргСпН). Тут мне вспомнился весь тот пафос, с которым начальник оперативно-разведывательного отделения однозначно призывал меня к безусловному выполнению моей группой всех стоящих перед ней задач, а также всеобщий настрой в бригаде, который обязывал меня к безусловному положительному результату в действиях моего маленького подразделения. А это, в конечном итоге, могло должным образом, или совершенно пагубно отразиться на оценке деятельности всего личного состава 15 обрСпН в 1974 учебном году.

С учетом всех вышеперечисленных обстоятельств, я для себя уже все решил еще во время нашего выдвижения в район десантирования. Поэтому сразу же после десантирования группы, а вернее сказать, после выгрузки из автомашины в назначенном районе, я довел до личного состава поставленную нам учебно-боевую задачу по разведке радиолокационной станции противника. При этом сразу заявил, что, с учетом расстояния до района разведки и его площади, за отведенные примерно 21 час данную задачу решить практически невозможно. Однако в связи с тем, что мы просто не имеем права не выполнить задание Командования, тем более во время сдачи итоговой проверки за 1974 год, придется полностью пренебречь некоторыми условностями, которые существуют на учениях в мирное время. Поэтому нам необходимо, используя темное время суток, сделать все возможное, а может быть, и невозможное, чтобы как можно быстрее, в том числе с использованием попутного транспорта, с соблюдением мер безопасности и конспирации, не привлекая внимания посторонних лиц, выдвинуться к границе района разведки. Если обходить Чимкент по его окраине, то можно потерять непростительно много времени, так как объездной дороги вокруг города, по которой можно было бы проехать на машине, просто нет. Поэтому придется пересечь Чимкент по его восточной окраине и выйти в его северо-восточную часть, а уж оттуда, видимо, опять же с использованием попутного транспорта добираться до района разведки.

Один из радистов группы обратился ко мне с конкретным предложением, которое заключалось в том, чтобы зайти домой к его дяде, который живет на окраине Чимкента, и воспользоваться имеющимся у него мотоциклом с коляской с тем, чтобы группа быстрее могла добраться хотя бы до границы указанного района. Несмотря на то, что предложение радиста предполагало злостное нарушение, как говорят, «всего и вся», тем не менее, мне пришлось принять его. В противном случае, мы просто не сможем выйти в назначенный район, и задача по разведке объекта не будет выполнена со всеми возможными негативными последствиями для результатов сдачи проверки группой, ротой и, конечно же, всей бригадой. В общем, с молчаливого согласия всех присутствовавших, решение было окончательно принято.

Олег, как можно было понять по его весьма сосредоточенному молчанию, одобрил мое решение, но предупредил: «Смотри, Сергей, если нас обнаружат, да еще, не дай Бог, кого-нибудь из наших поймает милиция или особысты, то «банан» (то есть двойка) за итоговую проверку обеспечен не только твоей группе, но и всей нашей роте». Прекрасно понимая это,

проинструктировал всю группу, как у нас в училище говорили в таких случаях, «до скупой мужской слезы». Весь личный состав был предупрежден по их действиям на случай появления «противника», а именно из числа проверяющих из Разведывательного управления штаба Среднеазиатского военного округа, руководства нашей бригады, местной милиции, а также сотрудников военной контрразведки или территориальных органов КГБ. Правда, последнее на подобного рода учении было весьма и весьма маловероятным, но, как известно, «береженого Бог бережет», поэтому лучше лишний раз предупредить и напомнить, чем потом жалеть, что не сделал всего самого необходимого. Ситуация осложнялась также еще и тем, что, добравшись по бездорожью до Чимкента, нам предстояло пройти или проехать достаточно большое расстояние по улицам города, где нас могли поджидать всякие неожиданности, которые предусмотреть было совершенно невозможно.

В конце концов, с соблюдением мер безопасности мы добрались до Чимкента и прошли пешком по ночному городу с редкими прохожими и одиночными машинами и, в конце концов, добрались до дома, в котором жили родственники нашего радиста. Он поднялся на второй этаж трехэтажного дома, где жила семья его дяди и разбудил всех домашних. Мы в это время сидели во дворе, на скамейках и в ночной тишине слышали сквозь настежь открытые окна поднявшийся в квартире шум и возгласы радости. Вскоре радист с дядей спустились вниз и пригласили всех нас в квартиру перекусить. Родственник радиста сказал, что он уже в курсе всех проблем и прямо сейчас пригонит мотоцикл из гаража, чтобы начать перевозку. Мы с Олегом, чтобы, с одной стороны, не стеснять хозяев, а с другой, не обидеть их, заявили, что домой к ним зайдут лишь два офицера, два радиста и два сержанта группы, а остальные останутся во дворе и подкрепятся сухим пайком. Радист повел нас в квартиру, а его дядя буквально бегом побежал в гараж за мотоциклом.

Дома нас ждала тетя радиста, которая к нашему удивлению уже успела кое-что накрыть на стол и грела на плите полную кастрюлю борща. Поднимаясь по лестнице, мы договорились, что здорово обедать хозяев не будем, а в качестве подарка захватили с собой два спецназовских сухих пайка. С учетом неожиданности нашего визита, накрытый на скорую руку стол оказался просто шикарным, и мы неплохо перекусили вчерашним и очень вкусным борщом. Однако, следуя предварительной договоренности, Олег, сославшись на отсутствие у нас времени, подал команду на выход. Мы поблагодарили хозяйку за радушие и гостеприимство и вышли во двор, где бойцы с превеликим удовольствием уплетали грецкие орехи, которых дядя радиста привез для нас из гаража целый мешок. Набрав впрок полные карманы орехов, мы челночным способом по 2 - 3 человека выехали на мотоцикле в направлении района разведки. В результате, часам к двум ночи группа оказалась примерно в 20 километрах от его границы.

Даже незамысловатый расчет времени показывал, что, несмотря на предпринятые нестандартные меры, нам все равно не хватает темного времени на выдвижение в район, а уже тем более для организации и ведения разведки объекта. В этой связи надо было изыскивать еще одну возможность подъехать на автотранспорте. Глубокой ночью на пустынной проселочной дороге это оказалось делом непростым. Поэтому мы, действуя по принципу: «На Бога

надейся, а сам не плошай», ускоренным шагом двигались в нужном направлении.

Однако и здесь нам повезло, так как примерно через полчаса пути сзади показались огни идущей по дороге автомашины. Я подал команду всем укрыться на обочине с задачей, если это машина посредников, то организованно и быстро «улепетывать» на заранее указанный мной пункт сбора, подальше от гарантированной двойки группе и роте по тактико-специальной подготовке за год, а сам вышел на дорогу, чтобы попытаться остановить машину.

Я прекрасно понимал, что не всякий шофер остановится на пустынной дороге для того, чтобы подвезти военного с оружием, да еще в непривычной для простого гражданского взгляда специальной форме, которую за ее желтый цвет мы называли «песочкой». Однако то были совершенно спокойные и безмятежные времена, когда в Советском Союзе никто ничего не боялся даже ночью, и шофер ЗИЛ-130 с полуприцепом, увидев поднятую мной руку, сбавил скорость и остановился. Объяснил водителю, что нам надо, и буквально через минуту вся группа уже ехала в кузове машины в нужном нам направлении.

Таким образом, передвигаясь в основном на попутном транспорте, к рассвету мы, наконец-то, вышли в район разведки. Будучи посредником, Кривопалов на одном из коротких привалов поинтересовался, что я намерен теперь предпринять, ведь времени все равно оставалось очень мало. С учетом жесткого лимита времени, особенно расслабляться действительно было некогда, так как на весь комплекс мероприятий по выполнению поставленной задачи нам оставалось всего менее десяти часов. В этой связи, исходя из особенностей ландшафта, решил вывести группу в то место, которое, с одной стороны, обеспечивало бы скрытность ее расположения, а с другой, было бы недалеко от центра района. Это позволяло, оставив на дневке только радистов с радиостанциями и, возможно, охрану для них, силами разведывательных дозоров в составе двух человек буквально «прочесать» максимально возможную площадь за оставшееся до конца учения время. Для использования классических методов поиска объекта разведки в районе с такими большими размерами у нас просто не было никакой возможности. Олег одобрил мой план, и мы с ним по карте выбрали подходящее для дневки место, куда я и вывел свою группу к утру.

После короткого завтрака оставил на дневке Олега Кривопалова, двух радистов и одного молодого разведчика, а остальных разделил на разведывательные дозоры по два человека, определил им направления ведения разведки и всем поставил одну и ту же задачу: скрытно выдвигаясь в указанных направлениях, выявить наличие радиолокационной станции «противника», определить ее плоские прямоугольные координаты и вернуться на базу с таким расчетом, чтобы до 17:00 успеть дать шифртелеграмму в Центр. Мы хорошо знали, что имевшуюся в группе станцию ЭРРС-1 «Элипс», предназначенную для обнаружения РЛС «противника», использовать было практически невозможно, так как искать предстояло не реальную радиолокационную станцию, а лишь ее имитацию, в качестве которой в лучшем случае могла использоваться армейская радиийная машина или, например, кунг какой-нибудь авторемонтной мастерской.

Мне же пары не досталось, поэтому я решил действовать самостоятельно. Проанализировав местность по карте, я выбрал, по моему мнению, наиболее вероятное направление, на котором могла располагаться радиолокационная станция. Ведь радиолокационные средства могут находиться лишь на господствующих над местностью высотах. Я понимал, что данное обстоятельство обязательно должен учитывать посредник из разведывательного управления штаба САВО, который определял место для РЛС. Как потом оказалось, мое предположение подтвердилось, так как наш объект разведки находился именно там, куда отправился я.

Однако, с учетом того, что до предполагаемого мной района дислокации радиолокационной станции оказалось примерно 12 - 15 км, то для того, чтобы успеть ее найти и вернуться на дневку, надо было туда и обратно выдвигаться практически бегом. Поэтому, передвигаясь, где бегом, где шагом, пришлось фактически полностью пренебречь даже элементарными мерами безопасности и конспирации, чтобы хотя бы добраться до нужного района, где могла располагаться эта злополучная радиолокационная станция противника.

Совершенно понятно, что, хоть это и было учение, но командование бригады и проверяющие из округа, как это обычно бывает на всякого рода учениях, могли ездить где-то по дорогам, и на достаточно открытой местности им было легко заметить идущего и, тем более, бегущего человека. Но мой расчет был на то, что увидеть-то меня можно было, однако поймать тяжело. В этом же ключе я перед выходом разведдозоров с места дневки в очередной раз, как говорится, «до настоящих слез» проинструктировал всех своих бойцов, сделав резюме, - «живыми не сдаваться». При этом я был полностью уверен, что все солдаты и сержанты точно выполняют мой приказ.

Пробежав и прошагав около восьми километров, вдруг вдалеке увидел одного спецназовца без снаряжения, лишь с автоматом в руках, двигавшегося ускоренным шагом в мою сторону. Видимо, он также заметил меня, и мы пошли навстречу друг другу. Когда мы встретились, оказалось, что это сержант из разведывательной группы первого отряда, которой командовал мой однокашник по училищу Игорь Ревин. Его группе назначили тот же объект разведки, что и у нас, только десантировали его группу в совершенно другом районе.

Командир группы Игорь Ревин, учитывая лимит времени, также, как и я, принял решение провести разведку района силами небольших по составу разведывательных дозоров. Сержант, подчиненный Игоря, показывая обозначения на карте и хорошо видимые объекты на местности очень толково разъяснил, где находится эта злосчастная радиолокационная станция, которую ищем не только мы, но и еще, как минимум две группы из первого отряда. Сам сержант ее искал, как он выразился, «в отрыве от главных сил группы» с самого утра, и, наконец, нашел. РЛС находилась на господствующем над всей окружающей местностью одном из склонов того оврага, в котором мы с ним встретились. При этом сержант показал точкой на карте место дислокации объекта, но пояснил, что РЛС располагается так «мудро», что увидеть ее можно, лишь на достаточно близком расстоянии, для чего необходимо пройти еще примерно пять километров вперед по склону огромного оврага.

Казалось бы, в этой ситуации осталось лишь точно записать координаты объекта с карты сержанта, и можно возвращаться. Однако я решил все-таки найти эту РЛС, потому что сержант мог не очень точно нанести станцию на карту, и в этой связи координаты ее расположения могли оказаться неточными.

С учетом этого мне пришлось продолжить путь к заветной цели, для чего прошел и пробежал еще километра четыре по противоположному по отношению к объекту разведки склону оврага пока, наконец, не увидел радионую машину и армейскую палатку, которые, как можно было понять, изображали радиолокационную станцию «противника». Как и указывал тот толковый сержант из группы Игоря Ревина, РЛС действительно находилась на господствующем над всей окружающей местностью противоположном склоне широкого оврага. От меня до станции по прямой оказалось чуть более двух километров, но в бинокль объект был виден прекрасно, чему также способствовал обращенный в мою сторону скат оврага.

Прежде, чем определять координаты РЛС, пришлось, заняв укрытие в кустах, сначала отдышаться, а затем, используя бинокль, глазомер и навыки, полученные в училище, «привязать», как говорят топографы, объект разведки к карте, то есть точно нанести точкой его местоположение на карту. Этому в большой степени способствовало то, что рядом с радиолокационной станцией была окраина небольшого казахского аула, а также пересечение грунтовых дорог, точно обозначенное на карте. В результате, «привязка» объекта была произведена. Однако лишь после того, как у меня не осталось никаких сомнений в том, что она максимально точная для данного масштаба карты и условий, в которых эта работа производилась, начал определять координаты разведанного объекта.

Определив координаты станции и перепроверив их еще раз, записал значения по «Х» и «Y» на обрезе карты и буквально бегом ринулся назад, на дневку группы, так как оставалось слишком мало времени до окончания учения, а следовательно, и до прекращения работы приемо-передающего центра бригады, а также пункта управления начальника разведки (ПУНР) Среднеазиатского военного округа.

Когда я приближался к месту дневки группы, Олег Кривопалов, видимо, увидев меня в бинокль, побежал мне навстречу. После того, как мы встретились, Олег коротко рассказал, что все, разведывательные дозоры, которые к этому моменту уже вернулись на базу, на своих маршрутах разведки ничего не нашли. Успокоил его тем, что я обнаружил эту злополучную РЛС.

Когда мы подходили к месту дневки, все солдаты и сержанты группы встали и смотрели на нас с Олегом взглядами, содержащими один вопрос: «Ну, что? Нашли?» «Видишь, как все волнуются и ждут от тебя результат?» - спросил Олег.

Сержант-радист из роты связи, видя издалека наши радостные лица, побежал к нам навстречу с листом бумаги в руках. Олег пояснил, что радисты заранее зашифровали текст радиограммы в Центр об обнаружении объекта и ждали лишь моего возвращения, чтобы вписать координаты обнаруженного объекта в шифртелеграмму. Заблаговременная подготовка разведывательного донесения была совершенно необходимой мерой, так как, согласно программе

связи, до конца работы приемо-передающего центра нашей бригады и ПУНРа штаба САВО оставалось всего 20 - 25 минут.

Здесь хочу заметить, что меня в немалой степени удивило то, что радист нашей группы вежливо отказался от моего участия в завершении процесса шифрования телеграммы. Он, сказав, что сделает это сам, и лишь попросил у меня карту, на обороте которой были карандашом написаны полные прямоугольные координаты объекта разведки. Когда я попытался включиться в процесс подготовки сообщения в Центр, сержант уже решительно и твердо сказал, что сделает это сам. Олег отвел меня в сторону и объяснил, что я еще не допущен к шифрам, поэтому пусть сержант-радист сделает все необходимое самостоятельно, тем более, что Олег уже проверил содержание телеграммы и правильность ее шифрования.

Лимит времени вынудил всю группу переживать за конечный результат нашей работы, которым должен являться доклад в Центр о результатах выполнения поставленной разведывательной задачи. В этой связи второй радист держал радиостанцию в развернутом состоянии, а два разведчика помогали ему сориентировать по сторонам света антенну и противовес радиостанции.

Мы с Олегом стали за спиной у радиста и с тревогой наблюдали за его работой. Он, по указанию своего сержанта-радиста, сделал одну попытку связаться с приемо-передающим центром бригады, но когда с первого раза связь на Чирчик не «продавилась», сержант крикнул: «Все, времени совсем не остается, «дави» на Алма-Ату!» При этом он, взяв в руки компас, дал команду помогавшим ему разведчикам изменить положение антенны и противовеса и сориентировать их точно на восток, в направлении пункта управления начальника разведки Среднеазиатского военного округа.

Буквально с первой «потычки», как говорят в таких случаях радисты, связь «продавилась» с высоким качеством, что даже совершенно не потребовало никаких повторений в передаче в Центр нашей телеграммы. Радист с довольным выражением лица, которое красноречиво свидетельствовало об удовлетворении от выполненной задачи, доложил, что наша радиограмма ушла в Разведывательное управление штаба САВО, а также, что квитанция на нее получена. Это сообщение вызвало искреннюю радость у всех разведчиков. После короткого приема пищи и проверки оружия и снаряжения я повел группу в район эвакуации. Так закончилось мое первое спецназовское учение.

Когда вечером этого дня уже в офицерском общежитии обсуждалось проведенное учение 15 обрСпН, оказалось, что, кроме моей группы и группы Игоря Ревина, разведгруппа Виктора Боева тоже была нацелена на ту же самую радиолокационную станцию. Однако в связи с тем, что их группы десантировали не так далеко от района разведки, как мою, у них были более менее благоприятные условия для организации о ведения поиска объекта разведки. Однако, тем не менее, и этим группам пришлось вести разведку столь большого по площади района разведки с использованием большого количества дозоров в составе 1 - 2 спецназовцев. Игорь и Виктор к нашему общему удовлетворению также выполнили поставленные задачи на учении, чем внесли хоть и малый, но все-таки достойный вклад в общее дело борьбы за отличную

оценку своим группам, ротам и, естественно, бригаде по результатам сдачи итоговой осенней проверки за 1974 учебный год.

Виктор Боев рассказал, что он имел прекрасную возможность вместе с двумя разведчиками скрытно подобраться к импровизированной радиолокационной станции «противника» на минимальное расстояние. Поэтому, спрятавшись в кустах, чтобы охрана РЛС и посредники из Разведывательного управления штаба САВО не заметили их, Виктор смог очень точно снять координаты объекта разведки и также незаметно покинуть место расположения РЛС.

Когда мы уже в общезнании сравнили его и мои данные, то оказалось, что по «У» географические координаты у нас совпадали, а по «Х» разнились лишь на 50 метров. Ясно было, что Боев, действуя по принципу: «Я знаю, я разведал, я подползал», имел прекрасную возможность очень точно определить координаты РЛС. Поэтому еще до официального разбора результатов учения, основываясь на координатах, которые снял Виктор Боев, я уже мог предположить, что по точности определения координат объекта разведки к нашей группе претензий не будет, так как, несмотря на довольно большое расстояние, на котором радиолокационная станция находилась от меня, ее координаты удалось определить достаточно точно.

Глубокой ночью перед тем, как заснуть, поймал себя на мысли, что, несмотря на жуткую усталость во всем теле, в голове постоянно «вертится» песня про японских самураев у реки, и особенно та часть этой песни, где говорится, что «разведка доложила точно». Так, повторив про себя несколько раз слова о том, что «разведка доложила точно», я и заснул богатырским сном с чувством усталости и удовлетворения задостояно выполненный служебный долг.

ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ ПРОВЕРКИ ЗА 1974 УЧЕБНЫЙ ГОД

О том, что на самом деле «разведка доложила точно» офицеры и прапорщики 15 отдельной бригады специального назначения узнали во время подведения итогов сдачи проверки за 1974 год и разбора результатов проведенного тактико-специального учения бригады. Как и положено в разведке, только тогда, во время разбора, мы, наконец-то, были посвящены в общий замысел учения, состав и дислокацию противоборствующих сторон, а также задачи по ведению разведки «противника», которые были поставлены командиру 15 обрСпН и отдельным ее подразделениям. До этого разбора командиры младшего звена, а командиры групп в особенности могли знать лишь боевые задачи своих разведывательных групп.

Как мы и предполагали, для создания условий, максимально приближенных к боевым, к участию в учении были привлечены довольно большие силы, изображавшие условного «противника». Как оказалось, достаточное количество автомашин с офицерами штаба округа и бригады колесили в районе проведения учения, пытаясь выявить те группы, которые при выполнении поставленных им задач на учении пренебрегали мерами безопасности и конспирации. Однако им так никого не удалось, в общем-то, выявить и тем более задержать. Кого-то посредники видели издалека, на обочине какой-то дороги обнаружили чьи-то следы, и можно было предполагать, что, исходя из местоположения точки выброски и нахождения района разведки, это могла быть группа специального назначения лейтенанта такого-то. Однако, как говорит известная поговорка, «не пойман – не вор».

Во время разбора учения бригады действия разведывательных групп спецназ оценивались по нескольким параметрам, основными из которых были скрытность ведения разведки, количество и информативность направленных в Центр радиogramм и точность определения координат разведанных объектов. При этом в пример другим командирам групп докладчик, генерал-майор Ф.И.Гредасов, поставил двух молодых офицеров: лейтенанта В.Боева и меня. Гредасов особо отметил, что у Виктора координаты объекта разведки в точности совпадали с истинными, а у меня было расхождение на 50 метров лишь по «Х», а по «Y» координаты были реальными. При этом, с учетом того, что Виктору удалось подобраться вплотную к РЛС, а я снимал координаты с расстояния более двух километров, то у меня точность определения координат также была весьма и весьма высокая.

Именно тогда, во время подведения итогов учения бригады я добрым словом вспомнил полковника Емцева, старшего преподавателя военной топографии Киевского высшего общевойскового командного училища. Это был в высшей степени эрудированный, высоко подготовленный в военном отношении и очень интеллигентный человек. Он сумел привить нам, его подопечным, любовь к своему предмету, который для нас среди множества

дисциплин, изучавшихся в Киевском ВОКУ, был далеко не главным. Однако Емцев с таким интересом, увлеченностью и любовью преподавал нам военную топографию, что его любовь к этой науке невольно передавалась и курсантам. Практически каждое занятие он, с учетом той темы, которую предполагалось пройти, начинал с разъяснения того, как твердое знание данной темы занятий может способствовать успешному выполнению боевых задач, поставленных тем разведывательным подразделением, которыми нам придется командовать в будущем. В результате, топографией все мы занимались с большим интересом, а общий оценочный балл по этому предмету был у нас намного выше, чем по другим дисциплинам. В последующем, когда я служил в войсках специального назначения, да и в других войсках, в различных условиях обстановки не единожды мысленно благодарил полковника Емцева за его вклад в дело овладения будущим спецназовцем необходимыми твердыми практическими знаниями по военной топографии.

Подведение итогов сдачи осенней проверки 1974 года в Чирчикской бригаде спецназ, как уже упоминалось выше, проводил начальник разведки штаба Среднеазиатского военного округа генерал-майор Ф.И.Гредасов. Как только это стало известно в нашей части, я вспомнил, что в свое время, не далее, как месяц назад, я должен был представляться Ф.И.Гредасову в Алма-Ате, когда прибыл в Разведывательное управление штаба САВО после окончания училища. Однако из-за занятости по службе он меня не смог принять, поэтому тогда мне пришлось ограничиться беседами с начальником отдела специальной разведки Разведуправления полковником Е.В.Воиновым. И вот только теперь в Чирчике мне представилась возможность увидеть своего прямого начальника. Кроме его оценки результатов сдачи 15 обрСпН итоговой проверки за истекший учебный год, всем нам пришлось прослушать доклад Ф.И.Гредасова о боевом составе и дислокации вооруженных сил КНР на территории Синьцзянского военного округа.

Честно надо сказать, что доклад мне очень понравился, а докладчик меня просто поразил тем, что он наизусть знал весь боевой состав и дислокацию войск противника на Синьцзянском стратегическом направлении. Кроме того, он поразил нас, молодых лейтенантов тем, с какой легкостью генерал-майор Гредасов оперировал достаточно сложными для произношения китайскими географическими названиями и именами собственными, которые он хорошо знал, правильно произносил и уверенно показывал на карте. Для нас, офицеров-китаистов, китайские географические названия, которые мы слышали из уст начальника разведки Среднеазиатского военного округа, были известны, знакомы и привычны хотя бы потому, что мы знали китайский язык. При этом глубокое знание Ф.И.Гредасовым вооруженных сил КНР и китайской специфики здорово контрастировало с примитивизмом множества тех людей, тем более всякого ранга начальников, которые не знали даже малой доли того материала, которым свободно оперировал начальник разведки САВО. Мы-то, командиры групп, имели массу наглядных примеров того, как тяжело давалась нашим солдатам, да и некоторым офицерам вся эта китайская грамота и прочие премудрости, которые необходимо было учить наизусть по предмету «Вооруженные силы иностранных государств». Поэтому генерал, который, не будучи китаистом, очень хорошо знал весь этот материал и свободно им

оперировал, вызывал искреннее уважение у всего личного состава нашей бригады и особенно у офицеров-китаистов.

Много позже мне рассказал кто-то из наших начальников, что, когда Федора Ивановича Гридасова назначили начальником разведки штаба Среднеазиатского военного округа, он, вместо того, чтобы из Москвы лететь в Алма-Ату самолетом, поехал поездом и трое суток пути использовал для того, чтобы с помощью взятой с собой научной и художественной литературы выучить наизусть все, что могло ему пригодиться на новой, весьма ответственной должности. При этом во время своего доклада по дислокации ВС КНР в полосе наступления Среднеазиатского военного округа, который генерал-майор Гредасов сделал командующему САВО генералу армии Н.Г.Лященко на одном из первых своих окружных учений, Федор Иванович выглядел так, словно на должности начальника разведки округа он уже прослужил достаточно длительное время.

К общему удовлетворению офицеров, прапорщиков и солдат наша шестая рота по результатам боевой и политической подготовки в 1974 учебном году стала отличной. Моя группа также получила оценку «отлично», однако, я искренне считал, что моей личной заслуги в столь высокой оценке работы моей группы было совсем немного. Это был тот результат, которого добился в основном мой предшественник командир группы Сергей Сухомлинов, сержанты Петров и Бахтий, а также весь личный состав четвертой группы шестой роты.

По завершении служебного совещания, на котором подводились итоги сдачи проверки бригады за 1974 год, офицеры и прапорщики с довольными выражениями на лицах толпой выходили из клуба части. Когда мы с Голубовичем и Кривопаловым остановились у входа, поджидая других командиров групп нашей роты, к нам подошел Федя Волох и, довольно крепко пожав мне руку, с улыбкой и с намеком на шутку заявил, что я и Витя Боев, в связи с тем, что наши фамилии упоминались в докладе начальника разведки округа, имеем перспективу в скором времени стать лучшими командирами групп бригады.

Я в ответ, улыбнувшись, лишь смущенно пожал плечами, а Голубович, как мне показалось, слишком уж остро отреагировал на шутку Федора. Александр Леонидович назидательно и строгим тоном начал ему буквально выговаривать что-то относительно того, что именно нам, еще совсем молодым и неопытным офицерам, необходимо будет сделать и чем именно еще надо будет овладеть, чтобы стать просто настоящими командирами групп специального назначения, не говоря уже о звании лучших командиров групп специального назначения в нашей части. Федя сразу понял, что «его шутку здесь не совсем точно оценили», поэтому он хоть и сделал вид, что внимательно слушает назидания старшего, более опытного товарища, но, пользуясь тем, что было много народу, предпочел побыстрее ретироваться.

А тем временем Александр Леонидович все с тем же запалом, с каким он только что выговаривал Федору, с таким же успехом переключился на меня и еще долго рассказывал по пути в роту, чему мне еще надо научиться, чтобы стать настоящим командиром группы специального назначения. Это я, как можно было предвидеть, и без него хорошо знал и понимал. Однако капитан

Голубович, как я расценил тогда, «читал мне свои назидания» для того, чтобы его подчиненный, еще совсем молодой, я бы сказал совсем «зеленый» лейтенант, с самого начала службы в бригаде не начал, образно говоря, задирать нос от совсем небольшого успеха, которого удалось добиться в ходе первого спецназовского учения. Суть рассуждений Голубовича сводилась к тому, что сдача итоговой проверки и отличные результаты учения - это конечно успех, которым надо гордиться, но все-таки настоящие успехи – это те, которых постоянно удастся добиться в ходе социалистического соревнования групп спецназ, вне зависимости от того учения это или простые плановые занятия. В общем основная мысль Голубовича сводилась к тому, что постоянная работа с подчиненным личным составом – это залог настоящего успеха в нашем деле.

ЧЕТВЕРТАЯ ГРУППА СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ ШЕСТОЙ РОТЫ 15 БРИГАДЫ СПЕЦНАЗ

С первого дня пребывания в 15 отдельной бригаде специального назначения я, как и другие мои коллеги, командиры групп и рот бригады, все рабочее время проводил со своей группой, ведь в период подготовки к итоговой проверке мы были на работе практически с раннего утра и до самого позднего вечера. Домой офицеры нашей части приходили только спать, да и то, если в этот день не было ночных стрельб или ночных полевых занятий по тактико-специальной подготовке. Утренняя зарядка, плановые занятия, самоподготовка, даже служба во внутреннем наряде или карауле – все это было направлено на то, чтобы подучить, подработать, отточить, подштудировать все то, что необходимо было сдавать в ходе осенней итоговой проверки. Свободного времени, как такового, не было ни у кого, ни у солдат, ни у нас, офицеров бригады.

Естественно, что такой режим работы предоставил нам, молодым лейтенантам, прекрасную возможность, чтобы за короткий промежуток времени хорошо изучить своих подчиненных. Интенсивные занятия в классах, на тропе разведчика, в поле, на учебном городке или на стрельбище создавали нам хорошие условия, чтобы я, как командир группы, мог узнать и понять, кто из солдат и сержантов, что собой представляет, и на что способен в различных условиях обстановки.

В ходе проведения занятий по политической подготовке, иностранному языку, минно-подрывному делу, иностранным армиям и другим, так называемым, «теоретическим дисциплинам программы боевой подготовки», как их называл капитан Голубович, сразу же выявилась та часть бойцов моей группы, которая обладала хорошей общеобразовательной подготовкой и, следовательно, имела твердые и достаточно глубокие теоретические знания по различным предметам боевой подготовки. С этими моими подчиненными работать было, в общем-то, легко и просто.

Вторая часть моих бойцов – это те ребята, которые в силу различных причин и обстоятельств не имели достаточной общей подготовки и поэтому им трудно давались те предметы, которые предполагали запоминание больших объемов различной информации. Таких ребят было немного, но они были. И им приходилось уделять больше внимания, предоставлять возможность дополнительных занятий, «прикреплять» к ним кого-нибудь из сержантов или хорошо успевающих солдат с тем, чтобы они могли по тому или иному предмету «подняться» до необходимого уровня знаний.

На занятиях по физической подготовке или практических полевых занятиях, например, по тактико-специальной подготовке, которые предполагали весьма значительные физические нагрузки, мою группу также

можно было условно разделить на две части: те солдаты, кому «все было по плечу» и те, кто испытывал затруднения, порой серьезные, если приходилось в полном боевом снаряжении «днями и ночами бегать по сопкам в окрестностях Чирчика».

В общем, могу сказать, что моя группа была вполне боееспособным подразделением, способным выполнить любые боевые задачи в тылу противника. Однако наиболее подготовленными разведчиками были сержанты Валерий Бахтий и Петров, старшие разведчики ефрейторы Джумабаев и Карл Раскин, а также разведчики Водогрецкий, Агзямов, Парпиев, Николай Васин, Мирошников.

Кроме того, здесь хотелось бы упомянуть всех бойцов нашей роты, которые, не смотря на более, чем 30-летнюю историю, все-таки остались у меня в памяти: Абдукаримов, Абилов, Агзямов, Виктор Агиевич, Алдабаев, Аравин, Атяжев, Валерий Бахтий, Бовкун, Бондарчук, Николай Васин, Вафин, Александр Вобликов, Водогрецкий, Воробьев, Воронцов, Глаголев, Гребнев, Григорьев, Дегинис, Дегтярев, Джаркимбеков, Джумабаев, Доминас, Ринат Зарипов, Зырянов, Игнатенко, Исаев, Исачев, Коваль, Александр Коробейников, Костиков, Красников, Кузнецов, Эдвин Кула, Ладанов, Лысак, Маметов, Матухнов, Мирошников, Мотькин, Нижегородов, Овчинников, Орехов, Оракбаев, Парпиев, Петров, Сергей Пиков, Приезжев, Разговоров, Ракитин, Раннев, Карл Раскин, Расулметов, Симушов, Скворчевский, Фомин, Хабибулаев, Чура,.

АВТОРИТЕТ КОМАНДИРА

После сдачи проверки, и особенно после окончания учения, я почувствовал, что отношение ко мне, молодому офицеру спецназа, серьезно изменилось к лучшему как со стороны офицеров роты, так и со стороны солдат и сержантов. Уж не знаю, что Олег Кривопалов рассказывал командиру роты А.Голубовичу и другим командирам групп о моих действиях на учении, но они постепенно перестали показывать мне, что чего-то не знаю или не умею. Тем более, что я постоянно надоедал всем командирам группы нашей роты, задавая интересовавшие меня вопросы, а также просил командира роты получить в секретке различные учебные пособия, чтобы разобраться с той или иной теоретической или практической проблемой.

Солдаты же моей группы, как можно судить, постоянно очень внимательно, я бы даже сказал, придирчиво наблюдали за мной и, естественно, делали свои однозначные выводы о том, кто и как ими командует. Как потом я узнал, в солдатской среде в войсках специального назначения учеба курсанта в военном училище, тем более еще в общевоинском училище, не считалась в качестве настоящей спецназовской службы, поэтому на молодого командира группы специального назначения, лейтенанта, недавнего выпускника любого военного училища здесь всегда смотрели весьма критически. Говоря в общем, в этом был свой практический смысл, ведь в спецназе от командира группы или командира роты зависит очень и очень многое и, прежде всего, качество выполнения поставленных боевых задач, а может быть и жизни подчиненных. Понимая это, я старался сразу же заявить о себе как о достойном командире группы. А ведь солдатское уважение к офицеру формировалось и во время обычных плановых занятий, и на учениях, и во время несения службы в нарядах. В общем, в ходе повседневной жизни и службы молодого офицера.

Ни для кого не является секретом то, что завоевание авторитета командира группы специального назначения происходило, в частности, и на спортгородке. Мне в этом отношении было довольно легко, так как, в отличие от многих офицеров, свободно делал более 10 подъемов переворотом, и на дистанциях кроссов мог дать значительную фору большинству офицеров и солдат, считавшихся настоящими спецназовцами. Говорю о своей физической подготовке отдельно не только потому, что она в спецназе всегда была на высоте, и считалась одним из основных аспектов деятельности спецназовца и спецназовского подразделения, но также и потому, что для меня лично она всегда имела особое, чисто психологическое значение.

Дело в том, что в свое время, когда в феврале 1968 года я учился в девятом классе Свердловского суворовского военного училища, у меня был весьма важный для всей последующей армейской службы, да и всей последующей жизни поучительный случай. Тогда, в феврале 1968 года я оказался единственным суворовцем из всего училища, кто какой-то очередной московской комиссии проверку по физической подготовке сдал на двойку. Как потом мне объяснил наш офицер-воспитатель майор В.И.Минаев, это

произошло, вероятно, потому, что за несколько месяцев, предшествовавших тому злополучному зачету, я вырос не много, ни мало на 11 сантиметров. А в таких условиях, конечно же, ни о какой силе и ловкости молодого суворовца речи быть не могло, поэтому и результат был столь плачевный.

Несмотря на достаточно убедительное объяснение случившегося майором Минаевым, я все равно сильно переживал постигшую меня неудачу, но на будущее для себя сделал из этого жизненного весьма важного урока много полезных выводов. Со временем об этой двойке многие, конечно же, успешно забыли. Я даже проверил это у своего однокашника по Свердловскому СВУ Валеры Александрова, который через 30 лет после этого памятного для меня события, совершенно не помнил о нем. Да, видимо об этом случае забыли все, кроме меня. Поэтому в Свердловском суворовском и Киевском общевоинском училищах, и особенно в спецназе, своей физической форме и подготовке я всегда уделял самое серьезное внимание, так как тот «срыв» на зачете по физической подготовке в Свердловском СВУ постоянно довлел надо мной и никогда не давал расслабиться.

Еще одним из аспектов авторитета командира является его умение организовывать работу своих подчиненных. Примером тому может служить, например, командир нашей бригады, так как сразу же после окончания итоговой проверки за 1974 год командир бригады полковник Р.П.Мосолов, как и обещал, своим приказом объявил для всей воинской части 64411 несколько дней выходных, вместо тех суббот и воскресений, в ходе которых в период подготовки к сдаче проверки весь личный состав упорно и плодотворно работал. В этой связи, и офицеры, и солдаты бригады получили возможность хорошенько отдохнуть.

Трудно поверить, но у меня, самого молодого офицера нашей роты, получилось целых пять выходных дней подряд. И это притом, что и 6 рота, и моя группа в это время ходили в караул, а также выполняли различные работы во время парко-хозяйственного дня и просто отдыхали. Но, тем не менее, это правда, я, молодой лейтенант отдыхал целых пять дней подряд.

Я заостряю внимание читателя на этом только потому, что не везде в войсках было именно так, как в нашей бригаде. Как известно, к режиму труда и отдыха в армии отношение всегда было весьма и весьма специфическое, но командир бригады полковник Р.П.Мосолов на такие, казалось бы, жизненные мелочи обращал самое серьезное внимание. Предоставляя подчиненным все, что им было положено по штату, в том числе и выходные, в результате, он имел полное моральное право требовать от них такой же полной отдачи в повседневной службе и работе. В конечном итоге, авторитет командира бригады еще больше укрепился.

Можно представить то искреннее удивление, которое охватило лейтенанта Лешу Хмеля, моего однокашника по Киевскому училищу, но закончившего инженерный факультет и служившего в Чирчикском парашютно-десантном полку Ферганской воздушно-десантной дивизии, когда, гуляя по городу в рабочий день я встретил его бегущим куда-то по своим делам. Я совершенно искренне рассказал ему, что после сдачи проверки бригады получил целых пять дней выходных и вот использую их, чтобы насладиться отдыхом. Алексей, видимо, мне так до конца и не поверил. Наверное, он

подумал, что я его просто на просто разыгрываю. Однако все было именно так, как я рассказал.

Завершение сдачи осенней проверки ознаменовалось для шестой роты еще и тем, что командира роты капитана Голубовича направили на учебу в Москву на десятимесячные курсы «Выстрел», а роту в этой связи принял старший лейтенант Сикорский. Однако покомандовал он нашей ротой буквально месяц-полтора, после чего шестую роту принял командир первой группы нашей роты старший лейтенант Александр Тимченко, что было всеми командирами групп шестой роты воспринято с большим энтузиазмом и пониманием.

Кроме того, согласно новому приказу по части о мерах по усилению легендирования истинного назначения бригады и названий ее подразделений, наша шестая рота стала по номеру седьмой, так как порядковые номера теперь присваивались не только ротам спецназ, но и ротам связи обоих отрядов специального назначения. Роты связи теперь запрещалось называть таковыми. В результате, в составе первого отряда были 1, 2, 3 и 4 роты, а второго – 5, 6, 7 и 8 роты. Девятой ротой стала рота радио- и радиотехнической разведки бригады.

«УНИВЕРСИТЕТЫ» ЧИРЧИКСКОГО СПЕЦНАЗА

Сразу же после сдачи бригадой осенней проверки для выпускников военных училищ 1973 - 1974 годов были организованы ежегодные сборы молодых офицеров, которые в нашей офицерской среде назывались «спецназовскими университетами». На сборах в течение двух месяцев с офицерской молодежью нашей бригады проводились занятия по всем предметам боевой подготовки подразделений спецназ. Многие из того, что читалось, оказалось для нас новым, и мы с интересом слушали лекции, которые читали командир, его заместители, офицеры штаба и начальники различных служб бригады, а также писали различного рода контрольные работы и отрабатывали летучки по отдельным воинским дисциплинам.

Занятия проходили в классе командирской подготовки бригады, окончательное оборудование которого было закончено незадолго до итоговой проверки 1974 года. Занимался его оформлением капитан А.Л.Голубович, вместе с группой так называемых «народных умельцев» из числа солдат и сержантов всей бригады, умеющих хорошо рисовать и имеющих способности к различного рода художественно-оформительским работам. Одним из самых маститых умельцев был боец из моих подчиненных разведчик ефрейтор Водогрецкий.

Класс командирской подготовки для офицеров бригады был оборудован с любовью и размахом, как и многое другое, за что брался в нашей части Александр Леонидович Голубович. Чувствовалось, что в класс командирской подготовки он вложил часть своей души. На стенах висели красивые стенды и плакаты, на которых отражались положения из инструкции по применению частей и соединений специального назначения, касающиеся способов действий спецназа в тылу противника. Кроме того, часть стендов была посвящена организации и вооружению иностранных армий. На стене, противоположной от трибуны, у самого потолка, висел девиз советского спецназа: «Любое задание, в любом месте, в любое время».

Мы, молодые офицеры бригады, с большим интересом занимались теми предметами учебной программы, которые были запланированы в рамках сборов молодых офицеров бригады. Это было обусловлено, в основном, тем, что если оперировать, так называемыми «общечеловеческими ценностями», то приобретение новых или совершенствование имеющихся знаний, а тем более профессиональных – это благо для любого человека, тем более для того, который дает заявку на то, чтобы стать настоящим профессионалом своего дела. Тем более, что многое из того, что мы проходили, для большинства из нас, лейтенантов, недавних выпускников военных различных военных училищ, было совершенно новым и интересным, так как в училищах курсантам, как правило, дают лишь общие знания, необходимые будущему офицеру, а конкретику своей профессии он постигает уже на месте, в той воинской части, в которой проходит свою офицерскую службу.

Естественно, что к началу сборов молодых офицеров, несмотря на небольшой период времени, который мы находились в части, нам удалось, в определенной степени, ознакомиться с тем многим, что было совершенно недоступно в период обучения в военных ВУЗах. Однако в ходе учебных сборов мы на плановой основе ликвидировали те пробелы в знаниях, которые еще, несомненно, были у нас. На плановой основе, последовательно переходя от одной темы к другой, от одного предмета программы боевой подготовки частей и соединений спецназ к другому мы постепенно постигали то, чего нам недоставало в ходе обучения в различных военных училищах.

Как мне представляется, одним из основных достоинств данных сборов, кроме уже упомянутых, было то, что в силу сложившейся в ходе их проведения обстановки мы активнейшим образом обсуждали все учебные темы, которые изучались во время занятий. Кроме того, на самоподготовке каждый из нас был волен высказаться по любому вопросу и мог рассчитывать на то, что его обязательно выслушают. Правда, это совсем не значило, что с высказанными мыслями или идеями сослуживцы обязательно могут согласиться. При этом, естественно, что различные, порой острые и непримиримые дискуссии разворачивались не только по профессионально значимым темам, вопросам или поводам, но и, как говорят в таких случаях, на темы, совсем отвлеченные от специфических проблем спецназовской службы.

При этом, надо отметить, что в периодически, но достаточно часто возникавших дискуссиях, а порой и спорах был один положительный момент, который сразу же бросился мне в глаза, да и не только мне одному. В ходе обсуждений различных проблем и во время дискуссий каждый из нас в той или иной степени проявлялся как человек, как офицер, как командир и как спецназовец, наконец. И это было, хоть и побочной, но весьма немаловажной особенностью этих сборов, которая, с одной стороны, конечно же, помогала всем нам глубже разобраться в той или иной спецназовской или совершенно неспецназовской проблеме, а с другой, прямо или косвенно способствовала тому, чтобы глубже изучить своих будущих коллег, с которыми придется работать и тесно взаимодействовать по различным аспектам службы в Чирчикской бригаде специального назначения долгие годы.

Внимательный читатель, видимо, уже догадался, к чему я его постепенно склоняю или, вернее сказать, потихоньку подвожу. Для тех, кто из читателей уже догадался, могу лишь подтвердить: «Правильно, далее речь пойдет о том, кто из молодых офицеров бригады и каким образом проявился во время этих сборов молодых офицеров». Данный аспект службы, а вернее сказать, межличностных отношений, в 15 отдельной бригаде спецназ также имел место быть, как, в общем-то, и в любом другом нормальном воинском или любом другом коллективе.

Как уже упоминалось выше, в начале 70-х годов, теперь уже прошлого века, советский спецназ и 15 отдельная бригада специального назначения, в частности, комплектовались офицерами-выпускниками, в основном, двух военных училищ: Рязанского высшего воздушно-десантного дважды Краснознаменного училища (РВВДКУ) имени Ленинского комсомола, где был факультет специальной разведки и Киевского высшего общевойскового командного дважды Краснознаменного училища имени М.В.Фрунзе, в котором

существовал факультет войсковой разведки. И, если сборы молодых офицеров мы в Чирчикской бригаде спецназ называли «спецназовскими университетами», но в сугубо узком смысле этого слова, то в широком смысле «спецназовскими университетами» можно назвать именно эти два военных училища: Рязанское ВВДКУ и Киевское ВОКДУ.

Не знаю, как в других бригадах специального назначения, но в Чирчике с самого начала своей службы я, да и многие другие молодые офицеры, наши ровесники, почувствовали, что между представителями именно этих двух училищ четко обозначилось определенное соперничество, противоборство и конкуренция и даже борьба за право первенства и лидерства. Ведь в 15 обрСпН основную массу молодых командиров групп составляли киевляне и рязанцы, при этом выпускников Киевского ВОКУ не только в Чирчике, но, как мне известно, и в других бригадах спецназ было значительно больше по количеству. При этом, как можно судить, вся эта так называемая «игра» или «борьба» в основном развивалась на фоне недавнего выпуска из училищ, и чем дальше мы уходили от выпуска из училищ, тем все меньше и меньше чувствовалась это соперничество и борьба между выпускниками различных училищ.

Мне, например, всегда было интересно наблюдать за вполне естественным стремлением офицеров-выпускников именно этих двух училищ тем или иным способом зарекомендовать себя с лучшей стороны. Это совершенно естественно и похвально. Такое стремление, как представляется, надо всячески поощрять, так как оно создает в коллективе дух здорового соперничества, дух соревнования, что, в конечном счете, благотворно сказывается и на уровне боевой подготовки, и на всех других аспектах деятельности воинской части или отдельных ее подразделений.

Наиболее наглядно этот дух соперничества впервые проявилось, пожалуй, на этих самых сборах молодых офицеров. Ранее, до сборов, мне лично оно совершенно не бросалось в глаза и никак не проявлялось. При чем, заявиться на роль однозначных лидеров в нашей бригаде сразу же попытались рязанцы. Они по всякому поводу, да и без такового, а порой и в совершенно навязчивой форме стали всячески подчеркивать, что они закончили факультет именно специальной, а не какой-нибудь другой разведки и именно Рязанского высшего воздушно-десантного училища, а не какого либо другого училища. Именно поэтому в силу своего основного базового образования они якобы стоят на голову выше офицеров-выпускников всех других военных училищ. И именно благодаря данному обстоятельству они однозначно могут рассчитывать на безусловные успехи в работе и, что самое главное, на прекрасные перспективы по службе в нашей бригаде, да и в войсках специального назначения вообще. Однако многие из киевлян, как, в общем-то, и выпускники других военных училищ с такой безапелляционной постановкой вопроса совершенно не намерены были соглашаться и мириться.

Конечно, рязанцы в вопросах специальной разведки были подготовлены намного лучше всех остальных. И это вполне естественно. Они хорошо знали тактику подразделений спецназ в различных видах боевых действий, хорошо знали минно-подрывное дело, имели опыт совершения прыжков с парашютом, чем рязанцы по праву очень гордились. Всем этим нам, киевлянам, да и выпускникам других военных училищ, еще только предстояло овладеть.

Однако, справедливости ради, могу сказать, что, например, у выпускника нашего Киевского ВОКУ Феди Волоха уже тогда, в 1974 году, было 43 прыжка с парашютом, которые он совершал еще во время учебы в Минском СВУ. Это, кстати сказать, примерно в два раза больше, чем у выпускников Рязанского воздушно-десантного училища. Федя Волох, прыгал с парашютом не только в Минске, но уже будучи курсантом Киевского ВОКУ, так как в ходе войсковой стажировки в Чучковской бригаде специального назначения он был допущен к прыжкам с парашютом. Такого большого количества прыжков, как у Феди, не было ни у кого даже из рязанцев, закончивших десантное училище.

Говоря в общем и подводя черту под вышесказанным, можно констатировать, что уже на сборах молодых офицеров-выпускников в 1974 году обозначилась нормальная здоровая конкуренция и соперничество между молодыми офицерами 15 отдельной бригады специального назначения, которые, в основном, велись между киевлянами и рязанцами за право называться лучшими. Эта конкуренция и соперничество проявлялось во всем, начиная от чувства гордости за то военное училище, которое каждый из нас закончил, и, кончая множеством разнообразных аспектов службы, где каждый из нас пытался показать себя с наилучшей стороны.

Эти сборы молодых офицеров и наша последующая служба красноречиво показали, что многие из тех, кто не был по образованию спецназовцем, оказались готовы в кратчайшие сроки овладеть всеми многочисленными премудростями специальной разведки, в том числе и прыжками с парашютом, и еще очень многим и многим, что необходимо настоящему спецназовцу. Ведь, ничего сверхсложного и необычного в этом спецназовском ремесле, в общем-то, нет, что в последующем убедительно подтвердила практика. Необходимо лишь желание и любовь к тому делу, которым приходится заниматься.

На контрасте с тем, что рязанцы в лучшую сторону выделялись по специальным дисциплинам, нам была заметна их довольно слабая общая подготовка. Оказалось достаточным задать им несколько совершенно конкретных вопросов, чтобы понять это. Плохо они, например, как это ни странно, знали, например, систему разведки Вооруженных Сил СССР, силы и средства различных ее видов, а также их задачи и боевые возможности, что в Киевском ВОКУ нам давали очень хорошо. И как результат, рязанцы достаточно слабо знали и представляли место и роль собственно специальной разведки во всей системе военной разведки Вооруженных сил СССР, ее роль и значение в предстоящей войне.

В конечном итоге, многим из нас стало ясно, что рязанцы, в силу своего сугубо спецназовского образования, мыслят довольно узкими, весьма ограниченными категориями, которые, как правило, не выходят за рамки командира подразделений специального назначения. При этом, для нас с самого начала казалось само собой разумеющимся, что, например, по такому важному для спецназовца аспекту, каким является физическая подготовка, выпускники десантного училища обязательно должны быть далеко впереди всех остальных. Однако и здесь все было не так однозначно, как предполагалось в самом начале. Уже первые зачеты по физической подготовке в рамках сборов молодых офицеров, да и в ходе последующей службы, к всеобщему нашему

удивлению и недоумению, показали, что некоторые «хваленые», как мы их называли, спецназовцы не смогли сделать, например, ни одного подъема переворотом. Только одно это обстоятельство, многое в наших реальных оценках рязанцев, как впрочем и выпускников других военных училищ, сразу же ставило на свои места.

Языковая подготовка рязанцев также оказалась намного ниже нашей. Понятно, что уровень любого знания иностранного языка, тем более китайского, вещь довольно специфическая. Она в большинстве случаев зависит, порой, не столько от той школы, где язык изучался, сколько от индивидуальных языковых способностей и усилий, вложенных человеком. Однако киевляне в общей своей массе в этом отношении также были намного впереди рязанцев.

Кстати, видимо, благодаря тому, что у киевлян была неплохая языковая подготовка, рязанцы в шутку, а иной раз всерьез или даже с определенной, я бы даже сказал, с издевкой, называли нас «выпускниками Киевского военно-дипломатического училища». В свою очередь, киевляне на все лады «трепали» часто использовавшееся рязанцами в обиходе в отношении своего училища сокращение «РКПУ» (они произносили его не иначе как «эРКаПУ»), которое являлось производным от старого его названия – Рязанское командное пехотное училище. Мы быстро нашли множество различных, порой достаточно смешных и ироничных расшифровок данного сокращения, как, например, Рязанский колледж профессиональных убийц (или половых умельцев) (оба эти варианта очень нравились рязанцам, видно было, что им приятны такие названия их альма-матер) или Рязанское культпросвет (или культпроститутсвет) училище. Эти два названия училища рязанцев также предлагались каждому выпускнику на выбор, кому, что больше по душе.

Вполне естественно, что и рязанцы также внимательно изучали и нас, киевлян, своих новых сослуживцев и видели наши достоинства и недостатки. Совершенно беспристрастный анализ того, что собой представляли киевляне, показывал, что из восьми выпускников нашего училища, пришедших в 15 бригаду спецназ в 1974 году, по своим деловым и личностным качествам далеко не все в полной мере подходили для военной службы, и тем более для службы в войсках специального назначения. Глядя на некоторых из моих однокурсников, я искренне удивлялся тому, что именно эти офицеры попали в элитные войска, какими являлись войска спецназ. Для нас с Федором Волохом было вполне очевидным, что направление к нам в бригаду специального назначения некоторых из наших с ним однокашников по Киевскому ВОКУ было серьезной ошибкой, я бы даже сказал, однозначным просчетом наших училищных отцов-командиров и начальников, работников отдела кадров училища, а также кадровиков из Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных сил СССР.

Глядя на некоторых своих однокашников, создавалось впечатление, что четыре года учебы в Киевском ВОКУ в плане обязательного детального и скрупулезного изучения личностных, деловых и профессиональных качеств этих будущих офицеров, тем более офицеров специальной разведки, прошли для кадровиков и начальников всех категорий и степеней совершенно впустую. Видимо, у них считалось, что самого факта обучения на разведывательном

факультете КВОКУ вполне достаточно, чтобы молодой лейтенант с дипломом военного училища, в котором его профессиональная квалификация обозначена как «офицер разведки, переводчик-референт по иностранному языку», а специальность – как «командная, разведывательная, иностранный язык», автоматически стал хорошим командиром подразделения специального назначения.

Истины и справедливости ради необходимо сказать, что в конце апреля 1974 года в нашу 7 роту курсантов Киевского ВОКУ из Управления кадров Главного разведывательного управления Генерального штаба для подбора будущих офицеров в войска специального назначения приехал полковник Дудко. Он сначала по документам отобрал около 30 выпускников нашего факультета, а затем с каждым из кандидатов подолгу беседовал. Именно из вопросов, задававшихся им в ходе тех бесед, можно было однозначно понять, что речь идет о дальнейшей службе в войсках специального назначения.

Подобрал полковник Дудко, конечно же, лучших из тех, кто выпускался в 1974 году, и они в последующем довольно хорошо проявили себя во время службы в различных бригадах специального назначения. Однако после того, как кадровик из Главного разведывательного управления Генштаба уехал в Москву, то ли после его докладов руководству Управления кадров ГРУ, то ли по какой-то другой, но совершенно необъяснимой причине, в дополнение к тем 30, кого полковник Дудко отобрал в нашей роте, для службы в войсках специального назначения направили еще более 30 выпускников нашей роты, с которыми уже никто не беседовал, их мнения никто не спрашивал и профессиональную пригодность для службы в спецназе никто не определял.

Как показала последующая практика, в Управлении кадров ГРУ ГШ, ну, а в Киевском ВОКУ тем более, никого особенно не волновало то обстоятельство, что, несмотря на большие материальные затраты на обучение и подготовку будущих офицеров в нашем училище, эффективность их дальнейшего использования в войсках очень часто была на достаточно низком уровне. Индивидуального подхода к распределению выпускников разведывательного факультета нашего училища, как, впрочем, и других военных ВУЗов, с учетом их профессиональных, деловых и личностных качеств и особенностей характера и склонностей, в общем-то, к великому нашему сожалению, не было. Я уже не говорю о том, что от того, где, в каких воинских структурах будет служить тот или иной лейтенант-выпускник военного училища, зависит не только обороноспособность страны, но и дальнейшая личная судьба этого лейтенанта.

В результате такого подхода к использованию кадров, через некоторое время тех из моих однокашников по Киевскому ВОКУ, о которых я веду речь, из-за их полной непригодности для службы в спецназе перевели из бригады в другие войска, и связь с ними со временем была совершенно потеряна. Не хочу называть их фамилии, так как считаю, что они-то как раз совсем и не виноваты в том, что, вопреки их желанию, именно они были направлены в спецназ, который с самого начала не был, а в последующем не оказался для них делом их жизни и их офицерской судьбы. Тем более, что в последующем многие из них довольно хорошо служили в других войсках и других структурах войсковой разведки.

Вполне естественно, что основная масса киевлян, которые по собственному желанию и по велению сердца пошли служить в спецназ, гордилась принадлежностью к Киевскому высшему общевойсковому командному дважды Краснознаменному училищу имени М.В.Фрунзе, вернее к разведывательному факультету этого училища, и стремились работать с полной отдачей, чтобы добиваться максимально возможных результатов в службе и боевой учебе. Мы также прекрасно понимали, что наши успехи в работе – это, конечно же, наш труд, но также и в достаточно большой степени заслуга того военного училища, где мы учились. Ну, а недостатки в нашей работе это пятно не только на личную репутацию каждого из нас, но и, соответственно, на нашу альма-матер, Киевское высшее общевойсковое командное училище.

Киевляне не без основания могли гордиться своим училищем, так как на то время, когда мы там учились, Киевское общевойсковое командное училище, было самым лучшим среди всех военных училищ Сухопутных войск ВС СССР по имевшейся в нем учебно-материальной базе. Это было признано в ходе сборов начальников военных ВУЗов Сухопутных войск ВС СССР, которые проводились на базе нашего училища летом 1970 года, года когда именно мы и поступали в училище.

В справедливости этих оценок мы могли убедиться, когда после приезда из Киева в Чирчик удалось увидеть учебно-материальную базу Ташкентского общевойскового и Ташкентского танкового училищ, которые не шли ни в какое сравнение с тем, что было у нас, в Киевском ВОКУ. Нам трудно было поверить, что, например, одно из старейших и прославленное общевойсковое училище страны, каким было, например, Ташкентское ВОКУ, имело столь слабую материальную базу для подготовки своих курсантов. Дело дошло до того, что в 1977 году даже нашу бригаду в течение длительного времени привлекали на строительные работы по совершенствованию учебного центра Ташкентского ВОКУ.

Кроме современной материальной базы, хорошему уровню подготовки курсантов Киевского ВОКУ (кстати, мы называли наше училище в курсантском обиходе не иначе, как Кроспоинт, по аналогии с американским военным училищем в Вестпоинте) способствовало также и то, что процесс обучения у нас был организован таким образом, что одну неделю в месяц курсанты, вне зависимости от курса, проводили в учебном центре. Это означало, что в течение четырех лет примерно одну четвертую часть всего учебного времени с курсантами проводились полевые занятия по тактике, огневой подготовке, топографии, вождению и т.д. Такой системы подготовки курсантов, в которой бы рационально сочеталось изучение теоретических дисциплин с практической отработкой на хорошей учебно-материальной базе необходимых будущим офицерам профессиональных навыков, не было, как нам в последствии стало известно, ни в одном другом высшем общевойсковом или танковом военном училище, кроме, пожалуй, Рязанского воздушно-десантного, где также, как в Киевском ВОКУ, одна неделя занятий каждый месяц проводилась в учебном центре.

В середине 70-х годов военное руководство СССР различного уровня, в том числе и руководители кадровых органов Вооруженных Сил СССР неоднократно отмечали в лучшую сторону профессиональную подготовку

выпускников именно Киевского высшего общевойскового командного училища. Например, на сборах руководящего состава военно-учебных заведений, проходивших в конце 1973 года в Ленинграде, в докладе одного из руководителей Главного управления кадров ВС СССР отмечался высокий уровень подготовки офицеров, закончивших именно наше училище. Примерно такие же оценки качества подготовки выпускников-киевлян содержались и в докладе руководства Дальневосточного военного округа в 1976 году. Вероятно, есть и другие примеры, подтверждающие вышесказанное, однако у меня более полной и доступной информации и фактуры просто нет, так как специально данный вопрос не изучал. Но, видимо, приведенных мною даже отрывочных и разрозненных данных вполне достаточно для иллюстрации тех мыслей, которые были изложены выше.

Несмотря на то, что учебная программа, по которой мы учились на разведывательном факультете Киевского общевойскового командного училища, была одна для всех и не выходила за рамки подготовки командира подразделений войсковой разведки, однако в силу хорошей и достаточно широкой специальной и языковой подготовки амплуа выпускников разведывательного факультета Киевского ВОКУ были самыми разнообразными. При этом основная их часть шла, естественно, в спецназ и войсковую разведку, а остальные, в соответствии с потребностями ГРУ, направлялись в осназ и оперативную агентурную разведку приграничных военных округов, служили военными переводчиками и оперативными работниками в различных структурах разведки, а также в соединениях и частях Группы Советских войск в Германии и других групп войск, а также работали в миссиях связи на территории ФРГ.

Конечно, так называемых, «шлангов», то есть тех, кто, придя учиться в Киевское ВОКУ, пошел не по своей дороге, было достаточно и у нас в Киеве. Однако объективный анализ общей массы наших выпускников, уровня их подготовки и результатов службы в войсках, красноречиво показывал, что в 70-х годах прошлого века Киевское высшее общевойсковое командное училище по многим показателям находилось на передовых позициях. Тому есть масса армейских статистических данных и других документальных свидетельств, фактов и доказательств.

Кстати сказать, уже давно нет Киевского высшего общевойскового командного дважды Краснознаменного училища имени М.В.Фрунзе, так как после развала СССР оно оказалось не нужным ни украинской армии, ни, тем более, российской. Его просто сократили, тем самым уничтожили прекрасную школу, в которой в течение почти четверти века получали высшее образование командиры мотострелковых подразделений Сухопутных войск, а также будущие высококлассные специалисты для многих видов разведки Вооруженных Сил СССР, а в последующем и России.

Теперь, я думаю, можно сказать, что под «крышей» Киевского ВОКУ Главное разведывательное управление Генерального штаба Вооруженных Сил Советского Союза в течение достаточно длительного периода времени надежно скрывало разведывательный факультет, в котором готовились квалифицированные кадры для различных структур военной разведки. Практика показала, что «крыша» нашего «самого общевойскового училища»,

как мы его порой называли, позволяла в течение довольно длительного времени надежно скрывать истинную суть и содержание нашей будущей профессии и службы. Кстати, и Рязанское воздушно-десантное училище, также как и Киевское общевойсковое командное училище, достаточно долго и очень эффективно скрывало под своей «крышей» факультет специальной разведки.

Здесь уместно сказать, что советский спецназ в свое время тоже достаточно успешно использовал воздушно-десантные войска в качестве своей собственной «крыши». Десантная форма, хорошо разработанная легенда бригад, согласно которой соединения специального назначения назывались воздушно-десантными бригадами, якобы подчиненными командующему ВДВ, все это способствовало определенному скрыванию сути и предназначения бригад спецназ. Эти меры позволяли в течение длительного времени нашим войскам надежно скрывать свою истинную суть и принадлежность к Главному разведывательному управлению Генерального штаба ВС СССР. При этом можно сказать, что единственное, что внешне могло отличать спецназ от воздушно-десантных войск, это наличие у нас специальной зимней и летней формы одежды, которой у настоящих десантников не было, да еще, пожалуй, отсутствие у спецназовцев гвардейских значков, которые носили на своей форме все солдаты и офицеры-десантники.

Принимавшиеся в спецназе строгие меры конспирации позволяли ему надежно скрываться, образно говоря, «в надежной тени воздушно-десантных войск». Спецназовцам было очень удобно «косить», как сказали бы сейчас, под настоящих десантников. Однако в Чирчике, где, вместе с 15 отдельной бригадой специального назначения, было четыре десантных воинских части. Десантники из нашей бригады, прежде всего по уровню боевой подготовки, а также по внутреннему порядку в нашей воинской части и внешнему виду нашего личного состава, да и по остальным параметрам выгодно отличались от настоящих ВДВэшников.

Благодаря принимавшимся в 15 обрСпН строгим мерам конспирации и легендирования, многие в Чирчике, включая даже высокие армейские чины, вплоть до начальника Чирчикского военного гарнизона, не знали и не представляли основной сути и назначения 15 отдельной бригады специального назначения. Они в оценках нашей части пользовались, в основном, лишь внешними признаками, а именно уставным внутренним порядком, высокой дисциплиной, отсутствием у нас в бригаде серьезных правонарушений и т. д., которые выделяли ее в лучшую сторону из общего ряда остальных воинских частей, дислоцированных в городе, в том числе и настоящих десантных.

В этой связи мне, например, всегда доставляло большое удовольствие наблюдать, как военный комендант Чирчика в буквальном смысле млел, когда подразделение из нашей бригады заступало в гарнизонный караул. «Ребята, - обычно говорил он, - в те дни, когда ваша часть несет службу в наряде по гарнизону, я лично могу спать спокойно», - и практически не инструктировал нас, так как знал, что караул войсковой части 64411 на гарнизонных складах артиллерийского вооружения, гауптвахте и в патруле по городу службу будет нести без каких-либо отступлений от требований устава гарнизонной и караульной службы.

Продолжая свои воспоминания о сборах молодых офицеров, могу сказать, что нам удалось значительно обогатить свои знания по многим предметам обучения и, прежде всего, по тактико-специальной подготовке, так как нам пришлось изучить много секретных документов и инструкций, касающихся действий разведывательных групп спецназ в тылу противника. Кроме того, молодые офицеры усиленно изучали и другие дисциплины, которые в последующем преподавали своим подчиненным в ходе плановых занятий.

Здесь считаю вполне уместным заметить, что учебная программа на разведывательном факультете Киевского высшего общевойскового командного училища предусматривала изучение курсантами множества дисциплин, которые должен знать и командир группы специального назначения. Однако готовили на нашем факультете все-таки командиров подразделений войсковой разведки, поэтому в ходе учебы в училище, естественно, многие предметы, необходимые в спецназе, мы просто не проходили. В этой связи сборы нам были очень полезны, так как позволяли в короткий срок изучить все необходимые предметы и правильно скорректировать имеющиеся у нас базовые училищные знания, навыки и умения применительно уже к новой спецназовской специфике.

Например, в ходе изучения тактики действий групп спецназ по выполнению разведывательных и специальных задач в тылу противника я невольно обращался к знаниям, которые были получены в Киеве. Их оказалось вполне достаточно, чтобы без особых проблем уяснить основные особенности действий групп спецназ в ходе проведения в тылу противника поиска, налета, засады или специального мероприятия, чтобы сравнить с действиями подразделений войсковой разведки. Если говорить в общем и не вдаваться в детали и всяческие подробности, то разница между войсковой разведкой и специальной заключалась в том, что войсковая разведка действует на тактическую глубину, то есть на расстояние до 100 километров в глубине боевых порядков противника, и на боевой технике, а спецназ - на глубину наступательной операции фронта, то есть на расстояние 1000 километров и выше и без техники.

Эти различия в основном и определяют разницу в способах и методах выполнения боевых задач в тылу противника спецназа и подразделений войсковой разведки. Что же касается глубины действий подразделений спецназ, то, в зависимости от конкретной обстановки и боевых задач, которые могут быть поставлены группам или ротам специального назначения, она может быть значительно больше. Все зависит лишь от дальности действия средств доставки разведчиков в тыл противника, то есть самолетов и подводных лодок и возможностей имеющихся радиосредств для поддержания устойчивой, надежной и бесперебойной связи с Центром.

Во время сборов офицеров, да и в ходе последующих занятий со своим личным составом по боевой подготовке у нас постоянно появлялись мысли о том, что не все в теории и практике действий частей и подразделений специального назначения было однозначно. Это вызывало у нас определенные сомнения в глубокой и всесторонней проработке теории и особенно практике специальной разведки. И если по способам вывода разведчиков в тыл

противника и их действиям по выполнению поставленных разведывательных и специальных задач каких-то вопросов, как правило, не возникало, то, например, по способам и методам эвакуации в расположение своих войск тех групп спецназ, которые успешно выполнили задания Командования, у всех у нас появлялось большое количество вопросов. Возможно, они возникали, в первую очередь, еще и потому, что именно эти вопросы в наставлениях и инструкциях были прописаны в весьма и весьма общем виде, как говорят в таких случаях, «всего одним мазком». А ведь общеизвестно, что, «посетив кого-либо, не забывая вернуться назад». При этом к «посещению» тыла противника этот постулат подходит как нельзя кстати. Ведь после выполнения боевой задачи всегда хочется вернуться в расположение своих войск и вывести всех своих подчиненных.

Отвечая на наши вопросы по данному поводу, и полковник Р.П.Мосолов, и подполковник В.В.Колесник, да и другие офицеры бригады, которые во время сборов молодых офицеров читали нам лекции по теории или проводили практические занятия по тактико-специальной подготовке, ссылались в основном на слова командующего Среднеазиатским военным округом генерала армии Н.Г.Лященко. Он во время одного из окружных командно-штабных учений, отвечая на подобные вопросы командования нашей бригады, заявил, что спецназовцам в тылу противника необходимо будет продержаться максимум две недели, так как, согласно планам, к этому сроку войска Среднеазиатского фронта должны захватить столицу Синьцзян-Уйгурского автономного района город Урумчи. В этой связи подразделения специального назначения, которые будут действовать в полосе наступления фронта, смогут выходить в расположение наших войск по мере их приближения к районам ведения разведки советскими войсками специального назначения.

На офицерских сборах в 15 отдельной бригаде специального назначения вопросы эвакуации групп спецназ из районов действий с использованием самолетов и вертолетов рассматривалась в основном лишь в теоретическом плане. Командование бригады, скорее всего, после пополнения материально-технических средств групп спецназ должно будет перенацеливать группы, выполнившие свои боевые задачи, на другие объекты и на другие районы разведки. И продолжаться это должно было до тех пор, пока группы не погибнут или действительно не выйдут в расположение наших войск.

Однако, говоря в общем, отрадно было то, что основные теоретические положения специальной разведки не очень здорово разнились с канонами войсковой разведки, а действия групп глубинной разведки (ггр) в тылу противника мало чем отличались от действий групп специального назначения.

Кстати, сам термин «глубинная разведка» у нас, еще в бытность курсантами-разведчиками Киевского ВОКУ, начиная со второго, а скорее с третьего курса, когда мы уже стали кое-что соображать в своей будущей специальности, вызывал множество вопросов. На начальном этапе обучения курсанты нашего училища принимали этот термин на веру, а также все, что он в себя включает. Затем, по мере осмысления и более глубокого понимания всей системы войсковой разведки в Советских Вооруженных силах, мы, как правило, подвергали этот термин сомнению, хотя и точно знали, что на

использовании термина «глубинная разведка» настоял министр обороны СССР маршал Советского Союза А.А.Гречко.

Как известно, одной из основных особенностей военной терминологии является то, что она точна в своих формулировках, определениях и самое главное она точна в своих значениях. Однако для нас, курсантов, изучавших различные иностранные языки и привыкших при переводах разнообразных иностранных текстов к адекватности и точности терминологии. Поэтому слово «глубинная» порождало массу вопросов, так как было не совсем ясно, что оно все-таки значит. Если есть глубинная разведка, то, вероятно, по логике вещей, должна быть, например, поверхностная разведка, или какая-нибудь, скажем, ближняя разведка. Если в этот термин заложено расстояние, на которое действуют в тылу противника ггр, то из него все равно не совсем понятно, какова степень этой самой глубины применения разведывательных групп. Как представляется, под этим термином прежде всего понимается та глубина, на которую дивизия мотострелковая или танковая ведет наступательный или оборонительный бой. При этом, разведка силами и средствами разведывательного комплекта дивизии планируется и ведется на глубину до 100 километров, однако из самого термина «глубинная разведка» это совершенно не следует, более того, этот термин лишь порождает вопросы.

В общем, если подвести итог моим незамысловатыми не претендующим на истину в последней инстанции нашим рассуждениям, то можно сделать заключение, что во время сборов молодых офицеров 15 отдельной бригады спецназ мы, к своему удовлетворению, пришли к выводу, что теория и практика специальной разведки в то время, в середине 70-х годов, были более тщательно и глубоко проработаны, чем положения войсковой разведки. Однако были некоторые моменты, которые требовали большей и более тщательной проработки. А, если говорить в общем, то можно сделать вывод о том, что военная теория не стоит на месте и находится в постоянном поступательном движении вперед, чему мы были свидетелями даже на фоне непродолжительного времени пребывания в той теме, которую мы изучали.

Вполне естественно, что у большинства молодых офицеров 15 отдельной бригады спецназ во время сборов в 1974 году неподдельный интерес вызывали, конечно же, занятия по воздушно-десантной подготовке, которые проводил с нами начальник воздушно-десантной службы (ВДС) бригады полковник В.А.Ленский и подчиненные ему офицеры ВДС. Для многих из нас, особый интерес в изучении ВДП заключался в том, что многие из нас впервые в своей жизни увидели парашюты, как говорится в таких случаях, «живьем».

Правда, ничего особенного и нового в теории я, например, в ходе сборов молодых офицеров не узнал, так как многое из того, о чем шла речь в ходе плановых занятий по ВДП, мне, да и многим моим однокашникам по Киевскому ВОКУ было хорошо известно задолго до прибытия в Чирчик от Федора Волоха. Дело в том, что еще в училище Федот, как мы его называли и в училище, и в бригаде, с завидной регулярностью и увлеченностью по поводу и без повода рассказывал нам о парашютных прыжках, устройстве парашютов, организации воздушно-десантной подготовки и т.д.

Будучи от природы хорошим рассказчиком, он очень доходчиво разъяснял всем нам, своим заинтересованным и благодарным слушателям все,

что касалось данного вопроса. Делал он это всегда и везде будь то в учебном классе, в расположении роты или на отдыхе, а также в ходе перерывов на каких-либо полевых занятиях. Порой он не прекращал свои «неофициальные занятия» с нами, даже когда мы, например, шли в строю в столовую. Мы его всегда очень внимательно слушали, а так называемые «лекции Федота» еще именовали не иначе как «неформальные занятия по ликвидации парашютно-десантной неграмотности».

Ну, а после того, как Федот в 1973 году в составе группы курсантов нашей роты съездил на войсковую стажировку в Чучковскую бригаду специального назначения, где он совершил еще с десятков прыжков с парашютом, он уже считался у нас «самым бывалым спецназовцем», а профессиональный уровень его так называемых «лекций по ликвидации спецназовской неграмотности» среди курсантов Киевского ВОКУ еще больше повысился и углубился.

Так что большинство тех, кто учился в 7 роте Киевского ВОКУ, во всяком случае тех, кто, образно говоря, «спал и видел себя в войсках специального назначения» после окончания училища, теорию воздушно-десантной подготовки с помощью Феди Волоха с той или иной степенью глубины, в общем-то, знали. А в ходе сборов молодых офицеров нам оставалось только лишь хорошо изучить соответствующие инструкции и наставления по ВДП, «пощупать» парашют своими собственными руками, то есть теоретически и практически самим подготовиться к парашютным прыжкам, чтобы затем уже «со знанием дела» проводить занятия по воздушно-десантной подготовке с подчиненным личным составом и уже готовить его к прыжкам с парашютом и, естественно, самим должным образом готовиться к прыжкам.

Если говорить в общем о «спецназовских университетах», не могу не упомянуть о том, что проходить эти самые «университеты» приходилось не только в период сборов молодых офицеров, ведь вся наша служба в 15 отдельной бригаде специального назначения – это была ежедневная упорная учеба, тренировки, сдача зачетов и проверок и т.п. Поэтому, если в самом широком смысле интерпретировать словосочетание «спецназовские университеты», то можно сказать, что вся служба в Чирчике была для каждого из нас одним сплошным «спецназовским университетом».

Однако, если уйти от глобальных оценок, а вернуться к конкретике повседневной службы и обыденной боевой учебы, то можно сказать, что многое из того, что пришлось познать в 15 отдельной бригаде специального назначения и чем удалось овладеть, явилось тем багажом, который многие из нас пронесли через всю свою военную службу, через всю свою жизнь. Бригада для нас стала хорошей жизненной школой, а вернее нашим одним из главных жизненных университетов. И официальным началом всего этого фактически стали сборы молодых офицеров бригады.

КАПИТАН БЕДНЫЙ

Одним из руководителей сборов молодых офицеров бригады в 1974 году был назначен начальник штаба 2 отряда специального назначения нашей бригады капитан Бедный, который, занимаясь в основном организационными вопросами и контролем посещаемости, очень часто во время самоподготовки заводил с молодежью, так называемые, «задушевные беседы». В ходе этих бесед он с видом знатока всего и всея делился с нами своим, как он выражался, «весьма богатым жизненным, служебным и, конечно же, спецназовским опытом» Именно на свой спецназовский опыт капитан Бедный всегда и делал особый упор.

Всем нам в то время было по 21 - 22 года, и какой-то жизненный опыт был, конечно же, у каждого. Поэтому по большинству из поднимавшихся в задушевных беседах Бедного жизненно важных тем, у нас, как правило, имелось свое собственное мнение. Тем не менее, некоторые из расставлявшихся старшим товарищем (а для половины из офицеров, участвовавших в сборах молодых офицеров, капитан Бедный был прямым начальником и командиром) акцентов многим из нас молодых офицеров несколько «подчистили мозги». В последующем, очень многое из того, что нам рассказывал капитан Бедный, оказалось весьма и весьма полезным для правильного и точного понимания тех жизненных ситуаций, в которых нам приходилось оказываться в тех или иных условиях.

Например, мне, коллективисту по характеру и воспитанию, для которого привитое и в Свердловском СВУ, и Киевском ВОКУ чувство принадлежности к определенному коллективу всегда означало очень и очень многое. Поэтому мне хорошо запомнились повествования Бедного, направленные на то, чтобы приобщить всех нас к тому духу, который существует в войсках специального назначения, и выработать чувство гордости за службу в одной из лучших легендарной 15 отдельной бригаде специального назначения. В этой связи он периодически обращал наше внимание на лозунг, начертанный на одном из плакатов класса специальной подготовки, в котором проходили занятия во время сборов: «Любое задание, в любом месте, любыми средствами». Мы воспринимали смысл, заложенный в этом лозунге, как концепцию, как руководство или призыв, согласно которому необходимо относиться к службе в нашей легендарной бригаде, чтобы как можно лучше выполнить «любое задание, в любом месте, любыми средствами».

Как в последующем довольно красноречиво показали мои неоднократные наблюдения, в нашей бригаде весь процесс обучения и воспитания и солдат, и офицеров был направлен именно на это. Полковник Мосолов, подполковник Колесник, а также другие представители командования бригады, наши непосредственные командиры и начальники на совещаниях офицеров, а также во время различных официальных и неформальных мероприятий постоянно повторяли мысль о том, что и офицеры, и сержанты, и солдаты должны гордиться службой в спецназе и быть готовыми

в случае необходимости выполнить любое задание Командования, в любых, даже самых трудных и необычных условиях обстановки. А уже это само по себе предопределяет довольно высокий уровень дисциплины и порядка, добросовестное отношение всех военнослужащих к своим обязанностям, а также результативное выполнение стоящих перед нами как учебных, так и боевых задач.

Капитан Бедный, используя весь имеющийся у него арсенал личных и деловых качеств, во время, отведенное нам для самоподготовки, довольно много рассуждал относительно того, что у каждого из нас в бригаде будет своя собственная судьба. И это, несмотря на то, что, по его словам, мы все, на первый взгляд, имеем примерно одинаковый уровень общей и военной подготовки, а внешне, также на первый взгляд, даже похожи друг на друга. Однако у каждого из нас будет в бригаде, да и в службе в армии, своя собственная, совершенно индивидуальная судьба. В конечном итоге, однажды он практически полностью повторил ту же самую мысль, которая прозвучала у подполковника В.В.Колесника во время его знакомства с нами, молодыми офицерами бригады, относительно того, что служебная карьера каждого из нас будет зависеть прежде всего от результатов нашей личной работы на тех должностях, на которые нас назначили. При этом, если сказать в общем, повествования капитана Бедного в основном сводились к тому, что наша дальнейшая офицерская судьба и карьера будет зависеть лишь от того, насколько добросовестно мы будем относиться к своей службе во всех ее многообразных проявлениях и аспектах.

Кроме того, Бедный в своих «душещипательных», или как мы их называли, «душтрепательных» беседах особое внимание уделял вопросам неизбежного создания нами в будущем своих семей. Эта тема у него была наиболее часто повторяемая, любимая и намного более душевная, чем другие. На конкретных примерах, в том числе и на примерах некоторых офицеров нашей бригады, он призывал нас самым серьезным образом относиться к выбору своих будущих боевых друзей, спутниц жизни.

Как можно представить, ничего такого, о чем молодой офицер нашей бригады не имел бы представления, Бедный нам не говорил. Однако все, что он нам в разное время рассказывал, накладывалось на то, что мы уже, в общем-то, знали, и все это определенным образом трансформировалось в определенный жизненный багаж тех, кто творчески воспринимал его наставления. Каждый офицер из этих бесед делал свои собственные выводы, однако лично я в последующем очень часто вспоминал эти многочисленные лирические отступления капитана Бедного, когда сталкивался с той или иной жизненной ситуацией.

Кстати сказать, молодые офицеры капитана Бедного практически сразу же после начала занятий на сборах молодых офицеров прозвали Демьяном. Сначала эта кличка была всего лишь простой ассоциацией с его именным однофамильцем, поэтом Демьяном Бедным, который по личному признанию поэта был «мужиком вредным». Именно в этой связи кличка Демьян нашему капитану Бедному также здорово подходила, так как определенной вредностью именно наш Демьян также отличался. Позднее это прозвище начальника сборов молодых офицеров у нас уже ассоциировалось не только с поэтом Д.Бедным,

но и с басней Крылова «Демьянова уха», так как постоянные «душещипательные» (или «душеспасительные») беседы капитана Бедного начали нам попросту надоедать, в точности как та самая «демьянова уха» из одноименной басни Крылова.

КОМАНДИР БРИГАДЫ ПОЛКОВНИК РОБЕРТ ПАВЛОВИЧ МОСОЛОВ

Дела и заботы первого периода службы в 15 отдельной бригаде специального назначения, а также новые впечатления совершенно не оставили места для того, чтобы задуматься о том, кто наши командиры и начальники, какие люди командуют нами, какую роль они выполняют в нашей бригаде, да и в войсках специального назначения в целом. Однако постепенно удалось составить определенное представление обо всех наших прямых начальниках.

Молодой лейтенант, как правило, с командованием бригады встречался достаточно редко, и это было вполне естественно, так как между данными категориями офицеров существует очевидная и вполне естественная дистанция. Поэтому, вспоминая о руководящем составе нашей части в первый период службы в Чирчике, на память приходят еженедельные совещания офицеров по пятницам. Во время этих совещаний нам, молодым лейтенантам, предоставлялась возможность увидеть командира бригады полковника Р.П.Мосолова и его заместителей, которые в ходе этих совещаний сидели за столом президиума, стоявшим на сцене солдатского клуба. Кроме того, командование нашей части появлялось перед строем бригады во время разводов на занятия по понедельникам. На сборах молодых офицеров каждый из них также выступал перед нами с докладами или лекциями на соответствующие темы.

Думаю, что выражу общее мнение всех офицеров нашей бригады того периода времени, особенно молодых, относительно того, что полковник Роберт Павлович Мосолов больше всех привлекал наше внимание, и не только потому, что являлся командиром бригады. Он с самого начала знакомства вызывал у всех искреннее уважение в значительной степени потому, что, во-первых, Роберт Павлович был единственным к тому времени в части фронтовиком, который всю войну прошел в войсковой разведке. Все прекрасно знали, что он не единожды десантировался или ходил в разведку в немецкий тыл, при этом лично добыл не один десяток «языков» и не раз смотрел смерти в глаза. За время войны и после нее он получил четыре ордена «Красной Звезды», орден «Отечественной войны» и медаль «За отвагу». Все это само по себе придавало ему особый статус в бригаде, где офицеры и солдаты прекрасно понимали, что значит успешно действовать и результативно выполнять разведывательные и диверсионные задачи в тылу реального противника.

Лично у меня он вызывал истинное чувство восхищения, прежде всего, тем, что во время Великой Отечественной войны служил в войсковой разведке. По рассказам моего дедушки Андрея Андреевича Калиниченко, воевавшего в годы Великой Отечественной войны сначала рядовым разведчиком, а затем старшиной разведывательной роты стрелковой дивизии, я с самого детства знал, как тяжел был труд этих простых рабочих войны, особенно по

добыванию «языков», документальных данных о противнике и других сведений, представлявших интерес для Командования Советских войск.

Когда в ходе написания данной книги вспоминал Роберта Павловича Мосолова, то на память приходили, конечно же, свои собственные воспоминания о нем, а также рассказы о Мосолове, которые неоднократно приходилось слышать от многих моих сослуживцев преимущественно на первом этапе моей службы в Чирчике. Однако, зная, что у Олега Кривопалова, как замполита шестой роты, была хорошая возможность еще в его лейтенантскую бытность в совершенно неформальной обстановке пообщаться с Робертом Павловичем, я попросил его написать об этом эпизоде его службы в Чирчике, чтобы несколько дополнить мои личные впечатления о Мосолове.

Олег с удовольствием поделился своими воспоминаниями и, как мне представляется, значительно обогатил составленный мной «портрет» нашего первого командира 15 отдельной бригады специального назначения. Ниже полностью привожу рассказ Олега Кривопалова, который он написал по моей просьбе уже тогда, когда я писал эту книгу.

«В моей службе в 15 отдельной бригаде специального назначения с полковником Р.П. Мосоловым связано одно очень яркое воспоминание.

В 1974 году делегатами на Партийную конференцию Среднеазиатского военного округа от 15 обрСпН были избраны: комбриг полковник Мосолов, начальник политотдела подполковник Руденко, командир первого отряда специального назначения подполковник Кадацкий и я, замполит шестой роты спецназ лейтенант Кривопалов. В город Алма-Ату мы поехали поездом. Именно это обстоятельство позволило мне ближе узнать своего командира бригады.

Я впервые оказался в компании старших офицеров нашей части и сначала чувствовал себя с ними очень неловко. Но с первых минут общения в купе поезда Ташкент - Алма-Ата Мосолов повел себя просто и по-дружески. Это способствовало тому, чтобы психологическое напряжение, которое я невольно испытывал, постепенно прошло. Роберт Павлович достал приготовленные в дорогу его женой продукты, накрыл стол, сам лично откупорил бутылку коньяка и всем присутствующим налил по рюмке. «Пододвигайся поближе, лейтенант!» - скомандовал он мне, как самому молодому и стеснительному. Во время ужина мое первое волнение от столь близкого общения с руководством бригады постепенно прошло, и в многочасовой беседе мы спокойно и долго общались.

На вопросы о личном участии Роберта Павловича в боевых действиях в годы войны, он рассказывал очень много и подробно. Именно тогда я узнал о том, что Мосолов начал войну в должности заместителя политрука роты, был ранен. Затем командовал противотанковым взводом. По воле судьбы попал в войсковую разведку и много походил по тылам немцев. Один из эпизодов, рассказанный им, я потом пересказал офицерам шестой роты Маковскому, Золотареву и Тимченко, а они единодушно выразили мне недоверие, поскольку не могли поверить в правдоподобность того, что я им поведал со слов командира бригады. А рассказал Мосолов следующее.

...Разведывательная группа под командованием лейтенанта Р.П.Мосолова была в основном укомплектована бывшими заключенными,

людьми разных возрастов, имевшими достаточно богатый уголовный опыт, сильными, ловкими, но и жестокими, прошедшими штрафные роты, где они искупали кровью долги перед Родиной. Для того, чтобы подчинить их себе, молодому лейтенанту на многое пришлось пойти, и многое пережить. В чем-то молодой командир разведывательного взвода лейтенант Мосолов вынужден был даже им подыгрывать. С этой целью, например, пришлось сделать себе на груди татуировку в виде черепа.

Так вот, однажды, во время выполнения боевой задачи в тылу у фашистов, по-моему, Роберт Павлович говорил, что это было на территории Польши, в разведывательной группе, которой командовал лейтенант Мосолов, вышла из строя радиостанция. Для передачи командованию корпуса срочных разведданных он вынужден был отправить через линию фронта одного из разведчиков в качестве связного. Это был опытный разведчик, за которого голова не болела, что сможет не дойти, - не солдат, а настоящий черт.

Через несколько дней группа Мосолова, полностью выполнив задание, возвращалась к линии фронта, и, надо же было такому случиться, разведчики совершенно случайно наткнулись на обезображенный труп своего товарища, который был направлен за линию фронта, в расположение наших войск. Видимо, наш связной напоролся на засаду немцев и стойко принял от гитлеровцев мученическую смерть.

Потрясенные гибелью своего боевого товарища подчиненные Мосолова похоронили героя-разведчика и решили отомстить за него фашистам. С этой целью они скрытно проникли в ближайший населенный пункт с целью поиска немцев. В одном из деревенских домов они увидели свежую пулеметную амбразуру, что свидетельствовало о присутствии немцев. За домом стоял замаскированный бронетранспортер. Советские разведчики бесшумно сняли часового и зарезали спавшего в БТРе водителя, после чего ворвались внутрь дома. Матом, кулаками и прикладами взяли, как говорится, тепленькими с десятков немцев. Затем они вывели пленных в конюшню и расстреляли всех солдат по очереди из пистолета в живот.

- А, почему именно в живот?- с недоумением спросил я у комбрига.

- Да, чтобы помучились по дольше перед смертью, - ответил спокойно Роберт Павлович.

Последним своей участи ждал старший этой команды в звании лейтенанта вермахта. Он оказался очень мужественным офицером. И во время допроса, и перед казнью он держался с достоинством, до последней минуты все что-то громко кричал, заканчивая каждую фразу приветствием «Хайль Гитлер!».

С ним разведчики поступили иначе: сняли с него штаны и одели проволочную петлю на половой член и мошонку, а затем, перебросив проволоку через балку на потолке конюшни, подтянули его под потолок и повесили. Недолго он пробыл в таком положении, вскоре его яички оборвались. Добивать его не стали, оставили истекать кровью и умирать мучительной смертью рядом со своими расстрелянными подчиненными.

Закончив эту часть своего рассказа, Роберт Павлович надолго задумался, а затем сказал: «Я ведь прекрасно понимал, что иду на воинское преступление, возглавив издевательство наших разведчиков над пленными

немцами, тем более таким жестоким нечеловеческим способом, как стрельба в живот или подвешивание человека за половой член. Но, можете представить, какая ярость была у всех нас, когда мы увидели тело растерзанного фашистами боевого товарища, - Мосолов опять надолго задумался и после продолжительной паузы тихо сказал. - Когда вспоминаю этот эпизод с казнью того несчастного немецкого лейтенанта, то в ушах каждый раз отчетливо слышится звук рвущейся человеческой плоти под тяжестью его тела и раздирающий душу нечеловеческий крик».

После возвращения к своим, о совершенных во время разведывательного выхода зверствах по отношению к пленным, мои разведчики, видимо, рассказали кому-то из своих друзей, а среди них нашелся тот, кто «стукнул» об этом куда надо. Командира группы немедленно арестовали особисты. Казалось, что это уже все - крышка. Но от суда военного трибунала Мосолова спас политработник - член Военного совета Четвертого гвардейского кавалерийского корпуса, который проявил завидное по тем временам мужество. Он так смело пошел против воли офицеров военной контрразведки «СМЕРШ», и так аргументировано требовал освобождения командира разведывательного взвода лейтенанта Мосолова, что Роберта Павловича не привлекли к суду военного трибунала и отпустили.

После той нашей с Мосоловым поездки в Алма-Ату я пригласил его в шестую роту на празднование очередного Дня Победы, чтобы он лично рассказал спецназовцам нашей роты и роты связи второго отряда «о своем боевом пути и подвигах во время Великой Отечественной войны». Надо было видеть, с каким неподдельным интересом бойцы слушали его воспоминания, полные откровений и жизненной правды. Ведь для нас, молодых офицеров и солдат подобные воспоминания Роберта Павловича Мосолова были настоящими открытиями неизвестных страниц войны. Мы же воспитывались на других, причесанных примерах героизма Советской армии и на безгрешности наших воинов. А он никогда не стеснялся говорить нам жестокую правду той войны, о которой знал не понаслышке.

Позже во время различных мероприятий, которые я проводил с личным составом в Чирчикской бригаде специального назначения, да и в ходе последующей своей службы в войсках, я часто использовал воспоминания Роберта Павловича в качестве показательного примера, которыми иллюстрировал мужество и героизм советских солдат, а также показывал, какая может быть на войне настоящая правда жизни», - закончил свой рассказ Олег Кривопапов.

Из данного повествования моего друга и сослуживца по 15 бригаде специального назначения Олега Кривопапова читатель может еще ярче и отчетливее представить, каким был полковник Роберт Павлович Мосолов. Этот рассказ я не единожды слышал из уст Олега Кривопапова, когда мы служили в Чирчике, да и в последующем, встречаясь с ним за чаркой украинской горилки или русской водки, мы вспоминали о том давнем повествовании Роберта Павловича в вагоне поезда Ташкент — Алма-Ата и делились своими впечатлениями от личных встреч в Чирчике с бывшим командиром 15 отдельной бригады специального назначения.

Как-то однажды, когда Олег в очередной раз был у меня в гостях, я рассказал ему, что, будучи где-то в далеком далеке, совершенно случайно по радиопрограмме «Полевая почта» к своему искреннему восторгу и удивлению услышал музыкальное приветствие «полковнику запаса Мосолову Роберту Павловичу от солдат, сержантов и офицеров той воздушно-десантной части, в которой он был командиром». Показательным в этом, казалось бы, совершенно не значительном факте явилось то, что Мосолов уже несколько лет не служил в бригаде и более того, был уволен в запас, а в нашей бригаде молодые солдаты и офицеры, которые и организовали ветерану спецназа этот музыкальный подарок, его хорошо помнили и уважали.

Кстати, Олег же, в свою очередь, значительно дополнил частично известную мне информацию о Р.П.Мосолове о том, как уволили Роберта Павловича из армии. Дело в том, что нам в Чирчике было лишь в общих чертах известно о том скандале, с которым его, заслуженного человека, уволили из Вооруженных сил СССР, но деталей никто не знал. Олег рассказал мне, что основной причиной к увольнению послужило недостойное поведение генерал-полковника М.Д.Попкова в беседе с Р.П.Мосоловым. Как известно было нам, генерал-полковник Попков, несмотря на то, что занимал высокую должность члена Военного совета - начальника Политического управления Среднеазиатского военного округа отличался крутым нравом. Вообще-то, надо заметить, что мы все, в общем-то, крутые, но к людям, особенно заслуженным, всегда относились подчеркнуто уважительно. Однако Попков в САВО считался страшным человеком, его боялись практически все, в том числе и окружные генералы, так как он был отпетым грубияном, безжалостным и совершенно непредсказуемым в принятии решений, и прежде всего кадровых.

«Как-то он вызвал на доклад полковника Р.П.Мосолова, который был тогда начальником отдела службы войск Среднеазиатского военного округа, - рассказывал мне Олег Кривопапов, - и начал с него в совершенно грубой форме «стружку снимать». Роберт Павлович побагровел от возмущения, а потом резко прервал грубияна в генерал-полковничьей форме и заявил: «Я попрошу со мной так не разговаривать! Когда ты, генерал, еще в школу ходил, я по немецким тылам лазил и кровь за нашу Родину проливал. Пожалуй, я не смогу с тобой больше работать!» - закончил свою речь Мосолов и ушел. Попоков, может быть, впервые в жизни получил такой серьезный отпор от своего младшего по званию подчиненного, - продолжал Олег свой рассказ, - и, не отличаясь большим умом, приказал немедленно уволить полковника Р.П.Мосолова из Вооруженных сил».

Все это О.Кривопапов доподлинно узнал со слов нескольких служивших в то время в штабе Среднеазиатского военного округа офицеров, которые хорошо знали Р.П.Мосолова и уважали его как прекрасного командира и начальника, смелого и благородного человека.

Однако история с Робертом Павловичем через многие годы после его увольнения из армии имела свое продолжение. И, как ни странно, по велению судьбы Олег Кривопапов был тому свидетелем. В мае 1987 года, перед назначением на должность начальника политического отдела 15 отдельной бригады специального назначения, подполковника О.В.Кривопапова, в

соответствии с существовавшей в те времена процедурой, вызвали для проведения бесед в Москву.

«В Москве мне предстояло пройти многочисленные беседы в различных инстанциях, в том числе и в Центральном комитете КПСС. В Политическом управлении Сухопутных войск мне была запланирована встреча и беседа с начальником Политуправления генерал-полковником М.Д.Попковым, - рассказывал мне Олег. – Шел я к нему в кабинет как на эшафот. Однако, к моему немалому удивлению, беседа прошла совершенно мирно, по-отечески. В связи с тем, что в то время я еще не знал о конфликте, который произошел у Попкова с Робертом Павловичем, то на вопрос о том, где я служил, ответил, как положено, и назвал фамилии моих командиров и, конечно же, полковника Р.П.Мосолова. Услышав фамилию Роберта Павловича, Попков по-доброму сказал мне: «Да, Мосолова я знал. Отличный был офицер!» Значит, - продолжал Кривопалов, - до Попкова, хоть поздно, но все-таки дошло, что тогда с Робертом Павловичем он совершил грубейшую ошибку на завершающем этапе его офицерской службы и фактически поломал человеку судьбу. Хоть слишком поздно, но Попков признал, что в то время был совершенно неправ в отношении к Роберту Павловичу», - закончил свое воспоминание Олег Кривопалов.

Справедливости ради надо сказать, что, когда бывший начальник политотдела 15 обрСпН полковник запаса Н.В. Лысак прочитал эту часть моей книги, он не согласился с интерпретацией Олега Кривопалова процесса увольнения полковника Мосолова из армии. Николай Васильевич утверждал, что Роберт Павлович лично рассказывал ему и В.В.Колеснику, как произошло его увольнение из Вооруженных сил, когда они оба были у Мосолова в гостях в Алма-Ате. По словам Н.В.Лысака, оказывается, что Роберт Павлович, поработав определенное время на должности начальника Отдела службы войск Среднеазиатского военного округа, попросил Попкова перевести его на другую должность, так как считал, что не подходит для нее. Когда же Попков не захотел отпускать его, Мосолов написал рапорт об увольнении из армии. Командующий САВО генерал армии Н.Г.Лященко попытался уговорить Роберта Павловича забрать рапорт на увольнение из армии, однако Мосолов ответил, что он никогда «принятого решения не меняет».

Сейчас уже трудно однозначно сказать, в чьих словах больше правды, а в чьих больше вымысла. И Олег Кривопалов, и Николай Васильевич Лысак одновременно утверждают, что эту историю знают доподлинно, и каждый настаивает на правильности своей версии. Понятно, что одна из этих рассказанных разными людьми историй совершенно естественным образом должна исключать другую. Однако сейчас уже достаточно сложно восстановить истину. Во всяком случае, мне пока не удалось найти кого-то третьего, кто смог бы, убедительно аргументируя свои доводы, прояснить эту ситуацию. Но непреложным остается одно, о таких людях, каким был полковник Роберт Павлович Мосолов, солдатская молва всегда оставляет современникам, потомкам и историкам различного рода легенды и даже небылицы. Такие люди, как он, этого заслуживают по самому высокому праву.

В силу своей неординарности, Мосолов пользовался заслуженным уважением у всех офицеров 15 отдельной бригады спецназ тем, что стоял у

истоков создания в Советском Союзе войск специального назначения и, последовательно пройдя необходимые командные должности, в конце концов, был назначен командиром бригады спецназ. Все, кто знал Мосолова, восхищались его незаурядными личными качествами, его работоспособностью, честностью, принципиальностью, а также его умением влиять на людей, которое он эффективно использовал в ходе воспитательной работы с подчиненным личным составом.

Его называли «умницей», так как Роберт Павлович обладал глубокими профессиональными знаниями, приобретенными, как можно себе представить, не в академических аудиториях, а в основном на полях Великой Отечественной войны и на учебных полигонах. Его острый ум и необыкновенное чувство юмора позволяли ему на служебных совещаниях, порой, в такой юмористической форме распекать какого-либо нарушителя, что все присутствовавшие просто умирали со смеху, а объект критики несомненно сгорал от стыда. Многие выражения, определения, эпитеты и фразы, в разное время и в различных ситуациях применявшиеся комбригом Р.П.Мосоловым, впоследствии стали среди офицеров нашей бригады крылатыми и часто использовались в повседневной жизни.

В дополнение ко всему сказанному, у Роберта Павловича была очень колоритная внешность. Его коренастая крупная фигура с совершенно лысой головой выдавала в нем спокойного, уверенного в себе человека и вызывала однозначное чувство уважения у всех офицеров и солдат бригады. Ведь не даром же все мы с теплотой называли его «Батей». Именно эта кличка «Батя» у нас в бригаде считалась наивысшей похвалой и выражением наивысшего уважения подчиненных к своему командиру. Мосолов, несомненно, обладал ярко выраженной харизмой и умело пользовался этим своим качеством, чтобы вести за собой своих подчиненных.

Не меньшим уважением полковник Мосолов пользовался и у тех командиров воинских частей Среднеазиатского военного округа и разного рода окружных начальников, которые в ходе различных войсковых учений на себе испытали, как трудно их частям и соединениям противостоять разведчикам 15 отдельной бригады специального назначения. Не даром же, как только они узнавали, что к участию в очередном учении привлекается Чирчикская бригада спецназ, они, как правило, с грустью говорили: «Вот, опять этот лысый хрен своих разведчиков-диверсантов выпускает на свободную охоту за нами».

Лично я впервые увидел Р.П.Мосолова где-то во второй половине сентября 1974 года, то есть через некоторое время после того, как прибыл в бригаду, когда Роберт Павлович незадолго до начала итоговой проверки в части вышел из очередного отпуска. В тот день мы с Федором Волохом шли мимо штаба части, когда увидели полковника в десантной форме. Ни Федя, ни я ни разу с командиром части не встречались, но по описаниям сослуживцев могли себе представить, что стоявший около штаба нашей части полковник и есть командир нашей бригады. Поэтому, увидев незнакомого полковника-десантника, сразу же догадались, что это командир нашей части полковник Мосолов.

Проходя мимо него, мы отдали честь и попытались побыстрее ретироваться, руководствуясь старым и давно испытанным солдатским

правилом: «Держись подальше от начальства и поближе к кухне». Однако полковник Мосолов остановил нас, попросил представиться и поинтересовался, какое училище мы закончили. «Киевское ВОКУ – это хорошо, - сказал Роберт Павлович, а затем, глянув на суворовские значки на наших мундирах, спросил. – А в кадетях тоже вместе учились?»

Честно надо сказать, нам было, в общем-то, удивительно и непривычно, что старший офицер в беседе с лейтенантами спокойно употребляет слово «кадет», которое, мягко говоря, не только не было широко распространено в армии в советские времена, но и находилось под неофициальным или точнее сказать под негласным запретом к употреблению. Сам факт того, что полковник Мосолов свободно оперировал словом «кадет», вызвал у нас совершенно искреннее уважение к командиру части.

Когда мы с Федей ответили, что закончили, соответственно, Минское и Свердловское суворовские училища, командир начал расспрашивать о том, нравится ли нам бригада, в которую мы попали, а также как мы готовимся сдавать итоговую осеннюю проверку. Удовлетворившись нашими короткими, но вполне емкими ответами, в которых преобладали эпитеты восхищения бригадой и уверенность, что проверку сдадим на отлично, комбриг поинтересовался трудностями, которые имеются у молодых лейтенантов.

Когда мы с Федей лишь попытались намекнуть, что полученные нами еще в Киеве деньги уже давно закончились, а положенные молодым офицерам подъемные пособия так до сих пор еще и не выданы, Роберт Павлович, прервав нас, заявил, что ему начальник финансовой части бригады уже доложил о данной проблеме. Мосолов заверил, что деньги нам будут выданы сразу же, как только финансовые средства будут переведены из Алма-Аты на банковский счет бригады. Пожелав успешной сдачи предстоящей осенней проверки, комбриг нас отпустил.

После беседы с командиром мы с Федором обменялись впечатлениями и пришли к обоюдному мнению, что полковник Р.П.Мосолов «мужик весьма и весьма интересный». При этом мы оба сошлись во мнении, что с самого начала общения с ним стало понятно, что он просто заморозил нас и, прежде всего, тем, что, будучи старше нас, своих собеседников по должности, воинскому званию и возрасту, имея богатый боевой, служебный и жизненный опыт, разговаривал с нами без малейшего намека на своё превосходство, без чванства и барства, которые так часто встречаются среди армейских начальников разного уровня.

Вот так, уже в ходе самой первой встречи нам пришлось убедиться в правдивости тех оценок, которые совсем недавно давали полковнику Р.П.Мосолову наши с Федей сослуживцы по бригаде. В последующем, когда я периодически вспоминал данную встречу и беседу с Робертом Павловичем, на которую постепенно накладывалось и множество других моментов, связанных с ним, я ловил себя на мысли, что мне хотелось и хочется во многом походить на него, вернее работать над собой, чтобы хоть чуть-чуть быть похожим на Роберта Павловича Мосолова.

Естественно, что в этой связи порой приходилось удивляться и недоумевать, почему же не все из тех, кому посчастливилось знать Мосолова и работать с ним, взяли себе на вооружение хотя бы часть из тех достоинств,

которыми обладал наш комбриг. Видимо, слаба все-таки человеческая натура, которой, в общем-то, не свойственна критичность по отношению к себе. Далеко не каждый способен глубоко «копаться в своей собственной сути», чтобы разобраться в том, что целесообразно убрать, подправить и скорректировать в своем характере и манере поведения, чтобы принести как можно больше пользы и выгоды тому делу, которому служишь.

Я далек от мысли идеализировать Р.П.Мосолова, да и других представителей командования 15 отдельной бригады специального назначения, с которыми мне в разное время пришлось служить. Однако все они, будучи совершенно обычными людьми, своей работой, отношением к делу, к своим подчиненным и сослуживцам вызывали у большинства офицеров и солдат бригады совершенно искреннее уважение. А это в свою очередь очень благотворно влияло на общую морально-психологическую обстановку в бригаде, что создавало хорошие условия для максимальной самоотдачи в работе от каждого офицера, сержанта и солдата. Видимо, в определенной мере и по этим причинам все мы служили в 15 отдельной бригаде специального назначения с большим удовлетворением и самоотдачей.

ЗАМКОМБРИГ ПО ТЫЛУ ПОЛКОВНИК НИКОЛАЙ ДМИТРИЕВИЧ МЕЛЬНИКОВ

Заместитель командира бригады по тылу полковник Н.Д.Мельников был самым старшим по возрасту среди заместителей полковника Р.П.Мосолова. Он также, как и большинство офицеров нашей части, всю жизнь прослужил в спецназе, пройдя путь от командира группы до командира отряда специального назначения. Однако в связи с тем, что в свое время военную академию ему закончить не удалось, пришлось перейти на должность начальника тыла бригады. Здесь Николай Дмитриевич навел идеальный порядок. Все у него в службе, начиная от солдатской столовой и кончая складами и даже свинарником, сверкало и блестело. Это было потому, что заместитель командира нашей бригады по тылу во все вникал лично сам. Именно поэтому с вещевым и продовольственным снабжением ни у солдат, ни у офицеров нашей части особых проблем никогда не возникало.

По его инициативе и непосредственном участии у каждого солдата бригады появился так называемый пятый комплект повседневной формы одежды, что позволяло нам, командирам подразделений обеспечивать и поддерживать опрятный внешний вид подчиненных. И это при том, что для полевых занятий, учений и прыжков с парашютом у наших бойцов и офицеров была зимняя специальная одежда, а также летняя специальная форма одежды, которую из-за ее желтого цвета мы называли «песочкой». Ее очень любили носить солдаты и офицеры по любому случаю и без такового, так как она была очень удобна и практична в столь жарком узбекском климате.

Призыв комбрига Мосолова относительно того, что солдат спецназа по внешнему виду должен в лучшую сторону на порядок отличаться от военнослужащих других родов войск, Николай Дмитриевич на деле воплощал в жизнь. Это у него получалось легко, будто бы само собой разумеющееся. Когда же он уволился, то в службе тыла бригады начали появляться, а затем и усугубляться те проблемы, которых при полковнике Н.Д.Мельникове никогда не было да и быть не могло.

Он пользовался заслуженным авторитетом практически у всего личного состава бригады, о чем красноречиво могло свидетельствовать то, что в кулуарах офицеры и солдаты нашей части, как говорится, от мала до велика, любовно называли его «Дядя Коля». В этой связи с удовольствием, и не без улыбки, всегда вспоминаю свою первую встречу с Николаем Дмитриевичем.

Как-то, когда не прошло еще и двух недель моего пребывания в бригаде, в одну из суббот все офицеры роты отдыхали, а я был ответственным за проведение парко-хозяйственного дня. Вдруг в канцелярию, где я писал очередной конспект для занятий, буквально вбежал дежурный по роте сержант В.Бахтий со словами: «Товарищ лейтенант, Дядя Коля по плацу идет в направлении нашей роты!». «Ну и пусть себе идет», - ответил я, не отрываясь от конспекта. «Да это же замкомбрига по тылу полковник Мельников», - с

выпученными глазами на перекошенном лице выпалил Валерий. Я быстро сообразил, что мне необходимо достойно представить роту в глазах прямого начальника, и, поддавшись возбужденному настроению дежурного по роте, бегом выбежал навстречу полковнику Мельникову.

После доклада о том, что шестая рота занимается по плану паркохозяйственного дня, Николай Дмитриевич переспросил мою фамилию и прошел в расположение сначала шестой роты, а затем роты связи нашего отряда, которая находилась в противоположном крыле казармы. Сделав несколько незначительных замечаний по внутреннему порядку в расположении рот нашего отряда спецназ, заместитель командира бригады по тылу Н.Д.Мельников ушел. «Ну, сегодня, видимо, благоприятное расположение звезд на узбекском небе, - сказал, облегченно вздохнув, сержант Бахтий. – Пронесло. Обычно Дядя Коля очень строг. Всегда устраивает серьезную выволочку всем и за все. Нас сегодня эта участь, слава Богу, миновала».

Очень часто вспоминаю сам или во время встреч со своими бывшими сослуживцами о том, как Николай Дмитриевич на личном примере учил нас служить в спецназе. Будучи от природы человеком сухощавым и очень крепким, он не упускал возможности зайти на спортгородок, когда там занималось физической подготовкой какое-либо подразделение, и продемонстрировать свои физические способности. Он, как правило, снимал фуражку и галстук и на перекладине держал «уголок». При условии, что полковнику Мельникову в те времена было уже далеко за 50, делал он это упражнение спокойно и очень долго, а когда заканчивал, то лицо его выражало не усталость, а лишь то, что ему просто надоело демонстрировать молодым спецназовцам, как и сколь долго они должны уметь держать на перекладине «уголок». Мало кто из нас, молодых солдат, сержантов и офицеров мог выполнять это упражнение точно так, как это делал Николай Дмитриевич.

Помнится, как однажды, когда Федя Волох уже женился на дочери Николая Дмитриевича Галине, я пришел к Мельниковым в гости, где в то время жили молодожены. Когда наши посиделки зашли далеко за полночь, и разговор, как водится в таких случаях, постепенно, сам собой перешел на обсуждение служебных тем, а мы с Федором уже начали «выпендриваться» относительно того, что являемся «суперскими спецназовцами» или, как мы тогда говорили «Рэксами», Дядя Коля, сказав свое обычное: «Тихо будь!» - предложил нам посоревноваться с ним. Держать «уголок» было решено, упершись руками в подлокотники кресел, бывших в квартире Мельниковых. Как можно догадаться, несмотря на все наши с Федей титанические усилия, Николай Дмитриевич, в свои-то годы, продержал «угол» намного дольше, чем это смогли сделать мы, молодые крепкие и тренированные лейтенанты, командиры групп специального назначения. В этом была определенная загадка полковника Мельникова.

Как-то однажды, я лично был свидетелем случая, который также красноречиво характеризует Николая Дмитриевича. В день отправки из части первой партии солдат, увольняемых в запас, я, вместе с несколькими офицерами и прапорщиками, стоял около так называемой «автопоилки» - специально оборудованного водопроводного крана, из которого постоянно текла вода для питья. В это время мимо «поилки» пробежали два солдата-

дембеля, которые, как мы знали, через час должны участвовать в церемонии прощания с Боевым Знаменем бригады. Лица их выражали радость, и бежали они в направлении каптерок, где должны были переодеваться в парадную форму. Поэтому внешний вид у них был, как говорят в армии, «расхристанный».

У большинства из тех офицеров, кто видел этих «дембелей», такой внешний вид не вызвал совершенно никаких отрицательных эмоций, так как всем все было и так понятно и без дополнительных объяснений. Однако полковник Мельников остановил пробежавших мимо него солдат, сделал им замечание и потребовал привести форму одежды в порядок. Бойцы, откровенно улыбаясь, заявили, что они ведь уже «дембеля» и торопятся в каптерку, чтобы переодеться в парадную форму и успеть на торжественное построение бригады. «Ах, так вы «дембеля»? Ну, тогда покажите, чему вы научились за два года службы в спецназе», - заявил Николай Дмитриевич и предложил им отжаться от земли на количество раз.

Все присутствовавшие около поилки с интересом наблюдали за происходившим. Солдаты все с теми же улыбками, выражавшими полную готовность показать заместителю командира бригады по тылу высший класс выучки старослужащих солдат войск специального назначения, приняли упор лежа и начали интенсивно и довольно легко отжиматься. В это время полковник Мельников передал кому-то из стоявших рядом офицеров свою фуражку, снял галстук, а когда бойцы, запыхавшись, закончили отжимание и встали, Николай Дмитриевич легко отжался от земли намного больше, чем оба спецназовца вместе взятые. Глядя на несколько поникших и удивленных солдат, полковник Мельников с гордостью и под дружный хохот всех, кто видел эту картину, спросил: «Так, кто из нас в большей степени «дембель»? Вы или я?» - и отпустил поникших «дембелей» готовиться к построению бригады.

НАЧАЛЬНИК ШТАБА БРИГАДЫ ПОДПОЛКОВНИК ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КОЛЕСНИК

Из всех представителей командования бригады особое мое внимание всегда привлекал начальник штаба подполковник В.В.Колесник. Возможно, это было потому, что именно ему я представлялся, когда прибыл в часть, возможно еще по какой-то причине. В ходе совещаний и других мероприятий Василий Васильевич, как правило, выступал очень редко. В основном это были лишь краткие замечания и реплики по отдельным обсуждавшимся вопросам. Однако в его обязанности, как начальника штаба нашей части, входило доведение до офицеров и прапорщиков содержания различных приказов, распоряжений и директив Командования. Поэтому, когда Колесник выходил на трибуну, то приходилось невольно наблюдать за ним. Во время одного из первых совещаний офицеров, на котором я присутствовал, я заметил, что наш начальник штаба, читая приказы, испытывает определенные трудности, так как тянет слова, а также делает достаточно длинные и, как мне казалось, совершенно неоправданные паузы. Создавалось впечатление, что Василий Васильевич при чтении текстов думает о чем-то своем, что отвлекает его от сути того, что он читал. Я внимательно слушал его, но причину такого поведения понять не мог.

На одном из очередных совещаний офицеров бригады я спросил об этом у сидевшего рядом со мной старшего лейтенанта Тимченко. Александр, отмахнувшись от меня, сказал лишь, что неизвестно, как бы я себя ощущал, если бы мне довелось пережить то, что пережил в годы войны Колесник. Такой ответ, естественно, заинтриговал меня еще больше, поэтому уже после совещания я подошел к замполиту нашей роты Олегу Кривопалову и задал тот же вопрос.

Олег, в отличие от Александра, довольно подробно рассказал о том, что отца и мать нашего начальника штаба, партизанивших с самого начала Великой Отечественной войны в лесах Полтавщины, по доносу предателя арестовали фашисты и 7 ноября 1941 года расстреляли на глазах у всех жителей той деревни, в которой жила семья Колесников. Казнь родителей видел и маленький Вася, которому тогда еще не исполнилось и шести лет. После испытанного нервного потрясения он стал сильно заикаться. Данный недостаток ему удалось преодолеть усиленными тренировками и то лишь к окончанию Орджоникидзевского суворовского военного училища.

«Именно поэтому, - заключил Кривопалов, - Василий Васильевич до сих пор испытывает определенные трудности, когда приходится выступать перед личным составом на собраниях и совещаниях или читать вслух какие-либо тексты. Все в части об этом знают и фактически не замечают некоторых шероховатостей в речи Колесника. Кстати, данные обстоятельства биографии

Василия Васильевича, особенно стремление и упорство, с которым он добивался исправления имевшихся в его речи недостатков, - по словам Олега, - способствовали повышению его авторитета у личного состава бригады».

После рассказа Олега Кривопалова я также проникся особым чувством уважения к Колеснику, так как понимал, что не всякий человек выдержит и переживет выпавшие в детстве на его долю столь серьезные испытания. Вызывало уважение также и то, что он, закончив суворовское военное и офицерское училища, а также Военную академию имени М.В.Фрунзе, всю жизнь служил в спецназе. Начиная с 1956 года, когда, например, я, как говорят, еще под стол пешком ходил, Василий Васильевич прошел путь от простого командира группы, какими большинство из нас были тогда, в 1974 году, до начальника штаба 15 отдельной бригады специального назначения. Как я уже говорил, все, что удалось в то время узнать о нашем начальнике штаба, не могло не вызывать чувство гордости за него и невольно заставляло еще больше работать над собой, чтобы хоть в чем-то походить на Колесника.

НАЧАЛЬНИК ПОЛИТОТДЕЛА БРИГАДЫ ПОДПОЛКОВНИК НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ЛЫСАК

Начальник политического отдела 15 обрСпН подполковник Н.В.Лысак прибыл к нам в августе 1974 года, примерно за месяц до того, как мы, молодые лейтенанты-выпускники военных училищ, начали приезжать в бригаду. Помню, как в первый же день моей службы Олег Кривопалов направил меня к начальнику политотдела бригады подполковнику Лысаку представляться. Беседа была непродолжительной по времени и, как говорят в таких случаях, емкой по содержанию, благодаря чему все поднятые в ходе нее вопросы в деталях остались в памяти до сих пор.

Николай Васильевич, к моему удивлению, фактически единственный из прямых начальников бригады поинтересовался моими оценками в дипломе об окончании училища. Отдельно он остановился на результатах изучения общественно-политических дисциплин в училище, увязав их с эффективностью проведения с подчиненным личным составом занятий по политической подготовке. Коротко коснувшись обстановки в шестой роте, в которую меня назначили, он отдельно остановился на том, что командир группы в своей работе с самого начала должен уделять серьезное внимание недопущению неуставных отношений в солдатской среде. При этом начальник политотдела рассказал, что совсем недавно именно в шестой роте произошел вопиющий случай, когда сержант Мамедов ударил молодого солдата и сломал ему челюсть, за что был осужден судом военного трибунала. Этот факт, по словам Лысака, еще не свидетельствует о том, что в роте капитана Голубовича все плохо, но надо иметь в виду, что в плане неуставных взаимоотношений в роте могут быть проблемы, над которыми всем нам, а командирам групп спецназ, в первую очередь, надо будет много работать.

Начальник политотдела поинтересовался наличием у меня прыжков с парашютом и, узнав, что я еще не прыгал, заявил, что он в бригаду прибыл служить лишь около месяца назад, а до этого был замполитом в артиллерийском полку 155 мотострелковой дивизии. «Вот, будем с Вами вместе осваивать воздушно-десантную подготовку, с той лишь разницей, что Вам 22 года, а мне скоро будет 40 лет. Но, ничего, справимся!» - с уверенностью в голосе заявил Николай Васильевич.

ЗАМКОМБРИГ ПО ВОЗДУШНО- ДЕСАНТНОЙ СЛУЖБЕ ПОЛКОВНИК ВИКТОР АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛЕНСКИЙ

Заместителем командира бригады по воздушно-десантной службе был полковник В.А.Ленский. Специфика его работы, где все подчинено букве инструкций, наставлений и приказов, наложила заметный отпечаток на характер Виктора Александровича и его отношение ко всему, чем ему приходилось заниматься на работе. Он, как мне казалось, никогда не делал то, что не было определено соответствующими руководящими документами, а если чем-то и занимался, то делал это исключительно в соответствии с тем, как предписывают инструкции и приказы. Такого же отношения, прежде всего к воздушно-десантной подготовке, он требовал от всех командиров подразделений и начальников служб части, так как считал такое отношение к ВДП необходимым условием безаварийности при совершении бригадой прыжков с парашютом.

Показательных примеров, характеризующих личность Виктора Александровича, было очень много, однако мне хочется привести лишь один, но который наиболее наглядно отражает его личностные особенности. Как-то на очередном совещании офицеров полковник Ленский встал и долго призывал молодых офицеров и прапорщиков бригады не нарушать существующий порядок и выходить из части только через КПП, а не прыгать через забор, чтобы сократить путь домой. «Мало того, что вы подаете плохой пример своим солдатам и сержантам, - говорил Виктор Александрович, - так вы же еще ноги себе переломать можете!»

Народ в зале загудел, а кто-то из присутствовавших довольно громко сказал: «Что же это за спецназовец, если, прыгая через забор, он может сломать ногу». Отвечая на эту реплику, Ленский начал долго пространно рассуждать о том, что не следует искушать судьбу и лишний раз подвергать себя опасности. Завершая свою речь, он совершенно серьезно заявил: «Вот я, например, никогда и никуда не лезу без надобности. Надо мне, например, телевизор посмотреть, зову жену, чтобы включила телевизор, - слушая Виктора Александровича, офицеры и прапорщики в зале начали тихонько хихикать, а он тем временем продолжал. – А когда закончу смотреть телевизор, прошу, чтобы она его выключила. Сам я ничего никогда такого не делаю, так как, не дай Бог, еще током ударит, - заключил полковник Ленский под громкий хохот офицеров и прапорщиков, находившихся в зале.

Когда мы расходились после завершения этого совещания, то все громко обсуждали полушутливое, полусерьезное заявление полковника Ленского. Нам было понятно, что Виктор Александрович с присущим ему чувством юмора попытался обратить наше внимание на необходимость постоянного соблюдения мер безопасности во всем и всегда.

СОВЕЩАНИЯ ОФИЦЕРОВ БРИГАДЫ

Где-то однажды прочитал весьма спорное высказывание, которое гласило, что «совещания незаменимы, когда вы не желаете ничего делать». Однако жизнь порой вносит свои коррективы в те жизненные постулаты, которые приходится порой вычитывать в книгах или периодически наблюдать в повседневной жизни. Поэтому всегда считал весьма важным и показательным аспектом деятельности любого воинского формирования совещания офицеров и прапорщиков. Порой достаточно один единственный раз побывать на совещании офицеров части, чтобы понять, что собой представляет данная воинская часть, какой в ней уровень боевой и политической подготовки, дисциплины и порядка и т.д.

Однако это стало понятно мне не с начала моей службы в бригаде. В начале своей службы в 15 бригаде спецназ я лично, видимо, как и большинство моих ровесников, не совсем понимал ту роль и значение, которое играют еженедельные совещания офицеров бригады, которые проводились по пятницам, после обеда. Однако постепенно стал относиться к ним более внимательно, стараясь извлечь из них возможно больше пользы для себя и моей повседневной работы, так как многое из того, что происходило на совещаниях и о чем можно было узнать молодому офицеру во время их проведения, оказывалось весьма полезным, поучительным и интересным.

Прежде всего, именно в ходе проведения служебных совещаний можно было ознакомиться с теми руководящими документами, директивами, приказами и инструкциями, которые периодически вводились в действие в Вооруженных силах и войсках специального назначения. Однако это было далеко не главное. Самым главным их содержанием, по-моему, являлось то, что совещания дают возможность, особенно младшим офицерам, которые, как правило, в работе основное внимание уделяют своим подразделениям, узнать, чем живут другие подразделения, воинская часть, в которой офицер служит, и Вооруженные силы в целом.

Кроме того, совещания предоставляли офицерам и прапорщикам нашей бригады практически единственную в своем роде возможность собраться вместе, а иногда и обсудить насущные проблемы, которые в рамках, например, роты или батальона невозможно решить. Только на таких совещаниях могли быть сразу до всех офицеров части доведены, например, подходы и установки командования бригады и вышестоящего руководства по тому или иному вопросу.

Видимо, исходя из утверждения, что «совещания незаменимы, когда вы не желаете ничего делать», еженедельные совещания офицеров в 15 отдельной бригаде специального назначения, как правило, проходили недолго и поделовому. Одной из их специфических особенностей было то, что на них совершенно не действовало хорошо испытанное и зарекомендовавшее себя в других воинских частях правило, которое гласит: «не опаздывай на служебное

совещание – будешь сидеть в первом ряду». Опоздания на совещания в 15 обрСпН были не просто не приняты, они совершенно не допускались. Считалось, что для любого офицера или прапорщика спецназа, так же, как, в общем-то, и для сержанта или солдата, совершенно недопустимо опаздывать куда-либо, а тем более на совещания. Поэтому, если кто-то по каким-нибудь, пусть даже самым уважительным причинам опаздывал прийти к назначенному времени, то он просто не ходил на данное совещание, дабы не навлечь на себя гнев и недовольство прямого и непосредственного начальства.

Служебные совещания в нашей бригаде были порой весьма интересны и поучительны, особенно если тебе лично или подразделению, в котором ты служишь, командование не предъявляло никаких претензий. В этом случае ты постигал какие-то служебные вопросы не на собственном горьком опыте, а на негативном опыте других твоих сослуживцев, что, естественно, намного приятнее и, думаю, поучительнее.

Как правило, совещания проводились в хорошей эмоциональной обстановке, которую, в основном, создавал и поддерживал командир бригады полковник Р.П.Мосолов. Доведение каких-либо приказов или обсуждение того или иного вопроса, касающегося специфических сфер учебной деятельности нашей части, Роберт Павлович, в присущей только ему манере поведения, сопровождал многочисленными своими собственными комментариями и пояснениями, которые у него перемежались шутками и поучительными, в основном юмористическими примерами из его мирной или военной службы и жизни.

Опять же, можно было бы привести множество примеров того, как при полковнике Р.П.Мосолове проводились совещания в 15 отдельной бригады специального назначения, но для иллюстрации этой его особенности достаточно вспомнить лишь некоторые из них. Помнится, как однажды в самом конце 1974 года обсуждался вопрос исполнительской дисциплины и отношения офицеров бригады к воинской службе. Мосолов встал и, выражая свое мнение по данной проблеме, старательно пряча в уголках губ хитроватую улыбку, после небольшой преамбулы и приведения каких-то конкретных примеров с фамилиями наших сослуживцев, с уже довольно серьезным лицом, достаточно строго заявил буквально следующее: «У меня в бригаде, которой я командую уже много лет, все-таки есть такие офицеры, их, правда немного, но они есть, которые совершенно не пьют, не курят, воинскую дисциплину не нарушают, при этом, заметьте, даже женщинами не увлекаются, однако они ведь и ни черта не работают. Так, скажите, пожалуйста, зачем мне в бригаде специального назначения нужны такие офицеры? – поинтересовался комбриг под гомерический хохот всего офицерского состава бригады. – А ведь всем известно мое требование, суть которого сводится к тому, что офицер спецназа должен быть примером для солдата во всем, то есть должен постоянно работать над собой, постоянно совершенствоваться по всем аспектам его уникальной воинской специальности».

Продолжая рассуждать о роли офицеров-командиров групп специального назначения, Мосолов далее заявил: «Ведь само собой разумеется, что лучше стадо баранов во главе с львом, чем стадо львов во главе с бараном. Даже состоящая из молодых плохо обученных солдат разведывательная группа

специального назначения способна выполнить поставленные Командованием задачи, если у нее будет толковый опытный и знающий командир. Но маловероятно, что группа, состоящая из «рэксов», как вы любите себя называть, выполнит все задачи, если ее возглавит плохо подготовленный, слабый, малоопытный командир группы», - закончил Роберт Павлович свое короткое, но, как говорят в таких случаях, «яркое по форме, глубокое по содержанию» и воспитательному наполнению выступление перед своими подчиненными.

В общем, Роберт Павлович как личным примером, так и своими призывами мобилизовывал всех нас, своих подчиненных, относиться к службе с огоньком и творчески, часто повторяя, что «жизнь без труда постыдна, а труд без творчества не достоин человека».

Многие употреблявшиеся Мосоловым выражения и фразы, как я уже говорил выше, впоследствии стали у офицеров, солдат и сержантов бригады крылатыми, часто использовались в служебной деятельности и в жизни и определяли наши подходы или отношение к тому или иному служебному или жизненному вопросу. Например, Роберт Павлович часто говорил: «Солдат специального назначения по внешнему виду должен выглядеть на порядок лучше, чем солдат других родов войск и служб» или «Солдату спецназа на гауптвахте делать нечего». Когда Роберт Павлович был чем-то недоволен, то обычно говорил: «Пехота, вы, драная!». С его легкой руки это выражение намертво вошло в устойчивый лексикон солдат и офицеров нашей бригады. Более того, это выражение несколько трансформировали, и оно приобрело новый вид: «Пехота красномордая» или «Пехота тупорылая».

Как-то на совещании офицеров бригады перед праздником Великого Октября в 1974 году начальниками и командирами разных уровней было много сказано о необходимости поддержания дисциплины и порядка в части в этот период. Сначала все казалось достаточно рутинным и обыденным, как это бывает на таких мероприятиях. Начальник штаба бригады В.В.Колесник зачитал приказ о назначении личного состава в караул и наряд по КПП, КТП и на кухню в праздничные дни, были даны указания об инструктаже дежурных по подразделениям и необходимости контроля за несением подчиненными внутренней и караульной службы, выполнения правил пожарной безопасности и так далее.

Когда в конце совещания слово взял командир части Р.П.Мосолов, Олег Кривопалов легонько подтолкнул меня в бок и, загадочно улыбаясь, тихо сказал: «Ну, теперь слушай внимательно». Роберт Павлович встал, осмотрел всех присутствующих в зале, несколько слов сказал о предстоящем празднике, а затем, обращаясь к офицерам и прапорщикам бригады, вновь потребовал обеспечить проведение праздников без каких-либо происшествий в своих подразделениях, для чего необходимо организовать проведение запланированных мероприятий и отдых личного состава, а также осуществлять постоянный контроль за подчиненными.

Значительную часть в выступлении командира заняло напутствие всем присутствовавшим на совещании офицерам и прапорщикам по тому, как необходимо провести праздник. Роберт Павлович, в частности, сказал, что праздник Великой Октябрьской революции, конечно же, надо отметить в

семьях или различных микроколлективах и компаниях. Ссылаясь на свой богатый жизненный опыт, он предупредил, что, если кто-то пойдет в ресторан, то при расчете все, кто будет в данной компании, должны расплачиваться одинаково. При этом командир бригады добавил: «Ведь деньги, как известно любят счет. Уж, я-то знаю, как начинаются конфликты из-за нерешенных денежных проблем».

Закончил свою речь Роберт Павлович напоминанием о том, как надо, или как не надо пить спиртное. Те, кто давно служил в части, видимо, уже слышали то, что он намеревался сказать, и заранее начали улыбаться. А Мосолов, остановившись на необходимости соблюдения меры питья, сначала использовал давно известную в армии присказку: «Каждый должен знать свою меру. Выпил бутылку, выпил две бутылки и остановись. Зачем же напиваться, - а затем продолжил. - При этом надо всегда знать, с кем пить, сколько, когда и где». Под всеобщие улыбки и смех, вновь лукаво улыбаясь своей широкой улыбкой, Роберт Павлович обратился к нам, недавно прибывшим в часть молодым офицерам со словами: «А молодых лейтенантов, недавних выпускников военных училищ, я предупреждаю, что моя доза спиртного для многих из вас просто смертельна. Поэтому каждый из вас должен знать свою личную дозу спиртного и строго руководствоваться этим».

Расходились мы с совещания с улыбками и шутками, на разные лады интерпретируя заключительные слова комбрига по поводу того, что каждый должен знать свою личную дозу спиртного. Эти простые житейские истины многим из нас запомнились на всю жизнь, и, думаю, для большинства из нас имели однозначное воспитательное значение.

На фоне предпраздничных призывов Мосолова к разумному употреблению спиртного, мне сразу же вспомнились первые совещания офицеров бригады, на которых Роберт Павлович буквально поразил молодых лейтенантов тем, что он строго распекал одного из командиров рот первого отряда, где офицеры и прапорщики постоянно допоздна находились в расположении роты. Комбриг обвинил этого командира роты в неумении работать, а также организовать работу подчиненных ему офицеров так, чтобы они не засиживались в подразделениях после 18:00. При этом Мосолов запретил командирам подразделений находиться в части после окончания рабочего дня без особой на то необходимости. «Пусть в нерабочее время работают сержанты», - заявил Роберт Павлович.

Закончил он свое выступление на том совещании словами: «Кстати, у меня есть два билета на спектакль Ташкентского русского драматического театра имени А.М.Горького, который сегодня дает представление в Чирчикском доме культуры химиков, - вытащив из кармана рубашки билеты в театр, он показал их нам. - Иду на спектакль с женой, - продолжал командир бригады. - Хотелось бы видеть там как можно больше наших офицеров и прапорщиков вместе со своими супругами, у кого они есть, или с подругами».

Нам всем было совершенно понятно, что призывы командира упорядочить рабочий день офицеров бригады, в том числе, и его искреннее приглашение сходить на спектакль, - это далеко не позерство со стороны Мосолова, а его стремление создать в бригаде необходимые условия для того, чтобы его подчиненные относились к службе с еще большей самоотдачей,

работали еще более эффективно и качественно, а не «отрабатывали номер», как порой говорят в таких случаях.

Эти призывы Роберта Павловича, в свою очередь, накладывались на наши совсем еще свежие воспоминания о том, как комбриг сделал все, чтобы после сдачи итоговой осенней проверки за 1974 год офицеры, прапорщики и солдаты получили необходимое количество выходных в качестве компенсации за сверхурочную работу в период подготовки к проверке. Да, такой командир, каким был полковник Мосолов, вызывал искреннее чувство уважения и восхищения у подчиненных. Его стиль руководства нашей бригадой однозначно способствовал тому, что офицеры и прапорщики, а следовательно, солдаты и сержанты с еще большим удовольствием служили здесь и стремились добиваться еще больших результатов в боевой и политической подготовке в своих подразделениях.

Как правило, если во время очередного совещания к тебе лично или к твоему подразделению, в котором ты служишь, не было никаких претензий, то, благодаря комбригу, можно было насмеяться до слез, когда Роберт Павлович в типичной для него, как правило, юмористической манере распекал какого-либо разгильдяя, ярко и образно, во всеуслышание расписывая его «художества». Приведу только один пример, который наиболее наглядно характеризует эту достаточно яркую особенность личности полковника Р.П.Мосолова и показывает ту атмосферу, в которой проходили совещания офицеров и прапорщиков 15 отдельной бригады специального назначения.

Как-то в конце одного из совещаний Роберт Павлович медленно встал со своего места, несколько задумался, вероятно, собираясь с мыслями. Но его лукавая улыбка, которая еле заметно промелькнула в тот период на его лице, для многих, в том числе, к тому времени уже и для нас, молодых офицеров, однозначно свидетельствовала, что сейчас кому-то из присутствующих на данном совещании офицеров здорово достанется. И мы, в общем-то, не ошиблись.

Мосолов начал издали: «Сегодня я был на совещании в Чирчикском городском совете, депутатом которого я являюсь, - начал из далека командир бригады. - Там пришлось обсуждать много различных вопросов, однако самым главным из обсуждавшихся был вопрос о том..., - Роберт Павлович немного задумался, а мы все несколько напряглись, так как чувствовали, что комбриг подходит к самому главному в своем выступлении. — Так вот, вопрос был о том, что, когда супруга одного из офицеров нашей бригады старшего лейтенанта ..., - командир назвал его фамилию, и этот офицер несколько удивленный поднялся со своего места на всеобщее обозрение, - уезжает в командировку, - после этих слов многим из присутствующих стал понятен ход мысли Мосолова, и одни начали улыбаться, а другие, закрывая лицо руками, пытались сдерживать смех. - Наш офицер в отсутствии жены бегаёт по Чирчику с хреном на перевес, как Георгий Победоносец с копьем». Можно представить, что последние слова командира бригады просто потонули в гомерическом хохоте нескольких десятков человек, находившихся в зале.

От души заливаясь смехом, и вытирая слезы, все понимали, что ни на каком совещании в горсовете Чирчика Мосолов, конечно же, не был, он лишь избрал данное городское учреждение, чтобы как можно ярче выпятить

проблему, которая ему стала известна, видимо, совершенно по другим каналам. При этом однозначный воспитательный эффект, на который он рассчитывал, был достигнут и не только в отношении того офицера, о котором шла речь, но и, что еще более важно, в отношении всех остальных офицеров и прапорщиков части, которые, видимо, сделали какие-то собственные выводы и для себя. И таких примеров, характеризующих работу полковника Роберта Павловича Мосолова со своими подчиненными во время проведения еженедельных совещаний офицеров и прапорщиков бригады, можно было бы привести достаточно много.

ПРАЗДНИК ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

7 ноября 1974 года бригада, несмотря на то, что являлась засекреченным соединением, все-таки по традиции принимала участие в праздничном митинге и демонстрации, которые проходили в центре Чирчика, на площади Ленина. Кстати, настоящие десантники из Чирчикского парашютно-десантного полка в это время достойно демонстрировали себя в столице Узбекистана, участвуя в параде войск Ташкентского гарнизона.

Находясь в строю 6 роты, я внимательно наблюдал за курсантами Чирчикского танкового училища, парадная коробка которых располагалась в строю прямо напротив нас. Курсанты-танкисты с интересом рассматривали Вымпел министра обороны СССР, а также Боевое Знамя нашей бригады, которое перед его выносом из части свернули и закололи обычными булавками таким образом, чтобы невозможно было прочесть истинное название нашей части.

Я обратил внимание на то, что один из курсантов-танкистов с кадетским значком на груди внимательно смотрит на меня. Видимо, наличие и у меня на кителе знака об окончании СВУ давало курсанту уверенность рассчитывать на кадетскую солидарность и, следовательно, возможность пообщаться между собой хотя бы взглядами, так как мы оба стояли в строю. Курсант взглядом показал на Вымпел министра обороны и мимикой изобразил на лице искреннее удивление и почтение, затем, кивнув на наше Боевое Знамя, взглядом изобразил немой вопрос. Как можно было судить, он спрашивал, что же на нем написано и почему оно заколото. Я, в свою очередь, лишь развел руками в молчаливом ответе ему.

Продолжая беззвучный диалог, мой собеседник, показав на свой кадетский знак и используя жестикуляцию рук, высказал удовлетворение тем, что в нашей роте из шести офицеров четверо являются выпускниками суворовских военных училищ. Увлечшись «беседой» с курсантом, я не заметил, что капитан Голубович, улыбаясь, внимательно наблюдал за нами. Я коротко пересказал командиру роты суть моих перемигиваний с курсантом, делая акцент на том, что у курсантов-танкистов наш Вымпел вызвал уважение и почтение, ну а Боевое Знамя нашей части - массу вопросов и непонимания. Однако вскоре последовала команда: «К торжественному маршу!» - и наша бригада, вместе с другими участниками парада, начала необходимые перестроения, чтобы принять участие в Чирчикском минипараде. Того курсанта-кадета я, конечно же, сразу потерял из виду. Однако до сих пор хорошо помню, с каким почтением он смотрел на наш Вымпел министра обороны и Боевое Знамя части.

Кстати, именно на октябрьские праздники в моей группе случилось первое чрезвычайное происшествие. Несмотря на то, что в преддверии 7 ноября я, единственный из командиров групп нашей роты, несмотря на то, что постоянно был на сборах молодых офицеров, нашел возможность собрать своих подчиненных в лингафонном классе. В ходе данного мероприятия поздравил всех с наступающими праздниками, напомнил о необходимости соблюдения дисциплины и порядка. Тем не менее, несмотря на проведенную с личным составом беседу, старший разведчик ефрейтор Джумабаев, будучи в городе в увольнении, напился и попал на гауптвахту.

В связи с этим происшествием мне пришлось написать рапорт, в котором изложил суть проступка Джумабаева с предложением объявить ему десять суток ареста. Все непосредственные и прямые мои начальники без всяких вопросов подписали рапорт. Однако командир части полковник Мосолов рапорт не подписал. Роберт Павлович считал, как уже упоминалось выше, что солдату спецназа на гауптвахте делать нечего, и всячески пропагандировал данную свою позицию в нашей бригаде. Поэтому Джуму, как его звали солдаты шестой роты, на «губу» не посадили.

Мои же коллеги, командиры групп нашей роты после этого случая всячески подкалывали меня по поводу эффективности политико-воспитательной и различного рода планово-предупредительной работы с личным составом. «Вот мы никаких бесед со своими солдатами не проводили, - заявил, например, Сережа Золотарев, имея в виду себя и всех остальных командиров групп шестой роты, - а из наших групп никто на праздник не напился. А ты всех собрал, душевно побеседовал, настроил, призвал к порядку, а Джумабаев все равно напился».

НОВЫЙ УЧЕБНЫЙ ГОД

Незадолго до 1 декабря 1974 года, когда фактически начинался новый учебный год, в бригаде по традиции проводился смотр учебно-материальной базы. Подразделения спецназ, связи, рота радио- и радиотехнической разведки, авторота разместили на плацу имеющиеся в наличии учебные пособия, литературу, плакаты, тренажеры, в общем, все, что используется в ходе учебного процесса. Надо сказать, что данное, казалось совершенно обыденное мероприятие в нашей бригаде, имело весьма большое значение, так как с началом смотра учебно-материальной базы командиры различных уровней ходили среди выставленных на всеобщее обозрение экспонатов и сравнивали с тем, что имеется в других подразделениях, чтобы что-то позаимствовать и перенять для материально-технической базы своих подразделений.

К концу дня специальная комиссия, состоявшая из начальника штаба части, офицеров штаба, оперативно-разведывательного отделения и различных служб, во главе с начальником штаба бригады подполковником В.В.Колесником осматривала и оценивала состояние учебно-материальной базы в каждой роте. В результате данного мероприятия, был издан соответствующий приказ по бригаде, в котором определялись победители и, естественно, побежденные и предлагались различные меры по дальнейшему, более углубленному совершенствованию учебно-материальной базы нашей части и отдельных ее подразделений.

Фактически после завершения в бригаде смотра учебно-материальной базы начинался новый учебный год. Как правило, новый год начинался с проведения командиром части первого занятия по тактико-специальной подготовке в клубе части, в ходе которого до всех солдат, сержантов и офицеров доводился состав и предназначение 15 отдельной бригады специального назначения.

ИСТОРИЯ 15 БРИГАДЫ СПЕЦНАЗ

Согласно давно установившейся традиции, ежегодно 30 декабря в нашей части отмечался День образования 15 отдельной бригады специального назначения. Вообще-то, официальный день образования части - 1 января 1963 года, но этот праздник всегда отмечали именно 30 декабря. Как правило, специально для проведения торжественного собрания наша бригада арендовала Дом культуры Узбекского комбината тугоплавких и жаропрочных металлов (УзКТЖМ), который находился недалеко от места расположения части.

Во время торжественного собрания 30 декабря 1974 года полковник В.А.Ленский зачитал доклад, из которого мы, молодые офицеры, фактически впервые узнали много интересного об истории 15 отдельной бригады специального назначения. Образована она была на базе 61 отдельного отряда спецназ Туркестанского военного округа. В связи с тем, что 61 ооСпН дислоцировался в то время слишком далеко от Ташкента, в Самарканде, местом расположения 15 обрСпН был выбран город Чирчик, который, как известно, находился в 30 км от столицы Узбекистана.

При разделе в 1969 году Туркестанского военного округа на два военных округа, Туркестанский и Среднеазиатский, было принято решение 15 бригаду спецназ, как уже упоминалось выше, вывести из состава ТуркВО и включить в состав САВО, который считался, да и на самом деле являлся военным округом первого разряда. Однако, видимо, по чисто материальным соображениям нашу бригаду оставили на территории Туркестанского военного округа, в городе Чирчик. Немаловажную роль в принятии именно этого решения сыграло и то, что в Чирчике к тому времени была создана довольно хорошая учебно-материальная база для подготовки разведчиков-диверсантов. При этом перевод 15 отдельной бригады специального назначения в другое место дислокации, конечно же, негативно сказался бы на уровне боевой подготовки спецназовцев. Данное мероприятие несомненно предполагало, что на новом месте необходимо было бы заново создавать все то, что уже давно существовало в Чирчике, где бригада находилась уже около шести лет.

В тот довольно сложный период серьезной напряженности в отношениях СССР с Китаем командование Главного разведывательного управления ГШ ВС СССР и Среднеазиатского военного округа не могло допустить, чтобы бригада спецназ на достаточно длительный срок была выключена из процесса плановой учебно-боевой подготовки. И руководство Министерства обороны, ГРУ, и командующий САВО генерал армии Н.Г.Лященко это прекрасно понимали.

Первым командиром нашей части был полковник Н.Н.Луцев, который командовал бригадой более четырех лет, после чего перевелся в пехоту, где он впоследствии получил звание генерал-майора. У Н.Н.Луцева бригаду в 1968 году принял полковник Р.П.Мосолов.

15 отдельная бригада специального назначения на протяжении всей своей истории всегда занимала передовые места в социалистическом соревновании как в ее бытность в составе Туркестанского так и Среднеазиатского военных округов. Кроме успешного выполнения планов боевой и политической подготовки, бригада с честью справлялась с различного рода заданиями Командования, которые нельзя было поручить другим частям и соединениям. Например, ее личный состав участвовал в подавлении бунта заключенных в одной из тюрем, расположенных в Казахстане, и успешно справился с этой необычной для спецназа тех времен задачей.

В 1965 году 15 бригаду спецназ привлекали для осуществления карантинных мероприятий при возникновении эпидемии холеры в Каракалпакии. Успешное выполнение этой несвойственной для спецназа задачи послужило поводом для целенаправленного привлечения 15 обрСпН для обеспечения карантина во время эпидемии холеры в Астраханской области в 1970 году и черной оспы в Аральске в 1971 году.

Само собой разумеется, 15 отдельная бригада специального назначения всегда с достоинством и честью выполняла все задачи боевой и политической подготовки, поставленные ей. Это постоянно проявлялось в ходе обычной боевой учебы, где бригада постоянно занимала первые места по уровню боевой и политической подготовки, а также практически всегда показывала высокие результаты на различного рода учениях как Среднеазиатского военного округа, так и на учениях, которые проводились в масштабах Вооруженных сил.

После доклада полковника В.А.Ленского командир бригады Р.П.Мосолов с большим удовольствием зачитал поздравительные телеграммы, поступившие в бригаду из Главного разведывательного управления Генерального штаба, Разведывательного управления штаба Среднеазиатского военного округа, а также от бывших офицеров и солдат нашей части, служивших в ней раньше. Последнее было особенно приятно, так как красноречиво, без каких-либо натяжек свидетельствовало о том, что многие из тех, кто раньше служил в 15 отдельной бригаде специального назначения, сохраняют к ней особое чувство любви и уважения, чувство гордости за то, что когда-то служили в этой прославленной и любимой ими воинской части.

В конце торжественного собрания начальник штаба подполковник В.В.Колесник объявил приказ командира части о награждении победителей в социалистическом соревновании, а также о присвоении нескольким солдатам и сержантам бригады почетных званий «Лучший разведчик», «Лучший радист» и «Лучший минер». Тем солдатам и сержантам, которые завоевали эти звания, командир части полковник Мосолов вручил красочно оформленные выписки из приказа по части о присвоении этих званий и надел им на плечи красные ленты с соответствующими надписями.

Мой подчиненный сержант Андрей Фомин завоевал звание «Лучший разведчик» и получил из рук командира бригады выписку об этом и красную ленту. После завершения торжественного собрания состоялся праздничный концерт силами бойцов нашей части, в основном из внештатного музыкального взвода, а также артистов художественного коллектива Узбекского комбината тугоплавких и жаропрочных металлов.

Когда торжественная часть и концерт закончились, старшина Коваль повел роту в расположение части, где бойцов бригады ждал торжественный обед. Командир нашей 7 роты Саша Тимченко предложил офицерам и прапорщикам роты пойти в кафе, находившееся рядом с рестораном «Рохат», где мы в «узком коллективе ограниченных лиц» скромно отметили 12-ю годовщину образования 15 бригады спецназ под девизом: «Еще плотнее сплотим наши и без того стройные ряды для достижения еще больших и значимых успехов в боевой и политической подготовке!» Кстати, на закуску в кафе мы, среди прочего, заказали чучвару - очень вкусные узбекские пельмени, что вполне соответствовало торжественности данного сугубо кулуарного мероприятия офицеров и прапорщиков нашей роты.

В РАЗГАР НОВОГО УЧЕБНОГО ГОДА

В самом начале января нового 1975 года с проверкой в бригаду приехало несколько офицеров Разведывательного управления штаба Среднеазиатского военного округа во главе с начальником третьего отдела полковником Н.В.Воиновым, которого из-за его рано поседевшей, но достаточно пышной шевелюры офицеры как штаба округа, так и нашей бригады между собой звали не иначе, как «Седой». Члены комиссии в течение нескольких дней знакомились с ходом боевой и политической подготовки в подразделениях части, побывали на полевых и классных занятиях, а также на стрельбище. На многих занятиях они побывали и реально познакомились с процессом учебно-боевой подготовки разведчиков-спецназовцев

Как представляется, кроме всего прочего и обыденного, одним из реальных и ощутимых результатов приезда данной комиссии Разведывательного управления штаба САВО стало то, что всем ротам спецназ было приказано по очереди выехать в район сосредоточения бригады, находившийся недалеко от населенного пункта Багиш. В районе сосредоточения необходимо было привести в порядок блиндажи и укрытия, в которых планировалось в угрожаемый период или с началом военных действий осуществлять доподготовку к действиям в тылу противника разведывательных групп 15 отдельной бригады спецназ.

День, когда 7 рота выехала в район сосредоточения, выдался солнечным, морозным и безветренным. Часам к 10 утра, когда группы нашей роты начали заниматься своими блиндажами, мы заметили какое-то движение на площадке приземления, которая была хорошо видна с той сопки, где находился район, выделенный нашей роте. Оказалось, что на площадке приземления проходила подготовка к проведению прыжков с парашютом личным составом Чирчикского парашютно-десантного полка Ферганской воздушно-десантной дивизии.

В общем-то, в данном событии ничего необычного не было, кроме того, что десантники Чирчикского парашютно-десантного полка должны были впервые совершать прыжки с новыми парашютами Д-5 из военно-транспортного самолета Ан-12, при этом из Ан-2 десантники, как можно было судить, уже успели отпрыгать положенное количество прыжков с новыми парашютами. Если в нашей бригаде на вооружении до сих пор еще стояли парашюты Д-1-8, то Ферганская воздушно-десантная дивизия еще в 1974 году была оснащена новыми, более простыми в эксплуатации и укладке парашютами Д-5. Поэтому мы, занимаясь дооборудованием своих капониров, в которых должны были проводить доподготовку разведчиков перед их выброской в тыл противника, с нетерпением ждали начала прыжков у наших коллег-десантников.

Когда же первый Ан-12 выходил на боевой курс над Багишем, наши солдаты побросали свою работу и с интересом стали наблюдать за приближением самолета. Еще мгновение и десантники «посыпались» вниз из грузовой кабины Ан-12. Три секунды стабилизации и один за другим раскрываются совершенно белые купола парашютов, которые резко контрастируют с бледно-желтым цветом куполов Д-1-8, к которым мы привыкли в бригаде. Первый поток еще не успевал приземлиться, а второй уже покидал борт очередного Ан-12. Через три секунды полета на стабилизации новая группа парашютистов зависала на высоте примерно 800 метров, как бы выстроившись в линию вдоль направления выброски. Затем ветер постепенно разносил десантников в разные стороны. Скорость снижения парашютистов была неодинаковой, поэтому кто-то снижался быстрее, кто-то медленнее. Динамика выброски парашютистов впечатляла и завораживала всех, кто наблюдал за ней.

У меня был особый интерес к этой выброске парашютистов, ведь я впервые наяву видел настоящее десантирование. В этой связи старался запомнить все, что наблюдал. А картина была очень впечатляющая, тем более, что самолеты во время выброски парашютистов, как казалось, были где-то совсем рядом с нами. Они выбрасывали парашютистов и, развернувшись практически над нами, уходили на посадку на Чирчикский аэродром.

Вдруг, в процессе выброски одного из потоков, все, кто наблюдал за ней, невольно напряглись. Это произошло потому, что в то время, когда у десантников после трех секунд стабилизации начинали открываться парашюты, один из них продолжал снижаться на стабилизации, стремительно приближаясь к земле. Видно было, что парень задержался и начал предпринимать какие-то действия, но, что он делает, понять было совершенно невозможно. Мы, как замороженные, наблюдали за происходившим в воздухе. Все заметно подались вперед. Видно было, что каждый из тех, кто наблюдал за происходящим в воздухе, переживает за этого мальчишку, который из всех сил отчаянно боролся за свою жизнь. Однако чем-то реальным помочь ему никто из нас, конечно же, не мог. Ситуация складывалась однозначно критическая и в то же время совершенно безвыходная.

Когда же парашют у десантника, наконец-то, раскрылся намного ниже по высоте по сравнению с теми парашютистами, с которыми он прыгал в одном потоке, вздох облегчения и возгласы радости вырвались у каждого из нас. Мы начали смеяться, обниматься и радоваться так, как будто это был наш солдат. «Вот, молодец парень!» - громко закричал замполит роты Олег Кривопалов.

А в это время к приземлившемуся намного раньше всех остальных десантнику уже направлялась санитарная машина парашютно-десантного полка, видимо, с руководителем прыжков на площадке приземления или дежурным начальником воздушно-десантной службы, чтобы разобраться, что же все-таки произошло с его парашютом. Но, это было уже не суть важно. Главное было в том, что парашют хоть и с большой задержкой, но все-таки раскрылся, а боец остался жив и здоров.

Видимо, данное происшествие при выброске десантников побудило к тому, чтобы офицеры роты начали обсуждать тему парашютных прыжков. Каждый рассказывал о своем опыте и своих собственных впечатлениях от

прыжков. Я же внимательно слушал и лишь изредка задавал различные уточняющие вопросы. Олег Кривопалов на примере гибели в июне 1974 года лейтенанта М.Пивоварова довольно убедительно обосновывал необходимость точного и безусловного соблюдения всех положений и требований инструкций и наставлений по воздушно-десантной подготовке. Он, не вдаваясь в особые детали, рассказал, какие именно нарушения существующих положений по организации и проведению прыжков с парашютом привели к гибели Михаила Пивоварова.

Оказалось, что лейтенант Михаил Пивоваров при совершении прыжков из Ан-12, будучи назначенным помощником выпускающего, должен был прыгать первым во втором потоке, а прыгнул последним в первом потоке, при этом, не пристегнув карабин вытяжной веревки парашюта к тросу в самолете. Это стало возможным лишь потому, что, как утверждал Олег Кривопалов, Пивоваров имел сравнительно небольшое количество прыжков и не мог считаться опытным парашютистом, чтобы быть назначенным помощником выпускающего из самолета Ан-12. Поэтому из-за слабой предпрыжковой подготовки и недостаточного инструктажа выпускающих и их помощников он, вероятно, не знал или забыл, что должен был прыгать первым во втором потоке, вернувшись на свое место в самолете и предварительно пристегнувшись к тросу.

Когда после взлета того корабля, в котором был Пивоваров, он, закончив пристегивание парашютистов второго потока, увидел, что началась выброска первого потока, то пристроился за последним парашютистом и направился к грузовому люку. Некоторые солдаты из второго потока, наблюдавшие за тем, как уходит первый поток, увидели, что лейтенант Пивоваров не пристегнут, пытались остановить его, схватить за руку, но Михаил все-таки покинул самолет. А, оказавшись в воздухе, Пивоваров, видимо, поняв и осознав, что совершил роковую ошибку, не пристегнувшись к тросу самолета, просто потерял сознание и, естественно, не дернул кольцо основного парашюта. Если бы он все-таки дернул вытяжное кольцо, то парашют непременно раскрылся бы, даже в том случае, когда вытяжная веревка не пристегивалась к тросу, так как конструкция Д-1-8 позволяла открывать его и без использования вытяжной веревки.

Для меня все, что рассказывал Олег Кривопалов, было достаточно хорошо известно, так как об этой страшной трагедии, произошедшей в Чирчикской бригаде специального назначения, курсанты-выпускники 1974 года разведывательного факультета Киевского ВОКУ, завершавшие в это время сдачу государственных экзаменов в училище, узнали сразу же, как только она произошла. В связи с тем, что Миша Пивоваров был родом из Киева, то нам, курсантам-разведчикам нашего училища, по просьбе командования 15 бригады спецназ пришлось оказывать помощь родственникам Михаила в его похоронах.

Уже тогда в Киеве, во время похорон Пивоварова, нам стала известна еще одна версия произошедшего с ним в Чирчике. Говорили, что эта трагедия совсем не результат рокового стечения обстоятельств, а самоубийство, на которое Михаил пошел сознательно. И решился на него он из-за, мягко говоря, далеко не праведного поведения и образа жизни его жены, которая, несмотря на то, что у них Мишей было двое маленьких детей, позволяла себе очень многое.

В связи с тем, что, когда офицеры нашей 7 роты обсуждали обстоятельства трагедии, никто не озвучил версию самоубийства Михаила, я также не стал ее поднимать. В конечном итоге, в результате обсуждения данной темы все офицеры и прапорщики нашей роты сошлись в едином мнении, что при совершении парашютных прыжков, как, впрочем, и в любом другом серьезном деле необходимо хорошо знать и четко выполнять требования инструкций и других руководящих документов. При этом, подводя итог всей беседе и нашим рассуждениям, Олег Кривопалов сделал заключение: «И все-таки я убежден, что в парашютных прыжках главным и наиболее опасным этапом является не столько момент отделения от самолета, сколько приземление», - с чем все мы единодушно согласились.

Примерно через четверть века после того, как случилась эта трагедия с лейтенантом Мишей Пивоваровым, полковник А.А. Овчаров рассказывал мне, что, будучи членом комиссии по расследованию обстоятельств его гибели, он в деталях был знаком со всеми нюансами произошедшего. По его словам, комиссии было доподлинно известно, что накануне того злополучного прыжка жена Михаила почти всю ночь не была дома, что, в общем-то, происходило у нее периодически. Как можно догадываться, Виктор страшно переживал по этому поводу. Также можно лишь догадываться, какой разговор мог состояться между супругами Пивоваровыми, когда жена вернулась... И, как утверждал полковник Овчаров, свой протест против разгульного поведения жены Миша Пивоваров выразил тем, что сознательно пошел на самоубийство. Это, конечно же, потребовало от него большого мужества и самообладания.

ЧИМКЕНТСКИЕ СТЕПИ. ФЕВРАЛЬ 1975 ГОДА

Через два с лишним месяца после начала нового учебного периода, в феврале 1975 года, в Чимкентской области 15 отдельная бригада специального назначения проводила учения отделений спецназ. Я выполнял обязанности посредника в первом отделении моей группы, командиром которого на время учения был назначен сержант Петров. Основной задачей группы был поиск объекта в районе разведки, находившемся к югу от Чимкента.

Прошагав ночью несчетное количество километров, нашей ргСпН в составе отделения на одном из участков маршрута необходимо было скрытно пересечь довольно широкую асфальтированную дорогу Чимкент - Ташкент, по которой часто проходили машины и автобусы. Конечно, в тех мирных условиях, в которых проходило данное учение, обычных автомашин и рейсовых автобусов нам опасаться было нечего. На учениях разведчикам, как известно, бояться надо в основном своих офицеров, выступающих за противника, а это, как правило, офицеры штаба и командования бригады, которые курсируют в районах действий разведывательных групп спецназ на легковых и грузовых машинах и, изображая силы контрразведывательных органов «противника», выявляют те группы, которые пренебрегают мерами конспирации или не соблюдают их вообще. Однако ночью в свете фар, в основном с дальним светом, разведчикам было трудно определить, какие автомашины, - «противника» или обычные гражданские, - проходят мимо того места, где на обочине дороги залегла разведывательная группа Петрова, изготовившаяся по его команде моментальным броском пересечь шоссе, когда на нем никого не будет.

Так, действуя строго по-боевому, без всяких натяжек и скидок на мирное время, мы пролежали на снегу очень долго и уже стали замерзать, но машины все шли и шли. Посоветовавшись с Петровым, мы пришли к выводу, что всех гражданских машин нам все равно не переждать. В этой связи, чтобы максимально снизить вероятность попадания в поле зрения «противника», решили пересечь дорогу после того, как по ней пройдет рейсовый автобус, который явно не может быть опасен нам.

Когда мы увидели фары и очертания очередного рейсового автобуса, Петров подал команду приготовиться и по прохождении автобусом того места, где мы залегли, уже готов был подать сигнал группе перебежать через дорогу. Однако как только разведчики привстали и изготовились к броску, мы заметили, что за автобусом идет военный УАЗ-469, которого в свете фар автобуса было совершенно не видно. Петров, моментально оценив обстановку, дал команду группе на отход. За то время, пока УАЗик останавливался, и из него выходили офицеры, мы успели отбежать от дороги метров на 30 – 40 и залечь.

В свете проходивших по дороге машин нам хорошо было видно, что из УАЗа вышел начальник штаба бригады подполковник В.В.Колесник и

начальник оперативно-разведывательного отделения. До нас доносились обрывки их разговора, из которого можно было понять, что Колесник заметил разведчиков у дороги и в связи с тем, что они, по его словам, не могли далеко уйти, предложил отловить кого-нибудь из них. Он говорил с таким жаром, что мы были уверены в необходимости срочно уносить ноги, чтобы, не натерпеться стыда и не испытать презрения от своих же сослуживцев за то, что удосужились попасть в руки «противника», в качестве которого выступал сам начальник штаба бригады. Из тона беседы можно было понять, что Колесник прямо сейчас ринется в темноту и обязательно кого-нибудь выловит.

Мы-то знали, что сделать ему это весьма будет нелегко. Не взирая на то, что за плечами каждого из нас имелось не менее 30 килограммов различного вооружения и снаряжения, все мы были готовы по команде Петрова, сорвавшись со своих мест, чтобы не жалея сил, уходить из опасного района. Однако пока Колесник со своим собеседником решали, что им делать, мы замерли и ждали лишь окончательного решения, к которому придет наш «противник», при этом, будучи готовыми к любому, даже самому неожиданному развитию событий.

В конце концов, послышался звук заведенного мотора УАЗика, который через некоторое время уехал. Показательно то, что, несмотря на то, что наш импровизированный «противник» сел в машину и уехал, мои разведчики довольно длительное время лежали на земле и не шевелились. Когда группа собралась на пункте сбора, на месте не оказалось лишь сержанта Петрова. Нам пришлось долго искать его. Позже Петров рассказал, что отбежать подальше от дороги он не успел, так как изначально находился на ее обочине, впереди всей группы, а УАЗ «противника» остановился в пяти метрах от того места, где он затаился. Петров рассказал, что в темноте среди придорожных кочек его никто не заметил, и он слышал буквально все, что говорили офицеры бригады, и даже ощущал запах дыма папирос «Беломорканал», которые курил подполковник Колесник.

По мнению Петрова, если бы начальник штаба бригады был один, без начальника оперативно-разведывательного отделения, то он обязательно ринулся бы на наши поиски. «В этом случае Колесник мог бы даже наступить на меня, - рассмеявшись, заявил Петров, - И тогда всем нам было бы несдобровать». Однако оказывается, лишь начальник оперативно-разведывательного отделения буквально отговорил Колесника от данного контрразведывательного мероприятия.

Когда страсти по пережитой встрече с «контрразведкой противника» немного улеглись, один из бойцов выразил сомнение в том, что в положении начальника штаба бригады надо заниматься изображением недремлющего ока «вражеской контрразведки» и нагонять страх на своих подчиненных. Однако все дружно начали ему возражать, выразив общее мнение, которое сводилось к тому, что будь на месте начальника штаба нашей бригады какой-то другой начальник, он бы сейчас сидел в теплом кунге, пил бы горячий чай, или что-нибудь покрепче, а не мотался бы по степям Казахстана в поисках нерадивых и недисциплинированных спецназовцев.

Уже потом, когда я вновь шагал вместе с группой по району разведки и наблюдал за тем, как руководит своим подразделением сержант Петров и как

его бойцы выполняют ставившиеся им задачи, подумал о том, что не только офицеры, но даже наши солдаты прекрасно понимают и по достоинству оценивают командирские и человеческие качества Колесника. Надо очень здорово любить дело, которому служишь, любить его как Василий Васильевич, и добросовестно относиться к нему, чтобы не сидеть в тепле, лишь заслушивая доклады о ходе учения, а, не взирая на свое довольно высокое положение, «гонять» подчиненных по сопкам чимкентских степей по принципу: «На то и щука в реке, чтобы карась не дремал».

На тех учениях Петров очень хорошо командовал разведгруппой, принимал правильные решения в той или иной ситуации, обеспечивал надежную и устойчивую связь с Центром, написал несколько шифртелеграмм с докладами о ходе и результатах выполнения поставленных его группе разведывательных задач. В общем, сержант Петров показал себя как уже сложившийся командир подразделения спецназ, способный в качестве командира разведывательной группы специального назначения в составе отделения или в составе всей группы самостоятельно организовывать и вести разведку в тылу противника.

В этом отношении на тех учениях все было хорошо. Плохо было то, что тогда в Чимкентской области стояли сильные морозы и постоянно дул ветер, который, как нам казалось, дул постоянно в лицо, в не зависимости от того направления, куда мы шли. Правда, пока разведчики двигались холод не особенно ощущался, но стоило остановиться на привал или для проведения сеанса связи, то уже не спасали ни «вшивники», которыми мы называли любую теплую одежду не военного образца, ни зимнее специальное обмундирование. Все начинали сразу же замерзать, как только останавливались. Поэтому Петрову, как командиру группы, приходилось сокращать время для отдыха, чтобы быстро, всухомятку перекусить или дать сеанс связи, и снова в путь. Ведь все равно невозможно было разогреть замерзшие консервы, так как сильный ветер задувал и костры, и сухой спирт из наших сухих пайков.

Однако привалы для проведения сеансов связи с Центром сокращать по времени было нельзя, так как разворачивание радиостанции, входение в связь, написание телеграмм в Центр и их шифрование требовало определенного времени. На таких привалах и разведчики, и особенно радисты «вымерзали как мамонты в ледниковый период». Лишь один раз за все учения нам повезло, когда мы случайно вышли на место привала разведгруппы из нашей роты, в которой посредником был Сергей Маковский.

Наткнулись мы на них как раз в тот момент, когда их радист заканчивал сеанс связи с Центром. Петров тут же договорился, чтобы наш радист «сработал» на чужой станции, уже развернутой и находящейся на связи с приемо-передающим центром Разведуправления САВО. И пока наш радист устанавливал связь с Алма-Атой, Петров быстро написал телеграмму и зашифровал ее. И уже примерно через 20 минут мы, распрощавшись с «друзьями по несчастью» из группы Маковского, «растворились» в темноте чимкенсткой ночи, уходя в тот район, где нас ждали новые специальные приключения и «полный короб спецназовской романтики», если все, что было в ходе того промороженного и продуваемого всеми чимкентскими ветрами учения, вообще можно назвать такими словами как «спецназовская романтика».

Несмотря на то, что нам в тот раз из-за сильных морозов и ветра было совершенно не до спецназовской романтики и приключений, однако этих самых приключений избежать все-таки не удалось. Уже под утро, во время привала для проведения очередного сеанса связи, у Петрова, который, закрывшись от ветра и положив на колено лист бумаги, шифровал телеграмму в Центр, вдруг порывом ветра из рук вырвало этот самый листок. Надо было слышать, с каким отчаянием в голосе Петров взревел, произнеся лишь одно слово: «Телеграмма!» – и бросился догонять улетевший в бескрайнюю чимкентскую степь лист бумаги с написанной на нем и почти зашифрованной телеграммой. Долго гонялся он за этим листком, не выпуская его из виду в предрассветных сумерках, пока лист сам не зацепился за высохший куст степной колючки.

«Уставший, но довольный вернулся Петров из чимкентской степи», – сказал под всеобщие шутки и смех кто-то из бойцов, видимо, вспомнив и перефразировав цитату из изучавшегося в средней школе романа А.Фадеева «Разгром». Петров действительно был «уставший, но довольный», так как он на все подколлки отвечал, что настоящий спецназовец не должен оставлять никаких следов, тем более, терять шифртелеграммы, пусть даже если «противник» гарантированно не найдет ее бескрайних и необъятных казахстанских степях.

Как потом оказалось, на тех учениях Петров был не одинок в своей погоне за листком с написанными на нем ценными для Центра сведениями. Как оказалось, одна из групп первого отряда также в полном составе гонялась по бескрайней казахстанской степи за листком из блокнота. В конце концов, с возгласами торжества в голосе и со словами: «От советского спецназа еще никто и никогда не уходил!» – загнала-таки этот небольшой листок бумаги в угол, а вернее, на несчастный куст местной чимкентской колючки. Ну, а потом использовали его по назначению, то есть направили содержащуюся на нем информацию в Центр.

После того, как учения закончились, можно себе представить, какими «уставшими, но довольными» вернулись мы в часть. Однако это ощущение переполняло нас не только потому, что вся эта «спецназовская романтика» с ее холодами, ветрами и лошадиными гонками была позади, но и потому, что практически все разведгруппы под командованием сержантов в этих непростых условиях в большинстве своем успешно выполнили поставленные перед ними задачи. А это значило, что за год или полтора года своей службы в спецназе сержанты нашей бригады многому научились и в случае необходимости будут способны выполнять уже реальные боевые задачи, которые им могут быть поставлены Командованием.

НОВЫЙ КОМАНДИР БРИГАДЫ

Сразу же после этих учений я уехал в отпуск, а вернувшись в Чирчик, узнал, что командира нашей бригады полковника Р.П.Мосолова перевели в штаб Среднеазиатского военного округа на должность начальника отдела службы войск, а на его место назначили подполковника В.В.Колесника. Конечно, после Мосолова Василию Васильевичу Колеснику командовать бригадой, особенно на начальном этапе, было непросто. Ведь прежний комбриг имел богатейший жизненный и служебный опыт, более шести лет командовал 15 отдельной бригадой специального назначения, пользовался заслуженным авторитетом у личного состава нашей части, командования Разведывательного управления штаба САВО и Главного разведывательного управления ГШ ВС СССР. После такого неординарного по своей сути командира бригады, каким был полковник Р.П.Мосолов, пришлось вступать в командование 15 отдельной бригадой специального назначения подполковнику В.В.Колеснику.

Многим из нас было жаль, что из спецназа, в силу совершенно объективных возрастных причин, уходят такие заслуженные люди, как Роберт Павлович Мосолов. Однако офицеры 15 обрСпН также успели узнать и Василия Васильевича и были уверены в том, что новый комбриг по своим деловым и личностным качествам под стать старому, а наша бригада, как говорится, попала в хорошие и надежные руки.

После того, как Василий Васильевич стал комбригом, он, как можно было судить даже нам, молодым офицерам, постарался с максимальной эффективностью использовать все то лучшее, что было в бригаде при прежнем командире, а также ввел в нашей части много нового, чего раньше, при прежнем командире бригады, не было. Колесник со знанием дела взялся за работу, днями и ночами пропадая в бригаде. Своим энтузиазмом он заражал и всех нас. Работалось легко с элементами творчества, что в спецназе всегда приветствовалось.

С приходом Колесника к руководству бригадой, на контрасте со стилем работы полковника Мосолова, нам в глаза бросилось то, что Василий Васильевич, несмотря на свою занятость, стал очень часто посещать различные плановые занятия в подразделениях. Этого он не делал раньше, даже тогда, когда, будучи начальником штаба части, непосредственно отвечал за боевую подготовку всего личного состава бригады. Постоянно приходилось слышать то от одного, то от другого командира группы, что у него на занятиях был Колесник.

Как правило, о своих посещениях он никого заранее не предупреждал, просто приходил в роту спецназ, связи или автороту, смотрел расписание занятий и лишь по одному ему известному принципу выбирал какую-либо учебную группу и, к удивлению ее командира, появлялся в классе. В ходе подобных визитов Василия Васильевича не все командиры групп могли спокойно продолжать занятия, не обращая внимания на присутствие в классе комбрига. А ему же достаточно было 10-15 минут побыть на занятии и

послушать, как оно проходит, чтобы сделать свои собственные выводы о глубине проработки изучаемой темы, уровне знаний личного состава, методических навыках командира группы и, в конечном итоге, о состоянии дел не только в данной учебной группе, но и в роте или батальоне, да и в бригаде в целом.

Ко мне на занятия Колесник тоже приходил дважды. Первый раз он зашел в лингафонный класс, когда я со всем личным составом роты проводил занятия по вооруженным силам иностранных государств (ВСИГ) на тему «Разведывательные признаки самолетов и вертолетов иностранных государств». Для его проведения я использовал аппарат для показа слайдов, а также имевшиеся у нас в роте многочисленные слайды, с помощью которых на большом экране класса демонстрировались образцы иностранной авиационной военной техники. Слайды применялись для того, чтобы учить солдат и сержантов по конфигурации, размерам и другим отличительным признакам фюзеляжа, крыльев, хвостового оперения описывать незнакомые образцы самолетов и вертолетов противника.

Вдруг, в самый разгар занятия в класс зашел Колесник. Я подал команду «Смирно», при этом командир части жестом показал, что рапорт отдавать не надо. Я доложил название темы занятия и отрабатываемые вопросы и продолжил занятие, повторив то, что рассказывал солдатам до прихода командира части, когда описывал очередной слайд, высвеченный на экране. Видно было, что Колесник с интересом слушал мои объяснения, глядя на изображенный на экране самолет.

Однако, когда я попросил сержанта, управлявшегося со слайдоскопом, или «слайдометром», как его называл Голубович, показать следующий слайд, техника неожиданно отказалась работать и новый слайд не высветился. Такое со «слайдометром» случалось и раньше, но надо же было случиться этому тогда, когда командир бригады подполковник Колесник присутствовал на занятии. Командир части подождал немного пока народные умельцы пытались реанимировать «слайдометр», а затем, сказав что-то типа того, что технические средства обучения надо тщательнее готовить к занятиям, ушел. Сразу же после его ухода бойцы что-то там подкрутили, поставили на место и «слайдометр» вновь начал работать. Можно было продолжать занятия, но комбриг этого уже не видел.

Больше всех сожалел по поводу того, что «слайдометр» сломался, и не удалось достойно продемонстрировать «наши возможности, навыки и умения по обучению солдат и сержантов», конечно же, капитан Голубович. Он в свойственной ему манере очень эмоционально начал рассуждать о том, что командир части приходит в подразделение, как максимум, один раз в квартал, а то и раз в полгода. И теперь он на предстоящую обзримую перспективу будет считать, что «у нас в 7 роте не только с техническими средствами обучения (ТСО) плохо, но и все остальные аспекты боевой и политической подготовки тоже не на должной высоте».

Ну, здесь, я думаю, Александр Леонидович переборщил. Уж с чем-то другим в нашей роте, может быть, и были проблемы, но только не с ТСО. Достаточно сказать, что это самый, так называемый пресловутый «слайдометр», был только у нас в роте. Да, и то только потому, что капитан

Голубович сам лично купил его на собственные деньги, когда служил в Германской бригаде спецназ. Там же он накопил и необходимые для занятий различного рода слайды. И все в бригаде это знали, в том числе и подполковник Колесник.

Второй раз командир части в моей группе побывал в конце апреля 1976 года. Подполковник Колесник к тому времени уже больше года командовал нашей бригадой. В ходе сдачи весенней проверки он совершенно неожиданно пришел в 7 роту на экзамен по политической подготовке. О том, что Колесник ни с того, ни с сего вдруг придет ко мне в группу принимать экзамен, вместо одного из ранее назначенных офицеров политотдела части, известно в 7 роте стало буквально за 15 минут до начала экзамена.

Честно надо сказать, не знаю, почему, но я не очень удивился такому развороту событий. Видимо, я понял, что изменить ситуацию невозможно, а деваться уже было некуда, поэтому принял свалившееся на меня испытание, как неизбежное, и воспринял его совершенно спокойно.

Командир роты Саша Тимченко и замполит роты Василий Кушпиль сразу же начали раздавать различные указания относительно того, что нужно было бы еще сделать за оставшиеся несколько минут до начала экзамена, «чтобы не ударить в грязь лицом» перед командиром бригады.

Как оказалось, в моем лингафонном классе, где всегда занималась моя группа, было совсем мало плакатов и наглядной агитации по политподготовке, да и карта мира была старая и потрепанная. Бойцы из других групп дружно потащили все, что по их представлению было недостающим в наш класс. Ну, а я, понимая, что «перед смертью не надышишься», построил свою четвертую группу и коротко проинструктировал всех моих потенциальных кандидатов в отличники боевой, и особенно политической подготовки, относительно того, как надо отвечать командиру бригады, чтобы уж точно «не ударить в грязь лицом». Напомнил всем своим бойцам, что даже в том случае, если командир бригады удосужится задать кому-нибудь какой-нибудь совершенно каверзный вопрос, совершенно не предусмотренный учебной программой, необходимо отвечать уверенно и без всякой суеты все, что они знают. Все равно это лучше, чем молчать или сказать, что ничего не знаешь ответ на данный вопрос. Кроме того, предупредил, что в любом случае, как и положено, руку сразу же должен поднять тот боец, кто знает ответ или сможет, хоть что-то сказать по поднятой Колесником теме.

Чувствовалось, что настрой солдат и сержантов был вполне боевой. Всех переполняла решимость показать свои знания комбригу в лучшем свете, руководствуясь принципом: «Выдадим свои весьма удовлетворительные или даже плохие знания по политической подготовке только на «отлично», в худшем случае на «хорошо».

Несмотря на то, что комбриг с самого начала всем своим видом пытался «напустить страху» на всех нас, но бойцы, к моему и, видимо, даже к своему удивлению, отвечали довольно хорошо, уверенно и бойко. Даже те из них, на кого в плане глубоких знаний по политической подготовке особых надежд совсем не было, «лепили горбатого», но так четко и уверенно, что Колесник, как мне показалось, не захотел в деталях разбираться в том, что ему докладывали, и все принимал на веру. Буквально минут через 50, когда в

других группах нашей роты экзамен еще не дошел и до середины, у нас в ведомости уже всем были выставлены оценки, в основном отличные и несколько хороших.

Однако, после того, как Василий Васильевич объявил моим бойцам оценки по политической подготовке и отпустил их отдыхать, он еще около получаса беседовал со мной, выясняя, как мне показалось, не столько мое знание того предмета, по которому проходил экзамен, сколько то, что я лично представляю собой как командир, да и просто человек. Задав несколько вопросов по руководящим партийным документам, а также, как я до сих пор помню, по показателям экономического развития Советского Союза в 1975 году, он вдруг, к моему удивлению, попросил сначала дать подробные характеристики сержантам, старшим разведчикам и некоторым старослужащим солдатам группы. Затем Колесник перешел к обсуждению каких-то общих тем и проблем, совершенно не имеющих отношения к политической подготовке.

Так мы с Василием Васильевичем беседовали до тех пор, пока он не посмотрел на часы и не заторопился. Завершая беседу, и подводя итог проведенному зачету, подполковник Колесник посоветовал, как он выразился, «не останавливаться на достигнутом и продолжать и дальше работать над собой». Как мне показалось, я, следуя в русле его рассуждений, высказал предположение, что можно было бы осенью этого года пойти поучиться, например, в Университете марксизма-ленинизма. Однако, к моему удивлению, Василий Васильевич заявил, что мне этого удовольствия совершенно не требуется, достаточно лишь продолжать заниматься самообразованием.

Кстати, видимо, с легкой руки подполковника В.В.Колесника, и к моему глубокому удовольствию, мне за долгие годы службы в Вооруженных силах Советского Союза так ни разу и не довелось поучиться в этом, кстати, весьма популярном в те времена в армии партийно-политическом учебном заведении. При этом некоторые мои сослуживцы, да и однокашники по Киевскому ВОКУ успели «отсовершенствоваться и углубить свои знания по марксизму-ленинизму в Университете марксизма-ленинизма» далеко не единожды.

Подводя итоги зачета, командир бригады заявил, что, в общем-то, в группе все нормально, «солдаты и сержанты подготовлены довольно неплохо». Однако, не все так идеально, как могло бы быть. По словам Колесника, очень мало в классе было, например, наглядных пособий к занятиям по политической подготовке, что можно считать, как сказал Колесник, «серьезным недостатком». «А, мне докладывали, что у вас в группе, товарищ лейтенант, все исключительно хорошо», - заявил командир части в конце беседы и ушел.

Когда после завершения экзамена я в канцелярии роты «в цветах и красках» рассказывал офицерам и прапорщикам нашей роты все обстоятельства и детали общения с командиром бригады, присутствовавшие достаточно долго рассуждали о том, почему подполковник В.В.Колесник пришел именно в седьмую роту и почему экзаменовал именно четвертую группу. Несмотря на массу высказанных мнений, ни мои сослуживцы, ни я так с достоверной точностью и не определили, что же все это могло бы значить для всей нашей роты и лично для меня.

Однако Александр Тимченко с присущим ему философским подходом и глубоким анализом ко всему происходящему в жизни, а также с известной долей характерной только для него иронии в голосе, которой он всегда отличался от большинства из нас, заявил, обращаясь ко мне, что, «несмотря на отмеченные комбригом «серьезные недостатки», выразившиеся в отсутствии достаточного количества наглядных пособий и плакатов в классе, на заметку командованию части я уже попал, не прослужив офицером в нашей бригаде еще и нескольких лет». А это, по словам Александра, означало, что в скором времени я могу сделать «головокружительную в спецназе карьеру» и стать «командиром не какой-то там затрапезной четвертой, а самой передовой и самой боевой и самой первой группы нашей роты».

В этой связи пришлось под всеобщие дружеские шутки и подколки сослуживцев нашей роты напомнить Саше Тимченко слова известного русского поэта Н.А.Некрасова, который еще в XIX веке сказал: «Минуй нас больше всех печалей и барский гнев, и барская любовь». При этом постарался убедить своих сослуживцев в том, что данным красноречивым и весьма емким выражением я всегда старался руководствоваться в своей жизни и службе.

Постепенно к внезапным визитам Колесника офицеры и солдаты нашей бригады привыкли и перестали из этого делать большую проблему. Однако, несомненным результатом подобных проверок стало то, что командиры всех степеней стали намного лучше готовиться к занятиям, что, конечно же, положительно сказалось на уровне знаний и практических навыках солдат, сержантов и офицеров, а, следовательно, и на повышении общего уровня боевой и политической подготовки всех подразделений 15 отдельной бригады специального назначения.

СПЕЦНАЗОВСКАЯ СПЕЦИФИКА

В 1970-е годы отличительной чертой войск специального назначения Главного разведывательного управления ГШ ВС СССР и 15 обрСпН, в частности, было то, что вся система обучения, подготовки и воспитания личного состава была направлена на выработку у него таких профессионально значимых, личных и деловых качеств, которые позволили бы спецназовцам выполнять поставленные Командованием любые боевые задачи в тылу противника, в любое время и в любых условиях обстановки. Этого результата можно было добиться, если создать в части хорошую учебно-материальную базу, используя которую солдаты, сержанты и офицеры смогли бы глубоко изучить теоретические дисциплины в рамках программы боевой подготовки и приобрести твердые практические навыки, необходимые им при выполнении любых боевых задач Командования. К середине 1970-х годов наша бригада имела довольно неплохую материально-техническую базу, которая позволяла готовить высокопрофессиональных разведчиков-диверсантов.

Однако для безусловного выполнения специальных задач в тылу противника одних лишь твердых знаний и навыков далеко не достаточно. В спецназе, видимо, как ни в каких других войсках, нужна высокая морально-психологическая готовность каждого солдата и офицера, их решимость и стремление сделать все то, что от них потребуется в боевой обстановке. Поэтому боевая подготовка и повседневная деятельность 15 отдельной бригады специального назначения была направлена на выработку у личного состава морально-психологической устойчивости и готовности к выполнению поставленных Командованием задач, воспитание у солдат, сержантов и офицеров чувства своего превосходства над противником, что в конечном итоге определяет полноту и качество решения любой задачи в его тылу.

Помнится, что много внимания данному аспекту уделял полковник Р.П.Мосолов, который не только в ходе плановых занятий по боевой подготовке с офицерами бригады, но и во время мероприятий политико-воспитательного характера со всем личным составом, обращаясь к своему богатому военному опыту, часто говорил о том, что без серьезного настроя командиров, сержантов и солдат на безусловное выполнение поставленных разведывательных и специальных задач выполнить их будет весьма трудно, а порой и просто невозможно. И если то, что Роберт Павлович говорил, когда зачитывал нам доклады, например, перед началом нового учебного года или на других плановых занятиях, носило обычный, я бы сказал, рутинный характер, то его выступления перед спецназовцами накануне различных праздников, и особенно Дня Победы, были яркими и запоминающимися надолго.

Хотелось бы здесь и сейчас пересказать в мельчайших деталях все, что приходилось слышать из уст Р.П.Мосолова про Великую Отечественную войну и действия его разведчиков в тылу у фашистов. Однако сделать это весьма

трудно, да и невозможно, так как не будет в таком повествовании той неповторимой эмоциональной окраски, которая была присуща речи Роберта Павловича, тех речевых оборотов и выражений, которые он использовал, когда что-то вспоминал или просто разговаривал с людьми, будь то частная беседа или его выступление в каком-либо подразделении бригады с рассказом о своем военном лихолетье. Тем не менее, многое из того, что удалось услышать, осталось в памяти многих из нас навсегда.

Видимо, благодаря этому, лично у меня воспоминания о полковнике Р.П.Мосолове всегда навевали в памяти его рассказы о том, как он со своими разведчиками брал в тылу у немцев «языков». Особенно запомнился его рассказ о том, как, находясь на задании в тылу противника, в сарае расправились с пленным немецким офицером в отместку за зверски убитого советского разведчика.

Подполковник В.В.Колесник в своей работе с личным составом бригады вопросам воспитания также уделял самое серьезное внимание. В этих целях он широко использовал личный пример, часто рассказывая на различных мероприятиях о том, как служил, начиная с 1956 года, в спецназе, какая в то время была тактика действий наших войск и экипировка. Очень подробно описывал успешные действия его сослуживцев и подчиненных в ходе различных учений в период службы на Дальнем Востоке и в Польше. В своих выступлениях перед личным составом Василий Васильевич основной упор в основном делал на спецназовскую специфику, а также причастность каждого из нас к большому и важному делу укрепления и совершенствования советских войск специального назначения.

Кроме того, подполковник В.В.Колесник в целях воспитания в части настоящих офицеров-спецназовцев достаточно широко использовал такой немаловажный аспект, как их принадлежность к тому или иному военно-учебному заведению. Периодически приходилось слышать, как он призывал какого-либо офицера, например, «не позорить» то военное училище, которое он закончил. А когда Василий Васильевич хвалил кого-то из молодых лейтенантов, то непременно упоминал, что он является выпускником такого-то училища, которое может гордиться, что воспитало такого достойного офицера войск специального назначения.

После того, как в начале 1975 года на должность заместителя командира 15 отдельной бригады спецназ был назначен полковник Ю.Я.Голоусенко, однокашник Василия Васильевича по Орджоникидзеvскому суворовскому военному училищу, на совещаниях и других мероприятиях подполковник В.В.Колесник стал довольно часто обращаться непосредственно к офицерам-суворовцам. Дело в том, что к тому времени выпускники различных суворовских военных училищ составляли примерно 70% от общего числа офицеров нашей части. И новый комбриг очень умело использовал данное обстоятельство, чтобы еще больше повысить мотивацию офицеров нашей бригады к службе.

Помню, как В.В.Колесник не единожды говорил: «А с суворовцев у меня спрос особый. Если они с детства пошли в армию, то служить должны на порядок лучше всех остальных. В связи с тем, что я лично суворовец набора 1945 года, то имею полное моральное право проявлять повышенную

требовательность к вам, недавним выпускникам суворовских военных училищ. Ведь я учился в Орджоникидзевском СВУ, когда всех лейтенантов и старших лейтенантов бригады, да и многих наших капитанов еще на свете не было». Эти слова брали нас за душу и имели однозначное воспитательное и мобилизующее значение.

В деятельности, направленной на обучение и воспитание своих подчиненных в спецназовском духе, в духе безусловного выполнения боевых задач в любых условиях обстановки, мы, младшие офицеры 15 бригады спецназ, использовали все доступные средства. Правда, столь богатого личного военного опыта, который был у Р.П.Мосолова или скажем у того же В.В.Колесника, у нас, конечно же, не было, но, тем не менее, арсенал средств был достаточно широким. Ведь у каждого командира группы или роты имелся свой личный арсенал средств, способов и методов, которые они использовали, для того, чтобы добиться желаемого результата в обучении и воспитании подчиненных ему солдат, сержантов в истинно спецназовском духе.

Мне, например, удалось отметить, что использование простых прописных истин и призывов к солдатам и сержантам по соблюдению того или иного спецназовского постулата, как правило, не всегда, а вернее совершенно редко достигало нужного результата и усваивалось подчиненными далеко не с первого раза. Однако, когда какое-нибудь требование наших наставлений и инструкций иллюстрировалось пусть небольшим, но примером из дошедшего до нас фронтового опыта, кинофильма или из художественной литературы, то мало того, что оно хорошо запоминалось солдатами, но и порождало определенную инициативу в применении его к спецназовской специфике в новых условиях уже нынешней учебно-боевой обстановки.

В этой связи во время занятий по тактико-специальной подготовке я, например, очень часто обращался к той фактуре, которую, еще будучи маленьким мальчиком, да и много позже, уяснил из рассказов своего дедушки Калиниченко Андрея Андреевича, который часто делился со мной своими воспоминаниями по действиям войсковых разведчиков в тылу у немцев. А рассказать моим бойцам о фронтовом опыте разведчиков времен Великой Отечественной войны можно было очень много: и по проведению поисковых мероприятий в районах разведки, и по захватам «языков», и по снятию часовых, и по способам поддержания связи внутри разведывательной группы и т.п.

Помню, как однажды, в декабре 1974 года, оставшись совершенно недовольным тем, как действовала моя группа на одном из полевых занятий по тактико-специальной подготовке, я, убеждая своих бойцов в необходимости твердого знания каждым из них поставленной задачи и поддержания четкого взаимодействия между всеми бойцами группы по времени, месту, задачам и рубежам. В этой связи, привел в качестве, как мне показалось, совершенно наглядного и убедительного примера то, как мой дедушка Андрей Андреевич впервые в жизни участвовал в ночном поиске с целью взятия «языка» в тылу у немцев. Рассказал, как слабое знание им поставленной боевой задачи и определенная несогласованность в действиях разведгруппы, в которой он действовал, чуть не привела к срыву выполнения поставленной задачи, а, возможно, и к гибели всей разведывательной группы, в составе которой боец Калиниченко выполнял поставленную боевую задачу.

Со слов моего дедушки, я поведал своим спецназовцам, как тогда нужен был советскому Командованию информированный «язык», чтобы получить от него необходимые разведывательные сведения по противнику. При этом подробно рассказал своим бойцам, как долго все войсковые разведчики, назначенные в ту поисковую операцию, наблюдали за передним краем обороны фашистов с целью определения места проведения операции по проведению поиска и выявления возможного объекта для захвата его в качестве «языка». В общем, план действий разведывательной группы состоял в том, чтобы под покровом ночной темноты незаметно преодолеть нейтральную полосу и выдвинуться в район первой траншеи обороны противника, где ночью выставлялся всего один часовой, охранявший блиндаж с отдыхающим личным составом. Этого часового и предстояло захватить разведчикам.

В подгруппу захвата были назначены самые опытные разведчики, а моего дедушку, как молодого солдата, хотя по возрасту он был, наверное, старше всех остальных разведчиков, так как ему тогда уже было 37 лет, определили в подгруппу обеспечения. В его задачу входило, подползти к блиндажу с немцами, занять место возле печной трубы, которая немного выступала над землей, затаиться и ждать команды на бросок гранаты в трубу печки блиндажа. При этом, если во время захвата «языка» вдруг поднимется шум, то дедушка должен был бросить в трубу блиндажа противотанковую гранату, чтобы уничтожить находившихся в блиндаже немцев и отойти в направлении прохода в минном поле.

Когда же «язык» был без единого звука захвачен, и разведгруппа по сигналу командира группы начала скрытный отход к переднему краю наших войск, дедушка, не зная, что ему делать с гранатой, которая была, естественно, без предохранительной чеки, взял и бросил гранату прямо в трубу и быстро начал отползать в сторону наших траншей. После раздавшегося взрыва по всему переднему краю началась беспорядочная стрельба, но разведывательная группа без потерь и даже без единого ранения в полном составе вернулась с «языком» в расположение наших войск.

Когда же начальник разведки дивизии проводил разбор успешно проведенной и довольно результативной операции, то дедушка получил «нагоняй» по первое число за то, что не выполнил поставленную ему задачу и своими действиями чуть не сорвал выполнение задания Командования, а также подверг опасности всю разведывательную группу. Однако, в связи с тем, что боевая задача группой все-таки была успешно выполнена и никто из разведчиков не пострадал, дедушку не наказали. Завершая разбор проведенного мероприятия, начальник разведки сказал: «Вообще-то, разведчиков надо еще тщательнее готовить к каждой операции, чтобы все точно знали свою боевую задачу. А, что касается фашистов, то их надо уничтожать везде, где придется, в том числе и в блиндажах, но только не во время выполнения разведывательных задач в тылу противника. В разведке главное – это выполнить поставленную боевую задачу с максимально возможным положительным результатом и сохранить всех своих бойцов живыми и здоровыми».

После моего рассказа мы с нашей разведывательной группой, на примере той группы, в которой действовал мой дедушка, долго обсуждали и разбирали действия войсковых разведчиков времен Великой Отечественной

войны. Кроме того, разбирали имеющиеся в нашей группе проблемы и недостатки в выполнении тех или иных учебных задач, которые на практике отрабатывались в ходе того нашего полевого занятия по тактико-специальной подготовке, что, естественно, было главным и определяющим для нас. Как можно было судить, мой рассказ о действиях разведывательной группы, в которой проходил службу мой дедушка во время войны, способствовал более качественной отработке как минимум одной из учебных тем по тактико-специальной подготовке, а возможно, и некоторых других учебных вопросов.

Однако, как известно, твердые теоретические знания и практические навыки как спецназовцев, так и любых других военных специалистов, боевая деятельность которых связана с максимальным напряжением физических и моральных сил, тем более, когда это связано с риском для жизни, далеко не являются гарантией и залогом успешного выполнения сложных разведывательных и диверсионных задач. Практика показывает, что лишь те разведчики-спецназовцы, которые сильны именно духом, способны с максимальной эффективностью сделать в полном объеме то, что от них требуется. Именно поэтому в Чирчикской бригаде спецназ воспитанию у офицеров, сержантов и солдат высокой моральной устойчивости, а также чувства ответственности за порученное дело, решимости выполнить любые боевые задачи в любых условиях обстановки уделялось самое серьезное внимание в ходе повседневной специальной учебно-боевой и политической подготовки.

Арсенал средств для воспитания твердого спецназовского духа был достаточно широким и многообразным. Однако каждый командир и начальник отдавал предпочтение тем из них, которые считал более эффективными и результативными. И это правильно. Здесь никаких жестко установленных канонов не существует. Критерием деятельности каждого командира является лишь конечный положительный результат в деле воспитания спецназовцев и, самое главное, - это достижение высокого уровня профессиональной подготовки подчиненных.

Кроме того, сама обстановка уставного порядка и высокой воинской дисциплины, существовавшая в нашей бригаде, культивировала высокий моральный дух личного состава, поддерживала его решимость и настрой на выполнение любой задачи, поставленной Командованием. Немаловажным фактором было также и то, что из уст в уста и от поколения к поколению в 15 обрСпН передавались рассказы о том, как действовали разведгруппы специального назначения нашей бригады на различного рода окружных и прочих учениях, как они воевали против мотострелков, ракетчиков, авиаторов и других войск, при серьезном, а порой и достаточно жестком противодействии военной контрразведки, территориальных органов КГБ и пограничников да и самих участников этих учений. Такая обстановка, существовавшая в Чирчикской бригаде специального назначения, воспитывала, настраивала и соответствующим образом мобилизовывала солдат, сержантов, прапорщиков и офицеров бригады на выполнение тех учебно-боевых разведывательных и специальных задач, которые могли быть поставлены каждой разведывательной группе.

В этих условиях всеобщей готовности и решимости к выполнению поставленных задач, которые повседневно и повсеместно культивировались в 15 отдельной бригаде спецназ, просто стыдно было не справиться с теми заданиями Командования, которые ставились нам.... Стыдно было, прежде всего, перед самим собой, а также перед своими подчиненными и командирами.

ПОДБОР МОЛОДОГО ПОПОЛНЕНИЯ В БРИГАДУ ВЕСНОЙ 1975 ГОДА

В конце марта – начале апреля 1975 года несколько офицеров и сержантов бригады как обычно разъехалось по различным военным округам страны за молодым пополнением. Лейтенант Володя Гартунг поехал в город Печоры Псковской области, в сержантскую учебную школу специального назначения, за вновь испеченными сержантами, а мой сержант Андрей Фомин отправился за молодежью в Закавказский военный округ.

По возвращении из Печор Володя Гартунг много интересного рассказал об учебной школе специального назначения, о тех его однокашниках по Киевскому общевойсковому командному училищу, которые служили в Печорской учебной школе спецназ, а также об особенностях Псково-Печорского монастыря, который был основан в XVI веке.

Андрей Фомин, который ездил за молодым пополнением в Закавказье, также поведал нам немало интересного и занимательного из того, с чем ему пришлось столкнуться в Закавказье. Однако, на контрасте с рассказами Володи Гартунга, это уже была информация совершенно другого плана. Будучи хорошим рассказчиком, Андрей по возвращении в Чирчик очень красочно и с юмором поведал нам о том, на какие ухищрения ему приходилось пойти, чтобы набрать в тех военкоматах Закавказья, где он работал, положенное количество новобранцев в нашу бригаду. Об их качестве и соответствии тем высоким требованиям, которые предъявляются к призывникам-спецназовцам, речь, по словам Андрея, уже не шла.

Как только кавказцы или их родители узнавали в военкомате, что предполагается служба в воздушно-десантных войсках, то моментально включался так называемый административный ресурс или телефонное право, да еще с кавказским оттенком, и уже подобранная сержантом Фоминым молодежь в буквальном смысле разбегалась. Именно по этой причине Андрей был вынужден пойти даже на то, чтобы десантные эмблемы в петлицах «выкрутить» и заменить на летные, а на свой парадный китель пришить нарукавный знак ВВС. В беседах с местным населением он всем начал говорить, что набирает призывников не в десантные войска, а в военно-воздушные силы. После предпринятых Андреем Фоминым необходимых мер маскировки дело по набору закавказской молодежи в спецназ под прикрытием военно-воздушных сил потихоньку наладилось.

Тем не менее, совсем немногие из тех кавказцев, кого Фомину все-таки удалось привезти из Закавказья в Чирчик, остались служить в нашей части, так как сразу же после завершения курса молодого бойца, перед распределением молодежи по подразделениям, в бригаде, как и положено, работала мандатная комиссия. Она решала вопрос о том, достоин ли тот или иной молодой солдат служить в спецназе, а если достоин, то в каком подразделении. В состав

комиссии, кроме командира бригады, входили его заместители, начальники различных служб и командиры всех отрядов специального назначения.

Молодые солдаты вызывались на заседание комиссии по одному, где проводилось их заслушивание и беседы с ними. При этом предварительно молодому солдату давались характеристики теми офицерами, которые работали с ним во время прохождения курса молодого бойца. В конечном итоге, члены комиссии решали вопрос о дальнейшем использовании в бригаде того или иного солдата или об отправке его в пехоту сразу же после окончания курса молодого бойца.

Как правило, после того, как комиссия заканчивала работу, по бригаде ходили различного рода рассказы и байки о том, как себя вели те или иные молодые солдаты на заседании мандатной комиссии. В мае 1975 года именно мой сержант Андрей Фомин с превеликим удовольствием рассказывал нам, как проходили комиссию его недавние подопечные, привезенные им с Кавказа. Самый смешной случай, долго веселивший всех присутствовавших на комиссии, а в последствии и всю нашу бригаду, произошел, когда на ее заседание вместо одного солдата, как это положено, зашли сразу двое.

- А почему вас двое? – поинтересовался командир бригады подполковник В.В.Колесник.

- Товарищ полковник, а он па-русски нэ панимает. Я буду ему перэвадить с русскаго, - заявил с заметным кавказским акцентом один из вошедших, показывая пальцем на своего товарища.

- Ну, тогда скажите ему, чтобы он уходил, так как такие бойцы, которые как он не говорят по-русски, нам не нужны. А, Вы, товарищ рядовой, оставайтесь, - сказал Василий Васильевич.

Когда второй солдат, не дождавшись перевода на родной язык, того, что сказал командир бригады, развернулся и направился к двери, полковник Ленский, обращаясь ко всем присутствующим офицерам-членам комиссии и к уходящему солдату, заявил, еле сдерживая широкую улыбку:

- Так, мы же его самого еще не спросили, может быть, он очень хочет служить в нашей части, да еще страстно желает с парашютом у нас попрыгать?

- Нэт, нэ хачу. Я с парашютом прыгат баюс! - пробормотал у самой двери на довольно хорошем русском языке солдат, который до этого момента не проронил ни слова. Дружный хохот членов мандатной комиссии еще долго доносился из того кабинета, где проходило заседание мандатной комиссии части.

Однако, тем не менее, солдаты и сержанты в нашей бригаде, за редким исключением, были тщательно подобраны. А все остальное с ними, да и с офицерами также делала та обстановка, которая повсеместно царила в нашей бригаде.

УЧЕНИЯ ВОЗДУШНО-ДЕСАНТНОЙ ДИВИЗИИ

22 апреля 1975 года 15 отдельную бригаду спецназ привлекли для участия в учении воздушно-десантных войск, которое проходило в окрестностях Чирчика. Согласно полученному приказу, две роты нашей бригады, одетые в летнюю специальную форму, то есть в «песочку», заняли рубеж обороны недалеко от площадки приземления Багиш, тем самым обозначив силы противника, которого должны будут «уничтожить» подразделения ВДВ, приземлившись на Багише.

Как нам стало известно, десантировать должны были один парашютно-десантный батальон (пдб) Витебской воздушно-десантной дивизии. Выброску десанта все ждали с большим нетерпением. И вот, наконец-то, послышался звук летящего Ан-12, который выбросил разведывательную роту дивизии. Рота, приземлившись, приступила к выполнению задач разведки площадки приземления и окружающей местности.

Через некоторое время показалась первая тройка самолетов. Впечатляющее зрелище было, когда из первых трех Ан-12 были выброшены боевые машины десанта. Огромные многокупольные системы сработали безукоризненно. Затем пошли самолеты с десантом, которые выбрасывали парашютистов по-боевому, то есть в два потока.

Перед нами предстала во всей своей красе и величии картина, когда в небе одновременно находились сотни белых куполов. Многие из нас впервые видели такое большое количество парашютистов в воздухе. Пока одна часть парашютистов снижалась, другие в это время выбрасывались очередной тройкой самолетов. Таким образом, все небо было в белых куполах.

Приземлившись, десантники как нам хорошо было видно, прежде всего, снимали десантные шлемы и надевали свои голубые береты. Затем они собирались по подразделениям и приступали к выполнению поставленных боевых задач. Часть из них, растянувшись в цепь, перешла в наступление, направляясь в нашу сторону. При этом мы своим присутствием и видом изображали противника, на которого и наступали витебские десантники. Когда они приблизились к нам вплотную, спецназовцы встали в полный рост, держа в руках автоматы.

Никто из нас не знал, что же делать дальше. На этот счет никаких указаний или разъяснений ни у нас, ни, как можно судить, у десантников, не было. Однако все понимали, что что-то делать все-таки надо. Не пропускать же десантников через свои хоть и условные, но все-таки боевые позиции. Однако наступающие, подойдя почти вплотную к нашим траншеям, видимо, получив соответствующий сигнал, остановились, потоптались немного на месте, а через некоторое время развернулись и убыли для соединения с основными силами десанта, наверное, посчитав всех нас уничтоженными и разбитыми наголову.

Перед тем, как отправиться в Чирчик, солдаты и офицеры нашей бригады собрались около своих машин. В то время как основная масса оживленно обменивалась впечатлениями от увиденного зрелища, Саша Тимченко довел до нас примерные временные нормативы для десантирования парашютно-десантного батальона. Оказалось, что, когда большинство из нас, раскрыв рты, заморожено следили за выброской десанта и ни на что другое не обращали внимания, Александр по своим наручным часам засекал время. «Вот, теперь можно написать информационную справку на тему: «Временные нормативы по десантированию парашютно-десантного батальона воздушно-десантных войск Вооруженных сил СССР», - заявил он. – Ну, а потом можно будет рассчитать нормативы на выброску, соответственно, парашютно-десантного полка или даже дивизии».

Да, Саша Тимченко и в тот раз, как, в общем-то, и всегда, отнесся к совершенно обычному мероприятию очень серьезно. В то время, когда многие из нас выброску десанта рассматривали, в лучшем случае, как развлечение для себя или как, например, красивое шоу. Однако, как оказалось, только старший лейтенант Александр Тимченко использовал данное совершенно обычное мероприятие в интересах своей службы. Это, казалось бы, совершенно тривиальное событие он рассматривал как тренировку для себя, что свидетельствовало о том, что Саша всегда очень ответственно относился ко всему, с чем ему приходилось сталкиваться и в жизни, и по службе. Глядя на Сашу Тимченко, я невольно тогда подумал, что этому качеству Александра многим из нас надо было учиться у него.

*Калиниченко Андрей Андреевич,
10.01.1949*

*Герой Советского Союза,
генерал-майор
Колесник Василий Васильевич,
командовал 15 бригадой спецназ*

*Командир бригады, полковник
Мосолов Роберт Павлович*

*Командир бригады, полковник
Овчаров Александр Алексеевич*

*Командир бригады, полковник
Золотарев Сергей Кондратьевич*

*Капитан 1 ранга Ершов Сергей
Николаевич. В ДРА 1981-1982 гг.
начальник штаба 154 ооСпН. В
Украине командовал морской
бригадой СпН.*

*Ветеран бригады подполковник
Кондратович Дмитрий Васильевич*

*Ветеран бригады подполковник
Пашковский Федор Михайлович был
советником в бригаде коммандос
афганской армии*

*Командующий
войсками САВО
И.Г.Лященко вручает
вымпел МО СССР*

*Командир
знаменного взвода
майор А.Обухов
(слева).*

Памятник погибшим воинам в городе Чирчике Ташкентской области. На этой площади возле памятника молодое пополнение 15 обр СпН всегда принимало присягу. Здесь клялись встретиться и после афганской войны.

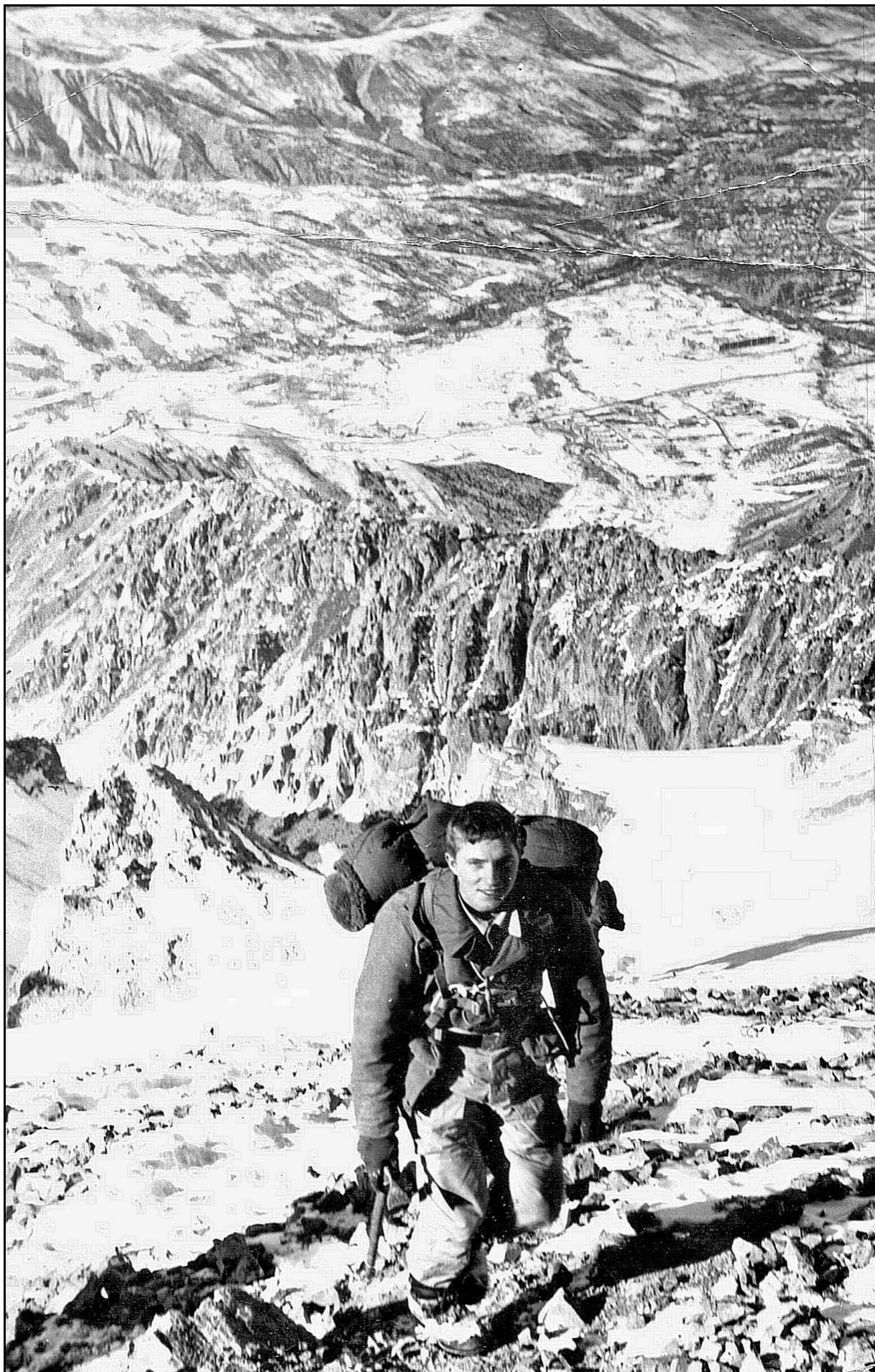

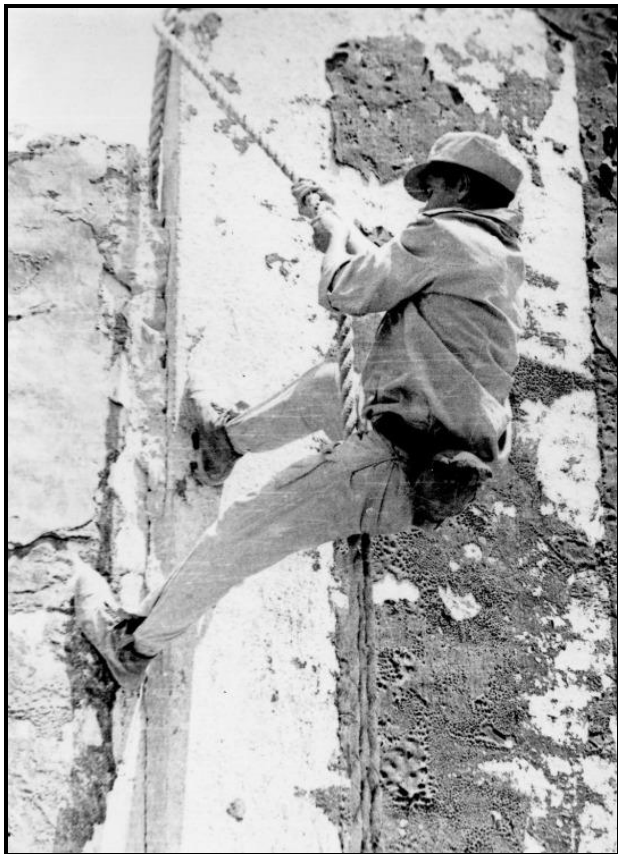
Чирчик. Июнь 1974г. Прощание с погибшим командиром группы лейтенантом Михаилом Ивановичем Пивоваром.

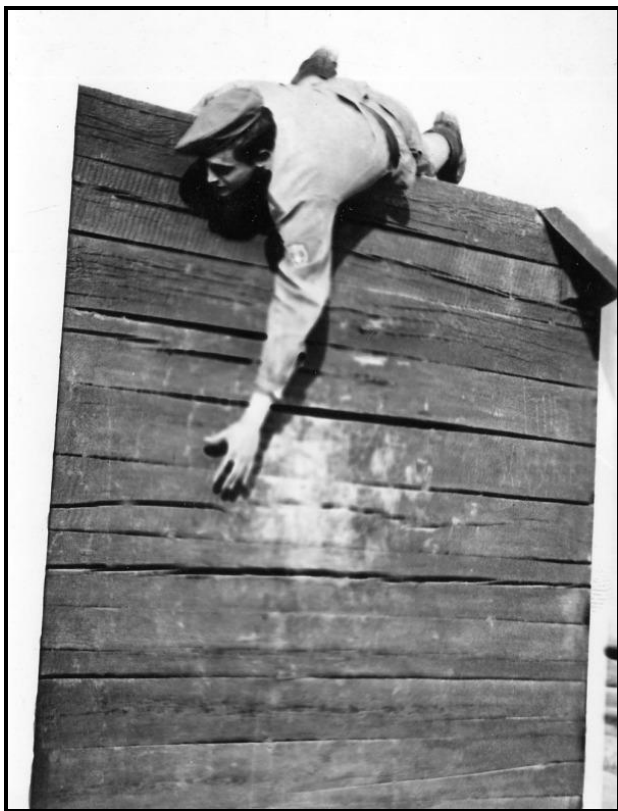
Воинов, Колесник, Руденко, Лысак, Мельников, Ленский, Кондратович, Чирчик, 1974г.

Командир группы Н. Лымарь в горах Чимгана

Занятия на «Тропе разведчика»

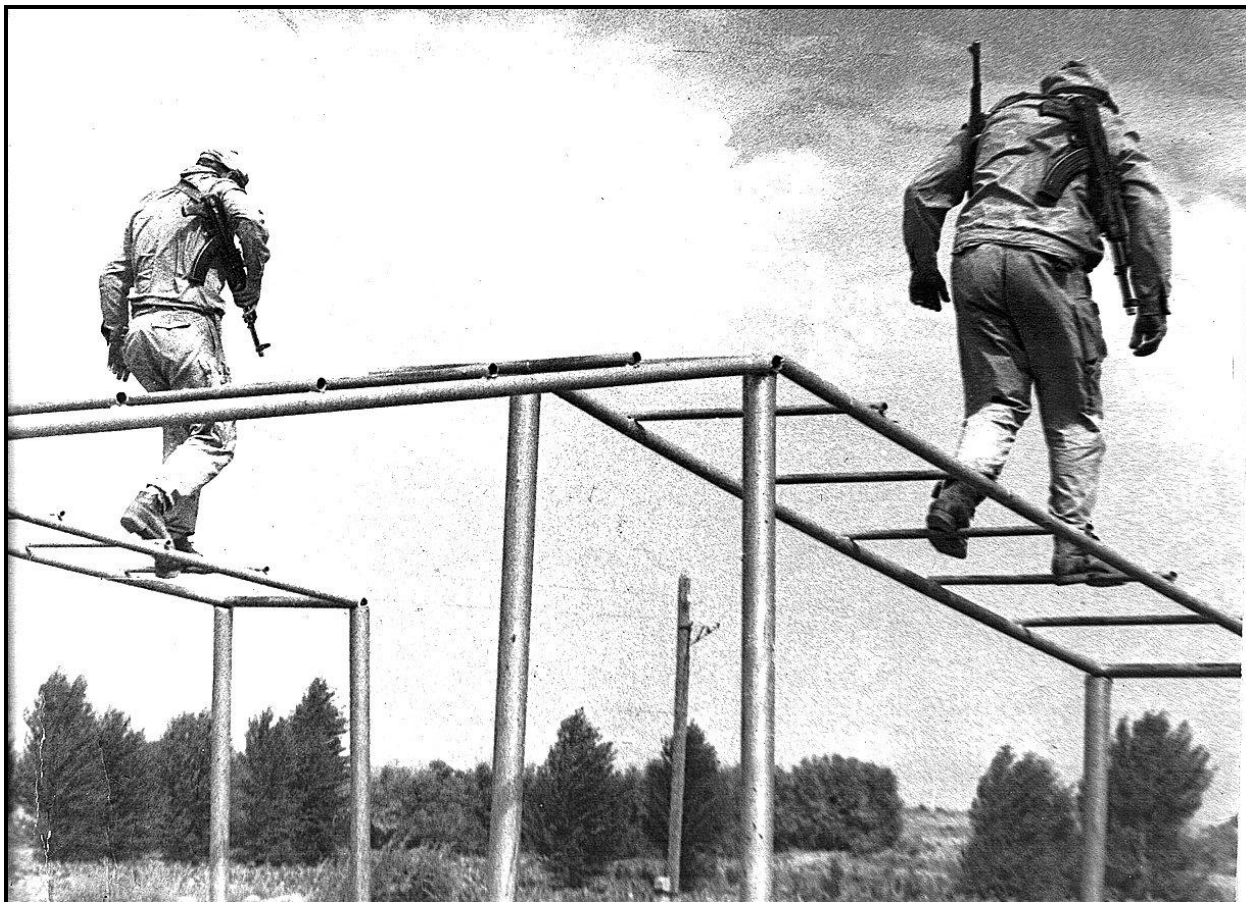

Преодоление препятствий на «Тропе разведчика»

*Преодоление препятствия
«Вертикальная стенка» на «Тропе разведчика», Чирчик, 1974г.*

Тренировка спецназовцев на «Тропе разведчика», Чирчик, 1975г.

Лейтенант Тимченко проводит бросок через себя Валерия Бахтия.

Я провожу занятия по рукопашному бою.

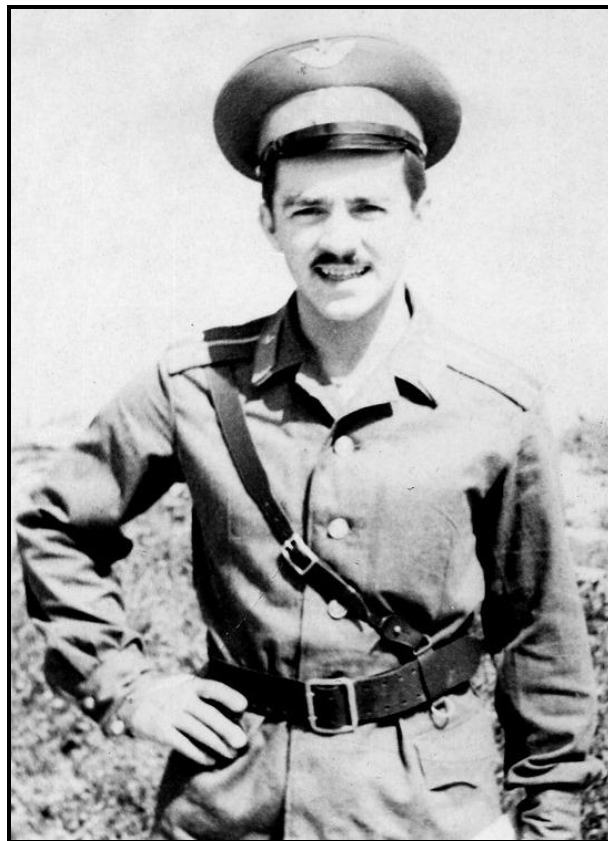
Выход в Чимган

Прапорщик Тишинский и капитан Голубович перед прыжком, декабрь 1976г.

*Командир 154 ооСпН
Холбаев Хабибджан Таджибаевич
(фото 1980 г.)*

*Заместитель командира роты спецназ
лейтенант Олег Кривопалов*

Кафе «Голубые купола», г. Ташкент

*Группа
Александра Бабенко
на дневке*

*С.Калиниченко
на учениях. 1975 г.*

*Солдаты «музыкантского» взвода рядовые Полищук и Чуркин перед прыжком.
Декабрь 1976 г.*

*На новогоднем вечере в Чирчикском индустриальном техникуме 28 декабря 1976 г.
старший разведчик Смоленский, сержант Писарев, я и рядовой Баширов*

*Вокально-инструментальный ансамбль 15 бригады спецназ в составе
сержанта Петросяна, старшего разведчика Баширова (стоят), рядового
Чуркина (сидит)*

Короткие минуты отдыха на привале в ходе очередных учений

*Командир группы СпН
Лымарь Николай Леонидович,
умер от болезни, полученной в ДРА*

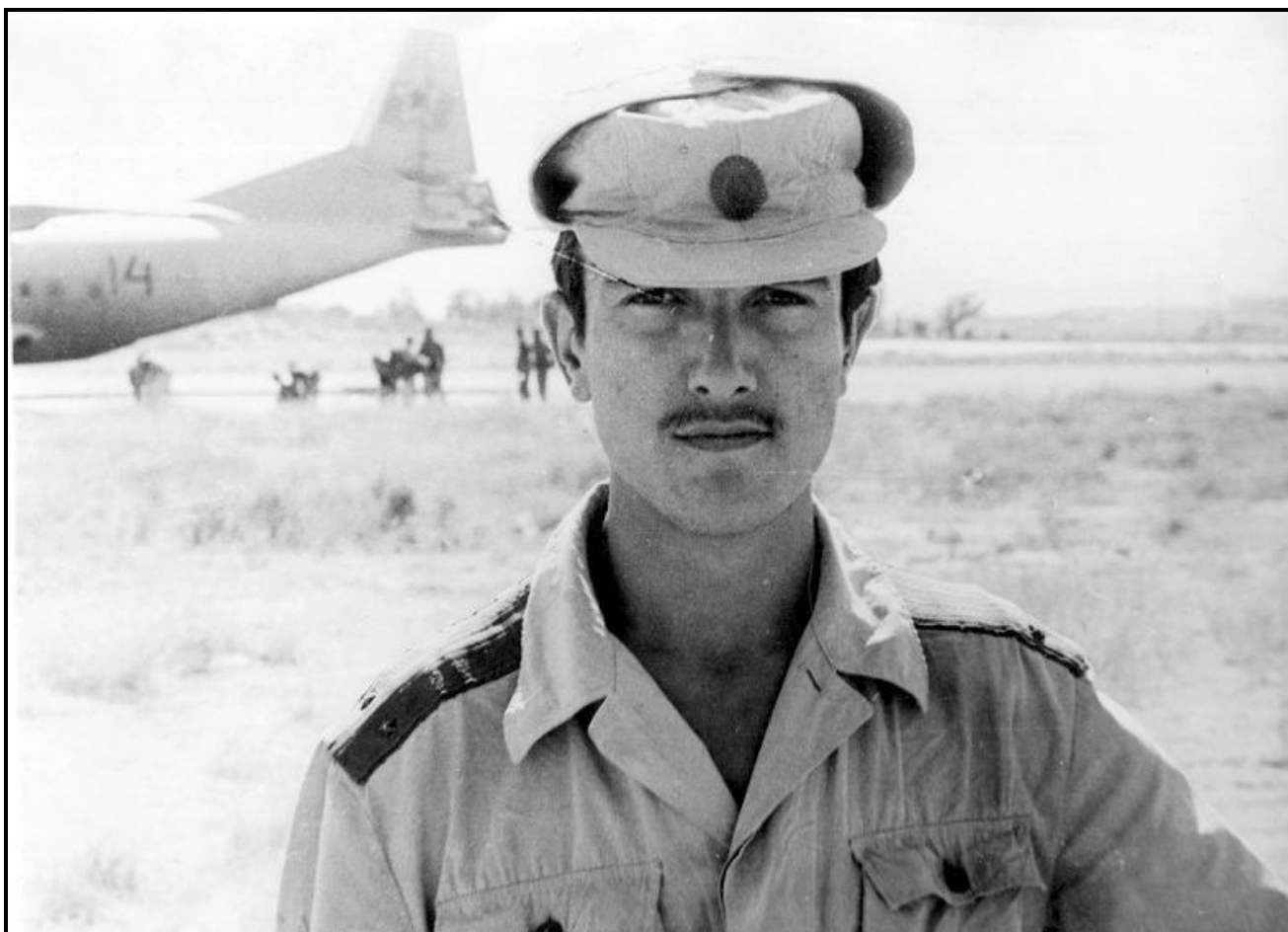
*Командир отдельной роты СпН
40-й ОА
Латыпов Рафис Рафакович.
Герой афганской войны*

*Командир группы Лоренд Ко и заместитель командира группы Владимир
Листопад (сидит). Чирчик*

Фото перед прыжком

Лейтенант Рафик Латыпов перед прыжком из самолета Ан-12

*Командующие ВДА и
САВО генералы армии
Маргелов В.Ф. и
Лященко И.Г. на
площадке приземления
парашютистов 15
бригады спецназ
(г. Чирчик, 1973г.)*

Командир группы спецназ Маковский Сергей Петрович (справа)

Метание ножей на тропе

Стрельба из пистолета ПМ. Сержанты Фомин и Бахтий. Они впоследствии закончили военное училище и стали офицерами

Дороги, дороги...

*Укладка парашютов
перед прыжком
начиналась 6.30 утра и
заканчивалась в 16.00*

Командир знаменного взвода лейтенант Федор Константинович Волох

Выпускники 1974 года: Николай Ершов, Виктор Боев, Федор Волох и я.

ПРАЗДНОВАНИЕ В ЧИРЧИКСКОЙ БРИГАДЕ 30-ЛЕТИЯ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Весь зимний период обучения 1975 года проходил в 15 отдельной бригаде специального назначения под девизом достойной встречи 30-летия Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне. В отличие от других праздников и юбилеев и памятных дат, к подготовке и празднованию 30-летия Победы все солдаты и офицеры в 7 роте, да и в бригаде в целом, отнеслись с большим энтузиазмом и искренней заинтересованностью.

Организация и руководство работой по подготовке к празднику легла, конечно же, на замполита нашей роты Олега Кривопалова, который попытался подойти к этому мероприятию не формально, как и ко всему, чем ему приходилось заниматься. Как-то однажды еще в январе 1975 года Кривопалов посадил личный состав нашей роты и роты связи в ленинской комнате и предложил всем солдатам и сержантам под его диктовку написать письма домой. В этих письмах он предложил солдатам попросить своих родителей, дедушек, бабушек и других родственников написать о том, как в их судьбах отразилась Великая Отечественная война, как они воевали или обеспечивали нашу Победу в тылу. В общем говоря, попросить написать родственников все, что они могли бы вспомнить о прошедшей войне, 30-летие которой вся страна должна была в скором времени повсеместно и масштабно отмечать.

Все бойцы, конечно же, написали письма домой, но особых надежд ни у кого, да и у самого Олега Кривопалова тоже, на многочисленные и интересные ответы, конечно же, не было. Но каково же было наше удивление, когда письма, при этом очень интересные и содержательные пошли, и чем ближе к памятной дате, тем все больше и больше. В результате, письма участников войны-родственников наших бойцов пришлось поместить на довольно большом специальном стенде, который был установлен в ленинской комнате нашей роты.

Все мы, и солдаты, и офицеры, с неподдельным интересом читали воспоминания фронтовиков. Ну, а когда молва о письмах фронтовиков, как говорится, «облетела бригаду от одного забора до другого забора» и к нам в ленинскую комнату зачастили солдаты и офицеры из других подразделений, чтобы почитать эти письма, пришлось вынести стенд с письмами на плац и поставить около нашей казармы. Приятно было наблюдать, как возле него постоянно толпился народ, читавший письма и обсуждавший написанное в них.

Честно скажу, до 30-летия Победы было много запомнившихся празднований этого поистине святого для советских людей дня, да и после него каждый год отмечался праздник Победы, но самое запомнившееся мне чувство подъема и торжественности было именно на 30-летию. Мне до сих пор непонятно почему, но этот праздник остался в памяти во всех деталях.

День Победы всегда вызывает особое чувство торжественности у граждан нашей страны в не зависимости от возраста и степени причастности к самой Победе в Великой Отечественной войне, однако ни до 30-летия Победы, ни после, такого особого настроения, как было тогда, в 1975 году, у меня лично почему-то не было. Вполне может быть, что именно искренность тех писем простых советских солдат войны и тружеников тыла сыграла в этом свою определенную роль. До сих пор не знаю.

Вполне возможно, такой подъем настроения был вызван еще и тем, что к весне 1975 года стало очевидным поражение Соединенных Штатов Америки в войне во Вьетнаме, за ходом которой мы все наблюдали в течение многих предыдущих лет. Помнится, 30 апреля, как раз накануне нашего Дня Победы, в Южном Вьетнаме был освобожден город Сайгон. На фоне начавшейся массовой эвакуации американских войск из Южного Вьетнама, нас, спецназовцев, охватывало двоякое чувство. С одной стороны, мы испытывали искреннюю радость за вьетнамцев, которые нанесли сокрушительное поражение супердержаве – Соединенным Штатам Америки и покрыли позором ее хваленую армию. С другой стороны, - было жаль, что советский спецназ, в отличие от других родов войск и видов Вооруженных Сил СССР, а также других видов разведки, не принимал в победе вьетнамского народа никакого участия. А ведь из книги Овидия Горчакова «Падающий дождь», которую мы на разведывательном факультете Киевского общевойскового училища зачитывали до дыр, а также из публикаций в советской прессе было известно, что подразделения американских зеленых беретов широко использовались во Вьетнаме в рамках операции, получившей название «Операция «Феникс». Американские спецназовцы активно применялись для проведения разведывательно-диверсионных мероприятий как в Южном, так и Северном Вьетнаме.

Ну, а если говорить в общем, то еще раз оговорюсь, что настроение у всех нас в период подготовки и празднования Дня Победы было крайне приподнятое. 9 мая, когда все официальные торжества в нашей части закончились, Олег Кривопалов пригласил меня к себе домой, и мы с ним и Галей за праздничным ужином выпили не по одной фронтовой чарке за нашу Победу из настоящих алюминиевых кружек, которые Олег использовал лишь один раз в год, во время празднования великого Дня Победы.

Кстати, справедливости ради, надо сказать, что не все наши коллеги и сослуживцы разделяли настроение радости и душевного подъема, которое было у нас в этот день. Подтверждением тому является то, что в то время, когда мы с Олегом и Галей отмечали праздник, их сосед по коммунальной квартире прапорщик нашей же части Сабельников «отдыхал лежа (спал)», как трактует это состояние Устав внутренней службы ВС СССР, то есть совершенно мирно и беззаботно спал. Видимо, он решил, что лучше использовать праздничный день для того, чтобы хорошенько отоспаться перед предстоящей трудовой неделей.

ПЕРВЫЙ ПРЫЖОК С ПАРАШЮТОМ

Начиная с 15 мая 1975 года, когда бригада приступила к летнему периоду обучения, вся ее деятельность была, в основном, посвящена подготовке к прыжкам с парашютом. Офицеры и прапорщики предварительно прошли медкомиссию на годность к службе в ВДВ. Личный состав, да и мы, офицеры и прапорщики части, сдавали зачеты по теории воздушно-десантной подготовки и материальной части парашютов, а также тренировались на воздушно-десантном городке.

Для меня, как и для большинства выпускников Киевского ВОКУ, кроме Феди Волоха, который к тому времени уже имел 43 прыжка, это была подготовка к первому в жизни прыжку с парашютом. Все мы сами готовились прыгать и готовили подчиненный нам личный состав. В моей группе, за исключением молодежи, все имели опыт совершения парашютных прыжков, а старший разведчик ефрейтор Раскин был членом парашютной команды бригады и имел более сотни прыжков.

Однако в самый разгар подготовки к прыжкам меня вызвал недавно приехавший в часть по замене из Германии заместитель командира бригады полковник Ю.Я.Голоусенко и предложил на неделю съездить в Алма-Ату на окружные соревнования по офицерскому многоборью. Мои попытки отказаться под предлогом того, что именно этим видом спорта я никогда не занимался, Юрий Яковлевич отверг сразу же, заявив, что офицер-спецназовец по сути своей специальности уже многоборец и должен на окружных соревнованиях занять призовое место. Не принял полковник Голоусенко в качестве аргумента к отказу ехать в Алма-Ату и то, что мне надо было готовиться к первому в жизни прыжку с парашютом.

Готовился я к соревнованиям всего несколько дней, справедливо рассудив, что бегать, плавать и стрелять из пистолета я могу, поэтому сосредоточился в основном на гимнастике. В этой связи пришлось обратиться к капитану Александру Ильину с просьбой показать комплекс упражнений на перекладине, который необходимо было сделать. Коля Ершов вызвался «погонять» меня немного в бассейне. Вот в таком «полуготовом» состоянии я и отправился в столицу Казахстана Алма-Ату.

26 мая поездом из Ташкента я уехал в Алма-Ату. Ну, и как можно себе представить, на соревнованиях ничего выдающегося показать, конечно же, не удалось. Самым приятным в этой командировке было то, что в Алма-Атинском высшем общевойсковом командном училище, где проходили окружные соревнования по офицерскому четырехборью, я встретил заместителя командира нашего батальона по воздушно-десантной службе капитана Ф.М.Пашковского, который в это время в Алма-Атинском ВОКУ экстерном сдавал экзамены за среднее военное училище.

Вернулся я в Чирчик 31 мая, то есть ровно за два дня до начала прыжков, когда вся необходимая подготовка к ним была проведена и

парашюты для прыжков были уже уложены. Командир роты Саша Тимченко сразу же после моего доклада о прибытии из командировки рассказал, что в связи с отсутствием Пашковского, исполнять обязанности заместителя командира нашего отряда по воздушно-десантной службе назначили недавно прибывшего из Германии офицера оперативно-разведывательного отделения старшего лейтенанта Бодрова.

По словам Александра Тимченко, Бодров, видимо, стремясь показать в новом для него коллективе свою принципиальность и служебное рвение, пообещал отстранить меня от прыжка, так как я отсутствовал на укладке парашютов и предпрыжковой подготовке. Тимченко, рассуждая вслух, заявил, что с формальной точки зрения Бодров был, в общем-то, прав, ведь соответствующие инструкции и приказы требуют, чтобы каждый военнослужащий лично укладывал свой парашют перед прыжком. Однако, как известно, если все в военной службе ставить на формальную основу, то успехов в боевой подготовке трудно будет добиться. При этом Александр заверил меня, что все равно прорвемся, и предложил пойти на воздушно-десантный городок и немного позаниматься перед прыжком. Александр довольно долго гонял меня по тренажерам, заодно и сам позанимался, попрыгав с трамплина.

На следующий день, 1 июня, молодое пополнение бригады принимало Военную присягу. По традиции, это торжественное мероприятие проходило у памятника жителям Чирчика, погибшим в годы Великой Отечественной войны, сооруженного на берегу канала Бозсу. Чирчикцы называли это место просто «Журавли», так как мемориальная композиция памятника представляла собой стелу, которую венчала исполненная из металла стая летящих в небе журавлей, при этом один из журавлей с подбитым крылом лежал на земле и пытался подняться в воздух, чтобы догнать улетающую в даль стаю своих сородичей.

Несколько раз, глядя на памятник, я ловил себя на мысли, что на память невольно приходят слова из популярной в те времена песни на слова Расула Гамзатова: «Мне кажется порою, что солдаты, с кровавых не пришедшие полей, не в землю нашу полегли когда-то, а превратились в белых журавлей». Как представляется, журавли автором памятника были выбраны в качестве основы его композиции потому, что они символизируют души погибших солдат-чирчикцев всех национальностей и вероисповеданий. Ведь летящая птица во всех религиях считается олицетворением души погибшего воина.

Перед принятием воинской присяги в обстановке торжественности на площади у памятника выстроилась вся бригада, молодые солдаты перед строем своих подразделений зачитывали текст присяги и расписывались в соответствующем документе. Конечно, принятие присяги - момент торжественный, как для отдельного солдата, так для подразделения, в котором он служит, так и всей воинской части. Однако 1 июня 1975 года в 15 отдельной бригаде специального назначения данный ритуал проходил под знаком предстоявших на следующий день прыжков с парашютом бригады, что, безусловно, придавало еще большую торжественность и волнительность данному мероприятию. Именно в связи с этим в коротком выступлении командира бригады подполковника Колесника, кроме положенных в таких случаях возвышенных эпитетов и поздравлений, он призвал весь личный состав

части с высоким качеством выполнить все задачи прыжкового периода и без происшествий провести прыжки с парашютом из самолетов Ан-2 и Ан-12.

И, вот, рано утром 2 июня вся бригада выехала на Чирчикский аэродром. На фоне царившего всеобщего оживления чувствовалась подчеркнутая деловитость и порядок во всех подразделениях. Четко отдавались и моментально исполнялись команды и распоряжения. Через некоторое время на обочине аэродрома появились таблички, указывавшие на рубежи проверки парашютов различными должностными лицами, разворачивалась радиостанция для связи с площадкой приземления. На земле расстилались походные брезентовые полотнища, на которые, в соответствии с разбивкой личного состава по корабельным группам, ставились для проверки парашюты в козлы. Командиры подразделений давали указания подчиненным сложить переносные сумки и заправить их под резинки запасных парашютов, заправить штык-ножи под резинки запасных парашютов, а также проводили последние инструктажи в своих подразделениях.

После того, как командиры групп 7 роты закончили проверку парашютов в козлах, командир роты Саша Тимченко подал команду надеть парашюты и сам приступил к их проверке. Так мы постепенно продвигались к линии проверки парашютов заместителем командира батальона по ВДС. Наконец, старший лейтенант Бодров, проверив первые три корабельные группы 7 роты, подошел к нашему кораблю. Увидев меня, он нарочито громко с элементами театральности, обращая ко мне по званию и фамилии, спросил, почему я намерен прыгать, если я не был ни на укладке парашютов, ни на предпрыжковой подготовке.

Демонстративное, более того, «театрализованное представление», которое попытался разыграть старший лейтенант Бодров, естественно, привлекло внимание солдат, сержантов и офицеров не только 7 роты, но и выстроившихся за нами радистов-маломощников из 8 роты. К нам подошли Саша Тимченко и Олег Кривопалов и попытались вмешаться в разговор, но Бодров, оперируя номерами каких-то приказов и положениями различных инструкций, заявил: «Данной мне властью я отстраняю этого лейтенанта от прыжка». При этом он потянулся к вытяжному кольцу моего парашюта, чтобы, дернув его, раскрыть парашют. Однако я грубо оттолкнул его руку и своей рукой прижал кольцо к груди.

Все, кто стоял рядом, внимательно наблюдали за разыгранным Бодровым спектаклем, но реакция свидетелей инцидента оказалась совсем не такой, на которую рассчитывал этот горе-режиссер в офицерском звании. Все бойцы, стоявшие вокруг нас, громко загалдели, а из дальних рядов роты связи нашего отряда раздался громкий возглас кого-то из радистов: «А ну, отцепись от лейтенанта!»

Бодров вновь потянулся к кольцу, но в очередной раз встретив жесткий отпор с моей стороны, развернулся и буквально бегом побежал, как можно было понять, с докладом заместителю комбрига по воздушно-десантной службе полковнику Ленскому о грубейшем нарушении положений воздушно-десантной службы в 7 роте.

Через несколько минут к нам подошел полковник В.А.Ленский. Видимо, из красноречивого доклада ему уже была известна суть дела, однако,

он спокойно поинтересовался, почему я пропустил укладку парашютов, затем спросил у старшего лейтенанта Тимченко, проходил ли я предпрыжковую подготовку. Я еще не успел открыть рот, а Саша Тимченко, перебивая меня, подтвердил, что двумя днями раньше около часа он лично занимался со мной на воздушно-десантном городке.

- Ну, милоч, как считаешь, ты готов к прыжку? - спросил меня Виктор Александрович, используя обращение «милоч», которым он называл буквально всех, кто был намного моложе его по возрасту. Я заверил его, что полностью готов. - Ну, ладно, милоч, тогда давай спокойно прыгай. Желаю тебе успеха, - коротко сказал мне заместитель командира части по воздушно-десантной службе и пошел заниматься своими делами.

Услышав эти слова Ленского, офицеры и прапорщики роты с удовольствием заулыбались, понимая, что спектакль Бодрова полностью провалился, а некоторые солдаты не без ехидства и издевки, нарочито громко и откровенно захохотали. Сам же режиссер этого неудавшегося спектакля сначала несколько смутился, но потом, через некоторое время, видимо, собравшись с мыслями, громко, чтобы слышали все, кто был рядом, заявил: «Я, всего лишь старший лейтенант, и в этой связи не имею права рисковать жизнью целого лейтенанта, а заместитель командира бригады по воздушно-десантной службе полковник Ленский может взять на себя такую ответственность». Но его уже никто не слушал.

Затем он начал также, как и раньше, подчеркнуто громко рассуждать о том, что, в соответствии с приказом командира части, в этом учебном году личный состав бригады, в том числе и военнослужащие, совершающие первый прыжок с парашютом, должны прыгать не «на веревку», как это обычно было в предыдущие году, а со стабилизацией падения 5 секунд. А это считается сложным прыжком. Поэтому, по словам Бодрова, все должны пройти соответствующую подготовку, не взирая на то, офицер это или солдат. Но оратора, пытавшегося этими своими рассуждениями оправдаться, уже никто не слушал. Инцидент был исчерпан, и результат всем, кто был его свидетелем, естественно, понравился.

Когда моя группа вышла на линию проверки парашютов заместителем комбрига по ВДС, полковник Ленский, подойдя ко мне, осмотрел парашют, проверил контровку замка, затем, подмигнув, сказал:

- Прыгнешь – подойди ко мне, Расскажи о своих впечатлениях от первого прыжка.

- Есть, товарищ полковник! – ответил я. – Большое спасибо Вам за заботу.

- Приготовиться! – подал команду Ленский нашей корабельной группе, когда он закончил проверку парашютов. Мы все несколько присели, расставили ноги, и взялись правой рукой за вытяжные кольца, то есть приняли такую стойку, которую принимает парашютист перед прыжком из самолета. - Пошел! - скомандовал Виктор Александрович.

- 521, 522, 523, 524, 525! – начали мы отсчет, сделав шаг вперед. Затем, обозначив выдергивание вытяжного кольца парашюта, группа дружно крикнула – Кольцо! – после чего все распрямились, подняли руки кверху и обозначили осмотр парашюта.

- Ну, что, милки, вперед! - сказал Ленский и отправил нас к тому месту, где на расстеленных на земле брезентовых укладочных полотнищах предстояло нам сидеть и ждать своей очереди на прыжок.

Когда группа расположилась на одном из укладочных полотнищ, которые в обиходе все называли просто «столы», ко мне подошел Олег Кривопалов, и мы, совершенно не стесняясь сидевших рядом солдат, стали обсуждать выходку старшего лейтенанта Бодрова. При этом оба однозначно осудили его стремление таким непорядочным способом показать свое служебное рвение и проявить себя в глазах и начальства и, естественно, сослуживцев.

Вообще-то, давать негативные оценки офицерам в присутствии солдат и сержантов, у нас было не принято, однако в связи с тем, что практически весь личный состав нашей и восьмой роты стал невольным свидетелем инцидента, мы с Олегом не сдерживались в эмоциях и оценках произошедшего. Правда, когда заместитель моей группы сержант В.Бахтий попытался вклиниться в наш разговор со своей интерпретацией данного события, пришлось его одернуть, дабы ни ему, ни другим не повадно было обсуждать действия офицера.

На наше с Олегом замечание Валерий, изображая подобие обиды на лице, насупившись, заявил: «Чтобы офицера не обсуждали подчиненные, надо, прежде всего, ему самому вести себя по-офицерски, тогда никто и никогда не будет его осуждать».

Тем временем на рулежную дорожку, где должна была осуществляться посадка в самолеты, подкатили три Ан-2, или «Аннушки», как мы их называли, которые специально для проведения прыжков с парашютами нашей бригадой прилетели на Чирчикский аэродром из Ферганы. Когда у самолетов заглохли моторы, по лесенкам, пристыкованным к нижним обреза́м дверей самолетов, на рулежную дорожку спустились летчики и борттехники, участвующие в выброске парашютистов. Старший из них пошел докладывать полковнику В.В.Колеснику о готовности летных экипажей и техники к выброске парашютистов, а остальные направились к сидевшим невдалеке от рулежной дорожки спецназовцам.

Весь первый корабль, который у нас назывался «королевским» из-за того, что в нем были только офицеры штаба бригады, поднялся со своих мест, шумно приветствуя летчиков и борттехников, которых они хорошо знали по предыдущим прыжковым периодам. Многие обнимались как старые знакомые. Особое наше внимание сразу же привлек один из борттехников, у которого, кроме импозантной внешности, были еще и шикарные солнцезащитные очки, явно не советского производства. Видно было, что этот счастливый обладатель несоветских очков гордился ими и не без удовольствия давал их померить всем желающим. Кто-то из моих солдат заметил, что весь вид и поведение этого парня в очках внушает уверенность и спокойствие перед прыжком. «Вот, попасть бы к нему в самолет. Было бы здорово и спокойно, - заявил он. - Заодно и его очки посмотрели бы в воздухе».

Через некоторое время поступила команда «По самолетам!». Летчики поспешили к своим Ан-2, а те спецназовцы, которые составляли «королевский корабль» построились в одну шеренгу перед первым самолетом. В строю стояло девять парашютистов. Ленский подошел к ним еще раз бегло посмотрел,

застегнуты ли у них грудные перемычки и ножные обхваты подвесных систем их парашютов, что-то сказал, напутствуя, и подал команду на посадку в самолет. Все четко повернулись налево и быстрым шагом пошли к своему самолету.

Я вновь автоматически пересчитал парашютистов. Их оказалось девять человек, при этом начальник политического отдела бригады подполковник Н.В.Лысак, который в этот день также должен был совершать свой первый прыжок, заходил в самолет последним. Выпускающий данного корабля прапорщик Засорин одну ногу поставил на приставную лесенку, чтобы она не упала, и одной рукой помогал парашютистам заходить в самолет.

В это время быстрым шагом к Виктору Александровичу Ленскому направился подполковник Колесник, на ходу надевая совершенно небольшой спортивный парашют. Заместитель комбрига по ВДС внимательно осмотрел парашют командира и, хлопнув его по плечу, рукой показал на первый самолет, который уже начал прогревать мотор. Василий Васильевич буквально бегом вбежал в самолет по приставной лесенке, чуть повернув голову, мельком бросил взгляд на спецназовцев, находившихся на аэродроме, и скрылся в дверном проеме, занимая место рядом с дверью.

Все солдаты и офицеры, сидевшие на площадке взлета, внимательно наблюдали за происходившим на рулежной дорожке и, конечно же, видели, что начальник политического отдела зашел в самолет, уже получается, предпоследним, комбриг - последним, а значит прыгать они будут в обратном порядке. Первым прыгнет Колесник, тем самым лично откроет прыжковый период нашей бригады в 1975 году, а вторым - Лысак, который совершит свой первый в жизни прыжок с парашютом. На солдат, прапорщиков и офицеров, особенно тех, кто в тот день готовился прыгать с парашютом впервые в своей жизни, это произвело соответствующее впечатление и осталось в памяти на всю жизнь.

Мы внимательно наблюдали за тем, как самолеты один за другим выруливали на взлетно-посадочную полосу, взлетали и брали курс на населенный пункт Багиш, недалеко от которого находилась площадка приземления. Интересной особенностью прыжков, совершавшихся в 15 обрСпН, было то, что военный аэродром Чирчика находился в непосредственной близости от административной границы между Узбекистаном и Казахстаном. При этом аэродром, естественно, находился в Узбекской ССР, а площадка приземления Багиш в Казахской ССР, хотя по расстоянию это было настолько близко, что с площадки взлета была хорошо видна выброска парашютистов с высоты 1000 и даже 800 метров. В этой связи все мы следили за головным самолетом вплоть до того, пока он не выбросил первый корабль с офицерами штаба бригады. Белые купола раскрывшихся парашютов оказались очень хорошо видны даже не вооруженным глазом, их можно было легко пересчитать. Так начался прыжковый период 1975 года в 15 отдельной бригаде специального назначения.

Постепенно очередь дошла до моей группы. Мы все дружно встали с укладочного полотнища, на котором сидели, и направились к нашему самолету, из проема двери которого выглянул тот самый борттехник, который перед офицерами штаба бригады демонстрировал свои шикарные очки. Пока мы шли

к самолету, кто-то из моих бойцов с уверенностью заявил, что, если мы прыгаем из самолета этого борттехника с шикарными очками, которого между собой бойцы уже успели окрестить «Авиационно-Техническим Пижоном», то все будет нормально. Помогая друг другу, мы быстро зашли в самолет, который сразу же, как только борттехник закрыл дверь, после короткого разбега взлетел.

По очереди я должен был прыгать вторым, а первым младший сержант Маливанов. Как я и ожидал, во время набора высоты самолетом чувствовалось определенное, и вполне естественное перед первым прыжком, волнение, однако в то же время было такое ощущение решимости и готовности к нему, что, если бы вдруг обнаружилось, что у меня всего лишь один запасной парашют, а вместо основного, за спиной только ранец десантника РД-54, я все равно бы прыгнул.

Пока наш Ан-2 набирал высоту, в иллюминатор я с интересом смотрел на оставшийся внизу Чирчикский аэродром и окаймляющие его предгорья Чимганского горного хребта. Когда самолет достиг высоты 300 метров, выпускающий, подходя к каждому из нас, зацепил карабины вытяжных веревок парашютов за трос самолета, а слабинку от вытяжных тросов заправил под резинки парашюта.

Как только выпускающий стал около двери, держась одной рукой за трос, из кабины пилотов вышел борттехник или Авиационно-Технический Пижон, как мы его прозвали, в своих несоветских шикарных очках. Он с подчеркнуто деловым видом, который, как представлялось многим из нас, имел однозначное успокаивающее воздействие на всех, находившихся в грузовой кабине самолета, внимательно осмотрел весь корабль. Затем, пересчитав парашютистов и зацепленные за трос веревки, сдвинул указательный и большой пальцы правой руки в виде буквы «О» и показал нам, что все, мол, «ОК». После этого он подошел к двери, немного приоткрыл ее и, явно рисуясь перед нами, небрежно, с выражением циничности на лице плюнул в проем двери, вызвав у всех, видевших это парашютистов, улыбки.

По мере того, как самолет набирал высоту и выходил на боевой курс, я, хоть и волнуясь перед своим первым в жизни прыжком с парашютом, все-таки изыскивал возможность, чтобы посмотреть на то, как ведут себя мои бойцы в столь необычной ситуации, какой и являлся прыжок с парашютом. Для кого-то из них, так же, как и для меня, это был первый в жизни прыжок, для остальных – один из многих. Однако уже тогда, во время моего первого прыжка, мне бросилось в глаза, что каждый из бойцов вел себя в этой совершенно необычной для себя ситуации совершенно по-разному, но точно в соответствии с тем, к какому типу темперамента относится тот или иной из них. Одни были подчеркнуто сосредоточены, другие просто спокойны, а третьи выглядели излишне возбужденными и беспричинно улыбались, смеялись или пытались рассказать соседу анекдот или какую-либо смешную историю.

В последующем я неоднократно убеждался в правоте этих своих первых, но довольно точных наблюдений, которые удалось заметить во время первого прыжка. При этом я отметил для себя, что никто из нас и не подумал попросить у борттехника его шикарные очки, чтобы посмотреть или даже померить, о чем речь шла на аэродроме. Здесь уже было совсем не до этого.

Каждый из нас по-своему собирался с мыслями и с духом для того, чтобы совершить прыжок с парашютом.

После того, как загорелась желтая лампа на световом табло, расположенном над входом в кабину пилотов, выпускающий подал команду: «Приготовиться!» - дублируя ее жестом. Мы, первые четыре парашютиста, встали со своих мест, сложили скамейку и приняли стойку для прыжка. Из-за сильного бокового ветра самолет ощутимо болтало из стороны в сторону, поэтому пришлось довольно широко расставить ноги и правой рукой держаться не за вытяжное кольцо, а за стенку, чтобы не шататься. В полуоткрытую выпускающую дверь мне из-за спины впереди стоящего парашютиста хорошо была видна земля, и я с интересом рассматривал ее, различая с высоты 1000 метров старые, наполовину засыпанные окопы для пехоты и капониры для техники, другие какие-то с верху совершенно неразличимые предметы, над которыми мы пролетали.

Вдруг противным высоким звуком взревела сирена, и выпускающий, полностью открыв дверь, подал команду: «Пошел!» Маливанов сделал шаг левой ногой, поставил ее в угол двери и, оттолкнувшись, выпрыгнул из самолета. Я, действуя так же, как сам учил своих солдат и как двумя днями раньше тренировал меня Саша Тимченко, оттолкнулся левой ногой от угла двери и прыгнул в бездну. Мощный воздушный поток подхватил меня под ноги и попытался перевернуть, однако раскрывшийся вытяжной и стабилизирующий купол прочно удерживали тело ногами вниз, при этом я сильно вращался вокруг какой-то мнимой оси. Благодаря этому обстоятельству, перед глазами появлялся то улетающий самолет с вываливающимися из него моими бойцами, то небо, то земля.

Правая рука у меня была, как и положено, на вытяжном кольце, вернее я не держал кольцо, а лишь обхватывал лямку подвесной системы в том месте, где к ней крепилось кольцо, так как дергать его вовсе не собирался, а намерен был ждать, когда сработает страхующий парашютный прибор. После шума, который стоял у нас в ушах в самолете, в течение нескольких секунд спуска на стабилизации звук его мотора уже чуть уловимо ощущался. Зато было отчетливо слышно, как «стрекотал», то есть последние доли секунды дорабатывал часовой механизм страхующего прибора. После этого раздался щелчок, свидетельствовавший о том, что прибор сработал, и силовые тесьмы чехла купола парашюта получили свободу. Вытяжной парашют стащил чехол с купола, который, наполнившись воздухом, сильно подпернул меня вверх. И вдруг я почувствовал, что все как будто бы остановилось, а все шумы моментально стихли.

Сразу же глянул вверх, осмотрел, как положено по инструкции, купол парашюта. Развернувшись на лямках подвесной системы, пересчитал парашютистов. После того, как убедился, что у бойцов четвертой группы седьмой роты все нормально, меня охватил совершенно неконтролируемый восторг. Да и бойцы мои не сдерживали переполнявшие их эмоции. Все начали громко разговаривать, кричать и поздравлять друг друга, кого с первым, кого с очередным прыжком.

Пока мы находились на большой высоте, то создавалось впечатление, что ты просто висишь в воздухе и совершенно не спускаешься вниз. Из-за

большого расстояния до земли процесс спуска совершенно не ощущался. Однако по мере того, как парашютисты приближались к земле, скорость снижения стала заметна, а на площадке уже можно было разглядеть отдельные, даже мелкие предметы. Разговоры между парашютистами постепенно прекратились. Видимо, все сразу же вспомнили часто повторявшуюся замполитом роты Кривопаловым фразу о том, что самым ответственным и наиболее сложным этапом прыжка является не отделение парашютиста от самолета, а все-таки приземление.

Мне было видно, как бойцы разворачивали купола по ветру и пытались их удержать в нужном направлении, подруливая стропами. Я тоже, определив направление ветра по лежащим на земле куполам парашютов, приземлившись раньше нас, развернулся лицом по ветру и приготовился к приземлению. Перед самой землей перехватил лямки подвесной системой так, чтобы земля набегала прямо спереди, немного согнул ноги и приземлился, упав на правый бок. Сразу же потянул купол за нижние стропы, чтобы погасить его, и купол парашюта постепенно опустился на землю.

Когда встал на ноги, то успел увидеть приземление последних трех своих спецназовцев. Чувство радости, а также гордости и за себя, и за моих подчиненных, которое меня охватило в тот момент, описать трудно. В последующем, каждый раз, когда вспоминал этот день и этот прыжок, то испытывал бурю тех же чувств и эмоций, что и тогда, 2 июня 1975 года, в день этого первого в своей жизни совершенно незабываемого прыжка с парашютом.

Местность была ровная, и почти всех солдат моей группы, собиравших парашюты, было хорошо видно. Как мне показалось, бойцы спешили после прыжка к сержанту Бахтию, а не ко мне, как это было положено. Но затем вся группа подошла к тому месту, где находился я. К моему удивлению в руках одного из моих подчиненных был небольшой букетик полевых цветов, который они собрали здесь же на площадке приземления. Один за другим бойцы поздравили меня с первым в моей жизни прыжком и подарили тот самый скромный букетик полевых цветов. Как оказалось потом, относительно букета цветов их надоумил, конечно же, наш замполит Олег Кривопалов, но все равно это было очень приятно и даже в достаточной степени торжественно и трогательно.

Тут же по инициативе бывалых и опытных солдат было организовано посвящение в парашютисты перворазников, то есть тех солдат, которые совершили в этот день свой первый прыжок с парашютом. Процедура была простая и давно отработанная. Два бойца, из числа так называемых ветеранов спецназа, используя запасный парашют, «отбивали перворазникам пятую точку», то есть, держа запаску за лямки подвесной системы, они под одобрительные возгласы и смех всех присутствующих били тыльной стороной ранца запасного парашюта по мягкому месту молодого парашютиста. Всю эту процедуру в моей группе возглавлял ефрейтор Раскин, член парашютной сборной бригады, у которого к тому времени было более сотни прыжков.

Когда традиционный ритуал закончился, Раскин, обращаясь ко мне, с выражением знающего человека на лице, сказал: «Товарищ лейтенант, как только придем на пункт сбора, офицеры бригады и Вас посвятят в парашютисты». На мое резкое возражение, ефрейтор Раскин философски

заметил: «Не Вы, товарищ лейтенант, первый, не Вы последний. Уж я то знаю, что традиции надо соблюдать, особенно в таком сложном деле, каким являются прыжки с парашютом».

Действительно, на пункте сбора царило всеобщее оживление, которое лишь отчасти было вызвано началом прыжкового периода, а в основном являлось результатом того, что молодые офицеры-перворазники к удовольствию всех, кто был на пункте сбора, посвящались в парашютисты. Инициатором данного мероприятия выступал не какой-нибудь офицер, прослуживший лет пять в бригаде, а наш ровесник, Рафик Латыпов. Он и еще несколько офицеров, также как, видимо, и Рафик считавших себя опытными парашютистами, не без азарта и нарочитого энтузиазма, под смех и шутки всей бригады со знанием дела и по отработанной методике проводили обряд посвящения в парашютисты.

Завидев меня, инициативная группа во главе с Латыповым обрадовано направилась в мою сторону, призывно размахивая запасным парашютом, приготовленным для очередной экзекуции. Однако, сбросив с плеча сумку с парашютом, я кинулся прочь от самозванных и импровизированных экзекуторов от парашютного спорта. Рафис, погнавшись за мной по пункту сбора, но так и не догнав, в конце концов, как мне показалось, отказался от идеи проведения данного обряда со мной. Тем не менее, чуть позже, когда я докладывал командиру роты Тимченко об успешном десантировании четвертой группы и рассказывал о своих ощущениях от первого прыжка, Латыпов и со товарищи вновь попытался воплотить в жизнь идею моего посвящения в парашютисты, но Александр Тимченко, не произнеся ни единого слова, так глянул на Рафиса Рафаковича, что всякое желание по воплощению в жизнь имевшихся у него планов проведения обряда посвящения меня в парашютисты у Рафика сразу же пропало окончательно.

В это время Кривопалов подал команду на построение седьмой роты. Все быстро собрались и построились в две шеренги. После приема доклада замполита роты командир роты Саша Тимченко, прежде всего, поздравил тех солдат и офицеров, кто совершил прыжок с парашютом впервые, а также весь остальной личный состав с началом прыжкового периода в этом году. Затем настал торжественный момент вручения значков «Парашютист» тем спецназовцам, которые совершили первые прыжки с парашютом. Командир роты первым вызвал из строя меня, пожал руку, своим ножом сделал небольшую дырочку в куртке «песочки» и не без удовольствия прикрутил к ней новенький значок.

После поздравлений командира и замполита роты, когда я стал в строй, Валера Бахтий, который стоял слева от меня, протянул руку со словами: «Сергей Александрович, поздравляю Вас!» Тем временем Тимченко и Кривопалов продолжили вручение значков солдатам роты, совершившим 2 июня 1975 года свои первые прыжки с парашютом. Честно скажу, все мы, и я лично, очень гордились этими незамысловатыми и весьма простенькими значками «Парашютист», свидетельствовавшими о том, что свой хоть и маленький, но все-таки подвиг в этой жизни мы уже совершили – совершили первый в своей жизни прыжок с парашютом.

По традиции, в первый день прыжкового периода на площадку приземления вывозился буфет части, где прямо из кузова ЗИЛ-131 продавалось все, что на тот момент было завезено в бригаду из местного военторга. Только я собрался пойти к импровизированному полевому буфету, чтобы купить что-нибудь и позавтракать, а заодно, как говорится, и пообедать, как подошел Олег Кривоपालов и, показывая на сверток в его руках, предложил отведать то, что было специально приготовлено его женой Галиной, чтобы, как он выразился, «закусить» радость первого в текущем году прыжка с парашютом. Мы с ним уселись в тени одной из машин и с удовольствием съели так называемый «тормозок», мысленно выражая благодарность заботливой Галине. Так мы сидели, отдыхали, с большим интересом наблюдали за продолжающейся выброской парашютистов из самолета Ан-2 и обсуждали детали недавно совершенного прыжка с парашютом.

После того, как вся бригада на автомашинах вернулась в расположение, я подошел к полковнику Ленскому, чтобы, в соответствии с его указанием, доложить ему о своих впечатлениях от первого прыжка. В своем рассказе я не особенно «растекался по древу», а Виктор Александрович, задав несколько ничего незначащих вопросов, высказал пожелание и дальше совершенствоваться в освоении воздушно-десантной подготовки и должным образом готовить к прыжкам с парашютом личный состав моей группы.

Вернувшись в бригаду, бойцы и офицеры на все лады обсуждали свои и чужие впечатления от первого в 1975 году прыжка с парашютом. Кто-то рассказал, как начальника политотдела подполковника Н.В.Лысака, уже в самолете командир бригады напутствовал: «Коля, когда выпускающий дверь откроет, ты на землю не смотри, смотри вдаль! Так легче прыгать первый раз». Кто-то обсуждал, как Николая Васильевича, не сумевшего после приземления вовремя подтянуть нижние стропы парашюта, чтобы погасить купол, потаскало по полю и колючкам так, что на новенькой «песочке» остались зеленые следы от травы. Кстати, Николай Васильевич 24 октября 2003 года, во время празднования 53 годовщины образования спецназа ГРУ ГШ, рассказывал мне, что эту «песочку» он так и хранит с тех пор как память о своем первом прыжке с парашютом в Чирчикской бригаде специального назначения.

Кроме того, всей бригаде доставляло большое удовольствие в разных интерпретациях рассказывать друг другу о том, как наш начальник политического отдела перед началом прыжков проводил целый комплекс самых разнообразных мероприятий по скрытию от своей супруги и легендированию перед ней самого факта того, что бригада, и он в том числе, должны прыгать с парашютом именно 2 июня 1975 года. В результате, жена Николая Васильевича догадалась о том, что «самое страшное», по ее мнению, событие в ее жизни уже позади, лишь по счастливому выражению лица своего мужа, когда он вернулся домой в тот день, и грязным коленкам на его «песочке», которая еще утром была совершенно чистая.

ПРЫЖКОВЫЕ БУДНИ БРИГАДЫ СПЕЦНАЗ

В последующем, вслед за первым прыжком с парашютом, наша бригада с интервалом в 2 - 3 дня совершала последующие прыжки. После совершения прыжка в часть на машинах, как правило, возвращались лишь те подразделения, которые должны были заступать в наряд, а остальные, приземлившись и сдав парашюты на пункте сбора, уходили на выполнение учебных задач в соответствии с ротным расписанием занятий. Разведгруппы нашей роты, да и всей бригады в буквальном смысле «облазили» в этот период все северные окраины Чирчика и южные районы Чимкентской области и изучили их очень хорошо.

Именно в этот период, где-то в середине июня 1975 года, Валера Бахтий, получивший к тому времени звание старшины, принес из дома роман Владимира Богомолова «Момент истины (в августе сорок четвертого)», который был напечатан в «Роман-газете», весьма популярном в те советские времена издании. Все бойцы с большим удовольствием читали его в свободное время, а также ночами, стоя в наряде по роте или в карауле. За Богомоловым в седьмой роте выстроилась длинная очередь. Некоторые бойцы нашей роты брали роман-газету с Богомоловым даже на прыжки и читали роман «Момент истины», когда после проведенных проверок парашютов мы садились на укладочные полотнища и достаточно долго ждали своей очереди на прыжок. Мне очень захотелось прочитать роман, тем более что Бахтий, да и другие солдаты нашей роты, уже его прочитавшие, по-настоящему подогревали этот интерес. Поэтому мне пришлось, используя свою власть, вклиниться в выстроившуюся за Богомоловым очередь, чтобы прочитать его раньше.

Роман «Момент истины» оказался очень интересным, поучительным и познавательным, но для спецназовцев он был интересен, прежде всего, тем, что, в художественной форме раскрывая работу военных контрразведчиков в годы Великой Отечественной войны, он очень наглядно и убедительно показывал, как может контрразведка вести в своем тылу борьбу с разведывательными группами противника. После того, как практически все мои бойцы прочитали это произведение В.Богомолова, я заметил, что на полевых занятиях они стали подчеркнuto обстоятельно ликвидировать любые следы своего пребывания в районах проведения занятий. Окурки тщательно прятались в земле или уносились с места отдыха с собой, не говоря уже о консервных банках от сухого пайка и других больших предметах. Видимо, такое поведение моих подчиненных было вызвано тем, что на них оказали серьезное влияние ярко написанные автором романа моменты, касающиеся работы контрразведчиков из Смерша, которые лишь по нескольким небольшим внешним признакам умели делать совершенно точные и правильные выводы о том, что собой представляют и где могут находиться разведывательные группы противника.

Кроме того, всем нам очень нравилось, что автор романа Владимир Осипович Богомолов сам по себе был очень интересным и неординарным

человеком. Достаточно сказать, что с началом Великой Отечественной войны он, приписав себе два года, ушел на фронт простым солдатом, а закончил войну офицером, командиром не какого-нибудь простого взвода, а взвода именно войсковой разведки. Для любого спецназовца данное обстоятельство значило очень и очень многое.

Не могу не упомянуть о том, что, когда эти строки уже были мной практически написаны, по средствам массовой информации пришло сообщение о том, что автор романа «Момент истины (в августе сорок четвертого)» Владимир Осипович Богомолов скончался на 78 году жизни. Честь ему, память и слава, а также благодарность от спецназовцев Чирчикской отдельной бригады специального назначения 70-х годов прошлого века, которые на его произведениях, касающихся военного лихолетья, многому и полезному научились и использовали их для совершенствования своего боевого мастерства.

До начала прыжкового периода в нашей бригаде все офицеры и солдаты, хоть изначально и были весьма стройны, но через три недели прыжков еще больше постройнели, так как постоянно пребывали в движении. А, вернее сказать, испытывали серьезные физические нагрузки при высокой дневной температуре, которая в Чирчике в июне месяце достигала 35-40 градусов жары. Ночами температура несколько снижалась, однако не настолько, чтобы можно было спать комфортно. Полноценно отдохнуть за ночь никому не удавалось. Имевшиеся тогда у многих офицеров вентиляторы проблему жары совершенно не решали. А, когда сильная жара постоянно стоит и днем, и ночью, – это действительно здорово изматывает. К такому положению, конечно, можно привыкнуть, но, конечно же, далеко не сразу.

Однако, как гласит русская пословица: «Голь на выдумку хитра». Поэтому, в связи с тем, что рядом с нашим жилым городком протекал канал с чистой и очень холодной водой, которая текла в город Чирчик прямо с горных ледников Тянь-Шаня, многие наши офицеры и прапорщики, а также их жены и дети часто вечерами, а в сильную жару и ночами с удовольствием освежались в канале. Правда, долго выдержать в ледяной воде, даже на контрасте с высокой температурой воздуха, никому не удавалось. Однако этой весьма экстремальной процедуры, например, мне ночью порой вполне хватало, чтобы хорошенько освежиться и сразу же заснуть глубоким сном и безмятежно проспать до самого утра.

В этой ситуации жалко было наших солдат и сержантов, которым приходилось в жаркий период времени спать в душных казарменных помещениях. Можно представить, что даже открывавшиеся с одной стороны казарм окна, чтобы не было сквозняков, совершенно не спасали от сильной жары ни днем, ни ночью. Однако, набегавшись по сопкам вокруг Чирчика, они совершенно уставшие все-таки спали даже в такой жаре, которая стояла в городе в июне-июле.

До июня 1975 года мне, как командиру группы, да и многим моим ровесникам не хватало лишь опыта совершения прыжков с парашютом, чтобы считать себя вполне пригодными для выполнения тех задач, которые могут быть нам поставлены Командованием в угрожаемый период или с началом боевых действий. К этому времени все предметы программы боевой

подготовки подразделений специального назначения были полностью изучены теоретически и отработаны с подчиненным личным составом на практике. К концу июня 1975 года с воздушно-десантной подготовкой вопрос для нас также был закрыт. Наверное, после третьего или даже четвертого прыжка я, да и многие мои ровесники, ощущали себя уже в достаточной степени опытными и умелыми парашютистами и умелыми спецназовцами, которым уже можно поручить даже самые серьезные и ответственные задания Командования.

Конечно, правильно говорят, что «нет пределов для самосовершенствования», а в военном деле, тем более, эти границы весьма и весьма размыты. Однако к середине 1975 года большинство из молодых офицеров уже были теми командирами групп, которые менее, чем за год, уже многое знали на собственном опыте и могли очень многое сделать на практике. Этого было вполне достаточно для качественного выполнения всевозможных боевых задач в тылу противника в любых условиях обстановки. Однако, как представляется, самое главное наше достижение заключалось в том, что как мы, молодые командиры групп спецназ, так и наши подчиненные были уже очень хорошо подготовлены. Кроме того, морально и психологически мы были готовы ко всему, что может выпасть на нашу долю. А морально-психологическая готовность к выполнению любого задания порой имеет весьма важное значение в любом деле, тем более, в столь сложном и ответственном, каким приходилось заниматься спецназовцам.

ПАРАШЮТНЫЕ КУРЬЕЗЫ

Многим известно, что с парашютными прыжками очень часто связано множество разных историй, в том числе смешных и курьезных. В этом плане прыжки, вероятно, можно сравнить с рассказами о приключениях охотников или рыбаков. Кроме того, юмористы от парашютного дела придумали также огромное количество анекдотов и шуток, связанных с парашютными буднями. И наша бригада специального назначения в этом плане бала далеко не исключение.

Сейчас вспоминается, что довольно смешная история произошла и со мной в самом начале прыжкового периода 1975 года. Как-то однажды, приземлившись после третьего или четвертого прыжка, точно не помню, я собрал парашют и присел на землю, чтобы перевести дух, и дожждаться, пока бойцы моей группы соберутся около меня после прыжка. Наблюдая за выброской и приземлением спецназовцев, вдруг увидел, что один из них, широко расставив ноги, что, кстати, противоречит инструкции, спускается прямо на меня. В связи с тем, что ветра практически не было, парашютист снижался строго вертикально и прямо туда, где находился я, поэтому, кроме огромного купола и расставленных в стороны ног, мне совершенно ничего не было видно.

Моментально вскочив с земли и подхватив сумку с парашютом, чтобы на нее не приземлился парашютист, я зычным голосом громко крикнул ему: «Эй, ты, чучело, чего там болтаешься как сосиска! Ну-ка, ноги вместе!» Когда парашютист, видимо, услышав мой голос, наклонил голову и вытянул вперед шею, чтобы посмотреть, кто это снизу подает ему такие неуставные команды, я все-таки не смог рассмотреть лицо этого лихого парашютиста-отличника, как у нас говорили, но при этом увидел у него на голове мотоциклетную каску.

В нашей бригаде наличие каски было явным признаком того, что приземляется кто-то из офицеров или прапорщиков, а, возможно, даже, что это член нашей парашютной команды. В этой связи я решил, что волноваться за такого парашютиста, в общем-то, не стоит, так как он и сам прекрасно знает, как надо приземляться.

Только после того, как объект моего особого внимания приземлился буквально в двух-трех метрах от меня, к своему удивлению и крайнему смущению я увидел, что это был полковник В.Ленский. Характерно «крякнув» в момент приземления и погасив купол, Виктор Александрович повернулся ко мне и, улыбаясь широкой улыбкой, несколько задумавшись и подбирая слова, заметил: «А, ведь еще совсем недавно, как мне сдается, ты первый раз прыгнул с парашютом. Между прочим, с моей помощью и при моем самом активном участии (намекнул Ленский на инцидент со старшим лейтенантом Бодровым). И вот уже заместитель командира бригады по ВДС, целый полковник, для тебя, молодого лейтенанта, стал простым «чучелом». Вот так в жизни всегда и бывает...», - философски заключил свой монолог Ленский, так до конца и не поведав мне, о чем на самом деле он в этот момент подумал.

На мои слабые попытки оправдаться и перевести все в шутку, он, продолжая задумчиво улыбаться своим мыслям, лишь махнул рукой, заметив, что действовал я, в общем-то, правильно, ну, а что касается «чучела», то, мол, в нашей жизни и не такое бывает, не надо все брать в голову.

Когда я на пункте сбора рассказывал случившуюся историю с полковником Ленским, офицеры и солдаты с удовольствием смеялись и всячески комментировали мой рассказ.

Но были в парашютной практике 15 отдельной бригады специального назначения и не совсем смешные истории, вернее будет сказать, что совсем несмешные истории, более того, граничащие с трагедией. Например, во время ожидания своей очереди на прыжок, когда мы сидели на укладочных полотнищах, один из солдат соседней роты заметил фалангу на парашюте сидевшего напротив него солдата, который в это время безмятежно дремал. Надо было видеть, как моментально проснувшийся боец буквально «выскочил» из подвесной системы парашюта, когда ему сказали, что на его парашюте «смертельно опасный зверь». Когда солдаты и офицеры топтались вокруг парашюта, под которым находилась фаланга, Игорь Стодереvский со словами: «Чего ее бояться? Я столько этих тварей в детстве в Туркмении подавил...», - поднял за лямки парашют и ботинком раздавил фалангу на земле. Несмотря на столь показательный пример борьбы с фалангами, мы все-таки с опаской оглядывались по сторонам, прежде чем сесть на землю или укладочное полотнище.

Однако иногда некоторые случаи в парашютной практике на самом деле граничили с трагедией. Хотя и было их немного, но они были. А смешными они могли стать лишь тогда, когда заканчивались счастливо. Красноречивым примером тому может быть случай, произошедший в нашей бригаде в июне 1975 года во время прыжков с парашютом из Ан-2 с начальником физической подготовки и спорта бригады капитаном Вячеславом Тихоновым.

После очередного прыжка, моя группа, например, собрав парашюты, в колонну по одному бегом двинулась на пункт сбора, чтобы сдать парашюты и убыть на выполнение очередной учебно-боевой задачи. Вдруг, мой заместитель, вездесущий и все всегда и везде замечающий старшина Валера Бахтий буквально закричал: «Товарищ лейтенант, смотрите, что творится!» - и показал вверх, на летящий на высоте примерно 1000 метров Ан-2. Я поднял голову и буквально обомлел – за самолетом, на расстоянии, равном длине вытяжной веревки и половине длины чехла купола, одиноко болтался парашютист.

Понятно было, что беда еще не случалась, но может в любой момент случиться, так как предпосылка для этого уже создана. Зрелище было, честно надо сказать, жутковатое. Моя группа остановилась и стала смотреть вверх. Да и все, кто в это время находился на площадке приземления, замерли, наблюдая за происходящим в воздухе. Кто-то из моих бойцов задумчиво заметил: «Да, неизвестно, кто это там болтается, но все равно, ему сейчас никак не позавидуешь».

Солдаты стали выдвигать предположения относительно того, кто это мог быть и что же могло случиться с ним в воздухе. Однозначно решили, что за самолетом болтается кто-то из офицеров или прапорщиков части, так как это

был фактически один из последних кораблей, который должен был выбрасывать тех офицеров и прапорщиков, которые совершали в этот день второй прыжок с парашютом.

Старший разведчик ефрейтор Раскин, как самый опытный из нас спортсмен-парашютист, первым выдвинул версию произошедшего, которая в последующем полностью подтвердилась: «Если вытяжная веревка соединена с чехлом купола, - заявил Раскин, - и чехол вышел из ранца лишь наполовину, то это значит, что парашют укладывался для прыжка с принудительным раскрытием, при этом силовые тесьмы чехла, видимо, по ошибке были заведены на двухконусный замок ранца парашюта, как это делается при укладке для прыжка со стабилизацией. В этом случае, если дернуть вытяжное кольцо, - продолжал рассуждать Раскин, - то двухконусный замок освободит силовые тесьмы, чехол полностью выйдет из ранца и сам сойдет с купола, как это происходит при прыжке «на веревку». При этом парашют должен спокойно раскрыться, и все будет штатно». Все солдаты и сержанты моей группы полностью согласились с доводами ефрейтора Раскина, при этом все равно продолжали наблюдать за происходившим в воздухе.

Так мы всей группой довольно долго стояли и, глядя вверх, обсуждали случившееся. Ошибка при укладке парашюта была явно налицо. Было непонятно, почему этот парашютист не дергает вытяжное кольцо. Ведь стоило ему лишь дернуть кольцо, и проблема разрешилась бы сама собой, парашют раскрылся бы штатно. Трудно было предположить, что вытяжного кольца вообще на парашюте нет, так как оно устанавливается на парашют при любом способе укладки, а его тросики всегда заводятся на двухконусный замок. Более того, если силовые петли чехла находятся в двухконусном замке, то он может быть законтрован лишь с заведенными на него тросиками вытяжного кольца. По-другому просто быть не может.

Несмотря на то, что прошло уже довольно много времени, но все, кто находился на площадке приземления, закинув головы, продолжали наблюдать за происходившим в воздухе. В общем, ситуация с парашютом была ясна, но мы не знали, кто там болтается за самолетом и в каком он состоянии. Если это какой-то попавший в «королевский корабль» молодой солдат, слабо знающий материальную часть парашюта, да еще растерявшийся в сложной ситуации, то это одно, а если офицер или старослужащий солдат, то это уже другое. Можно было предполагать, что, как только на него перестанет действовать «коэффициент обалдения» от случившегося, он сможет быстро разобраться в ситуации, дернет кольцо и спокойноенько приземлится прямо перед заместителем комбрига по ВДС полковником Ленским, чтобы лично доложить ему, как и почему все это безобразие произошло.

Через некоторое время я приказал всем построиться и повел группу на пункт сбора. После сдачи парашютов и короткого инструктажа, который провел с нами командир роты Саша Тимченко, мы, выстроившись в боевой порядок, приступили к отработке запланированной темы занятий. Постепенно удаляясь от площадки приземления, каждый из нас изредка поглядывал вверх, наблюдая за тем несчастным парашютистом, все еще болтавшимся за самолетом, который постоянно кружил над площадкой приземления. Мы прекрасно понимали, что вечно это состояние продолжаться не может, ведь

когда-то в Ан-2 должно же закончиться горючее. В конце концов, мы ушли так далеко, что потеряли самолет из вида. Однако из головы этот горе-парашютист не выходил. То и дело бойцы задавали и мне и друг другу вопросы, связанные с этим неординарным происшествием.

Когда же группа к вечеру вернулась в часть, вдоволь намотавшись по сопкам к северу от Чирчика, то мы узнали о том, что инцидент с зацепившимся за самолет парашютистом благополучно разрешился. Оказалось, что этим счастливецом, а вернее сказать горе-парашютистом, оказался начальник физической подготовки и спорта бригады капитан Виктор Тихонов, который незадолго до начала прыжкового периода прибыл к нам в бригаду по замене из Германии, где служил в какой-то, как говорили у нас, «красномордой пехоте». Это был его седьмой прыжок и второй по счету в тот день. Прыгнув первый раз, Виктор с группой офицеров и прапорщиков поехал с площадки приземления на аэродром, чтобы успеть совершить в этот день еще один прыжок. Однако, в отличие от тех офицеров, у которых имелись уложенные вторые парашюты, у Тихонова такого парашюта по какой-то причине не оказалось. Однако прыгнуть лишний раз, а следовательно, и получить положенные за прыжок пять рублей ему, видимо, очень хотелось, поэтому он выпросил у прапорщика Саши Славника парашют и с ним совершил этот злополучный прыжок.

Как это ни странно, но ошибку в укладке этого злосчастного парашюта, которую допустил Славник и которую сразу же совершенно точно определил мой старший разведчик ефрейтор Раскин, несмотря на многочисленные проверки при проведении укладки и, естественно, перед прыжком на площадке взлета, к сожалению, никто так и не заметил.

Когда же Виктор, испытав серьезные перегрузки после того, как выпрыгнул из самолета, повис на вытяжной веревке и чехле с заведенными на двухконусный замок силовыми петлями, он, по его собственным словам, сначала испытал настоящий шок. Но затем стал соображать, как выходить из создавшегося непростого положения. Предложение борттехника Ан-2, который, высунувшись из двери, совершенно правильно посоветовал Виктору дернуть кольцо, он сразу же отверг. Будучи начальником физической подготовки и спорта бригады, капитан Тихонов, который незадолго до начала прыжков пришел в часть, устройство парашюта, знал, как оказалось, очень слабо, так как фактически не занимался плановой воздушно-десантной подготовкой. В этой связи он, можно сказать, не совсем адекватно понимал, что же произошло с парашютом, и также слабо себе представлял, что и как должно произойти, если он выдернет кольцо. Однако он хорошо уяснил смысл предупреждения борттехника самолета, который сказал Виктору, чтобы тот, не дай Бог, не дергал кольцо запасного парашюта, иначе самолет сразу же начнет падать, и летчики, чтобы спасти Ан-2 и себя, просто напросто, обрежут веревку, на которой висит несчастный Витя Тихонов.

Как рассказывали очевидцы, было много предложений по спасению Виктора. Одно из таких предложений исходило от экипажа, который предлагал лететь к Ташкентскому морю, над которым обрезать вытяжную веревку, но комбриг категорически запретил это делать, так как посчитал такой способ опасным.

На счастье Тихонова, в Ан-2 оказался один лишний человек – курсант-стажер летного училища, которого, в нарушение существующих инструкций, экипаж все-таки брал с собой на боевую выброску парашютистов. Но, как говорят в таких случаях: «Не было бы счастья, да несчастье помогло».

Правильно оценив именно это обстоятельство, экипаж решился затащить горе-парашютиста Виктора Тихонова в грузовую кабину самолета. С этой целью первый пилот остался за штурвалом и, набрав максимально возможную высоту, сбросил до минимума скорость полета, а второй пилот, борттехник и курсант, обвязавшись вытяжными веревками и зацепив их за трос, чтобы случайно не вывалиться в открытую дверь самолета, начали затягивать горе-парашютиста Виктора Тихонова в кабину. Можно себе представить, каких физических усилий это им стоило, особенно с самого начала данной уникальной спасательной операции, когда за веревку мог взяться лишь один человек. Да и потом, когда все трое имели возможность взяться за дело – это была весьма и весьма сложная и физически очень трудная операция.

В результате, постепенно три члена экипажа подтянули Тихонова сначала к борту, а затем к двери Ан-2. По словам Виктора, когда он, наконец-то, ухватился руками за обрез двери, он сам себе твердо и однозначно сказал, что «теперь от самолета он уже не отцепится никогда, пусть даже ему обрубят руки». После того, как верхняя часть тела Виктора была затянута в кабину, он зацепился запасным парашютом за нижний обрез двери, а сил затащить его полностью у «воздушных бурлаков над Багишем», как после этого инцидента прозвали летчиков, уже совсем не осталось.

Так Виктор Тихонов, с одной стороны, верхней частью тела находился в самолете, а с другой, висел достаточно долго, болтая ногами в воздухе, пока его спасатели не отдохнули и, ухватившись прямо за шиворот, втащили его в кабину самолета. А произошел этот долгожданный момент как раз в то время, когда на приборной доске Ан-2 замигала лампочка, указывавшая на то, что топливо в баках на исходе. Самолет сразу же пошел на посадку на аэродром.

Когда моя группа спецназ вечером этого дня, вернувшись в часть, проходила по центральной аллее, то в глаза сразу же бросилось, что возле автопоилки стоит очень много офицеров, прапорщиков и солдат, которым совершенно довольный собой Виктор Тихонов, как можно было понять, уже далеко не первый раз рассказывал о своих злоключениях «под хвостом самолета Ан-2». Его повествования периодически сопровождались дружным солдатским хохотом и шутками всех присутствующих, которые, прежде всего, были искренне рады тому, что эта достаточно опасная ситуация, которая могла кончиться настоящей человеческой трагедией, благополучно и успешно разрешилась.

Кстати, как потом оказалось, это был единственный случай в истории парашютного спорта и воздушно-десантной подготовки, когда парашютист, попавший в подобную ситуацию, остался жив.

Тем не менее, в результате своих злоключений, Виктор Тихонов все-таки получил «выговорешник» от полковника Ленского за допущенные нарушения при совершении прыжков и слабое знание материальной части парашюта. Заодно с ним был наказан и Саня Славник зато, что отдал

закрепленный за ним парашют другому офицеру. Кроме того, Виктор был отстранен от прыжков до конца текущего года.

Наши или, как мы иногда себя называли, «бригадские» шутники сразу же придумали по этому поводу загадку (по-моему, это был мой однокашник по Киевскому ВОКУ Валера Болдырев, во всяком случае, впервые услышал я ее от него), отражавшую суть произошедшего с капитаном Тихоновым инцидента: «Летит, висит, болтается, на букву «Т» называется. Что это?». Ответ: «Это Витя Тихонов зацепился парашютом за самолет АН-2».

Помимо этого, все те же «бригадские» шутники после чудесного спасения Виктора начали интерпретировать многочисленные армейские шутки-прибаутки, применительно к этому весьма не одинарному происшествию. Например, на разные лады, в том числе и непристойные, к всеобщему удовольствию всех солдат и офицеров бригады, изменялась затасканная армейская присказка о том, что «в нашей бригаде спецназ имеется три «дуба»: начфин, начфиз (которым, как уже говорилось выше, и был Витя Тихонов), начальник клуба, а также маленький «дубочек» - военный переводчик».

Ну, а Витя Тихонов в тот вечер купил, как гласила народная молва, «целых две авоськи водки» и поехал в гостиницу «Чирчик», где жили экипажи наших злосчастных АН-2. В знак благодарности за спасение своей жизни, Виктор, в буквальном смысле, «в лоскуты» упоил не только героический экипаж, титаническими усилиями спасший его самого, но и весь личный состав других экипажей АН-2 из Ферганы, о чем он на следующий день также весьма красноречиво, в деталях и с гордостью поведал офицерам бригады.

Кто-то из офицеров и солдат бригады с интересом слушал его рассказы, а кто-то выражал недовольство тем, что по милости нерадивого Виктора Тихонова в бригаде были сорваны прыжки. Часть личного состава из-за этого серьезного происшествия не смогла совершить прыжки в тот день, так как они благодаря Виктору закончились и добрый десяток офицеров и прапорщиков так и осталась на аэродроме.

ОТКАЗНИКИ

Когда прыжки из Ан-2 подходили к концу, а у меня, к примеру, уже было пять прыжков, на одном из совещаний офицеров бригады полковник Ленский зачитал список офицеров и прапорщиков, которые до сих пор не сделали ни одного прыжка с парашютом. Кто-то из них не мог прыгать по совершенно объективным причинам, так как находился, например, в отпуске, командировке, на излечении в госпитале или по каким-то другим уважительным причинам. На совещании по каждому из них Ленский отдельно доложил комбригу Колеснику.

Однако в списке в этом году еще не прыгавших офицеров был и один из наших однокашников по Киевскому ВОКУ. О нем разговор был особый. С началом прыжкового периода в кулуарах офицеры бригады, чем дальше, тем все чаще обсуждали вопрос о том, что этот лейтенант ищет различные пути, способы и оправдания, чтобы уклониться от прыжков с парашютом. Для большинства из тех, кто учился с ним в Киеве, ничего удивительного в том, что именно он «косил», как сказали бы сейчас, от прыжков не было, так как все мы единодушно считали большой ошибкой Командования направление в спецназ именно этого выпускника разведывательного факультета Киевского общевойскового училища.

В бригаде с учетом его личных и деловых качеств, вернее из-за полного отсутствия профессионально значимых не только в спецназе, но и вообще в армии качеств, его, в основном, использовали для «затыкания» всяческих и, прежде всего, хозяйственных, а также прочих дырок, где использовать настоящих спецназовцев считалось весьма расточительным делом. В результате, в период, когда вся бригада готовилась к прыжкам и совершала их, наш «герой» временно исполнял обязанности помощника военного коменданта в Чирчикской городской военной комендатуре и, конечно же, использовал свою оторванность от части, чтобы не прыгать. Тем не менее, Колесник на том совещании, о котором идет речь, приказал командиру роты, в которой числился этот офицер, и полковнику Ленскому обеспечить, чтобы наш «антигерой» «однозначно отпрыгал положенное младшему офицеру количество прыжков с парашютом».

Выполнение приказа комбрига осложнялось тем, что данное совещание офицеров части состоялось перед последним прыжковым днем. После этого все Ан-2, согласно плану, должны были улететь на аэродром их постоянного базирования в Фергану. При этом, все прекрасно понимали, что, если упоминаемый мной офицер не совершит хотя бы один ознакомительный прыжок с парашютом из Ан-2, то никто из должностных лиц бригады не возьмет на себя ответственность допустить его к прыжкам из самолета Ан-12. А это значит, что он программу прыжков за год уже однозначно не выполнит и, следовательно, в этом случае и приказ командира части подполковника Колесника, соответственно, также останется не выполненным.

Мне лично, да и многим офицерам и прапорщикам бригады, честно говоря, было совершенно все равно, выполнит этот наш училищный

однокашник программу прыжков с парашютом за 1975 год или нет. Но, так как он являлся выпускником именно нашего училища, престиж которого многим из нас, и мне лично, был далеко не безразличен, я, будучи в этой ситуации простым сторонним наблюдателем, все-таки внимательно следил за её развитием.

И вот, в последний прыжковый день из самолета Ан-2, когда я, например, планировал совершить уже шестой прыжок, а Федя Волох уже вплотную приблизился к своему юбилейному 50-ому прыжку, «герой» данной части моего рассказа, в непосредственном сопровождении его командира роты, появился на аэродроме. Вид у него был, мягко говоря, растерянный. Кроме того, и офицеры, и даже солдаты, знавшие о том, что этот горе-спецназовец «косит» от прыжков, различного рода подколками изредка даже пытались показать ему свою неприязнь и пренебрежение. Многие из тех, кто присутствовал на площадке взлета, также, как и я, наблюдали за ним в это время и видели, как он, будучи совершенно белым как бумага, надел свой парашют, прошел все положенные проверки и оказался среди ожидающих своей очереди на прыжок парашютистов.

В тот день наша 7 рота стояла в наряде по части, а я, не попав ни в караул, ни помощником дежурного по части, оказался свободен. Поэтому мне одному, без своих любимых подчиненных удалось прорваться на прыжок в самый первый, или королевский офицерский корабль, как его обычно называли у нас. Кроме того, при самом благоприятном раскладе я также еще рассчитывал сделать в тот день второй прыжок с парашютом. В этой связи, в суе, которая существовала на аэродроме перед началом прыжков, наш «герой», в конце концов, потерялся у меня из виду. Да, в общем-то, не до него было всем нам, пусть о нем думает его непосредственный начальник. Однако, тем не менее, мне лично хотелось все-таки, чтобы он прыгнул.

Когда же первый самолет, в котором был я, взлетел, то потому, как его отчаянно болтало в воздухе, я и, видимо, весь корабль понял, что на площадке приземления дует сильный ветер, и прыжок могут не разрешить. Однако, вопреки нашим предположениям, Ан-2 взял боевой курс, и мы, первые четверо парашютистов, даже встали со своих мест по команде выпускающего «Приготовиться». Однако, в результате, нам так и не удалось прыгнуть ни с первого захода, ни со второго. Дежурный по площадке приземления из-за того, что скорость ветра у земли на самом деле превышала максимально допустимую для учебных прыжков скорость в 5 метров в секунду, разрешения прыгать не дал, и первые корабли были вынуждены вернуться на аэродром.

Когда я вышел из приземлившегося самолета, специально отыскал глазами нашего горе-спецназовца или горе-парашютиста. Он, как мне показалось, тревожным взглядом наблюдал за происходившим на площадке взлета. Примерно через полчаса вновь поступила команда «По самолетам!», и мы опять полетели в направлении Багиша. Встав со скамейки по команде выпускающего «Приготовиться!», мы вновь изготовились к прыжку. Все настолько были замучены этими, казавшимися нам бесконечными, взлетами, посадками и вставаниями со своих мест для изготовления к прыжку, что уже хотелось как можно быстрее покинуть самолет. Однако, как и в предыдущий раз, простояв, вернее прокачавшись из стороны в сторону, в стойке для прыжка

несколько минут, мы по команде выпускающего вновь расположились на приставной скамейке, а самолет пошел на посадку. Стало ясно, что из-за погоды прыжков сегодня уже не будет, а следующим утром три Ан-2 из Ферганской дивизии ВДВ должны будут улететь на аэродром своего базирования в Фергану.

Сквозь иллюминаторы приземляющегося самолета нам было видно, что бригада собирает парашюты, часть которых уже укладывалась на прицепы грузовиков ЗИЛ-131. Как только я снял свой парашют, ко мне подошел Сергей Маковский, который также в этот раз не попал в наряд, и не без удовольствия рассказал, что у него была возможность со стороны внимательно наблюдать за нашим «антигероем». По словам Сергея, было очень интересно следить за массой тех эмоций, которые обуревали его перед первым прыжком и красноречиво отражались на лице. На этапах проверки парашютов и ожидания начала прыжков он был бледный или даже совершенно белый. Однако, как только объявили, что из-за плохой погоды прыжки отменяются, а, следовательно, на следующий день Ан-2 улетают, он понял, что в этом году парашюты для него уже, как говорят в таких случаях, «заказаны», его лицо, по словам Маковского, моментально приобрело красновато-бордовый оттенок.

Обсуждая эти наблюдения с Сергеем, мы сошлись на том, что, с одной стороны, все это довольно смешно, а с другой, жаль, что офицер, который прошел соответствующее обучение в военном училище, направлен для службы в бригаду специального назначения, где прослужил около года, оказался таким, прямо скажем, слабаком. К слову сказать, для меня, да и для многих из тех, с кем я учился в училище, в таком поведении нашего однокашника не было ничего удивительного. Ведь уже там, в Киевском общевойсковом училище, нам было совершенно ясно, что нашего «героя» надо, образно говоря, держать подальше не только от спецназа, но и вообще от армии. По своим деловым и личностным качествам, по складу характера он совершенно негоден был для службы в армии. И вот, на тебе, волею судьбы именно он попал служить в элиту Вооруженных сил - войска специального назначения.

Думаю, что где-нибудь в народном хозяйстве он, наверняка, нашел бы свое место, тем более, что, как говорили, он очень хорошо знал французский язык. Ну, а в спецназе он был совершенно инородным телом, который ни под каким предлогом не принимал спецназ, более того, всячески отвергал его. Кстати, в 1976 году нашего героя перевели в Капчагай, в 22 отдельную бригаду специального назначения, где он, по словам наших коллег - капчагайцев, также всяческими способами уклонялся от прыжков. Со временем он, в конце концов, был переведен из спецназа в какие-то другие войска, и его следы затерялись, так как связь с нами он не поддерживал.

Честно надо сказать, сколько я не пытался, но так и не смог вспомнить, чтобы у нас в бригаде были так называемые «отказники» среди солдат или, например, «партизан», призванных из запаса. Вся система подготовки и обучения личного состава бригады предполагала, что любой военнослужащий, прошедший соответствующую плановую целенаправленную подготовку, будет способен уверенно совершать прыжки с парашютом. Что самое удивительное, ведь этого результата удавалось добиваться даже при подготовке «партизан», большинство из которых раньше с парашютом вообще никогда не прыгали.

В этой связи вспоминается, другой случай, который произошел уже после того, как нашу бригаду разделили на два соединения – Чирчикскую и Капчагайскую бригады специального назначения. Однажды, в апреле 1978 года, по три прыжка с парашютом из Ан-2 должны были совершить «партизаны», проходившие переподготовку в нашей бригаде. Если мне не изменяет память, то в том приписном «партизанском» батальоне было всего лишь несколько солдат и сержантов-приписников, которые во время срочной службы служили в спецназе или ВДВ и прыгали с парашютом, а остальные проходили службу где угодно, но только не в спецназе и даже не в ВДВ. При этом значительный процент из «партизан» составляли представители местных национальностей, то есть узбеки, таджики, казахи.

Во время проведения первого прыжка произошел интересный и очень показательный случай, касающийся так называемых отказников, который я наблюдал лично. Через некоторое время после начала прыжков солдатская молва молниеносно разнесла по аэродрому весть о том, что «вон, в том приземляющемся Ан-2 есть один «партизан», который отказался прыгать с парашютом». О таких событиях все узнают сразу, так как на аэродроме с самолетами и с площадкой приземления поддерживается постоянная радиосвязь.

Поэтому Ан-2 еще только приближался к взлетно-посадочной полосе, а все присутствовавшие на аэродроме, бросив свои дела, внимательно наблюдали за тем, как самолет приземлялся и как из него вышел незадачливый парашютист-отказник. Видно было, что выпускающий, высунувшись из двери, рукой показал ему в том направлении, где стоял, также наблюдая за происходящим, заместитель командира бригады по воздушно-десантной службе полковник Ленский. «Партизан», как можно было судить из далека, был узбеком по национальности, понуро поплелся к полковнику Ленскому. Подойдя к нему, он приложил руку к головному убору и, видимо, стал докладывать причины того, почему он не прыгнул с парашютом.

Полковник Ленский долго слушать его не стал. По его жестам было видно, что он отправил несостоявшегося парашютиста к его еще не прыгавшим товарищам, которые стояли в стороне и напряженно наблюдали за тем, что происходило. «Партизан», на ходу снимая парашют, направился к начавшей громко и возмущенно галдеть толпе его земляков-узбеков. По мере того, как он подходил, гул все возрастал, в конце концов, толпа двинулась «партизану» навстречу и окружила его. По настроению «партизан», их громким крикам, сопровождавшимся многозначительными жестами, создавалось впечатление, что для самого отказника его поступок не останется безнаказанным. Многие из офицеров бригады даже направились в сторону собравшихся, чтобы в случае, если в ход пойдут кулаки, то не допустить самосуда.

Однако было видно, что, несмотря на громкие возмущенные крики толпы «партизан», бить несчастного отказника никто не собирался. Я подозвал одного из бойцов своей роты, узбека по национальности, и приказал ему сбегать послушать, что говорят «партизаны» своему нерадивому товарищу. Боец стремглав бросился в сторону собравшихся, и не столько потому, что хотел как можно быстрее выполнить мой приказ, сколько ему самому хотелось послушать, что же там говорят его земляки незадачливому сородичу.

Через некоторое время толпа расступилась, и несостоявшийся парашютист, бережно неся свой парашют в руках, опять направился в ту сторону, где полковник Ленский занимался проверкой парашютов очередного подразделения приписного состава. «Партизан» подошел к Ленскому, они о чем-то долго говорили, затем Виктор Александрович помог ему надеть парашют и провел его проверку. Держа «партизана», решившего все-таки испытать радость прыжка с парашютом, за локоть, он подвел его к тому подразделению, которое готовилось зайти в Ан-2, и, видимо, спросив его, каким по счету он хотел бы прыгнуть, поставил его в строй третьим. Похлопав его по плечу, Ленский дал команду на посадку в самолет. Через некоторое время все зашли в Ан-2. Двери закрылись, и самолет после небольшого разбега взмыл в воздух.

Я заметил, что вся бригада и весь «партизанский» батальон молча стояли на площадке и внимательно наблюдали за этой картиной. Мой вернувшийся боец-узбек, стоя рядом со мной, также внимательно смотрел на происходящее. Когда Ан-2 уже взлетел, я спросил его, что же там «народ говорил этому несчастному отказнику».

- Ох, слишком здорово ругались на нашем языке..., - сказал боец.

- Я понимаю, что они его не называли героем, - заявил я, возмущившись столь кратким ответом. – Я спрашиваю, что конкретно они ему говорили.

- Называли его трусом, говорили, что он позорит нашу нацию, - спохватившись, начал рассказывать боец. – Спрашивали, почему другие могут прыгать, а он не может. Он им говорил, что у него двое детей, и он за них боится. Его стыдили тем, что все русские ребята прыгают, а ведь у них тоже есть дети. Другие узбеки тоже имеют детей, но ведь прыгают. В общем, сильно ругались и даже матом ругались, что у узбеков совсем не принято. Заставили его, - продолжал рассказчик, - снова идти к полковнику Ленскому и попросить его разрешить ему прыгнуть. Сейчас посмотрим, прыгнет или нет, - сказал боец, показывая на самолет с отказником, который уже выходил на боевой курс над Багишом.

Оглядевшись по сторонам, я увидел, что практически все, кто находился на аэродроме, смотрели в сторону Багиша и молча ждали, когда начнется выброска парашютистов из того самого Ан-2, где был этот отказник. Из-за того, что до площадки приземления было достаточно далеко, сам процесс выброски видно было плохо, но раскрывшиеся парашюты были отчетливо видны. Когда в небе появился первый купол, все замерли, внимательно вглядываясь в даль. Кто-то рядом даже начал вслух считать: «Один, два, три... - а к концу выброски парашютистов, громко крича, уже считала практически вся наша бригада вместе с приписным составом. - ... Семь! Восемь! Девять! Десять!» - переживая за того парня-узбека, который преодолел себя и, хоть со второго раза, но все-таки прыгнул с парашютом. Кто-то из солдат на волне эмоций крикнул: «Ура!», - и его поддержали многие из тех, кто был на аэродроме. А «партизаны», еще недавно участвовавшие в воспитательной беседе со своим сослуживцем, даже начали обниматься, поздравляя друг друга с успехом, которого добился их товарищ, который все-таки стал парашютистом.

Здесь считаю необходимым пояснить, почему «партизаны», призывавшиеся из запаса в нашу бригаду спецназ, ранее с парашютом не прыгали. Это, конечно, странно, но в 15 бригаде спецназ мобилизационного ресурса всегда не хватало. Это вызвано было тем, что ее штаты мирного времени не позволяли обеспечить ей подготовку полноценного мобилизационного резерва, необходимого для укомплектования по штатам военного времени. Подготовленные в бригаде солдаты и сержанты, призванные из республик Средней Азии, уходя в запас, автоматически закреплялись за нашей бригадой, однако сразу же после увольнения из армии часть из них поступала в ВУЗы и там, на военных кафедрах, как правило, получала другую военно-учетную специальность. Многие уходили служить, например, в милицию. А это уже совсем другое ведомство, и призвать мы их, естественно, не могли. В конце концов, со временем солдат и сержантов из спецназовского мобилизационного резерва списывали по возрасту.

Ситуация с комплектованием мобилизационного резерва для 15 бригады специального назначения серьезно ухудшилась, когда ее разделили на две бригады. Это было обусловлено тем, что весь мобилизационный резерв, который был накоплен за долгие годы в Казахстане, Таджикистане и Киргизии, откуда в основном призывались солдаты в нашу бригаду, был, естественно, закреплен за Капчагайской 22 обрСпН. Ну, а Чирчикской бригаде надо было готовить свой собственный резерв из солдат и сержантов запаса, проживающих в Узбекистане и Туркмении, откуда в нашу бригаду до 1976 года призывников не набирали. Начиная с этого времени, 15 обрСпН постоянно занималась призывом «партизан» на двух - трехмесячные сборы, чтобы подготовить для себя необходимое количество солдат, сержантов и офицеров для мобилизационных ресурсов бригады. И надо отдать должное, никогда мы не встречали особых трудностей с предпрыжковой подготовкой и парашютными прыжками приписного состава нашей бригады.

ПЕРВАЯ СВАДЬБА

Несмотря на напряженные будни, прыжки, плановые занятия и участие в учениях, мы находили время для отдыха, чему способствовало то, что с подачи командования бригады, как уже говорилось выше, у нас строго соблюдался режим труда и отдыха офицеров, прапорщиков и солдат. Правда, в Чирчике интересно и с пользой провести свободное время было достаточно сложно. Изредка сюда приезжали известные артисты или ташкентские театры, а так, кроме нескольких кинотеатров, ресторанов «Рохат», «Восток» и «Чирчик», а также двух или трех кафе, «Юлдуз», например, было очень даже немного возможностей для полезного проведения своего свободного времени. Именно поэтому многие из наших коллег, пристрастились ездить в Ташкент, чтобы отдохнуть, при этом с пользой для себя провести время. Ведь на контрасте с Чирчиком, столица Узбекистана не зря у нас именовалась не иначе, как «центр цивилизации», которым Ташкент по праву и являлся.

По субботам и воскресеньям я тоже стал выбирать время, чтобы ездить в Ташкент исключительно с целью ликвидации пробелов в своем культурном и эстетическом образовании, для чего активно использовал театры, художественные галереи, и другие места, где можно было хорошо и, самое главное, с пользой для себя провести время и, естественно, отдохнуть. В общем, время в Ташкенте я проводил исключительно в целях отдыха и своего интеллектуального развития.

Возвращаясь поздними вечерами в Чирчик, на Ташкентской автостанции «Шастри» я с завидной периодичностью встречал Игоря Ревина, который, начиная с весны 1975 года, почти каждый день ездил в Ташкент. Оказалось, что он через своих дальних ташкентских родственников познакомился с девушкой, которую, кстати, звали Александрой, и которая жила в Ташкентском районе Чиланзар, одном из самых современных районов столицы Узбекистана. К Александре, которая со временем из просто знакомой девушки превратилась в невесту Игоря, он и ездил почти каждый день. Мы все удивлялись выдержке и упорству Игоря, так как вечерами, после работы, он садился на междугородний автобус или на попутную машину и ехал в Ташкент к своей невесте. Там он успевал сходить с ней в театр или кино, проводить ее домой и вернуться в Чирчик последним рейсовым автобусом. А на следующий день все повторялось снова в той же последовательности.

Из-за чувства вечной усталости, в которой постоянно пребывал Игорь, он сразу же, как только садился в автобус, засыпал мертвецким сном. Поэтому я совсем не удивился, что однажды, когда поздним вечером мы сели с ним в автобус на автостанции Шастри, он моментально заснул в надежде, что я его разбужу в Чирчике. Через некоторое время в автобус вошли трое молодых парней, по внешнему виду которых можно было понять, что это отпетые уголовники, которые или только что освободились из заключения, или в скором будущем собирались на очередную «отсидку». Вид их был настолько красноречив, что после того, как они вошли, негромкие разговоры пассажиров

сразу же прекратились. Постольку, поскольку свободных мест не было, им пришлось стать в проходе между креслами.

Через некоторое время в автобус зашли две девушки, видимо, студентки, которые стали рядом с креслами, где сидели мы с Игорем. Я решил встать и уступить место хотя бы одной из девушек, так как понимал, что спящего Ревина будить было бесполезно. Однако девушки почему-то отказались садиться, несмотря на мои настойчивые предложения. Наблюдая за нами и воспользовавшись определенным замешательством, самый высокий и крепкий из трех уголовников вдруг демонстративно сел на освобожденное мной место. Наверное, он рассчитывал на свою наглость и на то, что с ним и его хмурыми компаньонами никто связываться не будет.

Когда я громким голосом сказал: «Встань!», - все пассажиры в автобусе обратили свои тревожные взоры на нас. А уголовник лишь нагло оскалился, но с места не сдвинулся. После того, как я нетерпящим возражения тоном вновь повторил свое требование, он быстро поднялся с кресла и отошел к своей компании. Видно, что тон голоса, которым я потребовал освободить кресло, не оставлял сомнений в решительности моих намерений.

Когда мы с Игорем, которого я с трудом разбудил, вышли из автобуса в Чирчике и я рассказал ему об инциденте с уголовниками, «подкалывая» его тем, что в данной ситуации я мог бы принять неравный бой, но, Игорь мог так бы и проспать все самое интересное и существенное. Но Игореха меня заверил, что, по его разумению, он «спокойно мог бы спать беспробудным сном», но только до того момента, пока не началась бы моя неравная схватка с уголовниками за справедливость. А, уж когда бы он проснулся, то, «мы бы им «навалили» по первое число», как заявил Игорь, продолжая сладко зевать.

Логическим и естественным результатом метаний Игоря Ревина между Чирчиком и Ташкентом стала его женитьба на Александре. Игорь оказался первым из нас, лейтенантов 1974 года выпуска, как киевлян и рязанцев, так и выпускников других военных училищ нашей бригады, который решил жениться. Его свадьбу назначили на 28 июня, и она должна была проходить в Ташкенте. Всех офицеров и прапорщиков, которых Игорь пригласил на данное торжество, освободили от нарядов и дежурств, как это издавна было принято в нашей бригаде.

Однако буквально за неделю до свадьбы стало известно, что 15 бригаду спецназ в полном составе планируется привлечь к стратегическому учению в Дальневосточном военном округе. В том случае, если для участия в учении, по планам Командования, будет задействовано лишь несколько групп спецназ, то это, согласно планам, должны были быть подразделения первого отряда, в котором служил Игорь. С лейтенантом Ревиным, конечно, все было ясно, он в списки участвующих в учении даже не включался. Однако, как быть с остальными офицерами, находившимися в ожидании команды вылететь на Дальний Восток, но которых Игорь хотел бы видеть у себя на свадьбе?

Логика вещей подсказывала, что свадьба Ревина будет проходить без его самых близких друзей, сослуживцев и однокашников по Киевскому ВОКУ и Свердловскому СВУ. Не решен был даже вопрос освобождения от учения и свидетеля на свадьбе, в качестве которого должен был выступать я. И все это вполне естественно, ведь бригада готовилась к ответственному учению. Однако

ведь и для свадебного торжества все было готово по известному принципу: «Мясо уже жарится на сковородках, а водка стынет в холодильнике».

До самого последнего момента никто не знал, как поступить в сложившейся ситуации. Вроде бы и нет явных признаков того, что нас отправят на учения именно 28 или 29 июня, кроме, пожалуй, указания по телефону от нашего руководства в ГРУ ГШ: «Быть в готовности к участию в учении!» Тем не менее, по «просочившимся» до нижних чинов 15 обрСпН сведениям, ни на Чирчикском, ни на Ташкентском аэродромах в тот момент не было предназначенных для нас самолетов Ан-12 или Ил-76. Это могло служить наиболее точным разведывательным признаком, свидетельствовавшим о том, что без самолетов военно-транспортной авиации ничего из запланированного в высоких штабах произойти не может.

Однако даже командиру части, видимо, было совершенно неизвестно, что на уме у наших прямых начальников в Москве и в Главном разведывательном управлении Генерального штаба. Ведь, на то мы и спецназ, чтобы быть готовыми действовать в самых непрогнозируемых и необычных условиях. Самолеты для нас, например, из Ферганы могут перелететь в Чирчик через один час после получения соответствующего приказа Командования.

В конце концов, меня, как свидетеля все-таки отпустили в Ташкент для того, чтобы настоящим образом засвидетельствовать перед советским законом и общественностью это торжественное событие в жизни молодоженов Ревиных. Однако, до сих пор так и не известно, кто именно разрешил всем остальным офицерам и прапорщикам бригады, приглашенным на свадьбу, ехать в Ташкент. Как можно себе представить, все явно обрадовались неожиданной возможности лично поздравить нашего сослуживца и самим немного отдохнуть перед масштабным учением. Скорее всего, это решение было принято с молчаливого согласия комбрига подполковника В.В.Колесника, но объявил его приглашенным на свадьбу командир второй роты старший лейтенант А.Михайлов, который в тот день был дежурным по части. Он же на себя взял ответственность зато, что все мы в случае поднятия бригады по тревоге, по первой же команде, в нормальном, то есть вполне «транспортабельном» состоянии, вернемся в расположение части.

На ГАЗ-66, который принадлежал Чирчикской комендатуре, офицеры и прапорщики бригады, наконец-то, выехали в Ташкент. Правда, дорога до места проведения свадьбы заняла довольно много времени, так как старшим машины был капитан Чирчикского полка ВДВ Березин. Видимо, в этой связи пришлось долго ездить по ташкентской окраине, где должен был находиться частный дом бабушки невесты, в котором проходила свадьба. Когда всем уже надоело бесцельно кататься по кругу, пришлось выделить одного офицера нашей бригады и пересадить его в кабину ГАЗ-66, чтобы он помог Березину найти дорогу. Этот офицер сразу же использовал один из предусмотренных спецназовскими инструкциями способ добывания информации в тылу противника, а именно опрос местных жителей, чтобы в самые короткие сроки разобраться в ситуации.

Опрос сидящих у палисадников частных домов бабулек, старых чекисток и вездесущей детворы дал давно ожидаемый результат, и автомашина с приглашенными подъехала к нужному месту. Когда Березину на данном

примере начали объяснять, как надо было действовать в неординарной, весьма сложной ситуации, он ответил буквально следующее: «У нас в воздушно-десантных войсках всяким там опросам местных жителей не учат. У нас, в основном, «с неба об землю - и в бой». Вот так я и действовал».

Радости у Игоря, Александры и, естественно, их гостей было выше крыши, когда приглашенные из Чирчика сослуживцы жениха доехали до места, где уже давно шла свадьба. В тех предбоевых условиях, в которых проходило это торжество, нам было весело и, естественно, радостно за молодых. При этом бросалось в глаза то, что Игорь единственный из всех, присутствовавших на свадьбе, несмотря на сильную жару, был в красивом черном бостоновом костюме, который он, к удивлению многих, не снимал во время торжества. Причина этого была известна только узкому кругу приближенных, в том числе и мне. Остальные же лишь много позже узнали, что свадебный костюм Игоря был пошит примерно за полтора месяца до мероприятия, где-то в самом начале мая. Однако за этот достаточно короткий период времени из-за того напряжения, которое было в бригаде в ходе прыжков, Игорек похудел на целых пять килограмм. Когда же жених надел новые брюки от костюма незадолго до начала регистрации, то они оказались ему настолько велики, что совершенно не держались на нем. Брючного ремня под рукой не оказалось, поэтому пришлось воспользоваться единственным оказавшимся под рукой подручным средством - простой веревкой, чтобы сзади затянуть пояс брюк. В этом и была основная причина того, что Игорек весь свадебный вечер в 30-градусную жару не снимал свой шикарный пиджак.

Для меня женитьба Игоря Ревина оказалось наполненной особого смысла и значимости потому, что Игорек был моим однокашником по Свердловскому СВУ, которого я впервые увидел в 1967 году, когда он был еще очень юным мальчишкой в новенькой форме воспитанника суворовского училища. Затем четыре года совместной учебы на разведывательном факультете Киевского ВОКУ, а также без малого год службы в бригаде спецназ и Игорь уже жених, и глава семьи. Глядя на него в его новом качестве, я подумал: «Да, ведь даже в наши молодые годы быстро все-таки бежит время. Не прошло и восьми лет, как простой мальчишка превратился в мужа, в главу семейства. Люди, постоянно проходящие перед твоими глазами, постепенно и совершенно логично переходят из одного качества в другое. Вот, так, Сергей Александрович, - продолжал я свои рассуждения, - очередь создавать собственную семью, в конце концов, дойдет и до тебя. Готовься, дорогой».

А свадьба, тем не менее, несмотря на «предбоевую обстановку», лихо «пела и плясала». При этом все мы еще успевали ухаживать за местными дамами, в основном сокурсницами Александры по институту, танцевать с ними, а некоторые из нас даже прохаживались с девушками в обнимку где-то на задворках хозяйской усадьбы. Федя Волох, как истинный джентльмен, всякий раз, когда молодые выходили из-за стола, как настоящий паж, следовал за невестой, поддерживая руками края фаты прекрасного свадебного платья.

Тем не менее, мы знали, что в любое время нас могут вызвать в бригаду. Поэтому, с одной стороны, торопились, как говорят, все успеть, а с другой, старались меньше пить и больше закусывать. Однако, не все смогли рассчитать свои силы. В результате, один из наших молодых лейтенантов под дружный

смех и подколки своих сослуживцев, оступившись, все-таки оказался в местном арыке, правда, без особых серьезных последствий.

После того, как в бригаде был получен сигнал из Москвы о том, что части и соединения Дальневосточного военного округа подняты по тревоге, и следующей на очереди может оказаться Чирчикская бригада специального назначения, дежурный по части старший лейтенант А.Михайлов, в связи с тем, что телефонная связь с местом проведения свадьбы отсутствовала, послал одного из сержантов своей второй роты в Ташкент за нами. Посыльный оказался, в отличие от капитана Березина, очень толковым парнем, так как в ночное время, не имея денег, на попутных машинах быстро добрался из Чирчика в Ташкент и очень легко нашел нас, чем продемонстрировал отличную спецназовскую выучку и подготовку по отысканию нужного объекта в совершенно незнакомом городе.

Когда далеко за полночь мы получили команду прибыть в часть, то сначала предложили прибывшему сержанту чарку за молодых. После того, как он выпил и обильно закусил, прихватив с праздничного стола кое-какую снедь для своих товарищей, оставшихся в казарме, мы загрузили в кузов ГАЗ-66 «не особенно транспортабельных» гостей из Чирчика, сели в машину сами и с песней о том, что «в десанте служим мы крылатом, а здесь нельзя не быть орлом», поехали домой. Правда, те, кого незадолго до этого, образно говоря, буквально за уши вытащили из одного из ташкентских арыков, на тех самых «десантных орлов», о которых говорилось в песне, были совершенно не похожи.

Здесь уместно добавить, что на учение в Дальневосточном военном округе никто из нас так и не полетел. Видимо, как мы тогда считали, обошлись на Дальнем Востоке и без нас. Тем более, что в Дальневосточном округе имела своя Уссурийская бригада специального назначения. Кроме того, в то время существовали части и соединения спецназ в Забайкальском, Сибирском и Уральском военных округах, разведывательные группы и отряды которых, наверно, в целях экономии материальных ресурсов и были привлечены к данному учению.

Лишь много позже, уже через 30 лет, в 2005 году, я узнал от начальника политического отдела Николай Васильевича Лысака, многое из того, что в 1975 году было полностью скрыто от простых командиров групп специального назначения 15 обрСпН, а также, почему нас не привлекли к тому учению на Дальнем Востоке. Оказывается, министр обороны маршал Советского Союза А.А.Гречко очень любил, используя бригады спецназ, «наводить шорох» в тылах войск, участвующих в различного рода учениях. В этой связи Чирчикская бригада действительно, в соответствии с приказом министра обороны СССР, должна была привлекаться к учению на территории Дальневосточного военного округа. Незадолго до начала учения А.А.Гречко приехал в Алма-Ату для того, чтобы вручить Среднеазиатскому военному округу орден Красного Знамени. На торжественном собрании, посвященном этому событию, были командир и начальник политического отдела Чирчикской бригады спецназ. В разгар торжеств начальник разведки САВО генерал-майор Гредасов нашел подполковников Колесника и Лысака и сообщил, что в ближайшее время в бригаде ожидается объявление повышенной степени боевой

готовности с последующим подъемом ее по тревоге и убытием на Дальний Восток для участия в стратегическом учении Вооруженных Сил СССР. В этой связи он приказал им на личном самолете начальника штаба САВО, который уже ждет их на аэродроме, вылететь в Чирчик.

Когда Колесник и Лысак прибыли из Алма-Аты в бригаду, здесь уже было несколько посредников, которые лишь ждали команды из Москвы для приведения 15 отдельной бригады специального назначения в повышенную степень боевой готовности, подъема нас по боевой тревоге и так далее. Кстати, предназначенные для нашей бригады самолеты военно-транспортной авиации к тому времени уже были сосредоточены на Чимкентском аэродроме.

Поддерживая постоянную связь с Разведывательным управлением штаба САВО, подполковник Колесник узнал, что по окончании торжеств в Алма-Ате министр обороны А.А. Гречко улетел в Хабаровск для руководства учениями. Это могло служить одним из основных признаков того, что скоро и нашу бригаду должны были поднять по тревоге. А тут еще, так не кстати свадьба лейтенанта И. Ревина. Однако, как утверждал Н.В.Лысак, когда подполковник Колесник по известным лишь одному ему каналам узнал, что летчикам предназначенных для нас самолетов была дана команда «Отбой», Василий Васильевич разрешил офицерам бригады ехать в Ташкент на свадьбу Игоря Ревина.

Ну, а истиной причиной того, что 15 отдельную бригаду специального назначения не привлекли для участия на том учении были не материальные или какие-то другие соображения, как предполагали мы, а то, что, по словам Н.В.Лысака, в китайской печати появилось несколько сообщений об этом учении ВС СССР. В них, в частности, говорилось, что в данном учении также примут участие и элитные части специального назначения Главного разведывательного управления ГШ ВС СССР. При этом спецназовцы из других бригад все равно участвовали в том учении, ну, а Чирчикская бригада спецназ не удостоилась такой чести.

ПРЫЖКИ ИЗ АН-12

Летний период обучения 1975 года 15 обрСпН проходил в напряженных занятиях, прыжках с парашютом и тренировках. 12 июля из Ферганы на Чирчикский аэродром перебазировалось три военно-транспортных самолета Ан-12, из которых наша бригада должна была совершать прыжки. На следующий день со всем личным составом части на аэродроме были проведены занятия по ознакомлению с устройством и оборудованием Ан-12, а рано утром 14 июля начались прыжки.

Конечно, самолет Ан-12 – это не Ан-2. Когда заходишь в его грузовую кабину, то чувствуешь всю мощь этой боевой техники и уверенность в ее надежности. Прыжок с парашютом из Ан-12 тоже впечатляет. Во-первых, потому, что выброска происходит на скорости 350 километров в час, для сравнения, самолет Ан-2 бросает парашютистов на скорости всего лишь 160 - 170 километров в час. В этой связи разницу в скоростях парашютист чувствует сразу после отделения от самолета, так как мощный воздушный поток подхватывает его и нещадно треплет все время полета на стабилизации. Если парашютист отделился неправильно, то он это моментально ощущает и чувствует по тому, как его крутит в воздухе. Помимо этого, большие впечатления остаются у тех, кто, прыгая во втором потоке парашютистов, то есть располагается по правому борту Ан-12, имеют возможность наблюдать, как «уходит» в грузовой люк самолета первый поток. Динамика этого процесса очень здорово впечатляет и буквально завораживает всех парашютистов.

В общем, все, кто 14 июля 1975 года впервые совершал прыжки с парашютом из Ан-12, да еще во втором потоке, как, например, моя группа, кроме ощущений самого прыжка из мощного скоростного самолета, получили еще и массу новых незабываемых впечатлений, когда наблюдали за отделением от самолета первого потока. Я не только тогда, в первый раз, но и в последующем всегда с большим интересом наблюдал за тем, как «уходит» в грузовой люк самолета первый поток парашютистов. Ну, а во всем остальном прыжок из Ан-12, по моему мнению, мало, чем отличался от прыжка из Ан-2, кроме, пожалуй, мощного воздушного потока, который подхватывает парашютиста, отделившегося от обреза грузовой кабины. Однако хорошая группировка при отделении от самолета обеспечивает нормальное снижение на стабилизации и штатное раскрытие купола даже на таких больших скоростях, на которых производит выброску парашютистов самолет Ан-12.

После приземления и сдачи парашютов на пункте сбора Олег Кривопапов в очередной раз извлек из кармана объемный по размерам «тормозок», приготовленный его Галиной, и угостил меня бутербродом, который, как всегда это бывает в полевых условиях, оказался особенно вкусным. Немного закусив, мы пошли к седьмой роте, которая компактно сидела недалеко от своих парашютов.

Вдруг несколько офицеров со смехом, криком и гиканьем подбежало к нам с Олегом. Мы еще ничего не успели сообразить, как двое из них схватили

меня за руки, чтобы не вырвался, и мне, уже успевшему понять, что происходит, от души «влепили» запасным парашютом по пятой точке к всеобщему восторгу всех, кто стоял рядом и был свидетелем этого красноречивого ритуала.

Можно догадаться, что возглавлял ватагу гикающих и смеющихся офицеров, осуществивших акт посвящения меня в парашютисты, конечно же, Рафик Латыпов, как это было и тогда, когда я совершил свой первый прыжок с парашютом. На мои возмущения относительно того, что уже имею шесть прыжков, Рафис под дружный смех собравшихся заявил, что после Ан-12 меня посвятили уже не просто в обычные парашютисты, а в настоящие десантники. «Теперь ты не простой парашютист, а настоящий десантник и спецназовец. А это значит, что теперь ты имеешь полное моральное право носить десантный берет и гордиться им!» - заявил Рафик под всеобщее одобрение всех свидетелей проведенного ритуала посвящения.

Да, действительно, в 15 бригаде спецназ существовала очень строго соблюдавшаяся традиция, согласно которой офицеры и прапорщики, не прыгавшие с парашютом, не имели права носить десантный берет. До момента совершения первого прыжка с парашютом, с полевой формой они носили лишь фуражку от повседневной формы одежды. Солдат эта традиция не касалась, но офицеры и прапорщики ее четко соблюдали. Видимо, в этом была своя сермяжная правда, целесообразность и определенный, если хотите, мобилизующий офицеров и прапорщиков смысл. И эта традиция свято соблюдалась в бригаде.

Как правило, хорошие и полезные традиции в Вооруженных силах и других силовых структурах не появляются из ничего и имеют однозначное воспитательное значение. Вот и эта, казалось бы, совершенно незамысловатая, придуманная кем-то традиция, наверное, возникла и культивировалась в 15 отдельной бригаде специального назначения для того, чтобы каждый пришедший в бригаду молодой офицер знал, что до тех пор, пока он не совершит прыжок с парашютом, он не должен носить берет, а, следовательно, не будет считаться полноправным членом как офицерского, так и всего коллектива части.

Процедуру посвящения в парашютисты, насколько я знаю, не удалось в нашей бригаде избежать никому. И, если после первого прыжка, благодаря Саше Тимченко, меня миновала эта участь, то после первого прыжка из Ан-12 историческая справедливость все равно была восстановлена. И ничего поделать с этим было нельзя. Акт посвящения в парашютисты прошел даже начальник политического отдела нашей бригады подполковник Лысак после его первого прыжка. Данный ритуал не без удовольствия и всеобщего оживления провели офицеры управления бригады, прыгавшие с Николаем Васильевичем в одном корабле. Конечной же целью данной традиции, и я уверен в этом, было искреннее стремление не допустить в офицерской среде, не говоря уже о солдатах, нашей бригады отказывавшихся прыгать с парашютом горе-спецназовцев, типа того офицера, о котором говорилось выше.

В дальнейшем, прыжки в бригаде из Ан-12 были организованы таким образом, что до обеда шла укладка парашютов, после обеда мы выезжали на аэродром, прыгали и возвращались в часть, а на утро все повторялось в той же

последовательности. При этом укладка под руководством одного из специально назначенных офицеров роты начиналась в 4:30 утра с получения парашютов на складе парашютно-десантного имущества (ПДИ). Затем до завтрака личного состава проводилось два первых этапа укладки, после чего «подтягивались» все остальные офицеры роты, и после завтрака личного состава парашюты укладывались до конца.

17 июля, когда я, например, совершил уже свой седьмой прыжок, командир нашего второго отряда капитан С.М.Шапиро, назначенный весной 1975 года на эту должность, вместо майора Н.А.Лобанова, переведенного в Разведывательное управление штаба Среднеазиатского военного округа, собрал совещание офицеров и прапорщиков батальона, на котором объявил о том, что теперь все офицеры и прапорщики должны быть на укладке парашютов с самого ее начала и до конца. На возражения некоторых, так называемых «старослужащих» и заслуженных офицеров отряда, Сергей Маркович твердо заявил: «Да, это очень трудно прыгать практически каждый день. Но почему наши солдаты и сержанты встают в 4:30 утра, получают на складе свои парашюты, а также один, а то и два парашюта своего командира группы или командира роты, затем проводят два этапа укладки «за себя и за того парня». И только после этого лишь к 8:00 соизволят на плацу появиться их выспавшиеся хорошо отдохнувшие командиры и начальники. Как после этого к вам, командирам подразделений специального назначения, будут относиться ваши подчиненные, с которыми вы вместе пойдете в тыл условного или самого настоящего противника? В общем, на завтрашней укладке, в 4:30 утра все должны быть в своих подразделениях. Тех, кто опоздает на укладку, я просто не допущу к завтрашнему прыжку».

Требования комбата были вполне обоснованными, и все мы понимали, что он совершенно прав. Чувство справедливости в подразделениях спецназ, при непререкаемом авторитете командира, а также полном соблюдении принципа единоначалия, — это была не декларируемая, а постоянно культивируемая в повседневной жизни категория, которая пронизывала всю систему обучения и воспитания солдат, сержантов и офицеров нашей бригады. Само собой разумеется, что конечной целью такой постановки вопроса была, прежде всего, подготовка личного состава к выполнению боевых задач, к которым войска специального назначения готовились в процессе любого, даже самого простого и обыденного мероприятия повседневной жизни и учебы. Поэтому, если, в соответствии с инструкцией, положено офицеру лично самому укладывать свой собственный парашют, то он должен быть на укладке, чтобы потом иметь полное моральное право и в полной мере требовать от подчиненного солдата, сержанта или прапорщика исполнения всех своих приказов и распоряжений в условиях учебной или реальной боевой обстановки.

После совещания офицеров нашего отряда я, не особенно надеясь на свой будильник, который периодически, а вернее было бы сказать, с завидной регулярностью давал сбои, вызвал сержанта Бахтия и приказал ему сразу же после подъема прислать ко мне домой посыльного, который должен был разбудить меня. В связи с тем, что я совершенно не объяснил своему заместителю причины подобного моего решения, Валерий, в результате, рассудил совершенно по-своему. Он, видимо, подумал, что я ему уже не

доверяю укладку парашютов или еще что-то в этом роде и решил не посылать посыльного. А мой будильник, как я и предчувствовал, отказался звонить в такую рань, и я, естественно, проспал.

Когда в 7 утра я прибежал в часть, на плацу царило оживление, и все офицеры батальона вместе со своими подразделениями занимались укладкой парашютов. Погрозив Бахтию кулаком, я пошел к командиру роты Тимченко, который рассказал, что Шапиро был очень недоволен моим отсутствием и приказал оба парашюта, закрепленных за мной, отнести на склад парашютно-десантного имущества, так что прыгать сегодня, по предположению Александра, мне уже не придется.

Подойдя к своей четвертой группе, я высказал своему заместителю все, что о нем думаю. Бахтий, уже осознавший свою ошибку, пытался оправдаться тем, что, не зная о приказе комбата, решил дать своему командиру отдохнуть, взяв всю ответственность за укладку парашютов нашей группы на себя. «Если Шапиро не разрешит мне прыгать, то будешь очень долго у меня в черном теле!» - заявил я Бахтию и отправился докладывать командиру отряда о прибытии на службу.

Сергей Маркович, разговаривая со мной в подчеркнуто вежливо-предупредительной манере. При этом всем своим видом и тоном разговора давал понять, насколько я не прав в том, что не прибыл в часть, как было приказано, к началу укладки. Это были даже не упреки со стороны командира отряда своему подчиненному, а рассуждения по поводу того, что, несмотря на приказ командира батальона, молодой лейтенант «преспокойненько спит» в то время, когда его начальники и подчиненные с раннего утра, еще в темноте начинают укладку парашютов и т.д. и т.п. «Подумайте, уважаемый товарищ лейтенант, как к такому командиру группы специального назначения будут относиться его подчиненные? Да, кстати, и Ваши непосредственные и прямые командиры и начальники тоже», - заявил Шапиро. Я слушал комбата, стораю от стыда, но ответить мне ему было совершенно нечего. «Идите, товарищ лейтенант, отдыхайте и дальше, а Ваши подчиненные будут готовиться к прыжку, но уже без Вас», - завершил командир батальона свой монолог с откровенными нотками назидания и откровенной издевки в голосе.

Вернувшись к месту укладки парашютов седьмой роты, я почти дословно пересказал Тимченко и Кривопалову суть упреков комбата. «Да, наш Сергей Маркович может «высечь» любого, совершенно не повышая голоса, а лишь «играя на струнах совести» подчиненного, - сделал заключение Олег. – Но, не отчаивайся, после укладки подойди к нему еще раз, он человек отходчивый. Да и не ты один опоздал. Вон, смотри Маковский бежит, тоже, видимо, проспал».

Действительно, на плац быстрым шагом выходил Сергей Маковский, направляясь к Тимченко. Однако Александр знаком показал ему, чтобы он сразу же шел с докладом прямо к командиру батальона. Мы с Олегом внимательно следили за происходящим, и по тому, с каким выражением лица Сергей вернулся к месту укладки парашютов, было понятно, что Серега придумал для комбата какую-то совершенно убедительную и, возможно, даже правдивую историю, так как Маковский без всяких дополнительных разговоров и по-деловому приступил к руководству укладкой парашютов своей группы.

Когда я направился к моим занятым укладкой бойцам, Бахтий подошел ко мне и начал оправдываться и объяснять, что все, что случилось, произошло по его вине и из-за его стремления «сделать как можно лучше». Однако, слушать его я не стал, так как, в общем-то, было понятно, кто виноват в том, что мне пришлось выслушивать упреки от комбата. Валерий также распереживался, но я подвел черту, сказав, что прекрасно понимаю те побудительные мотивы, которые лежали в основе невыполнения им моего приказа.

Ясно было, что Бахтий, проявляя, как говорят в армии «разумную инициативу со стороны подчиненного», действовал, исходя из самых лучших своих побуждений. Поэтому, пользуясь случаем, я объяснил своему заместителю, что армия, и тем более, войска специального назначения, как ее составная часть, тем и хороши, что здесь думать надо лишь над тем, как лучше выполнить приказ командира, а не над тем, как его не выполнять, да еще по собственной инициативе. Только при таком отношении к службе никогда не будет сбоев в решении любых, даже самых сложных задач, не говоря уже о таких простых, с какой заместитель командира моей группы не справился сегодня утром. Закончил я свой монолог, обращенный к Бахтию, словами: «А «отец советского спецназа», каковым тебя все здесь по праву считают, в том числе и я, должен все это хорошо знать, точно выполнять приказы командиров и учить такому отношению к службе своих подчиненных!»

Тем временем укладка закончилась, и Олег предложил мне еще раз подойти к Шапиро. На этот раз Сергей Маркович не стал продолжать свой монолог, а лишь несколько задумавшись, спросил: «Ну, что, Сергей Александрович, Вы все поняли? Хорошо запомните, что я Вам говорил про истоки формирования прочного авторитета командира подразделения специального назначения у его подчиненных». А затем, сменив назидательный тон своего голоса на подчеркнуто нейтральный, комбат по-деловому спросил: «Уложенный парашют у Вас есть? – и, получив мой утвердительный ответ, заключил. - Тогда прыгайте! Скажите Тимченко, чтобы включил Вас в прыжковую ведомость роты».

На самом же деле, оба моих парашюта были распущены, вернее они не были уложены, и пока я соображал, как быть, Валера Бахтий, видимо, исправляя допущенную ранее ошибку, первым предложил использовать парашют сержанта Фомина, который он уложил пять дней назад, но не прыгал, так как уехал сдавать вступительные экзамены в Ташкентское ВОКУ. Бахтий, вместе с одним из солдат, побежал на склад ПДИ получать парашют Андрея Фомина, а офицеры роты, обсуждая действия Шапиро, в очередной раз сошлись на том, что Сергей Маркович, будучи хорошим психологом, из любой ситуации старается извлечь максимально возможный воспитательный эффект. При этом все мы пришли к общему мнению, что с капитаном С.М.Шапиро служить все-таки интересно для каждого офицера, так как у Сергея Марковича очень многому полезному и весьма поучительному для командира подразделения и обычного человека можно было научиться.

Разволновавшись в течение начала дня, я уже по дороге на аэродром все пытался успокоиться и подавить массу тех отрицательных эмоций, которые накопились за это утро, однако справиться с гнетущим душу тягостным

настроением, чувством стыда и даже тревоги не удавалось. На тот «напряг», который возник в связи с опозданием на службу, во всех деталях наложилось также воспоминание о том, как небрежно укладывал свой парашют Андрей Фомин во время своей последней укладки парашюта, с которым мне предстояло прыгать в этот день. С этим парашютом Андрей лично прыгать не собирался, а мне, волею судьбы, предстояло с ним прыгнуть и, тем самым, возможно, испытать свою судьбу.

Вспомнилось, что во время той укладки на мои неоднократные замечания относительно того, что купол парашюта Д-1-8 требует очень тщательного выравнивания кромки, Фомин с неизменной улыбкой на лице заметил: «А мне все равно с ним прыгнуть не удастся, да и никому не придется! Прыжки закончатся, мой парашют распустят и сдадут на склад». И вот мне предстояло прыгать именно с этим парашютом. Конечно, понятно, что во время укладки, когда все операции, которые производятся с парашютами, на всех этапах осуществляются под строгим контролем соответствующих должностных лиц, и ничего непредвиденного во время прыжков с парашютом произойти не может. Однако чувство некоторой непреодолимой тревоги меня все-таки меня не покидало, а с приездом на аэродром оно еще больше усилилось.

На аэродроме, как мне показалось, я полностью отвлекся от дурных мыслей, занимаясь обычными делами, которые должен выполнять командир группы перед парашютным прыжком. Однако, видимо, мое беспокойство внешне в чем-то все-таки проявилось, так как ко мне подошел Олег Кривопалов, и, вроде бы, ни с того, ни с сего спросил, обняв за плечи:

- Что, Сергей, волнуешься?
- Нет, - автоматически ответил я, при этом, понимая, что Олег, как человек наблюдательный, смог заметить, что на душе у меня творится что-то неладное.

- Ну, не волнуешься, и хорошо. Пойдем, посидим в тени, водички попьем, - сказал он и увлек меня за плечи к стоявшему рядом грузовику. Кривопалов буквально силой усадил меня в тени кузова ЗИЛ-131, протянул флягу с водой. - Так чего же ты такой грустный сегодня? – поинтересовался Олег.

Коротко рассказал Олегу о тех мыслях, которые ютились в моей голове после разговора с Шапиро, а также о сомнениях в надежности парашюта Андрея Фомина, с которым предстояло прыгать.

- По поводу упреков комбата, ты в голову не бери. Ничего страшного не произошло. Реальную цену тебе он и так хорошо знает. Ну, а если уж ты провинился, как, например, сегодня, то имей солдатское мужество получить от него упреки и назидания по полной программе. Ну, а с парашютом Андрюхи Фомина, сам знаешь, ничего произойти не может, поэтому и думать об этом нечего, - сделал заключение О.Кривопалов

- Если, не дай Бог, что-нибудь произойдет с парашютом, то «запаску», будь уверен, всегда открою, - заверил я Олега.

Мы достаточно долго сидели с замполитом, отдыхая в тени. Когда прозвучала команда для нашей роты: «Надеть парашюты!» - я хотел встать, но Олег остановил меня, сказав, что еще успеем, и продолжил рассказывать какую-то, как ему казалось, смешную историю из своего детства, совершенно

не обращая внимания на то, что меня все услышанное совершенно не веселило. Так мы просидели до тех пор, пока глазами не встретились с возмущенным взглядом командира роты Александра Тимченко, который достаточно красноречиво будто бы говорил нам: «Чего это вы там расселись?», - и мы с Олегом пошли надевать парашюты.

Когда моя группа проходила проверки, у меня еще оставалась какая-то необъяснимая тревога и волнение по поводу того, что, вдруг, кто-нибудь из должностных лиц, проверяющих парашюты, обнаружит какой-то недостаток в моем парашюте. Но проверки прошли без замечаний, и мы сели на расстеленные на земле укладочные полотнища ждать своей очереди для прыжка.

Странно, но с этого момента у меня уже не было никаких отрицательных эмоций и волнений. Более того, как и большинство моих бойцов, я успел даже заснуть, ожидая прыжка. Когда подошла наша очередь прыгать, мы все дружно поднялись в грузовую кабину Ан-12. Олег Кривопапов, прыгавший в первом потоке нашего корабля, перед тем как двинуться к грузовому люку мельком глянул в мою сторону и бросил ободряющий взгляд. Я лишь успел показать ему знак «ОК», что, мол, у меня все нормально, и Олег скрылся из вида, отделившись от грузового люка самолета.

На очередном круге наш второй поток также покинул самолет. Все пять секунд полета на стабилизации, а также при раскрытии парашюта Андрюхи Фомина я внимательно следил за его «поведением». До открытия купола все было штатно, но когда он открылся, стропы закрутились так, что лямками подвесной системы мне довольно сильно сдавило шею. «Ну, Фома, хрен с бугра, - пробормотал я, пытаюсь справиться со сдавившими шею слякками парашюта. - Говорил же ему, чтобы аккуратнее укладывал купол и стропы. Вот, и результат его небрежности и отсутствия требовательности с моей стороны ощущаю, в прямом и переносном смысле, на собственной шее», - пошутил я сам с собой.

А стропы, в конце концов, раскрутились, и, готовясь к приземлению, я заметил по куполам парашютистов, приземлявшихся несколько раньше меня, что у земли совершенно нет ветра. В результате, на своем восьмом прыжке я впервые при приземлении устоял на ногах, а не упал «на четыре кости», как это было раньше. При этом один из солдат, дежуривших на площадке приземления, подбежал ко мне и сказал, что он заснял своим фотоаппаратом тот момент, когда я коснулся земли и пообещал мне отдать фотографию этого прыжка. Через несколько дней этот боец действительно с удовольствием подарил мне фотографию, на которой он умудрился сфотографировать очень редкий момент, когда я ногами уже коснулся земли, а купол еще наполнен воздухом и стропы полностью натянуты.

В последующем я долго анализировал все, что было связано у меня с восьмым прыжком, советовался со знающими и опытными людьми и пришел к выводу, что определенные волнения, предшествовавшие этому прыжку, вызвали у меня не что иное, как, так называемый, психологический барьер, который на разных этапах парашютных прыжков проходят практически все парашютисты. Для меня это был восьмой прыжок, большинство же

парашютистов преодолевают его раньше, а некоторые уже тогда, когда становятся разрядниками или даже мастерами парашютного спорта.

Многие, так называемые, «мастера-парашютисты», как правило, избегают рассказов о своих ощущениях в период прохождения психологического барьера, но думаю, это не совсем правильно, тем более, ведь общеизвестно, что практически все, кто прыгает с парашютом, рано или поздно его проходят. Важным здесь, на мой взгляд, является не столько умолчание о наличии каких-то волнений и неприятных ощущений боязни, появляющихся перед прыжком, сколько способность парашютиста мужественно преодолеть возникшие психологические трудности, сомнения и даже страх, и в последующем продолжить прыжки.

Ни до восьмого прыжка, ни после него таких волнений и сомнений, как тогда, 18 июля, я ни разу не испытывал. Правда, когда командовал ротой, то в период прыжков всегда волновался, но уже не за себя, а за то, как будут совершать прыжки мои бойцы. Волновался за уровень их воздушно-десантной подготовки, за который я полностью отвечал, и уже не формально, как это было в период командования группой спецназ, а фактически и юридически, как командир роты.

Ну, а 25 июля, когда я и еще два солдата моей группы совершили по десятому прыжку с парашютом, командир роты старший лейтенант Тимченко поздравил нас и отправил к полковнику Ленскому, который был в то время вместе с руководителем выброски на метеорологическом посту площадки приземления. После нашего доклада о совершении десяти прыжков, заместитель командира бригады по воздушно-десантной службе полковник Ленский поздравил нас и каждому вручил коробочки со значками «Парашютист-отличник». Мы, поблагодарив Виктора Александровича, тут же прикрутили знаки к своим «песочкам», благо на них остались дырки для значков «Парашютист», сделанные в свое время Сашей Тимченко. А тем временем к метеорологическому посту подходили солдаты и офицеры из других подразделений части для получения из рук полковника Ленского своих новых значков «Парашютист-отличник».

Возвращаясь домой на ЗИЛ-131, Саша Тимченко, который сидел рядом со мной, с нотками подколки в голосе и определенной иронии спросил, буду ли я «обмывать», как это положено, получение значка «Парашютист-отличник». «Первый прыжок ты не отметил никак, - заявил Александр. - Ну, тогда понятно, времени ни у кого из нас совсем не было. А сегодня можно, как говорят в таких случаях, «усугубить», тем более, что на завтра в бригаде запланирована лишь тренировка в проведении высотного перелета, а прыжков не будет». Я тут же пригласил всех офицеров и прапорщиков роты, сидевших в кузове автомашины, прийти сегодня вечером ко мне в холостяцкую квартиру, пообещав, что, кроме всего прочего, что обычно бывает на столе в таких случаях, можно рассчитывать на что-нибудь вкусное, так как ко мне в гости приехала мама, и она приготовит что-то из своих фирменных блюд. После этого один из моих солдат философски заметил с нотками зависти в голосе: «Вот, везет же нашим командирам, сегодня расслабятся по-человечески, благо повод хороший есть. А тут...», - и он с грустью махнул рукой.

Вечером весь офицерский состав седьмой роты собрался в моей комнате холостяцкой квартиры. Кроме того, я пригласил еще и заместителя командира нашего отряда по воздушно-десантной службе капитана Федора Пашковского, который к этому времени уже вернулся из Алма-Атинского ВОКУ с дипломом об окончании экстерном среднего военного училища. Федя, пользуясь торжественностью момента, подарил мне на память несколько очень хороших фотографий, сделанных нашими солдатами в ходе прыжков с парашютом.

Во время застолья было сказано немало добрых слов не только мне, но и моей маме, Наталье Андреевне. А, когда торжество приближалось к полночи, поступило предложение завершить его водным праздником, то есть искупаться в холоднющей, хорошо отрезвляющей воде канала, который протекал ровно в 20 метрах от нашего дома. Однако эта инициатива, несмотря на активные призывы некоторых участников торжества, не получила всеобщей поддержки и одобрения, и гости постепенно разошлись, так и не поучаствовав в водной феерии в Чирчикском канале.

Утром вся бригада выехала на аэродром для тренировки в совершении длительного высотного перелета. Процедура подготовки к нему была такая же, как и при прыжках с парашютом, с той лишь разницей, что проверки парашютов проходили достаточно формально, так как прыжки мы не должны были совершать.

После загрузки спецназовцев в Ан-12 и пристегивания карабинов вытяжных веревок самолет взлетал, набирал высоту свыше 3000 метров и летал по кругу минут 40-50, после чего садился на аэродром. В общем, ничего необычного в этой тренировке не было за исключением того, что все парашютисты в ходе облета должны находиться в кислородных масках КМ-19, через которые им централизованно подается кислород для дыхания.

Обязанности выпускающего в нашем корабле выполнял Игорь Стодереvский, который после того, как все парашютисты были пристегнуты за трос самолета, не пошел, как это положено, к своему месту, а стал с безмятежным видом прохаживаться мимо сидящих на скамейках спецназовцев. Мы с Олегом Кривопаловым, занимавшим место рядом со мной, с интересом наблюдали за Игорем и ждали, что он сядет на свое место и наденет кислородную маску. Однако, судя по сугубо деловому виду Стодереvского, делать этого он не собирался даже после того, как кто-то из наших офицеров напомнил ему, что скоро дышать будет уже нечем. Игорек, улыбнувшись, лишь отмахнулся от сердобольного советчика. Олег глянул на меня и, кивнув головой в сторону смельчака, объясняясь знаками, предложил понаблюдать, чем этот добровольный эксперимент по обитанию в разряженном воздушном пространстве закончится.

Ждать нам пришлось совсем недолго. Не прошло и нескольких минут, как Стодереvский без каких-либо видимых признаков удушья или недомогания потерял сознание и прямо рухнул на пол под ноги своим подчиненным. Благо, бойцы быстро подняли его, усадили на освобожденное специально для него место и натянули на лицо кислородную маску. Игорь быстро пришел в себя, отдышался и осторожно направился к месту выпускающего, где, как и положено, надел свою маску КМ-19 и спокойно сидел до конца полета, изредка потирая рукой ушибленную при падении ногу.

После того, как все вышли из самолета, мы с Олегом Кривопаловым, да и другие офицеры подошли к Стодереvскому и поинтересовались о его ощущениях в столь неординарной ситуации. «Да, ни хрена я не помню, тем более ничего тогда не чувствовал. Потерял сознание, и все. А вот ногой обо что-то ударился, так что до сих пор сильную боль чувствую», - ответил Игорь, вырываясь из плотного кольца окруживших его офицеров и прапорщиков.

В ночь на 28 июля были назначены ночные прыжки. Поэтому отбой личному составу объявили сразу же после ужина. Перед тем, как личному составу отправиться спать, полковник В.А.Ленский построил всю бригаду и коротко напомнил всем нам особенности совершения парашютных прыжков ночью, после чего все пошли спать. В 12 часов ночи в бригаде объявили подъем, и через некоторое время она в полном составе колонной выехала на аэродром.

Приятно было ехать по темным и от этого причудливым улицам Чирчика, который в свете множества автомобильных фар нашей колонны принимал совершенно другие очертания. Попадавшиеся редкие прохожие лишь вызывали у нас улыбку. Если они еще даже не ложились спать, то мы уже хоть немного, но все-таки поспали и ехали на аэродром для совершения ночных прыжков с парашютом.

На аэродроме подготовка к ночному прыжку осуществлялась с использованием множества различного рода осветительных приборов. На всех этапах проверок парашютов за соответствующим должностным лицом ходил боец с фонариком, который подсвечивал проверяющему те части парашюта, которые он осматривал. Это тоже была своего рода тренировка, предполагавшая проверить готовность бригады, воздушно-десантной службы, да и всех подразделений спецназ работать в столь необычных ночных условиях.

Однако седьмой роте не суждено было ощутить все прелести ночных прыжков, так как прыгать нам пришлось в самом конце бригады. А в этой связи взлетали наши корабли еще в полной темноте, а на площадку приземления выходили уже тогда, когда из-за горизонта выглянули первые лучи утреннего азиатского солнца, которые хоть и немного, но все-таки осветили вершины гор, находившиеся к юго-востоку от Чирчикского аэродрома. Поэтому, приземляясь, мы хоть и плохо, но, тем не менее, уже могли видеть землю. В этой связи те ощущения приближения парашютиста к земле, о которых говорил в своем инструктаже полковник Ленский, а именно исходящее от земли тепло, звуки сверчков, различные запахи и т.д., нам, конечно же, ощутить в полной мере, к великому нашему сожалению, так и не удалось.

СОРЕВНОВАНИЯ ГРУПП СПЕЦНАЗ

После очередного прыжка, 28 июля, в бригаде было объявлено о том, что от каждой роты должно быть выделено по одной штатной группе для участия в ежегодных соревнованиях групп спецназ. От нашей роты возможность участвовать в этих соревнованиях, как самому молодому офицеру, предоставили мне. Хорошо помню, как командир второго отряда капитан С.М.Шапиро инструктировал группы 5, 6 и 7 рот нашего отряда, а также выделенных для них радистов-маломощников из 8 роты, которые должны были принимать участие в этих «гонках на выживание» или «скачках», как мы все их называли в бригаде.

Очень хорошо помню, как Сергей Маркович довел до нас положение о соревнованиях разведгрупп, утвержденное в Главном разведывательном управлении ГШ ВС СССР, согласно которому они проводятся по следующим этапам: десантирование группы, проверка ее экипировки, марш-бросок на 6 километров со всем штатным оружием и снаряжением, движение по азимуту, выход в район разведки и проведение в нем поиска объекта разведки, определение его координат и доклад их в Центр, передислокация группы в район объекта, на котором запланировано осуществление специального мероприятия по уничтожению данного объекта, проведение расчета количества взрывчатых веществ (ВВ) и средств взрывания (СВ), необходимых для подрыва указанного объекта. Соревнования заканчиваются на стрельбище бригады, где после подготовки к засаде или налету на объект противника, проводятся практические стрельбы из штатного оружия всем составом группы.

На выполнение задач каждого этапа соревнований, в соответствии с расчетами, отводилось определенное время. Если подразделение укладывается во временной норматив, то ему начисляется установленное количество очков. За перерасход времени или оговоренные положением о соревновании ошибки, допускаемые отдельными разведчиками или всей группой, начисляются штрафные очки, которые учитываются при подсчете окончательных результатов.

Не смотря на то, что мы, казалось бы, уже все представляли, что нужно знать командиру группы, в ходе инструктажа капитан Шапиро, к моему удивлению, дал множество дельных практических и совершенно конкретных советов как по экипировке, так и по подготовке к соревнованиям, а также по нашим действиям во время того или иного их этапа. Чувствовалось, что многое из того, о чем говорил командир второго отряда, он знал не понаслышке, а неоднократно проверил на своем собственном опыте. Сергей Маркович в очередной раз не столько удивил меня, сколько укрепил меня в мысли, что он человек неординарный и заслуживающий того, чтобы у него можно было многому научиться. Во время соревнований, да и в последующей своей службе в спецназе, я неоднократно с благодарностью вспоминал те его советы, которые он давал нам в период подготовки к «гонкам на выживание» в 1975 году.

Утром 31 июля первыми прыжки с парашютом совершали те группы, которые принимали участие в соревнованиях. Как только шестой парашютист моего взвода отделился от Ан-12, секундомер, отсчитывавший временные нормативы нашей группы, был включен, и время уже начало работать против нас. Сбор группы после приземления, сдача парашютов, 6-километровый марш-бросок, движение по азимуту до контрольной точки, выход в район разведки, определение координат разведанного объекта, составление шифртелеграммы и доклад ее в Центр – все эти этапы фиксировались по времени, а также оценивалась правильность выполнения каждой из стоящих задач. Наша группа, по оценкам судей на всех контрольных точках, держалась на должном уровне.

В результате, уже к обеду, когда термометр поднялся примерно до 35 градусов, самые интенсивные этапы этих «скачек», где все выполнялось исключительно бегом, оказались уже позади. Однако, тем не менее, как можно себе представить, и силы у всех участников также были на исходе. Именно поэтому при выходе в район проведения спецмероприятия повел группу сначала к небольшому каналу, где все мы буквально 20 минут отдохнули, искупавшись в мутной, цвета кофе с молоком воде, пополнили запасы этой самой воды и лишь потом двинулись к объекту, который надо было условно уничтожить путем проведения специального мероприятия.

Когда группа прибыла в указанный район и нашла очередную контрольную точку, инженер бригады капитан М.А.Цыркунов показал нам объект, который необходимо было якобы уничтожить. Это была металлическая труба, которая только при очень богатой фантазии могла бы симитировать тот нефте- или газопровод, который нам требовалось вывести из строя. При этом, коротко ставя задачу на уничтожение трубопровода, капитан Цыркунов добавил:

- А расчет заряда, необходимого для уничтожения данного объекта, будет проводить рядовой... - Михаил Адамович окинул взглядом всех моих бойцов, затем, показывая на самого маленького по росту, спросил, – Рядовой по фамилии?...

- Старший разведчик ефрейтор Алдабаев, - ответил боец.

- Вот, ефрейтор Алдабаев сейчас нам рассчитает, сколько взрывчатых веществ и средств взрывания нужно для подрыва этой трубы. Помни, что за каждые лишние или недостающие 200 граммов взрывчатого вещества буду начислять штрафные очки всей группе.

Алдабай, как его звали мои бойцы, к удивлению инженера бригады капитана Цыркунова очень быстро и совершенно точно сделал необходимый расчет. При этом, не делая никаких записей и совершенно не заглядывая ни в какие шпаргалки, назвал количество взрывчатых веществ и средств взрывания, необходимых для подрыва этой трубы.

М.А.Цыркунов немало подивился «такой прыти» бойца. Откуда Михаилу Адамовичу было знать, что подобного рода расчеты – это был, так называемый, «конек» ефрейтора Алдабаева. Он буквально наизусть помнил все необходимые формулы и без особого труда в уме совершенно точно делал довольно сложные расчеты количества необходимых ВВ и СВ. Капитан Цыркунов, выбрав его, попал точно в точку, тем самым сэкономил нашей

группе несколько драгоценных минут, которые, несомненно, были бы потеряны, если бы расчет производил бы кто-либо другой.

Пока Алдабай «колдовал» над расчетами, вся группа, не теряя времени, начала выкладывать из рюкзаков на землю деревянные имитаторы тротильных шашек, и макеты электродетонаторов. А тем временем сержант Бахтий, чтобы сэкономить время, начал закреплять шашки на месте подрыва. Сергей Адамович проверил нашу работу, при этом, поблагодарив за быстрые и слаженные действия, сделал в своем блокноте отметки, необходимые для подсчета набранных группой очков. После этого он выдал новое задание для нашей группы и пожелал успеха в соревновании.

Когда мы приступили к выполнению задач очередного этапа, Бахтий, как заместитель командира группы, вновь вернулся к вопросу, который он ставил передо мной еще до начала соревнований. В связи с тем, что на этом этапе нам предстояло пройти около 15 километров до следующей контрольной точки, Валерий предложил проехать это расстояние на попутной машине. Перед соревнованиями и сейчас он аргументировал данное предложение тем, что, если мы хотим победить, то этого можно достигнуть, лишь воспользовавшись попутным транспортом, как это будут делать многие другие подразделения бригады, участвующие в этих «гонках», и особенно та группа, которая займет первое место в бригаде. «Победить в этих соревнованиях, не пользуясь автотранспортом, просто невозможно», - заключил свои рассуждения Валера Бахтий и в первый, и в этот раз.

Бахтий хорошо знал, что говорил. Ведь основная интрига соревнований групп спецназ заключалась в том, что их участникам было за что бороться. По давно установившейся традиции, командир группы, занявшей на подобных «гонках» первое место, награждался именными часами, а все солдаты и сержанты получали отпуска домой на 10 суток. Поэтому участники этих соревнований, можно сказать, отчаянно боролись за первое место. При этом, многие прекрасно понимали, что, в связи с примерно одинаковым уровнем подготовки всех разведывательных групп, значительно вырваться вперед по времени и создать себе серьезный временной задел возможно, лишь в том случае, если один раз, а если повезет, то два раза воспользоваться какой-нибудь попутной машиной, чтобы проехать, а не пройти протяженные по расстоянию трудные участки маршрута разведгруппы.

Однако ни до начала соревнований, ни во время их проведения я аргументов Валеры Бахтия в пользу использования автотранспорта в ходе соревнований не принял. Я заявил ему, что вся группа будет упираться собственными ногами на протяжении всего маршрута до тех пор, пока в полном составе не прибудем на конечную точку или пока не попадаем от усталости замертво на одном из промежуточных этапов соревнований. Но ни на каких машинах ездить не будем даже в том случае, если они и будут попадаться на нашем пути.

- Так ведь ездили же и на мотоциклах, и на машинах на итоговом учении бригады в сентябре прошлого года, когда сдавали проверку - удивленно заметил Бахтий.

- Тогда была совершенно другая ситуация и другие временные рамки, а здесь все рассчитано по расстояниям и времени. Так что не надо путать одно с другим.

- Товарищ лейтенант, ну, мне вообще-то совершенно все равно, я этой осенью увольняюсь в запас, поэтому на отпуск, даже если мы и победим, совершенно не рассчитываю, хотя тоже хотелось бы, - продолжал Бахтий. – А вот ребятам будет обидно. Ведь все знают, что победит тот, кто умудрится, или кому повезет подъехать на «попутке», тем самым сократив время на выполнение поставленной задачи.

Далее Валера Бахтий, поддерживаемый еще несколькими старослужащими солдатами группы, начал вслух рассуждать о том, что даже в фильмах про войну показывают, как наши разведчики захватывали автотранспорт фашистов и разъезжали по тылам противника, наводя, как выразился Валерий «шорох» на немцев.

- Нет! Для того, чтобы в последующем у нас были основания уважать себя, будем передвигаться только пешком! Будем надеяться только на собственные силы, – заключил я к заметному огорчению всей группы. – В тылу реального противника нам рассчитывать надо будет лишь на себя, а не на какой-то там автотранспорт, который еще надо будет умудриться захватить. Если захватим – хорошо, а если не повезет, то, кроме как на себя, рассчитывать будет не на кого. Ну, а если кто-то в нашей бригаде победит путем обмана, то пусть это будет на их собственной совести, на совести их командира группы. Бог им судья!

Через некоторое время пути мы вышли к одной из дорог, по которой периодически проходили машины. Конечно же, одним из проходивших по дороге грузовиков можно было воспользоваться, чтобы проехать километров десять - пятнадцать, сэкономя тем самым примерно два, а то и три часа времени. Однако я дал команду со всеми необходимыми мерами предосторожности преодолеть эту дорогу, и мы ушли от нее в сторону, чтобышний раз не подвергать себя искушению подъехать на какой-нибудь автомашине.

Когда же «гонки» уже поздно ночью закончились, и бойцы моей группы чистили и сдавали в ружейный парк роты оружие и снаряжение, «солдатская почта» через радистов роты связи нашего отряда не преминула сообщить, что действительно многие участники соревнований групп спецназ все-таки не удержались от искушения и воспользовались попутным транспортом.

Когда старшина Бахтий строил моих изможденных длительными и изнурительными «гонками» по сопкам бойцов перед казармой для следования в столовую, чтобы попить горячего чаю с хлебом, который распорядился приготовить для групп нашего батальона капитан Шапиро, я подошел к строю группы. Чтобы у моих солдат, которые выкладывались в ходе соревнований из последних сил и уставших, как говорят, «до чертиков в глазах», не было неприятного осадка от того, что они не заняли первого места, выразил им благодарность за упорство и мужество, проявленные сегодня. При этом попросил здорово не отчаиваться по поводу того, что по формальным показателям мы, вероятно, не победили.

«Зато, мы одержали победу над собой, - сделал я заключение в своей короткой речи. - Мы к собственному уважению и гордости за себя не поддались на соблазн ездить на машинах в районе выполнения пусть не боевых, но учебных задач. Во время реальной войны нам этого никто не позволит. Там придется надеяться только на себя, а не на мифические попутные машины», - повторил я ту же самую мысль, которую уже говорил совсем недавно, когда в группе были настроения проехать часть дистанции на какой-нибудь попутной машине.

Кстати, командир отряда капитан Шапиро, с которым я встретился на плацу, когда уже шел домой, спросил:

- Сергей, на «попутках» ездили?
- Никак нет, товарищ капитан - ответил я.
- Ну, и молодец. Пусть не занял первое место на соревнованиях, но, видимо, выиграл в главном, так как победил себя, победил различные соблазны. Поверь мне, солдаты будут тебя только больше уважать за это, - с оттенком уверенности в голосе заявил Сергей Маркович. – Иди, отдыхай с чувством выполненного долга. Да, кстати, а со связью-то, почему у тебя было в этот раз так плохо? - поинтересовался командир отряда под конец разговора, уже направляясь в казарму нашей роты.

- Не знаю, товарищ капитан. Мои радисты, вместо ужина, пошли в радиоотряд разбираться с дежурной сменой, обеспечивавшей связь с группами, участвовавшими в соревнованиях. Завтра узнаем, в чем причина.

То, что Шапиро сначала поинтересовался, ездила ли группа попутных машинах, а лишь потом решил узнать причину того, почему не была качественно обеспечена важнейшая составляющая соревнований – радиосвязь с Центром, говорит о том, что для Сергея Марковича намного важнее знать, что по сути представляют собой его собственные подчиненные, а уже второстепенным является все остальное. Для него более значимым является вопрос о том, способны ли его солдаты и офицеры действовать в сложных, реальных боевых условиях, чем формальные признаки, определяющие то или иное место, которое они займут в таблице соревнований мирного времени в бригаде специального назначения.

Хотя, думаю, как и любому командиру, капитану С.М.Шапиро, видимо, тоже приятно было, когда его подразделения добиваются успеха в ходе боевой и политической подготовки. Для Сергея Марковича, например, победа на тех же соревнованиях групп спецназ - это успехи все-таки тактического масштаба. А если во главу угла ставить стратегию нашего спецназовского дела, то победа над собой, то есть способность солдата или офицера устоять перед соблазном, к примеру, где-то подъехать на машине или «срезать» на маршруте – это победы для спецназа уже более высокого масштаба. Именно такого рода победы дают основания предполагать, что такие спецназовцы не согнутся, выдержат все физические и моральные нагрузки, которые могут выпасть на их долю в сложной реальной боевой ситуации.

Мои последующие наблюдения за своими сослуживцами, а также совершенно непредвзятый и самый поверхностный анализ показали, что те из моих коллег, как по спецназу, так и по другим военным структурам, кто в обычных мирных условиях находил в себе силы удержаться от постоянно

преследовавших их соблазнов и не заниматься упрощенчеством, а точнее сказать откровенным очковтирательством, в последующем могли со значительно большим качеством обеспечить выполнение поставленных как учебных, так и боевых задач, в условиях реальной войны. В конце концов, именно они способны были не только выполнять задачи, стоявшие перед ними, но и с большей степенью вероятности спасать жизни своих подчиненных и свою собственную жизнь. На протяжении своей службы в спецназе я неоднократно убеждался в правоте тех установок, которые культивировал во втором батальоне 15 отдельной бригады специального назначения Сергей Маркович Шапиро.

Кстати, мои радисты, как мне утром донесла все та же весьма информированная «народная молва», с горяча просто набили морды тем двум радистам-центровикам, которые обеспечивали связь с нашей группой. Это было сделано зато, что они, когда для нас была дорога каждая минута, то делали вид, что плохо нас слышат, то бесцельно и бесконечно долго «гоняли» нас по радиодиапазонам, то просили бесчисленных повторений наших сообщений. Мои радисты еще в ходе соревнований пришли к однозначному выводу, что битые в последующем радиотелеграфисты-центровики делали все, чтобы наша группа не «продавила» связь с Центром, что являлось важнейшей составляющей соревнований групп спецназ.

В то время, когда разведчики, изнемогая от жары, жажды и невероятных нагрузок, бегали по сопкам Ташкентской и Чимкентской областей, радисты-центровики, сидя под вентиляторами, попивая прохладную воду и пользуясь другими благами цивилизации, нас откровенно игнорировали, но всячески «подыгрывали» другим группам. Тем самым лоббировали интересы своих друзей и знакомых из других подразделений нашей бригады. За это и получили, как говорят, по «мордасам» от своих коллег радистов-маломощников из роты связи второго отряда.

Когда же поздно вечером я появился в проеме двери своей комнаты уставший, пыльный и грязный, моя мама, увидев меня в таком виде, сразу же расплакалась. Честно говоря, глаза у моей матери всегда были, как говорят в таких случаях, «на мокром месте», но, видимо, и видок у меня был настолько не бравый и замученный, что мама не смогла сдержать слез. Тем более, что ее сын в конце концов вернулся с учений, когда его соседи по холостяцкой квартире и Рафик Латыпов, и Виктор Боев, и Федор Волох уже давно были дома.

2 августа 1975 года, в 45 годовщину образования воздушно-десантных войск, в нашей бригаде, как и положено, по легенде, скрывающей ее истинную суть, был организован большой праздник с торжественным собранием, вручением призов победителям в социалистическом соревновании между подразделениями бригады и награждением победителей в соревнованиях групп спецназ. Кроме того, для солдат и сержантов был запланирован праздничный обед, а также отдых, когда можно после обеда просто завалиться на кровать и поспать. А хоть и короткий, но отдых спецназовцам нужен был, так как за время прыжкового периода все мы порядком устали.

Ну а первое место в соревнованиях групп спецназ заняла группа Рафика Латыпова, второе – Феди Волоха, при этом его бойцы из штабной роты на

заключительном этапе соревнований буквально на плащ-палатке и на руках несли получившего солнечный удар рядового Ибрагимова. Моя же группа заняла лишь шестое место. По общему количеству набранных очков мы могли оказаться на втором или третьем месте, но штрафные очки, полученные группой за безнадежно загубленную радиосвязь с Центром, не позволили нам сделать это.

ОТЛИЧНИКИ БОЕВОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ 1975 УЧЕБНОГО ГОДА

А тем временем напряженный летний период обучения 1975 года заканчивался. Результатом работы всего личного состава бригады в этот период должна была стать сдача итоговой проверки. Всем было понятно, что осенняя проверка - это настоящий экзамен не только для офицеров, прапорщиков и солдат бригады, но и проверка профессиональной зрелости подполковника Колесника, который впервые выступал на проверке в качестве командира 15 отдельной бригады специального назначения. Думаю, он также это прекрасно понимал и сделал все, чтобы доказать свою состоятельность в новой для себя должности.

Итоговую осеннюю проверку бригада сдала на «отлично», в очередной раз подтвердив, что является лучшим соединением Среднеазиатского военного округа и одним из лучших в войсках специального назначения ГРУ ГШ ВС СССР. Значительный вклад в этот успех всего коллектива внес командир бригады подполковник Василий Васильевич Колесник своей работой по организации учебного процесса и контролем за его ходом. Тем самым он с помощью всего личного состава бригады также сдал экзамен на профессиональную зрелость как командир части. Конечно, это было далеко не первое серьезное испытание в жизни Василия Васильевича, но в качестве командира бригады специального назначения он в 1975 году выступал впервые. И этот очередной свой экзамен он с достоинством выдержал.

Так уж получилось, что в ходе этой проверки, вместе с комбригом Колесником впервые держал экзамен в качестве командира второго отряда и капитан Шапиро. Он также, как и Василий Васильевич, сделал все от него зависящее, чтобы его отряд завоевал звание отличного. Отличной также вновь стала и наша седьмая рота, обязанности командира которой временно исполнял старший лейтенант Тимченко. Он тоже в первый раз сдавал годовую проверку в своем новом качестве. Все четыре группы нашей роты завоевали звания отличных.

Для Саши Тимченко, да и для всех нас, офицеров роты, это был большой успех, который по окончании проверки нельзя было не отметить должным образом. Поэтому офицеры и прапорщики седьмой роты собрались в квартире одного из наших коллег в четвертом микрорайоне Чирчика и с размахом «обмыли» это наше общее достижение. Как и положено в таких случаях, говорили преимущественно о работе, о наших подчиненных, а также о планах на будущее.

В начале октября мой заместитель старшина Валера Бахтий был отправлен в Москву и Ленинград за молодым пополнением. К его выполнению

он отнесся очень добросовестно и привез из Москвы неплохих новобранцев, которые в последующем добросовестно служили в бригаде.

После возвращения в Чирчик, рассказывая о своей работе по подбору молодежи, Валерий обратил мое внимание на одного из молодых солдат, которого звали Ринат Зарипов, который выгодно отличался в лучшую сторону своей толковостью среди остальных призывников-москвичей. До армии он закончил техникум и около года работал на одном из московских секретных ракетных заводов. По мнению Бахтия, было бы хорошо, если бы Зарипова удалось «заполучить» в четвертую группу седьмой роты.

Я коротко побеседовал с Ринатом и понял, что он на самом деле «толковый», как любил выражаться Бахтий. Мы с Валерием проинструктировали его относительно того, как ему следует вести себя в период прохождения курса молодого бойца, а также во время заседания мандатной комиссии бригады, чтобы не выделяться из общей массы молодых солдат. Это, в свою очередь, гарантирует его от того, что после карантина его не заберут в штабную роту или в роту минирования, то есть в те подразделения, которые пользуются преимуществом перед другими при комплектовании молодым пополнением. В результате, тщательно спланированной и хорошо проведенной работы молодой солдат рядовой Ринат Зарипов оказался в нашей группе, о чем я потом, когда Ринат служил в моем подчинении, я ни разу не пожалел.

ЗАМПОЛИТЫ СПЕЦНАЗА

Как-то, во время одного из достаточно редких среди офицеров бригады дружеских застолий, когда его участники перешли к обсуждению служебных тем, которые офицеры, как правило, начинают, когда «примут на грудь» определенное количество спиртного, мы вспомнили добрым словом бывшего замполита 7 роты Олега Кривопалова, вложившего в свой личный весомый вклад в успехи роты. Однако итоговую проверку 1975 учебного года с нами он не сдавал, так как в августе, незадолго до ее начала, Олега, к сожалению всех, кто его искренне уважал, перевели из нашей бригады на должность замполита отдельного дивизиона реактивных артиллерийских установок БМ-21 «Град».

Справедливости ради, надо сказать, что не все с сожалением восприняли то, что Олег ушел не просто из нашей роты, но и перевелся из спецназа в другие войска. В частности, Сергей Маковский попытался в беседе провести мысль о том, что Кривопалов ему не нравился тем, что, как выразился Маковский, «Олег всегда работал на командира». Сергея сразу же перебил Саша Тимченко, который к всеобщему одобрению собравшихся заявил, что Кривопалов был самым лучшим из всех замполитов нашей бригады категории рота-батальон. Да, у Олега, как и у любого человека, есть недостатки, но он был на голову выше тех замполитов, которые остались в части.

Многие полностью поддержали Тимченко и согласились с тем, что бригада с уходом Олега Кривопалова много потеряла. По словам Александра, командир бригады В.В.Колесник, да и начальник политического отдела Н.В.Лысак были в корне не правы, когда отпустили О.В.Кривопалова на повышение в другую часть, тем более в другие войска. Александр Тимченко твердо заявил, что замполитом одного из батальонов он смог бы со временем стать и в нашей бригаде. Трудно было не согласиться с ним. Я лично и тогда, в 1975 году считал, и сейчас считаю, что хороших подчиненных, я бы даже сказал отличных подчиненных, каким был замполит 7 роты старший лейтенант Кривопалов, надо не отдавать неизвестно кому, а лелеять и выдвигать на вышестоящие должности у себя, в своей воинской части.

Олег мне не единожды рассказывал, как произошло, что его «продали» из спецназа. Летом 1975 года старший лейтенант Кривопалов участвуя в каком-то очередном партийном активе в Алма-Ате, выступил на нем с докладом, который всем понравился. После его доклада к подполковнику В.В.Колеснику подошел кто-то из окружных начальников и, расхвалив только что выступившего старшего лейтенанта Кривопалова, предложил выдвинуть его на должность замполита отдельного дивизиона реактивных артиллерийских установок БМ-21 «Град». Честно надо сказать, что Олег совсем не сопротивлялся этому назначению, так как в бригаде для него на ближайшую перспективу не было совершенно никаких планов на выдвижение.

Замполитов, если говорить в общем, у нас в бригаде, как, наверное и везде в Вооруженных Силах СССР, не очень любили. Однако эта нелюбовь рождалась не на пустом месте, для этого имелись вполне определенные и достаточно веские причины. И прежде всего, это было там и тогда, где и когда

на замполитовских должностях не было ярких, незаурядных личностей. Да, дело, в общем-то, даже и не в этом. Как известно, не каждый человек способен, образно говоря, «ярко светить на жизненном небосклоне». По мнению большинства офицеров бригады, у нас среди «политбатраков», как мы их называли между собой, непосредственно работавших с личным составом, в отличие от большинства командиров, было не очень много просто трудолюбивых и порядочных людей. Олег Кривопалов был, пожалуй, был в числе тех людей, которых можно назвать настоящим исключением из правила. Характеризуя большинство из его коллег по замполитовскому поприщу, можно использовать слова классика: «Узок круг их интересов, страшно далеки они от народа». Именно эти слова максимально точно характеризуют отношение некоторых из замполитов нашей бригады к своей работе и подчиненному личному составу.

Весьма наглядно проиллюстрировал мнение офицеров бригады о наших замполитах тот импровизированный опрос, который как-то в мае 1975 года мы, по инициативе старшего лейтенанта А.Юрченко, провели в нашей холостяцкой квартире. Когда дружеское мероприятие по распитию домашнего виноградного вина перешло в стадию обсуждения насущных служебных проблем нашей части, Анатолий предложил присутствовавшим 12 офицерам в звании от лейтенанта до капитана проставить «плюсы» или «минусы» в списке напротив фамилий практически всех офицеров бригады категории командир группы – командир батальона и замполит роты – замполит батальона. И пока Юрченко, легко взяв одной рукой трехлитровую банку с вином, и к удивлению многих совершенно без напряжения разливал ее содержимое по стаканам, все присутствующие по очереди заполнили импровизированный опросный лист.

Результат данного тестирования оказался вполне ожидаемым. Примерно 70 - 75 процентов командиров получили положительную оценку. Из замполитов положительно оценен, причем всеми участниками опроса без исключения, был лишь старший лейтенант Кривопалов. Остальные же «бойцы партийно-политического фронта» единогласно заслужили «неуд». Не думаю, что это была не объективная оценка их деловых и человеческих качеств.

Еще одним весьма показательным подтверждением мыслей, изложенных выше, являлся мой замполит, когда в 1979 году я командовал ротой. Трудно поверить, но таких «сачков» я ни до того, ни, слава Богу, после не встречал. И это тем более удивительно было наблюдать на фоне всеобщего трудового подъема и энтузиазма, который пронизывал жизнь и деятельность всей нашей бригады на этапе ввода советских войск в Афганистан, в том числе и его коллег замполитов всех степеней. Честно скажу, по прошествии 30 лет, я, как ни пытался, так и не смог, к своему удивлению, вспомнить его фамилию. Не вспомнил ее и Игорь Стодереvский, в те времена мой командир отряда. Видимо, настолько безликим и блёклым человеком он был, этот наш замполит, что даже фамилия его в памяти не осталась ни у меня, ни у тех моих сослуживцев, с которыми мы служили в тот период в бригаде.

Так вот, когда мне самому уже надоело бороться с патологическим бездельем этого замполита, которое проявлялось в том, что сам он по собственной инициативе с утра до вечера в буквальном смысле ничего не делал. То есть в течение дня ни с кем не беседовал, не вел необходимую

замполиту документацию, не занимался ленинской комнатой и т.д. Это, в общем-то, трудно себе представить, чтобы человек, приходя утром на работу, мог, если его никто не трогал, просидеть в канцелярии роты целый день, ничего не делая, а вечером спокойно уйти домой. Но было именно так, как я пишу. К ставившимся ему командиром роты, замполитом батальона или начальником политического отдела бригады задачам он также относился, мягко говоря, спустя рукава. При этом даже выполнение замполитом моей роты задач, поставленных командованием бригады, требовало постоянного контроля как с моей стороны, так и со стороны замполита батальона.

О сложившейся с замполитом моей роты ситуации я, в конце концов, вынужден был доложить командиру отряда капитану И.Содеревскому. Игорь заявил, что ему и так все это хорошо известно, так как солдаты его батальона уже неоднократно рассказывали ему и своим сослуживцам из других рот о том, как «проводит в жизнь политику партии и правительства» замполит нашей роты.

В целях исправления создавшегося положения Игорь Содеревский приказал мне в течение недели никаких конкретных задач замполиту роты не ставить, а в конце каждого дня писать на имя командира второго отряда рапорт с перечислением тех дел, которые были замполитом проделаны за день. Нетрудно догадаться, что практически все рапорты были примерно следующего содержания: «За сегодняшний рабочий день замполит роты лейтенант такой-то не сделал в подразделении ничего». Далее следовало число и моя подпись.

Командир отряда, собрав все мои «весьма содержательные», как выразился капитан Содеревский, рапорта, пошел докладывать начальнику политического отдела бригады подполковнику И.И.Тебенко о положении дел с воспитанием личного состава замполитом нашей роты. Ну, а мы с офицерами роты и батальона, в это время, обсуждая возможные последствия доклада Содеревского лично начальнику политотдела, были однозначно уверены в том, что такого замполита роты из спецназа уж точно «выпрут» в пехоту, а точнее переведут на какую-нибудь штабную или административную должность, уж точно не связанную с работой с личным составом.

Впоследствии из рассказа Игоря Содеревского стало ясно, что политотдел и командование нашей части почему-то принимать вполне оправданные в этом случае радикальные меры в отношении замполита-бездельника было совершенно не намерено. Предложение Игоря убрать замполита из спецназа или хотя бы вывести его за штат, «дабы он не портил нам наш горячо любимый личный состав», начальником политотдела было отвергнуто. Вернувшись из штаба, И.Содеревский с сожалением заявил: «Придется всем нам его безделье пока терпеть». Но Игорь успокоил нас тем, что сообщил о том, что отцы-командиры все-таки пообещали подумать и принять какие-то «радикальные», как выразился Игорь, меры.

Меры отцы-командиры хоть не сразу, но все же приняли. Они оказались такими, что вызвали у Содеревского бурю эмоций и отборного солдатского мата, что проявлялось у Игоря в очень редкие минуты искреннего гнева и возмущения. Оказалось, что через некоторое время командира отряда И.Содеревского вызвали в штаб и приказали написать на замполита моей роты характеристику для направления его в Германию. Можно представить, в какое

искреннее удивление повергло не только Игоря, но и всех нас это решение командования бригады.

«Для службы в Кушке, Термезе или Кизыл-Арвате я ему характеристику напишу, но для направления его в Германию – нет. Твердо заявил я начальнику политического отдела бригады, – пересказывал нам Стодереvский суть его беседы в политотделе. - Если хочешь, - обратился Игорь ко мне, - то пиши ему характеристику ты, а я не буду! Мне моя совесть не позволяет это сделать».

«Да, - с горечью подумал я, - вот, и еще раз получила подтверждение истина, согласно которой «легко живется на свете дуракам и пьяницам». Многие достойные офицеры годами ждут своей очереди, чтобы поехать в Германию, а тут...».

В результате, ни Стодереvский, ни я хвалебные характеристики писать не стали, не смотря на различного рода давление на нас и даже угрозы в наш адрес. Однако, как потом оказалось, в деле отправки бездельника-замполита в Германию обошлись и без наших характеристик и подписей. В результате, он благополучно уехал служить на передовые рубежи борьбы с империализмом, где, как можно предположить, стиль своей работы с личным составом и отношение к службе совершенно не поменял. Ведь, как известно, люди и их характер в таком возрасте, как правило, коренным образом практически не меняется.

Мы все прекрасно знали и понимали, как должен работать и относиться к людям настоящий офицер, вне зависимости от того, командир он или замполит. Тем более перед глазами был, как говорят в таких случаях, «живой пример» настоящего политработника и комиссара по духу Олега Кривопалова, который являлся таковым, как сказал поэт В.В.Маяковский, «не по службе, а по душе». Олег был приятным и, к сожалению, как мне кажется, единственным исключением из всех его коллег по замполитовскому поприщу. Хорошо, что нам, офицерам, солдатам и сержантам шестой, а в последующем седьмой роты посчастливилось, хоть и немного, но послужить с ним вместе.

Читатель, прочитавший предыдущую часть моего повествования, видимо, примет мои откровения о замполитах в качестве подтверждения моего пренебрежительного отношения к этой категории офицеров. Ни чуть! Ведь, всегда в их оценке, да и в оценке всех, с кем сталкивала меня по службе судьба, для меня самым важным была, прежде всего, способность офицера с высоким качеством выполнять те обязанности, которые на него возлагались. Те из моих сослуживцев, кто был способен успешно справляться с возложенными на них обязанностями, вызывали у меня искреннее уважение, вне зависимости от того, кто они были по военно-учетной специальности замполиты, командиры или, например, начальники каких-то служб.

Именно поэтому я всегда выступал против того, чтобы делить армию на фракции, в соответствии с тем, какие эмблемы они носят в петлицах, а также какого цвета околыши их фуражек, чем некоторые офицеры в нашей бригаде также грешили. Эти мои сослуживцы, например, считали всех, кто не служил в спецназе, лишь «черной костью», принадлежащей к категории ЧМО, то есть к частям материального обеспечения. Спецназ они считали основой всего и всея, в том числе и основой могущества Вооруженных Сил СССР. Как ни странно,

но они были убеждены в том, что «выше советского спецназа, как говорится, лишь солнце», а все остальные – ниже травы...

К сожалению, какого-то более менее определенного и достаточно объективного собственного мнения о других замполитах 15 отдельной бригады специального назначения выразить не могу, так как в те времена, образно говоря, «сектор моего обзора» ограничивался в основном вторым отрядом, в котором я служил, а остальные подразделения бригады, тем более их замполиты, касались нас в самой малой степени. Однако, основываясь на мнении других своих сослуживцев по бригаде, могу сказать, что значительный след в нашей части оставили такие замполиты рот и батальонов, как Д.В.Кондратович, Зуев, Петрачев, Волобуев, а также начальник политического отдела бригады Н.В.Лысак.

Продолжая же свое повествование о замполитах, могу с гордостью заявить, что с началом демократических преобразований в Советском Союзе, по мере своих сил и возможностей, принимал активное участие в защите замполитов, когда на политические органы Вооруженных Сил СССР начались серьезные гонения и даже травля на страницах прессы, так и в самой армии.

Показательным может служить такой пример. В начале 1991 года, когда, как известно, Советский Союз еще не развалился, но вопрос о реорганизации страны, КПСС и политических органов в силовых структурах обсуждался весьма активно. В Генеральном штабе, где я тогда служил, в ходе еще проводившихся в то время плановых занятий по политической подготовке очень серьезно дебатировался вопрос о том, как реорганизовать политические органы Вооруженных Сил СССР и работу замполитов в армии. Довольно большая часть моих коллег, в основном тех, кто с личным составом в свое время не работал, аргументировано доказывали на семинарах по политической подготовке и в довольно частых частных беседах, что и замполиты и, тем более, политические органы в армии, да и в других государственных структурах совершенно не нужны. Я же был в корне против такого мнения. Замполиты и политические органы, доказывал я, в армии нужны, и их роль в деле оказания помощи командирам по воспитанию подчиненных переоценить трудно.

По моему мнению, в их деятельности акцент необходимо было сместить с сугубо политической пропаганды на преимущественно воспитательную работу личного состава, основу которой должна составлять выработка у подчиненных чувства патриотизма, любви к Родине и стремления защищать ее. Проблема состоит лишь в том, что не все замполиты, как, впрочем, и командиры, способны и на самом деле хотят заниматься этим очень неблагодарным и трудным делом. Но это уже другой вопрос.

Что же касается всей системы политических органов в Советской армии, рассуждал я на одном из семинаров по политической подготовке, то она представляла собой, образно говоря, перевернутую с ног на голову пирамиду. Вершина этой пирамиды, то есть замполит подразделения, например, роты или батареи, находится внизу, а ее основание, которое олицетворяет весь имеющийся многочисленный аппарат политработников и политических органов, осуществляющих руководство одним единственным замполитом, непосредственно работающим с личным составом, находится сверху и довлеет

над тем фактически единственным исполнителем, который каждый день ведет партийно-политическую работу с подчиненными. Такое положение представлялось малоэффективным с точки зрения конечной цели всего этого процесса – воспитания солдат и офицеров, а в материальном плане является весьма затратным, так как это требовало большого штата высокопоставленных офицеров-политработников, которые непосредственно с людьми-то и не работают.

В этой связи, мои предложения, высказанные на том семинаре по политической подготовке, сводились к тому, чтобы существующую пирамиду, у которой вершина находится внизу, повернуть ровно на 180 градусов. При таком положении в основании пирамиды будут находиться многочисленные замполиты рот и батарей, батальонов и дивизионов, а на ее вершине минимально необходимое количество политработников, руководящих и организующих ведение замполитами подразделений воспитательной работы с личным составом. По моему мнению, это мог бы быть, например, небольшой по составу политический отдел в дивизии или бригаде, который должен осуществлять непосредственное руководство замполитами во всех подчиненных им подразделениях. При этом замполитовские структуры, например, в полках, которые в повседневной армейской жизни выполняют в основном лишь функцию передачи своим подчиненным указаний вышестоящего руководства, должны быть полностью ликвидированы как излишние и, собственно, не работающие непосредственно с солдатами и офицерами.

Напомню, что данная дискуссия состоялась в самом начале 1991 года, когда демократические настроения в Советской армии не просто присутствовали, а расцвели пышным цветом. Поэтому мои досужие рассуждения (кстати, совершенно не претендующие на истину в последней инстанции) о том, что политико-воспитательные органы в армии ни в коем случае нельзя уничтожать, а надо лишь определенным образом реорганизовать в соответствии с велениями нового времени и, главное, с целью повышения уровня и качества воспитания личного состава в духе любви к Родине и т.д., вызвали у многих моих сослуживцев массу отрицательных эмоций и сарказма. Некоторые из них, наиболее радикально настроенные, с определенной долей издёвки интересовались, а командиром ли я служил в спецназе или был там замполитом.

Руководитель того запомнившегося мне семинара по политической подготовке, достаточно пожилой и заслуженный полковник Владислав Александрович, которого мы между собой называли просто Влад, внимательно слушал споры своих подчиненных, пытаясь вникнуть в суть тех рассуждений, которые высказывались. При этом во время подведения итогов семинара Влад, будучи человеком многоопытным и мудрым, сославшись на то, что самому ему личным составом покомандовать не пришлось, поэтому какого-то определенного собственного мнения по обсуждавшемуся вопросу у него нет, однако «определенные здравые мысли» именно в моих высказываниях он все-таки отметил, особенно в плане серьезного повышения эффективности воспитательной работы в низовом армейском звене.

Несмотря ни на какие нападки на замполитов, которые были весьма модными на этапе развала СССР, я остался все-таки на своих позициях. Мое мнение не изменилось даже в то время, когда некоторые из моих оппонентов, помня наши к тому времени уже совсем давние споры на том памятном семинаре, с пафосом сообщали мне о ликвидации Главного политического управления Советской армии и Военно-морского флота. Я все равно считал, что политические или воспитательные органы (в конце концов, не в названии дело) в армии должны быть.

Как позже показала практика, я все-таки оказался прав. Главное политическое управление в его новом виде, в конечном итоге, было восстановлено и приступило к организации и руководству процессом воспитания личного состава Российской армии и Военно-морского флота в духе патриотизма, любви к Родине и стремлении качественно выполнить стоящие перед ними учебные и боевые задачи. Видимо, не зря в свое время я и пытался убедить в этом своих коллег, с которыми работал в Генштабе в начале 90-х годов.

МЫ УЖЕ НЕ САМЫЕ МОЛОДЫЕ ОФИЦЕРЫ БРИГАДЫ

А тем временем в сентябре 1975 года в 15 отдельную бригаду специального назначения прибыло новое пополнение молодых офицеров, в том числе и из нашего Киевского ВОКУ. Уже первый взгляд на однокашников по Киеву, некоторых мы знали по училищу, и совершенно не притязательный анализ показывали, что в 1975 году процент лейтенантов-киевлян, достойных служить в войсках специального назначения, оказался еще ниже, чем в предыдущем году. Глядя на большинство из вновь прибывших молодых лейтенантов, невольно возникал совершенно справедливый вопрос: «Что же там, в Киеве, да и в ГРУ, совсем не занимаются подбором офицерских кадров для бригад спецназ?» Грустно было от того, что некоторым из них не только в спецназе, но и в пехоте, да и в армии вообще делать было нечего. Не думаю, что я слишком строго и очень критично подходил к оценке выпускников нашей альма-матер, Киевского общевойскового училища.

Как ни странно, но и рязанцы, выпускники 1975 года, за редким исключением, на проверку тоже оказались офицерами далеко не высшей пробы. Последующая практика их службы в нашей бригаде спецназ также наглядно показала, что первые наши впечатления от некоторых из них были совершенно недалеки от истины.

Честно скажу, что на контрасте с другими выпускниками Киевского ВОКУ очень обрадовался тому, что в 1975 году к нам в бригаду приехал служить Саша Бабенко, которого я неплохо знал еще в Киеве. Познакомились мы с ним в 1971 году, когда я был на втором курсе, а Александр только пришел в КВОКУ из Киевского СВУ. Кстати, познакомился я с курсантом Бабенко, как это часто бывает в армии, на спортивном городке во время утренней физической зарядки. Дело в том, что мне в Киеве всегда не хватало той физической нагрузки, которая была у курсантов на утренней зарядке. Многие в нашей седьмой курсантской роте Киевского ВОКУ, преимущественно те, кто готовился после училища служить в войсках специального назначения, называли физическую зарядку не иначе, как «зарядка для дистрофиков». Так мы называли ее особенно на старших курсах, когда на это утреннее мероприятие многие курсанты выходили, прихватив с тумбочки дневального по экземпляру «Окопной правды», то есть ежедневную газету Киевского военного округа «Фрунзевец», после ознакомления с содержанием которой зарядка, как правило, и заканчивалась.

Именно по этой причине я, как и большинство тех, кто планировал после выпуска служить в спецназе, по утрам занимались спортом самостоятельно. В самом начале второго курса во время утренней зарядки начал замечать одного из курсантов первого курса разведывательного факультета, который с завидной регулярностью и упорством также самостоятельно занимался «в отрыве от основных сил своей роты». Так во

время зарядки на спортгородке мы с Сашей Бабенко и познакомились. Знакомство постепенно переросло в дружбу, так как мы чувствовали определенное родство душ, которое проявлялось в нашем одинаковом отношении ко многим моментам учебы, жизни, к утренней зарядке, спорту и тому подобное.

Курсант Александр Бабенко родом был из кубанских казаков, закончил Киевское суворовское военное училище, а в Киевском ВОКУ изучал английский язык. Даже короткого общения с ним мне было достаточно, чтобы понять, что по духу мы с ним были очень близки, поэтому в Киеве мы довольно часто общались, несмотря на то, что были на разных курсах. В этой связи в сентябре 1975 года мне было особенно приятно узнать, что Александр приехал служить именно к нам, а не в Изяславскую отдельную бригаду специального назначения Прикарпатского военного округа, куда первоначально планировалось направить новоиспеченного лейтенанта Бабенко.

В связи с тем, что в то время в своей комнате холостяцкой квартиры я жил один, пригласил Александра разместиться в моем скромном жилище, то есть проявил о молодом товарище необходимую заботу, точно также как годом раньше Володя Чернобай проявил отеческую заботу в отношении меня. Сразу же ознакомил нового жильца с особенностями его новой обители, которая в обиходе называлась просто «Пятая квартира». Нет, у нее, конечно же, был точный адрес: улица Юбилейная, дом 40, квартира 5, но весь Чирчик, и я не преувеличиваю по поводу «всего Чирчика», знал ее лишь под названием «Пятая квартира».

В данной квартире было четыре отдельных комнаты, кухня, санузел и небольшая прихожая, что позволяло разместить в ней 10 - 12 лейтенантов-холостяков нашей бригады, а в иные времена и еще большее их количество. В связи с тем, что основная масса лейтенантов, за небольшим исключением, приезжала после окончания военных училищ в Чирчик холостыми, то практически все молодые офицеры бригады в свое время непременно проходили через «Пятую квартиру». Когда же они заводили свои семьи, то все равно, по старой памяти, невзирая на семейное положение и к тому времени уже более высокие должности и воинские звания, по-прежнему считали «Пятую квартиру» своей вотчиной, где можно провести любое мероприятие или торжество с участием любого количества приглашенных гостей.

Среди различного рода девушек и потенциальных невест Чирчика «Пятая квартира» пользовалась особым уважением, так как в ней проживали их возможные, и по преимуществу завидные женихи-десантники, которые в общей массе многочисленного воинского контингента города всегда стояли особняком. В то время про тех офицеров, которые жили в этой квартире, чирчикские девушки с уважением говорили, что в «Пятой квартире» дислоцируется «Группа советских войск специального обольщения». При этом девушки, естественно, совершенно не понимали особого смысла, вложенного нами самими в слово «специального». После ввода наших войск в Афганистан этот термин, повинаясь велению времени, постепенно трансформировался в «Ограниченный контингент советских войск специального обольщения».

Мы с Сашей Бабенко сразу же договорились, что за порядок во всей «Пятой квартире» нам отвечать, конечно, нет никакого резона, а вот в своей

комнате мы обязаны всегда поддерживать чистоту и образцовый порядок и, по возможности, блюсти в комнате высокий уровень непорочности и нравственности. Кроме того, с целью повышения своего профессионального уровня, а также чтобы «не закисать», уже не помню по чьему предложению, мы с ним решили устраивать дни английского, а затем и украинского языка. И в том, и в другом случае Саша, в основном был моим наставником, так как в училище он, как я уже упоминал выше, изучал английский язык, а по национальности он был украинцем и прекрасно знал «українську мову».

Кстати, на мое предложение периодически устраивать в нашей комнате дни китайского языка, но уже под моим руководством, Саша вежливо отказался, объяснив, что к повышению своего образовательного уровня за счет изучения китайского языка, он не испытывает ни малейшего интереса. Александру, по его же мнению, оказалось вполне достаточно того, что я способствую ликвидации пробелов в его знаниях по тактико-специальной и воздушно-десантной подготовке, а также минно-подрывному делу.

УЧЕНИЯ В ПУСТЫНЕ

Сразу после сдачи итоговой проверки за 1975 учебный год, в период с 15 октября по 15 ноября, лейтенанты-выпускники различных военных училищ 1974 и 1975 годов выпуска приступили к занятиям на сборах молодых офицеров бригады, как это было и в прошлом году. Однако большинству из тех, кто годом раньше уже прошел обучение в спецназовских «университетах», они оказались практически не нужны, так как все, что изучалось годом раньше в теории, было за прошедший календарный год, который состоял из двух учебных периодов, зимнего и летнего, уже не единожды отработано на практике. Определенная польза для тех, кто проходил «университеты» по второму разу, была лишь в том, что появилась дополнительная возможность лишний раз повторить и тверже закрепить что-то из спецназовской теории и практики. А повторение, как известно, «не столько мать, сколько мачеха учения».

Наиболее полезным и интересным мероприятием в рамках этих сборов было тактико-специальное учение (ТСУ) с участием всех молодых офицеров бригады, которое на прошлогодних сборах молодых офицеров не проводилось. Его особенностью являлось то, что оно должно было проходить в пустыне Кызылкум. Руководителем ТСУ был назначен старший лейтенант Саша Чубаров, который незадолго до его начала прибыл из Германии на должность командира штабной роты бригады, которой до него командовал старший лейтенант Ю.Широков, уехавший в Германию после сдачи роты Чубарову.

Всех нас, молодых офицеров, обучавшихся на сборах, объединили в разведывательную группу спецназ, состоявшую из двух отделений. В состав данной ргСпН, кроме офицеров, также включили двух высокочеловеческих сержантов-радиотехников из роты связи первого батальона.

Начальник штаба подполковник А.А.Овчаров при постановке учебно-боевой задачи на это учение обратил особое внимание молодых офицеров на необходимость приобретения практического опыта по выполнению поставленных задач в осенне-зимний период в условиях пустынной местности. В результате, в ходе тактико-специального учения мы, по словам Александра Алексеевича, должны были получить по возможности полное представление о том, с какими трудностями и проблемами могут столкнуться в условиях пустынной местности возглавляемые нами разведывательные группы специального назначения.

До района действий, который находился к северу от Чардаринского водохранилища, наша разведывательная группа доехала на двух ЗИЛ-131. После десантирования Саша Чубаров уточнил задачу, и мы с соблюдением мер безопасности двинулись в район разведки. В связи с тем, что вокруг простирались сплошные пески, ориентироваться было чрезвычайно трудно. Сначала разведгруппа достаточно долго шла в строго определенном направлении, чтобы выйти к первому линейному ориентиру - линии электропередач (ЛЭП), где удалось, более менее, точно сориентироваться на местности. Идти по пустыне, также как и ориентироваться, оказалось очень и

очень тяжело. Кроме того, ноги все время вязли в песке, несмотря на то, что он был по-осеннему мокрый и от этого в достаточной степени плотный.

По ходу выдвижения в район Саша Чубаров попеременно назначал то одного, то другого молодого офицера выполнять обязанности командира группы. Так мы постепенно к концу дня отработали несколько основных задач по учению. При этом, даже за такой короткий промежуток времени успели, как говорится, досыта «наесться» пустыни, то есть по самое горло нас достал песок.

За весь период тактико-специального учения встретился нам лишь один местный житель, ехавший на лошади по каким-то своим совершенно аборигенским делам. Видно было, что всадник издали заметил группу вооруженных людей, так же как и мы его. Он остановился и долго наблюдал за нами, а когда группа направилась в его сторону, абориген лишь «гигикнул» или «проулюлюкал» что-то по-своему и умчался прочь, чем вызвал у нас удивление и полемику на тему, с какого по счету выстрела удалось бы его остановить. Сошлись на том, что от снайперской винтовки Драгунова (СВД) он уж точно далеко от нас не ускакал бы. Поддаваясь общему настрою, Саша Чубаров, которого мы все еще очень мало знали, решил продемонстрировать молодым офицерам бригады свое мастерство в стрельбе, но, конечно, не из СВД, а из пистолета Макарова. К всеобщему одобрению Александр, расстреляв две обоймы патронов, поразил все цели, которые мы ему показывали, чем немало удивил нас, выдавших всякие виды, да и способных также хорошо стрелять из пистолета.

Странным нам в пустыне показалось не только необычное поведение пугливого местного жителя, но также и то, что, несмотря на полное отсутствие каких-либо признаков жизни и людей на нашем пути, к всеобщему удивлению, то тут, то там появлялись пустые бутылки из-под спиртного, причудливо торчавшие из песка. Откуда они здесь, эти признаки цивилизации, с каких времен лежат и каким образом сюда попали, никто из нас в точности не знал. Можно было лишь предположить, что их в разное время оставили какие-то строители или охотники.

По указанию Саши Чубарова, командир группы, командовавший на очередном этапе, вывел нас к одному из немногих в том районе колодцев, который был обозначен на карте как пригодный к использованию круглый год. Всем нам интересно было посмотреть на это сооружение собственными глазами и испытать его возможности по утолению жажды разведчиков.

Внешне колодец выглядел довольно внушительно для пустынной местности, так как сооружен был из бетонных колец и даже накрыт какой-то немудреной крышкой. Однако, заглянув в него, мы с трудом могли различить «зеркальце» водной глади, так как колодец был слишком уж глубоким. Чтобы достать всего лишь один котелок воды нам пришлось связать между собой антенну и противовес от радиостанции Р-354, и только тогда котелок достиг поверхности воды. Когда же котелок воды оказался у нас в руках, то все были разочарованы, так как она была темно-коричневого цвета, дурно пахла, а сверху плавал различного рода мусор и птичий помет. Без соответствующей обработки и фильтрации пить такую воду было совершенно невозможно. Отсюда сам собой напрашивался вывод о том, что основной проблемой для разведчиков в

пустыне является питьевая вода и не только в летний период времени, но и зимой.

Ночью было решено устроить большой привал для отдыха. С этой целью выбрали небольшую низину между двух барханов. Чубаров приказал заняться оборудованием мест отдыха по принципу, «как отдохнешь этой ночью, так и будешь действовать завтра днем». Всем пришлось изрядно повозиться, чтобы оборудовать себе место, которое бы обеспечивало сравнительно комфортный отдых в течение 2 - 3 часов. Кто-то расположился около небольшого костра, рискуя «спалить» брюки или куртку своего зимнего обмундирования, а кто-то костром прогревал землю, чтобы затем улечься на теплое место и хоть немного поспать. Я выбрал второе, но запаса тепла хватило не больше, чем на два часа. В общем, потом молодые офицеры еще долго обменивались своим практическим опытом устройства мест отдыха в зимних условиях в пустынной местности. А примерно за два часа до рассвета группа покинула место привала, чтобы продолжить выполнять поставленные задачи.

Утром следующего дня на очередном этапе ТСУ командовать группой довелось мне. Постоянно уточняя учебные задачи, вел группу по намеченному маршруту из одного района в другой, где предстояло действовать. Постепенно погода начала портиться. Если во время нашего десантирования изредка выглядывало солнце, ночью изредка шел дождь, то к середине следующего дня стало совсем пасмурно, и дождь шел уже не переставая. Затем дождь перешел сначала в мелкий град, а потом в крупный снег хлопьями. К всевозможным погодным катаклизмам мы, конечно, были готовы полностью, поэтому никто особенно не обращал внимания на то, что погода стала существенно ухудшаться. Молодые офицеры бригады не унывали и были полны решимости эффективно действовать в районе разведки при любой погоде.

В период выполнения очередной учебной задачи ко мне подошел сержант-радист, который напомнил, что через 15 минут у нас должен состояться обязательный сеанс радиосвязи с Центром. Подав команду на отдых и назначив охранение, подошел к радистам, которые уже начали разворачивать радиостанцию Р-354 для работы. Бойцы работали очень споро и исключительно слаженно. В установленное время вошли в связь с приемопередающим центром бригады и передали написанную мной очередную радиограмму с докладом о действиях группы в районе разведки. Затем один из радистов начал принимать ответную радиограмму Центра. Пока он работал я сходил к тому месту, где отдыхал Саша Чубаров, и доложил, что поступила телеграмма из Центра, на расшифровку которой потребуется определенное время, которое можно использовать как дополнительную возможность для отдыха группы.

Пока все остальные разведчики отдыхали и перекусывали, я начал расшифровывать поступившее сообщение. Уже первые «расколотые» слова телеграммы, честно скажу, очень обрадовали меня: «В связи с резким ухудшением погодных условий и предполагаемым серьезным понижением температуры воздуха, приказываю, ТСУ прекратить, проверить личный состав, оружие и снаряжение и выйти в точку эвакуации группы с координатами... Колесник».

Я совершенно искренне обрадовался этому указанию Центра и побежал докладывать его содержание Саше Чубарову, который, прочитав

шифртелеграмму, также не скрывал чувства удовлетворения от данного сообщения. В связи с тем, что учение заканчивалось, Александр не стал назначать другого командира группы и приказал мне продолжать командовать до конца тактико-специального учения.

Проверив личный состав ргСпН, оружие и снаряжение, я, в качестве командира, еще несколько часов выводил разведчиков в точку эвакуации, то есть «головой отвечал» за все, что происходило в нашем хоть и учебном, но достаточно боевом подразделении, состоявшем из молодых офицеров 15 отдельной бригады специального назначения. Правда, как говорят, «нет худа без добра». Когда к месту эвакуации нашей группы примерно в 22 часа пришли два ЗИЛ-131 во главе со старшим лейтенантом Юрой Цыгановым, то мне, как командовавшему разведывательной группой на конечном этапе, довелось, вместе с Цыгановым, ехать в Чирчик в теплой кабине одного из грузовиков, а не мерзнуть, как всем остальным молодым офицерам бригады в кузове.

РАЗДЕЛ ЧИРЧИКСКОЙ БРИГАДЫ

Осенью 1975 года у нас впервые начали курсировать слухи о том, что 15 отдельную бригаду специального назначения в скором времени разделят на две бригады, одна из которых останется в Чирчике и войдет в состав Туркестанского военного округа, а другую переведут в город Капчагай, который расположен недалеко от Алма-Аты и передадут в подчинение Среднеазиатского военного округа. Впервые об этом я услышал от Федора Волоха, который, будучи зятем заместителя командира бригады по тылу полковника Н.Д.Мельникова, был всегда в курсе «стратегических планов» нашего непосредственного, да и самого высокого руководства в Главном разведывательном управлении Генерального штаба ВС СССР.

Конечно, разделение бригады специального назначения на два самостоятельных соединения непростое дело и ответственность за проведение данного мероприятия в полной мере ложилось на плечи командования Чирчикской бригады спецназ. И с этой задачей подполковник Колесник, как комбриг, с помощью своих заместителей и всего личного состава части справился успешно.

При участии приехавших в Чирчик должностных лиц 5 управления ГРУ ГШ Чирчикскую обрСпН сначала условно поделили на две бригады. В общих чертах это выглядело так. Первый отряд специального назначения в полном составе, а также примерно половина отряда специальной радиосвязи, автороты, хозяйственных служб должны были составить основу 22 отдельной бригады специального назначения и к середине 1976 года отправиться к новому месту службы – в город Капчагай Алма-Атинской области.

Второй отряд, являясь основой 15 отдельной бригады СпН, оставался в Чирчике. С кем-то из офицеров 15 обрСпН, в основном это были командиры батальонов, представители ГРУ побеседовали и предложили более высокие должности во вновь формируемой бригаде. Затем раздел нашей бригады был официально оформлен соответствующими приказами. После этой реорганизации, которая формально была закончена уже к весне 1976 года, Туркестанский военный округ через семь лет, наконец-то, вернул в свой состав ту бригаду специального назначения, которую он в 1969 году в силу сложившихся обстоятельств был вынужден передать в ведение Среднеазиатского военного округа.

Так, практически с весны 1976 года на территории нашей части на самом деле существовало две бригады: Чирчикская и Капчагайская, официально командовал которыми командир Чирчикской бригады подполковник Колесник. При этом, вся боевая и политическая подготовка личного состава осуществлялась по единому плану и в рамках единой 15 отдельной бригады спецназ. Примечательно, что офицерам и прапорщикам было официально объявлено, кто уезжает в Среднеазиатский военный округ, а кто остается в Туркестанском военном округе.

Чем ближе было время отправки 22 бригады спецназ из Чирчика, тем все чаще, временно исполняющий обязанности ее командира подполковник В.И.Ильиных проводил с отъезжающими необходимые подготовительные мероприятия. На еженедельных совещаниях офицеров и прапорщиков, когда Колесник объявлял об окончании совещания, как правило, со своего места поднимался Ильиных и громко произносил: «А капчагайцев я попрошу остаться», - за что «в узком кругу ограниченных лиц» местные острословы, на основе ассоциаций с фильмом «Двенадцать мгновений весны», прозвали подполковника В.И.Ильиных Мюллером.

Если офицеры и прапорщики отрядов спецназ были четко определены в ту или иную бригады, то офицеров отряда специальной радиосвязи и всех подразделений обеспечения делили, в основном, по принципу: хорошие остаются в Чирчике, а не очень хорошие, а тем более плохие, как можно догадаться, уезжают в Капчагай. Если данный принцип действовал в отношении командиров, то можно представить, как делились между двумя бригадами солдаты и сержанты.

При молчаливом согласии командования 15 бригады спецназ, среди офицеров-чирчикцев ходило негласное распоряжение подбирать из числа хороших солдат и сержантов-капчагайцев замену нерадивым солдатам-чирчикцам. Подполковник Колесник своими приказами перевел не один десяток солдат и сержантов из первого отряда во второй и наоборот. А делал он это по рекомендациям офицеров и прапорщиков-чирчикцев, которые давали командирам своих подразделений фамилии тех, кого, например, из солдат первого отряда хотелось бы иметь у себя и от кого из солдат и сержантов второго отряда необходимо обязательно избавиться. Я сам лично участвовал в таких мероприятиях по «перетаскиванию» хороших солдат к нам во второй батальон. Теперь, по прошествии многих лет остается лишь искренне покаяться в содеянном нами деянии перед коллегами капчагайцами.

Процесс взаимного перетекания личного состава по принципу: «Возьми-ка, Боже, то, что мне не гоже», - был прекращен после «строгого окрика» из Москвы, который, видимо, прозвучал с подачи руководства Разведывательного управления Среднеазиатского военного округа, которому стало известно, видимо, не без помощи наших, естественно, коллег-капчагайцев, о том, как в Чирчике безжалостным образом перетасовывается личный состав, предназначенный для 22 бригады специального назначения.

В результате, последовал устный приказ из ГРУ ГШ, запретивший командиру нашей части подполковнику Колеснику самопроизвольное перемещение солдат и сержантов из одной бригады в другую. Однако к началу летнего периода обучения 1976 года дело, в основном, было уже сделано и переводить из одной бригады в другую оказалось никого не надо, так как всех, кого хотели командиры подразделений-чирчикцы, уже давно перевели и оформили это соответствующими приказами.

Как это часто бывает, реорганизация, задуманная для совершенствования и улучшения какого-то дела или процесса, не всегда достигает конечных и самых благих целей. Вот и после раздела Чирчикской обрСпН на две бригады многим стали очевидны негативные моменты, явившиеся результатом данного мероприятия. Прежде всего, это было связано с

тем, что по количеству личного состава Чирчикская бригада спецназ, как, впрочем, и Капчагайская, уменьшились примерно в два раза по сравнению с первоначальной численностью 15 отдельной бригады специального назначения.

Вспоминаю, как перед началом летнего периода обучения, где-то в середине мая 1976 года, командир Чирчикской бригады подполковник В.В.Колесник на плацу впервые построил свою часть, в соответствии с новым штатом. Начальник штаба подполковник А.А.Овчаров ходил за ним с штатно-должностной книгой части, зачитывал фамилии офицеров, прапорщиков, сержантов и солдат в том порядке, в котором они были указаны в приказе, определявшем те наши должности, которые все мы должны были занимать по новым штатам бригады.

Когда все военнослужащие заняли свои места в строю бригады, я, покрутив вокруг себя головой, вдруг к своему удивлению заметил, что «наши ряды даже очень сильно поредели». А «поредели» они настолько, что Чирчикскую бригаду стало просто не узнать. В отличие от того, что мы все привыкли видеть, когда бригада в полном составе стояла в строю на плацу, сейчас, после ее «сиквестирования», она стала, образно говоря, светиться, вернее сказать, просматриваться насквозь через редкие ряды стоявших в строю солдат сержантов и офицеров. Роты спецназ, по сравнению с теми, какими они были раньше, до этой самой реорганизации, казались урезанными, усеченными и какими-то неполноценными. Помню, что я тогда подумал: «Как же будем теперь служить? Ведь с такой «жидкой» организационно-штатной структурой и с таким малым количеством личного состава бригады мы из нарядов просто вылезать не будем».

Как можно догадаться, мои опасения, да и опасения большинства моих сослуживцев-чирчикцев оказались далеко небеспочвенными. В отрядах специального назначения обеих бригад, вместо трех рот специального назначения и роты связи, осталось лишь по две роты спецназ. При этом роты связи из отрядов спецназ вообще убрали, а личный состав перевели в отряд специальной радиосвязи. В ротах спецназ, вместо четырех групп, стало по три группы специального назначения. Снижение численности военнослужащих в 15 бригаде спецназ сразу же выразилось в том, что и офицеры, и солдаты стали на порядок больше ходить в наряды и на дежурства, а следовательно, меньше времени у нас оставалось на боевую подготовку. Если раньше любая рота бригады, как правило, заступала в наряд по части один – максимум два раза в месяц, то теперь – стабильно раз в неделю со всеми вытекающими из этого негативными последствиями для процесса боевой и политической подготовки.

Как потом оказалось, сокращение 15 отдельной бригады специального назначения ровно вдвое не было самым пагубным для нее. В конце концов, в Вооруженных Силах СССР довольно большая часть бригад спецназ имела штатную структуру, подобную нашей. При правильной организации процесса боевой и политической подготовки командиры таких бригад добивались высоких результатов в обучении спецназовцев и воспитании у них готовности выполнить любое задание Командования. Вот и нам оставалось лишь надеяться, что и в 15 отдельной бригаде спецназ ничего, кроме организационно-штатной структуры, ни коим образом не изменится.

Однако, как известно, «новая метла по-новому метет», а наша «метла» теперь находилась уже не в Алма-Ате, а в Ташкенте, в штабе Туркестанского военного округа. А именно поэтому Чирчикская бригада спецназ, несмотря на то, что являлась одним из самых боевых соединений округа, по приказам руководства штаба ТуркВО, чем дальше, тем все больше и чаще, стала привлекаться на различного рода хозяйственные работы, чего раньше, когда она находилась в составе Среднеазиатского военного округа, просто не было.

Нам и раньше было известно, что Туркестанский военный округ, будучи в Вооруженных силах СССР округом третьего разряда, в основном занимался не столько боевой подготовкой, сколько строительством и совершенствованием своих военных городков и различных военных объектов. При этом многие из нас наивно полагали, что уж бригаду-то специального назначения, после ее переподчинения Ташкенту, задействовать на хозяйственных работах не будут. Ведь кому-кому, а нам-то как никому другому надо усиленно заниматься совершенствованием своего боевого мастерства. Однако те, кто так думал, в том числе и я, как оказалось, весьма глубоко ошибались.

Первым звонком, который заставил всех нас глубоко задуматься над этой проблемой, было то, что после очередного посещения бригады одним из заместителей командующего ТуркВО, подполковник Колесник на совещании офицеров объявил, что командованием округа принято решение коренным образом перестроить весь военный городок нашей части и через пять лет превратить его в лучший городок Туркестанского военного округа. Казалось бы, кто же против совершенствования и улучшения учебно-материальной базы и жилого фонда части. Однако, если четырехэтажный, трехподъездный жилой дом для офицеров бригады и полка гражданской обороны должны были, согласно планам окружного руководства, возводить стройбатовцы, то казармы, боксы для техники в автопарке и другие объекты на территории бригады придется строить, как пояснил командир части, хозяйственным способом, то есть силами исключительно нашего любимого личного состава. А это коренным образом меняло дело, так как однозначно предполагало массовый отрыв людей от боевой подготовки с вытекающим из этого снижением уровня боевой готовности наших спецназовцев, да и бригады в целом.

Ну, а на момент передачи в Туркестанский военный округ наша бригада представляла из себя настоящую картинку, которой мы, младшие командиры, да и все её начальники просто не переставали любоваться и гордиться. Сейчас очень приятно вспоминать о том, какое удивление и восхищение у различного рода многочисленных проверяющих из штаба Туркестанского военного округа, понаехавших в период раздела и передачи 15 обрСпН в состав ТуркВО, вызывал уровень её боевой готовности, дисциплины и внутреннего порядка. Многие офицеры штаба Туркестанского военного округа откровенно говорили нам, что за всю свою долгую военную службу им еще никогда не приходилось видеть такой хорошей организации боевой и политической подготовки, такого высокого уровня воинской дисциплины и внутреннего порядка, как в Чирчикской отдельной бригаде специального назначения.

Кстати, незадолго до того, как Чирчикская бригада была разделена, эта же мысль очень ярко прозвучала и в выступлении полковника Р.П.Мосолова, приехавшего в декабре 1975 года из Алма-Аты в Чирчик по своим каким-то

делам. Ему, как бывшему командиру нашей части, предоставили возможность выступить на торжественном собрании, посвященном очередной годовщине образования 15 обрСпН. С трибуны собрания Роберт Павлович сказал, что, будучи начальником отдела службы войск штаба Среднеазиатского военного округа, прекрасно знает, как порой отвратительно организована боевая подготовка и служба войск в других частях и соединениях округа, в которых ему по долгу службы часто приходится бывать с различного рода проверками. «Я считаю, - сказал тогда полковник Р.П.Мосолов, - что на контрасте с теми воинскими частями, в которых я бывал в качестве начальника отдела службы войск Среднеазиатского военного округа, нашу бригаду за тот высочайший уровень боевой готовности, порядок и дисциплину, которые в ней постоянно поддерживаются, надо покрыть толстым слоем золота!» - эти слова бывшего командира бригады буквально «потонули» в бурных и продолжительных аплодисментах, а вернее в непрекращающихся овациях всего личного состава нашей части.

А тем временем процесс раздела 15 отдельной бригады специального назначения шел своим чередом. Чирчикская бригада с началом летнего периода обучения 1976 года приступила к плановым занятиям, а Капчагайская – готовилась к убытию в Среднеазиатский военный округ. Вернее будет сказать, что капчагайцы лишь изображали свое участие в плановой боевой и политической подготовке. В то время, когда чирчикцы занимались, капчагайцев всеми правдами и неправдами старались по максимуму использовать на различного рода хозяйственных работах по облагораживанию городка Чирчикской бригады. Ведь все прекрасно понимали, что планы командования Туркестанского военного округа никто отменять не собирается, при этом чирчикцы еще успеют потрудиться на свое благо.

В июне обе бригады в Чирчике отпрыгали положенную им программу прыжков с парашютом из Ан-2 и Ан-12, а в июле капчагайцы воинским эшелоном убыли к своему новому месту службы в город Капчагай Алма-Атинской области Казахской ССР. Жаль, что военная судьба заставила расстаться с друзьями, хорошими товарищами и сослуживцами, с которыми мы прослужили почти два года. В Капчагай уехали А.Бабенко, В.Боев, Н.Ершов, А.Задорожный, И.Ревин, В.Устинов, Чайка, А.Юрченко и многие другие наши сослуживцы.

ПОД ОПЕКОЙ ТУРКЕСТАНСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

Однако, как говорят в таких случаях, «нет худа без добра». Одним из положительных моментов перевода 15 бригады спецназ в состав Туркестанского военного округа являлось то, что ее стали намного чаще, чем раньше, когда мы были в составе Среднеазиатского военного округа, привлекать на различного рода окружные учения. За короткий промежуток времени, во время зимнего периода обучения 1976 учебного года, когда 15 обрСпН еще фактически не была разделена на две бригады, наши спецназовцы из первого и второго отрядов имели хорошую возможность объездить многие районы Узбекистана и Туркмении.

Во время разного рода учений войск ТуркВО разведывательные группы специального назначения бригады выполняли задачи по ведению разведки мест дислокации соединений и частей округа, а также по проведению различных специальных мероприятий. Как правило, одновременно с нами учения проводили территориальные органы КГБ Узбекистана и военная контрразведка Туркестанского военного округа, которые, действуя против нас, выполняли свои задачи по пресечению действий разведчиков специального назначения, диверсантов и т.д. Могу с гордостью отметить, что лишь изредка наши разведывательные группы возвращались в часть, как говорят в таких случаях, «на щите», но в основном – «со щитом».

Впервые Туркестанский ВО привлек второй отряд 15 обрСпН к окружным учениям в январе 1976 года. Группы спецназ отряда выполняли задачи по разведке мест постоянной дислокации различных частей и соединений ТуркВО, а также районов их боевого применения, рубежей и районов развертывания.

В связи с тем, что спецназовцы в ходе выполнения поставленных задач использовали полуагентурные методы ведения разведки, то есть легендировались под местных жителей или военнослужащих других войск, офицерам и солдатам бригады пришлось переодеваться и экипироваться, как у нас говорили, по пехотному, а точнее под тот род войск или вид вооруженных сил, против которого предстояло действовать на учениях. После того, как учения закончились рассказов и разговоров в бригаде было множество, так как большинство солдат, да и многие офицеры в подобного рода учениях раньше, когда мы были в составе Среднеазиатского военного округа, участия не принимали или участвовали очень давно.

В тот период, когда наш второй отряд «воевал» на этих окружных учениях, я был в отпуске, поэтому в них не участвовал, однако в начале марта на территории Туркестанского военного округа должно было проводиться стратегическое учение ВС СССР с частичным привлечением войск ТуркВО. Теперь очередь дошла до первого отряда 15 бригады спецназ, который выделял

разведывательные группы специального назначения для действий на стороне как «северных», так и «южных» воюющих группировок войск.

Как оказалось, в первом отряде не во всех ротах был полный комплект командиров, поэтому одну из разведгрупп, к моей радости, было приказано возглавить мне. Помню, как после получения этого приказа, командир нашей роты Саша Тимченко инструктировал меня, обращая особое внимание на необходимость с высоким качеством выполнить все поставленные моей группе задачи при строгом и неукоснительном соблюдении мер безопасности и конспирации. Кроме всего прочего, основная мысль Александра сводилась к тому, что я должен отработать на учении так, чтобы ни ко мне, а, следовательно, в моем лице, к нашему второму отряду в целом не было никаких, даже минимальных претензий. В противном случае, это может рассматриваться командованием первого отряда, откровенно заявил Тимченко, «как преднамеренные действия со стороны второго отряда с целью дискредитации первого отряда и снижения его оценки за участие в этих учениях».

Не смотря на то, что я заверил Александра в том, что готов сделать все от меня зависящее, Тимченко, еще раз поясняя свою мысль, заявил, что на предыдущих учениях действия второго отряда бригады были очень высоко оценены командованием округа, теперь настало время получения соответствующей оценки первым отрядом. Если я, например, не выполню свою боевую задачу, то в первом отряде это может быть расценено в качестве «преднамеренных происков со стороны нашего отряда», чтобы дискредитировать его. А, допускать этого никак нельзя.

В общем говоря, в словах моего командира роты была своя сермяжная правда. Как известно, на фоне официально проводимого и широко пропагандировавшегося в массах солдат и офицеров социалистического соревнования, в 15 обрСпН между первым и вторым отрядами существовало также еще и совершенно негласное, а порой довольно жесткое, соперничество, конкуренция и, я бы даже сказал, борьба. Видимо, от того, чтобы я сделал в ходе учения все, от меня зависящее, и не попал в жернова жесткого противоборства двух отрядов, и предостерегал меня дальновидный и предусмотрительный Саша Тимченко.

Тем временем разведгруппа, первого отряда которой мне поручено было командовать, готовилась к участию в учении. Бойцы срезали со своей формы голубые погоны, петлицы и нарукавные знаки с десантной эмблемой, сняли и передали старшине роты на хранение парашютные значки, получили в каптерке пехотные знаки отличия, которых в бригаде было в достатке еще с многочисленных предыдущих учений. Кроме того, для моей группы на всякий случай было припасено два комплекта зимней гражданской одежды. Для перевозки и маскировки радиостанции бойцы приспособили небольшой чемодан, из числа подготовленных солдатами на дембель. Чемодан предполагалось в случае проверок выдавать за мой немудреный офицерский скарб, который обычно бывает у простого пехотного командира во время учений. Имущество всех наших солдат уложили в обычные армейские вещевые мешки, которые почему-то в армии назывались не совсем благозвучным названием «сидоры».

В штабе бригады я получил комплект шифров, а мои радисты – программу связи на весь период учений. Кроме того, мне выдали справку, подписанную командиром войсковой части 64411 подполковником В.В.Колесником, в которой было написано, что она дана лейтенанту такому-то «в том, что он и сопровождаемые им лица в количестве двенадцати человек выполняют задачу на тактическом учении. Предъявитель, сопровождаемые, их оружие и снаряжение задержанию и досмотру не подлежат». При этом указывалось, что справка действительна при предъявлении удостоверения личности офицера.

Когда в бригаде проводился строевой смотр разведывательных групп, которые должны были принимать участие в учении, то небольшие недостатки в экипировке и внешнем виде все-таки были обнаружены. Прежде всего, наблюдательные сотрудники контрразведывательных органов «противника» могли бы обратить внимание на наши десантные автоматы со складывающимися прикладами, которых в пехоте, да и в других родах войск, как правило, нет. Темные овалы от нарукавных знаков на рукавах выцветших на солнце солдатских гимнастеров, а также дырки и темные пятна, оставшиеся от парашютных значков, так же могли броситься в глаза внимательному наблюдателю. Правда, в связи с тем, что учение проводилось в марте месяце, эти небольшие недостатки можно было скрыть под пехотными бушлатами, в которые были одеты все солдаты и сержанты группы.

Кроме того, контрразведчики или наблюдательные военные могли бы обратить внимание на то, что у нас имелось большое количество нехарактерных для пехоты сухих пайков. Однако данное обстоятельство могло нас выдать лишь в том случае, если «наблюдательный противник» будет находиться с разведчиками в вагоне поезда и увидит, что в пайках совершенно не тот набор продуктов, который должен быть в пехотных пайках. В остальном же, наличие больших коробок с сухим пайком мы постарались использовать в свою пользу. В связи с тем, что все разведгруппы выводились в районы разведки на обычных пассажирских поездах, а дорога туда и обратно занимала четверо суток, то откровенно «чмошный» вид солдат, несущих на посадке в поезд коробки сухого пайка, совершенно не наводил на мысль, что это бравый советский спецназ выдвигается в районы боевых действий. А за двое суток пути в районы разведки часть съестных припасов бойцами обязательно должна была быть съедена, что в определенной степени решало эту проблему.

Первые четыре группы спецназ 15 обрСпН, в том числе и моя, убывали в район проведения учения из Ташкента поездом 4 марта. Офицеры ехали в купейном вагоне, а солдаты и сержанты – в общем. Ровно двое суток мы провели в поезде. Этого времени было вполне достаточно, чтобы окончательно завершить подготовку разведчиков к учению. Поэтому командиры и заместители командиров групп использовали представившуюся возможность, чтобы поработать с личным составом, а также еще раз уяснить поставленные перед нами задачи, оценить обстановку в районах ведения разведки и выработать возможные варианты действий своих разведгрупп в зависимости от конкретно складывающейся ситуации в районах, определенных нашим разведывательным группам.

Хоть было и не положено рассказывать своим сослуживцам о тех задачах, которые поставило нам командование, но офицеры и прапорщики в поезде, тем не менее, обсуждали и стоящие перед нашими группами задачи, и возможные способы их выполнения. Оказалось, что у всех четырех групп спецназ была одна и та же задача – ведение разведки войск, участвующих в учении, только районы разведки были у каждого подразделения совершенно разные.

Нашей группе была поставлена задача, действуя на стороне «северных» вести разведку передвижения войск «южных» в одном из районов горного хребта Копетдаг, который находился южнее железнодорожной станции Бами, расположенной примерно по середине между Ашхабадом и Красноводском. Изучение по карте и анализ физико-географических условий местности показали, что войска могут прибывать в наш район по автомобильной дороге Ашхабад - Красноводск или по железной дороге воинскими железнодорожными эшелонами, разгружать которые в этих местах можно было лишь на небольшой железнодорожной станции Бами. От этой станции в район разведки, назначенный нашей группой, вела всего лишь одна улучшенная грунтовая дорога, миновать которую войскам «противника» было практически невозможно из-за сильно пересеченной горной местности, простиравшейся к югу от железной дороги Ашхабад - Красноводск.

В результате всего комплекса проведенной предварительной работы по уяснению задачи и оценке обстановки в районе предстоящих разведывательных действий нашей разведывательной группы специального назначения, мною было принято следующее решение: после десантирования из поезда примерно в 4 часа утра 6 марта 1976 года наша группа, обходя железнодорожную станцию и станционный поселок Бами с востока, с соблюдением строгих мер безопасности ускоренным шагом до наступления светлого времени суток преодолевает открытый равнинный участок местности, расположенный к югу от железной дороги, и к рассвету 6 марта выходит в предгорья хребта Копетдаг.

Затем с соблюдением повышенных мер безопасности разведывательная группа, двигаясь строго на юг, к 14:00 выходит к границе района разведки, где в непосредственной близости от грунтовой дороги, ведущей в район, подбирает и оборудует базу для группы и наблюдательный пункт (НП), с которого, организывает постоянное наблюдение за передвижением войск «противника» по дороге в целях выявления их боевого и численного состава, а также направления выдвижения. Результаты разведки постоянно шифротелеграммами докладываются в Центр. Кроме того, мною было принято решение, в предгорьях, в удобном и легко ориентируемом и описываемом месте, заложить в тайник такое количество сухого пайка, какое необходимо группе на период ее возвращения поездом от станции Бами до Ташкента.

После того, как наша разведгруппа десантировалась, мы, где бегом, где быстрым шагом, с востока обходя станцию и населенный пункт Бами, устремились на юг, к горному хребту Копетдаг, вершины которого были отчетливо видны на фоне предрассветного неба. Примерно через час пути разведывательная группа вышла в тот район, где, по нашему предположению, можно было подобрать место и безопасно оборудовать надежный стационарный тайник для хранения двух стандартных картонных коробок с

сухим пайком. Как и предполагалось, после изучения этого места по карте, тайник было решено оборудовать в непосредственной близости от линии электропередач, точно «привязав» его местоположение к одному из столбов ЛЭП с обозначенным на нем номером.

Место расположения тайника и порядок его отыскания по номеру столба линии электропередач я довел до каждого разведчика. И пока все остальные разведчики отдыхали, двое бойцов быстро выкопали яму, в которую затем и заложили коробки с сухим пайком. Когда место замаскировали, я еще раз показал всем разведчикам, где находится тайник и как его, в случае необходимости, каждый разведчик может без особого труда найти.

После этого разведгруппа вновь бегом двинулась на юг, к горам, где можно было несколько сбавить темп, так как даже в светлое время предгорья, а тем более горы позволяли обеспечить сравнительно безопасное передвижение разведчиков. В конце концов, часам к 12 дня мы поднялись в горы на такую высоту, где можно было не опасаться случайной встречи с «противником» и с его контрразведкой.

Однако, только мы несколько успокоились по поводу того, что удалось без происшествий преодолеть, казалось бы, самую опасную равнинную и предгорную часть нашего пути, как вдруг, совершенно неожиданно послышался звук летящего где-то совсем рядом вертолета. Разведчики по моей команде моментально бросились на землю там, где их застала команда, и замерли. Вертолет Ми-8 буквально на несколько секунд «вынырнул» из-за одной из горных вершин и так же неожиданно скрылся из поля нашего зрения за другой горой.

Ми-8, который, как можно было судить, принадлежал пограничным войскам, уже давно улетел, а мы все лежали и переводили дух. Видимо, каждый из нас благодарил судьбу зато, что хранила она нас от нежелательной встречи с таким грозным для разведчиков спецназ «противником», каким является вертолет пограничных войск, совершавший, видимо, облет приграничной зоны. Если бы нас заметили пограничники, то в покое они бы нас уже не оставили до тех пор, пока бы не поймали.

Постепенно к 14 часам группа вышла к границе назначенного нам района разведки. По пути к нему в Центр были направлены две шифртелеграммы, в которых я доложил об успешном десантировании группы, а также о начале выполнения поставленной боевой задачи. Кроме того, дал точное и подробное описание заложенного группой тайника и его содержимого.

Теперь основная задача состояла в том, чтобы подобрать место для наблюдательного пункта, дававшего нашей группе возможность круглосуточно вести наблюдение за дорогой, по которой войска «противника» могут осуществлять движение в район их боевого предназначения. В непосредственной близости от наблюдательного пункта также надо было найти место для надежного базирования разведгруппы, которое должно обеспечивать скрытность и безопасность расположения разведчиков и давало бы возможность постоянно и надежно поддерживать устойчивую и бесперебойную радиосвязь с Центром.

И выбранный нами наблюдательный пункт, и место для базы группы мы нашли без особых временных потерь. НП казался мне просто идеальным, так

как находился на повороте дороги, которую нам предстояло контролировать. Он позволял просматривать горную дорогу примерно на полтора километра в сторону железнодорожной станции Бами и метров на 400 - 600 в сторону гор. Кроме того, наблюдательный пункт находился на высоте примерно 30 метров над дорогой, от которой, что самое главное, его отделял довольно крутой откос, надежно обеспечивающий разведчиков от случайной встречи с «противником», которому вздумалось бы обследовать район, прилегавшей к наблюдательному пункту местности.

Именно в этом достоинстве нашего НП мне и еще двум разведчикам пришлось в последствии убедиться, как говорят в таких случаях, «на собственной шкуре». Однако об этом позже. Еще одной немаловажной особенностью наблюдательного пункта нашей группы было то, что над местом, где должны были размещаться, а вернее лежать, разведчики-наблюдатели, нависал широкий каменный козырек, который хоть и немного, но все-таки защищал нас от дождя и снега, которые попеременно шли в течение трех последующих суток.

Подобранная нами база для расположения нашей разведывательной группы также, в основном, отвечала предъявляемым к ней требованиям. Она находилась примерно в 300 метрах от наблюдательного пункта и располагалась в довольно глубокой котловине, которая надежно скрывала разведчиков от глаз «противника», то есть сотрудников особых отделов и сотрудников КГБ, пограничников, чабанов, местных жителей и т.д. Нас можно было заметить или, например, в реальных боевых условиях обстрелять лишь с высокой горной вершины с отвесными склонами, расположенной в двух с лишним километрах к югу от базы. Однако появление на этой горе людей было весьма маловероятно.

Место расположения разведгруппы также позволяло нам методом наблюдения надежно контролировать обстановку на дальних подступах к нашей базе с востока и северо-востока. А северное и западное направления прикрывались разведчиками, находящимися на основном наблюдательном пункте. Радисты, в свою очередь, сразу же опробовали базу с точки зрения надежности поддержания с нее радиосвязи с Центром и заверили, что это место очень хорошо обеспечивает устойчивую связь и с Ташкентом, и с Чирчиком.

Посоветовавшись с сержантами, я распределил среди разведчиков обязанности и довел до каждого из них порядок действий по боевому расчету на случай неожиданного появления на дальних и тем более ближних подступах «противника» к базе. Назначен был также пункт сбора разведчиков, если группа будет «рассеяна», время действия пункта сбора и пароль. После короткого инструктажа все приступили к работе. Кто-то направился на наблюдательный пост, кто-то занялся подготовкой ужина, а остальные - оборудованием мест отдыха. В направленной в это время в Центр телеграмме содержался довольно обстоятельный доклад о проведенных группой мероприятиях и сообщены полные географические координаты нашей базы.

Наблюдение за дорогой до конца дня 6 марта никаких результатов не дало. По ней не прошло ни одной единицы военной техники, более того, по ней вообще никто не ездил и не ходил. Создавалось впечатление, что она совсем не используется. Однако нам выбирать было не из чего, ведь перед нашей группой стояла вполне определенная задача, которую нам надо было выполнять. В

конце концов, даже если по этой горной дороге не пройдет ни один солдат, не говоря уже о военной технике, и мы об этом доложим в Центр – это тоже вполне определенный результат ведения разведки. Нашему Командованию, как можно представить, важно знать не только о том, где находятся войска «противника», их состав, чем они занимаются и что намерены делать, но также и о том, в каких районах у противника войск вообще нет. Так что наша задача состояла в том, чтобы найти «противника» в указанном районе и описать его действия, или доложить в Центр, что противника там не было и нет.

К вечеру 6 марта погода совсем испортилась. Уже не время от времени, как это было днем, а постоянно шел дождь со снегом, дул сильный ветер, температура постепенно понижалась. Разведенный небольшой костер на базе группы совершенно никого не согревал, поэтому всю ночь разведчики провели в неравной борьбе с холодом, дождем и снегом. Тогда я подумал о том, что еще неизвестно, что было в ту ночь лучше, пытаться заснуть, лежа на мокрой холодной земле, накрывшись плащ-палаткой, или нести службу по охране и обороне базы группы, то есть быть занятым хоть каким-то делом, и хоть немного, но двигаться, чтобы не обращать внимания на тот холод и сырость, которая была вокруг.

Утром всем нам было смешно смотреть друг на друга. Пробудившиеся бойцы выглядели не отдохнувшими и посвежевшими, а наоборот уставшими, замученными и помятыми. Такой же вид был, конечно же, и у их командира. Первое, с чего начался день 7 марта, был утренний сеанс связи с Центром. Радисты начали разворачивать Р-354, и тут меня, да и всех, кто был рядом с нашими радистами, охватил настоящий ужас. Когда я увидел, что корпус радиостанции Р-354 нашей группы сверху покрыт тонкой коркой льда, то от такой картины я просто потерял дар речи. Сержант-радист тоже смотрел на свою станцию широко раскрытыми от удивления глазами. Я уже представил, что Р-354 безнадежно вышла из строя, а следовательно, связи с Центром нет, со всеми вытекающими из этого последствиями для выполнения поставленных нашей разведывательной группе задач, для меня лично, первого батальона, 15 обрСпН и т.д, вплоть до Генерального штаба ВС СССР. Невольно пришлось вспомнить инструктаж Саши Тимченко перед выездом на эти учения. Я в буквальном смысле «спинным мозгом», как говорят в таких случаях, почувствовал свою личную ответственность перед первым отрядом нашей бригады, да и перед всей бригадой за действия моей группы в тылу «противника». Бойцы моей группы также были поражены всем увиденным. Зная, как радисты в буквальном смысле «пекутся» над своими станциями, а тут вдруг увидеть такое было выше наших сил.

Оба радиста, аккуратно отколупывая тонкие пластины льда с корпуса станции, пытались оправдаться тем, что прошлым вечером тщательно накрыли ее плащ-палаткой, а серебряно-цинковые аккумуляторы к ней всю ночь держали у себя под бушлатами, согревали их теплом своих тел, чтобы они не замерзли. Однако, как оказалось, через небольшую дырку в плащ-палатке дождевая вода, а затем и таявший на плащ-палатке снег всю ночь стекали на станцию. А этого никто не предусмотрел. Когда радисты открыли крышку станции, перед нашими взорами предстала еще более удручающая картина. Панель управления также, как и корпус Р-354, были покрыты тонкой коркой

льда, и что самое плохое, лед, к нашему ужасу, покрывал устройство полуавтоматической передачи, которое считалось одним из самых «нежных» мест во всей радиостанции. Это была ужасная картина, смотреть на все это без слез было невозможно.

Читатель может живо себе представить, какая буря чувств в тот момент была у радистов, у меня, да и у всех разведчиков группы, когда мы, словно замороженные, смотрели на скованную льдом панель управления станции. Для нас было ясно, что все наши усилия по разведке «противника» могут оказаться пустыми хлопотами, если наша радиостанция откажется работать.

Однако радисты постепенно начали «реанимировать» нашу несчастную радиостанцию Р-354. Сначала они аккуратно оббили лед с панели управления, затем попытались понажимать кнопки устройства полуавтоматической передачи, которые не очень хотели нажиматься, так как под кнопками тоже был лед. Радистам пришлось отогревать кнопки своим собственным дыханием. Как только к станции были подключены аккумуляторы, все разведчики, которые плотным кольцом окружили воркующих над своим «несчастливым ребенком» радистов, замерли в ожидании результата. Когда же станция в буквальном смысле «оживила» и заработала, несмотря на те издевательства над ней, которые длились целую ночь, у всех вырвался вздох облегчения. При этом больше всех, именно как дети, радовались сами радисты.

Искренне обрадованный тем, что радиостанция оказалась в исправном состоянии, я быстро зашифровал телеграмму, в которой было всего несколько слов: «Продолжаю выполнять поставленную задачу». Через минуту данная шифртелеграмма ушла на Пункт управления начальника разведки штаба Туркестанского военного округа.

Особого смысла, или как говорят в таких случаях, особого информационного повода давать тогда в Центр шифртелеграмму именно такого содержания, в общем-то, не было. Однако нам она оказалась необходима, в основном, для проверки радиостанции, а для Центра, как представляется, всегда очень важно знать, «жива ли» та или иная группа специального назначения. Поэтому лишняя информация по этому поводу никому и никогда не мешает.

Кроме того, в ходе учений любого уровня у нас одним из критериев результативности действий разведгрупп являлся такой показатель, как количество шифртелеграмм, направленных той или иной разведывательной группой специального назначения в Центр. Исходя из этого критерия, данная телеграмма легла монетой определенного достоинства в копилку нашей группы. Однако для всех нас, которые видели, в каком состоянии «после ночевки» была наша радиостанция, основная ценность этой шифртелеграммы, в основном все-таки, заключалась в том, что она просто на просто без всяких проблем прошла в Центр. Это искренне радовало каждого разведчика группы и особенно радистов.

К нашему удивлению, недоумению и, конечно же, к сожалению, весь день 7 марта также, как и предыдущий день, прошел без всякого намека на то, что наша группа может принести хоть какую-то ощутимую пользу в важнейшем деле выявления наличия в данном районе войск «противника». За весь день по «нашей» дороге вновь не прошел и не проехал никто из военных.

Прошла лишь одна «гражданская» машина, о приближении которой мы узнали по звуку ее мотора намного раньше, чем она появилась в поле нашего зрения. Такое положение дел, и читатель может нас понять, энтузиазма нам не прибавляло, но терпение нас не покидало, и мы готовы были и дальше ждать своего звездного часа.

Видимо, намучавшись прошедшей ночью, мои бойцы, которые в течение дня внимательно наблюдали за окружающей базу местностью, чтобы заблаговременно выявить приближающегося к нам со стороны гор «противника», рассмотрели в бинокль небольшой домик километрах в двух от того места, где мы находились. По внешним признакам можно было предположить, что этот домик построен охотниками. В таких домиках они обычно отдыхают или ночуют в ходе многодневной охоты в горах. Поэтому мы дождались темноты и, когда в результате наблюдения за домом стало ясно, что там никто не появился, я отправил одного из сержантов с двумя разведчиками, чтобы они «разобрались» с этим домом.

Оказалось, что это дом или охотников, или чабанов, который, по всем признакам, уже давно не использовался по назначению или использовался лишь в летнее время. С учетом доклада сержанта, а также в связи с тем, что домик был, в общем-то, недалеко от дороги, я решил, что очередную ночь группа может провести в нем. Собравшись, мы с соблюдением мер безопасности, ступая след в след, направилась к дому тем же путем, каким недавно прошел к нему сержант нашей группы с двумя разведчиками.

Осмотр невесть откуда взявшегося дома подтвердил доклад сержанта в том плане, что его довольно длительное время никто не посещал. В нем нашлось эмалированное ведро, большой запас дров и кошма. Осмотр окрестностей дома показал, что для охраны и обороны места расположения группы вполне достаточно выставить два поста. В этой связи, кроме сержантов и радистов, каждый из разведчиков должен был отдежурить ночью по полтора часа. С учетом наших наблюдений и предположений относительно того, что звук от проезжающего по «нашей» дороге автотранспорта должен быть хорошо слышен часовыми, проинструктировал бойцов по их действиям на случай, если ночью они услышат со стороны дороги звук двигателей автомашин или, тем более, танков.

Предварительно были распределены обязанности личного состава на случай нападения «противника». Выставив первую смену часовых, мы завесили единственное окно дома плащ-палаткой, чтобы свет от костра, разведенного в помещении, не пробивался наружу, разожгли огонь, набрали ведро воды из колодца, который находился рядом с домом, и приготовили вкусный суп из сухого пайка. Плотно поужинав, разведчики моментально в буквальном смысле завалились спать.

Примерно до трех часов ночи все было спокойно. Один раз я и дважды сержанты по очереди выходили из дома для проверки несения службы часовыми. Где-то около 3:30 один из часовых зашел в домик и, разбудив меня, на ухо прошептал, что на станции слышны звуки работы танковых двигателей. Хоть часовой и говорил тихо, но все разведчики проснулись, а некоторые даже стали собираться. Однако я остановил их, и мы с часовым вышли на улицу. Действительно, со стороны железнодорожной станции Бами доносился хорошо

слышимый звук работающих танковых двигателей. Это могло свидетельствовать о том, что там, на железнодорожной станции, началась разгрузка военной техники, и танков в том числе.

Когда я вернулся в дом, никто из разведчиков уже не спал. На их лицах был немой вопрос: «Какие будут указания?» Я коротко сообщил о том, что, судя по звукам, доносящимся со станции Бами, там действительно началась разгрузка военной техники. В этой связи дал команду быстро приготовить завтрак, сразу после которого нам надо будет выдвигаться на базу и организовывать наблюдение. А сам принялся за написание и шифрование телеграммы в Центр.

Все бойцы дружно занялись каждый своим делом. Склонившись над блокнотом с текстом телеграммы, я изредка поглядывал на них и поймал себя на мысли, что разведчики действуют совершенно молча, споро и без суеты, как будто до этого долго тренировались в проведении сбора группы после ночного отдыха. Лишь один из сержантов тихим голосом подавал команды, что и где поставить или положить, а также как свернуть кошму, на которой мы спали, чтобы привести все в первоначальный вид и не оставить никаких следов нашего пребывания.

В это время кто-то из бойцов тихо и задумчиво сказал: «А ведь сегодня 8 марта, Международный женский день». Я, видимо, так же, как и мои подчиненные, поймал себя на мысли, что в этих по-настоящему боевых заботах совершенно забыл, что сегодня женский праздник. Посмотрел на копошащихся вокруг меня разведчиков. Внешне никто из них никак не отреагировал на это напоминание, однако, думаю, что каждый из них, конечно же, думал о чем-то о своем, вспоминал что-то из своей гражданской жизни. Думаю, что каждый из них вспомнил о своей матери, девушке, одноклассницах. Кто-то, наверное, вспоминал, что он делал в этот день тогда, когда был дома или учился в школе. Кто-то строил планы на будущее, думал о том, как он будет встречать этот праздник, когда вернется домой после службы в нашей бригаде.

А тем временем, присев в углу так, чтобы никому не мешать, я написал телеграмму в Центр о том, что «звук работающих танковых двигателей, доносящиеся с железнодорожной станции Бами, могут свидетельствовать о том, что в 3:30 8 марта на станции началась разгрузка военной техники». Ссылка на «звук работающих двигателей» в данном случае была совершенно обязательной, так как ни я сам лично, ни мои разведчики этой разгрузки не видели, и мы могли судить о ней лишь по косвенным признакам, которыми и являлись эти самые «звук». Возможно, кто-то из спецназовцев 15 бригады специального назначения или войсковых разведчиков, действовавших за «северных», в это время как раз лично наблюдал за выгрузкой техники и также докладывал Командованию об этом. В данном случае моя шифртелеграмма всего лишь имела целью подтвердить информацию наших коллег-разведчиков из других разведывательных подразделений.

Тем временем радисты развернули радиостанцию, при этом конец антенны зацепили за одну из балок крыши дома, а противовес «выкинули» на улицу через окно, которое выходило строго на восток. «Если не заработает, то выйдем из дома и развернем станцию там, - сказал радист, настраивавший Р-354, - поднимем повыше антенну и сориентируем противовес как положено».

Однако радисты, можно сказать, «моментально» вошли в связь с Ташкентом и с первой «потычки» передали нашу телеграмму.

У многих из нас в этой связи создалось впечатление, что в 4 часа утра в Центре только и делали, что ждали именно наш доклад. Пожимая руки радистам, я громко, чтобы слышали все разведчики, сказал, что скорость, с которой в Разведывательном управлении Туркестанского военного округа приняли нашу информацию, свидетельствует о том, что Командование ждет ее и искренне надеется, что разведка, как и положено «доложила точно». Однако сам подумал, что, если бы на соревнованиях групп спецназ прошлым летом связь с Центром работала также хорошо, то моя группа не оказалась бы на шестом месте, а мои радисты не стали бы «воспитывать» радистов-центровиков совершенно неуставными методами.

Позавтракав на скорую руку, мы, не оставляя следов своего пребывания в доме, ушли на базу, где каждый боец и радист занял свое место, согласно боевому расчету. Я же вместе с одним из разведчиков заняли места на оборудованном наблюдательном пункте.

Когда совсем расцвело, пришлось еще раз проверить заранее подготовленные проекты телеграмм в Центр с тем, чтобы, когда придет время, только вставить в их тексты цифры с количеством боевой техники, географические координаты и точное время прохождения техники мимо нас. Это давало возможность до минимума сократить время на подготовку докладов Командованию. При условии, что находящиеся на базе радисты смогут быстро зашифровывать радиogramмы (а в этом у меня, в общем-то, никаких сомнений и не было), и они с минимально возможными временными потерями передадут в Ташкент на Пункт управления начальника разведки Туркестанского военного округа ту информацию, которую необходимо.

Примерно через полтора часа боец, который лежал со мной на НП, «слезно запросился в «тыл», так как, по его словам, ему оказалось очень трудно столь длительное время лежать без движения. Пришлось заменить его другим разведчиком, который, как потом оказалось, пролежал без движения около трех часов, но затем тоже «спекся». А я все лежал и ждал, когда же двинется мимо нас техника. А она все не шла. Около 14 часов кто-то из разведчиков принес мне и очередному моему напарнику-наблюдателю разогретые на сухом спирте баночки мясных консервов из сухого пайка, которые мы с ним с удовольствием съели. А долгожданная военная техника все так и не шла, и даже не было слышно никаких звуков, которые могли бы свидетельствовать о ее существовании и, тем более, о ее приближении.

Наконец, где-то около трех часов дня со стороны станции послышался какой-то шум или, вернее, треск, однако достаточно долго даже в бинокль нам не было видно ничего и никого. И вот, наконец-то, на дороге появилось два мотоцикла. Как можно было понять, к нам двигался передовой разведывательный дозор подразделения войсковой разведки тех войск, которые сосредоточились в районе станции Баши.

Перед тем, как выходить в район боевого применения, расположенный где-то в горах Копетдага, войсковые разведчики должны провести разведку маршрута движения основных сил. Когда разведдозор приблизился к нам достаточно близко, мы увидели, что он состоял из пятерых человек на двух

мотоциклах К-750. Мотоциклы двигались по дороге довольно медленно, видимо, внимательно осматривая окружающую местность. В конце концов, войсковые разведчики остановились, и как раз на том повороте дороги, в 30 метрах над которым находился наш наблюдательный пункт.

К этому времени я уже написал телеграмму в Центр о том, что в такое-то время со станции Бами вышел передовой разведывательный дозор, что может свидетельствовать о готовности войск «противника» к началу выдвижения в район боевого применения. Сержанта, который был со мной на наблюдательном пункте, направил с текстом телеграммы на базу и приказал ему сразу же вернуться на НП вдвоем с кем-нибудь из разведчиков, а сам стал наблюдать за мотоциклистами.

Войсковые разведчики, остановившись на обочине горной дороги, вели себя довольно спокойно и даже беспечно, как будто бы были не на военном учении, а на прогулке в горах. Оружия, кроме пистолетов у офицера и прапорщика, видно не было. А два солдата вообще были без оружия. Вероятно, оно находилось в колясках мотоциклов. Разговаривали они очень громко, или, во всяком случае, нам так казалось. Но мне, и тем двум разведчикам, которые ползком добрались до нашего НП, было отчетливо слышно все, что говорили мотоциклисты, особенно когда они ругались матом. Правда, услышать что-либо интересное для нас нам так и не удалось. При этом, когда мы смотрели на «противника» в бинокль, создавалось впечатление, что они «крутятся» у нас перед самым носом. Присмотревшись к офицеру, возглавлявшему передовой разведдозор, я узнал, что он был в звании старший лейтенант.

Хоть наш наблюдательный пункт и находился достаточно высоко над дорогой, и до него было непросто добраться, я все-таки предупредил своих разведчиков о том, что если наши войсковые коллеги вдруг решат подняться к нам на НП «в гости», то будем их «без шума и пыли» брать в плен. Однако все обошлось и наше знакомство с войсковыми разведчиками не состоялось, так как «противник» немного покурил, «оправил естественные надобности», завел мотоциклы и, также не торопясь, двинулся по дороге в горы. Когда они уехали, мой сержант с сожалением и улыбкой сказал:

- Товарищ лейтенант, жаль все-таки, что мы ихпустили.
- А, зачем они нам нужны, - поинтересовался я.
- Да, в общем-то, толку от них для нас мало, ничего они, наверное, не знают. Но можно было бы, хоть сигаретами у них разжиться, - заявил сержант, и мы все дружно рассмеялись.

В это время мы заметили, что к нам, пригибаясь, идет сержант-радист, который последние 20 метров преодолел ползком. На мой вопросительный взгляд, относительно того, зачем он пришел, радист подчеркнуто четко доложил, что телеграмма передана в Центр менее, чем за три минуты. А потом он пояснил, что хотел сам увидеть настоящего «противника». Пришлось его сначала «выдрать» для порядка за нарушение дисциплины, а затем разочаровать в его надеждах и лишь показать то место, где стояли мотоциклы войсковых, недавно уехавших разведчиков.

Минут через 30 со стороны железнодорожной станции вновь послышался звук работающих двигателей. Разведчики заняли свои места. Наблюдая в бинокль, я увидел движущуюся в нашем направлении танковую

колонну. Пока она приближалась, я успел заготовить проект телеграммы. А когда танки прошли мимо нашего наблюдательного пункта, лишь проставил в ней их количество и отправил сержанта с проектом телеграммы на базу для передачи информационной шифртелеграммы в Центр. Так с периодичностью в 30-40 минут прошло еще две колонны боевой техники, о каждой из которых наше руководство в Разведывательном управлении Туркестанского военного округа узнавало практически в реальном масштабе времени.

Замыкала движение войск колонна артиллерии, в составе которой было четыре самоходных артиллерийских установки настолько допотопного вида, что приходилось удивляться тому, как они вообще могут двигаться на своем гусеничном ходу, тем более по горной дороге. По их виду можно было определить, что это гаубицы калибра 152 миллиметра. Артиллерийскую колонну замыкали два бортовых «Урала», полностью загруженных ящиками с боеприпасами. При этом колонна артиллерии направлялась в горы совершенно без боевого охранения, с минимальным количеством личного состава. Так что, если бы нам была поставлена соответствующая задача по недопущению артиллерийской колонны в район ее боевого предназначения, то наша группа справилась бы с ней без особых затруднений и потерь.

Написав телеграмму о выдвижении в район боевого предназначения артиллерии, и отправив ее на базу для передачи в Центр, мы с разведчиком, который был в то время на наблюдательном пункте, начали рассуждать о том, что колонна артиллерии двигалась по пересеченной горной местности с минимальной скоростью совершенно без прикрытия. «Хотя бы мотострелковый или танковый взвод выделили артиллеристам для охраны и обороны», - сокрушались мы. Ведь, например, нашей группе спецназ с ее реальной огневой мощностью ничего не стоило полностью уничтожить артиллерийскую колонну, если бы стояла такая задача.

В общем, в ходе беседы мы пришли к однозначному выводу, что артиллеристам повезло, что у нашей группы была другая задача. В противном случае, им явно было бы несдобровать. На учениях тоже надо соблюдать требования соответствующих наставлений и инструкций по охране и обороне своих войск. Иначе, можно и не доехать до своего района боевого предназначения.

Несмотря на то, что засаду ни на одну из колонн нам устроить не удалось, мы считали свою задачу выполненной, так как все войска «южных», которые входили в район разведки, назначенный нашей группе, мы выявили и, самое главное, своевременно доложили об этом в Центр. В этой связи рассказал своему собеседнику, что, когда писал отправленные сегодня телеграммы, то каждый раз со злорадством приговаривал сам себе, используя выражение полковника Р.П. Мосолова: «Эх, «пехота, вы, драная», не успеете добраться до назначенного места, как вас всех по нашей информации «разбомбит» авиация «северных».

До самой темноты мы с наблюдательного пункта наблюдали за дорогой. Когда я пришел на базу, оставив за себя одного из разведчиков, сержант-радист заявил, что на наблюдательном пункте я непрерывно находился около 10 часов, при этом постоянно лежал под плащ-палаткой, и в то время, когда шел снег, меня полностью заваливало снегом. Все это физически было,

конечно же, тяжело, но издержки и трудности моего состояния с лихвой компенсировались переполнявшим всех нас чувством радости по поводу отлично выполненной в тот день боевой задачи, которая была поставлена Командованием Туркестанского военного округа на данное учение.

В последующие два дня контролируемая нашей группой дорога оставалась пустынной, что нас очень огорчало, так как реальной боевой работы у нас в эти дни не было. Каждое утро мы давали телеграмму о том, что «продолжаем выполнять поставленную задачу». Смысл этих шифртелеграмм состоял в основном в том, что, как у нас в бригаде говорили, «мы живы и здоровы, чего и вам, наши товарищи начальники в Ташкенте, да и в Чирчике, желаем». Другой, более менее, значимой информации для Разведуправления штаба ТуркВО у нас просто не было, так как, видимо, центр боевых действий данных учений переместился в ту сторону, куда ушли колонны боевой техники «южных», разведку которых наша группа обеспечила во время их выдвижения в районы боевого предназначения.

Так мы, лишенные возможности активно вести разведку войск «противника», действительно скучали почти весь день 9 марта. Однако к вечеру нам представился прекрасный случай по-настоящему взбодриться. Где-то около 17 часов, когда уже начало темнеть, ко мне на наблюдательный пункт прибежал запыхавшийся боец, который, прерывисто дыша, начал сбивчиво объяснять, что «кто-то движется в направлении нашей базы». Кто именно движется и какими силами, выяснить мне у него так и не удалось. Однако вид запыхавшегося солдата и его полные неподдельного волнения глаза свидетельствовали о том, что «случилось страшное!»

Сначала я хотел оставить прибежавшего солдата на НП, чтобы он продолжил наблюдение за дорогой, однако по тому, как он бросился собирать плащ-палатки, бинокли и другое снаряжение, находившееся на наблюдательном пункте, я вдруг, наконец-то, понял, что действительно случилось что-то страшное.

Когда мы с бойцом прибежали на базу, солдаты группы уже практически собрали всё оружие и снаряжение, многие начали надевать ранцы и крепить на себе оружие и снаряжение. Однако на мой вопрос, что же все-таки случилось и кто приближается к базе, они тоже ответить толково не смогли. Заместитель командира группы и двое бойцов в это время лежали в метрах 150 от базы, на склоне горы, и внимательно смотрели в бинокли на восток, в сторону горной долины, простиравшейся перед ними. Когда я присоединился к наблюдателям, заместитель командира группы доложил, что со стороны горной долины в нашем направлении строем движется большое количество военнослужащих. С использованием бинокля я тоже попытался внимательно рассмотреть то воинское подразделение, которое спускалось с гор и двигалось в нашем направлении.

Да, действительно в бинокль было хорошо видно, что большое подразделение, как можно было судить, силами до батальона в пешем порядке несколькими колоннами друг за другом двигались в нашем направлении. Постольку поскольку до «противника» было еще довольно далеко, то у нас оставалось достаточно времени для того, чтобы визуально уточнить, состав его сил и средств и намерения, а затем с соблюдением мер безопасности и

конспирации, не попадая в поле его зрения, отойти в безопасный для нас район, где разведгруппа могла бы продолжить выполнение поставленной боевой задачи.

Так, наблюдая за приближением «противника», мы лежали на склоне горы минут 15 - 20 и наблюдали за тем, как достаточно большое количество солдат медленно двигалось в нашем направлении. Переговариваясь друг с другом, мы не могли понять, откуда мог взяться «противник», ведь в том направлении, откуда он выдвигался, были лишь очень высокие горы. Это нам казалось совершенно невероятным.

Вдруг, один из моих бойцов, наблюдавших за приближением «противника», кстати, узбек по национальности, истерически и довольно громко засмеялся. Мы все удивленно посмотрели на него и «зашикали», чтобы он не шумел. А, боец смеялся просто навзрыд и не мог остановиться. На его глазах даже выступили слезы от смеха. В конце концов, наш узбек, несколько отдышавшись от смеха, еле выдавил из себя: «Это же не солдаты, а бараны! Посмотрите внимательно», - и опять заразительно засмеялся во весь голос.

Мы опять взяли за бинокли и в сгущающихся сумерках до боли в глазах стали вглядываться в серую массу, приближающуюся к нам. Только теперь, несмотря на темноту можно было рассмотреть, что за стройные колонны солдат в серых шинелях или бушлатах мы действительно приняли большое по размеру стадо баранов, которое двигалось друг за другом по горным тропам ровными колоннами как настоящие солдаты в строю.

Теперь уже смех одолел и тех из нас, которые лежали на склоне, и тех бойцов, кто находился в районе базы, изготавившихся уносить ноги в безопасное место. Однако расслабляться было еще рано. Хотя это и было стадо баранов, а не подразделение «противника», двигавшееся в нашем направлении, но попадаться на глаза пастухам в горном районе, непосредственно прилегающем к советско-иранской границе, да еще в ходе проходящих здесь учений тоже не хотелось.

Пастухи в данном случае – это те же контрразведчики, штатные или привлеченные, которые не менее опасны для спецназа, чем, к примеру, те же особисты, пограничники или пехота «противника». Поэтому мы внимательно следили за стадом баранов до тех пор, пока оно примерно в одном километре от нашей базы не повернуло на север и двинулось в сторону железной дороги. Только после того, как с наступлением темноты последний баран скрылся из вида, мы постепенно успокоились.

На контрасте с тем подъемом и энтузиазмом, который был у нас в праздничный день 8 марта, когда целый день была реальная боевая работа по разведке «противника», бойцы мои в последующие два дня заметно заскучали. В этой связи пришлось поднимать им настроение разъяснениями, в том числе и в шутилой форме, той результативности и значимости, которую имела работа нашей группы спецназ. Разведчики с удовольствием слушали и смеялись над моими рассуждениями о том, где и когда разведанная нами пехота, танки и артиллерия были условно уничтожены в результате бомбовых или ракетных ударов «северных» с использованием точных разведданных, добытых нашей группой. Все, как правило, достаточно активно включались в обсуждение, живо

представляя и демонстрируя результаты налетов «нашей» авиации и ракетных ударов по разведанному нами «противнику».

Во время одной из таких бесед сержант нашей группы с сожалением сказал: «А все-таки жаль, что мы тогда, утром 8 марта, не «отоварили» тех пехотных разведчиков-мотоциклистов. Сейчас хоть было бы что покурить». Оказалось, что в группе к этому времени не осталось ни одной сигареты, и курящие бойцы уже курили мох, который соскребали штык-ножами с камней и валунов. Пришлось вновь сослаться на непременные издержки, которыми так богата судьба разведчика специального назначения и к которым также относится и то, что следом за нами в тылу «противника» не ездит военторг с запасами сигарет и тех товаров, которые порой так необходимы солдатам и офицерам в полевых условиях.

Кроме сигарет, в группе к утру 10 марта на исходе были также и сухие пайки. Позавтракали мы в тот день, как и в предыдущие дни, супом, сваренным из сублимированных суповых пакетов в эмалированном ведре, которое было в охотничьем домике. Однако перед обедом пришлось заместителю командира группы дать команду собрать все консервы и осуществлять личный контроль за расходом продуктов. Он разделил оставшиеся консервы на всех разведчиков поровну и раздал нам.

Каждому досталось по одной баночке тушенки или бекона, или колбасного фарша. Галеты, которых к концу учения оставалось еще довольно много, никто уже не хотел есть, так как примерно через три - четыре дня их употребления они, как правило, так надоедали, что смотреть на них без содрогания было невозможно. Правда, у нас еще был солидный запас пайков, предусмотрительно забазированный в тайнике незадолго до выхода нашей группы в горы. Предполагалось, что к вечеру 10 марта мы по пути на станцию Бами выйдем к месту нашего тайника и за счет него значительно пополним имеющиеся запасы продовольствия нашей группы.

Во время нашего последнего обеда в горах пришлось быть невольным свидетелем очень интересной и смешной сцены, которая немало повеселила всех нас. Один из разведчиков, доедая доставшуюся ему банку тушенки, обратился к своему другу-узбеку по национальности с предложением:

- Давай меняться. Я тебе две шоколадки, а ты мне банку бекона. Тебе ведь все равно Аллах не разрешает есть свинину.

- Сам знаю, что не разрешает, но я закроюсь плащ-палаткой, он и не увидит, что я ем эту «чушку», - ответил наш узбек, открывая специальной металлической открывашкой банку, в которой узкие полоски бекона были аккуратно и очень аппетитно уложены концентрическими окружностями.

- Так чего же ты не накрываешься палаткой, а сам ешь свинину? Ведь Аллах увидит и обязательно накажет тебя - все не унимался боец, желающий полакомиться чужим беконом.

- Я посмотрел, а на небе тучи густые, плотные, поэтому Аллаху через них ничего не видно, - под общий дружный смех всех бойцов группы ответил довольный собой и улыбающийся наш узбек, с аппетитом уплетая кусочки свиного сала с тонкими прожилками мяса.

Согласно указаниям, полученным в оперативно-разведывательном отделении бригады в период подготовки к данному учению, оно для нас

заканчивалось ровно в 12:00 по московскому времени или в 15:00 по местному, 10 марта, хотя выданная нам программа связи позволяла поддерживать связь с Центром еще в течение нескольких последующих дней. Но уже утром 10 марта мы проверили всё своё оружие и снаряжение, уничтожили следы нашего пребывания в этом районе и приготовились к тому, чтобы выдвинуться на железнодорожную станцию Баши. Однако все мы прекрасно понимали, что раньше указанного времени делать этого не следовало по причине того, что, как известно, «противник» никогда не дремлет, и поэтому свою судьбу лишний раз не надо было испытывать.

Так мы и сидели всей группой уже не на базе, а в районе наблюдательного пункта и ждали тот час, когда, согласно указаниям, можно будет свободно двигаться по дороге к железнодорожной станции, не таясь никого. Где-то примерно за два часа до официального срока окончания учения для нашей группы, на ставшей нам совершенно родной горной дороге неожиданно показалось трое военнослужащих. Они, судя по их внешнему виду, в буквальном смысле, как первобытные люди, «спускались с гор». Были эти трое грязные, «расхристанные», без оружия и без пресловутых «сидоров», в которых должны были бы быть их немудреные армейские пожитки. Их командир, то ли офицер, то ли прапорщик имел единственный элемент снаряжения – пустую на вид командирскую сумку, висевшую у него через плечо.

Увидев эту, с позволения сказать, «воинскую рать», мы сначала несколько напряглись, но внешний вид этих «красноармейцев» и их манера держаться красноречиво свидетельствовали о том, что они явно не представляют в этих горах военную контрразведку, и оказались они на «ставшей нам родной горной дороге» совершенно не по нашему поводу.

- Вот, товарищ лейтенант, и появился у нас шанс табачком разжиться, - заявил сержант, потирая руки. - Давайте захватим их «в полон». Хотя несколько сигарет заберем у них и отпустим. Все равно они, видно, ни на что другое не годны, так как, наверное, ничего не знают о том самом «противнике», которого мы разведываем.

- Нет! - заявил я. – Хулиганить на учениях не будем. Тем более, что никакой информационной необходимости, да и никакой другой необходимости в их захвате совершенно нет.

Разговоры сразу же прекратились, но бойцы еще долго провожали взглядами это, с позволения сказать, советское войско. А курильщики, сглатывая «скупую мужскую слюну», шмыгали носами, словно пытались вдохнуть дым тех сигарет, которые курили уходящие от нас военные. В конце концов, эти трое скрылись вдали.

Ровно в 15:00 группа построилась для окончательной проверки оружия и снаряжения. Затем, спустившись на дорогу и уже никого не таясь, мы двинулись по ней в направлении железнодорожной станции Баши. Когда группа вышла в район тайника, я, в целях тренировки поставил задачу двум молодым спецназовцам отыскать наш тайник, что они сделали очень быстро, продемонстрировав хорошую выучку и сноровку.

«Голод не тетка. Вот они и нашли наш тайник так быстро», - заявил заместитель командира группы, когда молодые бойцы притащили коробку к

тому месту, где мы отдыхали. Разобрав сухие пайки по своим вещевым мешкам, мы построились в колонну по два, вновь вернулись на дорогу и через некоторое время совершенно открыто строем зашли в станционный поселок.

В кассе вокзала были взяты билеты на поезд, после чего мы, в первую очередь, пошли в столовую для железнодорожных рабочих, где с превеликим удовольствием съели очень вкусный наваристый суп с бараниной, которым кормили всех станционных служащих и пассажиров поездов, проходящих через эту станцию. Свежий хлеб, который, по словам повара, пекли здесь же в привокзальной пекарне, был также необычайно вкусен, особенно на контрасте с надоевшими за время учения галетами из нашего спецназовского сухого пайка эталона № 5 или № 5а.

Пока мои разведчики под охраной одного бойца отдыхали, развалившись прямо на полу зала ожидания небольшого вокзала станции Бами, радисты группы, подключившись к стационарной электрической сети вокзала, развернули радиостанцию рядом со спавшими товарищами, но так, чтобы саму станцию не видели посторонние. После этого они дали в Центр составленную мной последнюю телеграмму об окончании учения, убытии группы поездом со станции Бами и времени прибытия нашего поезда в Ташкент.

Когда поезд подошел, мы все дружно и организованно загрузились в общий вагон, в котором ехали мои бойцы, и с чувством выполненного долга уже были готовы отправиться домой. Однако перед самой отправкой поезда вдруг на перроне появилась разведгруппа Саши Петрачева, солдаты которой в пожарном порядке, помогая друг другу, загрузились в тот же вагон, в котором ехали и мои бойцы. Оказалось, для того, чтобы успеть на этот поезд и не ждать следующего поезда, который должен был идти лишь на следующий день, им пришлось в течение примерно двух часов совершать марш-бросок с полной выкладкой. Бойцы Петрачева за время изнурительного марша, можно сказать, «зверски» устали, и на них грустно было смотреть. Но все были довольны тем, что все-таки успели на поезд, и не упустили возможность через двое суток попасть в наш родной Чирчик.

Солдаты обеих групп все оружие, включая наши с Александром Петрачевым пистолеты, снаряжение и радиостанции уложили в рундуки. Затем, когда нами были назначены и проинструктированы «до слез в глазах», как у нас говорили, дневальные, мы с Сашей пошли в свой купированный вагон. Там, в туалете, чуть теплой водой мы с ним с превеликим удовольствием помыли головы, попили чаю, рассказывая друг другу то, с чем пришлось столкнуться во время учений, и заснули мертвецким сном до самого утра следующего дня.

За время обратного пути, который, в отличие от дороги из Ташкента в район разведки, был посвящен в основном подготовке к учению и отдыху, мне удалось дочитать книгу Владимира Карпова «Взять живым». Попытался начать читать ее, еще когда мы выехали из Ташкента, но тогда все мысли были в основном о предстоящем учении и читать эту книгу, в общем-то, не хотелось. Зато во время обратной дороги получил определенное удовольствие от этой книги, описывающей действия во время войны простых полковых разведчиков. Читая ее, да еще когда голова ничем другим, кроме чтения, не была занята, постоянно вспоминал рассказы своего дедушки Калиниченко Андрея

Андреевича, которые по многим моментам и эмоциональности тесно переплетались с тем, что писал о героизме войсковых разведчиков времен Великой Отечественной войны Владимир Владимирович Карпов.

Кроме того, когда читал книгу Владимира Карпова, то постоянно ловил себя на мысли, что на ум самопроизвольно приходят образы войсковых разведчиков, которые были ярко выведены Э.Г.Казакевичем в романтической повести «Звезда», а также в одноименном фильме, который в детстве мне удалось посмотреть несчетное количество раз. Именно тогда в поезде, читая книгу В.Карпова, ловил себя на мысли, что перед глазами постоянно возникают образы героев фильма «Звезда» в зеленых маскировочных халатах, которые еще в моем уже далеком детстве поражали меня своим стремлением и решимостью любой ценой выполнить поставленные им задачи по разведке противника. При этом невольно возникали ассоциации и с нашими действиями на только что прошедшем учении, в ходе которого буквально вся группа сделала все, что могла, чтобы полностью выполнить задачи, поставленные командованием Туркестанского военного округа.

За время длительного возвращения на поезде в Ташкент наши солдаты, да и мы с Александром Петрачевым, неплохо отдохнули, отоспались и привели себя в порядок хотя бы тем, что впервые за время учения помыли головы над раковиной в туалете вагона. Полевая обстановка со всей ее романтикой, но и присущими ей неизбежными издержками успела порядком надоесть, поэтому, когда мы увидели на привокзальной площади Ташкентского вокзала встречавших нас офицеров второго батальона и солдат-водителей из автомобильной роты бригады, то радовались этой встрече как дети. Такому эмоциональному подъему и прекрасному настроению способствовало, в первую очередь, то, что задачи, поставленные моей группе на прошедшее учение, были выполнены нами весьма успешно, что всем нам, конечно же, приятно было осознавать даже до официального подведения итогов и официальной оценки действий нашей группы Командованием Туркестанского военного округа.

Особенно приятна была та радость, которую испытывали мы, когда наши машины, на которых нас встречали в Ташкенте, въезжали на территорию бригады. Начиная от наряда по КПП и кончая солдатами и офицерами, мимо которых мы проезжали, буквально все бурными возгласами приветствовали нас. Позже, когда мы выгрузились из машин на плацу и строем пошли по своим казармам, каждый из встретившихся на нашем пути солдат и офицеров в разных интерпретациях задавал один и тот же вопрос: «Как отработали на учении? Все задачи выполнили?» При этом некоторые из них выражали эту же мысль довольно образно, но достаточно точно: «Вы на щите или со щитом?» И, получив ответ, из которого следовало, что всех «супостатов разведали, о чем красноречиво доложили в Центр», они принимались радостно обнимать нас и пожимать руки. Каждый, встретившийся на нашем пути и узнавший о результативных действиях своих коллег, радовался нашим успехам точно так же, как своим собственным успехам. И это было нам понятно и приятно. Все они хорошо знали, что значит результативно выполнить поставленные задачи по разведке «противника», пусть даже и на учениях, которые, как известно, проводились в условиях, максимально приближенных к боевым.

Пока моя группа под руководством сержантов сдавала оружие и снаряжение я доложил командиру первого отряда о результатах действий бойцов во время учения. Затем зашел в расположение роты, где поблагодарил всех бойцов, с которыми провел столь много времени «в условиях, максимально приближенных к боевым». Поблагодарил их за хорошую, результативную работу. Жаль, что фамилии их совершенно не сохранились в памяти, так как солдаты все-таки были не из нашего батальона.

Когда пришел в свою седьмую роту, то командиру роты Саше Тимченко рассказал о ходе учения в мельчайших подробностях. При этом обратил внимание Александра на то, что, как он и просил меня перед учением, не подвел его и других своих наставников и сделал все, чтобы внести свой достойный вклад в боевые успехи первого батальона нашей бригады.

Александр задавал много вопросов по нашим действиям, уточнял детали. Затем он сообщил, что в Оперативно-разведывательном отделении бригады постоянно узнавал, как дела в моей группе, то есть «волновался за меня, как за родного», как выразился Саша. По его мнению и по предварительной оценке руководства бригады, группа под моим руководством отработала на данном учении очень даже хорошо.

Ну, а дома, в Пятой квартире, во время совместного ужина с холостяками бригады, мы увлеченно с азартом и, конечно же, с юмором рассказывали друг другу о том, кто и как действовал на учении в песках и горах далекой Туркмении. Оказалось, что те группы, которые выезжали в районы предназначения на сутки позже нас, с самого начала, то есть от самого Ташкента сопровождались оперативными сотрудниками территориальных органов КГБ и военной контрразведки особого отдела Туркестанского военного округа.

Кроме того, на одной из станций в вагон, где ехали офицеры бригады, зашли два сотрудника военной контрразведки, один из которых представился начальником особого отдела КГБ по контрразведывательному обеспечению одной из мотострелковых дивизий, принимавшей участие в данном учении. Он заявил, что ему известно о цели пребывания офицеров и солдат срочной службы в данном поезде и предполагаемых задачах разведчиков-диверсантов на предстоящем учении. Пользуясь своим удостоверением, он в приказном тоне предложил всем сойти с поезда и следовать за ним, заключив свое выступление словами: «На этом для вас учения уже закончились. Товарищи офицеры, вы задержаны!»

Однако, не только офицеры, но даже наши солдаты прекрасно понимали совершенную противоправность и абсурдность действий и требований военных контрразведчиков. Ведь все хорошо знали, что силы контрразведывательных органов «противника» во время учений имели право осуществлять задержание спецназовцев только в районах боевого предназначения разведгрупп, но уж ни в коем случае не на пути следования к местам десантирования. Такое их поведение было равносильно тому, что, например, в боевых условиях группу спецназ начали бы арестовывать в самолете или еще на аэродроме взлета перед убытием в тыл противника на боевое задание.

Ретивого начальника особого отдела наши офицеры подняли на смех, однако он был настроен весьма решительно и даже сорвал стоп-кран, чтобы

задержать отход поезда со станции. Наши офицеры, видимо, поняли, что особист не шутит, поэтому решили просто вытолкать его из вагона на перрон. По рассказам очевидцев, наиболее активно «высаживал», а точнее просто вытолкал из вагона контрразведчика и его помощника щуплый с виду лейтенант Игорь Ревин. Эти действия Игоря сопровождались дружным хохотом тех спецназовцев, которые видели эту сцену.

Как потом оказалось, на перроне той станции, где хотели высадить спецназовцев, находилась целая группа обеспечения действий военной контрразведки, состоявшая из пехотных офицеров и солдат срочной службы, в распоряжении которых было несколько грузовых автомашин. В дальнейшем они достаточно длительное время сопровождали поезд с нашими разведгруппами, следуя на машинах по автотрассе Ашхабад - Корасноводск, которая шла параллельно железной дороге. Особисты из идущих машин наблюдали за поездом, но, видимо, наученные горьким опытом, который им дали офицеры-спецназовцы, на станциях заходить в вагон, в котором они ехали, уже не решались.

С учетом данного обстоятельства несколько командиров групп, дабы избежать их захвата военной контрразведкой при высадке из вагонов поезда на тех станциях, куда они должны были прибыть в соответствии с разведывательным заданием, приняли решение на десантирование с поезда в ходе его движения задолго до его прибытия на станцию назначения. К счастью, никто ничего себе не сломал и ничего не потерял. Однако эти разведывательные группы оказались на значительном расстоянии от районов их боевого предназначения, до которых им в последующем пришлось достаточно длительное время добираться с соблюдением строгих мер безопасности и конспирации. При этом, по рассказам очевидцев и оценкам командования бригады, на этапе десантирования и выдвижения в районы разведки ни одна из групп первого отряда ни территориальными органами КГБ, ни сотрудниками особых отделов Туркестанского военного округа обнаружена и, тем более, захвачена не была.

Справедливости ради надо сказать, что в ходе этих учений всего лишь две разведгруппы в полном составе были задержаны контрразведкой, когда уже после выполнения поставленных задач они выходили на пункты эвакуации, что, в общем-то, по формальным признакам тоже было незаконно. Кроме того, нескольких отдельно действовавших разведчиков были также задержаны в ходе ведения ими разведки различных объектов, но, несмотря все усилия, особистам не удалось от них добиться сведений, которые помогли бы военной контрразведке или территориальным органам КГБ обнаружить группы спецназ, которые в это время продолжали выполнять поставленные задачи.

Официального разбора прошедших учений еще, естественно, не было, поэтому мы, ужиная всем «наличным» составом Пятой квартиры, делились лишь ставшими известными нам сведениями и собственными впечатлениями. Уже тогда мы могли сделать однозначный вывод – на учениях 15 отдельная бригада специального назначения отработала на данном учении очень даже хорошо. Однако в ходе этого обсуждения все единодушно сошлись на том, что с погодой на учениях нам всем совершенно не повезло, так как во всех районах с самого начала активной фазы наших действий и, естественно, войсковых

учений пошел сначала дождь, который в последующем перешел в снегопад и сильную метель. Это значительно затрудняло ведение разведки спецназовцами и поддержание устойчивой радиосвязи с Центром. А те, кому довелось воевать высоко в горах, испытали «большое удовольствие» от морозов, достигавших там ночами отметки 20 градусов ниже нуля.

УЧЕНИЯ АЛЕКСАНДРА БАБЕНКО

У тех, кто прибыл с учения раньше меня, я поинтересовался по поводу того, что слышно о действиях Саши Бабенко, который до сих пор еще не вернулся. Кто-то из офицеров первого отряда заверил меня в том, что слышал от офицеров оперативно-разведывательного отделения бригады, что Боб в назначенном ему районе разведки отработал очень хорошо. Однако его перенацелили на другой район, где он, как гласила «народная молва», пока еще действует, хотя все выделенные его группе материальные запасы уже давно должны закончиться, в том числе и сухой паек.

Мы-то прекрасно понимали, что без сухого пайка продержаться на учениях можно, а вот, если «сядут» батареи для радиостанции и их невозможно будет подзарядить от ручного зарядного устройства, то это уже на самом деле конец. Правда, и из этого положения спецназовцы находили выход, так как использовали аккумуляторы автомашин, электросеть на вокзалах, в различных учреждениях и в домах колхозников, чтобы подключить Р-354 к стационарной электросети и передать информацию в Центр, а также подзарядить аккумуляторы. Ну, а тогда, когда мы в Пятой квартире делились впечатлениями о проведенных учениях, оставалось только ждать, чтобы из уст самого Александра Бабенко узнать, как он «воевал в песках и горах Туркмении». Да и соскучился я по Александру за время продолжительных скитаний «по горам, по долам» все той же Туркменской ССР.

Прошел день, прошел другой, а Александра все еще не было. Я специально сходил в оперативно-разведывательное отделение бригады, где узнал, что командир группы специального назначения лейтенант А.Бабенко все еще продолжает, как тогда говорили у нас, «разведку разведывать», при этом, как не удивительно, еще и информацию в Центр исправно дает, что меня искренне порадовало и несколько успокоило. Однако время шло, а он все не возвращался. И вот однажды поздним вечером, когда я уже собирался спать, в проеме двери нашей комнаты показалось грязное, изможденное, исхудавшее, но улыбающееся и довольное лицо Александра. Мы обнялись, бурно выражая радость от долгожданной встречи.

Первое, что Александр сказал, когда эмоции от встречи улеглись, немало удивило и озадачило меня: «Сергея, ты знаешь, какое хреновое чувство испытываешь, когда ствол автомата направлен тебе в морду!» Из этой короткой фразы Александра, в которую он также вложил массу обуревавших его эмоций, можно было понять, что в ходе учения у него произошло что-то совершенно неординарное. Однако мы с Сашей договорились, что он мне все расскажет в деталях и по порядку во время ужина, когда приведет себя в порядок.

Пока Саня принимал душ, я приготовил немудреный холостяцкий ужин, а когда мы сели за стол, он начал свой подробный рассказ. Уже много

позже, в 2004 году, когда я писал эту книгу, Александр по моей просьбе практически дословно воспроизвел тот свой рассказ, который я слышал тогда, в середине марта 1976 года и который дословно приводится ниже:

«Моей группе была поставлена задача по ведению разведки вдоль трассы Ашхабад – Кизыл-Арват с целью выявления станций разгрузки войск, определения их численности и вооружения, направлений выдвижения в районы боевого предназначения. В качестве возможного варианта, предполагалось, что группа в дальнейшем может быть перенацелена на другой район для поиска полевых пунктов управления войсками и районов развертывания войск противника.

В оперативно-разведывательном отделении бригады при постановке задачи и обсуждении методов и способов наших действий было решено, что оптимальным вариантом будет полуагентурный способ ведения разведки. Это предоставляло нам достаточно широкие возможности для импровизации и фантазии (естественно, в разумных пределах, во избежание различных эксцессов с воинами-туркестанцами, которые к тому времени со спецназовцами 15 отдельной бригады специального назначения сталкивались еще очень мало).

Я решил, что лучшей легендой для группы при действиях в районах расположения войск будет маскировка под доблестные армейские «части материального обеспечения» или в простонародии - ЧМО. В нашем случае – этим ЧМОм для легенды моей группы специального назначения был выбран стройбат, к которому даже простая пехота относится с нескрываемым пренебрежением и презрением. Это позволяло с большой степенью вероятности предположить, что мало кого из туркестанских военных или, тем более, особистов заинтересует команда стройбатовцев, и еще меньшее число из них захочет снизойти до общения с этим «доблестным войсковым племенем».

Мои разведчики поначалу возражали против легендирования группы под стройбатовцев, что было вполне естественно: ведь никому не хочется опускаться до самого самого... Однако затем, после того, как они взвесили возможные все «за» и «против», согласились с моим предложением. Я намеренно поставил вопрос на обсуждение всей группы, так как считал и считаю, что разведчик-спецназовец не бездумная машина, а творческая личность, и эту идею всегда воплощал в повседневной жизни моих солдат. Подняв этот вопрос, посмотрел, что народ думает по этому поводу, как мыслит, какие аргументы выдвигает. Это, как известно, всегда интересно в работе с людьми.

В общем, мы преобразились в доблестный стройбат: черные погоны и петлицы, соответствующие эмблемы, армейские бушлаты, вещевые мешки, кожемитовые ремни небрежно застегнутые, как и положено у военных строителей, где-то на уровне задницы. В другое время за такой внешний вид сам «удавил бы» всех своих подчиненных, но сейчас другие условия - предстоит «выход на большую сцену». А разведка специального назначения, особенно агентурная, или полуагентурная это временами и театр, и цирк, даже уличный балаган одновременно, что потом очень ярко подтвердилось на практике во время учения.

Вообще-то, группа у меня замечательная – обормоты, конечно, но и таланты. Заместитель командира группы старший сержант Павел Никитенко,

кандидат в мастера спорта по боксу в тяжелом весе, по легенде стал «прапором» с увесистым, «как голова пионера» кулаком. Старшие разведчики Павел Соколов и Иван Филиппов – механиками-водителями (пригодилась их гражданская специальность), сержант Музафаров – юркий смышленный узбек – соответственно, «чуркой», а мой любимчик Сергей Балянов – «молдаванином-уркой». Остальные бойцы тоже преобразились соответствующим образом. При этом отработка личных легенд и вхождение в свои личные роли началась у нас задолго до начала нашего выхода на учение.

Группе придали очень хорошего радиста из роты связи первого отряда. Его подобрал П.Никитенко. Р-354 далеко не самая легкая радиостанция, так боец взял с собой еще дополнительный комплект аккумуляторов и, кроме этого, еще и ручное зарядное устройство (как же нам все это пригодилось потом!).

На смотре замечаний к нашей экипировке и знанию бойцами легенды группы и своих личных легенд не было. Свои легенды бойцы знали «назубок», ну, а внешний вид был соответствующий. Вжились в образ, стало быть.

Конечно, определенный «мандраж» у меня перед учениями был, ведь это первый мой выход в качестве командира группы спецназ (учения в пустыне осенью 1975 года, во время сборов молодых офицеров бригады, и выход на выживание в горы зимой этого года не в счет – это были все-таки наши внутренние зачеты). А тут крупное окружное учение. В общем, как покажусь сейчас, – так и послужу. «Боб не может «облажаться», – думал я, готовясь к учению, – на меня смотрят все мои боевые товарищи и бойцы. Мнение командования – очень важно, но еще важнее уважение товарищей и вера солдат в своего командира».

Ну, все это лирика.

Конечно, способ заброски разведывательных групп в тыл «противника» наши отцы-командиры из Разведывательного управления штаба Туркестанского военного округа выбрали весьма оригинальный. Несколько групп выезжали к местам своего предназначения одним и тем же поездом, да еще при прямом и достаточно жестком противодействии военной контрразведки.

Хотя, как и в любом театре, не обошлось без импровизаций. Во время поездки в купе, где ехала моя группа, подсели два офицера-туркестанца, отставшие от своего эшелона. Они оказались войсковыми разведчиками одной из дивизий, принимавших участие в учении. Будучи чуть под хмельком, офицеры «раздухарились», начали вербовать Пашу Никитенко и остальных бойцов в дивизионную разведку. Бойцы, в общем-то, согласились, что можно было бы перейти в разведку, но, в конечном итоге, отговорились только тем, что у Паши плоскостопие, Балянов – уголовник, остальные – «придурки с незаконченным начальным образованием».

Однако, мои ребята по возможности использовали этот ни к чему не обязывающий «треп», чтобы «раскрутить» своих попутчиков. И уже совсем скоро мы достоверно знали, что один из пунктов выгрузки бронетанковой техники войск, участвующих в учении, назначен на железнодорожной станции Бами.

Правда, на этом весь «фарт» начального этапа учения и закончился, так как уже, начиная с Ашхабада, нас «повели» особисты. Наши офицеры-

командиры групп ехали в купированных вагонах, то есть отдельно от своих подчиненных, которые томились в общих вагонах (тоже, кстати, весьма оригинальное решение по доставке разведгрупп спецназ).

Мы быстро посоветовались и решили, что в покое нас уже не оставят и сделают все, чтобы не дать работать, поэтому десантироваться группам придется пораньше и побыстрее. Игорь Ревин и я рванули в вагон, где ехали наши группы, чтобы предупредить всех бойцов. Бежать пришлось через несколько вагонов. Какой-то особист несколько неуклюже попытался запереть переходную дверь и не дать нам пройти. Игорь не стал ждать пока тот, наконец-то, справится с защелкой, припечатал его дверью к переборке (как барышня прижимает бутон розы между страницами альбома). Ну, а я на ходу слегка попинал его ногами за нерасторопность.

Наши группы изготовились для десантирования на ходу поезда. После станции Бахарден, пока поезд еще не очень разогнался, группы Игоря Ревина, Сережи Мартынова и моя покинули теплый уютный выгон быстро и без суеты, правда, не без легкой томительной грусти.

Хотя это и было нарушением правил десантирования, но радистов трех наших групп мы, по общей договоренности, высадили всех сразу, когда поезд шел еще на малой скорости, чтобы они, спрыгивая с поезда, не повредили радиостанции. Но ведь нигде и не записано, что несколько групп спецназ могут ехать на задание одним поездом в одном вагоне. Зато радиотехника достигла земли мягко и осталась в исправном состоянии, а мы потом прыгали из вагона на ходу, когда поезд уже набрал приличную скорость. Приземлялись с «матюками», но тоже ничего, обошлось без каких-либо травм.

Командиры собрали свои группы, проверили бойцов и снаряжение, пожелали друг другу удачи и растворились в темноте, уходя каждый в своем направлении. Никто нас не засек во время десантирования, так как прыгали мы на южную сторону железнодорожного полотна, а автотрасса, по которой нас постоянно сопровождали особисты, проходила севернее железной дороги и «десантирование» разведывательных групп совершенно не было видно с дороги.

Вечер 7 марта. Темно. Метель. «Долбанные» пехотные бушлаты совсем не греют. До чего же не хватает нашей родной зимней меховой спецназовской «спецухи»! Но ничего не поделаешь – мы уже в роли и уже на сценической площадке, а на нас соответствующий стройбатовский реквизит или камуфляж.

Наш первый район разведки – железнодорожная станция Бами. Если подвыпившие пехотные офицеры-разведчики, наши попутчики по поезду, не ввали, то там нас ждет бенефис. До станции 40 км. Если добираться пешком, то не успеем – будем к «шапочному разбору», и ни о какой реальной разведке разгрузки войск «противника» речи быть не может.

Понимаю, что без оригинального решения мы это расстояние за оставшееся время не преодолеем. Карт-бланш на «полуагентурщину» у меня был. Бойцы вполне соответствовали своими лицами и статью истинному образу и подобию «стройбатовского ЧМО». Радиостанция в тяжеленном чемодане, который элегантно нес Паша Никитенко. Вокруг ни души, за исключением какого-то случайного военного грузовика на дороге, ведущей от автотрассы к станции Бами, да двух торчащих из-под капота грузовика военных задниц,

нависших над двигателем, и что-то достаточно красочно и витиевато немудрено обсуждающих.

Идея! Ведь это же совсем как в романе Владимира Богомолова «Момент истины. В августе сорок четвертого»! (С каким упоением мы зачитывались этим «Моментом истины» в Киевском ВОКУ). Ведь сама ситуация подсказывала нам, что надо сделать. Поломанный грузовик нам, естественно, был не нужен, но, в качестве подходящего повода, он – просто класс.

Водитель грузовика и старший машины, «копаясь» под своим капотом, нас не видели, поэтому и мы их трогать не стали и спокойно прошли мимо. Мое «войско» в колонну по два во главе со мной шло по автотрассе. На перекрестке я махнул рукой движущемуся в сторону Кизыл-Арвата грузовику. Лейтенант, который был старшим машины, обратился ко мне с таким родным для меня и неистребимым украинским, а точнее «щирым» акцентом, что я невольно ответил ему на такой классической «ридной мове», что вопрос о том, чтобы «подбросить земляка» с его командой был решен мгновенно. Угостил его хорошей сигаретой (тогда они еще у меня были), обматерил «своих водителя и прапорщика», которых оставил чинить заглохший двигатель «вот той машины, которая стоит на дороге». После недолгих объяснений с лейтенантом я загрузил всех своих бойцов в кузов, и мы поехали.

Пока ехали, земляк с «батькивщины» рассказал мне много интересного об обстановке на учениях, в том числе и о диверсантах, за которыми, как оказывается, «охотятся и особисты, и пограничники, да и пехоту обязали соблюдать бдительность». Мы искренне посмеялись, и я сделал вид, что сразу же забыл о сказанном мне собеседником о каких-то мнимых диверсантах-разведчиках.

Кстати, за многое из того, что мне поведал этот пехотный лейтенант, я был ему искренне признателен, да и офицеры оперативно-разведывательного отделения бригады, прочитав чуть позже мои телеграммы, написанные на основе данной беседы, думаю, тоже остались очень даже удовлетворенны сведениями, которые моя группа добыла методом опроса информированного источника информации коим оказался этот мой совершенно незадачливый земляк.

На повороте к железнодорожной станции Баши мы тепло попрощались с земляком, и грузовик моего невольного помощника и «ценного» источника информации исчез во мраке ночи. А группа с соблюдением мер безопасности вышла к северной окраине станции. Нужно было осмотреться и элементарно сориентироваться.

Я понимал, что в случае обнаружения группы единственно возможное направление отхода – на юг, в горы Копетдаг, так как на севере – пустыня Каракумы, которая сама по себе не укрытие, а канал имени Ленина, заполненный в это время года водой по максимуму, для нас трудно преодолимая преграда. Даже если бы удалось прорваться туда, нас там днем затравили бы, как волков на царской охоте, перестреляли бы или, вернее, переловили бы, как тушканчиков. Но я также понимал, что уход в горы, т.е. отклонение от района разведки тоже не сулило ничего хорошего. В этом случае обеспечивалась безопасность группы, но выполнение поставленной нам задачи ставилось бы на грань полного срыва.

Поэтому расположил группу в укрытии недалеко от станции, поставил задачу сержанту Николаю Гужову на ведение наблюдения, определил ему направления отхода, условия основного и запасного мест встречи, а сам вместе с сержантом Павлом Никитенко двинулся к железнодорожной станции Бами.

Ну, дальше все было, как в классическом романе, вернее, как в классической пьесе...

Мела метель. Ветер неприятно щекотал уши, которые никак не прикрывались пехотными полевыми фуражками, и обдувал тело под полевыми пехотными бушлатами (весна под Ашхабадом, однако). Вид у нас был, наверное, настолько мирный и дружелюбный, что даже громадные туркменские волкодавы на улочках между дувалами станционного поселка Бами не удостоили нас своим вниманием и ворчанием, тем более лаем.

На подъездных путях к станции мы увидели платформы с танками! Жизнь для нас наполнилась смыслом и какой-то неслышимой, но ясно ощутимой в душе музыкой! Как хорошо, что мела метель! Какой милашка этот часовой, совсем окоченевший на холоде. Его силуэт напоминал нам с Пашей Никитенко картину Верещагина «На Шипке все спокойно», так как часовой, не ожидая никакой опасности, лишь тупо смотрел в противоположную от нас сторону, видимо, ожидая свою смену.

Мы с Пашей упали, где стояли, и поползли по-пластунски на звуки зычного мата пехотного офицера, потому что совершенно точный и не единожды проверенный на практике разведывательный признак гласит: где зычный мат – там командир, где командир – там постановка боевой или учебной задачи своим подчиненным.

Мы лежали в бурьяне, а снег засыпал нас. Какой урод придумал для пехоты бушлат на вате и полушерстяное обмундирование? Какая все-таки славная у нас зимняя спецназовская «спецуха», особенно на контрасте с пехотными бушлатами!

Ревели моторы, шла разгрузка танков и САУ....

Наконец! «Командиры рот и взводов ко мне...», - скомандовал кто-то зычным и непременным командирским голосом.

Вот она трель соловья в ночи, серенада под балконом!

Грохот сапог... Шелест карт.... Фонарики...

«Наш «такой-то» танковый батальон, усиленный «таким-то» артдивизионом, совершает марш по маршруту: железнодорожная станция Бами - горный перевал «такой-то!». Исходный рубеж пройти в ..., к такому-то времени сосредоточиться в районе с координатами...» и т.д. и т.п.

И смех, и грех. Вспомнил фильм «Кавказская пленница». В этой связи хотел попросить того командира батальона, который ставил задачу своим подчиненным, как и Шурик из этого самого фильма: «Помедленнее, пожалуйста, я записываю!»

Пехоте команда: «По машинам!» Ну, а нам - «ноги в руки». Я никогда еще не ползал по-пластунски с таким удовольствием! Наконец, мы смогли встать и выпрямиться. Мысль работала четко. Ноги несли быстро. Добрались до своих. Ребята продрогли, но у всех настрой боевой, глаза горят, как у рексов, готовых к бою.

Радист достал из-за пазухи батареи, которые в буквальном смысле согревал теплом своего собственного тела, и быстро подготовил станцию к работе. Бойцы накрыли меня и Никитенко плащ-палаткой, чтобы мы смогли включить фонарик, написать, а затем зашифровать телеграмму. Собрали мозги в охапку и изложили в донесении в Центр все, что видели, слышали и записали со слов своего «противника». Сеанс радиосвязи прошел четко. У нас в бригаде отличные радисты и «маломощники», и «центровики». Да, и радисты Пункта управления начальника разведки тоже молодцы, так как «срывали» передаваемую нами информацию просто налету, без всяких повторений.

Конечно, после первого положительного результата группа приободрилась – «первый блин» не комом! Я был рад, что успел сработать, так как знал, что в горах Копетдаг пехотных «крестников», разведанных нами, уже непременно ждут. И еще, видимо, не один раз встретят их и проводят другие группы спецназ 15 отдельной бригады специального назначения.

8 марта. Светало. С праздничком, наши дорогие и любимые! Все вы сейчас где-то далеко, очень далеко от нас.

Колонны бронетехники двинулись в направлении гор. По задаче мне еще около двух суток наблюдать за станцией Бами и автотрассой. Ландшафт – «ни в дугу»: Каракумы, как стол. Пустыня Кызылкум, где мы уже успели побывать в ноябре прошлого года, по сравнению с нею – земля обетованная. Наверное, на нее глядячи, караванщики в свое время и решили, что Земля – это блюдо.

Колодцы глубиной 40 - 45 метров, вода горько-соленая, расстояние между ними – дневной переход верблюжьего каравана 15 - 25 км. Пресная вода на станциях и стойбищах в цистернах. Приграничная зона. Местные чабаны и работники станций – «друзья пограничников», а кроме них, есть еще и самые опасные для спецназовцев вездесущие «юные друзья пограничников». В общем, здесь идеальные условия для охоты на диверсантов: пить захотят – сами придут «на водопой», особенно летом, когда здесь невыносимый зной.

Опять, как «В августе сорок четвертого». Мы решили, что самое безопасное для нас – это «быть невидимым, оставаясь на виду». Поэтому осмотрелись, подумали, а затем прихорошились, то есть «счистили грязь со своих пехотных галифе и пошли туда, где мы, «стройбатовское ЧМО» ни у кого особых подозрений вызвать не могли.

Примерно, в полутора километрах к северу от станции находилось нечто, что можно назвать громким и не всегда понятным словом «Водоканалдорстройотряд». Вагончики, какой-то дорожно-строительный инвентарь, бочка с водой. Из людей никого не видно, собак тоже нет. Значит, никто не приходит, чтобы их кормить.

С этого самого места автотрасса под нашим наблюдением, станция – как на ладони, перемилька через канал тоже рядом. Сплошная красота и истинное удовольствие для залегендировавшегося под части материального обеспечения советского спецназа!

Пока не рассвело, освоили пространство: организовали наблюдение, наметили пути отхода, места для сеансов радиосвязи и прочее. А затем «развернули» собственно театр, а вернее играли пьесу под названием «Приехал цирк». Бойцы ходили по «Водоканалдорстройотряду» с кувалдами и кирками, а

П.Соколов и В.Филиппов, опять же согласно сценарию, как «два товарища» из весьма популярной частушки «работали на дизеле».

А в это время по автотрассе Ашхабад - Красноводск шли войсковые колонны. При этом лихие особисты добросовестно искали каких-то там диверсантов... Но искали, видимо, совсем не там, где нужно было. Особистов ведь совершенно не интересовало «придорожное стройбатовское ЧМО», которое играло свою роль и настоящую спецназовскую, и сценическую стройбатовскую. Как можно судить, и ту, и другую роль мы исполняли неплохо.

Радиосвязь была устойчивой. Ночью до утра мы еще и пустыню к северу от канала успевали «обшаривать».

9 марта, в вечерний сеанс связи, из Центра получили новую задачу на смену района и проведение поиска полевого пункта управления (ПУ) в районе севернее города Кизыл-Арват. Вот тут я и помянул добрым словом предусмотрительного радиста нашей группы с запасным комплектом батарей и ручным зарядным устройством (бойцы, да и я тоже, по очереди, как Папа Карло шарманку, крутили на дневках и привалах ручное зарядное устройство, и связь у нас работала бесперебойно).

Расстояние до нового района разведки было немаленькое, но и не запредельное. Район поиска хороший – местность пустынная, открытая. Погода – дрянь, но это-то как раз и замечательно. Мы в нормальной кондиции, простуженных и больных не было. Приказ группе на перебазирование в другой район получили вечером. Значит, с учетом продолжительности темного времени суток в начале марта мы успевали столько отмахать и уйти в такие дальние дали, что нас ни одна собака не нашла бы.

Плотно поели супчика из сухих пайков. Еды оставалось не очень много, но ничего. Однако, все-таки пришлось отдать распоряжение своему заместителю экономить продукты, потому что сроки нашего выхода из учений переносились на неопределенный срок, а, например, сбрасывать с парашютом нам батареи к радиостанции и продовольствие, я уже не говорю о боеприпасах, наш любимый Центр, видимо, совсем не собирался.

Ушли с успевшего нам полюбовиться «Водоканалдорстройотряда» тихо, по-английски, ни с кем не прощаясь, заматавая свои следы.

Я понимал, что колонна или колонны пункта управления будут уходить в пустыню через перемычки на канале, так как иного здесь просто не дано. А ответ на вопрос, какую из них выберут, прост, как мышление зампотылу и зампотеха полка или дивизии. Кому охота наживать неприятности и тащить колонну по неухоженной песчаной грунтовке, если есть асфальт. Значит предпочтение должно быть отдано асфальту или, по крайней мере грейдеру... Вот их мы, в буквальном смысле, и «оседлали».

10 марта мы вышли в район и нашли замечательную старинную крепость: полуразрушенные стены, сторожевая башня... Организовали наблюдательный пункт. Доложили в Центр о выходе в новый район разведки и сообщили свои координаты. Немного передохнули и поели.

... И вот они, «родимые, стройными рядами и колоннами» приехали к нам и предстали «пред наши ясны очи!» Засекли, определили общее направление, дали шифртелеграмму. Но, где они развернут свой ПУ, нам еще

предстояло выяснить. И началась гонка. Они медленно, но на колесах. Мы быстро, но пешком. Вот, где мои ребята себя показали! Сказались длительные изнуряющие тренировки, которые и нужны были для того, чтобы на этих учениях выполнить поставленную нам задачу.

Мы шли ночью по их следам около 20 км и «достали» их. Они остановились и начали развертывание пункта управления. Мы дали телеграмму с разведывательным донесением, из которого Центру сразу же все стало ясно.

Однако и этого нашему любимому Центру было мало. Получили указание выдвигаться в район железнодорожной станции Искандер.

А это опять марш. Но, честно говоря, я обрадовался тому, что он предстоит. Местность вокруг была такой, что если бы мы остались здесь до рассвета, то оказались бы на холоде и открытой местности без возможности нормально укрыться и мало-мальски обогреться, так как огонь разводить в этой ситуации было смерти подобно. Поэтому «усталые, но довольные» мы уходили из этого района, чтобы до рассвета пересечь канал, автотрассу и железную дорогу и обеспечить себе свободу маневра в предгорьях Копетдага.

Канал мы проскочили, подошли к дороге. Надо было бы переждать, но уж больно хотелось «одним броском да в метель»... В общем, откуда ни возьмись, выныривает «командирский УАЗик». Бог видел, что мы его совершенно не трогаем – он сам остановился. Оттуда высунулась «папах» и грозно окликнула: «Мол, командира – ко мне». Я подошел и на вопрос - «кто такие» вежливо ответил – «строители», а на вопрос «откуда идете» - показал рукой в одну сторону, откуда «мела метель», и на вопрос «куда» - также учтиво показал в другую сторону.

Но, тут в беседу вмешался Паша Никитенко. Вернее, он не вмешивался. Он просто молча подошел и посмотрел на «начальника». Эта «глыба-матерый человечище» светилась такой дремучей силой, а морды двух бойцов, возникшие из темноты со стороны водителя, с таким интересом разглядывали внутренности кабины, что «начальник» решил удовлетвориться моими ответами, а я, естественно, не стал ему навязывать совершенно неуместную в данной ситуации высокоинтеллектуальную беседу. С тем мы с «папхой» и расстались. Правда, бойцы с явным сожалением смотрели в след уходящей машине. Мы были порядком вымотаны. Им так хотелось прокатиться, благо, что нам и водитель был бы не нужен: Павел Соколов – сам классный шофер. Однако все-таки пришлось грозного «начальничка» с зычным голосом просто отпустить восвояси с миром.

Утро 11 марта нас застало уже на подступах к предгорью в районе станции Искандер.

Я понимал, что бойцам нужен отдых, хотя бы короткий, перед выходом к станции.

Нужно было доложить в Центр о выходе в район и получить задачу, так как конкретных указаний о действиях в этом районе у меня до сих пор еще не было.

Единственным укрытием в окрестностях были какие-то развалины, откуда я и решил дать сеанс связи и получить очередное задание. На ровной,

как стол, поверхности эти руины обеспечивали хоть какое-то укрытие от визуального наблюдения и возможность перевести дух.

Доложили о выходе в район и готовности к работе, а из Центра нам поступило указание закончить учения и убыть в расположение бригады со станции Искандер. Вот, радости-то было!

И тут я «лопухнулся»: надо было все-таки уйти с этого места. Нельзя оставаться даже в руинах, если они единственные во всей округе и если путей отхода меньше двух.

Я дал подтверждение в Центр, проверил оружие и снаряжение и разрешил бойцам приготовить горячую пищу.

Все было хорошо, пока наблюдатель не доложил, что в нашу сторону едет какая-то крытая машина. На всякий случай я приказал затушить огонь, надеть снаряжение и быть в готовности к броску в горы.

Машина подъехала и остановилась метрах в 200 от развалин. Из машины вышел офицер и направился к развалинам. Я решил сыграть на опережение и не показывать ему свою группу и ее состав. Старшему сержанту П.Никитенко приказал быть в готовности увести группу в предгорье, а сам подпустил офицера метров на 30-40 и вышел ему навстречу. Он несколько опешил, поэтому у меня была инициатива начала разговора. Я спросил его о цели поездки, сообщил, что мы, стройбатовцы, занимаемся здесь полевыми работами. Капитан ничего вразумительного у меня спросить не смог и после нескольких ничего не значащих фраз повернул обратно к своей машине.

Я решил уводить группу от греха подальше, так как благоприятного для нас развития данная ситуация не сулила. Мой невольный собеседник явно искал до чего бы «докопаться», да и вид у него был совершенно не «окопный», но, как можно судить по внешним признакам, также и не osobистский.

Однако пока преимущества были у меня. Ему нужно было пройти до «своих» 200 метров, мне – 10, его солдаты сидели в машине (поэтому численности их я не мог оценить), мои – рядом на «низком старте» (их численность он тоже не знал). В створе между машиной и горами была естественная «маска» - развалины – которые некоторое время прикрывали бы мою группу от наблюдения. А там, как говорится, «Бог не даст – свинья не съест!»

Я вернулся в развалины. Бойцы разговор слышали и были готовы к броску. Мы рванули к горам.

Когда «наш противник» подошел к своей машине, он оглянулся, мы уже успели отмахать метров 300. Итого, чистой форы у нас было 500 метров. Пока его солдаты спешили расстояние увеличилось еще метров на 100.

В принципе, я его переиграл. Если бы этот балбес мыслил бы категориями учений, со всеми присущими им условностями, как это было и положено, то он бы «прокачал» ситуацию раньше. Но капитан, видимо, был из категории «упертых тупых придурков», поэтому и дал команду своим солдатам на преследование. В жидкой грязи предгорий они «сдохли» метров через 300, а мы держали хороший темп, не смотря на 30 килограмм за плечами у каждого из нас, и уходили все дальше к горам.

Тут случилось то, что меня озадачило и обозлило. Он сбросил с себя все, кроме п/ш, забрал автомат у одного из своих солдат и продолжил погоню один,

так как его «войско» безнадежно отстало. Видимо, не гонял он своих солдат, как мы тренируем своих спецназовцев. Сама собой возникла мысль, что этого смельчака, когда он отбежит далеко от своих бойцов можно будет захватить и утащить с собой в горы. Ну, а там «с пристрастием» допросить «языка».

Однако, когда прозвучала первая очередь из его автомата, и пули завывали над нами, я понял, что капитан на самом деле является настоящим придурком. Сначала, откровенно скажу, я от этой мысли по-настоящему испугался. Был страх не за себя: у меня мелькнула мысль, что этот «козел» может сдуру застрелить кого-то из моих бойцов. Затем я немного успокоился. Расстояние между нами хоть и сокращалось, поскольку он бежал налегке, но не критично – дистанцию метров 400 мы удерживали. А на таком расстоянии при стрельбе с места, да еще и запыхавшись, не всякий, даже хороший стрелок, попадет в цель.

Ну, а потом на меня накатила такая злоба, что я решил, пусть меня Бог простит, заманить его в сопки и просто убить. Бойцы тоже рычали от злости и просили разрешения разодрать этого капитана на куски. Я не мог ими рисковать: раз стреляет придурок в офицерском звании, то я сам должен с ним разобраться. Я прохрипел Никитенко, чтобы он при любом раскладе уводил группу в горы, а потом к станции Искандер. Сам же переместился в тыл группы, достал, набегу, пистолет и дослал патрон в ствол.

Капитан стрелял очередями и постепенно нагонял нас. Пули ложились совсем недалеко справа от нас. Видимо, придурок не решался целиться в людей, а лишь рассчитывал на то, что мы испугаемся выстрелов и остановимся. Я считал его выстрелы и гнал группу к сопкам...

Вот они сопки. До его солдат метров 700 - 800, многие из них безнадежно отстали. А он вот тут, рядом. У него патронов 5 – 6 осталось. Меньше, чем моя группа, но все равно до хрена. У меня – 16 патронов. Дуршлаг сделаю из этого урода!

Я приказал ребятам остановиться: пусть лучше слушают мои команды, чем неуправляемо выплеснется усталость и ярость на капитана. Развернувшись лицом к этому придурку, навел на него пистолет и пошел навстречу его стволу. Первое желание было завалить его сразу, но мой мозг уже начал работать рационально. Во-первых, ведь так можно и убить человека. А это скандал для бригады, на весь округ. Во-вторых, все, что сделала группа, – коту под хвост. Самое главное, что вся группа цела – надо свести ситуацию в нашу пользу.

Чтобы выиграть время, пока кровь от ног вернется в его дурную башку, я обматерил его, используя весь свой немалый словарный запас. Потом показал на местности проигрышность его диспозиции (он один против целой группы) и сделал расчет соотношения боеприпасов у него и у меня. Объяснил ему, как мне казалось, вполне доходчиво и убедительно, что он должен остановиться, пока не случилось непоправимого и никто из моей группы не пострадал, потому что в противном случае он будет убит здесь же и безусловно, а так может вернуться к своим солдатам с миром.

- А мне вся твоя группа и не нужна, - заявил капитан. – Мне нужен только ты. Остальные пусть уходят.

- Чего! – буквально взревели все мои бойцы и подались вперед. – Да, мы тебе за нашего командира, знаешь, что сделаем? – и наперебой стали в

цветах и красках довольно наглядно объяснять суть тех самых кар, которые непременно ожидают капитана.

Подняв руку, остановил это соревнование в красноречии и приказал группе уходить в горы. В ходе этого разговора запал капитана прошел, в глазах появились проблески мысли. Капитан, видимо, понял, что силы не равны, так как его солдаты остановились слишком далеко от нас. Я еще раз повторил приказ уходить за сопку, а сам стоял, наведя пистолет на капитана. Ствол его автомата также угрюмо смотрел на меня. Дистанция между нами 10 метров.

Постепенно группа скрылась за гребнем. Только после этого я стал пятиться вверх, а капитан - вниз.

Когда я перевалил через гребень сопки, он в последний раз стрельнул. Пуля «вжикнула», как пчела, и улетела в сторону Афганистана. Этот выстрел, видимо, был жестом отчаяния придурковатого капитана. А, я, смертельно уставший, привалился спиной к заснеженному склону.

Угадай, Серега, с одного раза – группа послушалась меня и ушла? Хрен там – они только перевалили за гребень, тут же заняли позицию и держали капитана на прицеле. Спецназовцы своих не бросают!

Ну, а капитан, похоже, действительно тронулся умом. Он принял условности учений за настоящую войну. Расстрелял из автомата почти целый магазин патронов. Так ведь мог и попасть в кого-нибудь из нас. А, говорили, что «в Советскую армию дураков не берут». Не правда, берут. Вот нам самый наглядный пример дурака. И попался же именно нам на пути.

Засиживаться мы, конечно, не стали. Откуда и силы взялись: отмахали до Искандера без привалов. Там уж и помылись и побрились до прихода поезда.

Вот такие дела...

Мои ребята хвастаться по этому поводу не будут – слово дали. Во всем, что произошло с этим капитаном, дури больше, чем героизма.

Командиру роты по команде доложу. «Повинную голову, как известно, меч не сечет». Дисциплина есть дисциплина.

Думаю, что шума и в округе поднимать из-за этого не будут – никому скандал не нужен. Хотя капитана следовало бы примерно высечь, то есть примерно наказать, чтобы другим подобным придуркам, типа этого, было неповадно.

А там видно будет: «Бог не выдаст – свинья не съест».

А знаешь, что самое главное? – Бойцы не сдрейфили, хотя ситуация была, можешь представить, крайне напряженная!

И еще одна зарубка на задницу: прежде, чем куда-то влезть, придумай, как минимум, два способа, как из этого вылезти, - закончил Александр свой подробный рассказ, когда было уже далеко за полночь.

- Вот, Серега, теперь ты, наверное, понял истинный смысл моих слов относительно того, как хреново, когда ствол автомата направлен тебе прямо в морду, - задумчиво сказал он. – Ну, а теперь ты поведай о своих подвигах в горах Копетдага».

Останавливаясь лишь на самых значимых моментах, рассказал Саше о том, как воевала моя группа, при этом мы с ним с удовлетворением отмечали, что начало разгрузки военной техники на станции Бами мы с ним определили практически одновременно. В Центре информация одной группы фактически

дополнялась информацией от других групп. А после того, как Александр доложил о начале выдвижения воинских колонн со станции, наша группа «приняла» в свои объятия войска «противника» уже далеко в горах Копетдага, о чем Центр также был проинформирован в самом, что ни на есть, реальном масштабе времени.

- Да, видимо, легко было начальнику штаба и командующему Туркестанским военным округом принимать ответственные стратегические решения, когда у них так хорошо действует разведка специального назначения и своевременно обеспечивает командование округа необходимой разведывательной информацией, - сошлись мы с Александром на общем мнении.

РАЗБОР УЧЕНИЙ

Через несколько дней в 15 отдельной бригаде специального назначения состоялся разбор проведенных учений. К сожалению, только из доклада начальника разведки штаба Туркестанского военного округа генерал-майора Корчагина командирам групп, участвовавшим в этих учениях, наконец-то, представилась возможность в полной мере узнать их замысел, состав участвовавших в них сил и средств как «северных», так и «южных», количество задействованных в данном учении групп спецназ, их основные задачи и объекты разведки. Всем нам, в общем-то, было понятно, что все эти сведения перед началом учений никто и никогда до командиров низовых подразделений спецназ, которые должны действовать в тылу «противника», не доводит. И это правильно, ведь, как известно, разведчики должны знать о своих войсках лишь необходимый минимум информации. Именно поэтому все, что содержалось в докладе начальника разведки, являлось очень интересным, прежде всего, нам, командирам групп, участвовавшим в учениях.

Однако, несмотря на то, что общая информация по учениям войск Туркестанского военного округа была прослушана офицерами бригады очень внимательно, самой интересной частью разбора была, конечно же, оценка командованием и начальником разведки ТуркВО действий наших разведывательных групп в тылу «противника». Говоря в общем, генерал-майор Корчагин дал высокую оценку уровню боевой готовности и полевой выучки групп спецназ 1 отряда специального назначения, действовавших на стороне как «северных», так и «южных». Он привел конкретные цифры, которые давали объективную картину того, как были выполнены боевые задачи разведывательными подразделениями нашей бригады. По его заключению, 15 отдельная бригада специального назначения в ходе окружного учения обеспечила довольно высокий процент выполнения группами спецназ поставленных им разведывательных и специальных задач на данном учении.

Корчагин коротко дал оценку и охарактеризовал действия каждой группы, что, естественно, вызвало особое внимание у всех присутствовавших на разборе. Затем он остановился на общих для всех разведгрупп моментах и проблемах, где основную часть заняла оценка добытой в ходе учения разведывательной информации. Оказалось, что практически на всех этапах учения начальник разведки штаба Туркестанского военного округа о действиях войск из состава как «северных», так и «южных» узнавал порой намного раньше, чем об этом узнавал начальник Оперативного управления округа. При этом, наш начальник черпал информацию из шифртелеграмм, поступавших в Разведывательное управление ТуркВО от добывающих органов 15 обрСпН, а начальник Оперативного управления округа из докладов соответствующих командиров частей и соединений. А это значило, что специальная разведка в большинстве случаев поставленные ей задачи выполняла намного раньше и качественней, чем большинство непосредственных командиров и начальников, участвовавших в учении. Всем нам, как можно себе представить, было очень

приятно слышать такую высокую оценку своей работы из уст начальника разведки Туркестанского округа.

Кроме того, генерал Корчагин подробно остановился на вопросах организации специальной радиосвязи с группами спецназ. Здесь, по его оценке, были определенные проблемы, которые в ближайшем будущем предстояло решать руководству бригады. Тем не менее, начальник разведки отметил, что разведчики-радисты нашей бригады в достаточной степени овладели новыми радиостанциями Р-354, что позволило обеспечить устойчивую связь разведывательных групп спецназ с Пунктом управления начальника разведки Туркестанского военного округа.

В качестве примера хорошей организации связи с Центром Корчагин привел мою группу. Он заявил, что связь была организована таким образом, что через 10 - 15 минут после того, как войска «противника» проходили мимо наблюдательного пункта нашей группы, у начальника разведки на столе уже лежала шифртелеграмма, в которой содержалась точная информация о подобных действиях «противника». Последующие ее проверки в Оперативном управлении штаба Туркестанского военного округа полностью подтверждали ее точность и достоверность. Докладчик призвал к тому, чтобы все командиры групп спецназ бригады организовывали связь с Центром так, как в ходе этих учений она была организована в моей группе. Все это, конечно же, мелочь, но все-таки было очень приятно слышать столь высокую оценку своей работы из уст начальника разведки округа.

В числе недостатков действий групп спецназ на учении начальник разведки в своем докладе, прежде всего, назвал то, что некоторые из них серьезно нарушили меры безопасности и конспирации, что повлекло за собой их обнаружение «противником», его контрразведывательными органами или местными жителями. В результате, несколько разведгрупп и отдельных разведчиков были арестованы и «попали в плен». Однако их число оказалось весьма небольшим.

В конце разбора генерал-майор Корчагин дал оценку действиям группы лейтенанта Сергея Мартынова, который ночью, устроив засаду на горной дороге, «захватил в плен», как выразился Корчагин, первого заместителя начальника Политического управления Туркестанского военного округа полковника Таскаева, а также сопровождавшего его капитана и солдата-водителя УАЗ-469. По словам начальника разведки, лейтенант Мартынов и его подчиненные грубо обращались с офицерами Политуправления округа, «крутили им руки» и пытались получить от них интересующие их сведения о действиях и местах дислокации войск «противника».

Кстати сказать, все, что говорилось в докладе по этому поводу, офицеры бригады уже давно знали из неоднократных и довольно красноречивых рассказов самого Мартынова и разведчиков его группы. По словам Сереги, в ходе организации засады на обочине горной дороги он поставил одного из самых здоровых своих солдат без оружия, без шапки и ремня, а остальных разведчиков расположил по обеим сторонам этой самой дороги с соблюдением всех канонов, необходимых для успешного проведения засады. На ту беду в этом месте проезжал полковник Таскаев, который, увидев в горах Копетдага замерзшего солдата, естественно, приказал водителю остановиться, чтобы

узнать, как этот воин в такое позднее время оказался совершенно один, да еще так далеко от района дислокации наших войск.

Только «УАЗик» Таскаева остановился и открылась дверца машины, как этот, с виду совершенно замерзший и почти неживой боец, вдруг неожиданно для заместителя члена Военного совета округа ожил и, схватив полковника Таскаева за воротник, мгновенно выдернул его из машины и уложил на дорогу. Выскочившие из засады разведчики группы Сереги Мартынова за секунду сделали то же самое с водителем Таскаева и сопровождавшим его капитаном.

По чистосердечному признанию Мартына, как его называли офицеры бригады, он действительно «крутил руки пожилому полковнику и капитану». Однако это он начал делать лишь только после того, как те отказались отвечать на вопросы, несмотря на то, что Серега объяснил им свою позицию по данному вопросу, заключающуюся в том, что во время войны офицер его уровня должен ездить с охраной в составе минимум мотострелкового или танкового взвода.

С доводами лейтенанта Мартынова полковник Таскаев, конечно же, полностью согласился. Но «показывать на карте, где дислоцируются войска противника», да еще когда его пренебрежительно называет «Дядей» какой-то младший офицер (а Мартын в ходе «допроса» действительно именовал полковника Таскаева именно «Дядей»), он, естественно, отказался. В конце концов, Мартыну пришлось отпустить захваченных им полковника и капитана с водителем и уйти в горы, как говорят в таких случаях, «не солоно хлебавши», опасаясь возможного преследования со стороны окружных контрразведчиков, которые после рассказов полковника Таскаева о его приключениях на горной дороге могли «вычислить» район действий его группы.

Большинство командиров групп спецназ считали действия Мартынова совершенно правильными в той части, что он в результате засады захватил высокопоставленного офицера «противника». Правда, во время боевых действий первому заместителю начальника Политического управления Туркестанского военного округа по рангу положена охрана в составе минимум пехотного взвода, а при наличии такового засаду группе спецназ устроить уже весьма сложно. Однако, если в горах оказывается одиночный «УАЗик», то какой же уважающий себя спецназовец откажется от удовольствия захватить «языка» или важные документы. То, что Сергей и его подчиненные применяли к пленникам силу, у большинства из нас вызвало однозначное осуждение, ведь к спецназовцам нашей бригады, которые в ходе этого же учения были задержаны различного рода контрразведывательными подразделениями, никто силу, конечно же, не применял и общепринятые правила игры строго соблюдал, а Мартынов их нарушил. В этой связи офицеры бригады лишь ждали, какое взыскание будет объявлено Сергею. В результате, генерал Корчагин от своего имени объявил ему строгий выговор «за хулиганские действия, допущенные в ходе учения».

В конце доклада начальник разведки округа объявил благодарности тем офицерам, которые отличились в ходе этих учений. В их числе оказались лейтенанты Бабенко, Ревин, Петрачев и другие офицеры бригады. Несмотря на то, что генерал-майор Корчагин в ходе своего выступления несколько раз в положительном ключе упоминал мою фамилию, благодарность мне не была объявлена, вопреки моим ожиданиям и ожиданиям моих сослуживцев. На это

Саша Тимченко, сидевший на разборе рядом, лишь заметил: «А, вот если бы ты хоть один прокол допустил во время этого учения, то твою фамилию, как представителя конкурирующего второго отряда склоняли бы больше, чем фамилию любого из офицеров первого отряда, в том числе и Мартынова».

Уже по дороге в расположение седьмой роты Александр, намекнув на мою молодость и неопытность, долго разъяснял мне, что он, хорошо зная взаимоотношения между командованием первого и второго отрядов, давал мне назидания перед отправкой меня на это учение с совершенно определенным смыслом. Они заключались в том, что я, как и любой другой офицер второго отряда, оказавшийся на моем месте, был для командования первого отряда инородным телом. По логике Александра, конкурирующий батальон мои «успехи должен всячески принижать, а недостатки, если бы они были, - выпячивать».

Когда я, несмотря на определенную убедительность доводов Тимченко, попытался возразить ему, Саша, уже начиная раздражаться, спросил: «Тогда объясни, почему Корчагин не объявил тебе благодарность, хотя на разборе по нескольким аспектам ставил тебя и твою группу в пример?» Когда я в ответ лишь развел руками, Саша заявил: «А это случилось потому, что первый отряд подал в списке на поощрение лишь своих офицеров, потому что поощрять надо прежде всего своих, а не чужих. Когда будешь большим начальником, учитывай это».

Возвращаясь к Мартынову, фамилия которого после учения стала в бригаде нарицательной, можно сказать, что и тогда на разборе учения бригады, и до него, и особенно после разбора Серегу нещадно «секли» все, кто имел и даже не имел на это право. Как можно судить по поведению Сергея, сначала он очень переживал по поводу случившегося, однако со временем привык к тому, что его склоняют, как говорят в таких случаях, «вдоль и поперек», и со временем перестал особенно расстраиваться. Более того, он стал даже бравировать по этому поводу, заявляя, что «о многих из тех, кто участвовал и отличился в лучшую сторону в том учении, уже давно не помнят, а меня, лейтенанта Мартынова, вспоминают до сих пор и будут еще долго вспоминать».

В бригаде было известно, что в связи с «Мартыновским инцидентом» и командира части В.В.Колесника, и начальника политического отдела Н.В.Лысака также хотели, как говорят в армии, «построить», то есть строго наказать. Решительные попытки в этом предпринимали многие наши окружные начальники, начиная от члена Военного совета и начальника штаба ТуркВО, и кончая начальником разведки штаба округа. Но полковник Таскаев, надо отдать ему должное, активно вступился за командование 15 обрСпН, а также за лейтенанта С.Мартынова. Он лично ходатайствовал о том, чтобы никого не наказывали, однако спас от суровой кары окружного руководства лишь Колесника и Лысака, а Мартына, как уже упоминалось выше, начальник разведки все-таки наказал.

Определенное продолжение этот эпизод получил в апреле 1976 года, когда Политическое управление Туркестанского военного округа проводило в Ташкенте партийный актив округа. К тому времени Чирчикская бригада специального назначения уже в течение нескольких месяцев подчинялась

ТуркВО, и младшие офицеры бригады фактически впервые принимали участие в подобного рода мероприятии окружного масштаба. Основным вопросом данного партактива было повышение уровня дисциплины и порядка в войсках округа. Доклад члена Военного совета (ЧВС) штаба Туркестанского военного округа генерал-лейтенанта Н.О.Щукина офицеры нашей бригады слушали с большим интересом, так как в нем содержалось много конкретики, красноречиво характеризовавшей состояние воинской дисциплины и внутреннего порядка в различных окружных структурах и подразделениях.

Мы, офицеры 15 обрСпН, которые попали на подобное мероприятие впервые, так как в далекую от Чирчика Алма-Ату нас никто и никогда не приглашал, этот доклад слушали с большим интересом еще и потому, что, видимо, на контрасте с той обстановкой, которая была в нашей бригаде, трудно было себе поверить, что где-то, в других воинских частях с дисциплиной личного состава имеются такие серьезные недочеты и проблемы, о которых столь красноречиво говорилось в докладе главного замполита Туркестанского военного округа.

Когда, казалось бы, генерал-лейтенант Н.О.Щукин уже закончил свой доклад, он сделал многозначительную паузу и задумался, видимо, подбирая слова для завершения своего выступления. Однако, как оказалось, заканчивать выступление он совершенно не собирался. В этой части своего доклада член Военного совета Туркестанского военного округа начал издали. Он сказал сначала о том, что в Туркестанском военном округе есть также и такие воинские части, с которых всем остальным необходимо брать пример, как по уровню боевой подготовки, дисциплины, так и по внутреннему порядку, службе войск и т.д. Хотя ни названия, ни номера этой воинской части Н.О.Щукин и не назвал, однако присутствовавшие на заседании офицеры Чирчикской бригады специального назначения сразу же поняли, что речь в докладе идет именно о нашей части и, естественно, «наострили уши».

Мы думали, что, на контрасте с теми воинскими частями, где были серьезные недостатки в работе, сейчас нас будут всячески хвалить и ставить всем в пример, ведь это всегда приятно даже в том случае, если и не звучит лично твоя фамилия. Но мы ошиблись в наших ожиданиях. ЧВС ТуркВО нашу бригаду прилюдно начал в буквальном смысле «пороть», правда, при этом не называя ни номера части, ни, тем более, ее полного, кстати сказать, секретного наименования.

Член Военного совета округа в мельчайших деталях рассказал об инциденте с Мартыновым, который произошел в горах Копетдага во время состоявшегося в марте окружного учения войск. По его словам, некто лейтенант Мартынов со своим взводом остановил ночью на горной дороге машину, в которой ехал первый заместитель члена Военного совета ТуркВО полковник Таскаев. Подчиненные лейтенанта Мартынова буквально «вытряхнули» из машины пожилого полковника, вместе с сопровождавшим его капитаном и водителем машины. После этого, в интерпретации генерала Щукина, лейтенант Мартынов заявил полковнику Таскаеву буквально следующее: «Дядя, а ну показывай на карте, где находятся войска. Когда этот пожилой полковник отказался отвечать на вопросы лейтенанта, - продолжал генерал-лейтенант Щукин, - солдаты Мартынова начали крутить руки

полковнику, чтобы добиться получения интересующих их разведывательных сведений».

Присутствовавшие на партийном активе стали переглядываться и спрашивать друг друга, о каком это наглеце идет речь и из какой он воинской части. Вероятно, мало кто из участников этого партийного актива понял, о ком конкретно идет речь, но мы-то знали, что генерал-лейтенант Щукин имел в виду именно 15 отдельную бригаду специального назначения.

Ну, а когда партийный актив закончился, некоторые из знакомых нам офицеров Чирчикского парашютно-десантного полка, видимо, заранее зная ответ, все-таки интересовались у нас, не наших ли рук это дело и не у нас ли служит этот лейтенант-герой по фамилии Мартынов, который «выкручивал руки старым полковникам». Пришлось, к удовлетворению наших коллег-десантников, подтвердить их догадки.

Однако и на этом партийном активе данная необычная история, прогремевшая на весь округ, также не закончилась. Где-то весной 1978 года, когда я командовал 4 ротой, вместо находившегося на курсах «Выстрел» капитана Ю.Цыганова, один из главных героев инцидента на дороге в горах Копетдага, Таскаев, который к тому времени уже стал генерал-майором, приехал в 15 обрСпН. Случилось это совершенно неожиданно, так как рано утром, приехав в Чирчик по своим замполитовским делам генерал-майор Таскаев, проезжая мимо нашей бригады, вдруг решил заехать к нам. При этом он отказался от сопровождения встретившего его дежурного по части и прошел в расположение моей 4 роты, где замполит роты лейтенант Валера Измалков проводил политическую информацию.

Неожиданное появление целого генерал-майора в ленинской комнате роты, конечно, было воспринято и Измалковым, и всем личным составом с искренним удивлением. Однако спецназовцы и тут «не ударили в грязь лицом», так как в расположении был нормальный воинский порядок, а политинформация проводилась в соответствии с распорядком дня. В течение 10 - 15 минут генерал-майор Таскаев, что-то рассказывал личному составу по теме политинформации, а затем в юмористической форме поведал нашим молодым бойцам, как в свое время во время окружных учений ребята-спецназовцы во главе с лейтенантом Мартыновым «крутили ему руки в горах Копетдага в марте 1976 года». При этом он еще раз подтвердил, что командир разведывательной группы специального назначения правильно оценил обстановку и принял обоснованное решение на проведение засады на одиночную машину, которая оказалась на безлюдной горной дороге без соответствующей охраны.

После окончания политической информации Таскаев убыл из моей 4 роты и из нашей части также стремительно и быстро, как и появился. Но тот факт, что генерал приехал к нам лишь для того, чтобы коротко поделиться с молодыми солдатами-спецназовцами о том, как он в экзотических горных условиях пообщался с их старшими товарищами по бригаде два года назад, для всех нас могло лишь свидетельствовать о том, что тот инцидент в горах Копетдага оставил у него в душе глубокий и незабываемый след на всю жизнь.

ОЧЕРЕДНОЕ ЗВАНИЕ ГЛУБОКОУВАЖАЕМОГО ЛЕОНИДА ИЛЬИЧА БРЕЖНЕВА

Помню, как в ходе торжественного построения бригады 9 мая 1976 года, посвященного 51 годовщине Победы в Великой Отечественной войне, подполковник Колесник объявил, что указом Президиума Верховного Совета СССР Л.И.Брежневу присвоено воинское звание Маршал Советского Союза. Услышав это известие, Сергей Маковский, стоявший в строю впереди меня, повернулся и с наигранным удивлением, а скорее всего с нотками иронии и сарказма спросил: «Слушай, Сергей, а какого такого противника наш глубокоуважаемый Леонид Ильич разгромил и победил, что его повысили, аж, до целого маршала? Ведь это звание присваивается за выдающиеся успехи в проведении боевых операций в годы войны».

Я лишь отмахнулся от Сергея, так как внимательно прислушивался к дискуссии, разгоревшейся прямо в строю среди других офицеров нашей роты, которые активно обсуждали не столько сам факт присвоения «глубоко уважаемому Леониду Ильичу» звания маршала, сколько то, что в объявленном нам указе говорилось, что Брежнев, кроме Верховного главнокомандующего Вооруженными Силами СССР, является еще и Председателем Совета обороны страны.

В связи с тем, что о существовании такого органа военного управления никто из нас раньше даже не слышал, мы прямо в строю начали обсуждать эту новость. Саша Тимченко со знанием дела заявил, что, исходя из названия, Совет обороны, о котором он также впервые услышал, должен заниматься концептуальными проблемами безопасности страны и организацией взаимодействия между МО, МВД, КГБ и ведомствами, относящимися к военно-промышленному комплексу страны. Кто-то ему возразил, заявив, что взаимодействие между этими структурами организует Генеральный штаб Вооруженных сил СССР. Офицеры и прапорщики, да и некоторые солдаты в силу собственного понимания данной проблемы пытались высказать собственную точку зрения по обсуждавшемуся вопросу.

Прислушиваясь к разгоревшейся дискуссии, я невольно подумал о том, что сам факт того, что беседа наших офицеров свелась не к разговору о присвоении Генеральному секретарю ЦК КПСС Л.И.Брежневу высокого воинского звания, а к обсуждению наличия в системе государственной власти нашей страны такого органа как Совет обороны, свидетельствует о том, что все мы к тому времени уже совершенно привыкли к безмерному самовозвеличиванию, существовавшему в высшем эшелоне партии, армии и государства в целом. В этой связи многие из нас уже ничему такому не удивлялись. А вот Совет обороны СССР – другое дело. Название этого государственного органа открыто прозвучало впервые, и в этой связи было для многих из нас более интересным, поэтому заслуживающим особого нашего внимания, чем появление самопровозглашенного маршала Советского Союза Л.И.Брежнева.

СТРОИТЕЛЬСТВО В ОДНОЙ ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОЙ ВОИНСКОЙ ЧАСТИ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Побочным, но весьма важным для 15 обрСпН результатом ее разделения на два самостоятельных соединения было то, что в ходе этой работы в Чирчике побывало большое количество различного рода спецназовских и других начальников из Главного разведывательного управления Генерального штаба ВС СССР, Туркестанского и среднеазиатского военных округов. Многие из них раньше здесь никогда не бывали и впервые увидели, в каких условиях существовала одна из лучших советских бригад спецназ.

Если, например, казармы нашей бригады, кстати, в свое время перестроенные из конюшен, а также складские помещения находились в довольно сносном состоянии, хотя и они требовали капитального ремонта, то автопарк нашей части не выдерживал никакой, даже самой минимальной критики. Дорогостоящая автомобильная техника и техника специальной радиосвязи в основном хранилась под открытым небом, а саманные стены нескольких небольших, порой покосившихся от старости и ветхости боксов можно было без труда расковырять даже пальцем.

Все это внешнее убожество бригады никак не увязывалось с высоким уровнем ее боевой подготовки и воинской дисциплины. Именно поэтому командиру нашей части подполковнику В.В.Колеснику командованием Туркестанского военного округа еще в начале 1976 года была поставлена вполне определенная задача в кратчайшие сроки превратить наш военный городок не просто в образцовый, а в лучший городок в Туркестанском военном округе.

Когда Колесник на одном из совещаний офицерского состава бригады объявил об этом, большинству из офицеров нашей части стало понятно, что в ближайшее время многое для нас и, естественно, для боевой и политической подготовки всей нашей бригады изменится, при этом, далеко не в лучшую сторону. Как можно себе представить, мы оказались совершенно не далеки от истины.

Для проведения целого комплекса строительных работ в бригаде, как было объявлено, выделялись необходимые и довольно внушительные финансовые средства, но о подрядчиках, которые должны бы строить различные объекты в нашей части, речь, естественно, не шла. Выход из этой ситуации был единственным и давно зарекомендовавшим себя в Советской армии – строить объекты в бригаде специального назначения предлагалось, так называемым, хозяйственным способом. Хозспособ или «хапспособ», как его прозвали в народе, предполагал, что все строительные работы будут вестись силами личного состава нашей части.

Достаточно сложную для спецназа проблему разворачивания строительства в бригаде пришлось решать практически всему личному составу бригады во главе с ее командиром подполковником Колесником. Ее сложность заключалась в том, что большинство из наших офицеров, и солдат ничем подобным никогда не занималось. Ведь самым распространенным видом хозяйственной деятельности в бригаде была лишь уборка закрепленной за подразделениями территории. Какой-то мелкий ремонт, конечно, тоже проводился, но силами немногочисленных народных умельцев из числа солдат, но не больше.

В этой связи в ходе проведения масштабных строительных работ, которые у нас начались с автопарка, командир бригады специального назначения вдруг из командира самой боевой воинской части превратился в прораба, технолога, снабженца и т.д. Полковнику Колеснику пришлось организовывать процесс строительства в части, при этом содержание ставившихся им задач подчиненным и порядок их выполнения Василию Васильевичу, как правило, приходилось незадолго до этого самому узнавать у специалистов-строителей.

Самым трудным для комбрига, штаба нашей части и командиров всех степеней оказалось совместить планы строительства с планами боевой подготовки бригады. Ведь, как ни печально, без массового отрыва личного состава от боевой и политической подготовки для ведения различного рода хозяйственных работ обойтись не удавалось. Более того, это подразумевало, что все-таки необходимо было обеспечивать надлежащий уровень боевой подготовки. Делать два этих дела одинаково хорошо было, как можно догадаться, очень и очень сложно. Однако и в этой ситуации командование бригады находило пути решения проблем с минимально возможными потерями для уровня боевой готовности части.

Именно в то время, когда в нашей части было развернуто невиданное по своим масштабам строительство, обрело определенную реальность шутовское название бригады, которым ее по всякому поводу и без повода именовали наши однокашники по Киевскому ВОКУ Леша Хмель и Олег Вечеринский, служившие в Чирчикском парашютно-десантном полку. А называли они нас не просто «бригада», а именно «сельскохозяйственная бригада». Это название, которым Леша и Олег всегда пользовались, было введено в оборот в ответ на то, что мы, спецназовцы, наших коллег-десантников из Чирчикского пдп и Чирчикского артиллерийского полка также в шутку называли «военизированным 5-м совхозом», потому, что артиллеристы-десантники дислоцировались в пригороде Чирчика который назывался Аранчи, как раз в том месте, где была остановка рейсового автобуса с названием «5-й совхоз». Только после того, когда стройка в нашей части началась полным ходом, мы поправляли наших коллег-десантников и уточняли, что мы сейчас уже не «сельскохозяйственная бригада», а самая настоящая «строительная бригада». И, честно говоря, выглядело бы все это довольно смешно, когда бы ни было так грустно...

Грустно становилось также и тогда, когда изредка приходили новости от наших коллег-капचाгайцев, которые также буквально вверглись в разрушенное, непригодное к жизни и службе хозяйство своей новой

воинской части и начали его поднимать, при этом опять же за счет повсеместного отрыва личного состава от плановых занятий по боевой и политической подготовке. Я не единожды имел возможность убедиться в этом. Первый раз это было в начале 1977 года, когда мы, вместе с моим училищным другом Женей Климовичем, во время нашего отпуска приехали в Капчагай, чтобы провести своих бывших сослуживцев. Во время вечерних посиделок у наших коллег мы откровенно обменивались мнениями о том, что стало с 15 и 22 обрСпН после их разделения. Общее мнение свелось к тому, что, несмотря на усилия всех заинтересованных лиц, все-таки в ближайшее время не удастся избавиться от масштабных и повсеместных строительных работ, в которых Капчагайская бригада спецназ погрязла не меньше, если не больше, чем Чирчикская.

Второй раз мне представилась возможность убедиться в этом уже много позже, когда я однажды был помощником дежурного по части. Вдруг из Капчагайской бригады специального назначения по спецсвязи позвонил Бодров, чтобы узнать размеры знаменной сошки, которую они собирались сделать под Боевое Знамя своей части. Вообще-то, сам по себе звонок в нашу бригаду по столь тривиальному вопросу был довольно странным, ведь размеры знаменных сошек во всех частях были примерно одинаковыми, и в этой связи можно было бы позвонить в любую другую воинскую часть, в том числе и Капчагайского гарнизона, и узнать размеры знаменной сошки. Однако Бодров позвонил именно к нам в часть, видимо, рассчитывая, что у нас в бригаде размеры этой обычной знаменной сошки самые правильные и точные.

Я распорядился, чтобы боец из наряда по штабу принес линейку и пока он этой линейкой измерял размеры знаменной сошки, двигая в разные стороны часового у Боевого Знамени части, Бодров рассказывал мне последние Капчагайские новости и новости своей бригады. Как можно было предположить, Капчагайская обрСпН «усиленно строила без конца и края», как выразился мой собеседник.

Затем Бодров совершенно неожиданно для меня заговорщически заявил: «Тут с тобой еще хотят поговорить». На том конце трубку взял человек с совершенно незабываемым знакомым для меня голосом с определенной хрипотцой.

- Водогрецкий! - откровенно удивленно заявил я, сам не будучи уверенным, что прав в своих догадках, ведь уж кто-кто мог быть в Капчагайской бригаде спецназ, но только не мой любимый Водогрецкий.

- Приятно, что Вы сразу же вспомнили меня, - несколько удивленно заявил мой собеседник, представившись мне прапорщиком Капчагайской бригады.

Я, помня наши с Водогрецким разговоры перед его увольнением в запас, когда он наотрез отказался оставаться на сверхсрочную службу, был немало удивлен тем, что он стал прапорщиком в Капчагайской отдельной бригаде специального назначения. Водогрецкий коротко рассказал о том, как сложилась его судьба после окончания службы в 15 бригаде специального назначения. Оказалось, что на «гражданке» он совершенно не нашел себя, поэтому через год - полтора после увольнения в запас он вновь вернулся в армию и, по его мнению, нашел себя именно здесь, так как именно в армии

Водогрецкий был, как обычно говорят в таких случаях, полностью «в своей тарелке».

Я не преминул и напомнил ему, что перед окончанием его службы совершенно искренне и по-деловому предлагал ему поехать поучиться в спецназовской учебной школе прапорщиков в Печерах, чтобы затем стать прапорщиком в нашей части. Однако, Водогрецкий тогда наотрез отказался. Во время нашего разговора я даже привел ему сразу же пришедшие мне на память мои слова, когда я неоднократно предлагал ему стать прапорщиком, однако тогда в Чирчике он все время категорически заявлял, что «на гражданке его ждут всевозможные блага и довольно богатая жизнь». Однако, как оказалось, в жизни не все так радужно, как хотелось бы. И пример Водогрецкого лишнее подтверждение этому.

Во время того совершенно короткого разговора по телефону я поинтересовался у Водогрецкого, как он оценивает Капчагайскую бригаду, по сравнению с Чирчикской. И мой бывший боец однозначно заявил, что это «две большие разницы», так как его нынешняя бригада «постоянно строится и не занимается боевой подготовкой», а в Чирчике, по его словам, «ни дня не пропадало даром и все время подразделения занимались боевой и политической подготовкой».

Конечно, такая высокая оценка Водогрецким своей бывшей Чирчикской бригады весьма показательна. Однако, завершая ту нашу беседу я не стал его разочаровывать и рассказывать, что у нас началась такая же, как и в Капчагае стройка, чтобы у моего бывшего солдата остался хоть небольшой идеал нормального уровня боевой и политической подготовки советского спецназа.

ЦЕЛИНА, ЦЕЛИНА, ГОЛУБЫЕ ДАЛИ ...

Когда перебираю в памяти годы своей службы в 15 отдельной бригаде специального назначения и связанные с ней жизненные этапы, то вспоминаю множество боевых и повседневных эпизодов, произошедших в тот период. Все их, конечно, описать невозможно, да в этом и нет необходимости. Целесообразно упомянуть лишь о тех моментах, которые помогут читателю наиболее полно представить, чем жила наша бригада в те далекие уже годы, с какими проблемами сталкивалась и как их решала, как в той или иной ситуации проявлялись люди.

В этой связи наряду с теми проблемами, о которых уже шла речь в моем повествовании, в 15 обрСпН, так же, как и в других бригадах советского спецназа, отправка целинных взводов для выполнения, как это тогда называлось, «правительственного задания по уборке урожая» была весьма серьезной проблемой, которую ежегодно решала и наша бригада спецназа.

Как представляется, это обуславливалось прежде всего тем, что у настоящих спецназовцев ко всякого рода хозяйственной деятельности всегда было самое негативное отношение, так как выполнение «ЧМОшных» задач, то есть тех задач, которые в армии должны решать исключительно части материального обеспечения, считалось делом недостойным солдат и офицеров войск специального назначения. При этом все мы, конечно же, понимали, что службу служим мы не в американской, а в нашей Советской армии, где военнослужащим, в том числе и спецназовцам, приходится решать самые непредсказуемые и даже экзотические задачи, к которым, в первую очередь, относилось и ежегодное командирование наших офицеров, солдат и автомобильной техники на целину.

Впервые услышать о том, что 15 отдельная бригада специального назначения направляет своих людей на уборку урожая, нам пришлось сразу же, как только мы приехали в Чирчик. Данному обстоятельству мы, молодые лейтенанты, совершенно искренне удивились: «Неужели во всей нашей могучей Советской армии невозможно обойтись без одного целинного взвода, который наша бригада спецназа вынуждена выделять для того, чтобы в Советском Союзе был своевременно убран богатый урожай хлеба и других сельскохозяйственных продуктов?»

А тем временем в сентябре 1974 года офицеры и солдаты бригады живо обсуждали в кулуарах, как целинным взводом, основу которого составляли солдаты автомобильной роты, «лихо» командует командир хозяйственного взвода нашей бригады. Как можно было судить по рассказам наших сослуживцев, его направили на целину, руководствуясь, уже упоминавшимся в моем повествовании принципом: «Возьми-ка, Боже, то, что мне не гоже». А этот принцип в данном случае себя совершенно не оправдал, так как молодой неопытный лейтенант, не имевший навыков работы с людьми, а точнее совершенно не хотевший с ними работать, да еще в экстремальных целинных

условиях, сразу же, образно говоря, «сломался» или «надломился» и весь этот период приносил одни заботы и головную боль не только собственно целинному начальству, но и руководству нашей бригады.

Поэтому всю осень 1974 года в нашей части все, кому это было интересно, активно и живо обсуждали дела целинников. В частности, то, что партийная организация целинного батальона, в котором был наш герой-командир целинного взвода из 15 бригады спецназ, за катастрофические упущения в работе, а точнее за ее полный развал два раза предлагала исключить его из партии. Однако, осуществить это не удалось, так как партийная комиссия округа не решилась утвердить данные предложения низовой парторганизации целинного батальона.

Для оказания помощи этому лейтенанту из нашей бригады на целину периодически выезжали то начальник автомобильной службы, то кто-нибудь из командиров рот или батальонов, то представитель политического отдела, но положительных сдвигов в дисциплине, выполнении производственных планов и внутреннем порядке в целинном взводе 15 обрСпН добиться так и не удавалось до тех пор пока на целину не поехали старший лейтенант И.Ю.Содеревский и майор Д.В.Кондратович. Игоря направили на целину, чтобы он любыми доступными способами навел во взводе порядок, а Дмитрия Васильевича, как профессионального политработника, – чтобы, как говорят в таких случаях, он подвел под работу Содеревского партийно-политическую основу.

Как можно было судить, положительного результата им добиться все-таки удалось. История не оставила потомкам сведений о том, какую роль сыграла в этом партийно-политическая работа «Отца русской демократии», как мы все называли майора Кондратовича в бригаде. Да, он, в общем-то, через несколько дней «тщательного изучения обстановки» в нашем целинном взводе благополучно уехал домой. А, вот суровая требовательность старшего лейтенанта Содеревского, который заменил штатного командира взвода, его настойчивость и последовательность в работе с людьми в сочетании с заботой о питании, быте и нуждах подчиненных дали так давно ожидавшийся командиром целинного батальона и командованием всех других степеней положительный результат в виде повышения дисциплины и порядка в целинном взводе, выделенном от войсковой части 64411.

В конце концов, осенью 1974 года целинники во главе с Игорем Содеревским благополучно и без каких-либо потерь вернулись в Чирчик. Поэтому, когда эта целинная эпопея, к всеобщему удовлетворению, наконец-то, благополучно закончилась, и в части все облегченно вздохнули, командир бригады принял совершенно правильное решение о том, чтобы впредь направлять на целину не командиров хозяйственных подразделений, а командиров групп спецназ, причем именно тех, которые были бы способны эффективно работать и руководить людьми в любых условиях обстановки на целине.

В результате, летом 1975 года командовать целинным взводом 15 отдельной бригады специального назначения назначили старшего лейтенанта Валерия Чайку. Судя по тому, что, когда Чайка уехал в эту командировку, и о нем все совершенно забыли, а вспомнили лишь только тогда, когда он вернулся

в Чирчик, можно с уверенностью сказать, что на целине он отработал без каких-либо проблем и тем более происшествий. Правда, когда офицеры бригады спрашивали его об этой командировке, Валерий, как правило, задумавшись и, видимо, вспоминая что-то сугубо целинное, произносил одну и ту же фразу: «Целина, целина, голубые дали. Мы такую целину, знаешь, где видали?» При этом для тех, кто не сразу мог понять, ход его мыслей, Валера Чайка мимикой и жестами давал совершенно однозначный ответ на заданный им самим же вопрос, после чего других ассоциаций, кроме именно тех, которые имел в виду Валера, ни у кого совершенно не возникало.

Весной 1976 года командиры групп Чирчикской бригады (капчагайцы тогда в расчет уже не брались) начали активно обсуждать вопрос о том, кто же в этом году поедет на целину. В категорию возможных кандидатов входили все из нас, кто прослужил в части более полутора лет, то есть все командиры групп спецназ, начиная с 1974 года выпуска из училища. Однако, чем ближе мы, образно говоря, подходили к времени «Ч», тем меньше и меньше становился круг возможных «лидеров» в этой своеобразной «гонке» за весьма почетное право поехать в 1976 году на целину. В конце концов, осталось всего три лейтенанта, в том числе и я, которым командование бригады могло оказать столь высокое и совершенно нежеланное для всех троих доверие.

То, что никто из нас не хотел ехать в эту почетную и достаточно длительную командировку, - это было совершенно очевидно. Поэтому каждый из возможных кандидатов в целинники пытался привести свои аргументы, которые помогли бы ему избежать этой почетной участи. У меня особых аргументов в свою защиту не было, кроме патологического неприятия всего того, что не относилось к боевой и политической подготовке личного состава. Однако это были мои психологические проблемы, которые командирами всех степеней, как правило, не берутся в расчет. Вернее сказать, иногда они все-таки учитываются командирами, но практика показывает, что делается это очень уж редко.

Незадолго до начала формирования в бригаде целинного взвода, во второй половине мая, капитана В.Крутских, старшего лейтенанта Ю.Цыганова и меня направили в Термез для участия в окружных соревнованиях по офицерскому четырехборью. Когда мы летели из Ташкента в Термез самолетом, Крутских «по большому секрету», как он выразился, сообщил, что командиром бригады принято решение о том, чтобы в этом году на целину отправить именно меня.

Конечно, данное сообщение Валеры не обрадовало меня, но я решил по возвращении в Чирчик выложить командованию части имеющиеся у меня аргументы в пользу того, чтобы не ехать на целину. Все время соревнований в Термезе я думал над тем, что же «такое или эдакое» сказать командиру бригады подполковнику В.Колеснику, чтобы это было весомо и, главное, убедительно. Однако, в конце концов, ничего такого, существенного или весомого, чтобы командир бригады мог бы взять в расчет, так мне придумать и не удалось.

Несмотря на невеселые мысли об имеющейся возможности поехать на уборку урожая, мне в ходе этих соревнований удалось получить первый разряд по офицерскому многоборью. Перворазрядником также стал и Юра Цыганов, а

Валера Крутских выполнил нормативы кандидата в мастера спорта (КМС). В этой связи помню, что, когда мы приехали в Чирчик, у нас само собой родилось предложение соответствующим торжественности момента образом отметить наши довольно высокие спортивные достижения и успехи.

Думаю, что внимательный читатель уже может совершенно свободно себе представить, что по месту проведения данного праздничного и торжественного мероприятия у нас, кроме нашей неизменной «Пятой квартиры», каких-то других вариантов совершенно и не предполагалось. Поэтому новоиспеченные перворазрядники и КМС по офицерскому четырехборью сразу же направились в мою холостяцкую комнату «Пятой квартиры».

Когда мы толпой вошли в нее, то все обратили внимание, что в нашей комнате Саша Бабенко (его самого в это время не было дома), видимо, готовясь к моему приезду, навел идеальнейший порядок и даже придал ему определенный налет изысканности. Однако хрустальных бокалов у нас, конечно же, не нашлось, а шампанское даже по такому неординарному случаю пить не хотелось. Поэтому пришлось обойтись той посудой и напитками и закусками, к которым все мы привыкли.

Новоиспеченные спортсмены-разрядники быстренько накрыли стол, пригласили в гости всех, кто тогда был «Пятой квартире», и с пафосом начали отмечать свои спортивные успехи. Со временем, когда Саша Бабенко вернулся домой, то он был немало удивлен, так как от бывшего порядка, чистоты, и тем более изысканности в нашей комнате, любовно наведенных Александром, как можно предполагать, остались лишь смутные воспоминания.

На следующий день перед обедом, когда плановые занятия с личным составом уже закончились, ко мне прибежал посыльный из штаба, который сообщил, что меня вызывает командир части. В связи с тем, что командиров групп комбриг вызывает к себе очень и очень редко, я сразу же понял, что речь пойдет об отправке меня на целину, и в этой связи настало время «выкладывать» припасенные, пусть и скудные, но все же аргументы для отказа от этой командировки. Однако, когда я вошел в кабинет подполковника Колесника, то по его решительному виду сразу же понял, что никакие аргументы не подействуют и не будут восприняты.

Глядя мне прямо в глаза, Василий Васильевич твердо заявил: «Товарищ лейтенант, я принял решение, в этом году на уборку урожая направить Вас». Затем он, предложив мне присесть, сказал, что ему известно о моем нежелании ехать на целину, при этом он, видимо, в целях убеждения, обосновал, почему его выбор пал именно на меня, а не на какого-либо другого офицера нашей части.

Очень хорошо помню, как комбриг проводил со мной эту короткую инструктивную беседу. Он нашел такие слова, такую силу убеждения вложил в них, таким образом настроил меня на несвойственную для нормального командира группы специального назначения работу, что этого мне с лихвой хватило на предстоящие полгода моей целинной эпопеи.

«С самого начала поставьте дело так, чтобы, несмотря на Вашу молодость, завоевать авторитет у подчиненных, которые в большинстве своем и по возрасту и по жизненному опыту будут намного старше Вас, - наставлял

Колесник.- На целине это будет очень и очень трудно, но всю деятельность, службу и работу Вашего взвода организуйте в соответствии с требованиями устава. Только так можно будет добиться соответствующего уровня дисциплины. Конечно, сначала Ваши подчиненные, особенно «партизаны», призванные из запаса, будут всячески сопротивляться этому, а потом, если вы проявите твердость и целеустремленность, постепенно привыкнут и будут выполнять все Ваши требования. И последнее, - заключил Василий Васильевич, - запретить я Вам не могу, но могу посоветовать в течение всей целины не пить спиртное. Стоит Вам один раз выпить, что, естественно, сразу станет известно Вашим солдатам, и завоеванный Вами ранее авторитет будет безнадежно потерян. Запомните мои слова и сделайте соответствующий вывод».

Прощаясь, командир пожелал успеха и пообещал всяческое содействие в подготовке к целине. В связи с тем, что в штате целинного взвода должно было быть шесть солдат срочной службы из нашей бригады, Колесник дал мне право забрать в мой целинный взвод любого бойца из любого подразделения нашей бригады. При этом он сразу же предупредил, чтобы я не обращал внимания на авторитеты, которые попытаются «давить» на меня, чтобы не дать того солдата, которого я бы хотел взять с собой. «Имеете право брать любого! Ваш список положите мне на стол – я все подпишу!»

Как и предупреждал командир бригады, «давить» на меня стали сразу же и, прежде всего, мой командир батальона капитан С.М.Шапиро. В связи с тем, что солдат нашего батальона я знал лучше, чем солдат других подразделений, то шестерых бойцов для целинного взвода, решил взять из второго батальона. Все они были, как говорят в таких случаях, «отличниками боевой и политической».

Можно представить, как на это отреагировал Сергей Маркович Шапиро. Он вполне серьезно грозил мне всяческими карами как до отъезда из Чирчика, так, особенно, после моего возвращения с целины. «Ты же все равно вернешься ко мне! – кричал он. – Ну, тогда уж держись! Я тебе устрою веселую жизнь, когда вернешься после целины!» Но я, ссылаясь на важность тех задач, которые мне предстояло решать, делал свое дело, не обращая внимания на всевозможные угрозы моих прямых и непосредственных начальников. Все остальные должностные лица бригады, и в первую очередь, начальники различных служб к моим проблемам отнеслись с полным пониманием и оказывали, надо сказать прямо, всяческое содействие в период подготовки к убытию из Чирчика.

О целинной эпопее можно было бы много написать, так как для меня, да, думаю, и для большинства из тех, кто в разное время проходил через нее, целина явилась серьезным испытанием, очень трудной, но хорошей и, я бы сказал, полезной армейской школой. Достаточно сказать, что в моем взводе было 35 человек, из которых шесть – срочники из нашей бригады, а остальные – «партизаны», то есть призванные для уборки урожая солдаты запаса, в основном профессиональные водители. В то время, когда я был еще холостяком в свои 24 года, одному из моих «партизан» уже исполнилось 46 лет. То есть он был почти в два раза старше меня. У многих из них имелось по несколько детей, а 46-летний ветеран военной службы оказался еще и отцом пятерых детей, при этом шестой ребенок у него родился, когда он был уже на целине.

Все мои «партизаны» были призваны из города Ката-Курган Самаркандской области. Кроме того, что было также весьма важно, во взводе были представители практически всех национальностей Средней Азии, да и большая часть национального состава Советского Союза. В основном это были узбеки, таджики, туркмены, русские, армяне, казахи и прочая, и прочая, и прочая. Вот таким личным составом пришлось командовать мне в течение целых шести месяцев второй половины 1976 года. А о 23 разномастных, да еще и старых грузовиках, которыми оснастили наш целинный взвод, я уже вообще не говорю.

Командиром нашей целинной роты был назначен майор Голубченко, который проходил службу в одной из частей города Самарканда в должности командира батальона. Остальные трое командиров взводов нашей роты были по званию капитанами, причем далеко не первой свежести, и, как можно судить, направлялись они на целину в основном по принципу: «Возьми-ка, Боже...», ну, а дальше я уже не продолжаю, все и так известно и понятно.

Мне было совершенно ясно, что в этих условиях, с этими людьми и с такой автомобильной техникой, какая была у меня во взводе, командовать целинным взводом, решать стоящие перед ним, как часто говорили в таких случаях, «важнейшие» народно-хозяйственные задачи и, естественно, выживать придется исключительно по-китайски, то есть в основном «с опорой на собственные силы». Поэтому я всегда перед командиром роты ставил вопрос, чтобы мой взвод в тех районах, где нам приходилось работать, ставили отдельно от роты. Это позволяло мне заниматься только своим подразделением, не отвлекаясь на проблемы целинной роты, но при этом контролировать все и всех, и при этом отвечать за все в комплексе. Это, в конечном счете, давало свои положительные результаты как в поддержании соответствующего уровня воинской дисциплины и порядка во взводе, так и в выполнении производственных планов по уборке урожая.

Помня наставления командира нашей бригады подполковника В.В.Колесника, а также основываясь на хоть и небольшом, но положительном собственном опыте работы с людьми, я добился того, чтобы в моем взводе вся служба проходила в соответствии с требованиями устава, естественно, со скидкой на специфику особых целинных условий. Достаточно сказать, что ежедневно, кроме воскресений, утром я строил свой взвод, проводил осмотр внешнего вида солдат и сержантов. В последствии, когда все привыкли к моим требованиям, то, например, утренний осмотр уже проводили сержанты, командиры отделений. Во время утренних построений ставились задачи на день, проводился инструктаж по мерам безопасности, доводилось содержание приказов командира целинного батальона и оперативной группы Туркестанского военного округа, разбирались случаи нарушений воинской дисциплины, недостатков в эксплуатации техники и т.д.

Читатель, не знакомый с реальной целинной спецификой может посчитать, что я говорю о совершенно тривиальных вещах, которые сами собой разумеются в армии. Однако, предлагаю Вам, уважаемый читатель, поверить мне на слово, что всего этого было весьма непросто добиться, особенно на контрасте с тем, что в других взводах нашей целинной роты ничего подобного не было. В подтверждение своих слов могу привести лишь один пример. Ко

мне не только мой взвод, но и солдаты всей нашей целинной роты обращались исключительно на «Вы» или «Товарищ лейтенант», в то время как остальных командиров взводов называли исключительно на «ты» или, что еще хуже, «Эй, ты, капитан». Одно это уже может говорить о многом.

Однако такого положения во взводе можно было добиться лишь личным примером, а также постоянной и ежедневной требовательностью в рамках требований воинских уставов. Памятуя о предупреждении командира нашей бригады подполковника В.В.Колесника быть осторожным в употреблении спиртного, я сразу же всем в нашей целинной роте объявил, что совершенно не пью, и все шесть месяцев своей целинной эпопеи не взял в рот ни капли спиртного. Это, в частности, и многое другое выделяло меня в значительно лучшую сторону по сравнению с другими офицерами роты и способствовало завоеванию в глазах подчиненных твердого, совершенно неподдельного командирского авторитета.

Кроме того, завоевание авторитета, как такового, мне удавалось сочетать с реальной заботой о своих подчиненных. В этом плане всегда особое внимание уделял вопросам обеспечения их всем необходимым и, прежде всего, обеспечением питания моих бойцов. Благо, всем нам повезло с поваром взвода, узбеком по национальности, фамилию которого я, к сожалению, забыл. В этих целях, я ни на какие сделки с продовольственной службой батальона никогда не шел и всегда получал на взвод столько продуктов, сколько было положено. Тыловики нашего целинного батальона к такому подходу мне пришлось приучить с самого начала целины, причем твердыми и однозначно понимаемыми мерами, а порой и силовыми методами.

Правда, еще в самом начале, когда мой взвод стоял отдельно от нашей роты в Кашкадарьинской области, начальник продовольственной службы батальона попытался «надавить», как любил говорить командир нашей бригады В.В.Колесник, на меня или, как сейчас бы сказали, «наехать». Но, видимо, встретив мое, мягко говоря, непроницаемое лицо, уехал ни с чем. Вторую попытку «наехать» начальник продовольственной службы батальона предпринял, когда мы были уже в Кокчетавской области. Приехал он ко мне «снимать остатки продуктов», как он выразился, хранящихся на кухне моего взвода. Проверку, даже самую строгую я не боялся, так как хоть и элементарный, но достаточно точный учет «прихода и расхода» продуктов велся в моей рабочей тетради и подтверждался накладными.

Через 10 минут «снятия остатков» основная цель приезда начальника продовольственной службы батальона стала очевидной, так как он, напустив на себя побольше строгости, сказал моему повару, чтобы один ящик тушенки он отнес в его машину. Однако я, точно соизмерив тон своего голоса с тоном голоса, которым говорил начпрод, приказал повару вытолкать вшаей из кухни этого наглого визитера, что мой повар, здоровый и сноровистый узбек, с удовольствием и сделал.

«А военному прокурору скажешь, если он будет тебя спрашивать, что сделать это я тебе приказал», - сказал я повару громко, чтобы слышал и начальник продовольственной службы батальона, садившийся в это время в машину, а также несколько солдат моего взвода, стоявших недалеко от кухни. Больше никаких подобных поползновений ни со стороны пресловутого

начальника продовольственной службы батальона, ни со стороны других целинных начальников никогда не было.

Сейчас интересно вспоминать о том, что, когда мы стояли в Городенковском районе Ивано-Франковской области, мои бойцы отъелись так, что их сытые и довольные лица или «будки», как их называл командир роты Голубченко, резко контрастировали с теми далеко не «будками», какие были у солдат из других взводов нашей целинной роты. Пришлось объяснить Голубченко, что, кроме положенных нам продуктов, получаемых со склада батальона, «голова сельской рады» того украинского колхоза, в котором мы работали, бесплатно выделяет нам свежие овощи и даже свежее мясо. Поэтому бойцов кормим по-настоящему «до отвала». Тем более, что повар взвода – настоящий мастер своего дела, умудряется регулярно, раз в неделю, а то и дважды, используя колхозное свежее мясо, готовить прекрасный узбекский плов к всеобщему удовольствию как моих солдат-мусульман, так и солдат-православных.

Командиру роты, который через несколько дней после нашего приезда на Украину приехал проверять состояние дел в моем подразделении, было непонятно, как мне удалось сделать так, чтобы колхоз выделял нам совершенно бесплатно, кроме овощей, еще и свежее мясо. Пришлось объяснить ему, что с «головой сельской рады» мне для этого пришлось «розмовлять» на «украинской мови», которую я в свое время немного освоил, когда «проходив навчання», то есть учился в Киевском общевоинском училище.

Как можно было понять, «голове сельской рады» было страшно приятно, что молодой советский офицер, русский по национальности, да еще из далекого Узбекистана «розумие ридну українську мову». Поэтому он уже с первой нашей с ним встречи проникся ко мне особым уважением и, широко разведя руки, произнес: «Просы, шо хош! Прыкажу выдать все, шо вам трэба. Чай, наша Батьківщина нэ обидняе». Ну, я и попросил, не стеснясь, все, что нам надо было. Ведь просил я не для себя, а для всей «партизанской общественности» своего взвода.

Голубченко по национальности был настоящим украинцем, но ни слова не знал по-украински, о чем тогда, видимо, немало пожалел. При этом он в очередной раз поинтересовался: «Как же вас там, в Киевском ВОКУ, учили, что ты, кроме всего прочего еще и украинский выучить умудрился». В завершение разговора он с некоторым сожалением в голосе процитировал строфу из стиха про кота и мышь, несколько изменив ее: «Вот, ты каков! Что значит знание иностранных языков!» При этом, правда, с удовольствием отведал вместе со всем нашим взводом и шурпу, и плов, который как раз в тот день был в нашем меню.

Если сказать в общем, то, с одной стороны, я нещадно «драл» своих целинников, а с другой, проявлял, как это и положено, командирскую, я бы сказал, отеческую заботу о них, что в комплексе давало желаемый и весьма положительный результат. Как, в конце концов, оказалось, по результатам все того же пресловутого социалистического соревнования наш взвод занял первое место в батальоне по количеству перевезенного за шесть месяцев зерна, сахарной свеклы и других сельскохозяйственных грузов. А это, в конечном итоге, отразилось на заработках моих бойцов. Заработки, правда, были какие-то

совершенно не существенные, так как платили им сущие копейки за их адский повседневный труд. Но, тем не менее, это тоже был показатель.

Конечно, все проконтролировать должным образом мне не удавалось, особенно в плане поддержания дисциплины, но с тем, что было в других взводах роты, нашу ситуацию сравнивать было, конечно же, нельзя. Бойцы мои, пользуясь различными солдатскими уловками, находили возможность и выпить, и сачкануть, и в самоволку сбежать. Но серьезных нарушений или происшествий за полгода целинной эпопеи моими бойцами допущено не было.

Я прекрасно понимал, что стоило мне на мгновение расслабиться самому или дать хоть небольшую слабину своим подчиненным, сразу же кто-то что-нибудь «отмочил» бы. Поэтому я прекрасно понимал, что, несмотря на сравнительно солидный возраст, наличие определенного жизненного опыта и прочие достоинства, простой советский солдат в специфических условиях целины – это большой ребенок, требующий постоянного контроля со стороны командиров всех степеней. Если этого нет или командиры находятся не на высоте, то обязательно случаются различного рода неприятности. Подтверждением тому могло служить то великое множество приказов начальника целинной Оперативной группы Туркестанского военного округа, в которых «в цветах и красках» расписывались различного рода происшествия и даже преступления, происходившие в разных целинных подразделениях, которые были подчинены Оперативной группе ТуркВО. Кто-то сунул руку не туда и остался без руки, кто-то при следовании воинским эшелоном вылез на крышу вагона и, дотронувшись до контактного электропровода высокого напряжения, погиб, кто-то пьяном виде сел за руль..., да, разве все перечислишь.

Именно поэтому я нещадно «драл» своих «партизан» и срочников, а вернее требовал от них соблюдения дисциплины в тех рамках, которые определены уставом. Когда же мои бойцы временами возмущались завышенными, по их мнению, требованиями с моей стороны, сравнивая свою незавидную, по их мнению, участь с тем, какая льготная обстановка в других взводах роты, я им всегда отвечал одно и тоже: «Вижу свою задачу на целине в одном – привезти всех вас в Самарканд живыми и здоровыми, а затем отправить всех вас в Ката-Курган к вашим женам, детям и родителям. С учетом именно данной задачи, организовываю свою и вашу службу и работу. Все претензии по поводу того, какой я командир и как командовал вами, принимать буду только в Самарканде. Вот там готов выслушать каждого из вас по поводу претензий ко мне. А сейчас будете делать то, что я требую!» И давно заведенный процесс продолжался, то есть порядок и дисциплина поддерживались на должном уровне.

Во время целинной эпопеи не единожды убеждался в том, что тысячу раз прав был подполковник В.В.Колесник, когда, отправляя меня в эту командировку на целину, говорил о том, что как удастся наладить службу во взводе с самого начала, так и будет до самого конца целины. Ну, а к повышенной требовательности своих командиров подчиненные постепенно привыкают и потом заведенный порядок уже считают обычным делом. Именно так оно и было на самом деле.

В своем повествовании о своей целинной эпопее, хотелось бы вкратце упомянуть еще об одном целинном эпизоде, который произошел в конце ноября, когда мы были на Западной Украине, так как этот эпизод имеет, хоть и косвенное, но все-таки определенное отношение к 15 отдельной бригаде специального назначения. Дело в том, что незадолго до того, как произошло то событие, о котором я хочу написать, ко мне во взвод зачастили многочисленные проверяющие из штаба батальона. То комбат придет, то замполит, то начальник штаба. При этом, как казалось мне, да и моим солдатам, проверять они ничего особенно не проверяли, помощи никакой не оказывали, да она, в общем-то, нам и не требовалась, однако, тем не менее, приезжали они к нам с завидной регулярностью и постоянством.

Самым странным, на мой взгляд, было посещение моего взвода начальником штаба батальона, который однажды приехал в 7:15 утра, то есть ровно через 15 минут после того, как моему любимому личному составу был объявлен подъем. Мой народ, как ему и было положено, в это время умывался, заправлял кровати и т.д. Когда я увидел НШ батальона в столь ранний час, и, как положено, доложил ему, то невольно подумал, что что-то случилось. Ведь, для того, чтобы в столь ранний час добраться до нас из штаба батальона, раннему визитеру необходимо было выехать, как минимум, в 5 часов утра.

Начальник штаба сначала походил по расположению, посмотрел, а вернее просто «попинал сапогами воздух», то есть ничего не делал, а затем он стал задавать мне вопросы типа:

- А зачем ты поднял бойцов так рано, ведь сегодня работы в поле по вывозу сахарной свеклы однозначно не будет, так как второй день идут дожди, и все дороги безнадежно развезло.

- Распорядок дня в армии от погоды не зависит, - ответил я, несколько не понимая, зачем был задан этот вопрос.

- Ну, дал бы народу поспать сегодня. Ведь занять их все равно сегодня нечем.

- Как нечем? – удивился я. - В Вооруженных силах, а тем более на целине, всегда есть, чем заниматься солдату, да и офицеру тоже. Основная часть людей будет ремонтировать и обслуживать машины, кого-то отправлю в помощь повару чистить картошку и резать капусту. А после обеда, кто захочет, пусть поспит. Вечером отправлю всех в кино, благо сельский клуб находится в 100 метрах от той школы, в которой мы живем.

Когда мы до начала завтрака для всего личного состава позавтракали с начальником штаба, он стал ходить между столами, заглядывая в тарелки солдат, которые к тому времени уже приступили к завтраку. Спрашивал бойцов о питании, интересовался наличием добавки на кухне. Солдаты, кто с шутками, а кто серьезно, показывая на свои довольные лица или увеличившиеся в размерах животы, дали капитану понять, что здесь у нас проблем нет. После развода личного состава на работы, так ничего «путного» и не сказав, начальник штаба нашего целинного батальона уехал.

После его отъезда у меня, естественно, возник вопрос: «Зачем же приезжал начальник штаба? При этом так рано и так бесцельно». Но долго думать над столь непонятным для меня вопросом мне было недосуг, поэтому я сразу же забыл об этом «визите вежливости».

Зачем приезжал НШ, как, в общем-то, и другие визитеры из батальона, стало понятно несколько позже, а точнее в конце ноября, когда мне позвонил все тот же начальник штаба и приказал со всеми имеющимися у меня личными документами прибыть в штаб батальона. В этой связи у меня, прежде всего, возникла совершенно шальная мысль о том, что, может быть меня досрочно отправят домой, но эта мысль оказалась из разряда несбыточных.

Как оказалось, вызов был связан с тем, что по результатам работы по выполнению правительственного задания по уборке урожая командованием нашего целинного батальона меня решено было наградить орденом Красной Звезды, который, кстати сказать, оказался весьма распространенной наградой на целине. Только после того, как начальник штаба батальона объявил мне об этом и начал оформление наградного листа, я, в конце концов, понял, зачем все-таки совсем недавно приезжал НШ в расположение моего взвода, а также и другие проверяющие из целинного батальона. Они, как оказалось, приезжали для того, чтобы самим увидеть состояние дел в подразделении, и «присмотреться» ко мне, по принципу: «Достоин ли кандидат на награждение?». Получалось, что «достоин».

Процедура оформления наградного листа на орден Красной Звезды много времени не заняла. Однако, когда очередь дошла до полного названия той воинской части, в которой я прохожу службу, возникла серьезная проблема. Назвать истинное наименование нашей части офицеру, который никакого отношения к войскам специального назначения не имеет, я, конечно же, не мог. В этой связи посоветовал начальнику штаба целинного батальона написать в соответствующей графе наградного листа: «Войсковая часть 64411». Это предложение он сразу же отверг, так как необходимо было вписать полное наименование, то есть «15 отдельная бригада специального назначения», которое было, естественно, секретным.

Выкручиваясь из создавшегося положения, я предложил использовать легендированное название нашей части: «Отдельная воздушно-десантная бригада». Начальник штаба, все больше распаляясь, начал разговаривать со мной уже на повышенных тонах. Он никак не мог понять, как это так получается, что ему, офицеру, допущенному к совершенно секретной документации и информации, нельзя сообщить, пусть даже и секретное наименование какой-то там воинской части. Как оказалось, ему было совершенно непонятно, почему это секретное наименование части нельзя написать в секретном же документе, каким является наградной лист на офицера.

Пришлось ему долго и терпеливо разъяснять и напоминать, что каждый из нас допущен к различного рода секретной информации, которой мы, в соответствии с ныне существующими приказами и инструкциями, не имеем права обмениваться друг с другом. «У каждого из нас своя секретная информация, к которой мы допущены, - заявил я, - хотя степень допуска к секретному делопроизводству может быть совершенно одинаковая».

Надо было видеть, как возмущался начальник штаба целинного батальона и как грозил порвать мой наградной лист со словами: «И вот тогда, плакала твоя награда, кстати, вполне заслуженная!» Но я твердо и непреклонно стоял на своем, предлагая лишь возможные варианты заполнения наградного

листа: написать или номер моей воинской части, или ее легендированное название. Других вариантов я не допускал.

Начальник штаба батальона «сломался» лишь тогда, когда сидевший в углу кабинета и совершенно не принимавший участия в нашей дискуссии на повышенных тонах какой-то старший лейтенант вдруг, перед тем, как выйти из комнаты, сказал, обращаясь к начальнику штаба: «Да, напиши ты именно так, как он тебе говорит».

Странно, но проблема была сразу же разрешена. На мой вопрос, кто этот старший лейтенант, начальник штаба ответил, что это оперуполномоченный особого отдела нашего целинного батальона. К своему удивлению, я тогда впервые узнал, что, оказывается, были на целине и такие должности, которые к самому процессу уборки выращенного советским народом урожая имели весьма и весьма опосредованное отношение.

После прибытия нашей целинной роты воинским эшелоном в Самарканд в начале декабря 1976 года личный состав и техника были разгружены, и мы расположились в казармах одной из воинских частей на окраине города. Когда технику поставили в полевом автопарке и закончили все необходимые мероприятия, мои ката-курганские «партизаны» попросились отпустить их домой до утра следующего дня. Ну, что ж, понять их чувства можно, они в нескольких десятках километров от дома, где не были ровно полгода. Я на свой страх и риск взял из них одного самого надежного водителя, а также назначил старшего машины, проинструктировал их обоих по мерам безопасности буквально, как говорят в таких случаях, «до слез», выписал путевку на машину в Ката-Курган и, потребовав вернуться в расположение роты к 10 часам утра следующего дня, отправил всех ката-курганцев домой.

Точно к указанному сроку мои ката-курганские «партизаны» вернулись в Самарканд. Когда я попытался их построить, чтобы проверить, все ли вернулись, то с самого начала сделать мне это не удалось. Они галдящей толпой выпрыгивали из кузова машины, окружили меня и наперебой стали делиться впечатлениями от встреч со своими родственниками. Кто-то из них, как мне казалось, ни с того ни с сего жал мне руку или обнимал меня. В этом гомоне я, в конце концов, понял, что с таким шумом и эмоциями каждый из них передает мне благодарность своих родственников за то, что я их привез живыми, здоровыми и невредимыми домой.

Честно скажу, я был до глубины души растроган такой бурной реакцией моих, как правило, совершенно скупых на эмоции «партизан». А мой 46-летний ветеран, узбек по национальности, выйдя в центр круга, в котором я оказался, почти дословно пересказал адресованные мне слова благодарности своего 80-летнего отца. После этого, выполняя просьбу отца, даже попытался стать передо мной на колени. Сделать это я ему, конечно, не позволил, но мы обнялись с ним как братья, переполняемые нахлынувшими на нас эмоциями. Честно признаюсь, скупая мужская слеза меня в этот момент все-таки посетила, но я ее быстро «ликвидировал».

Когда эмоции несколько улеглись, я все-таки построил взвод. Однако, как только обратился к своим бойцам и объявил, что официально готов принять от них все претензии и заявления, которые у солдат накопились за время целины, строй с шумом распался. В конечном итоге, мы все расселись в

казарме прямо на кроватях и табуретках и стали обсуждать текущие проблемы, связанные со скорым расформированием нашего целинного подразделения.

В это время я поймал себя на мысли, что, несмотря на то, что я страшно не хотел ехать на целину и все, чем ежедневно приходилось заниматься в течение этих шести месяцев, вызывало у меня буквально «зубовный скрежет», а вот с людьми, которые все это время приносили мне, в основном, заботы, хлопоты и головную боль, расставаться все-таки не хотелось. Вложил в них определенную часть своей души, поэтому, видимо, и жаль было с ними расставаться. Не знаю, помнят ли они до сих пор о целине и обо мне, в частности. Хотелось бы, чтобы хоть что-то, но все-таки помнили. Но я их, моих подчиненных, «партизан», целинников и то непростое и суровое время помню очень хорошо.

В Самарканд для оказания помощи в расформировании нашего целинного взвода приехал начальник автомобильной службы бригады Хайдаров, который к тому времени уже получил звание майора. Во главе с ним мы без особых проблем сдали всю имевшуюся технику. Затем, попрощавшись с «партизанами», своим ходом на трех оставшихся у нас машинах и одном ЗИЛ-131 из нашей части 15 декабря вернулись в Чирчик.

Утром следующего дня вместе с прапорщиком Лешей Озорниным прибыли в кабинет командира бригады. Я коротко доложил В.В.Колеснику, который за время нашего отсутствия в части получил звание полковника, о том, как прошла командировка на целину. Кроме того, я рассказал Василию Васильевичу о проблеме, которая сложилась с моим наградным листом, в связи с необходимостью вписать в него название нашей части. Комбриг сразу же, при нас, поднял телефонную трубку и поставил задачу начальнику строевого отдела майору Обухову разобраться в Управлении кадров округа с моей наградой и доложить ему.

Рафик Латыпов, когда я впервые после целины пришел в свою холостяцкую комнату Пятой квартиры, полночи рассказывал мне то множество новостей, которые произошли в нашей бригаде за эти шесть месяцев. Самым интересным оказалось то, что за время моего отсутствия Федю Волоха, Рафика Латыпова и меня командование части предлагало в качестве кандидатов на досрочное присвоение нам очередного воинского звания старший лейтенант.

Для оформления представлений на звания необходимы были наши фотографии в парадной форме. Однако Федя в это время был в отпуске, а я – на целине. Рафис в поисках моей фотографии перерыл все мои книги и фотоальбом, которые остались в моей холостяцкой квартире, но ничего подходящего не нашел. Поэтому представление на досрочное звание было оформлено только на Рафика Латыпова, и он его получил на три месяца раньше нас, в мае 1977 года.

Ну, а за целинную эпопею я получил, правда, не орден Красной Звезды, а лишь медаль «За трудовое отличие», которую в феврале 1977 года мне перед строем бригады вручил полковник В.В.Колесник. Сначала, когда мне майор Обухов, начальник строевого отдела бригады, сообщил о награждении медалью, я, честно скажу, очень расстроился из-за того, что не наградили орденом. Однако, когда командир отряда капитан С.М.Шапиро, успокаивая меня, сказал: «Подумай, не все ли равно – орден у тебя или медаль. Ведь,

например, при поступлении в Военную академию имени М.В.Фрунзе ты все равно пойдешь вне конкурса как офицер, имеющий государственную награду», - я успокоился, хотя было, конечно, жаль, что орден прошел хоть и рядом со мной, но все-таки мимо меня.

Когда для меня вопрос ордена-медали уже совсем потерял актуальность, Валера Болдырев, мой однокашник по Киеву, будучи человеком с хорошим, тонким юмором, больше всех других допекал меня по этому поводу. Каждый раз встречая меня в части или за ее пределами, Валерий, пожимая мне руку, как правило, привлекал внимание окружающих словами типа: «Посмотрите, этот человек у нас совсем не гордый, ведь он, также как известный всем Василий Теркин, «согласен на медаль».

Кроме того, так называемая «целинная» медаль в бригаде специального назначения, как правило, вызывала массу шуток и подколов и даже насмешек со стороны моих сослуживцев. В этой связи особенно рьяным шутникам приходилось отвечать отрывком из стихотворения неизвестного мне автора: «Медаль за бой, медаль за труд из одного металла льют». И только Игорь Стодереvский, который тоже вкусил свою долю «целинного лиха», всегда становился на мою сторону, а особенно рьяным шутникам предлагал в следующем году съездить на уборку урожая, чтобы навсегда пропала охота «шутковать по этому поводу».

Кстати сказать, несмотря на то, что целина с ее «голубыми далями» для меня закончилась и все перипетии, связанные с ней, начали забываться, однако проблемы с заработанной на целине медалью «За трудовое отличие», как ни странно, имели продолжение в конце 1977 года. Когда в 15 обрСпН была сдана осенняя проверка, ко мне подошел начальник строевого отдела бригады майор Обухов, который, по его словам, обо всем в части узнавал раньше всех остальных, порой даже раньше комбрига, и, называя меня исключительно на «Вы», заговорщическим тоном и приглушенным голосом сообщил, что по результатам сдачи проверки командир части принял решение представить меня к награждению орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» третьей степени. На мой справедливый вопрос: «За что? Ведь никаких подвигов я не совершал», - Обухов заявил, что у нас награждают орденами не только за подвиги, но и, как он выразился, «по разнарядке сверху». Как он тогда пояснил, это решение было принято, кроме всего прочего, также и в связи с тем, что в 1976 году мне планировалось присвоить очередное воинское звание досрочно, но, как оказалось, целина мне помешала.

Об этой новости я рассказал Сереже Ершову, и мы вместе с ним порадовались зато, что, несмотря ни на что, людей у нас в бригаде все-таки ценят и не забывают. Представление к награждению орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» было особенно приятно еще и потому, что он был введен лишь каких-то три года назад, в октябре 1974 года. Ну, а в бригаде его имели всего три офицера: полковник В.Колесник и старшие лейтенанты И.Стодереvский и Ю.Цыганов. Кроме того, такой же орден был у погибшего полгода назад капитана С.Шапиро. Оценивая возможное награждение меня этим новым для Вооруженных сил орденом, Сережа Ершов задумчиво и с некоторой завистью в голосе сказал: «Да, если из этого что-либо получится, то у тебя будет интересное сочетание наград: совершенно

гражданская медаль «За трудовое отличие» и военный орден «За службу Родине в Вооруженных силах СССР».

Через некоторое время все тот же майор Обухов, с сожалением, сообщил, что мое представление на орден «благополучно» вернулось из Ташкента. По его словам, на нем карандашом было написано красивым почерком какого-то окружного кадровика: «Имеет правительственную награду в 1976 году». А этого оказалось достаточно, чтобы не представлять к ордену «по разнарядке с верху».

В те годы действительно существовал приказ министра обороны СССР, согласно которому за успехи в боевой и политической подготовке к очередной государственной награде офицера можно представлять лишь один раз в 4 - 5 лет. Исходя из этого положения, отказ кадровиков был вполне оправдан и справедлив. Однако моя-то медаль была получена за выполнение специального правительственного задания по уборке урожая, а не «за успехи в боевой и политической подготовке». Но это, как видно, никто тогда в расчет брать не хотел.

Ну, а общее мнение всех, кто знал о моем несостоявшемся ордене, выразил Игорь Стодереvский, у которого на все и всегда, как правило, было свое собственное мнение. Он подошел ко мне и с сожалением, сказал: «И, на хрена ты, вообще, получал эту свою целинную медаль. Сейчас был бы у тебя орден «За службу Родине в ВС СССР». Но, зная, не судьба.

В последствии я много думал над тем, справедливо ли было то, что меня тогда хотели представить к этому злополучному ордену, и пришел к выводу, что ничем особенным я в тот период времени не отличался от других своих сослуживцев. Награждать тогда можно было практически каждого командира группы, ведь все мы работали с полной отдачей и добивались соответствующих результатов. Поэтому жаль было не столько того, что орден не достался лично мне, а жаль было того, что он не достался вообще никому из огромного множества достойных офицеров нашей бригады спецназ.

В конечном итоге и тогда, и много позже я был рад тому, что окружной кадровик по формальным признакам все-таки отказал мне в награждении. Это, казалось бы, самое рядовое событие в службе оказало на меня весьма серьезное воздействие, суть которого сводилась к тому, что сам собой пришел вывод о том, что в армии, да и не только в ней, любое поощрение, не говоря уже о государственной награде, должны быть по-настоящему заслужены, а не, образно говоря, «выстояны в очереди», как это порой бывает в Вооруженных силах, да и в других структурах.

Видимо, под влиянием тех далеких, но весьма поучительных для меня событий 1977 года, уже в 1995 году я сам отказался от того, чтобы на меня написали представление на орден. Несмотря на то, что, руководствуясь все теми же пресловутыми «формальными признаками», мое начальство посчитало меня достойным награждения столь высокой государственной наградой, каким является орден, я все-таки нашел в себе мужество, чтобы отказаться, так как в тех условиях не считал это для себя возможным и оправданным.

- Зря отказываешься, тем более, что ты, по мнению руководства, заслужил этот орден, - заявил мой начальник Александр Николаевич и спросил, - а, впоследствии не пожалеешь?

- Может быть, и пожалею. Но в последующем сделаю все от меня зависящее, чтобы свой орден получить заслуженно, без всяких натяжек и различного рода скидок на особые условия и так далее.

Впоследствии именно так, как я говорил, и получилось. В январе 2000 года указом исполняющего обязанности Президента России В.В.Путина я был награжден орденом «За военные заслуги». И эта награда оказалась для меня вполне заслуженной, что совершенно ясно следует и из названия этого ордена, и из той формулировки, которая была в указе: «За выполнение задач Командования, связанных с риском для жизни».

Кроме того, этот орден дорог для меня еще и тем, что было очень немного наград, которыми награждал российских граждан исполняющий обязанности Президента России В.В.Путин, так как он находился в этой должности около трех месяцев.

Не хочу свою целинную эпопею сравнивать с войнами в Афганистане или в Чечне, но ведь и участники этих войн, в большинстве случаев, помнят эти боевые дни всю жизнь и очень часто вспоминают то, что было в те времена. Экстремальность и напряженность обстановки присутствовала и на целине, что, возможно, и обуславливает постоянные возвращения моей памяти в ту нелегкую для меня пору. Кстати, видимо, по этим же причинам после того, как, повинувшись воле военной судьбы, мне пришлось уйти из спецназа, я все время вспоминал и до сих пор вспоминаю свою нелегкую, но очень интересную и романтическую службу в войсках специального назначения.

РЕАБИЛИТАЦИЯ ПОСЛЕ ЦЕЛИНЫ

Читатель может живо представить, с какой тоской на душе я в июне 1976 года уезжал из Чирчика на целину. Во всяком случае, я попытался достаточно точно описать свои чувства того времени. Следовательно, читатель также легко может себе представить, с какой радостью, подъемом и новыми надеждами я вновь вернулся в свою родную бригаду в декабре 1976 года, которая мне стала еще роднее, чем была раньше. Я ходил по части и, честно скажу, не мог надышаться родным и столь привычным мне воздухом, а вернее насладиться той обстановкой, которая была в части.

На первых порах все здесь меня радовало и, прежде всего, та деловая, а точнее боевая обстановка, которая сразу же бросалась в глаза. Как мне показалось с самого начала, деятельность 15 отдельной бригады специального назначения была полностью пронизана боевой учебой.

В это время в части проводились сборы «партизан», которых было целых два отряда. Одним из них командовал майор А.Л.Голубович, а вторым – капитан А.Михайлов. Всем ротам и отрядам бригады пришлось в своих казармах уплотниться так, чтобы вместить личный состав «партизанских» подразделений

Одним из изменений, произошедших в части за время «ведения мною активных боевых действий за урожай 1976 года», было то, что мой первый в 15 обрСпН командир роты А.Л.Голубович, пока я «воевал» на целине, стал уже командиром, так называемого «бумажного» батальона, то есть перешел на сугубо штабную работу. Командовать личным составом ему приходилось лишь тогда, когда в часть призывался подчиненный ему приписной состав, как это было в декабре 1976 года. С Александром Леонидовичем мы долго беседовали, рассказывая друг другу каждый о своем. Я ему поведал о целинных мытарствах, а он о ситуации в части и тех новшествах, которые произошли за последние полгода. Собеседник посетовал на то, что после переподчинения нашей бригады Туркестанкому военному округу акценты в ее учебно-боевой деятельности постепенно стали смещаться от плановой учебы в сторону далекую от повышения уровня боевой учебы и боевой готовности личного состава.

В подтверждение своих слов майор Голубович обратил мое внимание на возведенные в автопарке, вместо саманных сараев, железобетонные боксы для техники и другие строительные объекты, которые «поднялись» на территории части за полгода моего отсутствия. «Все, что строится, конечно же, нужно бригаде, - заявил Александр Леонидович, - однако возводиться строительные объекты должны профессиональными строителями, а не спецназовцами, которым «необходимо учиться военному делу настоящим образом».

Слова и мысли, излагавшиеся майором Голубовичем, в ходе этой беседы меня тогда, помнится, совершенно не тронули. Вернее, я даже не попытался вдуматься и понять суть его рассуждений. Видимо, для этого в тот

момент, да и несколько позже, для меня еще не пришло время. Я был рад тому, что, наконец-то, вернулся в бригаду, что с достаточно высоким качеством выполнил те задачи, которые ставились передо мной на целине. «А уж здесь-то, в нашей самой боевой бригаде, все трудности преодолеем и все задачи решим, - думалось мне тогда. – Хуже, чем было на целине, уже не будет». Поэтому беседа с Голубовичем меня, честно надо сказать, не огорчила и не расстроила. Совершенно не забывая себе голову нынешними проблемами бригады, которых раньше не было в части, я в тот период воспринимал все, что происходило в нашей части, в ярко розовом цвете, и пока не стремился к более углубленному познанию объективной реальности, действительности и имеющихся проблем.

Особенно меня обрадовало то, что на последнюю декаду декабря в бригаде планировалось проведение прыжков с парашютом, которые должны были совершать, прежде всего «партизаны», находившиеся на сборах приписного состава. Это было весьма кстати, так как лично я в 1976 году вообще не прыгал, а, следовательно, выполнение программы прыжков с парашютом за этот год было у меня под угрозой со всеми вытекающими из этого потерями для выслуги лет и десантных льгот, которых можно было лишиться. Дело, в общем-то, было не в льготах и выслуге лет. Просто очень хотелось попрыгать после длительных целинных приключений.

Дня через три после моего прибытия в часть меня вызвал к себе капитан С.М.Шапиро и сообщил, что я назначен командиром третьей группы в четвертую роту старшего лейтенанта Ю.Цыганова. Со слов комбата, я узнал, что группа у меня хорошая, так как является внештатным музыкальным взводом бригады, куда, как я, в общем-то, знал, всегда подбирали самых толковых бойцов. «Так что, сдавай свое целинное имущество и дела, принимай группу и начинай командовать, - заявил Сергей Маркович, - А то ведь они уже несколько месяцев без офицера, правда, сержанты во взводе толковые, справляются и без офицера и очень даже неплохо».

Пришлось сказать комбату, что рад бы приступить к работе сразу же, тем более, что очень соскучился по настоящему делу, однако хотелось бы, прежде всего, сделать хотя бы пять прыжков с парашютом, чтобы выполнить программу за текущий год. Кроме того, в связи с тем, что за неиспользованные выходные во время целины мне положено 10 суток отпуска. В этой связи также хотелось бы еще и в отпуск съездить к матери. Шапиро лишь согласно кивнул головой и произнес: «Все понятно. Давай прыгай с парашютом, выполняй программу за текущий год. Затем езжай в отпуск, ну, а уж потом с новыми силами приступай к работе, но будет это, как мне представляется, уже в Новом 1977 году».

Надо отдать должное Сергею Марковичу, ведь ни в ходе этой беседы со мной, ни, тем более, в последующем он ни разу даже не намекнул на то, что он не забыл про свою угрозу в мой адрес по поводу того, что я совсем недавно, в июне месяце 1976 года, вопреки его воле, увез с собой на целину шестерых лучших бойцов второго отряда. Не думаю, что любой командир на его месте поступил бы точно также, как он. Но капитан С.М.Шапиро являлся человеком большого мужества, порядочным и, как оказалось, совершенно не злопамятным, который был способен реально, без огульного субъективизма оценивать как себя, так и других людей, и, прежде всего, своих подчиненных.

Видимо, за эти человеческие и командирские качества его всегда искренне уважали и ценили в нашей бригаде как командира и человека.

Как потом оказалось, не только я, но и вся бригада с нетерпением ожидала прилета из Ферганы трех самолетов Ан-2, которые, дождавшись ясной погоды, чтобы спокойно преодолеть горный перевал, 22 декабря прилетели в Чирчик. Когда же долгожданные самолеты, наконец-то, один за другим пролетали над территорией нашей части, приветствуя нас покачиванием крыльев, все, кто видел их, радостно, протяжно, дружно и громко закричали: «Ура!»

Парашюты в тех подразделениях, которые должны были прыгать, к тому времени, в основном, были уже уложены, поэтому мне пришлось пристроиться к одной из «партизанских» рот и уложить для себя два парашюта. Оказалось, что пока я был на целине, 15 бригаду специального назначения перевооружили на новый парашют Д-5, поэтому одновременно с укладкой представилась возможность изучить устройство этого незнакомого мне парашюта, который во всех отношениях оказался намного проще старого Д-1-8. Особенно явно это ощущалось в ходе укладки.

Утром 23 декабря колонна ЗИЛ-131 с личным составом и «партизанами» нашей бригады вытянулась вдоль улицы Юбилейной, двигаясь на аэродром. В основном прыгать должны были только «партизаны», а также те спецназовцы нашей бригады, кто по разным причинам, как, например, я, еще не выполнил программу прыжков с парашютом за текущий год.

На аэродроме с интересом наблюдал за предпрыжковой суетой в подразделениях «партизан», основную часть которых составляли запасники или «партизаны», в спецназе никогда не служившие. В лучшем случае, кто-то из них срочную службу проходил в воздушно-десантных войсках, но таких среди них также было очень и очень мало.

Дело в том, что после того, как 15 отдельную бригаду специального назначения передали в распоряжение Туркестанского военного округа, весь приписной состав нашей части, основная часть которого числилась за нашей бригадой, остался в Среднеазиатском военном округе и был приписан к Капчагайской 22 обрСпН. И это было вполне естественно, ведь в бригаду приходили служить, в основном, призывники из Казахстана, Таджикистана и Киргизии, которые после увольнения в запас возвращались, как правило, туда же, откуда и призывались. При этом после увольнения в запас они в своих военкоматах автоматически приписывались к Чирчикской бригаде спецназ. Однако, когда 15 обрСпН разделили на две самостоятельные бригады, то весь подготовленный и обученный приписной состав войск специального назначения, проживавший на территории Среднеазиатского военного округа, достался Капчагайской бригаде, в то время как Чирчикская бригада осталась совершенно без собственных подготовленных мобилизационных ресурсов, так как до 1976 года из Узбекистана и Туркмении солдаты в Чирчикскую бригаду вообще не призывались.

Исходя из сложившейся ситуации, сразу же после передачи 15 обрСпН в распоряжение Туркестанского военного округа бригада приступила к подготовке для себя приписного состава. А это, как можно себе представить, оказалось достаточно непростым делом, так как сначала надо было в военных

комиссариатах преимущественно Узбекистана и, частично, Туркмении подобрать служивших в других войсках офицеров, сержантов и солдат запаса, которые по всем своим параметрам отвечали бы требованиям, предъявляемым к военнослужащим запаса войск специального назначения. Затем необходимо было в ходе трехмесячных сборов на базе нашей бригады из закрепленных за нами приписников подготовить настоящих спецназовцев различных военно-учетных специальностей.

Теперь, после вышеизложенных пояснений, читателю, вероятно, стало понятно, почему тогда на аэродроме я с нескрываемым интересом наблюдал за «партизанами», которые, в большинстве своем, готовились к первому в своей жизни прыжку с парашютом. Партизаны на Чирчикском аэродроме мне невольно напомнили моих недавних подчиненных, целинных партизан, и прежде всего, их пусть и не преклонным, но уже и не очень юным возрастом.

Что еще «партизан»-спецназовцев, образно говоря, роднило с моими «партизанами»-целинниками, так это их национальный состав. Действительно, среди них довольно большую часть составляли узбеки, а также представители других среднеазиатских республик СССР. Славяне среди них тоже были, но, как мне показалось, их число оказалось, сравнительно, небольшим.

Когда с такими мыслями и наблюдениями я прохаживался в промежутках между укладочными полотнищами, на которых стояли парашюты в козлах, ко мне подошел один из «партизан» и с заметным узбекским акцентом попросил:

- Таварыщ лейтенант! Пайдем, пажалуста, проверишь мой парашют.
- А у тебя, что, командира нет, что ли? – спросил я.
- Есть, но он такой же «партизан», как и я. А ты, все знаешь. Пайдем.
- Что, боишься прыгать? – поинтересовался я.
- Баюсь, канечна, но деваться некуда. Придется прыгать, паэтаму хочется знать, что с моим парашютом все нарамальна.

Меня немало повеселила и речь этого бойца, и его вид. Он был, явно, холерик по темпераменту, поэтому говорил бегло, а двигался быстро и резко. Я еле успевал за ним, когда он вел меня к тому месту, где стоял его парашют. Понимая, что он волнуется перед прыжком, решил использовать некоторые элементы из арсенала психологической подготовки парашютистов-десантников, чтобы до конца укрепить в нем чувство уверенности в себе и убедить его в том, что при совершении прыжка с парашютом у него все будет нормально.

- Парашют сам укладывал? – поинтересовался я.
- Да, а камандыр роты камандавал укладкой, - уверенно ответил мой собеседник.

- Хорошо. Вот, теперь давай вместе все проверим, - сказал я с уверенностью в голосе, хотя сам всего лишь несколько дней назад впервые увидел парашют Д-5 «живьем». Поэтапно, как и положено по инструкции, показал «партизану», что «запаска» его парашюта и двухконусный замок находятся в нормальном состоянии, стабилизирующий купол правильно закреплен на ранце, а страхующий прибор точно выставлен по времени и высоте срабатывания и установлен в кармане ранца. – Как можешь судить сам,

все в твоём парашюте соответствует инструкции. Так что не сомневайся, все будет нормально, - все с той же уверенностью в голосе заявил я.

- Вот, спасибо, товарищ лейтенант!

- Прыгнешь, обязательно найди меня и расскажи, какие у тебя ощущения были во время прыжка, - сказал я, точно так же, как это в свое время говорил мне полковник Ленский перед моим первым прыжком с парашютом.

- Обязательно расскажу, - с улыбкой заявил мой собеседник, протягивая мне обе руки, как это обычно делают узбеки, чтобы искренне поблагодарить за помощь.

А прыжки тем временем начались. Сначала в направлении Багиша ушел «королевский» корабль с офицерами штаба бригады, а затем поочередно в Ан-2 стали загружаться бойцы «партизанского» отряда специального назначения майора Голубовича. В связи с тем, что я уже почти полтора года не прыгал с парашютом, а также потому, что во время целины просто жаждал как можно скорее окунуться в настоящую боевую жизнь бригады, жадно вглядывался во все, что происходило на аэродроме и пытался впитать и тот дух и настрой, которые витали вокруг.

Вдруг по аэродрому молниеносно распространилась новость о том, что кто-то из «партизан» уже в самолете отказался прыгать. Первым об этом узнал боец, который на аэродроме в бинокль наблюдал за выброской парашютистов над Багишем. Не успел он доложить полковнику В.А.Ленскому о том, что из такого-то Ан-2 выпрыгнуло не десять, а девять парашютистов, как эту же неприятную новость сообщили на аэродром с площадки приземления и по радио. После этого она сразу же стала «достоянием всей общественности». «Общественность», конечно же, с большим интересом стала наблюдать за шедшим на посадку самолетом, в котором был отказник.

Когда Ан-2 приземлился, в открытой двери показался «партизан», который отказался прыгать. Выпускающий этого самолета что-то крикнул ему, пытаясь перекричать шум мотора, но потом махнул рукой в направлении заместителя командира бригады по ВДС полковника В.А.Ленского и стал помогать «партизанам» следующего корабля загружаться в Ан-2. Отказник же, как можно было судить по его виду, узбек по национальности, понутив голову, поплелся к стоявшему не вдалеке полковнику Ленскому, повесив парашют за лямку подвесной системы на правое плечо.

Что говорил Виктор Александрович подошедшему к нему «партизану», слышал лишь узкий круг тех людей, которые стояли в тот момент рядом с ним. Однако вездесущая «народная молва» сразу же распространила по аэродрому резюме его беседы с бойцом, которое сводилось к тому, что заместитель командира бригады по ВДС коротко поинтересовался причинами отказа прыгать и, почти не слушая ответа, произнес: «Ну, иди к своим ребятам, пусть теперь они с тобой разбираются», - и показал на уже собравшуюся невдалеке толпу земляков этого парня, которая буквально галдела, показывала пальцами в сторону отказника, оживленно обсуждая случившееся.

Все, кто был на аэродроме, бросили свои дела и молча наблюдали за происходящим. А тем временем, толпа окружила «партизана», отказавшегося прыгать, и загалдела еще громче. Напряжение нарастало и создавалось впечатление, что сейчас виновника могут даже побить. Несколько офицеров и

прапорщиков, которые находились поблизости, подошли поближе, чтобы, в случае чего, предотвратить возможную экзекуцию.

Но до рукоприкладства дело не дошло, хотя громкие возбужденные голоса на узбекском языке раздавались еще долго. Потом вдруг все сразу же стихло, толпа расступилась и виновник инцидента, понутив голову, пошел к тому кораблю, который в это время проверял полковник Ленский. Я же, ухватив за рукав одного из представителей недавно бушевавшей толпы, проходившего мимо, спросил:

- Что они там ему говорили?
- О, сильно ругались, матом ругались! – ответил свидетель воспитательной беседы, намекая на то, что узбеки матом ругаются лишь в самых исключительных случаях.
- Ну, а что конкретно-то говорили?
- Спрашивали, почему не прыгнул.
- А, он, что ответил, - поинтересовался я.
- Сказал, что боится, что дома у него жена, дети.
- А, вы ему, что говорили?
- Стыдили его, говорили, что позорит нашу нацию. Спрашивали, почему русские все прыгают, ведь у них тоже есть жены и дети, а он отказывается. Мы тоже боимся, но прыгаем, и у нас есть дети. Он тоже должен прыгать, чтобы не позорить нашу нацию.

«Да, - подумал я, - после такой обработки он обязательно прыгнет». И действительно, отказник в это время уже стоял рядом с полковником Ленским и что-то объяснял ему. Виктор Александрович сначала покивал головой, затем помог ему надеть парашют, а потом поставил третьим по счету в очередную корабельную группу, предварительно переставив кого-то из «партизан» в другой корабль.

За всеми этими действиями и телодвижениями внимательно наблюдали практически все «партизаны», а также солдаты и офицеры нашей бригады, находившиеся на аэродроме. А когда самолет с отказником поднялся в воздух, все мы развернулись в направлении Багиша и стали ждать выброски, не теряя этот Ан-2 из вида. Когда же выброска была осуществлена, и мы увидели, что все десять куполов парашютов раскрылись, над аэродромом разнесся громкий гул голосов одобрения, а некоторые офицеры и солдаты даже захлопали в ладоши в знак удовлетворения. Те же ребята-узбеки, которые больше всех выговаривали серьезные претензии своему земляку и которые так до сих пор стояли толпой и наблюдали за происходящим, радовались как дети и, смеясь, обнимали друг друга от переполнивших их чувств.

У всех, кто был свидетелем произошедшего инцидента, в этот момент было светло и радостно на душе, так как на наших глазах человек смог преодолеть свой страх и одержал победу над самим собой, которая, вполне возможно, может оказаться самой большой победой в его жизни. Ведь, как известно, в жизни можно добиться многого и преодолеть массу трудностей, но не всегда и не каждому удастся преодолеть себя, победить свои слабости, недостатки и страх.

А прыжки тем временем продолжались и, в конце концов, прыгнул и я. Тем самым для меня осуществилась та мечта, осуществления которой я жаждал

весь долгий период целины. Радовало не только то, что я вернулся в бригаду, но и то, что жизнь и служба постепенно от привычной целинной суеты возвращались в привычное спецназовское русло.

Если 23 декабря, в первый прыжковый день, всем, даже опытным парашютистам, было разрешено сделать лишь по одному прыжку, то 25 декабря офицерам и прапорщикам уже можно было прыгнуть дважды. Поэтому после приземления первых нескольких кораблей те, кто рассчитывал прыгнуть второй раз, спешили к машине на пункте сбора, на которой можно было добраться до аэродрома. А там, все разбирали и надевали свои парашюты, быстренько самопроизвольно формировали корабельные группы и после прохождения необходимых проверок совершали второй прыжок в одном из последних кораблей.

Когда 25 декабря я прыгнул из Ан-2 второй раз, то сразу же обратил внимание, что парашютистов предыдущего корабля, которые в это время приземлялись, сильный ветер нещадно таскает по земле. Видно было, что все они пытаются погасить купола, но это удается далеко не сразу. Некоторым из приземлившихся спецназовцев купола помогают гасить бойцы из команды обеспечения приземления парашютистов.

«Да, - подумал я, - вот, сейчас придется побороться с матушкой природой. Но, кроме как на себя, надеяться в данном случае не на кого». Поэтому, находясь еще на достаточно большой высоте, я развернулся лицом по ветру и, подруливая стропами, выдерживал это направление. Для того, чтобы было лучше видно, пришлось развязать тесемки зимней шапки, завязанные под подбородком. Когда до земли оставалось чуть больше сотни метров, я, чтобы как можно больше погасить горизонтальную скорость, максимально натянул вниз задние лямки подвесной системы и отпустил их в самый момент касания ногами земли. Вероятно, это помогло несколько смягчить удар и даже устоять на ногах, но шапка с развязанными тесемками моментально слетела с головы. Ветер сразу же подхватил мой купол и, чтобы не упасть, я был вынужден изо всех сил побежать вперед. Невероятно, но ветер был такой сильный, что даже на бегу мне просто не хватало сил, чтобы натянуть нижние стропы и погасить купол. А падать на размокшую пашню площадки приземления очень уж не хотелось. Так я пробежал метров 200 - 300 пока кто-то из бойцов не стал на моем пути и, широко расставив руки, погасил купол моего несущегося по ветру парашюта.

Когда, чуть отдышавшись, я начал собирать парашют, подошел солдатик из команды обеспечения приземления и отдал мою испачканную в грязи шапку. С его слов я узнал, что сегодня порывами бывает очень сильный ветер, но пока все: и солдаты бригады, и «партизаны» приземляются без потерь, никто ничего себе не сломал и не вывихнул.

«Видели мы, как ты устроил гонки за парашютом с непокрытой головой», - сказал, улыбаясь, Саша Чубаров, когда я пришел на пункт сбора. Загрузив парашют в автоприцеп, вновь подошел к Александру, чтобы поделиться своими еще свежими впечатлениями от экстремального приземления. Когда мы обсуждали, как парашютисты бригады, в том числе и «партизаны» еще совсем недавно боролись с порывами сильного ветра, он

практически полностью прекратился, и создавалось впечатление, что сегодня ветра уже вообще не будет.

А в это время на боевой курс вышел последний корабль, из которого, как правило, прыгают офицеры и прапорщики воздушно-десантной службы бригады. Когда Ан-2 начал выброску парашютистов, вдруг на земле вновь поднялся довольно сильный ветер и с каждой секундой он все больше и больше усиливался. К тому моменту, когда все десять куполов открылись, на площадке приземления дуло уже с такой силой, что приходилось отворачиваться от ветра, так как глаза начинали слезиться. Тем не менее, закрываясь от ветра руками, мы с тревогой следили за тем, как приближаются к земле парашютисты, у некоторых из которых были хорошо управляемые спортивные парашюты.

Саша Чубаров, глядя вверх, задумчиво произнес: «Да, если бы сейчас парашютисты этого корабля узнали, какой силы ветер дует на земле, то каждому из них захотелось бы запрыгнуть назад, в самолет, - и после небольшой паузы добавил. – Однако, мимо земли пока еще никто не пролетал. Хотелось бы им помочь, однако, кроме них самих, никто уже помочь им не сможет».

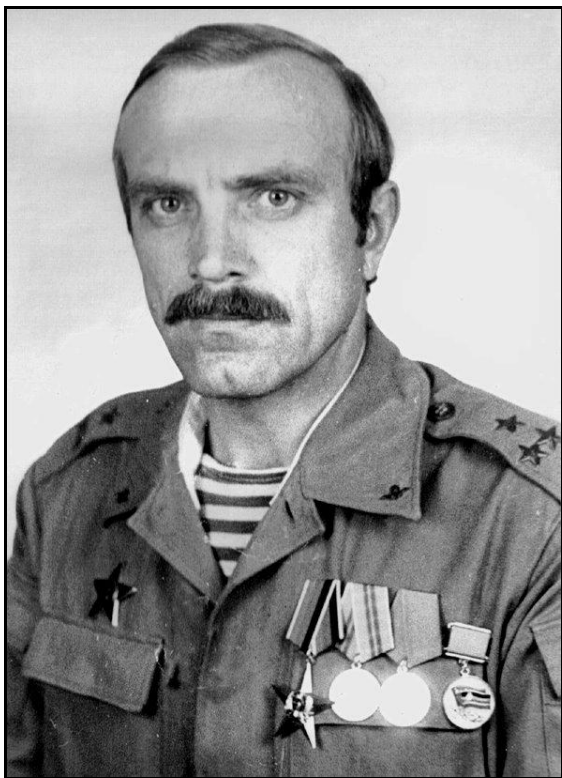
С холма, на котором находился пункт сбора, было хорошо видно, как приземлялись парашютисты этого несчастного корабля. Кто-то, наблюдая эту картину, назвал ее «корридой». Печально было наблюдать, как парашютисты с огромной силой шлепались на землю, а потом ветер долго таскал их по площадке приземления. Этой участи не избежали и обладатели спортивных парашютов. Они тоже испытали массу эмоций в условиях экстремального приземления. Бойцы из команды обеспечения прыжков металась по площадке и помогали гасить купола приземлившихся парашютистов.

Вероятно, предполагая, что в такой ситуации могут быть травмы, руководитель прыжков направил к месту приземления корабля санитарную машину. Она на большой скорости выехала на площадку, прыгая на кочках и ухабах. Как ни странно, но из десяти человек травму получил лишь один прапорщик Белорусский, который, неудачно приземлившись, сломал ключицу. Обсуждая то, что произошло, мы пришли к выводу, что, если бы в данном корабле были не опытные офицеры и прапорщики-парашютисты воздушно-десантной службы бригады, а простые солдаты или, того хуже, «партизаны», то травм было бы намного больше.

В перерывах между прыжками, незадолго до убытия в положенный мне десятидневный отпуск, нашел время, чтобы познакомиться с личным составом своей группы спецназ. Для этого пришел в клуб части, где во время самоподготовки мой «музыкальный взвод специального назначения», как его в шутку называли в бригаде, занимался музыкой. Сначала каждый из бойцов, а потом и я, коротко рассказали о себе. Затем я изложил свое видение и подходы к службе, боевой и политической подготовке, порядку и дисциплине в группе, сделав основной упор на специфику нашего подразделения и те учебно-боевые и, как я их назвал, творческо-музыкальные задачи, которые придется решать в наступающем 1977 году. После этой беседы, которая продлилась около 40 минут, невольно поймал себя на мысли, что доставшиеся мне бойцы на самом деле очень даже неплохие, о чем недавно мне также говорил командир отряда капитан С.М.Шапиро.

До отъезда в отпуск накануне Нового года мне представилась хорошая возможность убедиться в правильности моих наблюдений относительно солдат и

сержантов моей группы, когда, вместе с молодыми лейтенантами Сергеем Ершовым и Валерием Измалковым, недавно прибывшими к нам в бригаду, водил личный состав нашей четвертой роты в Чирчикский индустриальный техникум на новогодний вечер отдыха. Сравнивая поведение в неформальной обстановке своих бойцов с поведением солдат из других групп роты, я в очередной раз убедился в том, что подобрали в мою «музыкальную группу специального назначения» на самом деле очень даже неплохих солдат и сержантов.

**Ветеран бригады полковник
Плешаков Анатолий Иванович.**
В Афганистане был заместителем
начальника разведки 40-й ОА

Майор Стодеревский Игорь Юрьевич,
командир 154 ооСпН.
В ДРА был дважды: 1980 – военный
специалист в частях ВДВ, 1981-1983 –
командир отряда СпН

Политзанятия в роте. 1974 г.

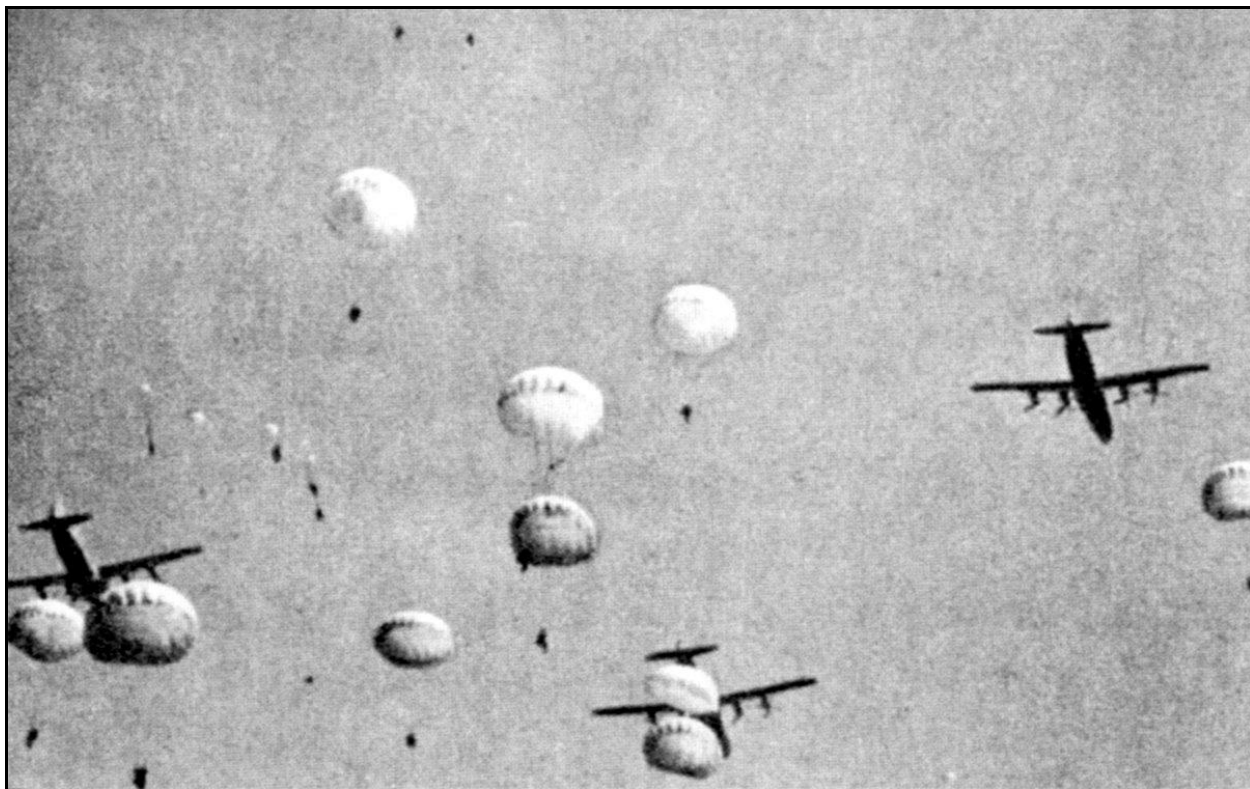

*Последняя проверка и через несколько минут - взрыв.
В центре - Иван Тяпкин и Федор Волох*

... А обед по распорядку

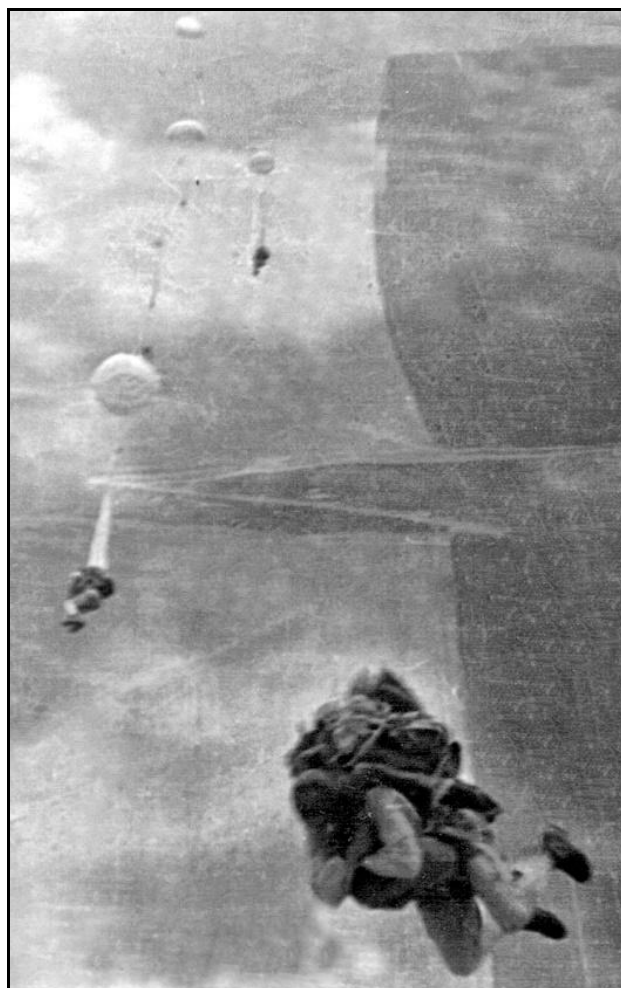

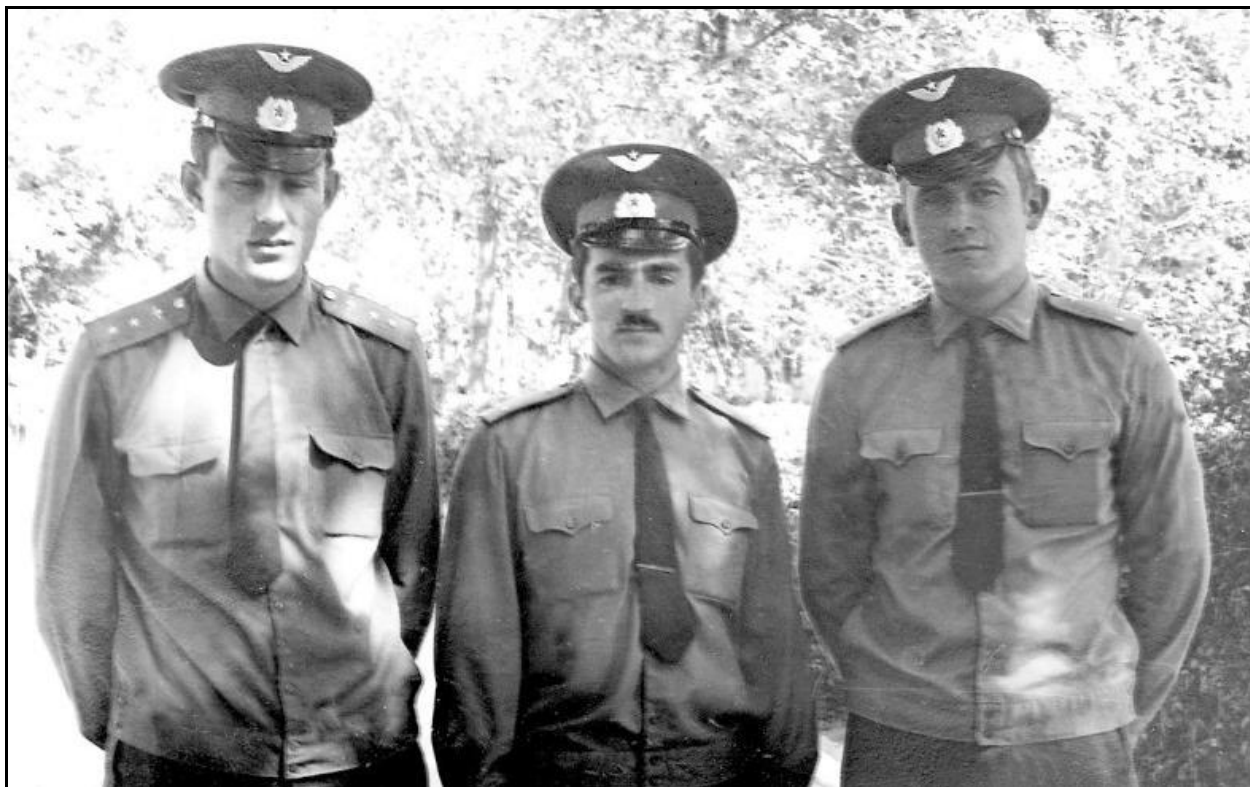
Прыжки из АН-12

Прыжок.

Мгновения.

Военнослужащие 6 роты спецназ старшина роты прапорщик Иван Лопушанский, лейтенанты Олег Кривопалов и Сергей Золотарев, осень 1974 г.

Проверяющий из штаба САВО вручает рядовому Раскину К.К. денежную премию за отличную стрельбу из автомата. Осень 1974 г.

6 рота спецназ на построении.

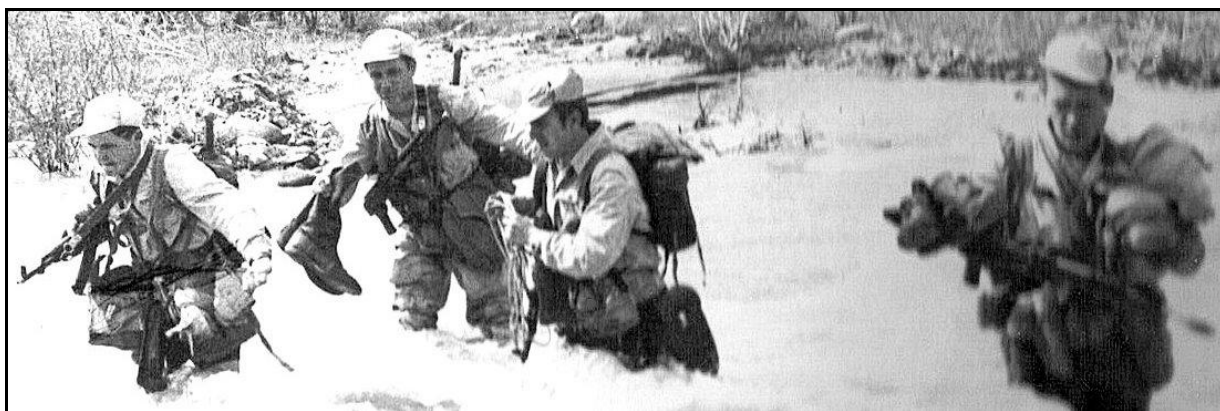

Я и Валера Измалков во время укладки парашютов. Проверка парашютных приборов.

Практическое подрывание

Форсирование водной преграды

В центре справа сидит рядовой Александр Петров, отличившийся на учениях войск САВО. 1975 г.

Связь на учениях

Принимают присягу старший лейтенант Игорь Стодеревский и лейтенант Валерий Ледовский.

Старший лейтенант Александр Тимченко и лейтенант Олег Кривопапов принимают присягу у молодого пополнения шестой роты.

Рядовой Полищук сдает зачет. Принимает зачет Юрий Цыганов, присутствует начальник политотдела бригады Иван Тибенко и офицеры роты.

Федор Волох и Александр Чубаров перед прыжком. Декабрь 1976 г.

Последняя проверка и последует команда полковник В.А.Ленского «По кораблям».

Молодое пополнение совершило первый прыжок. Вручение знаков «Парашютист»

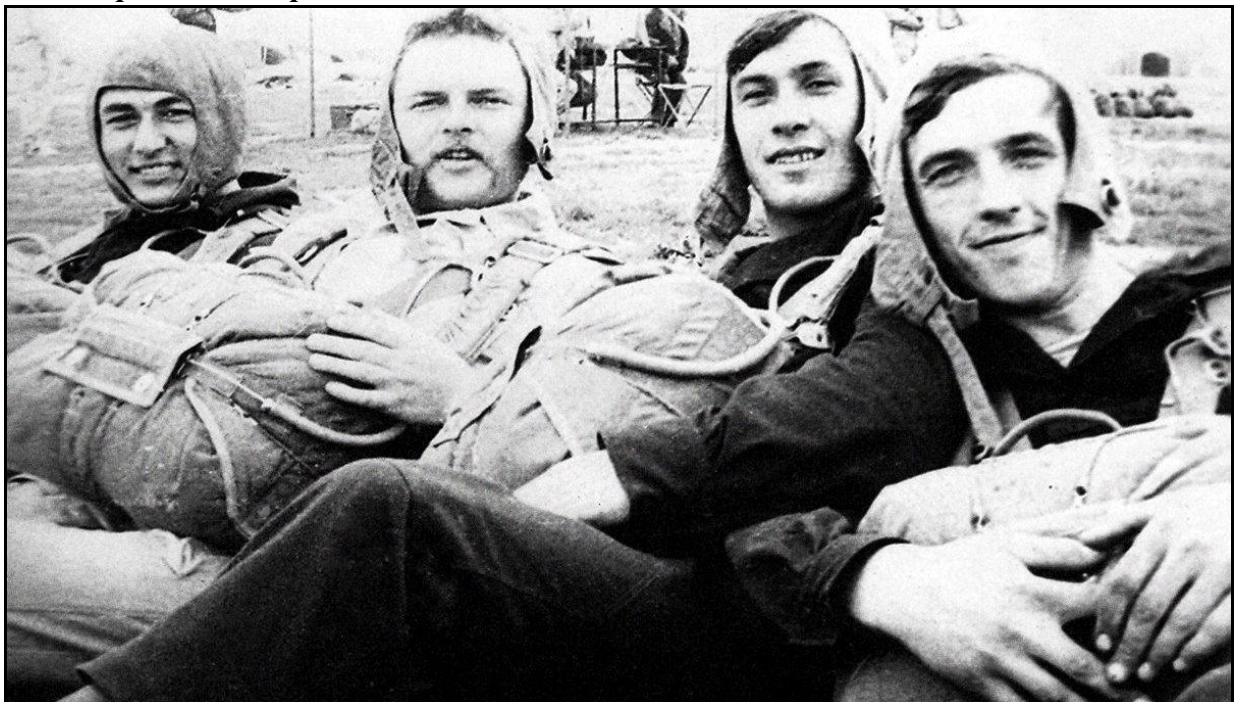

Рота на прыжках с АН-12

После прыжка - сбор.

Военнослужащие «мусульманского» батальона бригады после операции «Шторм-333». Слева направо: старший лейтенант Праута Василий (второй), награжден орденом Ленина, сержант Кривобоков Виктор, награжден Орденом Красной Звезды, рядовой Луцюк Павел, награжден медалью «За боевые заслуги». Фото 1980 г.

Сергей Ершов и Юрий Цыганов наблюдают за тем, как мои подчиненные сержант Петросян и рядовой Чуркин укладывают парашюты

Четвертая группа четвертой роты укладывает парашюты на площадке возле штаба бригады.

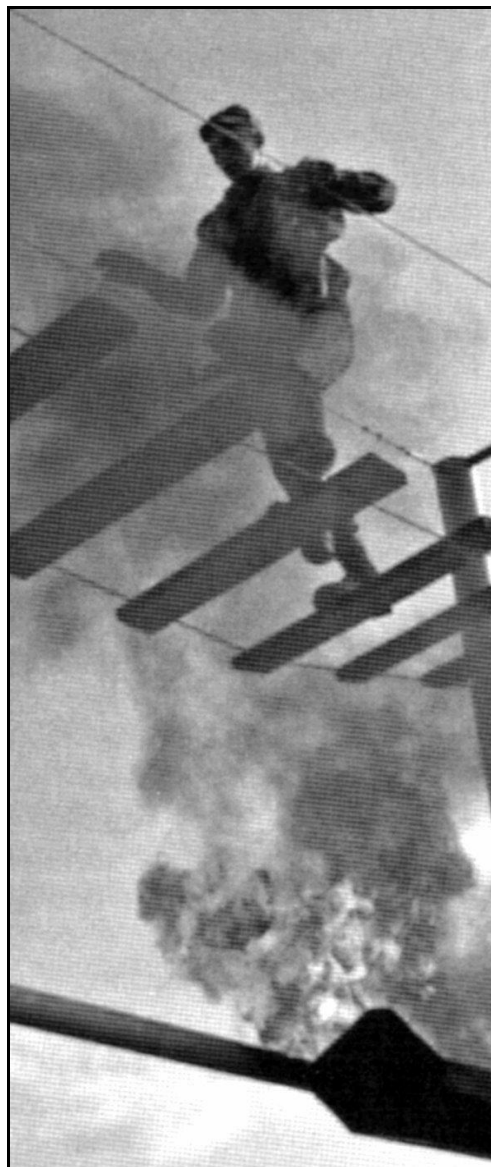
Проверка очередного этапа укладки парашютов майором Егоровым (осматривает парашют), на снимке я и командир батальона Шрамко

Укладка парашютно-десантного мешка мягкого (ПДММ)

Лейтенант Сергей Ершов на полевых занятиях

«Тропа разведчика». Лестница.

Четвертая рота перед прыжком с парашютом

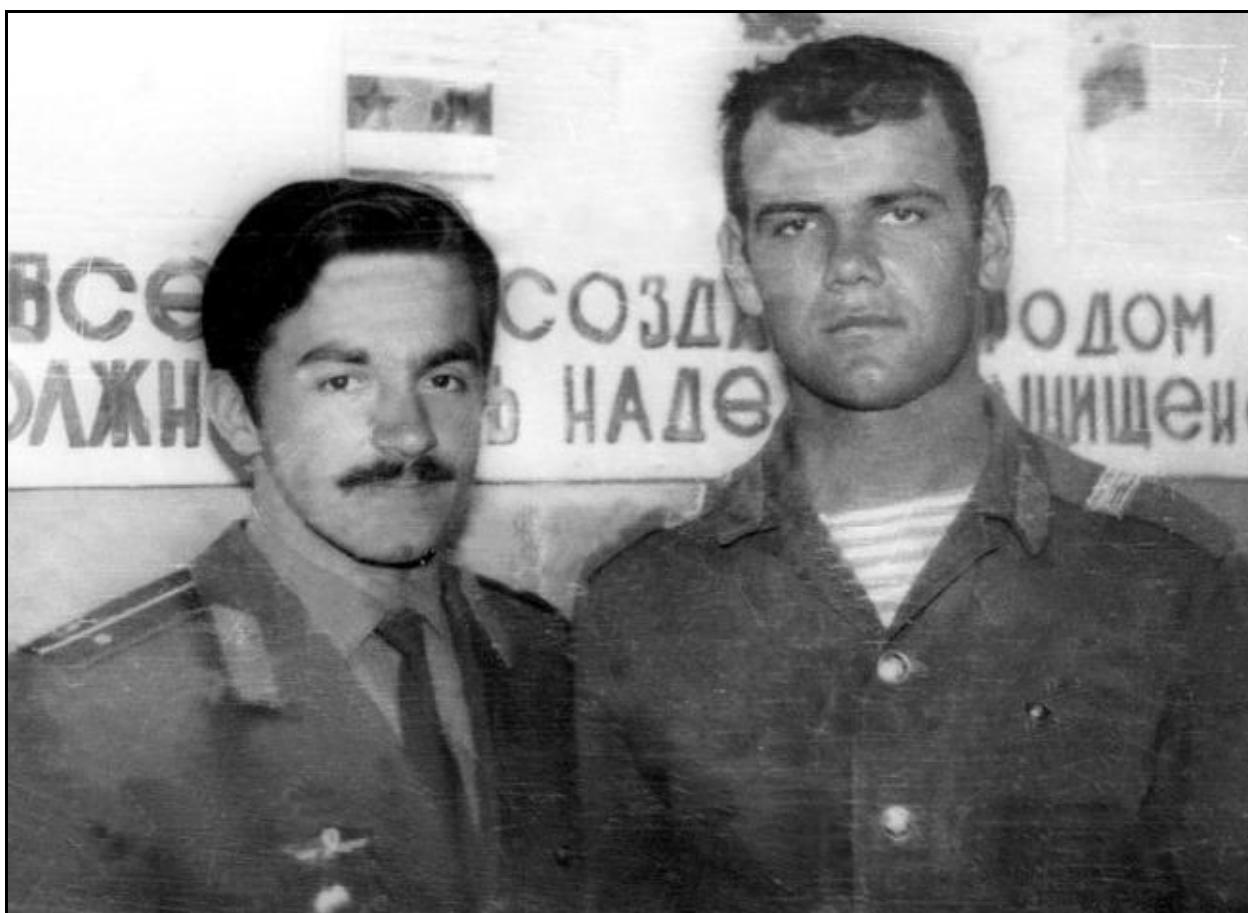
Стрельбы из ПМ

Ветеран бригады, командир группы минирования Тяпкин Иван Михайлович, впоследствии полковник ГРУ.

Четвертая рота перед забегом на 15 километров.

Лейтенант Олег Кривопалов и сержант Валера Бахтий дружили всю жизнь

На учениях

Осваиваю одно из возможных средств передвижения в тылу противника

Заместитель командира бригады по ВДП полковник Ленский проверяет парашюты перед прыжком

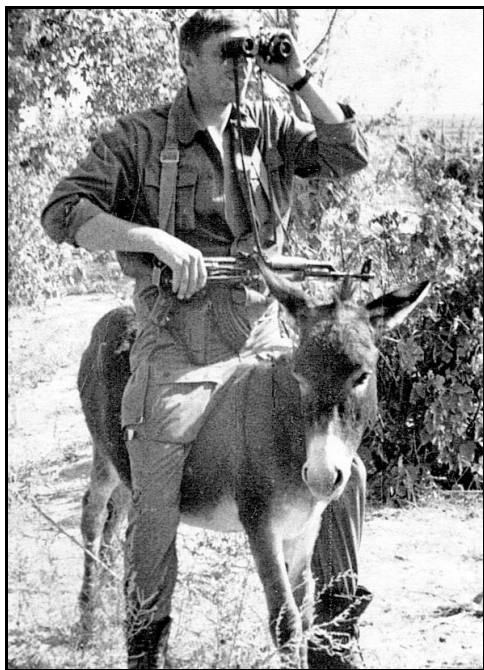
*Слева направо- Фазилов И.К.
(стал генералом в Узбекской
армии), Бедный А.Д., Кривопапов
О.В., Коваль В.В.*

*Ветераны бригады полковник
Неделько А.А. генерал-
лейтенант Герамосов Д.М.,
полковники Елисеев В.П. и
Кривопапов О.В.*

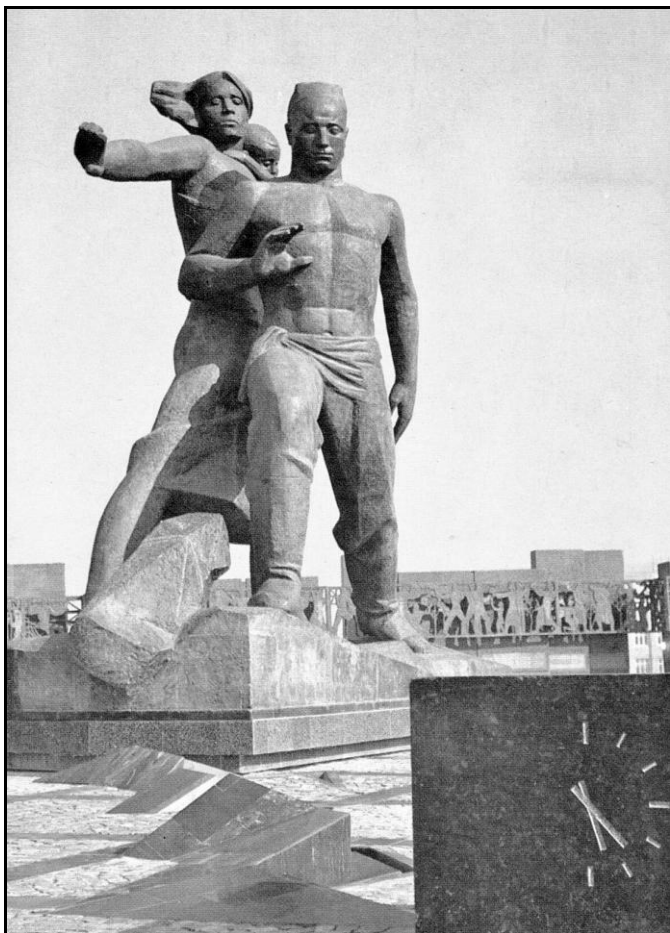
Сдача норм ВСК МО СССР

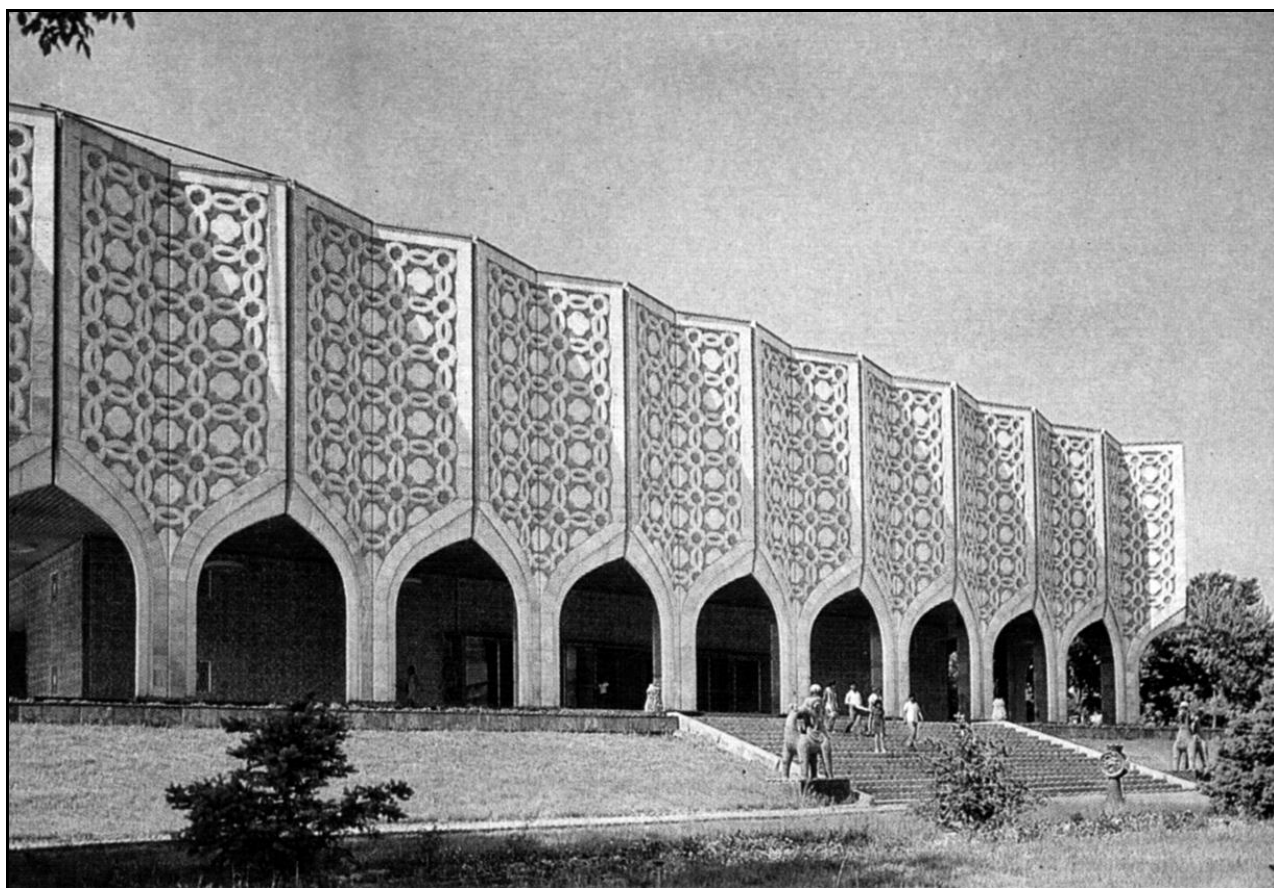
Яшка – ишак

В.В.Колесник (в центре) с сослуживцами и воспитанниками на сборах руководящего состава. 1986 г. Чучково

Нашей бригаде довелось участвовать в эпицентрах двух эпидемий и землетрясения в Ташкенте в 1966 году. Город был восстановлен из руин всеми союзными республиками СССР.

НАЧАЛО 1977 ГОДА

1977 год для бригады начался весьма и весьма печально. Вечером 8 января на контрольно-пропускном пункте бригады произошла трагедия. Дежурный по КПП младший сержант Писарев из пистолета Макарова случайно застрелил своего дневального по КПП ефрейтора Смолинского. Оба солдата были из моей группы.

Как потом стало известно, после заступления на службу они решили проверить, какой вид оружия эффективнее в рукопашной схватке, штык-нож или пистолет. При этом Смолинский доказывал, что пока противник будет доставать из кобуры пистолет, штык-ножом его можно убить. В подтверждение своих слов он несколько раз подряд, быстрее, чем Писарев вынимал из кобуры свой пистолет, доставал из ножен штык-нож и обозначал удар ему в грудь. Однако, Писарев настаивал на том, что пистолет намного эффективнее, и вытащить его из кобуры можно куда быстрее, чем штык-нож из ножен. Как так получилось, что дежурный по КПП в запале снял пистолет с предохранителя, а затем передернул его затворную раму и нажал на спусковой крючок, ответить Писарев так и не смог. Пуля попала Смолинскому в грудь, от чего он сразу же скончался.

Для меня это событие было особенно печально и трагично, так как, во-первых, оба солдата были из моей группы, а во-вторых, оба были прекрасными спецназовцами и даже друзьями. О данном происшествии мне рассказал Рафик Латыпов ранним утром 9 января, когда я после отпуска приехал в Чирчик. Очень жаль было этих мальчишек. Один из них, к сожалению, погиб, а у второго оказалась испорчена вся жизнь.

Смолинский был старшим разведчиком, который, как говорил потом мне командир роты Юра Цыганов, обладал глубокими знаниями по всем предметам боевой подготовки и очень легко сдавал любые экзамены во время многочисленных проверок. Писарева незадолго до случившегося назначили командиром отделения, а осенью 1976 года приняли кандидатом в члены КПСС.

На похороны Смолинского с Украины, из Хмельницкой области, приехали его родители. Начальник политического отдела бригады подполковник Лысак в эти дни постоянно находился с ними и, вместе с другими офицерами политотдела, постарался сделать все, чтобы хоть немного смягчить боль невосполнимой для родителей потери сына. После прощания со Смолинским, которое проходило в клубе, гроб с его телом отправили на родину.

Когда волнения, связанные с трагической и нелепой смертью Смолинского, потихоньку прошли, я, несмотря на то, что практически никаким образом не нес ответственность за случившееся, временами все-таки не мог

освободиться от мысли, что, если бы я не поехал в положенный мне отпуск и вступил бы в командование группой сразу же после возвращения с целины, то этой трагедии, возможно, могло бы и не случиться. Если уж на целине, где на каждом шагу могло произойти какое-либо чрезвычайное происшествие, мне удавалось сделать так, чтобы даже «партизаны» не допускали серьезных проступков и нарушений воинской дисциплины, то уж здесь-то, в условиях бригады, конечно же, смог бы сделать так, чтобы этой нелепой трагедии не случилось. Хотя и известно, что история не терпит сослагательного наклонения, но такие мысли меня очень часто посещали, когда думал о погибшем Смолинском и попавшем под суд Писареве.

Этими своими сомнениями и мыслями я даже поделился вслух на партийном собрании батальона, когда мы перед началом суда над Писаревым исключали его из кандидатов в члены КПСС. Однако коммунисты нашего батальона на этом партийном собрании и, прежде всего, командир отряда Сергей Маркович Шапиро, посоветовали не терзать себя подобными сомнениями, тем более, что вины моей в случившемся совершенно нет. Помню, что Сергей Маркович в своем эмоциональном выступлении призвал всех нас сделать из того, что произошло с нашими, в общем-то, хорошими разведчиками, самые серьезные выводы на будущее в плане повышения уровня безопасности службы всех наших подчиненных.

В моей «музыкальной группе специального назначения» были солдаты различных национальностей. Русские, украинцы, по одному армянину и азербайджанцу. Несмотря на то, что на третьем году своей офицерской службы в бригаде особых проблем в работе с подчиненным личным составом у меня не было, тем более, после завершения своей особой «закалки» на целине, однако свой собственный авторитет у моих подчиненных пришлось постоянно поддерживать и не только четким выполнением служебных обязанностей.

Обычно это я предпочитал делать в ходе индивидуальных бесед с подчиненными. Как это и положено, начал индивидуальную работу с личным составом с индивидуальных бесед с сержантами группы. Результаты этих бесед и свои выводы по тому, что собой представляют те или иные из них, как и положено, записывал в специальную тетрадь изучения личного состава, которая была у меня.

Беседуя как-то с сержантом Г.Петросяном, помимо всего прочего, вспомнил и рассказал ему, что в июне 1973 года, после окончания третьего курса Киевского высшего общевойскового командного училища, был на войсковой стажировке, которая проходила в городе Эчмиадзине, находящемся недалеко от столицы Армении Еревана, откуда призывался Георгий. В связи с тем, что Петросян слушал мой рассказ с особым интересом, задавал массу уточняющих вопросов, а также сам включился в беседу, пришлось рассказать ему многое из того, что удалось узнать об Армении, когда мы были там на войсковой стажировке.

Жора Петросян с интересом слушал мой рассказ о том, как на второй день после прибытия на стажировку курсантов из Киевского ВОКУ в Эчмиадзинском монастыре армяно-григорианской церкви, представительстве Верховного патриарха-каталикоса всех армян Вазгена Второго была совершена кража церковных ценностей. Однако самой ценной пропажей оказалась золотая

длань Георгия Просветителя, которая использовалась священнослужителями армяно-григорианской церкви, когда один раз в год изготавливалась священная мирра, применяемая при совершении религиозных обрядов. В простонародье длань называли просто «рукой» Георгия Просветителя, однако ценность ее оказалась совершенно не в том, что она была из золота, а в том, что являлась бесценным предметом религиозного культа армян всего мира. Тем не менее, несмотря на свою ценность, «рука» пропала из хорошо охраняемого монастыря.

Мы, вместе с Петросяном, с удовольствием посмеялись, когда я ему рассказывал о том, что командир разведывательного батальона, в котором мы проходили войсковую практику, майор Арутюнов, сообщая нам курсантам-стажерам об этой совершенно необычной пропаже, то ли в шутку, то ли всерьез поинтересовался, не мы ли, курсанты Киевского ВОКУ, украли священную «руку» Георгия Просветителя. «Во всяком случае, до вашего приезда в Эчмиадзин, товарищи курсанты-разведчики из Киевского ВОКУ, культовые реликвии у нас никогда не пропадали», - улыбаясь широкой улыбкой, заявил майор Арутюнов. А, тем временем, примерно через неделю длань Георгия Просветителя местная милиция все-таки нашла. Оказалось, что ее украли монахи монастыря. Именно те монахи, которым было поручено охранять эту реликвию.

Кроме того, увлекшись воспоминаниями об Армении, где во время Великой Отечественной войны в войсковой разведке служил мой дедушка Калиниченко Андрей Андреевич, я рассказал о своих личных впечатлениях о родном городе Петросяна Ереване, а также о том, что удалось увидеть в Матенадаране, крупнейшем в мире хранилище древнейших армянских книг и рукописей. Его нам удалось посетить во время одной из поездок в столицу Армянской ССР. Посетовал на то, что из-за занятости по службе не удалось посмотреть памятник средневековой армянской архитектуры Звартноц, а также съездить отдохнуть и покупаться в высокогорном озере Севан.

Разговаривали мы с Петросяном довольно долго и, как мне показалось, к обоюдному удовольствию обоих. Каких-то особых целей в той беседе я, конечно же, не преследовал. Просто, я думаю, на меня нахлынули воспоминания, которыми захотелось поделиться с человеком, который, кроме того, что являлся моим подчиненным, был еще и из мест, оставивших у меня многочисленные и добрые воспоминания о времени проведенном там. Рассказы об Армении и войсковой стажировке напомнили мне также о дедушке, проходившем в годы Великой Отечественной войны службу именно в Эчмиадзине и сохранившем поистине добрые воспоминания о тех краях и людях, живших там в годы войны.

Беседуя с сержантом Георгием Петросяном, я понимал, что ему, как армянину по национальности очень приятно, что его непосредственный начальник, командир группы, довольно много знает о его родном крае и, чуть ли не единственный в части, бывал в Армении. Однако лишь много позже мне стало ясно, что определенного уровня положительный авторитет я приобрел не только у Георгия, но и у всех служивших в нашей бригаде армян, земляков Петросяна, которым он, видимо, в деталях и с собственными положительными оценками рассказал о нашей с ним беседе. После этого я заметил, что все солдаты-армяне, которых было у нас в бригаде более 30 человек, стали

подчеркнуто четко отдавать мне честь при встрече на территории части, а также оказывать другие знаки уважения, вплоть до того, что угощали сухофруктами, которые им периодически присылали родители из Армении.

Парашютные прыжки в 15 отдельной бригаде специального назначения в 1977 году начались не в июне, как это было в 1975 и 1976 годах, а в апреле, в ходе которых солдаты подразделений спецназ и командиры смогли совершить не менее 5 - 6 прыжков из Ан-2. Затем в начале второй декады июня Ан-2 вновь прилетели из Ферганы в Чирчик, чтобы дать возможность отпрыгать положенное количество прыжков пришедшему в нашу бригаду молодому пополнению перед тем, как начнутся запланированные на июль прыжки из Ан-12.

По предложению командира нашего отряда капитана С.М.Шапиро, в мае меня назначили в качестве командира группы в карантин командовать молодым пополнением бригады. Одну из основных моих задач в карантине, наряду с другими, Сергей Маркович сформулировал очень просто и довольно ясно - за время работы с молодежью во время прохождения ими курса молодого бойца подобрать из них хороших солдат, которых впоследствии можно будет забрать в музыкальный взвод нашей роты.

Общеизвестно, что в карантине с молодежью работать не очень интересно, так как приходится заниматься совершенно тривиальными вещами, не выходящими за рамки элементарных знаний и навыков, необходимых молодому солдату для того, чтобы начать службу в армии. За этот период они изучают уставы Советской армии, строевую, огневую подготовку и прочие предметы, причем их самые, что ни на есть азы. И если бы не задача подбора молодых солдат в музыкальный взвод четвертой роты, что требовало активного изучения всего личного состава карантина, то творчество в этой работе было на самом низшем уровне.

Более того, когда в самом начале июня практически всю бригаду привлекли на крупное окружное учение, то офицеров и прапорщиков карантина, к нашему глубокому сожалению, оставили в части работать с молодежью, то есть учить их «военному делу настоящим образом». При этом вся бригада в полном составе разъехалась по территории Туркестанского военного округа, а мы остались заниматься с молодыми солдатами рутинным делом в расположении части. Офицерам, назначенным в карантин, было очень жаль, что не удалось поучаствовать в таком масштабном окружном учении, которого никто не мог припомнить.

Для участия в нем в различные районы Узбекистана и Туркмении была направлена практически вся бригада. Кроме карантина, караула по части, который несколько дней подряд нес службу, не меняясь, и, пожалуй, двух десятков солдат для тылового обеспечения личного состава, оставшегося в расположении, а именно поваров, электриков, заведующих складов и т.п., вся бригада убыла на учения. В общем, всех, кто не уехал на это учение, поселили в одну казарму, а в остальных казармах отключили электричество, опечатали и сдали под охрану «бессменному» караулу.

Бригада в этот раз на учение выделяла такое большое количество разведывательных групп, что в основном они действовали в составе отделений и под командованием не только офицеров или прапорщиков, но и, в

большинстве своем, под руководством сержантов-командиров отделений или прапорщиков, заместителей командиров групп спецназ.

После окончания данного окружного учения в 15 бригаде специального назначения было великое множество разговоров о том, кто и каким образом «побеждал супостата», вернее вел его разведку и проводил против него специальные мероприятия. Мой «музыкальный взвод специального назначения», например, действовал двумя отдельными разведывательными группами, каждая в составе отделения под командованием своих штатных командиров отделений. Обе группы поставленные перед ними задачи выполнили, регулярно докладывая в Центр добытую ими реальную разведывательную информацию о «противнике».

Особенно отличилось второе отделение моей группы, кстати, тоже «музыкальное», которое вело разведку района боевых действий танкового полка недалеко от Самарканда. Он, организовывая действия своего отделения, с учетом стоящей перед ними боевой задачи и особенностей местности. При этом он решил в покрытых лесом сопках оборудовать базу группы, с которой отдельными разведывательными дозорами вести разведку объекта.

В связи с тем, что в распоряжении этой разведгруппы имелось несколько комплектов гражданской одежды, разведывательные дозоры осуществляли постоянный контроль состояния и действий танкового полка, легендируясь при появлении в его расположении под местных жителей, школьников и т.д. Показателем того, что разведчики совершенно не вызывали у танкистов подозрений явилось то, что наши разведчики спокойно ходили по одному и по несколько человек в районе сосредоточения танкового полка и вели наблюдение.

В результате, им удалось свободно, без каких-либо проблем проникнуть на командный пункт одного из батальонов и выкрасть оттуда карту с нанесенной на нее обстановкой и переговорную таблицу для поддержания связи с командованием и подчиненными подразделениями. После того, как о добытых документах командир группы по радио доложил в Разведывательное управление штаба ТуркВО, эти документы, по указанию начальника разведки округа, были нашими разведчиками переданы одному из посредников, участвовавших в данном учении.

Мне, как командиру «музыкального взвода специального назначения», приятно было после окончания учения слушать рассказы своих спецназовцев, которые буквально «взахлеб» вещали мне о том, как они, действуя в тылу «противника» почти так же, как работал известный разведчик Штирлиц, или, уж, по крайней мере, как Николай Кузнецов, добывали закрытые, достоверные и очень ценные данные, в том числе и документы, тем самым обеспечивали командующего, начальника штаба и начальника разведки Туркестанского военного округа информацией, необходимой им для принятия стратегически важных решений по проведению учения округа.

В связи с тем, что во время проведения этого учения мне пришлось через день ходить в наряд помощником дежурного по части, то общие сведения о действиях на них сил и средств 15 отдельной бригады специального назначения нам удавалось узнавать по телефону от оперативного дежурного по Разведывательному управлению ТуркВО. В один из дней дежурный по

Разведуправлению сообщил нам печальную весть о том, что один ЗИЛ-131 нашей бригады на горном перевале сорвался в пропасть, а старший машины капитан С.М.Шапиро, который получил серьезные травмы, отправлен в госпиталь в тяжелом состоянии.

Узнав о случившемся, я вспомнил, как Сергей Маркович всегда в ходе различных инструктажей и совещаний предупреждал своих подчиненных о необходимости строго соблюдать меры безопасности и предосторожности. Однако, как потом оказалось, самому ему, к сожалению, не удалось в точности следовать своим же наставлениям, что и привело к этой трагедии. Капитан С.М.Шапиро около двух недель без сознания пролежал в госпитале, где врачи боролись за его жизнь, однако 25 июня, не приходя в сознание, он скончался.

Бригада в это время в полном составе находилась на аэродроме и готовилась к совершению очередного прыжка с парашютом из самолета Ан-2, когда дежурный по части сообщил по радио комбригу полковнику В.В.Колеснику эту печальную весть, которая моментально разнеслась по площадке взлета и, естественно, по площадке приземления. А через день в Ташкенте состоялись похороны Сергея Марковича, для участия в которых из Москвы прилетел его друг по нашей бригаде капитан В.А.Манченко, учившийся в это время в Военной академии имени М.В.Фрунзе.

Смерть Сергея Марковича Шапиро также, как и гибель ефрейтора Смолинского, которые произошли в бригаде в течение всего лишь полугода, очень больно отзывались в сердцах и душах всех офицеров и солдат бригады. Жаль было, конечно, и их самих, и их родственников. У меня особое сострадание вызывал пятилетний сын Сергея Марковича, которого звали Андреем. Он, как и всякий ребенок в его возрасте, не совсем понимал, что произошло в его жизни, поэтому не особенно грустил по поводу смерти отца и радостно бегал по двору дома, когда в их квартире офицеры и прапорщики бригады поминали Сергея Марковича.

Перед тем, как зайти в квартиру, где проходили поминки, я невольно наблюдал за маленьким Андреем Шапиро, который и внешне, и по манере поведения очень напоминал своего отца, и вспоминал, как он часто пробирался через дырку в заборе к нам в часть и у всех, попадававшихся на его пути солдат и офицеров, всегда громко, по-военному, четко выговаривая слова, спрашивал:

- Вы не знаете, где мой папа?
- А, кто твой папа? – задавали мы ему один и тот же вопрос.
- Мой папа командир! - по-военному четко отвечал маленький Андрей Шапиро.
- А, ты кто? – как правило, интересовались у него.
- Я Андрей Шапиро. Я тоже командир, как мой папа! - громко и с гордостью заявлял он, демонстрируя какое-нибудь игрушечное ружье, автомат или саблю, которые всегда были у него в руках.

И вот теперь младший Шапиро остался без отца, которого, видимо, он очень любил. Меня все произошедшее с Сергеем Марковичем глубоко тронуло еще и потому, что чуть более 10 лет назад, 2 февраля 1967 года, в автомобильной катастрофе, которая произошла также, как и в случае с С.М.Шапиро, по разгильдяйству солдата-водителя, погиб мой отец Александр Акимович. По странному стечению обстоятельств, мой отец не дожил до своего

40-летнего юбилея тридцать шесть дней. Однако мне, в отличие от маленького Андрея Шапиро, в то время было уже почти 15 лет, и я прекрасно осознавал, какая трагедия произошла в нашей семье.

Видимо, еще и по этой, сугубо личной причине во время своей целинной эпопеи я со знанием дела, я бы даже сказал, с особым пристрастием, «драл три шкуры» с «партизан» и срочников моего целинного взвода. Ведь я искренне желал, чтобы они по какой-то совершенно глупой причине ни в коем случае не погибли в какой-нибудь автомобильной катастрофе, а живыми и здоровыми вернулись к своим детям и женам, родителям и прочим родственникам.

После поминального обеда довольно большая группа офицеров и прапорщиков бригады, прихватив со стола несколько бутылок водки и какую-то немудреную закуску, зашла в квартиру Феди Волоха, который жил на одной лестничной площадке с Шапиро. Мы расселись, где кому пришлось, в однокомнатной квартире Федора, еще раз помянули Сергея Марковича, вспомнили, что все его искренне уважали за деловитость и умение очень точно предсказывать ход и перспективу развития различных событий. Кстати сказать, сначала многие из нас искренне удивлялись его завидной прозорливости, однако со временем к этому привыкли и попросту верили на слово своему комбату. И от этого становилось еще обидней, что именно такой человек, каким был С.М.Шапиро, так нелепо и трагично ушел из жизни.

Постепенно, по мере того, как хмель брал свое, разговор, как и положено в таких случаях, перешел сначала на обсуждение общих, а затем и сугубо конкретных служебных вопросов. Я не помню, с чего начали обсуждать очередную тему, но, когда заговорил Василий Васильевич Колесник, все другие разговоры сразу же прекратились. Мы внимательно слушали его ответ тому офицеру, который в тот момент задавал тон беседы. В общих чертах суть рассуждений командира бригады сводилась к тому, что он, оказывается, с детских лет, и особенно во время учебы в Орджоникидзевском суворовском военном училище, копался в себе и всю жизнь пытался, и пытается до сих пор разобраться в себе, чтобы узнать, трус он, или нет.

После этих слов Колесника народ, дружно возражая комбригу, загалдел, но общее мнение одной фразой выразил старший лейтенант Александр Латышев, который, не соглашаясь с командиром бригады, заявил, что, по его мнению, если человек прыгает с парашютом, он уже не может считаться трусом.

«Обожди, Саша!» - воскликнул Василий Васильевич с сильным южнорусским акцентом, который у него заметно проявлялся, когда он начинал волноваться. При этом Колесник долго и очень убедительно рассуждал на эту тему, обосновывая свое мнение тем, что, несмотря ни на что, так до сих пор и не знает, какие критерии могут служить основными для определения, смелым является тот или иной человек или нет. А прыжки с парашютом, по словам Василия Васильевича, и служба в спецназе сами по себе еще ни о чем не свидетельствуют, так как по его словам, за время своей долгой службы в спецназе он не раз убеждался в том, что некоторые, так называемые, «хваленые» спецназовцы в критических ситуациях проявляли элементарную трусость. «Вот и я все время задаю себе один единственный вопрос. Не трус ли

я?» - завершил свои совершенно откровенные рассуждения Василий Васильевич.

Я, также, как и все другие офицеры и прапорщики нашей бригады, слушал эти разговоры и, думал о том, насколько человек, в данном случае Василий Васильевич, должен критически относиться к себе, чтобы, всю жизнь проходя службу в спецназе, имея несколько сотен прыжков с парашютом, при этом еще сомневаться в своей смелости. Да, думал я, с такой степенью критичности относиться к себе дано далеко не каждому человеку. Более того, думал я, мало кто смог бы об откровенных сомнениях в своей смелости так довольно открыто и просто говорить со своими подчиненными. Только одно это требует от командира 15 бригады спецназ большого личного мужества. А у Василия Васильевича это мужество, судя по всему, было, хотя сомнения в своей личной смелости его постоянно все-таки терзали.

Довольно трудно обычными словами передать то настроение, которое охватило всех присутствовавших в квартире Федора Волоха и ту атмосферу, которая была создана свободно обсуждавшейся такой довольно необычной темой. Каждый из нас, я полагаю, задумался о своем понимании этой непростой проблемы. У многих, видимо, под влиянием всего услышанного произошла определенная переоценка каких-то собственных ценностей, своих поступков, своего места и роли в этой жизни. Однако с уверенностью могу сказать, что однозначным результатом данной дискуссии явилось то, что офицеры бригады после всего услышанного прониклись еще большим уважением к нашему командиру полковнику Колеснику, авторитет которого в офицерском коллективе 15 отдельной бригады специального назначения еще больше укрепился. Мы были готовы решительно идти за таким комбригом, каким был Колесник, точно и в срок выполнять любые его приказы.

Тогда, в июне 1977 года, конечно же, ни у меня, ни у других офицеров 15 отдельной бригады специального назначения еще не было недостаточно необходимой фактуры, чтобы до конца точно оценить и осознать мысли Колесника о смелости человека. В то время всем нам еще трудно было правильно понять и личные «копания» Василия Васильевича в собственной человеческой сути, а также его сомнения в своей собственной смелости. В последствии же, когда Василий Васильевич уже совершил главные в своей жизни подвиги, получил высокое звание Героя Советского Союза, а затем и воинское звание генерал-майора, многим из нас стало понятно, что тогда в далеком узбекском городе Чирчике и, естественно, в более ранние периоды своей жизни и воинской службы, он постоянно готовился к великой цели и стремился к тому, чтобы всегда быть в готовности выполнить ту нелегкую миссию, которая была определена ему его личной судьбой.

ПЕРВЫЙ И ЕДИНСТВЕННЫЙ ПРЫЖОК С ПАРАШЮТОМ НА ВОДУ

В конце июня 1977 года 15 отдельная бригада специального назначения, в соответствии с указанием Главного разведывательного управления Генерального штаба ВС СССР, должна была впервые в своей истории совершать прыжки с парашютом на воду. Для одной из самых сухопутных бригад советского спецназа это стало непростым делом. Оказалось, что, кроме заместителя командира бригады по воздушно-десантной подготовке полковника В.А.Ленского, который совершал такие прыжки во время различных сборов начальников воздушно-десантной подготовки бригад спецназ, ни у кого из офицеров и прапорщиков, не говоря уже о солдатах, опыта осуществления парашютных прыжков на воду совершенно не было.

Меня назначили дежурным по площадке приводнения, поэтому хорошо помню, как 28 июня Колесник проводил инструктаж всех должностных лиц, задействованных в обеспечении прыжков на воду, и командиров подразделений. Сначала командир бригады объявил, что завтра наша бригада «первый раз в ее истории будет совершать прыжки на воду». В наступившей тишине было отчетливо слышно, как старший лейтенант А.Латышев, в тон последней фразе командира с улыбкой произнес: «Первый прыжок на воду – он же и будет последним». Хотя Александр и старался говорить очень тихо, но все присутствовавшие на совещании, в том числе и Василий Васильевич, в наступившей в кабинете командира бригады тишине его очень хорошо слышали. «Я говорю здесь о серьезных вещах, товарищ старший лейтенант Латышев, а Вы пытаетесь шутить!» - строгим взглядом посмотрев на Александра, заявил В.Колесник и продолжил проведение совещания.

Как и положено, он, прежде всего, зачитал приказ на совершение прыжков на воду, затем довел порядок их проведения, обратил внимание на особенности действий должностных лиц при их организации и обеспечении, а также на необходимость соблюдения мер безопасности, перед прыжком и, особенно, после приводнения парашютистов. С учетом необычности для всего личного состава бригады данного мероприятия, на лицах собравшихся видна была определенная напряженность и сосредоточенность. Однако, когда свою речь Василий Васильевич закончил фразой: «Первым в бригаде прыжок на воду совершаю я», - все с искренним уважением посмотрели на командира, и напряженная атмосфера совещания сразу же сама собой разрядилась.

В день прыжков, 29 июня 1977 года, находясь на берегу Ташкентского моря, я с интересом и волнением наблюдал в бинокль, как на боевой курс вышел первый Ан-2. Мне хорошо было видно, как полковник Колесник первым выпрыгнул из самолета. Затем, когда купол раскрылся, он надул спасательный авиационный жилет, расстегнул грудную перемычку подвесной системы своего

спортивного парашюта, а также ножные обхваты, чуть-чуть подрулил стропами, чтобы оказаться ближе к спасательной лодке, и, лишь коснувшись ногами воды, освободился от подвесной системы парашюта. «Молодец Колесник! - подумал я, продолжая наблюдать за ним в бинокль. – Все действия, как в учебном фильме».

Вслед за командиром «посыпались» на Ташкентское море офицеры и солдаты бригады, только водные брызги летели из-под ног приводняющихся парашютистов. Приятно было смотреть на их четкие и слаженные действия, а также на действия дежурных сил и средств обеспечения на площадке приводнения. Создавалось впечатление, что ранее 15 обрСпН только тем и занималась, что постоянно прыгала на воду.

Перед тем, как прыжки на воду должны были закончиться, задача тех офицеров и прапорщиков, которые выполняли различные обязанности на площадке приводнения, заключалась в том, чтобы вовремя смениться с дежурства и успеть на аэродром, чтобы прыгнуть на воду из одного из последних кораблей. Так мы все, дежурившие на площадке, и сделали, получив определенную порцию удовольствия от необычного прыжка на воду.

Как и предполагалось, сам по себе прыжок на воду мало чем отличался от обычного. Разница состояла лишь в том, что у каждого парашютиста был спасательный авиационный жилет, который за время снижения необходимо надуть воздухом. Кроме того, надо расстегнуть грудную перемычку и ножные обхваты подвесной системы парашюта, после чего ждать момента приводнения, чтобы освободиться от подвесной системы в момент касания ногами воды.

Когда все необходимое после прыжка было проделано, я вдруг заметил, что меня сносит к берегу. А приземляться очень уж не хотелось, ведь прыгали-то мы все-таки на воду. Пришлось ухватить двумя руками пару строп с правой стороны и что есть силы натянуть их, чтобы заставить парашют двигаться в сторону, противоположную от берега. Кто-то из солдат, находившихся на берегу, крикнул, чтобы я тянул стропы сильнее, иначе долгожданное приводнение не состоится. Несколько раз перехватив стропы, натянул их так, что купол сильно накренился и заметно понес меня подальше от берега.

Наконец, на контрасте с теплым воздухом почувствовалась прохлада, идущая от воды, а также стали различимы волны на ее поверхности. Высвободив правое плечо из подвесной системы, я приготовился к приводнению. Как только ноги коснулись воды, освободился от парашюта и упал в Ташкентское море. Правда, глубина в месте приводнения оказалась небольшой, всего, примерно, по пояс, но этого хоть и небольшого удовольствия хватило, чтобы окунуться с головой и полностью вымокнуть. Парашют плавал неподалеку. Когда вытаскивал парашют на берег, Валера Болдырев в шутку даже посетовал на то, что мне довелось приводниться там, где глубина «всего-то по колено». По его мнению, удовольствия мной получено мало, а «намок сам и намочил парашют так, будто бы искупался в море-океане». Но это уже было не важно, так как свою часть удовольствия от прыжка на воду я все-таки получил.

Как теперь мы знаем, Саша Латышев, сказав на совещании перед этим прыжком фразу о «первом и последнем» прыжке на воду в Чирчикской

бригаде спецназ, оказался как никто совершенно прав. Тот прыжок на Ташкентское море действительно для 15 отдельной бригады специального назначения был первым и последним, а для большинства из офицеров и, тем более солдат, к сожалению, и единственным в жизни прыжком с парашютом на воду.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ В.В.КОЛЕСНИКА

События последнего времени и, прежде всего, рассуждения и откровения нашего командира полковника В.В.Колесника перед нами на похоронах С.М.Шапиро, а также его прыжок на воду самым первым в части, невольно заставили многих офицеров бригады несколько под другим углом зрения посмотреть на нашего командира бригады. В этой связи в кулуарах, а вернее в курилках, мы намного больше стали говорить о Василии Васильевиче, о проблеме смелости и трусости человека, вообще, и офицера войск специального назначения, в частности, которую он недавно и так неожиданно для всех нас поднял на после похорон Сергея Марковича Шапиро.

А в начале июля 1977 года у меня лично появилась прекрасная возможность намного глубже, чем другим офицерам части, узнать нашего комбрига, убедиться в неординарности этого человека и, возможно, сделать для самого себя весьма важные выводы на будущее. Как мне кажется, события, связанные с В.Колесником, которые произошли в то время, предопределили очень многое в моей будущей жизни и службе, а также способствовали тому, чтобы в конкретных жизненных ситуациях я поступал именно так, как поступал, а не иначе. Влияние Василия Васильевича на меня, его пример, как оказалось потом, были весьма важными для окончательного завершения формирования моей личности.

Дело в том, что 7 июля должна была состояться свадьба моего лучшего училищного друга Жени Климовича. Сам он в то время служил в войсковой разведке под Ленинградом. Невесту, которая училась в медицинском институте в Алма-Ате, Женя встретил на целине, а свадьбу они должны были играть в городе Панфилов, на самой советско-китайской границе, где жили все родственники невесты. Родители Жени из Белоруссии в такую даль на свадьбу приехать не смогли, поэтому я решил доставить моему другу истинную радость своим присутствием на этом важном в жизни любого человека торжестве.

Однако сделать это молодому офицеру, проходившему службу в таком дальнем далеке, каким был узбекский город Чирчик, было совсем непросто, в основном потому, что город Панфилов находится очень далеко от Чирчика, на границе Казахстана с Китаем. В этой связи, чтобы добраться до места проведения свадьбы моего друга, мне сначала нужно было самолетом долететь из Ташкента до Алма-Аты, а оттуда еще девять с лишним часов ехать на междугороднем автобусе до Панфилова.

Особые затруднения, как я предполагал, мог вызвать въезд в пограничную зону, так как, кроме удостоверения личности офицера, других документов, которые для этого необходимы, и даже отпускного билета, у меня, конечно же, не могло быть. Однако эту проблему, согласно договоренности с Женей Климовичем, должны были решить родственники невесты. В данной ситуации невольно, сам собой, возникал вопрос: а если родственники не смогут сделать пропуск для въезда в погранзону или произойдет какой-либо самый тривиальный сбой? Что тогда? Ситуация могла сложиться весьма

щекотливая. Ведь советский офицер без соответствующих разрешительных документов оказался в пограничной зоне...

Отступая от хронологии изложения, могу сказать, что, как потом оказалось, не только я был в подобном положении, так как на свадьбу к Жене Климовичу и точно так же без каких-либо документов поехал наш однокашник по Киевскому ВОКУ Володя Сомов, служивший в Капчагайской 22 отдельной бригаде спецназ. Володя со своей супругой сел в Капчагае в тот же самый автобус, в котором в Панфилов ехал и я. Так что, если бы нас арестовали, например, за злостное нарушение пограничного режима, то нам вдвоем с Володей Сомовым было бы, по крайней мере, не очень скучно сидеть в кутузке.

Тем не менее, сделанный мной задолго до выезда из Чирчика на границу с Китаем элементарный расчет времени, образно говоря, «светлого и темного», как это обычно в боевых условиях делают военные, показывал, что, если улететь из Ташкента поздним вечером в пятницу, то уже вечером в воскресенье или в самом худшем случае в понедельник утром можно быть в Чирчике. Для того, чтобы не случилось никаких непредвиденных накладок, пришлось несколько раз подряд сходить в наряды и провести ряд других «обеспечивающих и страхующих мероприятий» в бригаде. Однако, как потом выяснилось, всех неожиданностей, как это часто бывает в армии, полностью предусмотреть все-таки не удалось.

Незадолго до запланированного моего отъезда в Ташкент меня вдруг, совершенно неожиданно вызвал к себе заместитель командира бригады по тылу полковник Н.Д.Мельников. После доклада о прибытии Николай Дмитриевич совершенно не к месту спросил: «Как ты думаешь, Сергей Александрович, почему командир бригады именно тебе поручает самые ответственные задачи и поручения?» Я, конечно же, ничего путного ему не ответил, а сам с тревогой подумал: «Очень уж из далека начал Дядя Коля. Ох, не к добру все это». И, как можно догадаться, я совершенно не ошибся в своих предположениях.

Полковник Н.Мельников сообщил, что моя группа в качестве дежурного подразделения направляется на товарную железнодорожную станцию Чирчика для разгрузки вагона с цементом, который необходим бригаде для строительства автопарка. Конечно же, более ответственного задания командира бригады, да еще накануне спланированной и, как мне казалось, со всех сторон обеспеченной моей поездки в город Панфилов, придумать было сложно.

Однако, окончательное решение на поездку я уже принял, и в этой связи моя задача состояла лишь в том, чтобы найти себе замену. Поэтому пришлось обратиться к лейтенанту Николаю Загайнову по принципу: «Проси, что хочешь, но сегодня на разгрузке этого злосчастного цемента подмени меня». И Николай согласился сделать для своего сослуживца доброе дело и вызвался подменить меня. Можно себе представить, что сам факт того, что, вместо меня, на это самое, что ни на есть «суперважное» задание Командования с моими бойцами поехал другой офицер, да еще и из другой роты, не осталось незамеченным, и поиски меня начались еще в пятницу, когда я еще только летел из Ташкента в Алма-Ату.

Николай Загайнов был единственным, кому я сказал, куда и зачем уезжаю, а также, когда планирую вернуться, но, следуя нашим

договоренностям, Николай никому ничего не сказал даже тогда, когда его с пристрастием и, как говорят в таких случаях, «в изощренной форме пытали» всевозможные командиры и начальники. Можно представить, что отсутствие офицера в течение двух дней не на шутку встревожило руководство бригады, и в первую очередь, командира части полковника Колесника.

Когда же я благополучно вернулся ночью с воскресенья на понедельник и узнал, что меня уже с самой пятницы усиленно ищут, то понял, что жестокой и вполне заслуженной кары мне уже никак не избежать. «Да, - подумал я, - жаль, что не удалось провести данное мероприятие конспиративно. Но ничего не поделаешь, я на него шел вполне сознательно, прекрасно понимая всю ответственность и возможные последствия в том случае, если о моей поездке станет известно. За все в этой жизни надо платить, товарищ лейтенант».

По моим предположениям, самое строгое наказание, которое могло бы меня ждать, - это задержка в присвоении звания старшего лейтенанта, срок которого у меня выходил ровно через две недели, 24 июля 1977 года.

Ранним утром в понедельник, когда я пересек проходную бригады, сержант, дежурный по КПП сообщил мне, что полковник Колесник приказал мне прибыть к нему в кабинет сразу же, как только я появлюсь в части. Тщательно почистив сапоги, руководствуясь известным армейским утверждением «Умом ты можешь не блистать, а сапогом блистать обязан», я обречено поплелся в штаб, совершенно не представляя, что же мне сказать командиру бригады в свое оправдание. Однако так ничего и не придумал, так как оправданий подобного поступка офицера нет в природе.

Дверь в кабинет Колесника была, как обычно, открыта. Я вошел и по всей форме доложил, что по его приказанию прибыл. По глазам Василия Васильевича можно было понять, что мое отсутствие в течение столь длительного времени ему стоило серьезного нервного напряжения. Это можно было понять также и по тому, как смягчился его взгляд, когда он увидел меня в добром здравии.

Уже в кабинете комбрига, глядя ему прямо в глаза, я решил рассказать всю правду, о том, где я был и что делал. Колесник внимательно выслушал мой незамысловатый и короткий рассказ, изредка задавая уточняющие вопросы.

«Что ж ты, не мог обратиться ко мне? – поинтересовался Василий Васильевич. - Я бы тебя отпустил настоль важное для тебя мероприятие». В ответ командиру я заявил, что если быть до конца честными друг перед другом, то надо признаться, что никто не отпустил бы меня так далеко, поэтому я готов принять любое наказание. Уж не знаю, что думал в тот момент Колесник, но вслух он сказал: «Очень хорошо, что ты честно все рассказал, не пытался выкручиваться, как порой это порой делают другие. Для этого надо обладать определенным личным мужеством, - сделал заключение комбриг. - Если бы ты начал врать, то я бы тебя сурово наказал. А так, - он ненадолго задумался, а затем твердо сказал, - иди, исправляйся, а я подумаю, как тебя наказать».

Никто из моих сослуживцев не поверил, что комбриг сразу же не объявил мне никакого взыскания. Это казалось странным, прежде всего, потому, что Колесник, когда меня искали, несколько раз обещал мне всяческие кары, когда я отыщусь. Больше всех удивлялся этому мой командир роты Юра Цыганов, который уже был готов к тому, что из-за «навешенного» на

подчиненного ему офицера взыскания, наша четвертая рота в социалистическом соревновании с ротой нашего постоянного конкурента Игоря Стодереvского не займет в отчетный месяц призового места. Но прошло десять суток, в течение которых командир обязан принять решение о наказании, но в отношении меня оно так и не последовало.

После той беседы с Василием Васильевичем я много думал о том, почему командир бригады не наказал меня, ведь я сам прекрасно понимал, что меня надо примерно «выпороть» как за этот проступок, так и в назидание другим офицерам, чтобы, как говорится, неповадно было совершать подобные «выкрутасы». Однако, перебрав в памяти все, что касалось личности и характера командира бригады, его отношения к сослуживцам и подчиненным, в конце концов, я понял, что Колесник, осуждая данный проступок своего офицера, все-таки по достоинству оценил мое честное признание в содеянном, нежелание юлить и выкручиваться, а также готовность без сожаления принять вполне заслуженное наказание. Подобное поведение командира бригады, видимо, стало возможным еще и потому, что такие качества, как честность и откровенность были присущи ему самому, а следовательно, они были близки и понятны Василию Васильевичу в поведении других людей, поэтому он и ценил их проявления, особенно в своих подчиненных.

Завершающим результатом всего произошедшего стало то, что присвоение звания старшего лейтенанта мне не задержали, и я получил его в конце августа 1977 года, вместе со всеми своими однокашниками по Киевскому высшему общевойсковому командному училищу. Такой исход и конечный результат этого дела оказал на меня серьезное влияние и совсем не потому, что меня лично не наказали, не потому, что удалось избежать совершенно заслуженной кары моего начальства, а, скорее всего, потому, что у меня перед глазами был собственный пример моего достойного поведения и пример поведения моего командира. Это было не прочитано в книге, а прожито мной лично и в деталях прочувствовано «на моей собственной шкуре».

В.В.Колесник, как мне стало, в конце концов, ясно, проявился в данной ситуации, прежде всего, как психолог, так как его психологическое, моральное воздействие на меня и, как результат, несомненный воспитательный эффект оказался на порядок выше того, что могло бы быть в случае, если бы меня просто-напросто «примерно» наказали в назидание другим офицерам и прапорщикам. Во-вторых, я, да и все мои сослуживцы, отдавали должное мужеству Василия Васильевича, который, будучи командиром, не имел права оставлять без своего внимания столь серьезный проступок подчиненного. Далеко не каждый из моих сослуживцев, да и я тоже, в подобной ситуации поступили бы точно также как полковник В.Колесник.

И тогда, и много позже, находясь перед выбором «пороть» или «не пороть» своего подчиненного я всегда вспоминал именно этот пример из моей службы. Ну, а положительное решение на «порку» принимал лишь в том случае, когда объект этой самой «порки» был обделен Богом и от природы не способен был воспринимать психологическое, моральное воздействие на него. При этом «пороть» приходилось лишь тогда, когда объект этой самой «порки» начинал задумываться над содеянным им лишь в случае, когда его примерно и по всей форме наказывали.

ВЫМПЕЛ ИМЕНИ ЭРНЕСТО ЧЕ ГЕВАРЫ

За время службы в Чирчике мы были свидетелями большого числа событий, которые могут достаточно точно характеризовать ту обстановку, которая существовала в то или иное время в 15 отдельной бригаде специального назначения. Кроме того, память сохранила множество занятных случаев, свидетелями которых мы были. В основном, они связаны с конкретными людьми и личностями, однако все, что было в 15 обрСпН за время нашей службы, описать и даже упомянуть просто невозможно. Поэтому в последующем, как и в предыдущей части своего повествования, я вынужден буду остановиться лишь на тех примечательных моментах, которые, на мой взгляд, наиболее ярко характеризуют тот или иной аспект боевой и повседневной деятельности нашей бригады, а также дают возможность читателю познать, какие люди служили в наши времена в войсках специального назначения и в Чирчикской бригаде специального назначения, в частности.

В качестве показательного примера можно привести, например, старшего лейтенанта Игоря Юрьевича Стодереvского. Многие из тех молодых лейтенантов, с которыми я в 1974 году пришел служить в 15 отдельную бригаду специального назначения, сразу же обратили на него внимание. Будучи выпускником Ташкентского ВОКУ 1971 года, Игорь, в силу своих неординарных личностных и деловых качеств, в успешном освоении «спецназовской науки», то есть в постижении ее теории и практики, далеко позади оставил многих дипломированных спецназовцев из Рязани и Киева.

Это видно было всегда и всем, особенно тогда и тем, кто внимательно «приглядывался» к Игорю, к его методам работы, чтобы что-то полезное взять у него, прежде всего, для себя. Кроме того, И.Стодереvский уже тогда был награжден орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» третьей степени, что придавало ему особый статус в части и вполне заслуженный авторитет в глазах младших товарищей, командиров, да и просто сослуживцев.

Оригинальность и неординарность, я бы даже сказал, определенный романтизм, которые характеризовали Игоря Стодереvского, многим из нас очень нравились, в том числе и мне. В чем конкретно проявлялись данные качества Игоря, описывать не буду, так как это станет ясно читателю из последующих моих повествований. Однако, не могу не сказать, что он всегда генерировал многочисленные идеи, и прежде всего, касающиеся нашей службы и особенно специфики службы спеназовца, а также в этом он мог дать огромную фору большинству из своих сослуживцев. При этом, Игорь всегда отличался от многих офицеров нашей бригады тем, что он способен был не только, скажем, «теоретизировать» по различным аспектам спецназовской

теории, но и целеустремленно воплощать свои, да и чужие задумки в жизнь, в конкретные дела, чем заслуживал глубокое уважение своих сослуживцев.

В подтверждение тому могу привести великое множество показательных примеров. В частности, Игорь активно пропагандировал необходимость для настоящих офицеров-спецназовцев и наших солдат так называемой «активной жизненной позиции» в боевой учебе и повседневной жизни, или АЖП, как это понятие сокращенно называл сам Игорь. По мнению И.Содеревского, именно активная жизненная позиция должна в полной мере способствовать выработке тех качеств, которые всем нам могут пригодиться в боевой обстановке. Он настолько активно и рьяно пропагандировал необходимость иметь и культивировать «активную жизненную позицию», что некоторые из нас даже стали по-дружески подкалывать его. Однако Игорь упорно разъяснял всем свое понимание этого вопроса и тесно увязывал его со спецназовской спецификой.

Многим офицерам и солдатам бригады нравились решительность и целеустремленность Игоря Содеревского, на что далеко не все были способны. Примером тому может быть случай, произошедший 1 февраля 1972 года. В роте, в которой тогда служил командиром группы Игорь, вечером 1 февраля проводились ночные занятия по тактико-специальной подготовке недалеко от Чирчикской гарнизонной комендатуры. Постольку поскольку в те времена «дедовщины» в войсках еще не было, но ее отдельные проявления в армии все-таки уже были, к 12 часам ночи командир роты отпустил других офицеров домой, а Игоря, как самого молодого из них, оставил для отработки с личным составом последнего учебного вопроса: «Захват пленного».

Рутинная отработка данного вопроса на своих же товарищах быстро надоела и солдатам, да и самому лейтенанту Содеревскому в том числе. Поэтому он решил провести показательный захват пленного в реальных условиях обстановки, для чего гарнизонная комендатура, рядом с которой проводились занятия по тактико-специальной подготовке, подходила, как нельзя лучше. В группу захвата были назначены трое старослужащих сержантов, которые должны были продемонстрировать недавно прибывшей в роту молодежи высший класс мастерства.

После недолгого наблюдения за объектом разведки было решено в качестве пленного захватить водителя автомашины, стоявшей у комендатуры, что и было в считанные доли секунды осуществлено в качестве примера для подражания неопытным молодым спецназовцам. Примечательно, что вместо кляпа несчастному и до смерти перепуганному солдату-водителю в рот затолкали попавшуюся под руку газету «Комсомольская правда». Обычно применявшиеся в этих целях армейские перчатки сержанты, видимо, решили не использовать.

Когда группа захвата уходила от машины в том направлении, где находилась вся рота, вдруг из комендатуры совершенно неожиданно вышло еще трое солдат-патрульных. Группе захвата также пришлось, для пущей наглядности неопытной спецназовской молодежи, моментально скрутить еще троих солдат-патрульных и тихо, без шума притащить их за шиворот и представить «пред ясные очи руководителя занятия лейтенанта Содеревского». Увидев перепуганные глаза и искаженные ужасом лица

пленных четверых несчастных солдат, Игорь попытался успокоить их и приказал всех сразу же отпустить. Тем более, что они взмолились: «Ребята, не бейте нас, мы все равно ничего не знаем».

На следующий день Игорь военными дознавателями из комендатуры, конечно, был сразу же «вычислен». В этой связи его «самым примерным образом «секли» за данный проступок не только командир части, но и комендант гарнизона в звании генерал-майора. Стодереvскому начальники всех означенных степеней и самых высоких званий обещали снять его с должности, разжаловать, объявить строгие выговоры по служебной и партийной линиям, не допустить назначения на должность командира роты, а также однозначно лишить его всего и вся, на что сам Игорь никогда даже и не мог рассчитывать.

А в это время все остальные офицеры его роты и нашей части лишь наблюдали со стороны за тем, как всевозможные начальники в изощренной форме «пороли» Игоря. В результате, сержантов, которые осуществляли захват пленных, командир части полковник Р.П.Мосолов приказал поощрить за хорошую полевую выучку, а лейтенанту И.Стодереvскому сначала пообещали строгий выговор от начальника Чирчикского гарнизона, а ровно через неделю после ночного инцидента и объявили его. До партийного взыскания дело так и не дошло, чему Игорь, да и все остальные офицеры бригады были, в общем-то, рады.

Как мне представляется, еще один пример очень красноречиво характеризует Игоря, в котором его личностные качества проявились весьма ярко и показательно. Когда Стодереvский уже командовал ротой, то по его настоятельной инициативе и с одобрения комсомольской организации роты был учрежден переходящий вымпел имени Героя кубинской революции Эрнесто Че Гевары. Прежде, чем учредить данный вымпел, Стодереvский провел большую работу, чтобы солдаты, сержанты, да и офицеры роты побольше узнали об этой легендарной исторической личности. Затем он и замполит роты много сделали, чтобы убедить подчиненный личный состав в том, что образ жизни, боевой деятельности и преданность делу, которые проявились у команданте Че, весьма близки советским спецназовцам наших дней. Его образ вполне заслуживает того, чтобы они в своей боевой учебе и повседневной деятельности полностью подражали Че Геваре и почитали его как истинного Героя, достойного подражанию всех поколений советских спецназовцев.

Согласно специально разработанному и также официально утвержденному на общем собрании личного состава третьей роты положению, этим переходящим вымпелом награждалось лучшее отделение спецназ роты Стодереvского по результатам боевой и политической подготовки за месяц.

После того, как вся предварительная работа была проведена и на комсомольском собрании было единогласно принято положение и описание вымпела имени Эрнесто Че Гевары, народные умельцы 3 роты в швейной мастерской изготовили этот вымпел. Все это соответствующим образом оформили и сделали необходимые надписи, одна из которых отражала жизненное кредо коменданте Че, по сути и духу близкое также и советским спецназовцам: «Победа в достижении цели или смерть».

Когда этот вымпел был готов, он стал «исправно и эффективно выполнять роль» средства морального стимулирования активности личного состава 3 роты 15 бригады специального назначения по достижению еще более высоких результатов в социалистическом соревновании между отделениями спецназ роты. Ежемесячно кубок вручался тому или другому отделению, победившему в социалистическом соревновании. А в подразделении Стодереvского, по общему мнению тех, кто наблюдал за этой ситуацией, заметно повысился уровень боевой подготовки, дисциплины и внутреннего порядка, в чем была, конечно же и определенная организующая и стимулирующая роль и значимость Переходящего вымпела имени Эрнесто Че Гевары.

Все шло хорошо до тех пор, пока весть о кубке не дошла до заместителя начальника политического отдела бригады подполковника Д.В.Кондратовича. Дмитрий Васильевич явился в роту к Стодереvскому и начал убеждать его в том, что, при, в общем-то, очень хорошей идее самого вымпела, имя героя кубинской революции Эрнесто Че Гевары для нас, советских спецназовцев, по мнению Кондратовича, «однозначно неприемлемо».

В данном месте моего повествования представляется уместным сделать несколько пояснений, касающихся самого Дмитрия Васильевича Кондратовича, а также его личностных отношений с Игорем Стодереvским. Это необходимо хотя бы для того, чтобы пояснить, в чем состояла разница между этими людьми и неодинаковость в восприятии и оценке одних и тех же событий.

Одним словом, они были полными антиподами друг другу. Если Игорь являл собой пример человека решительного, бескомпромиссного и внешне очень обаятельного то Кондратович, или Дядька Кондрат, как его любовно называли офицеры и солдаты бригады, олицетворял само добродушие, мягкость и заботу обо всем и обо всех. Он был далек от радикальных, решительных и крутых мер, за что офицеры и солдаты бригады за глаза любовно прозвали его не иначе, как «Отцом русской демократии».

Мне запомнился весьма показательный пример, который, как представляется, очень красноречиво и ярко может проиллюстрировать мои пространные рассуждения о Дмитрие Васильевиче Кондратовиче. Как-то весной 1975 года, когда на воздушно-десантном городке бригады, наконец-то, была сооружена парашютная вышка, на построении второго отряда комбат капитан С.М.Шапиро строго настрого предупредил весь личный состав относительно того, чтобы никто «не вздумал на нее залезть» по собственной инициативе. «Нарушителя ждет самое строгое взыскание», - заявил Сергей Маркович.

В это время со стороны штаба к стоявшим в строю спецназовцам подошел майор Кондратович. Сообщив комбату, что его вызывает командир бригады, Дмитрий Васильевич остался за него и, не зная, что относительно парашютной вышки все мы уже предупреждены и проинструктированы «до слез», как говорят в таких случаях, замполит отряда начал перед строем уже свое собственное повествование по данному вопросу. Но, как его речь и аргументы в корне отличались от того, что мы только что слышали от комбата по этому поводу. Если Шапиро говорил коротко, четко и однозначно понимаемо для всех солдат и офицеров, то Дядька Кондрат, сообщив о самом

факте строительства вышки, с совершенно серьезным и непроницаемым лицом обратил наше внимание на внушительность и полезность для выполнения программы боевой подготовки, а также на серьезную опасность «для разгильдяев» данного сооружения.

Затем майор Кондратович, постепенно начиная улыбаться своей широкой улыбкой, стал рассуждать о том, что мы, спецназовцы, в большинстве своем являемся лириками и романтиками, что, в общем-то, было недалеко от истины. Все, кто слушал его повествования, понимали, что Дядька Кондрат сейчас что-то обязательно «отмочит» во всеуслышание. Когда же он стал утверждать о том, что «у этих самых романтических и возвышенных натур, особенно когда они надевают летнюю или зимнюю специальную форму одежды, обязательно возникает стремление к чему-то необычному и, естественно, возвышенному», солдаты и офицеры отряда тоже начали улыбаться в предвкушении очередной шутки-прибаутки нашего замполита.

А он с упоением продолжал вещать нам о том, что «кому-то ведь обязательно может захотеться с высоты этой вышки обозреть Чирчик и его очаровательные окрестности, а кому-то захочется даже плюнуть с нее или, например, «сбросить с высоты 25 метров что-нибудь тяжелое, чтобы на собственной практике опытным путем проверить и посчитать, действительно ли ускорение при падении физических тел составляет 10 метров в секунду».

После этого мы все уже не улыбались, а смеялись, живо обсуждая сказанное замполитом. Ну, а после того, как Дмитрий Васильевич, распаляясь сам и подзадоривая весь второй батальон, заявил на полном, как говорят в таких случаях, «серьезе»: «А некоторые из вас ведь могут, например, посчитать, что лучше нет красоты, чем пописать с высоты», - над строем батальона разнесся дружный и мощный солдатский хохот. Но после такого яркого и образного замполитовского убеждения никто, конечно же, залазить самостоятельно на парашютную вышку даже и не подумал.

Видимо, в силу своих личностных качеств, мягкости характера и собственных оценок, которые он давал Стодереvскому, Кондратович совершенно искренне, но безосновательно считал, что Игорь, например, занимался рукоприкладством, а на откровенные возмущения Стодереvского Дядька Кондрат всегда с откровенным удивлением на лице заявлял: «Как это, Игорь Юрьевич, ты не можешь бить солдат? Ведь ты такой здоровый», - чем всегда вызывал добродушный смех Игоря и всех офицеров и солдат, которые слышали эти слова замполита отряда. Несмотря на то, что фактов рукоприкладства со стороны Стодереvского у Дмитрия Васильевича, конечно же, не было, однако переубедить Кондратовича в обратном ни Игорю, ни кому-либо другому не удавалось.

Подводя итог, и справедливости ради надо сказать, что, несмотря на определенные «чужачества» Кондратовича, типа тех, которые описаны выше, офицеры, прапорщики и солдаты нашего батальона, да и всей бригады по-своему любили и уважали его. Мы относились к Дмитрию Васильевичу вполне терпимо и без всякой предвзятости, относя его, с нашей точки зрения, странности к личностным особенностям его характера, а не к его природной вредности.

Когда же Кондратовича с должности замполита нашего отряда перевели на должность заместителя начальника политического отдела бригады, офицеры второго отряда все-таки облегченно вздохнули, надеясь, что, наконец-то, мы избавимся от порой слишком навязчивой и плотной опеки замполита батальона. Однако Дмитрий Васильевич, находясь уже на штабной работе, получив звание подполковника, все-таки по старой памяти очень часто находил время лишний раз заглянуть к нам во второй отряд, к своим бывшим и, я бы сказал, любимым его подчиненным. При этом теперь он хоть и намного реже, но все же, видимо, по старой привычке «доставал» нас своей дотошностью и излишней вьедливостью.

Возвращаясь к прерванному повествованию о переходящем вымпеле имени Эрнесто Че Гевары, могу сказать, что в силу своего восприятия жизни и отношения к ней, Кондратович, конечно же, идею с вымпелом Че Гевары воспринять не мог и всячески выступал против того, чтобы это имя использовалось, пусть даже для благих целей.

Я сам лично слышал, как Дмитрий Васильевич говорил Стодеревскому: «Игорь Юрьевич, выбери для вашего вымпела имя любого нашего прославленного советского героя-разведчика. Ну, можно взять, например, знаменитого разведчика времен Великой Отечественной войны Николая Кузнецова или Зои Космодемьянской, Рихарда Зорге, наконец. Да, мало ли у нас достойных советских разведчиков. Получи в секретной части бригады фотоальбом, изданный Главным разведывательным управлением Генерального штаба, «Слава и гордость советской военной разведки» и выбери любого прославленного героя-разведчика и используй его».

Слушая эти слова Дядьки Кондрата, Игорь Стодеревский, естественно, возмущался, распалялся, доказывая свою правоту, при этом, он совершенно не принимал приводившиеся ему исторические аргументы и факты. А тем временем за право быть награжденными переходящим вымпелом имени Эрнесто Че Гевары продолжали буквально «бороться и сражаться» бойцы разведывательных отделений третьей роты второго отряда нашей бригады.

И вот однажды, находясь в канцелярии своей четвертой роты, которая располагалась в той же казарме, в которой была и рота Стодеревского, я услышал не просто его возмущенный крик, а настоящий рев Игоря, подобный рыку раненного льва. Выйдя в коридор, я, в конце концов, понял, что же случилось. Оказалось, что Игорь, проходя по расположению своей роты, вдруг обнаружил, что вымпел имени Эрнесто Че Гевары исчез с прикроватной тумбочки командира того отделения, которое завоевало в прошлом месяце первое место в роте.

Игорь Стодеревский вновь взревел «как раненный бизон», когда, со слов дежурного по роте, узнал, что вымпел все время был на своем месте, но, по предположению дежурного по роте, видимо, исчез после недавнего посещения расположения подполковником Кондратовичем, который без сопровождения дежурного или дневального, как это положено по уставу, проходил в ту часть казармы, где находилась третья рота.

Продолжая возмущаться и распекал дежурного, Стодеревский с жаром заявил, что с таким «хреновым» нарядом по роте можно без труда из расположения вынести не только кубок, но и все оружие и снаряжение,

находящееся в ружейной комнате. Собравшиеся на шум в коридоре офицеры и солдаты третьей и четвертой рот не без улыбок наблюдали за тем, как Игорь «с грохотом» снимал провинившийся наряд со службы и на повышенных тонах объяснял вновь назначенному дежурному, что без его личного разрешения подполковника Д.В.Кондратовича дальше порога казармы не пускать. Особое удовольствие всем свидетелям этой сцены доставило зрелище, когда Стодереvский носком сапога очень выразительно и наглядно обозначил ту мнимую линию на полу около входа в казарму, за которую «данный посетитель в звании подполковника и по фамилии Кондратович» не должен был заходить. После этого Игорь направился в штаб части.

По прошествии определенного времени вымпел был водружен на место. А по бригаде среди солдат и офицеров в разных интерпретациях еще очень долго ходили рассказы о том, как подполковник Кондратович прошел в расположение 3 роты, «усыпил бдительность и нейтрализовал служебное рвение дежурного по роте», заявив, что в его сопровождении при посещении роты не нуждается, забрал несчастного Че Гевару и вынес его, спрятав под полый своего мундира. С особым удовольствием и на разные лады мы друг другу пересказывали те многочисленные и не всегда благозвучные эпитеты, которыми Стодер, как между собой офицеры бригады называли Игоря, в порыве гнева и возмущения награждал заместителя начальника политотдела, когда в штабе забирал злополучный вымпел.

Через некоторое время, когда Дмитрий Васильевич Кондратович уже уволился в запас и уехал на постоянное жительство в Тюмень, а Игорь Стодереvский командовал вторым отрядом нашей бригады, инцидент с Вымпелом имени Эрнесто Че Гевары имел не менее интересное и юмористическое продолжение. Если мне не изменяет память, то, по-моему, в октябре 1977 года в газете Центрального комитета КПСС «Правда» была напечатана большая подвальная статья, посвященная 10-летию со дня героической гибели команданте Че.

Игорь с присущим ему темпераментом буквально носился по бригаде и всем попадавшимся на его пути напоминал нашу шумевшую историю с вымпелом и не без удовольствия показывал статью в «Правде», а также жирно подчеркнутую им цитату, приведенную в главном печатном органе ЦК КПСС: «Оппортунисты различных мастей всегда пытались опорочить светлое имя Че Гевары». «Вот и Кондратович был самым что ни на есть оппортунистом, так как всегда пытался, как это совершенно правильно говорится в «Правде», - с запалом говорил Игорь Стодереvский, - «опорочить светлое имя команданте Че».

Затем Игорь в строевой части бригады узнал адрес в Тюмени, куда уехал Кондратович после увольнения в запас, и отправил ему эту статью в газете с жирно подчеркнутой цитатой. Дмитрий Васильевич, получив письмо Стодереvского, написал ему ответ, в котором, в общем, признал справедливость критики в его адрес со стороны бывшего подчиненного. Это, конечно же, делает честь нашему прежнему замполиту второго отряда 15 обрСпН подполковнику запаса Кондратовичу. Примечательно, что впоследствии он еще в течение достаточно длительного времени присылал Игорю теплые и душевные письма.

Справедливости ради хотелось бы сказать, что когда эти строки про нашего «Отца русской демократии» из 15 обрСпН Дмитрия Васильевича Кондратовича были уже написаны, в июле 2004 года я получил очередное письмо из Днепропетровска от Олега Кривопалова. В нем он сообщил до того времени неизвестную мне информацию о том, что Дмитрий Васильевич Кондратович умер в Тюмени, как оказалось, еще в декабре 1999 года. Об этом Олег также узнал слишком поздно, примерно через пять лет.

Однако, что интересно, О.В.Кривопалову известно о кончине Дядьки Кондрата стало лишь после того, как в Днепропетровском областном совете ветеранов ему вручили изданный в 2004 году в Тюмени «Военно-исторический альманах», в котором на 52 страницах были напечатаны воспоминания Олега о действиях спецназовцев Чирчикской бригады спецназ в Афганистане, а также о том, как велась в боевых условиях партийно-политическая работа. Оказалось, что данная публикация материалов, высланных Олегом Кондратовичу, была осуществлена по личной просьбе Дмитрия Васильевича. Он незадолго до смерти, думая о том, чтобы материалы его сослуживца и бывшего подчиненного Олега Кривопалова увидели свет, выразил тюменским ветеранам свою последнюю, предсмертную просьбу, которую они, конечно же, с удовольствием выполнили.

Олег сначала был, конечно же, удивлен тем, что отправленные когда-то давным-давно Дмитрию Васильевичу Кондратовичу воспоминания не только не пропали, но и были напечатаны в «Военно-историческом альманахе». Ну, а потом Олег пришел к выводу, что в данном событии нет ничего удивительного и необычного. Ведь в этом поступке как нельзя лучше проявился весь Дядька Кондрат. Он ведь «Отец русской демократии» 15 бригады спецназ, который, будучи уже на смертном одре, когда надо было бы ему думать о вечном, а он все-таки думал о том, чтобы материалы по Афганистану и той войне не пропали, а стали достоянием истории и смогли хоть немного, но обогатить опыт новых поколений российских спецназовцев. Казалось бы, мелочь, но именно в ней и проявилась основная суть характера Дмитрия Васильевича Кондратовича, его основное содержание, которое он порой так неординарно проявлял, когда служил в нашей бригаде. Светлая ему память.

ПОДБОР МОЛОДЕЖИ В 15 ОБРСН

Если речь зашла о присвоении очередных воинских званий, то хотелось бы отметить, что эти события в жизни и службе офицеров 15 обрСпН обычно отмечались в организованном порядке. Как правило, ежегодно в августе-сентябре месяце, после сдачи итоговой осенней проверки, командиром бригады назначался определенный день, вернее одна из суббот, когда вновь испеченные старшие лейтенанты и капитаны, изредка майоры в составе практически всего офицерского состава бригады отмечали получение своих очередных воинских званий.

Данное торжественное мероприятие проводилось всегда в одном и том же месте, а точнее в том месте, которое офицеры бригады называли не иначе, как «Ресторан «Корневище». Такое экзотическое название носило небольшое поросшее деревьями пространство между двумя каналами, протекавшими рядом с расположением нашей части. Каналы с ледяной горной водой и редкие деревья, которые росли рядом с каналами, создавали здесь особый микроклимат и прохладу, что в условиях жаркого узбекского климата было весьма и весьма немаловажным.

К «обмыванию» новых воинских званий виновниками торжества, как и положено в таких случаях, закупались необходимые продукты и спиртное, а в «Корневище» завозились столы и посуда из части. Наряду с обычным для праздничного стола набором блюд, подавался также знаменитый и очень вкусный узбекский плов, который готовил один из местных жителей, узбек по национальности, проживавший недалеко от «Корневище».

На мероприятия по «обмыванию» новых воинских званий никого специально не приглашали, но обычно приходили практически все офицеры и прапорщики бригады, которые были свободны от службы. В присутствии командира бригады и его заместителей офицерский коллектив части в организованном порядке, что, как известно, очень важно в большой компании, отмечал получение сослуживцами очередных воинских званий. Когда «обмывание» воинских званий заканчивалось, все его участники по команде командира части или того старшего офицера, которого он назначал на данном мероприятии вместо себя, также организованным порядком расходились по домам, которые были буквально в 50 метрах от «Ресторана «Корневище», что, естественно, тоже было весьма немаловажным фактором, определяющим успешное проведение подобного рода посиделок сослуживцев.

Однако, в 1977 году на обмывании в «Корневище» своего очередного звания старший лейтенант, а также званий моих однокашников по Киевскому общевойсковому и Рязанскому десантному училищу, а также сослуживцев по нашей бригаде, которые были выпускниками других военных училищ, мне поучаствовать не пришлось. В то время, когда это мероприятие проводилось в нашей части, мы с капитаном А.Чубаровым выполняли ответственное задание командования бригады по подбору в городе Ташкенте и Ташкентской области

молодого пополнения в нашу и некоторые другие бригады специального назначения Советского Союза. За период с августа по октябрь мы с Александром объездили все районные военкоматы Ташкента, а также городские военкоматы городов Ангрен и Алмалык, где из огромной общей массы призывников подбирали молодежь для нашей и других бригад специального назначения. Молодежь, которую мы подбирали, по здоровью, а также по уровню образования, своим личным, деловым и морально-политическим качествам должны были полностью подходить для службы в спецназе.

К этому заданию командования бригады мы с Сашей Чубаровым отнеслись очень добросовестно. Пришлось пересмотреть в военкоматах огромное количество личных дел призывников, буквально с каждым из возможных кандидатов в спецназовцы побеседовать и определить, выйдет ли из того или иного из призывников «толк» в нашем понимании этого слова, если мы заберем его в 15 отдельную бригаду специального назначения Туркестанского военного округа или в одну из бригад спецназ других военных округов Советского Союза.

Данный вид деятельности оказался очень интересным и весьма полезным для нас с Александром, так как перед нашими глазами прошла масса молодых людей с их личностными особенностями, достоинствами, недостатками и проблемами. И по каждому из них в отдельности нам приходилось принимать то или иное решение. При этом, кроме выполнения задачи, заключавшейся в подборе молодого пополнения для бригады, над нами довлела также ответственность за судьбу каждого молодого человека, который проходил перед нами. Ведь от нашего с Александром решения, в большинстве случаев, зависели их дальнейшие судьбы, как на ближайшие два года, так и на обозримую жизненную перспективу.

В результате, в Чирчикскую бригаду специального назначения мы с капитаном Чубаровым подобрали лучшую, по нашему мнению, молодежь из тех, кого удалось выбрать в военкоматах Ташкента и Ташкентской области. Как представляется, и в другие бригады советского спецназа из Ташкентского сборного пункта прибыло, я думаю, неплохое молодое пополнение, так как особых различий между теми, кто шел к нам, и теми ребятами, которых мы рекомендовали для направления в бригады спецназ других военных округов Советского Союза, мы с Александром, в общем-то, не делали. Однако, тех из допризывной молодежи, кого мы считали лучшими, конечно же, забрали к себе, в Чирчик.

Логическим продолжением работы по подбору молодого пополнения в бригаду явилось то, что меня назначили командовать карантинном, что, в общем-то, было весьма логичным – ведь, кто подбирал молодежь, тот и должен командовать ею в карантине.

Однако здесь уместно заметить, что подобное назначение, по существовавшим в 15 отдельной бригаде специального назначения критериям, кроме всего прочего, негласно считалось одним из довольно значимых и явных признаков того, что руководство бригады в обозримом будущем, в далекой или уже довольно близкой перспективе, рассматривает данного офицера, который назначался командовать подразделением молодых солдат, в качестве

возможной кандидатуры для выдвижения на должность командира роты. А эта должность была весьма долгожданной для множества командиров групп спецназ 15 обрСпН того времени.

Правда, я, честно надо сказать, несмотря ни на что, особенно не обольщался по поводу данного назначения, так как все офицеры нашей бригады, хорошо знали, что каких-либо реальных должностных «просветов», особенно на ближайшую обозримую перспективу, совершенно не просматривалось. Все должности командиров рот на тот момент были заняты, а каких-то перемещений не предполагалось вплоть до лета 1978 года, когда очередная группа, так называемых, счастливых «академиков» поступит в Военную академию имени М.В.Фрунзе. Только после этого должны были начаться определенные передвижения офицеров 15 бригады специального назначения по служебной лестнице.

К прибытию молодого пополнения в части подготовились очень хорошо, как это всегда и было принято у нас в бригаде. Карантину выделили самую лучшую в части казарму роты минирования, личный состав которой на это время переселили в расположение первого отряда. Старшина карантина прапорщик Леша Озорнин, вместе с замполитом Александром Михайловым, командирами групп Николаем Лымарем и Лорендом Ко, а также лучшими сержантами бригады из первого и второго батальонов, которые должны были выполнять обязанности командиров отделений, еще задолго до прибытия молодежи из Ташкентского сборного пункта, сделали все от них зависящее, чтобы предназначенное для молодого пополнения помещение отвечало необходимым требованиям «Устава внутренней службы ВС СССР». Кроме того, Леша Озорнин получил на складе новое постельное белье и полотенца, в общем, все, что необходимо солдату в армии.

Без всякого преувеличения могу сказать, что молодое пополнение у нас в части в ноябре 1977 года, как это и всегда было раньше, готовились встречать как дорогих гостей. Для этого делалось все возможное и невозможное, чтобы молодые солдаты с первых дней почувствовали, что о них проявляется командирская забота и уделяется максимально возможное внимание. Мне запомнилось в этот период то, что вновь назначенный командиром нашей бригады подполковник А.А.Овчаров карантин посещал намного чаще, чем другие подразделения части, интересовался проблемами, беседовал с молодежью и командным составом.

В связи с вышеизложенным, могу лишь с глубоким сожалением заметить, что, когда писались эти строки, я был немало удивлен и искренне огорчен сообщением о том, как в Магадане в декабре 2003 года из-за того, что командиры и начальники разных уровней не выполняли свои служебные обязанности, более сотни призывников, направлявшихся на службу в пограничные войска, простыли, заболели и в течение длительного времени проходили курс излечения в местных госпиталях и больницах. При этом один из призывников умер от полученного воспаления легких.

Жаль, конечно, что не везде и не всегда в наших Вооруженных силах делается все так, как надо, вернее так, как написано в уставе. Ну, хотя бы так, как это в свое время было у нас, в 15 отдельной бригаде специального назначения. Ведь порой командиру даже думать не надо: «Смотри устав, - как

говорят в армии, - Там все написано». И никаких проблем не будет. В этом отношении в Чирчикской бригаде спецназ был полный порядок, что, например, молодым солдатам сразу же бросалось в глаза, как только они приходили в часть. Все в 15 обрСпН, начиная от бытовых условий и питания и кончая плановыми занятиями и общей обстановкой в коллективе бригады и отдельных ее структурных подразделениях, было, если не на самом высшем, то, во всяком случае, на очень высоком уровне.

В то время, когда весь остальной командный состав, назначенный в карантин, готовился к приему молодого пополнения в части, я на Ташкентском сборном пункте окончательно согласовывал списки тех призывников, которые предназначались для 15 обрСпН и для бригад спецназ других военных округов Советского Союза.

В конечном итоге, я, вместе с тремя сержантами, получил предназначенную для нас молодежь, и на трех ЗИЛ-131 мы поехали в часть, где сразу же по прибытии командир бригады подполковник А.А.Овчаров вкратце познакомился с прибывшим пополнением. Он осмотрел стоявших в строю уже, в общем-то, не призывников, но еще, конечно же, и не солдат специального назначения и с удовлетворением отметил, что, судя по внешнему виду, росту, а также основываясь на докладах капитана А.С.Чубарова о результатах работы в военкоматах, можно с уверенностью сказать, что молодежь для бригады была подобрана исключительно хорошая. При этом он в своей короткой речи выразил надежду на то, что все молодые солдаты внесут свой достойный вклад в копилку славных боевых традиций и добрых дел нашей части.

Справедливости ради надо сказать, что ошибок в подборе молодого пополнения для спецназа, нам все-таки избежать не удалось. В такой работе, которую мы с Сашей Чубаровым провели, «определенный процент брака» был заранее предопределен, однако в последующем особых претензий к нам никто, конечно, не предъявлял. Наоборот, многие офицеры части неоднократно говорили нам с Александром о том, что, в общем-то, мы поработали хорошо и подобрали очень даже неплохих ребят. По мнению командиров групп и рот, работающих непосредственно с подобранным нами личным составом, молодежь осеннего призыва 1977 года оказалась намного лучше тех призывников, которые приходили в 15 бригаду спецназ в предыдущие годы.

Работа в том карантине запомнилась мне в мельчайших деталях. Видимо, причина этого была, во-первых, в том, что впервые пришлось выполнять обязанности командира карантина, а во-вторых, потому, что практически со всеми молодыми солдатами я познакомился задолго до их призыва к нам в часть. С каждым из них пришлось побеседовать, а затем наблюдать за ними во время прохождения предварительных и основных медицинских обследований, а также в ходе работы призывных комиссий в военкоматах. По всем из них в отдельности приходилось принимать решение о том, что именно этот, а не какой-то другой призывник должен служить именно в нашей или какой-то другой бригаде специального назначения. Поэтому каждый молодой боец в карантине был по-своему лично мной и Сашей Чубаровым, образно говоря, «выстрадан». Скорее всего, именно данное обстоятельство придавало тогда работе с молодежью, призванной в

Чирчикскую бригаду спецназ, особый эмоциональный и творческий настрой и подъем.

Очень хорошо также запомнилось, как прошел в карантине праздник Великого Октября. В связи с тем, что я в то время был еще холостяком, 7 ноября 1977 года назначил себя ответственным в подразделении, а замполита, командиров групп и старшину карантина отпустил отдыхать в этот праздничный день.

Утром, в 10 часов, по плану, для молодых солдат был назначен просмотр телепередачи о проведении в столице Узбекистана юбилейного парада войск Ташкентского гарнизона и демонстрации трудящихся Ташкента, посвященных 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Бойцы расселись на табуретках в ленинской комнате, и мы с интересом смотрели телевизионный репортаж.

По установившейся в Советском Союзе традиции, в ходе юбилейных военных парадов обычно показывали какие-то новые образцы вооружения и военной техники, о чем я и объявил всем присутствовавшим в ленинской комнате молодым солдатам. Поэтому прохождение парадных коробок мы просмотрели, конечно, с интересом, но с особым нетерпением ждали прохождения перед телевизионными камерами боевой техники, надеясь увидеть что-нибудь новое из техники, поступившей на вооружение в войска в последние годы. По мере появления на телеэкране различных образцов техники я давал солдатам некоторые пояснения.

Как помнится, никаких новых образцов передовой советской военной техники нам так увидеть и не привелось, однако возможность удивиться и недоумевать нам все-таки представилась. Это случилось, когда на главную площадь Ташкента, площадь Ленина, выкатили гаубицы Д-30, у которых в качестве тягачей были мощные автомашины «Урал-375». Сначала артиллеристы двигались стройной колонной, однако вдруг, один из тягачей, проходивший мимо телевизионной камеры, заметно задержался, нарушая строй. Потом, двигаясь рывками, начал немного отставать от остальных и, в конце концов, вообще остановился, не доехав нескольких метров до главной трибуны, на которой находилось руководство Узбекистана и командование Туркестанского военного округа. Через мгновение левая дверца «Урала» открылась и водитель, выскочив из кабины, залез на бампер, задрал капот и «нырнул» под него.

Все, кто был на площади и трибуне, как заворуженные смотрели на остановившуюся машину. Мы, находясь перед экраном телевизора, также с напряжением следили за происходившим. Наконец телекамера показала трибуну, где первый секретарь Центрального комитета Коммунистической партии Узбекистана Шараф Рашидович Рашидов с непроницаемым выражением лица смотрел в ту сторону, где остановился этот злополучный, неисправный «Урал». Затем он, несколько нахмурившись, повернул голову и, изобразив глазами молчаливый вопрос и серьезный укор, посмотрел на стоявшего рядом с ним командующего Краснознаменным Туркестанским военным округом генерала Белоножко. Однако командующий округом, глядя туда, где остановился артиллерийский тягач с гаубицей, стоял с непроницаемым лицом, как будто ничего необычного и не происходило, и уж,

тем более, совершенно не реагируя на вопросительный и укоризненный взгляд Шарафа Рашидовича, направленный на него.

Понятно было, что в ходе парада войск Ташкентского гарнизона с артиллерийским тягачом случилось что-то непредвиденное. Телевизионные камеры уже не показывали остановившуюся машину. Мои молодые бойцы сидели в ленинской комнате и напряженно следили за тем, что происходило на экране. Некоторые из них поворачивались в мою сторону, и в их глазах читались немые вопросы: «Что происходит? Как это понимать?» Мне пришлось высказать несколько версий случившегося. Молодые солдаты также включились в обсуждение данного инцидента, произошедшего в столице Узбекистана. Праздничное настроение оказалось несколько подпорченным, однако просмотр военного парада в Москве и последовавший за ним праздничный обед несколько подняли настроение.

Через некоторое время у нас в части стало известно, что причиной остановки «Урала» во время военного парада в Ташкенте явилось то, что кто-то перекрыл краник бензопровода, подводящего бензин от одного из топливных баков к двигателю. Пока бензин еще был в трубопроводе, машина двигалась, а затем остановилась практически перед самой центральной трибуной площади Ленина. То, что это была хорошо спланированная акция, имевшая совершенно однозначные провокационные цели, для многих из нас казалось вполне очевидным.

Можно представить, как мне приятно было работать с хорошим молодым пополнением, да еще к подбору которого я имел самое непосредственное отношение. С удовлетворением отмечал я, да и другие офицеры и сержанты карантина, что наши молодые солдаты постепенно овладевают тем минимумом знаний и навыков, которые необходимы любому военнотружущему для начала военной службы, тем более будущему спецназовцу.

Однако, уже в то время, когда представились более обширные возможности по изучению молодежи, чем это было у нас с Сашей Чубаровым в военкоматах, пришлось, к сожалению, убедиться в том, что, несмотря на все наши усилия, мы с Александром в ходе подбора допускали ошибки, которые, как представляется, вполне естественны, тем более, в работе с людьми. Ведь не всегда и не каждому из наших призывников нам с Александром удавалось по-настоящему «влезть в душу», чтобы понять, подходит тот или иной молодой человек для службы в войсках специального назначения или нет.

Именно поэтому несколько человек еще в период прохождения ими курса молодого бойца перевели в пехоту, задолго до начала работы мандатной комиссии 15 обрСпН. Один из них, который, как помнится, призывался из города Ангрэн, после того, как его из Чирчика отправили служить в Самарканд, написал письмо командиру бригады, в котором он просил вернуть его обратно в бригаду, расписывая в цветах и красках, чем в худшую сторону отличается та часть, куда он попал, от нашей бригады. На одном из общих собраний личного состава бригады подполковник А.А.Овчаров зачитал его письмо, в котором были такие слова: «Я готов ползком ползти из Самарканда в Чирчик, чтобы вновь оказаться в Вашей, товарищ подполковник, воинской части».

Как это было и полгода назад, в июне, в этот раз, в ноябре, мне вновь предстояло подобрать молодежь в свой «музыкальный взвод специального назначения». Помню, как командир второго отряда капитан В.Шрамко, прибывший к нам вместо погибшего Сергея Марковича Шапиро, тщательно инструктировал меня по принципам и особенностям отбора людей в мою специфическую группу, что я, в общем-то, и без этого инструктажа прекрасно знал. В то время, как Шрамко долго и тщательно подбирал нужные слова и формулировал свои мысли, присутствовавший при этом Игорь Стодереvский эту же мысль с характерной для него прямоотой и добродушной улыбкой вновь, как и раньше, выразил коротко и совершенно ясно и точно: «Сергей, ты нам хороших людей подбери, а уж хороших музыкантов мы из них всегда сделаем». После этой фразы Игоря все, кто ее слышал, дружно рассмеялись и пожелали мне успехов в подборе молодежи в «музыкальный взвод специального назначения» нашей бригады.

Как можно представить, кандидатов в «музыканты спецназ» я наметил задолго до их прибытия в нашу часть. Работу по их подбору я проводил еще тогда, когда отбирал молодежь в военных комиссариатах Ташкента и области, поэтому в определении возможных кандидатов особых проблем не было. Однако, как потом оказалось, мне не хватало лишь одного человека, которого из общей массы призывников, конечно же, можно было подобрать без труда. Такого бойца, родители которого жили в Самарканде, я наметил в самом начале работы в карантине и постоянно придирчиво присматривался к нему. В конечном итоге, включил его список молодежи, предназначенной для моего музыкального взвода. После этого молодые кандидаты в «военные музыканты специального назначения» соответствующим приказом командира бригады официально были включены в состав моей группы.

Каково же было мое удивление, когда буквально на следующее утро после роспуска карантина и прихода молодежи в подразделения части, мой заместитель сержант Георгий Петросян после доклада о состоянии дел в группе коротко, но достаточно емко охарактеризовал всех вновь прибывших молодых солдат, при этом, в первую очередь, он поинтересовался тем, как к нам в музыкальный взвод попал именно этот молодой солдат-самаркандец, которого я включил в список в самую последнюю очередь. Оказалось, что Георгию Петросяну, да и другим моим бойцам-музыкантам хватило одного единственного дня, чтобы разобраться, что за «фрукт» к нам пришел. Я был весьма огорчен тем обстоятельством, что мне, к сожалению, не хватило периода отбора молодых солдат и целого месяца работы с ними в карантине, чтобы понять, что подобранный мной кандидат в музыканты, на контрасте со всеми остальными моими подчиненными – «совершенно не наш человек», как охарактеризовали его практически все старослужащие солдаты моего взвода. Устами Петросяна этот боец характеризовался так: «То, что он к музыке не имеет никакого отношения, – это ерунда, не из таких, как он, хороших музыкантов делали, на худой конец барабанщиком бы стал. Главное, что он нечестный, подлый человек. Такому в спецназе и, тем более, в нашем музыкальном взводе вообще делать нечего. Мы с ним служить не будем».

В результате, самаркандца, конечно, сразу же, пока была такая возможность, заменили на другого, более подготовленного для службы в

музыкальном взводе солдата, а его определили уже не кандидатом в «музыканты специального назначения», а кандидатом на отчисление из спецназа в матушку пехоту, куда он не сразу, а примерно через полгода службы в бригаде, в конечном итоге, и уехал. А там, на новом месте службы, как стало потом известно, он совершил какое-то преступление и попал под суд и был осужден.

И тогда, когда происходили эти, в общем-то, вполне заурядные и обыденные в службе простого офицера события, и в последующем я много думал над тем, почему же я обратил внимание на этого призывника из Самарканда и, в конечном итоге, взял его к себе, ведь мог же взять любого из сотни возможных кандидатов. Оказалось, что, просто на просто, я расслабился, а именно, образно говоря, «развесил свои уши» для льстивых речей, которые довольно умело и в большом количестве расточал этот, хоть и юный по возрасту, но весьма хваткий и предприимчивый молодой солдат. В течение всего периода карантина он делал все возможное, а порой и невозможное, чтобы вызвать мой интерес к нему. И, как оказалось, ему это, к сожалению, удалось.

Этот случай оказался для меня весьма поучительным, причем на всю оставшуюся жизнь. С тех пор, общаясь с людьми и наблюдая за ними со стороны, всегда старался и стараюсь, как говорят в таких случаях, «отделять зерна от плевел», то есть не допускаю, чтобы другие люди и, прежде всего, мои подчиненные, источали в мой адрес что-либо хвалебное, тем более, незаслуженное. Наученный на всю оставшуюся жизнь этим показательным для меня примером я всегда достаточно скептически относился к тем людям, которые любят источать лесть. С особой осторожностью я всегда относился к тем, кто «без зазрения всяческой сознательности», как говорят в таких случаях, любят источать льстивые речи, и в основном в адрес своего руководства и начальства. И, что вполне естественно, я всегда с большой настороженностью относился к тем моим, да и чужим начальникам, которые имеют слабость позволять своим подчиненным открыто льстить им. А таких, к сожалению, было достаточно много на разных этапах моей службы. Правда, в спецназе это был, по-моему, единственный случай. Поэтому я считал и считаю, что подобное поведение людей на самом деле унижает и тех, и других.

При этом мой жизненный опыт неоднократно и очень наглядно показывал, что если положение начальника меняется и он уходит, например, на другое место работы или на пенсию, а льстец уже не зависит от прежнего начальника, то в большинстве случаев лесть в адрес прежнего «богожителя» моментально прекращается. Как правило, надо лишь подождать некоторое время, чтобы убедиться в том, что как только ситуация меняется, льстецы начинают с таким же рвением и красноречием славословить уже других своих кумиров и покровителей. Ну, а тех, кого они раньше с таким азартом и рвением почитали, начинают поносить порой также активно, как совсем недавно их возносили к небесам.

Справедливости ради хочу сказать, что в те времена, когда мы служили в 15 отдельной бригаде спецназ, такого рода «служаки» лизоблюды тоже были, но их процент оказался настолько мал, что говорить о них совершенно не стоит. Ведь в спецназе результаты работы командира по достижению высокого уровня

боевой подготовки подчиненного личного состава для выполнения разведывательных и диверсионных задач в тылу противника, как правило, невозможно было подменить никаким славословием в адрес своего командира или начальника. Твое подразделение или подготовлено тобой, чтобы выполнить стоящие перед ним задачи, или не подготовлено. И никакими другими способами, кроме кропотливой работы с подчиненными, свой рейтинг в глазах руководства, в большинстве случаев, невозможно повысить. Основным критерий – это конечный результат в твоей работе с личным составом, то есть уровень боевой готовности подчиненного тебе подразделения, которым ты лично командуешь, а не беспредметное краснобайство, направленное на завоевание дешевого, незаслуженного авторитета у начальства.

Ну, а тех немногочисленных офицеров Чирчикской бригады, которые в данной системе общечеловеческих и спецназовских ценностей пытались смещать акценты от активной целенаправленной работы с подчиненным личным составом в сторону ублажения своих прямых и непосредственных начальников, приходилось изредка поправлять и стыдить. Приходилось напоминать им, что активно, целеустремленно и творчески необходимо работать со своим личным составом, а не с представителями командования нашей бригады.

НОВЫЙ КОМАНДИР 15 ОБРСПН

Очередным весьма важным этапом в истории 15 отдельной бригады специального назначения явился конец 1977 года, когда сразу же после итоговой проверки, которую мы традиционно сдали хорошо, полковник В.В.Колесник приступил к передаче бригады назначенному вместо него комбригом подполковнику А.А.Овчарову. А Василия Васильевича переводили на повышение в Москву, где в Главном разведывательном управлении Генерального штаба ВС СССР он должен был стать направленцем на азиатские бригады спецназ, то есть в полном объеме курировать и контролировать их учебно-боевую и повседневную деятельность, в том числе, естественно, и нашу бригаду.

Как мне, так и другим офицерам 15 отдельной бригады спецназ, в тот период представлялось, что осенью 1977 года, в точности повторилась ситуация начала 1975 года, только с разницей по времени ровно в два с половиной года. Я имею в виду схожесть ситуации и настроений офицеров части с тем временем, когда из бригады уходил прежний ее командир полковник Р.П.Мосолов, а в командование 15 обрСпН вступал новый комбриг подполковник В.В.Колесник. Как и тогда, в 1975 году, когда мы провожали Роберта Павловича, так и в 1977 году, когда из бригады уходил Василий Васильевич, чувства у нас были примерно одинаковые. Мне лично, да и многим моим сослуживцам было искренне жаль, что Колесник уезжает от нас. Большинство из офицеров бригады ловили себя на мысли, что нас одолевают такие же чувства глубокого сожаления, которые мы испытывали, когда из бригады переводили на повышение ее прежнего командира полковника Р.П.Мосолова. За два с лишним года руководства бригадой спецназ полковник В.В.Колесник добился многого и завоевал заслуженный авторитет у всего личного состава, хотя он и не был фронтовиком-разведчиком и не имел столь много боевых наград, сколько было у Роберта Павловича.

Правда, несмотря на однозначные успехи в работе и высокий авторитет у подчиненных, В.В.Колеснику все-таки не удалось заслужить того, чтобы личный состав 15 бригады спецназ, как и предыдущего комбрига полковника Р.П.Мосолова, стал называть его «Батей». Однако это уважительное обращение офицеров и солдат к своему командиру, которого уважают, лишь в полном смысле этого слова, настоящие отцы-командиры, как и многое другое, было для Василия Васильевича еще впереди, о чем никто из нас, конечно же, тогда не знал, да и не мог знать. Как потом оказалось, все самое главное и значимое в жизни и службе, было у Колесника еще впереди, в том числе и показатель высшей степени уважения солдат и офицеров спецназа, которые стали любовно называть его «Батей». С уходом из 15 отдельной бригады специального назначения жизнь и служба для Василия Васильевича далеко не заканчивалась — это единственное, что тогда всем нам было совершенно очевидным.

Единственным весьма отрядным и ожидаемым моментом для нас, офицеров 15 обрСпН было то, что, став нашим непосредственным начальником в Главном разведывательном управлении Генерального штаба ВС СССР, полковник В.В.Колесник будет уделять 15 отдельной бригаде специального назначения больше внимания, чем это делали его предшественники в ГРУ ГШ. Как представлялось, Василий Васильевич, хорошо зная наши возможности и проблемы, сможет, пользуясь своей властью, сделать все то, что не удалось сделать, будучи комбригом. Кстати сказать, как всем нам тогда казалось, первое, что безотлагательно необходимо было бы сделать В.В.Колеснику для нашей бригады, – это в приказном порядке снизить интенсивность отвлечения личного состава на строительство различных объектов на территории части.

После того, как Колесник уехал в Москву, в 15 обрСпН внешне ничего особенно не изменилось. По-прежнему, «по возможности», как мы тогда говорили, продолжалась боевая учеба, однако, вопреки нашим ожиданиям, значительно больше, чем раньше, стало всякого рода хозяйственных работ, к которым привлекались спецназовцы, и это в то время, когда надо было усиленно заниматься боевой подготовкой. К тому времени я уже неоднократно на личном опыте убеждался в правоте слов майора А.Голубовича о пагубности для уровня боевой готовности нашей бригады развернутого в ней масштабного строительства, которые довелось мне слышать из его уст в ходе нашей первой обстоятельной беседы после моего возвращения с целины.

Теперь уже на своем собственном опыте я имел возможность убедиться, что отрыв личного состава на хозяйственные работы в 1977 году осуществлялся постоянно, я бы даже сказал точнее, «плановмерно». Если, например, в 1974 - 1975 годах невозможно было снять с любого занятия даже одного солдата, то, с 1976 года, отвлечение личного состава на хозяйственные работы приобретало все увеличивающиеся и пагубные масштабы. А, начиная с зимнего периода обучения 1977 года, этот процесс с каждым месяцем набирал обороты. Ну, а после отъезда полковника В.Колесника в Москву спецназовцы нашей бригады уже больше работали на строительстве различных объектов в части, чем занимались боевой и политической подготовкой. И это, несмотря на то, что каждые полгода одна из рот спецназ 15 обрСпН официально приказом по части освобождалась от занятий боевой подготовкой, кроме политической подготовки и ВДП, и занималась только строительством различных объектов бригады.

Честно надо сказать, что многим из наших офицеров и прапорщиков было больно наблюдать за набиравшим обороты процессом постепенной деградации нашей бригады, снижением уровня ее боевой готовности и профессиональной подготовки личного состава. Если сразу после переподчинения 15 обрСпН Краснознаменному Туркестанскому военному округу она еще как-то по инерции, пришедшей из Среднеазиатского военного округа, продолжала усиленно заниматься боевой подготовкой, то со временем этот процесс, как уже говорилось выше, мало-помалу начал затухать и хиреть. Чем дальше, тем все меньше и меньше данному важнейшему аспекту в деятельности любой бригады специального назначения уделялось внимания. Тем более, что наше окружное руководство, как было заметно даже нам, молодым офицерам, не особенно и требовало от командования 15 обрСпН

выполнения программы боевой подготовки. Различного рода планы и ротные расписания занятий, конечно же, составлялись, регулярно заполнялись журналы по проведению занятий с личным составом подразделений, но из всего запланированного проводилось лишь незначительное количество часов. В полном объеме выполнялась, пожалуй, лишь программа политической и воздушно-десантной подготовки. Все остальное изучалось и отрабатывалось по уже начавшему культивироваться в бригаде принципу: «Как придется».

Не думаю, что в этом была вина нового командира бригады подполковника А.А.Овчарова. Основная причина, скорее всего, заключалась в том, что в те времена Краснознаменный Туркестанский военный округ был округом третьего разряда, и боевая подготовка в войсках округа повсеместно находилась далеко не на первом месте. Это все мы знали и раньше. Ну, а после того, как командованием ТуркВО нашей бригаде была поставлена задача превратить свой военный городок в лучший в Туркестанском военном округе, наши надежды на то, что удастся добиться больших успехов в боевой подготовке, у многих начальников и командиров подразделений бригады пропали совсем.

Такое смещение акцентов в деятельности 15 отдельной бригады специального назначения вызывало серьезное недовольство настоящих командиров всех степеней. Однако оно сводилось лишь к простому нашему роптанию и ворчанию в кулуарах, что, как можно себе представить, реально повлиять на изменение сложившейся в бригаде обстановки не могло. Нам приходилось точно и в срок выполнять обширные планы строительства, а не значительно снизившиеся в объемах планы боевой и политической подготовки.

Как можно себе представить, неудовлетворение сложившимся в то время в 15 обрСпН положением дел не высказывали лишь те, правда, совершенно немногочисленные офицеры, которые считали развернутое в бригаде строительство наилучшей возможностью проявить себя. Как правило, это были те командиры, которым боевая учеба, а также постоянная работа по воспитанию личного состава была в тягость. Теперь для такого рода командиров наступили самые хорошие времена, когда можно показать свои личные качества, которые они не могли проявить в ходе повседневной плановой боевой и политической подготовки. А теперь в бригаде было создано весьма широкое поле деятельности, где таким офицерам можно себя соответствующим образом показать. И ведь на самом деле некоторые офицеры Чирчикской бригады спецназ испытывали от выполнения хозяйственных работ большое удовольствие, при этом именно они же, как правило, тяготились проведением, например, полевых занятий или занятий по политической подготовке со своим «любимым» подчиненным личным составом.

Изредка, собираясь, как у нас в шутку говорили, «узким кругом «ограниченных» лиц» за бокалом пива, местного виноградного вина или популярного в то время в Чирчике, да и в Узбекистане портвейна «Чашма» («Источник» в переводе с узбекского), который мы именовали не иначе, как «Офицерский коньяк», многие младшие командиры бригады откровенно возмущались складывавшимся в части положением. Часто в этих беседах звучала мысль: «Неужели, Василий Васильевич не знает, к чему эта стройка может привести. А если завтра, не дай Бог, война? С кем пойдем воевать?

Спецназ уже, кроме мастерка, лома и лопаты, ничего в руках держать не может».

Весьма показательным примером того, чем мы в то время занимались, являлась формулировка полученного мной в 1978 году выговора, которая дословно звучала так: «За пропажу бетономешалки». Напоминаю, что это был выговор командиру роты специального назначения. Комментарии, как говорят в таких случаях, излишни...

Кстати сказать, тогда, когда пропала эта злосчастная бетономешалка, ротой командовал замполит роты лейтенант Валера Измалков, а я был в отпуске, но выговор, по ошибке, записали мне. Однако, нет худа без добра, так как при поступлении в академию приемная комиссия обратила на этот факт внимание, и кто-то из ее членов не преминул, к добродушному хохоту своих коллег по приемной комиссии, подколоть меня вопросом: «Так, Вы, товарищ капитан, где служили? В войсках специального назначения или в строительных войсках?»

Думаю, что Василий Васильевич Колесник, являясь в тот период времени, как уже говорилось выше, направленцем в Главном разведывательном управлении Генерального штаба ВС СССР на азиатские бригады спецназ, прекрасно знал о том, что 15 отдельная бригада специального назначения занимается не совершенствованием своего боевого и профессионального мастерства, а хозяйственным строительством, которое было начато еще при нем. Однако, видимо, и его властных полномочий в должности старшего офицера направления Управления ГРУ ГШ было далеко не достаточно, чтобы изменить сложившееся тогда в нашей бригаде положение с боевой подготовкой.

Наверное, поэтому из ГРУ к нам поступали указания типа: «Несмотря на развернутое в 15 обрСпН совершенствование учебно-материальной базы и жилого фонда хозяйственным способом, командованию бригады необходимо активнее изыскивать возможности для более полного выполнения планов боевой и политической подготовки, чтобы не допустить снижения боевой готовности групп специального назначения первой и второй очереди». Естественно, что новому командиру бригады подполковнику А.А.Овчарову приходилось, находясь, условно говоря, «между молотом и наковальней», точно так же, как в свое время и полковнику В.В.Колеснику, буквально выкручиваться, чтобы планы по строительству совместить с планами боевой подготовки личного состава. И как ни странно, нашей бригаде под руководством подполковника АА.Овчарова это с большим трудом, но все-таки удавалось.

Не смотря на определенное роптание командиров всех степеней и личного состава нашей бригады, которое периодически то в кулуарах, то совершенно открыто на партийных собраниях и различного рода совещаниях раздавалось в отношении «нецелевого использования элитного советского спецназа», результаты этого аспекта нашей деятельности все-таки были налицо. Спецназовцы общими усилиями, но построили боксы для техники и бензозаправочную станцию в автомобильном парке, обложили кирпичом казармы, поставили новый забор вокруг территории части, сделали еще много того, что, в общем-то, радовало бы глаз, если бы мы не знали, какой ценой это

все нам досталось. К моменту описываемых событий как минимум четыре призыва солдат и сержантов, пришедших в бригаду в мае и ноябре 1976 года и 1977 года, основную часть своего драгоценного учебного времени провели на строительных площадках на территории части, а также на различных Чирчикских заводах, зарабатывая необходимые нашей бригаде строительные материалы.

Правда, при этом, как уже упоминалось выше, только лишь политической и воздушно-десантной подготовкой все занимались без всяких скидок на стройку. Ход политподготовки четко и, я бы сказал, ревностно контролировал политический отдел бригады, во главе с полковником Н.В.Лысаком, а ВДП – офицерами воздушно-десантной службы под командованием полковника В.А.Ленского. Остальные предметы боевой подготовки солдаты нашей бригады постигали уже, как придется. Соответственно, и уровень боевой готовности бригады, к великому сожалению большинства наших офицеров, постепенно, но неуклонно снижался.

Кроме того, призывавшиеся к нам для переподготовки многочисленные «партизанские» отряды специального назначения также очень активно использовались для совершенствования учебно-материальной базы бригады, вместо того, чтобы хоть чему-то научиться или освежить имевшиеся знания и навыки, необходимые спецназовцу в ходе выполнения боевых задач в тылу противника. В общем, лично мне, да и многим моим сослуживцам, грустно было смотреть на то, как эта самая учебно-материальная база создавалась в основном лишь для того, чтобы она реально существовала и радовала глаз всякого рода проверяющим, но практически очень мало использовалась по ее прямому назначению, то есть в целях содействия повышению уровня боевой подготовки личного состава. Для этого у Чирчикских спецназовцев того периода просто не оставалось времени, так как оно в основном уходило на проведение различного рода строительных и хозяйственных работ.

И если бы не стремление многих командиров всех степеней использовать любую, даже самую минимальную возможность для занятий боевой подготовкой с подчиненным личным составом, то наши солдаты и сержанты того времени, так и не узнали бы, зачем их призывали в войска специального назначения. В этой связи вспоминается случай, произошедший в самом начале 1978 года. Как-то однажды роту, которой я в то время командовал, образно говоря, «не обеспечили работой», то есть что-то из строительных материалов не подвезли с утра, и пообещали, что подвезут после обеда. Понятно, что в таких условиях, в которых находилась в тот период наша часть, на любом из строившихся объектов командир бригады всегда мог бы найти нам объем работы, если бы я ему доложил о возникшей нестыковке в организации работы на выделенном нашей роте объекте. Однако, взяв всю ответственность на себя, я подал роте команду получить оружие и снаряжение и подготовиться к убытию на полевые занятия. Командирам групп была поставлена задача на отработку с личным составом одной из учебных тем тактико-специальной подготовки, а сам я намеревался провести занятие с той группой, в которой тогда не было офицера. Кстати, надо было видеть, с какой быстротой и душевным подъемом бойцы моей роты облачались в свои боевые

доспехи. Видно было, что они на самом деле по-настоящему соскучились по столь редким и столь желанным полевым занятиям.

Уже минут через 15 после подачи мной команды по подготовке к выходу на полевые занятия рота стройной колонной направилась в автопарк, через который должна была выйти в направлении 8-го микрорайона города Чирчика, где мы обычно занимались тактико-специальной подготовкой. Можно представить, насколько удивлен был командир бригады подполковник А.А.Овчаров, когда увидел нашу роту, которая в это время должна была находиться на строительном объекте, а она вдруг оказалась в полном боевом снаряжении около ворот автопарка.

«Ну, Сергей Александрович, сейчас командир бригады Вас за своеволие выдерет самым изощренным способом», - с сожалением сказал командир группы моей роты лейтенант Сережа Ершов. Мне пришлось с решительным видом объяснить комбригу, почему, вместо работы на стройке, мной было принято решение провести занятие по тактико-специальной подготовке. Александр Алексеевич, выслушав мой доклад и грустно покачав головой, лишь махнул рукой в знак согласия. Когда же рота уже выходила за пределы части, он вдруг прокричал нам вслед: «Но, чтобы после обеда все были на своих строительных объектах!»

Данный пример достаточно красноречиво свидетельствует о том, как командиры подразделений 15 отдельной бригады специального назначения того времени пытались хоть частично, но все-таки ликвидировать пробелы в боевой подготовке своих подчиненных. Он также наглядно показывает, что и командир нашей части подполковник А.А.Овчаров, как мы прекрасно себе представляли, был буквально зажат в строгих рамках сложившейся в бригаде довольно непростой ситуации. С одной стороны, над ним довлела глыба многоплановой стройки в бригаде, за результаты которой он нес личную ответственность перед окружным, как спецназовским руководством, так и командованием Туркестанского военного округа, при этом как в Ташкенте, так и руководством ГРУ ГШ ВС СССР в Москве. А, с другой стороны, ему надо было умудряться и изворачиваться, чтобы подчиненный личный состав бригады хоть чему-то научить по их основной военно-учетной специальности. Ведь проверки боевой и политической подготовки дважды в год Чирчикской бригаде спецназ, в конце концов, тоже надо было сдавать. Однако, как можно догадаться, проверки надо было сдавать в основном с хорошими, а в некоторых случаях, даже с отличными оценками. При этом, само собой разумеется, что проверки в 15 обрСпН мы сдавали по предметам программы боевой подготовки частей и соединений специального назначения, а уж ни в коем случае не по учебным программам подготовки подразделений строительных войск ВС СССР.

Наблюдая за тем, как в те времена в непростых условиях существовала 15 отдельная бригада специального назначения, а также увязывая с теми событиями, которые происходили в тот период в мире в целом и на южных границах Союза Советских Социалистических Республик, мы, командиры подразделений спецназ 15 бригады специального назначения, вынуждены были периодически задавать себе вопросы относительно того, зачем же мы все-таки служим нашей любимой Родине. И приходили к однозначному выводу и

заклучению: «Уж точно не для того, чтобы стройкой заниматься, мы сегодня проходим службу в войсках специального назначения».

Мне лично в той ситуации, которая тогда сложилась в нашей бригаде, часто добрым словом вспоминалась моя преподавательница по русскому языку и русской литературе в Свердловском суворовском военном училище Галина Александровна Лисина. Занятия по литературе она проводила самозабвенно и весьма квалифицированно, поэтому суворовцы много почерпнули для себя и своей последующей жизни. Благодаря Галине Александровне и под ее непосредственным влиянием у большинства из нас завершилось формирование того мировоззрения, с которым мы пошли дальше по жизни. Под ее непосредственным руководством в ходе плановых занятий по литературе мы заучили массу цитат и крылатых выражений, которыми постоянно пользовались, применяя их к той или иной ситуации. Кроме того, у суворовцев она пользовалась уважением и любовью, так же, как и у большинства ее коллег – различного рода преподавателей Свердловского суворовского училища. Здесь уместно сказать, что за высокий профессионализм Лисиной Галине Александровне еще в мою бытность в Свердловском СВУ было присвоено звание «Заслуженный учитель школы РСФСР».

Так, вот, в 15 обрСпН в тот период, который я описываю, мне с завидной периодичностью на ум приходили слова поэта В.Маяковского из стихотворения «Письмо к любимой Молчанова, брошенной им», неоднократно тиражировавшиеся Галиной Александровной Лисиной: «Это, где же Вы, Молчанов, небосвод узрели мирный?» Именно эти слова, как нельзя кстати, подходили к тому положению, которое сложилось в нашей бригаде. На фоне той ситуации, которая складывалась в тот период времени в мире, когда обстановка как в мире в целом, так и на южных границах Советского Союза осложнялась, а мы только и делали, что строили свою собственную учебно-материальную базу. Под обращением «Молчанов» из данной стихотворной строфы можно иметь в виду кого угодно. И командование 15 отдельной бригады специального назначения, и спецназовское командование ТуркВО или Главного разведывательного управления ГШ ВС СССР, и даже высшее военно-политическое руководство страны.

А ведь всем было совершенно ясно, что не могут спецназовцы строить без конца, а конца этой стройке в те времена не было видно. Во всяком случае, нам «с нашей колокольни» окончание стройки в нашей бригаде уж точно, не был виден. При этом мы, младшие командиры, прекрасно понимали, что бесконечно так продолжаться не может, так как небосвод у Советского Союза всегда был далеко не мирный, а тогда, в 1978 году, в особенности.

Конечно, военное противостояние СССР с США во Вьетнаме к тому времени уже закончилось, но там, как известно, советский спецназ, в отличие от других родов войск и видов вооруженных сил, не применялся. Да, и тот регион был слишком уж далеко от Советского Союза. Однако, к примеру, Китай-то находится очень близко от нас. А там, как можно было себе представить, лопатами и строительными мастерками не повоюешь. Достаточно вспомнить события начала марта 1969 года, когда на реке Уссури шли бои с китайцами за остров Даманский. Тогда до применения Дальневосточной бригады специального назначения дело так и не дошло, однако к боевому

применению она была близка как никогда. Во всяком случае, несколько групп спецназ этой бригады готовились к заброске в пограничную зону территории КНР с задачей разведки сил и средств Народно-Освободительной армии Китая, которые могли выдвигаться к советско-китайской границе. ...

В этом месте своего повествования, забегаю несколько вперед, нарушая хронологию моего повествования и уходя от последовательного изложения описываемых событий, хотелось бы сказать, что тем временем «мирный небосвод узреть», как многие из нас и предполагали, нам пришлось не очень долго. Уже в 1978 году реальная война, а вернее ее тень, о чем офицеры 15 обрСпН, в порыве откровения, так много говорили в кулуарах, не заставила себя долго ждать. К этому времени военно-политическая обстановка в непосредственной близости от южных границ Советского Союза постепенно стала претерпевать серьезные, я бы сказал, радикальные изменения.

Хоть эти изменения в сопредельных в Советским Союзом государствах и вызвали повышенное внимание со стороны специальных служб СССР, а также озабоченность руководства страны, однако в 15 отдельной бригаде специального назначения, в общем-то, ничего не изменилось. Мы, как и раньше занимались строительством и совершенствованием учебно-материальной базы, так же продолжали строить, выполняя указания вышестоящего командования. А ведь то, что к тому времени «небосклон был уже далеко не мирный» было видно многим даже «не вооруженным глазом».

Во-первых, в апреле 1978 года в Афганистане, непосредственно граничащем с Советским Союзом, произошла Апрельская революция. Во-вторых, в конце все того же 1978 года также у южных границ Советского Союза, в Иране, на который, начиная с 1976 года, была нацелена 15 отдельная бригада специального назначения, развернулось мощное народное движение за демократические преобразования и ликвидацию монархии. В последствии оно переросло в антиимпериалистическую национальную исламскую революцию.

В этот период времени все у нас в бригаде и наше Командование в Ташкенте и Москве сразу же вспомнили о том, что в складывающейся довольно сложной ситуации 15 бригаде спецназ Командованием могут быть поставлены разведывательные и специальные задачи на территории сопредельного Ирана, которые нам надо будет выполнять в реальной боевой обстановке, а не на строительных площадках.

Всю осень 1978 года бригада, как говорят в таких случаях, «сидела» в повышенной степени боевой готовности и ни на что другое, кроме усиленной боевой подготовки, не должна была бы отвлекаться. Этому также должно было, как мы все рассчитывали, способствовать казарменное положение, на котором находились все офицеры и прапорщики нашей бригады, несмотря на то, что основная их часть проживала в военном городке, расположенном за забором части. Офицеры и прапорщики спали в канцеляриях и бытовых комнатах, где специально для них были поставлены кровати, а питались в солдатской столовой. Однако самое интересное и парадоксальное заключалось в том, что даже в этот период серьезного осложнения международной обстановки в регионе, где могла быть задействована 15 отдельная бригада специального назначения, пресловутое строительство различных объектов у нас на территории части, несмотря ни на что, все-таки так и не прекращалось.

Не знаю, как бы я поступал, будь я на месте командира нашей части подполковника А.А.Овчарова, но, честно говоря, ему в тот период никто из нас совершенно не завидовал. Даже во время серьезной дестабилизации обстановки в Иране, когда бригаде, казалось бы, надо было как можно быстрее ликвидировать пробелы в боевой подготовке групп спецназ, вызванное длительным отсутствием плановой боевой подготовки, наше окружное руководство, в том числе и Разведывательное управление штаба ТуркВО, как это ни странно, требовало от комбрига точного выполнения ранее утвержденных планов строительства различных объектов на территории бригады. Нам же, младшим командирам, приходилось выполнять приказы командира бригады на выделение личного состава на различные хозяйственно-строительные работы, вместо того, чтобы ехать, например, на стрельбище на стрельбы или заниматься со своими подразделениями тактико-специальной подготовкой или минно-подрывным делом.

Александр Алексеевич Овчаров, как мог, но изворачивался, пытаясь, по возможности, сократить количество отвлекаемого на хозяйственные работы личного состава бригады, но и его власти порой было совершенно недостаточно. При этом он прекрасно понимал, что кардинально ситуацию в этом плане изменить он совершенно не может.

Как ни удивительно и странно это прозвучит, но стройка в 15 отдельной бригаде специального назначения не прекращалась даже тогда, когда вся территория нашего городка была заполнена колоннами автомашин с прицепами, «под завязку» загруженными боеприпасами, парашютами и снаряжением, и выставленными напоказ американским космическим спутникам фото- и видеоразведки для того, чтобы показать высшему и военно-политическому руководству Соединенных Штатов Америки и дать им понять, что мы полностью готовы выступить для защиты своих интересов на южных рубежах Советского Союза в случае, если США решат вторгнуться в Иран.

Данная демонстративная акция продолжалась примерно неделю, в течение которой вся автомобильная и специальная техника, а также техника специальной радиосвязи стояла везде в части, где для этого можно было отыскать подходящее место, в том числе и на строевом плацу.

Знали бы тогда наблюдавшие за нами из космоса американцы, что во время построений на плацу, где даже для небольших по составу рот спецназ не было свободного места для построений, так как всю территорию плаца занимали колонны загруженной по-боевому автомобильной техники, командиры подразделений, порой, не только ставили задачи на отработку планов боевой подготовки, но, как ни странно, очень часто отправляли свой личный состав для проведения продолжающегося строительства различных объектов в бригаде.

Думаю, всем нам очень даже повезло, что ситуация в Иране развивалась таким образом, что она не привела к прямой военной интервенции Соединенных Штатов Америки в эту страну, хотя в повышенной степени боевой готовности 15 отдельная бригада специального назначения находилась вплоть до 22 февраля 1979 года. Вполне очевидно, что если бы Соединенные Штаты вторглись бы в Иран, то Советский Союз был бы вынужден ввести свои Вооруженные Силы в северные районы Ирана, как это уже было в нашей

истории в 1941 году, сразу же после начала Великой Отечественной войны. Уж кто-кто, а советский спецназ-то из Чирчикской бригады оказался бы там, в Иране, намного раньше всех других советских войск.

Однако, могу с уверенностью и к глубокому своему сожалению сказать, что не все офицеры 15 обрСпН, особенно молодые, а о солдатах я уже не говорю, были в достаточной степени подготовлены для выполнения разведывательных и специальных задач, которые нам могли бы поставить в случае обострения обстановки в Иране. Ведь многие из наших офицеров значительную часть времени, я бы даже сказал, большую часть времени провели на стройках части, а в перерывах между хозяйственными работами чуть-чуть попрыгали с парашютом, чуть постреляли и пару раз сходили в горы. В таких условиях, в которых в то время находилась 15 отдельная бригада специального назначения, до глубокой и всесторонней отработки всех аспектов действий групп спецназ в тылу противника было очень и очень далеко.

А как многим офицерам нашей части хотелось, чтобы все в нашей бригаде было в точности наоборот. Мы ведь прекрасно понимали, что долго так называемое «хозяйственно-строительное благодушие» в 15 отдельной бригаде специального назначения продолжаться не может. И мы, как читатель может догадаться, были правы. В период наибольшего обострения обстановки в Иране одной разведгруппе спецназ под командованием лейтенанта Лорика Ко были поставлены реальные боевые задачи на ведение разведки в северных районах Ирана. Приказ, запретивший реальное применение в Иране разведывательной группы лейтенанта Ко, поступил в штаб 15 обрСпН, когда эта группа уже загрузилась в военно-транспортный самолет на Чирчикском аэродроме перед самым ее вылетом на боевое задание.

КАРЬЕРНЫЕ ПЕРЕПЕТИИ В СПЕЦНАЗЕ

Когда начинаешь вспоминать годы, проведенные в Чирчике, на память приходят, прежде всего, те эпизоды, которые связаны с 15 обрСпН. Основная масса офицеров, служивших в нашей бригаде, искренне ее любили, она была их судьбой, ей были посвящены все мысли и помыслы, ей мы отдавали все наши мысли и время. Ей мы отдавали все, что могли, и это доставляло истинное удовольствие, так как вселяло уверенность в том, что делаем мы важное и нужное стране дело, которое не каждому можно поручить. Ну, а если нам это дело поручено, то делать его надо так, «чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы...». Ну, а далее Вы, уважаемый читатель, и сами знаете.

Мое личное отношение к бригаде может достаточно красноречиво характеризовать следующий пример. Весной 1975 года, когда во время проведения отпуска в Ленинграде моя преподавательница английского языка в Свердловском СВУ Байбус Тамара Владимировна спросила о том, что собой представляет Чирчик как город, я, не задумываясь, ответил, что «в Чирчике нет ничего примечательного и интересного, кроме той воинской части, в которой я прохожу службу». И это было сказано совершенно искренне, что отражало мое истинное отношение к тому делу, которым мне, да и всем моим сослуживцам, приходилось заниматься.

В Чирчикской бригаде спецназ работалось с большим энтузиазмом и полной отдачей, несмотря на то, что особых перспектив в службе ни у кого из нас не было как минимум три первых года. Тем не менее, энтузиазм и самоотдача нас не покидала, и никто, как правило, никуда переводиться не собирался, чтобы, например, попытаться сделать военную карьеру в других войсках.

Помнится, как в конце 1975 года в бригаду приехал очередной проверяющий в звании полковника, который проходил службу в г.Фрунзе, где в то время дислоцировался армейский корпус Среднеазиатского военного округа. После того, как он проверил у нас в части все, что должен был проверять, полковник попросил командира части В.В.Колесника разрешить ему встретиться с офицерами одной из рот бригады, чтобы просто поговорить с ними.

Василий Васильевич приказал отвести проверяющего в штабную роту, где в то время служил Федя Волох. С его-то слов мы и узнали, что полковник был просто поражен тем порядком и дисциплиной, которые были в нашей части. Исходя из некоторых высказываний и оценок полковника, создавалось впечатление, что он никак не мог поверить, что такой порядок во всех сферах деятельности, как у нас в части, может существовать в реальной жизни.

Как потом оказалось, желание проверяющего побеседовать с офицерами бригады возникло потому, что ему захотелось увидеть тех простых командиров

групп и рот, которые своей работой с личным составом и повседневной службой создают ту обстановку и порядок, которые так поразили его. Еще больше он удивился тому, что все офицеры штабной роты, с которыми он разговаривал, занимают свои должности недопустимо долго, например, по пехотным меркам. Командир роты капитан Юрий Широков в должности командира роты был уже довольно долго, а получил он роту после нескольких лет командования группой. Его подчиненные старший лейтенант Ю.Цыганов командовал группой уже три года, единственный офицер лейтенант Ф.Волох, будучи недавним выпускником военного училища служил в части около полутора лет. Узнав это, проверяющий был, откровенно говоря, поражен этим обстоятельством.

Кроме того, по мнению этого проверяющего, «при полном отсутствии перспектив в службе младшие офицеры части работают с завидной самоотдачей», которой проверяющий никогда не наблюдал раньше нигде в других войсках. Он увлеченно рассказал своим собеседникам, как быстро «растут» офицеры в пехоте, особенно не задерживаясь на должностях командир взвода – командир батальона, а затем также быстро поступают в Военную академию имени М.В.Фрунзе или Военно-политическую академию имени В.И.Ленина.

Видимо, рассчитывая на определенную реакцию на свой рассказ, проверяющий предложил офицерам штабной роты подумать о возможном их переводе для дальнейшей службы во Фрунзенский армейский корпус, где для каждого из них будет открыта «зеленая улица» для продвижения по служебной лестнице. Однако, к его очередному и совершенно искреннему удивлению, командиры из штабной роты совсем не проявили интереса к предложению полковника, встретили его со снисходительными улыбками и вежливо отказались, так как службу в пехоте считали не престижной и не интересной. До завершения беседы проверяющий все еще попытался узнать, чем же так сильно привлекает наших офицеров служба в спецназе, но так, по-видимому, ничего не поняв, он удивленный и уехал к себе домой, в город Фрунзе.

Действительно, служить в спецназе всегда было весьма почетно и престижно, но, в сравнении с другими войсками, совершенно бесперспективно. Прослужившего в бригаде, к примеру, три года командира группы у нас в шутку называли «офицером, который в обозримом будущем может рассматриваться командованием части в качестве возможного кандидата для назначения на высокую и весьма перспективную должность командира роты специального назначения». Все было бы очень даже смешно, когда бы не было так грустно, так как в этой шутке всего лишь доля шутки, а остальное – «чистейшей воды правда», как у нас говорили. Стать командиром роты в спецназе в те времена действительно было достаточно трудно, так как все имевшиеся штатные должности командиров групп спецназ заполнялись полностью, поэтому на одну освободившуюся должность командира роты, как правило, могло претендовать как минимум трое – четверо офицеров, а то и большее число кандидатов.

Лишь прослужив в 15 отдельной бригаде специального назначения определенное количество времени, многие из нас, в том числе и я, до конца осознали и вникли в суть той шутки, которая была в большом ходу у Саши

Тимченко да и у других офицеров нашей бригады, когда они в цветах и красках расписывали молодым лейтенантам, в основном недавно закончившим военные училища, головокружительную карьеру в спецназе «от командира четвертой группы до командира первой группы» в одной и той же роте специального назначения.

Безнадежный, на наш взгляд, «застой» в продвижении по службе оказывался еще более обидным и несправедливым для большинства из нас, когда из переписки с друзьями, например, по Киевскому общевойсковому училищу или по суворовскому училищу становилось известно, что в то время как мы еще лишь в далекой перспективе «могли рассматриваться в качестве возможных кандидатов для назначения на высокую должность командира роты», некоторые наши однокашники, служившие, например, в войсковой разведке и других разведывательных структурах или тем более в пехоте Вооруженных Сил СССР, уже, например, поступили в Военную академию имени М.В.Фрунзе.

А ведь, общеизвестно, что поступление в Академию имени М.В.Фрунзе или «Кузню» офицерских кадров высшего звена», как мы ее обычно называли между собой, предполагал, что «академик» до поступления последовательно прошел все должности от командира взвода до командира батальона или его заместителя. И это в то время, когда основная масса наших коллег-спецназовцев в Чирчике, да и в бригадах специального назначения других военных округов, были всего лишь лучшими и уникальными в своем роде командирами групп спецназ. При этом все прекрасно знали, что они состоят в основном из реальных, а не «дутых», как порой бывает в пехоте или других войсках, отличников боевой и политической подготовки.

С грустью вспоминаю те времена, когда стало известно, что несколько наших однокашников по Киевскому ВОКУ поступили в «Кузню» уже в 1978 году, то есть через четыре года после окончания училища. Нас с Федей Волохом посетило чувство обиды и определенной досады. Ведь мы с ним, невзирая на хорошие и отличные успехи в службе, начинали постепенно отставать от своих сверстников и однокашников по Киевскому училищу. Вот тогда-то мы с Федей Волохом и вспомнили того незадачливого полковника из Фрунзевского армейского корпуса Среднеазиатского военного округа, который пытался убедить своих собеседников из штабной роты нашей бригады, что настоящему офицеру, тем более имеющему однозначные и неоспоримые успехи в работе, необходимо «реально расти» по службе, чтобы чувствовать себя по-настоящему самодостаточным и вполне успешным, а не ущербным, убогим и несостоятельным.

Оценивая в комплексе, и совершенно объективно, свое положение и положение моих коллег-командиров групп в 15 отдельной бригаде специального назначения, а также ход службы в ней младших офицеров различных годов выпуска из различных военных училищ, надо заметить, что, несмотря ни на что, нытья и хандры в чистом виде у нас все-таки не было. Такое упадническое настроение посещало офицерскую молодежь бригады лишь в редкие моменты так называемой «слабости духа» у некоторых командиров групп, что совершенно не влияло на наше отношение к работе, и тем более на уровень самооценки.

Несмотря ни на что, работалось все-таки с энтузиазмом и подъемом. Может быть, это было потому, что мы уже привыкли работать или, как говорят в таких случаях, «пахать», не обращая внимания на всякие частности, в том числе и касающиеся перспектив продвижения по службе. Это оказалось возможным потому, что значительная часть лейтенантов и старших лейтенантов очень любили то маленькое, но по-настоящему важное дело, которое мы делали, и то большое дело, которому мы служили, к которому были причастны.

ИРИНА

Наше, в большинстве своем, беззаветное отношение к службе порой не оставляло возможности для того, чтобы, как говорят, «заняться собой». Выходные дни использовались, в основном, для того, чтобы немного отдохнуть и привести себя в порядок, постирать белье, сходить в кино или съездить, например, в Ташкент. На все остальное просто не хватало времени, да и сил

В этой связи вспоминается, как бойцы моего по-прежнему «музыкального взвода специального назначения» неоднократно иной раз в шутку, иной раз всерьез, но довольно часто говорили мне, что в связи с тем, что наша группа постоянно лидирует в социалистическом соревновании, то она, в конечном итоге, обеспечит мне прекрасную служебную карьеру в спецназе. Я обычно в тон подобным высказываниям моих подчиненных, точно также, как и они, порой в шутку, а очень часто вполне серьезно, отвечал, что если меня из-за моих музыкантов специального назначения не разжалуют в рядовые спецназовцы, то уж точно куда-нибудь на повышение обязательно со временем выдвинут.

Не могу сказать, что моя работа в качестве командира «музыкального взвода специального назначения» каким-то образом положительно отразилась на карьере, но однозначно могу констатировать, что мое командование именно этим специфическим подразделением нашей бригады помогло мне найти мою будущую супругу. И именно это, как известно, порой бывает немаловажным, если не сказать, что самым важным и в жизни, в судьбе офицера да и в военной карьере, в частности.

А случилось это весьма важное событие в моей жизни в декабре 1977 года и, действительно, с прямым участием именно моего «музыкального взвода специального назначения». И было это так. В конце 1977 года, в период, предшествующий Новому 1978 году, музыканты нашей бригады, как и в предыдущие годы, буквально были нарасхват. Их приглашали на многочисленные предновогодние вечера отдыха в различные учреждения и организации города Чирчика. На все подобные мероприятия мне по долгу службы приходилось ходить со своими подчиненными. И вот в самом конце декабря, когда мои музыканты принимали самое активное участие в вечерах отдыха почти каждый день, а вернее вечер, у меня подобные мероприятия уже начали вызывать громкий и однозначно озлобленный «зубовный скрежет».

Именно по этой причине, когда 29 декабря мой музыкальный взвод должен был, вместе с солдатами и сержантами отряда специальной радиосвязи бригады, поехать в одну из средних школ Чирчика на очередной вечер отдыха, я заявил командиру нашей роты капитану Ю.Цыганову, что в эту школу со своей группой не поеду, так как «уже замучался таким образом отдыхать каждый вечер». В связи с этим, назначив вместо себя старшим заместителя командира моей группы старшего сержанта Г.Петросяна, сел в канцелярии

роты писать конспекты к каким-то очередным плановым занятиям на следующий день.

Юра Цыганов был с самого начала, в общем-то, не против того, чтобы я не ехал в эту школу, тем более, что музыканты никогда не требовали дополнительного контроля за ними со стороны командиров, даже на таких мероприятиях, где для молодого человека было множество всяческих искушений и соблазнов. Однако, когда музыканты со всем своим концертным «снаряжением и вооружением» уже уехали, Юра несколько раз зашел в канцелярию роты и, как мне показалось, отдельными репликами, а также всем своим видом, и особенно выражением лица, дал мне понять, что его удивляет проявившийся у меня в совершенно неподходящее время «острый приступ трудового энтузиазма». И это в то время, когда нормальный молодой офицер-спецназовец должен был бы отдыхать где-нибудь на вечере отдыха, в школе, например, а совсем не в ротной канцелярии сидеть и писать никому не нужные конспекты. Тем более, что и подчиненные этого самого офицера находятся как раз там, в школе и, как и положено, молодым людям отдыхают.

Наконец, Юра Цыганов в очередной раз с решительным видом зашел в канцелярию и разразился еще более красноречивым монологом, что на Юру было совершенно не похоже. Суть его высказываний сводилась к тому, что его удивляет мое поведение, особенно в последнее время. Он совершенно не может понять, почему холостяк, молодой старший лейтенант, сидит в канцелярии роты и пишет какие-то совсем никому не нужные конспекты для занятий, вместо того, чтобы пойти на вечер отдыха в школу, где, вероятно, много красивых девушек-учителей, которые не могут не интересовать нормального молодого человека.

Кроме того, Цыганов напомнил, что на этом вечере отдыха находятся, кстати сказать, мои подчиненные, которых, в конце концов, несмотря ни на что, надо всегда контролировать. «Ведь, не дай Бог, еще напьются в этой школе Ваши музыканты-разведчики, - заявил Юра, добродушно улыбнувшись высказанной им мысли, которая и для него, и для меня была совершенно абсурдной, так как этого, в принципе, не могло быть. – В общем, идите домой, переоденьтесь в «параллельные» брюки (то есть брюки на выпуск) и сходите в эту самую школу на вечер, отдохните», - назидательным тоном сказал Цыганов, который в любой ситуации всегда и всех называл исключительно на «Вы», чем постоянно вызывал у его сослуживцев массу шуток и подколов в свой адрес.

После этих слов моего командира роты у меня по совершенно необъяснимой причине, напрочь пропало желание убивать свое драгоценное свободное время на бесполезное (а я именно так, совершенно искренне, и считал) написание конспектов занятий с личным составом. Я словно только и ждал этого указания командира роты. Поэтому буквально сорвался с места и бегом побежал домой, где переоделся, то есть надел так называемые «параллельные» брюки, и опять же почти бегом побежал, гонимый все тем же необъяснимым волнением и душевным подъемом, к автобусной остановке, откуда ходили автобусы к той школе, где шел тот самый вечер отдыха с участием личного состава из нашей бригады.

Когда я зашел в вестибюль школы, то первым делом увидел старшего сержанта Г.Петросяна, который собрал вокруг себя целую толпу

старшекласников и с важным видом, несколько назидательным и поучительным тоном что-то со знанием дела «вещал» им. Я подошел сзади, так, чтобы Георгий не видел меня, и прислушался.

«Хорошо у него получается. Ну, просто как у настоящего и хорошего замполита роты - подумал я, когда мне стало ясно, что Петросян рассказывает школьным мальчишкам о том, как армия оказывает благотворное влияние на любого молодого человека, проходящего службу в ней.

- Жора, как тут у нас дела? – поинтересовался я.

- Все нормально, товарищ старший лейтенант, половина на сцене играет, а остальные отдыхают в зале, - ответил Петросян, несколько удивившись моему не предвиденному появлению в школе.

- А, может быть, наши «хлопцы уже пьяные?» – в шутливом тоне поинтересовался я, улыбаясь.

- Ну, что Вы, товарищ старший лейтенант. Как это может быть? - заулыбался мне в ответ Петросян, театрально разводя руки в стороны.

В это время ко мне подошел офицер из радиоотряда бригады и чуть ли не за руку потащил в зал, на ходу объясняя, что в этой школе много молодых преподавательниц, с которыми он уже познакомился и намеревается познакомить с ними и меня.

Когда мы вошли в зал, я глянул на сцену, где пять бойцов из моей группы готовились к исполнению очередной песни. По их лицам было заметно, что они откровенно удивились, увидев меня в зале, видимо, подумав: «Что это с нашим командиром группы? То совершенно не хотел ехать с нами в школу, то вдруг неожиданно для всех появился на вечере». Когда мой взгляд встретился с удивленным взглядом младшего сержанта А.Полищука, я, пользуясь давно отработанной мимикой, как бы спросил его о том, как дела и обстановка на вечере. Александр жестом руки и изображая на лице полное удовлетворение, ответил, что все в группе как обычно хорошо, в общем, все по плану.

В это время мой провожатый офицер из радиоотряда подвел меня к группе молодых девушек-учителей, которые стояли недалеко от входа. Из пяти девушек, к которым мы подошли, я сразу же обратил внимание на одну из них, которую тут же и пригласил на танец.

Оказалось, что звали ее Ириной. Правда, в беседе она просила называть ее исключительно по имени и отчеству, как это принято в школе. Полгода назад Ирина Петровна закончила Ташкентский государственный педагогический институт имени Низами и в школе преподает русский язык и русскую литературу. Когда я узнал это, то невольно подумал: «Очень нужный в домашнем хозяйстве человек. С помощью Ирины можно будет повысить свой уровень знания русского языка, а заодно и русской литературы», - несмотря на то, что моя преподавательница Галина Александровна Лисина в Свердловском суворовском военном училище постаралась сделать все, чтобы и русский язык, и русскую литературу все мы знали на достаточном уровне.

Вспомнив с благодарностью Галину Александровну и мысленно призвав ее на помощь, я попытался в ходе танцев и в промежутках между ними в разговорах с Ириной произвести на нее положительное впечатление. В этой связи пришлось вытащить из глубин своей памяти несколько «сложностей из школьной программы по русскому языку из неисчерпаемого арсенала Галины

Александровны», над надежным уяснением которых суворовцами в Свердловском СВУ в буквальном смысле «билась» эта мужественная женщина. Пара вопросов из ее «арсенала», заданных мной Ирине, как можно было судить, произвели на нее определенное положительное впечатление.

Ирина, как мне показалось, несколько удивилась тому, что человек, который уже достаточно давно проходил программу средней школы, еще помнит сложные моменты из школьного курса русского языка, такие, как, например, случаи, когда перед союзом «и» все-таки ставятся запятые. Ей, в общем-то, понравилось, что мне без какой-либо предварительной специальной подготовки удалось без особого труда поддержать беседу на столь непопулярную в основной массе русского народа тему, какой всегда являлся «великий и могучий» русский язык, вообще, и сложные моменты, связанные со знаками препинания перед союзом «и», в частности.

Когда из разговора с Ириной я понял это, то мысленно послал привет и искреннюю благодарность в Свердловск Галине Александровне Лисиной и от души поблагодарил ее за то терпение, с которым она неутомимо занималась с нами, суворовцами Свердловского СВУ, русским языком и литературой. При этом вспомнилось, как она безжалостно и с завидной периодичностью и регулярностью ставила многим из нас, в том числе и мне, «типичные двойки» (крылатое выражение нашей любимой Галины Александровны) по русскому языку, да и по литературе тоже. Однако, несмотря ни на что именно она все-таки выучила нас так, что не просто хватило на всю оставшуюся жизнь, но даже иногда выручало нас в различных ситуациях по типу той, которая описана выше. Так что могу еще раз выразить большую искреннюю благодарность за это моей преподавательнице русского языка и русской литературы в Свердловском суворовском военном училище Галине Александровне Лисиной.

К концу этого вечера отдыха в школе я совершенно искренне и однозначно утвердился в том, что Ирина мне очень понравилась. При этом именно тогда, в первый вечер нашего знакомства, я подумал: «Надо еще в семью сходить, познакомиться с родителями. И если там все нормально, то можно жениться на Ирине».

В последующем я неоднократно удивлялся той быстроте, с которой я принял столь непростое и очень важное решение в жизни любого человека, а в жизни офицера в особенности, каким является решение о женитьбе. При этом много думал о том, почему уже тогда, во время первой нашей встречи с Ириной, после примерно двух часов общения с ней, я сразу же, и совершенно однозначно, определился в столь сложном деле, каким является женитьба и создание семьи для любого человека.

Во-первых, основная причина, конечно же, заключалась в том, что Ирина мне сразу же очень понравилась. Во-вторых, мне удалось даже за столь короткий промежуток времени, то есть примерно за два часа общения, разобраться в том, что она очень хороший и порядочный человек. В-третьих, на быстроту принятия данного, казалось бы, совершенно непростого решения оказал влияние уже достаточно богатый к тому времени опыт моей работы с людьми. Было совершенно ясно, что если бы у меня не было бы такого богатого жизненного, да и служебного опыта, то принять столь сложное и ответственное решение, каким является, например, женитьба, оказалось бы довольно трудно.

Учеба в двух военных училищах, в Свердловске и Киеве, и особенно, непосредственная работа с подчиненным личным составом в бригаде специального назначения способствовали тому, чтобы научиться достаточно хорошо разбираться в окружающих тебя людях. А такой опыт, как известно, всегда полезен как в службе, так и в повседневной жизни. И в данном случае опыт работы с людьми в бригаде оказал мне, как оказалось, весьма и весьма добрую службу. Это проявилось не столько в том, что я принял решение, о том, что можно жениться на Ирине столь быстро, сколько в том, что не позволил мне допустить ошибку в оценке того, что собой, как человек, как будущая жена, представляет Ирина и подходит ли она мне вообще в качестве жены, будущей матери моих детей, боевой подруги, спутницы на всю последующую жизнь.

А тем временем накануне наступающего 1978 года нас с Сережей Ершовым на торжества по случаю Нового года пригласил к себе домой Сережа Брик. Он откровенно предупредил, что хотел бы нас обоих познакомить с двумя девушками, знакомыми его супруги. При этом он оговорился, что одну из них зовут Ирина, которая также работает в одной из Чирчикских средних школ учительницей русского языка. Для меня еще задолго до начала этого новогоднего вечера он приобрел особый смысл, так как я уже воочию представлял, что той Ириной, которая должна быть на вечере у семейства Сергея Брик, окажется именно та девушка, с которой я познакомился двумя днями раньше в средней школе, во время вечера отдыха наших бойцов.

Однако, как ни желанен был этот новогодний вечер, но пришлось в определенной степени разочароваться в своих надеждах. Та девушка, с которой хотели меня познакомить супруги Брик, оказалась совсем не той Ириной, которую я встретил на том памятном школьном вечере в Чирчикской школе № 18. Поэтому мы с Сережей Ершовым, конечно же, хорошо провели время в теплой компании, но при этом под благовидными предложениями сначала ушли в нашу роту, чтобы поздравить своих солдат и сержантов с Новым 1978 годом, а затем, предварительно прихватив с собой несколько сигнальных мин, предусмотрительно сэкономленных во время одного из ротных полевых занятий, отправились запускать их в темное ночное новогоднее небо города Чирчика.

В январе, уже 1978 года мы несколько раз встречались с Ириной. В ходе бесед с ней обсуждали различные темы, которые были близки нам обоим. Во время этих встреч я с удовлетворением чувствовал, что все больше и больше привязываюсь к ней, а она, естественно, ко мне.

А в бригаде в конце января совершенно неожиданно для многих было принято решение Юру Цыганова отправить на учебу на курсы «Выстрел». В этой связи командованием бригады его роту было решено передать мне. Честно надо сказать, что для меня данное решение также было совершенно неожиданным и заранее совершенно непросчитываемым. Но, когда Юру Цыганова командир бригады подполковник Овчаров спросил, кого бы он хотел видеть командиром его роты на время его отсутствия, Юра сразу же сказал, что хотел бы, чтобы ротой командовал я, и коротко обосновал свое мнение. В результате, комбриг полностью согласился с доводами Ю.Цыганова и мне предложили принять роту.

Надо честно сказать, что далеко не все искренне обрадовались такому развитию событий. Ведь я был первым из своих ровесников, да и выпускников предыдущего 1973 года выпуска из Киева и Рязани, который получил долгожданную роту, пусть и временно, но все-таки роту. Далеко не всем это решение командира бригады понравилось, и не все были готовы мириться с таким положением дел, но сделать ничего уже было нельзя. До меня, в конце концов, дошли слухи о том, кто из моих коллег оказался недовольным тем, что это пусть и временное повышение коснулось меня, а, например, не его.

Чтобы сразу же, раз и навсегда, решить эту проблему я выбрал один из дней, когда на плацу бригады моя рота занималась укладкой парашютов. Увидев того офицера, который был недоволен моим назначением на роту, я нарочито громко, чтобы слышали все, кто находился на плацу, офицеры, солдаты нашей роты и, тем более, Сережа Ершов, бывший рядом со мной, подозвал его к себе и в совершенно откровенной форме потребовал объяснить, правильно ли я понял те слухи, которые, якобы, ходят по нашей части о его недовольстве моим назначением командиром роты. Честно надо сказать, мой собеседник был несколько обескуражен таким натиском и попытался несколько скрасить остроту момента ничего незначащими фразами. Но я ему сказал, что если бы его назначили на мое место, то я бы только порадовался за него и пожелал бы ему самых больших успехов. Ну а раз уж меня назначили, то пусть он найдет в себе мужество и примет данную ситуацию как должное. Мой собеседник попытался убедить меня, что я не правильно его понял или был неточно информирован. Однако я не стал вдаваться в особые подробности и разбирательства и прекратил разговор, предложив моему собеседнику считать, что проблемы вообще не существует, то есть не существует и того, что послужило причиной этого неприятного для нас обоих разговора.

Сережа Ершов, присутствовавший при этом довольно неприятном разговоре, только пожал плечами и сказал, что очень уж резко и достаточно жестко я обошелся с моим собеседником. Но я заметил ему, что считаю свое поведение в данной ситуации вполне оправданным, открытым и бескомпромиссным.

Надо отдать должное тому, что мы с этим офицером совершенно не рассорились, не стали дальше друг от друга и не перестали общаться, что, в общем-то, нам обоим делает честь и вызывает определенное уважение. Не знаю, может быть, моя однозначно прямая постановка данного вопроса послужила основой того, что отношения с ним совершенно не испортились. А может быть, что-то другое послужило главной причиной, но мы с этим офицером продолжали общаться и совершенно искренне и по-дружески относились друг к другу.

Где-то в феврале 1978 года командованием бригады было принято решение о том, чтобы на основе четвертой роты создать рабочую роту из числа солдат и сержантов, увольняющихся в запас в мае месяце. Для этого всех демобилизуемых солдат бригады перевели в мою роту, и они до самого увольнения должны были работать на строительстве различных объектов в части, тем самым давая прекрасную возможность остальным подразделениям бригады без особого отрыва заниматься плановой боевой подготовкой.

Честно надо сказать, что командовать ротой дембелей мне было довольно легко. При этом я на общем собрании роты поставил личному составу довольно простую и хорошо понимаемую задачу, которая заключалась в том, что каждый увольняющийся в мае месяце боец должен оставить о себе в бригаде добрую память в виде таких же добрых дел на тех объектах, где каждый из них будет работать до увольнения в запас. Кроме того, на апрель месяц были запланированы прыжки с парашютом, в которых рота дембелей также должна принимать участие.

Руководить рабочей ротой было, как можно себе представить, не очень почетно, но через это прошли почти все командиры рот нашей бригады, и здесь уповать на превратности судьбы разведчика спецназ не приходилось. При этом в тот период с командиром бригады подполковником Овчаровым мне приходилось видаться намного чаще, чем другим командирам рот части, ну и, естественно, получать различных размеров «дыни» также приходилось намного чаще, чем командирам других подразделений бригады. Со временем вся эта работа постепенно превратилась в обычную повседневную деятельность и не требовала особого напряжения сил.

В апреле бойцы, увольняющиеся в запас, должны были совершить по три прыжка с парашютом из самолета Ан-2. Помню, как наша рота завершила укладку парашютов для первого прыжка в апреле месяце, и я начал расписываться в парашютных паспортах. При этом делал я это впервые в жизни. Расписавшись примерно в половине паспортов парашютов четвертой роты, я вдруг задумался, за что мне приходится расписываться. Ведь по закону ни у командиров групп, ни у самих парашютистов нет всей полноты юридической ответственности за прыжки, она имеется только у командира роты, ставящего свою подпись по завершении укладки парашютов. В очередной раз поняв это, я завершил расписываться в паспортах и сразу же повел свою четвертую роту на внеплановые занятия на парашютном городке, где занимался с солдатами-дембелями «до потери всяческой сознательности», как у нас частенько говорили в таких случаях. В результате, апрельские прыжки с парашютом прошли как никогда хорошо. Никто не только ничего не сломал себе, но даже вывихнутых ног не было не только в роте, но и в целом в бригаде.

А тем временем, в начале апреля мы с Ириной подали заявление в ЗАГС, и свадьба была назначена на 6 мая, поэтому наряду с проведением прыжков приходилось, в части касающейся, заниматься подготовкой к свадьбе. При этом основную заботу по организации данного торжественного мероприятия пришлось взять на себя Ириному отцу, Петру Николаевичу Саморокову.

Если сказать в общем, то наша с Ириной свадьба прошла очень даже хорошо. На ней была почти вся бригада, за исключением тех офицеров и прапорщиков, кто стоял в нарядах и карауле. Комбриг подполковник А.А.Овчаров сразу извинился за то, что не сможет быть на свадьбе, так как серьезно простудился и если на службу он, по его словам, «с горем пополам ходил», то на свадьбу решил не идти. В этой связи начальника политотдела полковника Н.В.Лысака командир бригады назначил старшим на свадьбе, которому подчинялись все остальные офицеры и прапорщики нашей части,

принимавшие в ней участие. Кроме родственников и знакомых Иры и ее родителей, на свадьбу приехали мои мама и сестра, а также мой лучший училищный друг Женя Климович.

Веселье во время проведения свадьбы в немалой степени стало возможным потому, что за музыкальную ее часть отвечали мои бывшие починенные – музыкальный взвод бригады во главе с сержантом Петросяном, который должен был увольняться в первых числах мая, но не уехал домой, а остался в бригаде, чтобы принять участие в нашей с Ириной свадьбе. Судя по рассказам и различным оценкам, всем приглашенным очень понравилось на свадьбе, так как была достаточно хорошая музыка и дружеская непринужденная обстановка. В период, когда мой бывший музыкальный взвод отдыхал, к микрофону прорывались самодеятельные участники свадьбы для исполнения различных песен, как, например, Галя Волох и Ирина Маковская, которые несколько раз исполнили популярную в те времена песню «Мама».

Как водится на таких мероприятиях, как свадьба, невесту спецназовцы пытались украсть, но я всего лишь так посмотрел на Сергея Маковского, возглавлявшего эти попытки, что ему сразу же перехотелось участвовать в них. Ну, а Федя Волох и Женя Климович периодически подходили к столу жениха и невесты и с долей театральности произносили одну и ту же фразу: «Эх, пропал человек! А ты, Ирина,- обращались они к невесте, - нашла свое счастье».

7 мая после продолжения свадебного торжества у Ириных родителей дома мы съездили в Ташкент и проводили моих маму и мою сестру домой, а 8 мая я заехал к себе на квартиру, чтобы взять кое-какие вещи для запланированной на два дня поездки в горы. Не прошло и 10 минут моего пребывания в своей квартире как из бригады прибежал посыльный, который передал мне просьбу командира части подполковника Овчарова срочно прибыть в бригаду «для серьезного разговора», как пояснил запыхавшийся посыльный.

Я все бросил и сразу же побежал в часть. Подполковника А.А.Овчарова я нашел в автопарке. Александр Алексеевич поздравил меня с вступлением в брак и еще раз извинился за то, что из-за болезни не смог быть у меня на торжестве. Особенно «не растекаясь по древу», командир бригады коротко изложил мне причину моего столь срочного вызова в часть. Оказалось, что пришло указание из Москвы о подборе в нашей бригаде одного из офицеров в звании старшего лейтенанта с хорошими показателями в боевой и политической подготовке для направления его в Рязанское высшее воздушно-десантное училище в качестве командира курсантского взвода.

Внимательно выслушав подполковника Овчарова, я, тем не менее, сразу же отказался от данного, как выражался А.А.Овчеров, «весьма перспективного предложения». Командир части на мой отказ только заметил, что прекрасно понимает меня. «Но ведь и ты должен меня понять», - заявил Александр Алексеевич, - Мне ведь тоже надо выполнять приказ Командования. Ты не хочешь, Латыпов с Волохом тоже отказались от данного предложения. А что мне делать? Как выполнять приказ?» Ничего путного я посоветовать командиру части, естественно, не смог, поэтому, распрощавшись с комбригом, уехал с женой, нашими родственниками, друзьями и, естественно, с Женей Климовичем отдыхать в горы на целых два дня.

В июне месяце вновь начались прыжки с парашютом из самолета Ан-2, а в июле из Ан-12. Чтобы показать Ирине прыжки из Ан-12, я повез ее на аэродром. В тот день для офицеров и прапорщиков были запланированы прыжки из самолета Ан-12 с задержкой раскрытия парашюта на 20 секунд. На аэродроме показал Ирине и коротко рассказал о том, как происходит подготовка к прыжкам и проверка парашютов, а затем, чтобы она не отвлекала меня от тех дел, которые надо было сделать во время подготовки к прыжку, посадил ее в одну автомашину бригады, а сам пошел заниматься положенными делами.

Когда настала наша очередь прыгать, завел Ирину в самолет и провел к самой кабине пилотов. Там поручил одному из бойцов из команды по обеспечению прыжков, чтобы он следил за тем, чтобы Ирина ни в коем случае не перешла условную черту, которую я тут же в метре от кабины пилотов обозначил, прочертив носком ботинка. Сидя на своем месте во втором потоке, периодически поглядывал на Ирину и делал ей ободряющие знаки.

После того, как ушел первый поток, настала наша очередь прыгать. Глянув на Ирину в очередной раз, увидел, что она держит сжатые кулаки, видимо, волнуясь за меня, да и за всех, кто прыгал вместе со мной. Помахав ей рукой, я изготавился к прыжку. Прозвучал сигнал «Пошел» и мы все посыпались из самолета.

Отделившись от ramпы Ан-12, в течение нескольких первых секунд ощущал лишь хаотичное вращение своего тела, не смотря на то, что постарался сгруппироваться как можно лучше. Затем выставив ладони рук вперед, начал регулировать воздушный поток в зависимости от того, в какую сторону идет вращение. Так спускался до тех пор, пока ни сработал страхующий прибор и парашют раскрылся.

В общем-то, ничего особенно необычного в данном прыжке не было. Вместо 5 секунд на стабилизации пришлось спускаться целых 20 секунд. Но для полноты навыков, наряду с прыжками на воду, этот прыжок был полезен и познавателен. Теперь сможем прыгать в тыл противника с больших высот, что, естественно, повышает конспиративность применения сил и средств специальной разведки.

Вернувшись домой, первое, что я услышал от Ирины так это было то, что «дернул ли ты кольцо раньше назначенного срока?» Пришлось объяснить своей супруге, что я вообще никогда кольцо не дергаю, а жду лишь, когда парашют сам раскроется. И это у меня взято за правило. В свою очередь, Ирина рассказала мне, что сразу же после того, как она вышла из приземлившегося на аэродроме самолета, полковник Ленский подозвал ее к себе, поздравил с тем, что она, пусть и немного, но приобщилась к прыжкам с парашютом, а затем, как бы между прочим, спросил, каким по счету во втором потоке прыгал я. Ира сказала, что восьмым. «Ну, я так и думал, это был Ваш муж. Он дернул кольцо сразу же, как только отделился от самолета», - заявил Ленский, повернувшись к офицерам и солдатам, находившимся рядом с ним. Все закивали головами в знак согласия со словами заместителя по парашютно-десантной службе бригады. «Видимо, струсил немного Ваш муж, - сказал Виктор Александрович, открыто заулыбавшись. - Но это ничего, исправится»

Хоть Ирина не очень то и поверила полковнику Ленскому, потому что все вокруг многозначительно улыбались, когда он разговаривал с ней. Однако сразу же после моего возвращения домой она решила выяснить, правду ли говорил Виктор Александрович. Я рассмеялся и заявил, что Ленский известный в нашей бригаде подколыщик и шутник, который использует любую возможность, чтобы разыграть кого-нибудь, особенно это у него хорошо получается во время прыжков, так как постоянно находится что-нибудь, за что можно зацепиться острому на язык человеку.

В начале августа мы с Ириной поехали в отпуск, сначала к моей маме с сестрой, а затем в Ленинград, к Жене Климовичу, где очень хорошо провели время в ходе общения с ним. Кроме того, ходили с Ириной в музеи, в театры, ездили по окрестностям Ленинграда и в конце августа приехали в Чирчик, где нас ждала выделенная мне однокомнатная квартира в новом четырехэтажном доме специально построенном для офицеров нашей бригады и полка гражданской обороны.

У Ирины с 1 сентября начались плановые занятия в школе, а я пошел на службу, где еще примерно два месяца командовал ротой до тех пор, пока ни приехал с курсов «Выстрел» Юра Цыганов. В ноябре 1978 года из числа выпускников Рязанского высшего воздушно-десантного училища к нам в роту распределили лейтенанта Григория Иванова. И сразу же после их приезда в части объявили повышенную боевую готовность в связи с событиями в Иране. Офицеры и прапорщики, образно говоря, дневали и ночевали в бригаде, а затем нам объявили, что покидать расположение части никому не разрешается, так как бригада переведена повышенную боевую готовность. Офицерам и прапорщикам организовали койки для отдыха в канцеляриях и бытовых комнатах рот, где мы спали, а все остальное время проводили на стрельбище, минно-подрывном городке и в полях вокруг Чирчика, где старались ликвидировать те недостатки, недочеты и пробелы в обучении солдат и сержантов, накопившиеся у них за время постоянных отрывов их от занятий.

Как я уже упоминал ранее, в период наибольшего обострения обстановки в Иране разведгруппе спецназ под командованием лейтенанта Лорика Ко были поставлены реальные боевые задачи на ведение разведки в северных районах этой страны. И только перед самым вылетом группы на боевое задание в штаб 15 обрСпН поступил приказ, запретивший реальное применение этой разведывательной группы.

Вот так и закончился бурный во многих отношениях 1978 год, как например, пятый год моей службы в 15 отдельной бригаде специального назначения, год временного командования мной четвертой ротой 15 обрСпН, год моей свадьбы, наконец.

ЛЕГЕНДАРНЫЙ 1979 ГОД И КОЛЕСНИК ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

13 января 1979 года, когда контроль за присутствием офицеров в части, вызванный объявлением в ней повышенной боевой готовности, несколько ослаб, Игорь Стодереvский пригласил Сашу Латышева, Валентина Ледовского и меня в ресторан, располагавшийся в авиагородке Чирчика, чтобы отметить Новый год хоть по старому стилю, так как нормальный Новый год нам так и не удалось нормально отпраздновать. Оркестр в ресторане с промежутком в две-три, максимум четыре песни исполнял очень популярную в то время песню Михаила Боярского из недавно прошедшего на телеэкранах кинофильма «Д, Артаньян и три мушкетера», в котором были такие слова:

*Пора-, пора-, порадуемся на своем веку,
Красавице и кубку, счастливому клинку,
Пока-, пока-, покачивая перьями на шляпах,
Судьбе не раз шепнем: «Мерси боку!»*

На фоне переполнившей в те времена кино- и телеэкраны производственно-партийной темы – эта песня, как нельзя, кстати, оказалась тем свежим глотком лирики и романтики, который всем нам, особенно спецназовцам, был очень близок. Кроме того, в лексикон офицеров и солдат чирчикского спецназа в качестве крылатых вошли некоторые фразы, озвученные героями этого фильма. Например, эта: «Вообще-то, мы мухи не тронем..., а, вообще-то, мы головорезы!», которая всем нам очень нравилась и после этого фильма часто употреблялась по различным поводам и без таковых.

Отдыхая в том ресторане авиагородка Чирчика, мы тогда еще не знали и не чувствовали, что время неумолимо начало отсчет, завершавший мирный период для советского спецназа...

А тем временем в середине января 1979 года Василий Васильевич Колесник в очередной раз напомнил о себе, когда Главное разведывательное управление Генерального штаба организовывало обучение группы офицеров войск специального назначения и других армейских структур на курсах усовершенствования офицеров. Фактически Василий Васильевич по предложению командира нашей бригады подполковника А.А.Овчарова утвердил Федора Волоха и меня в качестве кандидатов для обучения на этих курсах.

Лично я ехал в Москву без особого желания, так как понимал, что после учебы на этих курсах могу уже не вернуться в часть, да и в спецназ вообще, который искренне любил и хотел там служить. Но такова, видимо, военная судьба, в соответствии с повелениями которой приходится ей повиноваться и служить не там, где хочется, а там, где надо, где, как говорится, от тебя ожидают больше пользы.

На майские праздники мы с Федей приехали из Москвы в Чирчик на 10 дней на каникулы. Как раз в то время на базе 15 обрСпН под руководством представителя ГРУ ГШ полковника Колесника началось формирование 154 отдельного отряда специального назначения, который, как стало нам известно много позже, создавался в Чирчике, согласно директиве начальника Генерального штаба ВС СССР от 26 апреля 1979 года. Из-за того, что в этот батальон набирали исключительно представителей коренных национальностей республик Средней Азии СССР, солдаты и офицеры 15 обрСпН называли его «Мусульманским батальоном». Как можно было судить, в то время вообще никто, не только офицеры бригады, но и сам Василий Васильевич в точности не представляли, для чего на самом деле создавалось это весьма специфичное подразделение, какая роль отводится ему в той игре, которая начинала разыгрываться на той части международной арены, которая называется Афганистаном.

До конца это трудно было понять и тогда, когда мы с Федором, вернувшись в конце ноября 1979 года из Москвы, оказывали помощь в отправке «Мусульманского батальона» в Афганистан. Кстати, наше возвращение в Чирчик было отмечено тем, что нас с Федором назначили на должности командиров рот, но командовали мы ими недолго, так как через определенное время пришел приказ из Москвы, согласно которому мы в конце февраля 1980 года должны были отправиться служить по вновь приобретенным специальностям в другие воинские части. При этом Федя поехал на Дальний Восток, а я в Средне-Азиатский военный округ.

Из опубликованных воспоминаний Василия Васильевича Колесника и из последующих моих бесед с ним, проведенных в разное время, можно было сделать однозначный вывод, что лишь он один, да еще несколько человек во всем Советском Союзе доподлинно знали, зачем на самом деле был сформирован этот «Мусульманский батальон».

О том, как 154 отдельный отряд специального назначения штурмовал Дворец Амина написано достаточно много, и у тех, кто изучает или просто интересуется данной темой, вопросов практически не осталось, хотя в те времена, когда эти события происходили, все было покрыто мраком неизвестности и таинственности. Правда, в 15 обрСпН о штурме Аминовского дворца Тадж-Бек, который был осуществлен 27 декабря 1979 года, все узнали практически на следующий день. В данном случае сработал, так называемый, «солдатский телеграф». Без особых деталей, но суть того, что произошло, мы все-таки знали достаточно точно, намного раньше и лучше многих.

Уже утром 30 декабря командир 2 батальона капитан Игорь Стодереvский съездил в Ташкентский военный госпиталь, чтобы проведать раненного в ногу при штурме Аминовского дворца командира 1 роты «Мусульманского батальона» старшего лейтенанта Володю Шарипова. Помню, как в тот день, перед началом торжественного собрания, посвященного очередной годовщине образования 15 отдельной бригады специального назначения, Игорь Стодереvский рассказывал, со слов Шарипова, о действиях нашего 154 отряда спецназ в Афганистане, уточняя лишь то, что большинство из нас уже фактически знало.

Вспоминая тот день, 30 декабря 1979 года, не могу не сказать, что из-за задержки командира бригады подполковника А.А.Овчарова в Ташкенте, начало торжественного собрания было отложено примерно на два часа. Когда Овчаров приехал, мы по его виду поняли, что он сильно взволнован. Командир долго не мог собраться с мыслями, чтобы начать мероприятие. Затем вышел к трибуне и, извинившись перед собравшимися за столь долгую задержку, в обстановке идеальной тишины в зале с трудом начал рассказывать о том, что был в Ташкентском военном госпитале, где проходило прощание с семьей нашими бойцами из «Мусульманского батальона», погибшими при штурме Дворца Амина Тадж-Бек. По его предложению, все присутствующие на торжественном собрании части почтили их память вставанием. Раненых спецназовцев из 154 ооСпН оказалось более тридцати человек.

2 января 1980 года я поехал в Ташкент в госпиталь к Володе Шарипову, с которым мы вместе учились в Свердловском суворовском военном училище. Вместо предложения Игоря Стодерева отвезти Володе в качестве подарка бутылку водки, я привез ему банку настоящего горного меда с пасеки моего тестя Петра Николаевича Саморокова. Наливая мед в банку, тесть заметил, что не успеет Володя съесть полбанки этого ценного продукта, как уже совсем выздоровеет и все его раны полностью заживут.

Шарипыч, как мы его звали Володю в Свердловском СВУ, несмотря на ранение (пуля попала в мягкие ткани бедра, не задев кости), чувствовал себя очень даже бодро, поэтому много и довольно подробно рассказал об операции по взятию Аминовского дворца. Пересказывать здесь все, что поведал мне тогда Шарипыч, просто нет смысла, так как эти события очень точно описаны в различных изданиях и им самим, и Колесником, да многими другими участниками событий, а также различного рода историками и публицистами.

Как представляется, говоря о Василии Васильевиче, уместно отразить только то, что точно и достаточно емко характеризует его и что не получило достойного и достаточно полного отражения в публикациях очевидцев тех событий. Многие из того, что тогда рассказывал мне Володя Шарипов, я в разное время неоднократно уточнял в беседах с Колесником, когда он уже ушел на пенсию. Василий Васильевич подтвердил, что Володя, будучи всего лишь командиром роты боевых машин пехоты «Мусульманского батальона», знал многие детали операции, так как был командиром штурмовой группы, выделенной от нашего батальона. При этом, основное, на что обратил мое внимание Шарипов, было то, что Василий Васильевич проявил настоящее мужество, когда отстаивал перед всякого рода начальниками свой вариант плана взятия Дворца Амина Тадж-Бек. Именно разработанный Колесником план действий 154 отряда и приданных ему сил и средств из состава спецподразделений «Зенит» и «Гром», который, в конечном итоге, был точно выполнен его подчиненными, позволил избежать серьезных потерь во время проведения операции по штурму Дворца Тадж-Бек. Уж кто-кто, а Колесник-то прекрасно понимал, что первый вариант плана, подготовленный крупными специалистами из высоких штабов ВС СССР, которые мыслили не иначе, как категориями типа: «Одним парашютно-десантным полком возьмем целый город», привел бы к огромным невосполнимым потерям как в нашем

«Мусульманском батальоне», так и в спецподразделениях «Зенит» и «Гром» КГБ СССР.

Мой многолетний опыт службы в Вооруженных Силах СССР и России достаточно красноречиво показывает, что далеко не всякий командир способен проявить мужество и настойчивость, чтобы доказать несостоятельность решений, принятых высоким начальством. Поэтому я с еще большим уважением начал относиться к Василию Васильевичу Колеснику, когда узнал подробности того, как ему приходилось отстаивать свое мнение и доказывать необходимость принятия к исполнению составленного им плана взятия Дворца Амина и отмены того плана, который был уже утвержден на самом высоком уровне.

При этом, как представляется, Колесник в то время меньше всего думал о том, что о нем лично подумает его непосредственное руководство в Главном разведывательном управлении, а также различного рода прямые начальники в Генеральном штабе и Министерстве обороны СССР. За долгие годы службы в войсках специального назначения он привык, прежде всего, думать о качественном выполнении поставленных боевых задач с минимально возможными потерями личного состава, а уж потом, да и то, если получится, то можно будет позаботиться и о себе, о своем личном авторитете.

Руководствуясь именно этими критериями, Василий Васильевич составил свой план штурма Дворца Амина и отстоял его основные положения у начальника Генерального штаба ВС СССР маршала Н.В. Огаркова. Кстати, некоторые ответственные (а точнее совершенно безответственные) за операцию лица наотрез отказались даже завизировать план, представленный полковником ГРУ ГШ Колесником Василием Васильевичем, понимая всю полноту личной ответственности, которая ложится на них в случае, если операция все-таки провалится.

По всему видно, необходимого в такой ситуации мужества, которым обладал простой полковник войск специального назначения Василий Васильевич Колесник, у них в тот момент, к сожалению, не нашлось. Видимо, с учетом исключительных личных и деловых качеств именно Колесник был назначен ответственным за выполнение задачи по взятию Аминовского дворца Тадж-Бек. В подчинении у него, кстати сказать, оказались весьма высокие должностные лица из других весьма уважаемых ведомств и даже в более высоких, чем у Василия Васильевича, воинских званиях.

Василий Васильевич Колесник проявил себя как неординарный командир и незаурядный человек также и тогда, когда он приступил к выполнению разработанного им плана. Как представляется, афганское руководство к вечеру 27 декабря 1979 года начало догадываться о том, что советский батальон специального назначения готовится к проведению акции против Хафизулы Амина и попыталось предпринять меры к тому, чтобы воспрепятствовать этому. Колесник, основываясь на поступающих к нему сведениях о действиях охраны Х.Амина и войск Кабульского гарнизона, правильно оценил складывавшуюся обстановку и принял решение на начало операции несколько раньше установленного планом срока, что способствовало достижению внезапности при атаке 154 отрядом СпН и спецназовцами «Зенита» и «Грома» КГБ СССР Дворца Тадж-Бек. Тем самым, отдав приказ на

штурм дворца несколько раньше, чем было запланировано ранее, Колесник в максимально возможной степени использовал фактор внезапности, благодаря чему спас не один десяток жизней спецназовцев ГРУ ГШ и КГБ СССР.

Все участники операции прекрасно понимали это. Поэтому на следующий же день когда напряжение, вызванное скоротечным, но напряженным боем по взятию резиденции Хафизулы Амина в основном сошло, на построении 154 отдельного отряда СпН, спецназовцы, зная, что, именно благодаря четким действиям Василия Васильевича Колесника, многие из них и остались живы на радость им самим и их родственникам, решили, что полковник Колесник достоин того, чтобы бойцы отряда официально назвали его своим «Батей».

Очевидцы этого события утверждают, что после объявления данного решения перед строем «Мусульманского батальона» Василий Васильевич искренне расчувствовался, совершенно не стесняясь своих слез. Многие из солдат и офицеров 154 отряда спецназ тоже плакали как дети. Это были слезы искренней благодарности Василию Васильевичу Колеснику за то, что уважаемый ими командир сделал все от него зависящее, чтобы полностью выполнить поставленную перед спецназовцами боевую задачу и спасти их жизни.

После того подвига, который был совершен в Кабуле спецназовцами ГРУ и КГБ, стало ясно, что все они должны быть награждены высокими государственными наградами. В мае 1980 года, когда я вновь ненадолго оказался в Чирчике, мне стало известно, что полковник Колесник удостоен высокого звания Героя Советского Союза. Помню, как в Чирчикской бригаде спецназ в этой связи готовили шикарный поздравительный адрес для Василия Васильевича. Именно тогда я во всех деталях вспомнил, как почти тремя годами раньше, после похорон капитана С.М.Шапиро, полковник Колесник перед офицерами нашей бригады делился своими сомнениями относительно того, является ли он по-настоящему смелым человеком или является трусом. Конкретные дела и личные боевые заслуги Василия Васильевича точно расставили все точки над «i».

Да, операция по взятию Дворца Амина явилась для Колесника той вершиной, к которой он стремился всю жизнь, к достижению которой готовился на всех этапах своей службы: во время учебы в суворовском и военном училищах, Военной академии имени М.В.Фрунзе, а также в процессе всей своей длительной службы в войсках специального назначения. Судьба распорядилась так, чтобы именно он был назначен ответственным от Главного разведывательного управления Генерального штаба ВС СССР за подготовку и проведение этой уникальной войсковой операции, а потом и возглавил всю объединенную войсковую группу ГРУ ГШ, КГБ СССР и ВДВ. Как я уже говорил выше, и еще раз хочу повторить, что немного нашлось бы достойных командиров и начальников, которые смогли бы так же успешно справиться с этой сложнейшей боевой задачей. А Василий Васильевич Колесник смог, и тем самым оправдал то доверие, которое ему было оказано Командованием Главного разведывательного управления Генерального штаба.

После бурных событий конца 1979 года военная служба развела нас В.В.Колесником на довольно долгое время. Встретились мы, когда я уже

заканчивал военную академию. Вплоть до его увольнения из Вооруженных Сил мы виделись с ним периодически, но не очень часто во время различного рода мероприятий, проводившихся в ГРУ ГШ. Однако Василий Васильевич с завидной периодичностью не переставал удивлять меня и многих моих сослуживцев. Например, в 1990 году он без всякого предупреждения зашел в наш рабочий кабинет, чтобы поздравить меня с Днем рождения. Не только мои начальники и коллеги, готовившие в этот момент торт и чай для того, чтобы отметить это торжество в моей жизни, но даже я был откровенно удивлен появлением в наших скромных штабных пенатах генерала, да еще и Героя Советского Союза. А он подошел ко мне, по-отечески расцеловал, подарил на память кинжал с узбекским орнаментом и, получив от меня по традиции какую-то мелкую монету в качестве компенсации за подарок режущего предмета, удалился из кабинета также неожиданно, как и появился в нем, оставив всех присутствовавших при этом офицеров в определенном замешательстве. При этом надо сказать, что о днях рождения своих сослуживцев и знаменательных датах в их жизни он никогда не забывал и всегда поздравлял.

Когда В.В.Колесник уволился из армии и стал работать председателем Московского отделения благотворительного фонда «Гарантия», у него появилось значительно больше свободного времени, а, следовательно, расширились возможности для общения со своими сослуживцами. В этой связи, я встречался с ним уже намного чаще, чем раньше. При всем притом, что Василий Васильевич никогда не был особым краснобаем, ну, а после того, как он ушел на пенсию, он стал значительно более разговорчивым и многое из того, что, как говорится, «было именно в те уже далекие афганские времена», он рассказал мне именно тогда, когда он уже был на пенсии и отошел от дел. Поэтому я стал использовать любую возможность, чтобы поговорить с Василием Васильевичем и расспросить его о том или ином событии, в котором он принимал участие или доподлинно знал его детали. Я прекрасно понимал, что рассказать он может очень многое, в том числе и о себе. Многое из того, что он знал, было весьма интересно для многих, но, как правило, известно всего лишь ограниченному числу людей. О многом из того, что В.В.Колесник с разной степенью детализации в разное время поведал мне, до сих пор говорить нельзя. В те минуты, когда мы обсуждали что-либо запретное, я часто ловил себя на мысли, что Василию Васильевичу судьбой было определено стать свидетелем множества весьма важных и интересных событий, произошедших в нашей стране, о чем, видимо, еще напишут потомки, но будет это весьма и весьма не скоро.

Когда, например, об афганских событиях начали писать все, кому не лень, я, хоть изредка, но все-таки предлагал Василию Васильевичу «положить на бумагу» то, что он знает, участником чего он был. Однако он всегда отказывался. При этом говорил, что уже написал, что хотел, намекая на те несколько статей, которые были написаны им о взятии 154 отрядом спецназа ГРУ Дворца Амина. Как-то, объясняя свою позицию, Василий Васильевич заявил, что, если начать писать, то придется касаться и своей роли в этих событиях, а писать о себе он считал не вполне этичным. «Пусть другие напишут, - заключил он. – Это будет, думаю, намного интереснее и более объективно».

Сейчас уже точно не помню, в этот ли раз, или во время другой нашей с Василием Васильевичем беседы, он, глубоко задумавшись, сказал, что ни тогда, в 1979 году, ни сейчас не верил и не верит в особую необходимость для СССР ввода советских войск в Афганистан. Он достаточно долго обосновывал свою позицию по данной проблеме. При этом суть его рассуждений сводилась к тому, что он считал с самого начала и считает сейчас, что ввод советских войск изначально был серьезной ошибкой руководства страны. Однако, обосновывая свою позицию к сказанному, Колесник однозначно заявил, что мы люди военные, дисциплинированные и обязаны выполнять приказы, хотя порой и не согласны с решением Командования.

В беседах с Колесником мы часто затрагивали темы, совершенно далекие от спецназовских проблем. Мне всегда было очень интересно его мнение относительно происходивших в России событий. К мнению Василия Васильевича по этим вопросам особенно внимательно я стал прислушиваться после того, как где-то в сентябре 1991 года, сидя у меня в кабинете, мы обсуждали истоки, итоги и уроки Горбачевского путча. В то время, когда у большей части советского народа происходил процесс лишь первичного осознания и осмысления недавно произошедших августовских событий, генерал-майор спецназа В.В.Колесник дал свою интерпретацию произошедших в стране событий. Тогда, лично я не со всеми его доводами был согласен, а он, кстати, и не настаивал на том, чтобы я принял его точку зрения. Как потом оказалось, а время в последующем практически полностью подтвердило, что его оценки тех событий были совершенно точны и глубоки.

Весьма интересным в познании личности В.В.Колесника является также и то, что в 1996 году, перед президентскими выборами, Василий Васильевич проявил себя как ортодоксальный марксист. Не скажу, что в беседах со мной он активно агитировал меня голосовать на выборах за Г.А.Зюганова, но попытки убедить меня в том, что Геннадий Андреевич принесет процветание России, с его стороны были.

Скажу честно, говорили мы тогда на довольно высоких тонах. Каждый доказывал правоту своих взглядов. При этом я, аргументируя свое мнение, заявил, что ни за Ельцина, ни тем более за Зюганова голосовать не буду. В конечном итоге, привожу я этот эпизод не для того, чтобы проиллюстрировать политические взгляды В.В.Колесника, а делаю это в основном для того, чтобы рассказать, как незадолго до своей смерти Василий Васильевич в ходе очередной нашей с ним политической дискуссии признал, что в 1996 году он был совершенно не прав, призывая меня голосовать за Зюганова. «Если бы тогда мне было больше известно о его (Зюганова) чудачествах, - заявил Василий Васильевич, под «чудачествами» имея в виду разоблачения лидера КПРФ, которые стали известны в последнее время, - то я, может быть, тоже не голосовал бы за него».

Данное признание В.В.Колесника совершенно однозначно характеризует его как человека мужественного и сильного. Василий Васильевич оказался способен признавать свои ошибки даже перед своим бывшим подчиненным, который намного младше его по возрасту и не отмечен столь высокими званиями и наградами как у него. При этом надо также совершенно однозначно признать, что только исключительно мужественный и

откровенный человек может поступить именно так, так поступил Колесник. Видимо, не всем нам дано это качество. При этом надо также констатировать, что в своей собственной ошибке способен признаться далеко не каждый. Как мне представляется, это одно из многих достоинств, присущих В.В.Колеснику, которое неоднократно вызывало искреннее уважение у многих его сослуживцев, и из 15 обрСпН и из других структур, а также у хорошо знавших его людей.

Заканчивая данный очерк, в очередной раз перечитал его и пришел к выводу, что в нем расписал сплошные достоинства Василия Васильевича Колесника, правда, далеко не все из известных мне. Все, как представляется, описать совершенно невозможно. Думаю, что, если бы Василий Васильевич сам смог прочитать данные откровения, то, я уверен, не все из них одобрил бы, так как при жизни не любил превосходную степень, особенно, в оценке его личных, даже совершенно однозначных заслуг. Несколько раз на официальных мероприятиях или дружеских посиделках я был свидетелем того, как Колесник в довольно суровой и категоричной форме буквально обрывал выступления тех, кто пытался «петь ему дифирамбы», пусть даже однозначно заслуженные.

Думаю, что многие офицеры, в разное время служившие с Колесником, могли бы привести свои подобные примеры, связанные с сильным положительным влиянием, которое Василий Васильевич мог оказывать на своих подчиненных в решающие моменты в их службе, тем самым, настраивая их на достижение однозначно высоких результатов в тех делах, которые им поручались Колесником.

Несмотря на свои многочисленные заслуги и достоинства, сам Василий Васильевич считал себя вполне обычным человеком с присущими каждому из нас слабостями и недостатками. У него, как и у любого человека их было много. Видимо, его можно было упрекать во многом, но, что мне лично очень импонировало, повода упрекнуть генерал-майора Колесника в так называемой «звездной болезни», думаю, не было ни у кого и никогда. Он был всегда доступен и прост, особенно для своих сослуживцев и спецназовцев. За это Василия Васильевича любили и уважали многие из его начальников, подчиненных и знавших его людей.

Правда, люди недостойные, я бы даже сказал, низкие, а возможно, завистливые и не способные подняться выше своих личных амбиций, наверное, будут пытаться опровергать многое из того, что написано в этой книге или в воспоминаниях других сослуживцев Василия Васильевича Колесника. Подтверждением этому может служить моя беседа с одним из замполитов так называемой «ленинской школы», служившим в свое время в 15 отдельной бригаде специального назначения. Узнав, что я пишу свои воспоминания о бригаде, в том числе буду писать и о Колеснике, этот, с позволения сказать, профессиональный «инженер человеческих душ» заявил мне: «Если хочешь узнать, каким Колесник был на самом деле, давай встретимся, и я тебе всю правду расскажу о нем».

Ничего, конечно, я ему не ответил на это. Однако в связи с тем, что думать-то нам никто не запрещал, я подумал, что, несмотря на довольно преклонный возраст, этот, с позволения сказать, «инженер человеческих душ» ума и нормальной человеческой мудрости на уровне политической и воспитательной работы в войсках специального назначения так, к сожалению, и не нажил. Думаю, что тех заслуг и достоинств, которые были у Колесника Василия Васильевича, никто отобрать у него не сможет. Они остаются в памяти его друзей, товарищей и сослуживцев.

ПИСЬМА ИЗ ЧИРЧИКА

Когда данная книга была уже в основном написана, сама собой родилась мысль поместить в ней те мои письма, которые в разное время, относящееся к периоду службы в 15 отдельной бригаде специального назначения, я писал в Ленинград одному из моих лучших друзей по Киевскому ВОКУ Жене Климовичу. К моему искреннему удивлению и, конечно же, удовлетворению, Женя все эти письма из Чирчика хранил в течение почти 30 лет, как будто бы знал, что когда-то они несомненно могут понадобиться.

Поскольку эти письма были написаны, как говорят, «по свежим следам» происходивших тогда событий, они, как мне кажется, могут быть интересны читателю, прежде всего, тем, что не несут на себе довольно тяжелый груз последующего опыта, знаний и жизни автора, как те воспоминания, которые изложены выше. Несомненно, что мои письма совершенно не отягощены грузом такого рода, так как они были написаны сразу же после того, как в Чирчике происходили те или иные события, то есть они фиксировали факты того далекого периода, образно говоря, в реальном масштабе времени. Именно этим они и ценны, так как смогут дать читателю представление о том, как автор этих писем воспринимал, трактовал и оценивал все, что происходило в те уже далекие времена в 15 обрСпН.

От так называемого «груза последующего жизненного опыта» мне, к сожалению, трудно было избавиться, когда писал вышеприведенные воспоминания о днях и годах давно минувших. В этой связи, когда работал над своими воспоминаниями о 15 обрСпН, постоянно ловил себя на мысли, что в оценках тех событий надо мной довлеет все, что было со мной уже потом, после Чирчика. И это вполне естественно, ведь, вспоминая далекое прошлое, человек видит его, как правило, уже через толстую призму того периода своей жизни, который прошел до того момента, когда автор берется за перо, чтобы описать события, имевшие место лет двадцать-тридцать тому назад, а иной раз и больше.

Если бы тогда, в те, теперь уже весьма и весьма далекие времена, когда мы служили в 15 отдельной бригаде специального назначения, у меня была потребность и главное желание ежедневно или хотя бы периодически писать дневники, то сегодня в руках могли бы быть достоверные и бесценные по своему содержанию записи, совершенно лишенные толстого налета многих последующих, и весьма бырных лет, которыми, несомненно, изобилует моя книга. Однако тогда потребности вести дневники не было ни у меня, ни, как мне известно, у других моих сослуживцев по Чирчику. А сейчас многие из нас, в том числе и я, об этом очень жалею, кроме, пожалуй, Олега Кривопалова, который оказался умнее и намного дальновиднее всех нас, так как хоть и не в Чирчике, а в последующем, когда он служил в Афганистане, хоть и позже, чем хотелось бы, но все-таки начал вести свой собственный дневник, в котором описывал те события, которые происходили с ним и подчиненным ему личным составом. Ну а тогда, в Чирчике, мне, чтобы как-то выразить свое отношение к

происходящему, видимо, вполне хватало довольно объемных писем, посредством которых я общался со своим другом Женей Климовичем. В них описывались события в Чирчике и в 15 обрСпН и в написании дневников я в те далекие времена совершенно не нуждался.

Для того, чтобы заполучить свои письма у Жени Климовича, мне пришлось в декабре 2003 года специально съездить в Санкт-Петербург и взять их у него. Однако, Женя, или Буль, как мы его звали в училище, к моему удивлению, совершенно не хотел их отдавать, объясняя свою позицию тем, что письма были написаны лично ему, и отдавать он их не хочет. Вообще-то, его можно было понять. Согласитесь, у человека могут быть основания для того, чтобы свою личную переписку не возвращать даже тому человеку, который эти письма писал.

Пришлось долго уговаривать Евгения, оперируя различного рода, как мне казалось, совершенно убедительными аргументами в пользу того, что «наш народ должен знать своих героев из Чирчикского спецназа ГРУ ГШ ВС СССР». Более того, в ходе самого напряженного этапа переговоров пришлось, хоть и в шутливой форме, но даже «угрожать» своему другу Жене-Булю тем, что, если он не отдаст письма, то я не сдвинусь с места, чтобы сесть за праздничный стол, накрытый по поводу моего приезда в Питер, а также тем, что без писем я вообще не намерен возвращаться в Москву.

И, в конце концов, Буль все-таки согласился отдать письма. Он достал их из какого-то далеко запрятанного старого дипломата и передал их мне, вместе с несколькими фотографиями чирчикских времен, которых у меня не было. В этой связи, пользуясь случаем, хочется в очередной раз выразить Жене огромную благодарность или, как сказал бы один из наших общих знакомых: «Большое ему командирское спасибо!». Во-первых, большое спасибо ему за то, что он эти мои «скромные послания из далекого Чирчика» в его адрес хранил в течение почти долгих лет. Во-вторых, я благодарен ему за то, что он, в конечном итоге, согласился мне отдать эти письма, чтобы они были напечатаны в данной книге при условии, что из них будут изъяты те, преимущественно личностные моменты, которые не имеют прямого отношения к Чирчику и, собственно, к 15 отдельной бригаде специального назначения.

Здесь, считаю, было бы совершенно уместным немного написать о самом Жене Климовиче, чтобы охарактеризовать его. Думаю, что он этого заслуживает в самой полной мере. Ведь тот факт, что Женя не один десяток лет бережно хранил мои письма, уже сам по себе для большинства читателей может свидетельствовать о многом, вернее, с очень хорошей и весьма положительной стороны характеризовать самого хранителя «посланий из Чирчика».

Женя Климович пришел на разведывательный факультет Киевского высшего общевойскового командного училища после окончания в 1970 году Минского суворовского военного училища. В тот период времени, когда мы в Киеве знакомились друг с другом, однокашник Жени по Минскому СВУ и, естественно, наш с ним однокашник по Киевскому ВОКУ Володя Кухарев под смех «курсантской общественности седьмой роты», в шутливой форме характеризуя Женю, очень любил говорить: «У Жени Климовича было очень несчастливое детство, так как с первого по четвертый класс он учился у своей

мамы, а потом, когда ему еще не было 11 лет, его отдали в обучение в Минское суворовское училище».

Когда мы поступили на первый курс Киевского ВОКУ, учеба у Жени как-то сразу «не заладилась». Дело в том, что, будучи человеком, который всегда был несколько погружен в себя, Женя поначалу не очень вписывался в строгие рамки военной системы, которая оказалась намного строже, чем в суворовском училище. Женя как-то сразу попал в категорию злостных нарушителей дисциплины и внутреннего порядка. И было это, как говорят в таких случаях, «не благодаря, а вопреки», то есть не потому, что он был какой-то разгильдяй или злостный нарушитель дисциплины, а, скорее всего, потому, что он не сразу смог приспособиться к новым условиям, к новой обстановке, которая значительно отличалась от той, что была в Минском СВУ.

Многим из нас, Жениных однокашников, сразу же стало ясно, что все невзгоды, свалившиеся на Женю на начальном этапе учебы в Киеве, были, как мне кажется, результатом того, что главной его чертой была некоторая рассеянность, замкнутость, оторванность от реальной жизни, и, как следствие, склонность выражать свое мнение там, где следовало бы помолчать, и наоборот – молчать там, где надо было бы хоть что-то сказать в свое оправдание.

Так, например, случилось, когда во время ночных стрельб из крупнокалиберного пулемета КПВТ бронетранспортера БТР-60пб у одного из БТР в открытых верхних люках появилось розовое свечение, а затем повалил густой пороховой дым. Прокричав что-то нечленораздельное, к БТРу бросаются преподаватели огневой подготовки майоры Шестопал и Яцинин, а также все курсанты, которые стали свидетелями случившегося.

Все понимали, что внутри бронетранспортера произошел самопроизвольный выстрел патрона калибра 14,5 мм. Подробно объяснять причину такого выстрела очень долго, да и нет необходимости. В общем, произошло это из-за грубейшей ошибки стрелявшего, который с нарушением инструкции пытался устранить задержку при стрельбе из КПВТ. В результате, траассирующая пуля, напомним, калибра 14,5 мм. после произошедшего выстрела несколько мгновений хаотично летала в ограниченном пространстве внутри БТРа, отскакивая рикошетом от всего, что ей попадалось на пути, при этом освещая траекторию своего полета ярко-красным светом и выпуская обильные клубы дыма от горящего трассера. На тех местах брони внутри бронетранспортера, куда попадала пуля, оставались глубокие выбоины. Поэтому она могла ранить или даже убить того, кто находился внутри. Однако ни пуля, ни выбитые ею из брони осколки не задели, стрелявшего и он остался невредим.

Однако вернемся к курсанту Климовичу. В то время, когда сбежавшиеся к БТРу курсанты проявляли соответствующее моменту личное участие в ликвидации последствий данного происшествия или просто демонстрировали сдержанность, Климович вслух высказал что-то или задал такой глупый вопрос, что майор Яцинин не выдержал и вылил на него весь свой запас ненормативной лексики. В общем, в ответ на сказанное майором Яцининым Женя проявил присущее ему качество и не промолчал, как этого требовала обстановка, а начал что-то говорить в ответ товарищу майору, да еще невпопад.

Кстати сказать, на начальном этапе учебы в Киевском ВОКУ многие из нас, выпускников различных суворовских военных училищ, страдали подобным непониманием своего нового положения, весьма отличного от привычных нам устоев и правил, которые существовали в суворовских училищах. И если другим нашим однокашникам по седьмой роте КВОКУ удавалось в силу более живого, чем у Жени, характера, природной изворотливости и других своих личностных и деловых качеств и особенностей избегать неприятностей и нареканий начальства, то курсант Климович уже в сентябре 1970 года от командиров и начальников различных степеней «нахватал» столько «нарядов на службу вне всякой очереди», что стоял в нарядах «у тумбочки дневального по роте» практически через день. Смотреть в то время на него, постоянно уставшего и вечно сонного, было просто жалко и очень тоскливо.

В последующем все постепенно стало на свои места. Курсант Климович перестал «попадаться на глаза начальству как по поводу, так и без такового», при этом все мы, его однокашники, разобравшись в том, что Женя собой представлял, начали ценить и уважать его за честность, порядочность, простоту в общении с людьми, душевность и принципиальность, а также за многие другие качества, которыми большинство из нас совершенно не обладало. У него появились друзья, в числе которых, к счастью, был и автор этих строк.

Всем, кто близко общался с Женей, тем более, дружил с ним, очень импонировала его надежность и искренность в отношениях со своими друзьями. Кроме того, его всегда отличал высокий уровень знаний по русской литературе и истории, глубокие знания по русскому языку, а также по немецкому языку, который он изучал на разведывательном факультете КВОКУ. Женя, например, мог совершенно свободно наизусть цитировать большие отрывки из произведений Пушкина и других русских классиков, чем выгодно отличался от большинства из нас. Было у него множество и других неординарных достоинств и положительных качеств.

В училище у Жени, как уже упоминалось выше, была кличка Буль. И этот момент, как мне кажется, требует отдельного пояснения, так как тоже в определенной степени характеризует его. Клички в армейской среде, да и в других коллективах, - это, как правило, производные от фамилий или имен, однако в нашей седьмой роте Киевского ВОКУ такого рода клички были довольно большой редкостью. В основу кличек, которые мы давали друг другу, были положены преимущественно специфические качества и особенности тех курсантов, которые удостоивались высокой чести иметь кличку. Ведь общеизвестно, что у каждого человека есть какие-то присущие только ему особенности характера или поведения. Они-то, в основном, и составляли ту базу, на основе которой в нашей седьмой роте и придумывались клички однокашникам. Многие из таких кличек интересны были тем, что имели какую-то свою подоплеку и, как правило, особую очень необычную историю своего появления.

Такая весьма интересная история была и у клички, которая «приклеилась» к Жене Климовичу. Дело в том, что одной из отличительных особенностей курсанта Климовича, причем, как можно было нам судить, далеко

не основной, являлось то, что у него, как бы это поточнее сказать, все валилось из рук. То он что-то уронит, то сломает что-нибудь, то в учебном классе на него упадет коробка передач от боевой машины пехоты весом 400 килограмм, то его электротоком ударит в ситуации, в которой этого в принципе быть не должно.

Самым показательным примером данной особенности Жениного характера явилось то, что однажды, еще на первом курсе, именно он, заходя в курсантскую казарму нашей роты, случайно оторвал дверную ручку от двери. За эту ручку ежедневно по несколько раз бралось более сотни курсантов, однако именно Женя, в очередной раз взявшись за эту несчастную расшатанную и уже почти отвалившуюся от двери ручку, оторвал ее. Для любого другого курсанта седьмой роты это, в общем-то, обыденное событие осталось бы совершенно незамеченным со стороны окружающих, но только не для курсанта Климовича. Вид искренне удивленного Жени с оторванной от двери ручкой в его руке вызвал гомерический хохот всех, кто был свидетелем произошедшего и, если мне не изменяет память, стал тем определяющим моментом, который и лег в основу истории появления первой клички у курсанта Климовича. С учетом особенности Жени, которая заключалась в его способности с завидной периодичностью «ломать и ронять», в курсантском коллективе седьмой роты к нему сначала «приклеилась» кличка, которая в развернутом варианте звучала: «Женя Климович Либо что-нибудь сломает, Либо что-нибудь уронит» или просто «Либо».

Еще более надежно закрепилась за Женей кличка «Либо» после того, как он умудрился второй раз оторвать ручку от двери, но уже не в расположении седьмой роты, а на кафедре тактики, когда наш третий взвод заходил в класс военной топографии. Вернее было бы сказать, что Буль совсем не собирался отрывать дверную ручку, а просто взялся за нее, и она отвалилась от двери. Женя сам был очень удивлен этим обстоятельством и озадаченно смотрел на ручку в своей руке, видимо, соображая, что бы для него лично значило это «повторение пройденного» с очередной дверной ручкой. А означало для него данное обстоятельство то, что под дружный хохот всех свидетелей данного происшествия кличка «Либо что-нибудь сломает, Либо что-нибудь уронит» уже стала не просто кличкой, а в определенной степени самой точной личностной характеристикой Жени Климовича.

Так мы с самого начала нашей учебы в училище и начали звать Женю кличкой «Либо». А он с завидной периодичностью давал поводы для того, чтобы убедиться в правильности выбора его однокашниками именно этой клички. Однажды, например, когда седьмую роту подняли по тревоге и более сотни человек побежали в автопарк, Либо, бежавший одним из последних, умудрился провалиться в открытый канализационный люк, мимо которого все мы совершенно спокойно пробежали. Женька застрял в проеме колодца и не провалился вниз только потому, что как новогодняя елка был со всех сторон обвешан оружием и снаряжением. Когда Володя Мендяров (имевший у нас кличку «Кот») увидел торчавшего из люка Либо на фоне убегающей роты, он от этой картины совершенно не смог сдержать смех. Будь на месте курсанта Климовича кто-то другой, Володя, видимо, сразу же помог бы ему выбраться, да, еще и посочувствовал бы: «Эк, тебя угораздило! Осторожней надо быть!» А

вид Жени в таком положении вызывал лишь «добродушный солдатский смех».. Смеялся Мендияров так искренне, что силы совсем покинули его, и он с большим трудом вытащил Либо из злосчастливого люка.

И даже Софья Ефимовна Авраменко, Женина преподавательница немецкого языка, называла его на немецкий манер «Pechvogel», где pech – смола, а vogel – птица. Дословный перевод с немецкого – птица, попавшая в смолу, а в переносном смысле – неудачник.

Так и звали мы Женю Климовича «Либо» достаточно долго, но только до тех пор, пока мы не посмотрели кинофильм про советских разведчиков «Майор Вихрь», где один из персонажей произнес для множества обычных зрителей Советского Союза ничего не значащую, но для курсантов нашей седьмой роты Киевского ВОКУ сакраментальную фразу: «Не было никакого Либо! Был Буль, старый осел!» После этих слов под дружный хохот всех Жениных однокашников из седьмой роты, которые смотрели этот фильм, к нему уже, вместо клички «Либо», крепко-накрепко «приклеилась» кличка «Буль» и очень редко «Буль Старый Осел», которая понравилась всем нам, да и самому Жене. При этом он всегда свои многочисленные письма мне в Чирчик и даже телеграммы подписывал, к удивлению телеграфисток на почтамтах разных городов, не иначе как «Буль С.О.», что и значило «Буль Старый Осел».

Кстати сказать, у автора этих строк во время учебы на разведывательном факультете Киевского общевойскового училища тоже была кличка «Саид». Этимология ее появления, конечно, не имеет такую длинную и необычную историю, как кличка Жени Климовича, но, тем не менее, она тоже есть.

Дело в том, что мы поступили в училище в августе 1970 года, когда кинофильм режиссера Мотыля «Белое солнце пустыни» находился на пике своей популярности. В то время многие из нас по несколько раз посмотрели его и в общении друг с другом в различных ситуациях часто пользовались цитатами из этого фильма. Поэтому, когда на этапе знакомства со своими киевскими однокашниками я рассказал, что мои мама и сестра живут в Средней Азии, многие из них, кто раньше не бывал в тех краях и сформировал свое представление о Средней Азии на основе фильма «Белое солнце пустыни», живо себе представили среду моего предыдущего обитания. Для них это была пустыня, бескрайние песчаные барханы и, конечно же, до сих пор прячущиеся в пустыне злобные басмачи. В этой связи мне сразу же дали кличку «Саид» по имени героя фильма, которого сыграл Спартак Мишулин.

Уж не знаю, чем я со своей сугубо славянской внешностью мог напоминать моим однокашникам киношного Саида, но кличку я получил благодаря именно ему. И это был далеко не худший вариант, так как в условиях курсантского коллектива вероятность получения клички, например, главаря банды басмачей Абдуллы, сугубо отрицательного героя из того же фильма, была также весьма высокой.

На первом этапе обучения в Киеве, когда кличка «Саид» в моем лице обрела своего нового хозяина, многие в седьмой роте с улыбкой и смехом обращались ко мне со словами Абдуллы из кинофильма «Белое солнце пустыни»: «Саид, ты зачем убил моих людей?» или тоном киношного красноармейца Сухова задавали вопрос: «Саид, ты как здесь оказался?» При

этом я неизменно принимал соответствующую позу и также спокойно, как настоящий Саид, отвечал: «Стреляли». И всем нам эта, на первый взгляд, совершенная бессмыслица доставляла большое удовольствие и вызывала смех.

Продолжая свое повествование о Буле, могу сказать, что, несмотря на все постоянно сваливавшиеся на протяжении всего срока обучения в КВОКУ на его долю тяготы и лишения, он отнюдь не терял свойственного ему присутствия духа и очень тонкого чувства юмора. При этом он не упускал случая «рассчитаться» с нерадивыми и недостойными отцами-командирами и разного рода начальниками, которые все-таки были на нашем факультете. А они, в свою очередь, не жалели для него нарядов вне очереди, суток на гауптвахте, назначений на различные хозяйственные работы и повторных пересдач экзаменов и зачетов.

Женя порой так тонко мог подколоть то командира нашей роты, то коменданта училища, то еще кого-нибудь, что они иногда даже не понимали, что он их откровенно и тонко подкалывает и высмеивает. Многие из тех перлов, которые в разное время и по различным поводам выдавал Буль в адрес некоторых наших нерадивых командиров и начальников, впоследствии становились нарицательными или переходили в категорию курсантских афоризмов и баек.

Наряду со многими другими, вспоминается такой случай. На выпускном курсе наша седьмая рота размещалась уже не в казарме, а в общежитии, где мы жили в отдельных комнатах по 3-4 человека. Однако служба дневальных по-прежнему существовала и в общежитии, как никуда не делась и обязательная для этого тумбочка дневального сугубо армейского образца. Командир нашей роты, вопреки требованию устава внутренней службы, дал команду повесить на доске документации наряда по роте непредусмотренную уставом краткую инструкцию дневальному, которая гласила: «На звонки по телефону дневальный по роте должен отвечать: «Дневальный по седьмой роте курсант Иванов слушает Вас».

Тут надо пояснить, что в данном случае, вместо фамилии «Иванов», надо было бы всего лишь сделать прочерк, и всем было бы понятно, что следует называть свою фамилию, однако, как говорится, «что написано пером ...». При условии, что в нашей роте не было курсанта с фамилией «Иванов», данная инструкция была полным абсурдом. Ответ дневального по телефону именно в такой форме мог вполне устроить офицеров из других подразделений и кафедр училища, но отнюдь не офицеров из седьмой роты, которые знали, что у нас нет курсанта с такой фамилией.

Никто из наших однокашников, конечно же, не обратил никакого внимания на эту «напоминаловку для тупых», но только не Женя Климович. Он не мог спокойно пройти мимо такой естественной «подставы», которая может соответствующим образом характеризовать командира роты, отдавшего распоряжение повесить эту бестолковую «напоминаловку». И вот, в свой первый же наряд по общежитию Буль стал отвечать на звонки, как написано на доске документации: «Дневальный по седьмой роте курсант Иванов слушает Вас». Офицеры нашей роты поначалу теряли дар речи или думали, что не туда попали, услышав Женин ответ. Когда «коэффициент обалдения» у них проходил, они, как правило, интересовались: «Климович, это ты? А почему так

отвечаешь?» «Так ведь тут так написано!» - был неизменный ответ Буля с нотками «святой простоты в голосе».

Самое интересное и смешное случилось, когда в роту во время дежурства Буля позвонил командир нашей роты. Услышав из уст Жени стандартный ответ, ротный, будучи человеком неглупым, сразу же осознал свою ошибку, однако строго спросил: «Климович, это Вы?» «Так точно, товарищ старший лейтенант!» - ответил Буль. Командир роты, немного подумав, выдал сакраментальную фразу, которая сразу же вошла в «лексический актив» седьмой роты: «Ну, ждите, Климович. Я сейчас приду в общежитие и так «за-и-ва-ню» Вас!» Однако пока он шел в расположение роты, видимо, «заиванивать» курсанта Климовича передумал, но приказал снять бестолковую «напоминаловку».

Ну, а вновь придуманный глагол русского языка «заиванить» после этого случая стал активно использоваться всеми курсантами седьмой роты для обозначения того самого процесса, который под этим самым новым словом подразумевался. Теперь слово «заиванить» совершенно свободно применялось нами в любых ситуациях, вместо множества известных всем непарламентских выражений, которые, как известно, в приличном обществе использовать не принято.

Кроме весьма тонкого чувства юмора, Женя обладал еще одним замечательным качеством – он был, да и сейчас остается очень добрым человеком. В условиях военного училища такое его качество не добавляло ему авторитета у отцов-командиров, да и у некоторых наших однокашников, однако теми из нас, кто его хорошо знал, ценилось весьма высоко. При том доброта Буля распространялась не только на окружающих его людей, но и братьев наших меньших, на животных.

Глубоко врезалось нам в память событие, произошедшее на танкодроме нашего училища в районе поселка Старое, где мы учились водить различные боевые машины и танки. Преподаватель вождения подполковник Трибунский явился на очередное занятие в приподнятом настроении – солдаты из батальона обеспечения учебного процесса поймали и отдали ему совсем маленького зайчонка. Подполковник Трибунский с радостью показал зайчонка курсантам и заявил, что отвезет его в Киев в качестве подарка своей маленькой дочке. «Пусть заботится о нем, кормит его, растит», - заявил он и, связав зайцу ножки попавшейся под руку веревкой красного цвета, положил его под дерево, чтобы на него никто случайно не наступил. Где во время той трогательной сцены с зайчиком был Буль, история умалчивает, но он всего этого, к сожалению, не слышал и не знал.

Через некоторое время все наше внимание переключилось с зайца на занятие по вождению боевой техники. Зарычали двигатели боевых машин, и о зайчишке уже никто не вспоминал. Буль же, выполнив упражнение по вождению танка или боевой разведывательной дозорной машины, решил отдохнуть, к несчастью, как раз под тем самым деревом, где лежал заяц со связанными ногами. Увидев зайчонка, Женя, будучи от природы сердобольным человеком, решил выполнить свою великую миссию по спасению зайки от неминуемого, по его мнению, превращения в жаркое из зайчатины в каком-либо солдатском котле. Улучив момент, он быстро развязал узел веревки на его

ногах и освободил его. Однако заяц, получив свободу, почему-то не хотел убегать. Видимо, перспектива оказаться в заботливых детских руках ему подходила больше, но Буль подтолкнул его сзади, и зайка тут же бросился в лес наутек.

И все прошло бы гладко и незаметно, не оглянься в это время подполковник Трибунский, чтобы посмотреть на своего зайца... А там, вместо желанного подарка дочери, стоял довольный своим благородным поступком курсант Климович с красной тряпкой в руках, которую он даже не удосужился выбросить, чтобы «скрыть следы своего преступления». Нужно ли говорить, какой гнев овладел Трибунским. Ему было непонятно, зачем курсант Климович отпустил зайчонка. Ведь всем курсантам было сказано, чтобы его не трогали, так как это был такой хороший подарок маленькой дочке нашего преподавателя. Отвечая на многочисленные вопросы подполковника, Буль в типичной для него манере пробубнил себе под нос, что не знал о подарке и пожалел зайчонка, так как думал, что «зайца хотят съесть». Надо было слышать, каким тоном подполковник Трибунский после всего услышанного в сердцах произнес: «Юннат хренов! Натуралист долбаный!» При этом до самого конца занятий он неоднократно повторял эти определения в адрес Климовича, постоянно «усиливая тезисы» вплоть до самых грубых и матерных выражений. Ну, а в том, что за этой «бурей эмоций» для курсанта Климовича последовали обязательные наряды на службу, причем, вне всякой очереди, Вы, уважаемый читатель, надеюсь, уже догадались.

После этого случая слова «Юннат хренов! Натуралист долбаный!» в седьмой роте курсантов сразу же стали нарицательными и применялись для обозначения таких понятий как неоправданная жалость или мягкотелость человека, а также в качестве оценки чьего-либо несуразного, неоправданного поступка.

При всей своей неудачливости и умении зарабатывать всяческие наказания в, казалось бы, совершенно безобидных ситуациях, Женя был, как ни парадоксально, удивительно везучим человеком. И, что интересно, «самые жуткие истории с Женей Климовичем» всегда имели довольно счастливый конец или, во всяком случае, заканчивались для него без каких-либо серьезных последствий. В этой связи мы все считали его очень везучим человеком по самому большому счету. В доказательство приведу краткий и далеко не полный перечень «подвигов» Буля, которые могли закончиться для него весьма и весьма плачевно.

Одним из самых показательных из множества примеров везучести Буля, может служить уже упоминавшийся здесь случай с упавшей на него коробкой передач боевой машины пехоты. Этот учебный экспонат весом в 400 кг представлял собой коробку передач в разрезе и был установлен в одном из учебных классов на вращающемся вокруг вертикальной оси постаменте. Согласно расчетам, коробка никак не могла упасть на пол. Однако, вопреки всем законам физики, она все-таки упала, и упала не на кого-либо, а именно на Буля, когда он, вместе с другими курсантами нашего взвода, решил во время перерыва между занятиями покрутиться на ней, как на карусели. В конце концов, все курсанты, «развлекавшиеся катанием на коробке передач», соскочили с нее, когда она начала клониться на один бок, но Буль продолжал

«млеть от получаемого во время катания удовольствия». В результате, центр тяжести коробки сместился и она начала падать на пол учебного класса.

Что могло бы случиться с нашим Булем, если бы 400-килограммовая коробка передач от БМП упала как-либо по-другому, трудно даже представить. Однако природная везучесть Буля его не подвела и на этот раз. Женя, упав на пол, каким-то чудом полностью уместился в свободном пространстве, образованном тем самым разрезом в верхней части коробки, который давал возможность любопытным курсантам заглянуть в ее чрево. Кроме того, коробка одним из своих выступов зацепилась за стену класса. Все курсанты нашего взвода, которые оказались рядом, подхватили руками тяжеленную коробку и буквально несколько секунд удерживали ее навесу, давая возможность Булю, лежавшему на спине, с большим трудом выползти из-под нее. Когда Женя выполз из-под нависшей над ним коробки, его однокашники, еле удерживавшие ее на весу, бросили эту тяжесть на пол с таким грохотом, что в секретной части училища, располагавшейся этажом ниже, с потолка рухнула огромная старинная люстра. После этого, казалось бы, совершенно смертельного для Буля падения коробки передач, он не получил ни одной царапины или синяка и лишь чуть-чуть потянул мышцы на руке, которой, как потом объяснял Буль, он «пытался помочь своим товарищам снизу поддержать на весу это ужасное «угрибище».

А чего стоит случай, когда Женя, находясь в увольнении, не торопясь ел любимое мороженое, сидя на одной из многочисленных скамеек на Крещатике, главной улице Киева, столицы Украины. Удивительно, но только он встал со скамейки и сделал несколько шагов в сторону от нее, как эта самая скамейка была в щепки разнесена двигавшимся на огромной скорости по Крещатику грузовиком, у которого полностью отказали тормоза, и он вылетел на обочину Крещетика.

Или взять еще одну стрельбу – на этот раз из ручного противотанкового гранатомета РПГ-7. Увлечшись, видимо, своей важной ролью грозного и бесстрашного истребителя танков противника, Женя, выполнявший роль гранатометчика, при прицеливании в мишень взялся левой рукой не за соответствующую рукоятку гранатомета, а за саму торчащую из передней части ствола гранатомета гранату в районе маршевого двигателя. Когда его указательный палец уже совсем дожимал до конца спусковой крючок гранатомета, чтобы произвести выстрел, раздался крик Жени Александрова, который исполнял обязанности помощника гранатометчика. Он даже не закричал, а не своим голосом очень громко и требовательно сказал: «Ой, Буль, руку...!» После этого Буль спокойно убрал свою левую руку на рукоятку гранатомета и произвел выстрел.

И все обошлось в очередной раз. Рука Буля не полетела вслед за гранатой, улетающей в сторону мишени, а осталась на месте. После того, как мы, Женины однокашники, узнали об этом происшествии, все очень разволновались и в силу своей эмоциональности по-разному выражали свои эмоции в адрес Буля. Однако он сам был очень спокоен, а осознал, что могло бы произойти, если бы не предупреждение Жени Александрова, лишь вечером. Вот тогда-то он по-настоящему испугался. До него, в конце концов, все-таки

дошло, как до жирафа, что могло бы произойти, если бы он от природы не обладал присущей ему патологической везучестью.

Поводя общий итог всему, написанному выше, могу лишь подтвердить, что никакой, даже самый отрицательный опыт, для любого человека не проходит даром. Вот и наш Буль не является исключением из этого правила. Взять хотя бы тот период его офицерской службы, когда он был офицером-воспитателем в Ленинградском суворовском военном училище. Видимо, испытав в Киевском ВОКУ на собственной шкуре, что значит быть «мальчиком для битья», Буль учил «детей» (так он называл своих подчиненных-суворовцев в ЛенСВУ), как нужно вести себя с самого начального момента пересечения КПП военного училища. Возможно, поэтому Жениных выпускников ЛенСВУ в различных высших военных училищах и академиях образно говоря, не «иванили», как его самого. Они писали ему в суворовское училище благодарственные письма, называя его «ясновидящим», ибо все в военных ВУЗах происходило по его сценарию: кто-то из молодых курсантов учился «в обнимку с тумбочкой дневального», а кто-то первый раз пошел в наряд по роте лишь через полгода учебы. Это были выпускники Жени Климовича. Кстати сказать, из Жениных выпускников-суворовцев многие стали выдающимися людьми

Наша дружба с Булем продолжается уже 40 с лишним лет и ни разу ни мне, ни другим нашим однокашникам по седьмой роте курсантов Киевского ВОКУ не пришлось усомниться в тех его человеческих качествах, которые привлекли в нем меня, да и всех нас. Вот такой человек, каким является Женя-Буль С.О., и сохранил все письма из Чирчика, которые, я искренне надеюсь, помогут Вам уважаемый читатель несколько глубже познать то, что было в 15 отдельной бригаде специального назначения в 70-х годах XX века.

Заполучив в декабре 2003 года в свое распоряжение письма, которые я в свое время адресовал в Ленинград Жене Климовичу, решил, что главу книги, в которой они будут опубликованы, надо будет назвать не иначе, как «Письма другу». Однако, по мере того, как я читал эти послания пришло еще большее осознание их ценности для более полного понимания того, что происходило в Чирчикской бригаде спецназ в наши времена. В общем, стало понятно, что они могут в определенной степени дополнить то, что было написано в начальной части книги о 15 отдельной бригаде специального назначения в качестве моих воспоминаний.

Поэтому, вполне естественно, пришла мысль о том, что, кроме писем Жене Климовичу, можно было бы также опубликовать и те части моих писем, касающиеся 15 обрСпН, которые были написаны в разное время моей маме Наталье Андреевне и сестре Ирине, моему сослуживцу по Чирчикской бригаде и другу Олегу Кривопалову, а также некоторым моим знакомым, у которых тоже сохранились мои письма из Чирчика. И мама, да и все остальные мои адресаты после обращения к ним выслали имевшиеся у них письма того, Чирчикского периода моей службы в Вооруженных Силах, чем, наряду с Булем, оказали мне неоценимую помощь в написании данной главы книги.

Прочитав свои письма, написанные в свое время маме и сестре, да и другим адресатам, я пришел к выводу, что они, хоть и не так полно, как письма Жене, но все-таки в определенной степени могут помочь читателю еще глубже

вникнуть в проблемы, которыми в 70-х годах прошлого века жили чирчикские спецназовцы. Поэтому я принял решение опубликовать и их, но при этом первоначальное название данной главы книги «Письма другу» пришлось, исходя из ее нового, более широкого содержания, изменить на «Письма из Чирчика».

В предлагаемых читателю письмах, которые публикуются в хронологической последовательности, в основном, оставлено все в полном соответствии с оригиналами, с сохранением их стиля и орфографии. Исключение составляют лишь некоторые личностные и другие моменты, которые пришлось убрать из публикуемых писем, так как они не имеют отношения к описанию того, что происходило в указанный период в Чирчикской бригаде спецназ.

По тексту писем автором в скобках курсивом даются пояснения тех немногих деталей и моментов, которые могут быть не совсем понятны тем, кто будет читать их. Кроме того, читателю также необходимо иметь в виду, что из-за достаточно жесткого режима секретности, существовавшего в те времена в ВС СССР и 15 обрСпН, там, где в письмах написано «десантник», необходимо читать «спецназовец», а «ВДВ» – «спецназ». В силу этих же причин некоторые мысли, касающиеся спецназовской специфики излагались иносказательно.

И так, после столь длинного вступления, изобилующего многочисленными воспоминаниями и пространными лирическими отступлениями, наконец-то, Вашему вниманию, дорогой мой читатель, предлагаются мои письма из Чирчика:

8.09.74г.

г.Чирчик

Здравствуй, мама!

Наконец-то, я в Чирчике. Но все по порядку. На следующий день после твоего отъезда проводил Женю (*Климовича, который приезжал в гости к автору писем*) и Иру (*сестру*), я 3 сентября, вечером, уехал в Алма-Ату. 4-го, вечером, приехал туда. Ночь переночевал в гостинице «Туркестан», а утром поехал в часть, откуда направили сюда, в Чирчик, куда вылетел 6-го, и в этот же день, доехав на такси от Ташкента (здесь всего 33 км), приехал в часть.

Не успел перешагнуть порог КПП, встретил знакомого парня из нашего училища, который мне все рассказал, показал и притащил к себе домой. Он живет с женой и сыном, но они выделили мне одну комнату. 7-го числа весь день отдыхал, вернее, помогал Володе доделывать его учебник для ВДВ, а 8-го впервые пошел в свою роту, написал конспекты, и завтра буду проводить свои первые занятия. Впечатлений новых много, но не буду пока говорить что-либо определенное.

В Алма-Ате фруктов, овощей всяких хоть завались. Яблок таких, как там, я еще нигде не видел, а об арбузах и дынях и говорить нечего. Здесь тоже всего этого полно и винограда тоже. В общем, приезжай, сама посмотришь. А Чирчик, мало чем отличается от Алма-Аты. Она, как мне показалось, такая же грязная, но это уже дело последнее.

Сюда приехало 8 наших ребят. Игорь Ревин и Федя Волох, которых ты знаешь, тоже здесь.

Пока все. Пиши. Жду.

Мой адрес: 702117 г. Чирчик-17 Ташкентской обл. До востребования.

Сергей

* * *

10.09.74г.

г.Чирчик

Здравствуй, Иринка!

Вот, наконец-то, и нашел время написать тебе. Правда, маме уже написал. До Алма-Аты доехал хорошо, там переночевал в гостинице «Туркестан» и утром 5 сентября представился командиру. Побеседовали, спросили, по желанию ли иду в ВДВ. Сказал, что по желанию, ведь так оно и есть. Направили в Чирчик, куда улетел самолетом 6 сентября.

Алма-Ата понравилась обилием фруктов и овощей. Про арбузы и дыни говорить нечего. За ними у нас очередь, а там, так же, как и здесь, в Чирчике, хоть завались, и очень вкусные.

От Ташкента до Чирчика, как и посоветовали, ехал на такси. Подвезли прямо к части. Только перешагнул КПП сразу же встретил парня, который два года назад закончил наше ВОКУ. Он все мне рассказал, показал, и я прожил у него первые три дня. Два первых дня отдыхал, а на третий день пошел в часть и начал свое «офицерское сегодня».

Бойцы-десантники все, как на подбор, здоровяки, бегают, как лошади. Есть, правда, и хилые, но основная масса мощные ребята. Офицеры тоже «корни», будь здоров.

Здесь много наших ребят. Игорь Ревин и Федя Волох тоже здесь. Живу в одной из четырех комнат квартиры со всеми удобствами. Правда, горячая вода только через титан для нагрева воды, но есть газ. В одной комнате живет старший лейтенант с семьей, в другой 3 молодых лейтенанта, в очередной мы (Игорь Ревин, один наш парень из Свердловского политического училища и я). Во всей квартире, правда, маленький «бардельеро» потому, что никто не убирает, но сегодня вечером думаем навести порядок, если не уйдем в кино.

Рабочий день начинается с 5:20 – 5:30. Одеваю спорткостюм и иду на подъем, благо от дома, где мы живем, идти всего 3 минуты. До 7:15 зарядка вместе с ротой. Сначала кросс 3,5 км, и командиры, конечно, впереди, потом занятия на спортгородке или полосе препятствий. После этого умываюсь в общаге, одеваюсь, захожу за Федей Волохом, который живет в соседнем доме, и мы идем на завтрак. Столовая тоже рядом, маленькая, но уютная, и готовят хорошо. Завтракаем с Федей, т.к. у него совершенно нет денег, а у меня еще целых 5 рублей. К 8:30 приходим в часть, после чего начитаются занятия.

Единственное, в чем мы себя чувствуем неплохо, так это в языке. Я не беру в расчет уставы, строевую и прочие общие предметы. Основные же науки придется снова учить, т.к. в училище все было не то, но ничего, справимся. Прыгать будем где-то в мае - июне, но и без прыжков пока забот хватает. После занятий, в два часа идем на обед, после обеда до 16:30 отдыхаем в общаге.

После этого готовимся к следующему дню и где-то в 6-7 часов вечера идем домой.

Часть находится в городе, город не очень большой, пыльный, но жить можно.

Пока все, пиши. Жду.

Сережа

* * *

16.09.74г.

г.Чирчик

Здравствуй, Лена (*знакомая автора*)!

... О новых впечатлениях на нынешнем моем месте службы можно писать много, но странную особенность отметил в последнее время. Или потому, что стали старше, или по другой причине, но то, что, кажется, здорово удивляло и поражало раньше, сейчас очень быстро переходит в разряд обыденного и уже не удивляет. Впечатлений, как я уже писал, много, ведь все новое, необычное, непривычное. Впечатления самые разные, но в большинстве своем хорошие, и этому в большой степени способствовало то, что нас здесь (*в Чирчикской бригаде спецназ*) очень хорошо встретили все офицеры, многих из них мы знали еще по училищу, по СВУ. Встретили, как своих, во многом помогают.

Пока все. Привет бабушке. До свидания.

Сергей

* * *

25.09.74г.

г.Чирчик

Здравствуйте, дорогие мама и Иринка!

Самое первое письмо, которое я получил здесь, в Чирчике, было письмо от мамы. Ира, большое спасибо за деньги. Получил их очень даже вовремя, когда денег уже не было, и держался на Фединых финансах. Правда, до этого мы с ним жили на мои деньги. Потом, когда кончились мои, то он начал занимать. Скоро должны выдать подъемные, а там получка, так что деньги будут.

Мы с Игорем (*Ревиным*) перебрались на частную квартиру. Недалеко от части, платим 30 рублей на двоих. Одна комната со всеми удобствами. Из общаги ушли потому, что трудно молодым и не пьющим. Обстановка в нашей комнате типичная холостяцкая: две солдатские кровати с солдатскими байковыми одеялами, есть и третий матрац для гостей, шкаф, стол, телевизор, который, правда, не работает, проигрыватель, приемник и, конечно, незаменимый атрибут холостяцкой квартиры – магнитофон. Игорь грозился купить транзистор типа «Океан».

Недавно были на учениях. Задание Родины мое подразделение выполнило. Первый блин не был комом. В письме много не напишешь. Было трудно, но интересно. Попробовал десантный сухой паек. Очень вкусно и

питательно: шоколад, сгущенка, тушенка, колбаса, галеты, чай, сахар. Еще перед учениями я купил две шоколадки «Аленка», положил их в командирскую сумку, а они там растаяли от жары, растеклись по сумке и вымазали всю мою карту. Но, что осталось, отдал своим бойцам. Что мне понравилось, так это то, что бойцы заботятся о своем командире, как о себе. Всегда накормят, никогда не забудут.

Здесь, в Чирчике, я считаю, служить неплохо. Наверное, это потому, что есть места и похуже. Фруктов, овощей очень много, но нет времени ходить на базар. В воскресенье с Игорем ходим, купим, а в остальное время приходится ходить в столовую, правда, хорошо, что там хоть готовят вкусно.

Пока все. До свидания.

Сергей

* * *

4.10.74г.

г.Чирчик

Здравствуйте, дорогие мама и Иринка!

Хотел сам приехать к вам, но, вот, мой солдатик едет в командировку, и решил с ним передать вам немного винограда и орехи. Он вам все обо мне уже рассказал, поэтому ничего о себе писать не буду. Надеюсь, вы не забыли снабдить моих посланцев пищей на дорогу (колбаски, яичек, сыру и т.д.). Они ведь солдаты, а ехать до Москвы. Когда поедут назад, то тоже дадут телеграмму. Обязательно снабдите их пищей и передайте оставшиеся у вас мое обмундирование и вещи. Назад они поедут не одни, с молодым пополнением, так что везти будет кому. На обратный путь им тоже приготовьте чего-нибудь поесть. Салатик в банку положите, помидоров, курицу поджарьте, ну, в общем, сами знаете.

До свидания.

Сергей

* * *

5.10.74г.

г.Чирчик

Здравствуй, Буль!

Сегодня получил твою бандероль ценою в 10 руб., ожидал, конечно, увидеть там письмо объемом в ученическую тетрадь, ну может, больше немного. Думаю, остальное, наверное, фотографии и Федин (*Волоха*) аттестат. Каково же было мое изумление, когда увидел одно твое письмо без всяких фотографий, написанное на 54 листах!!! До того обрадовался, что сразу же на почте начал его читать. Не дочитал и до половины, понял, что так может пройти весь обеденный перерыв, который у нас официально с 2 до 4. Как только оторвался от письма, вспомнил, что Игорь Ревин у меня не кормленный, мы с ним договорились, что сегодня я ухожу в 1:00 и дома жарю картошку к его приходу. Прихожу, а он стоит бедняга на лестничной площадке уже 35 мин., читает книгу и проклинает меня на чем свет стоит. Картошку жарить уже было поздно, и я предложил ему сварить суп из сухого пайка, который остался с учений. Пока я варил суп, Игореха читал ту часть письма, которую я уже

прочитал, а я читал то, что еще не читал. Игореха от супа отказался, хотя он и был вкусный, наверное, обиделся на то, что я не приготовил картошку. Он читал, читал твое письмо, не дочитал, ушел. Как только я прочитал все, что ты нацарапал в разное время, но на одну и ту же тему, сел писать ответ, но дома не оказалось ни одной ручки. Пришлось собраться и пойти в часть, благо, что это в 10 мин. ходьбы, и там закрыться в классе, чтобы написать тебе ответ, правда, конечно, не таких масштабов, как у тебя, но все же. Вообще-то, сегодня суббота и у нас это тоже первый выходной, второй должен быть завтра, но в понедельник начинается проверка, поэтому сегодня вся часть работает, завтра тоже. «Отдыхать будем после проверки», - сказал командир.

Начну излагать все в хронологической последовательности, начиная с того момента, когда ты, уносимый Ту-154, улетел в Москву... Вечером 4 (сентября) был в Алма-Ате. На вокзале встретил вашего (выпускника Минского СВУ, с которым Женя Климович вместе учился в МнСВУ) Волынца, который окончил Полтавское зенитное и ехал в Сары-Озек. До 12 ночи искали гостиницу, потом нашли свободные места в «Туркестане», а в 10 часов утра 5 сентября я был там, куда меня направили. Было много молодых лейтенантов, но знакомых и кадетов никого. Поводили меня по инстанциям, поговорили, спросили, по желанию ли я иду служить в эту систему. Рассказали о части, оказывается, она лучшая в округе, уже 3 года отличная, что командир хороший, напомнили о Мишке Пивоварове (выпускник КВКУ 1972 года, разбился в июне 1974 года при совершении прыжка с парашютом из самолета Ан-12). Там же я узнал, что, кроме Фокина, Кормушина, в бригаде уже Федя Волох, Игорь Ревин, Валера Болдырев, Коля Ершов, Задорожный. Ужасно обрадовался, когда увидел личные дела Феди и Игоря вместе с нашими.

Побродил немного по Алма-Ате, город понравился, из любой его части видны горы, очень красиво. 6-го числа, когда ехал в аэропорт, заплатил 50 коп. за бесплатный провоз чемодана в автобусе. Я, вообще-то, не против, но если учесть, что я выехал из дома с 35 рублями, а к тому времени у меня осталось где-то рублей десять, то это, конечно, ощутимый удар по лейтенантскому карману. Раньше много читал о новом Алма-Атинском аэропорте, очень понравился, во всем чувствуется свой, чисто азиатский оттенок.

Из Ташкента до Чирчика добрался, как и посоветовали в Алма-Ате, на такси, сначала до автостанции, а потом за 1 рубль до Чирчика. Подвезли меня прямо к части. Не успел я перешагнуть порог КПП, как встретил Володю Чернобая. Я ему напомнил, что, когда они выпускались (из КВКУ) 2 года назад, я ему сказал, что через два 2 года в Чирчик приедем и мы. Он сразу же организовал мое представление всем командирам, кроме комбата, за что я на первом же разводе получил «втык», правда, терпимый, и повел меня к себе домой, а там как раз намечался банкет по случаю его возвращения из отпуска. Попробовал местную водку, ух и злющая, гадина, так и вышибает скупую мужскую слезу. Два дня отдыхали с Володей. За это время помог ему закончить учебник (по китайскому языку), который он пишет для десантников с учетом нашей специфики.

7 сентября поздравил свою сестру Иру с Днем рождения и указал адрес, по которому нужно выслать мне финансовую поддержку. Володя показал мне город, основной достопримечательностью которого является базар, настоящий

азиатский. Кроме обилия фруктов и овощей, здесь можно найти буквально все, были бы деньги. Здесь прямо под открытым небом готовят шашлык, плов, манты, чебуреки. Приезжай, попробуешь. Мы с Игорем в субботу и воскресенье, когда не работает наша столовая, ездим на базар и едим шашлыки.

Вообще, Чирчик довольно большой промышленный город (130 тыс. человек). Культурная жизнь, конечно, не на такой высоте, как у вас, в Ленинграде, но Ташкент в 33 км., и надо отметить, к своему стыду, что я, кроме кино, еще нигде не был. О планах пока не буду писать. Когда начну новую жизнь, тогда и напишу. Ну, коль скоро речь зашла о пище духовной, сразу хочу сказать, что замучил ты меня своей музыкой, которая осталась тебе от Ирки (*знакомая Жени*). Еще раз убеждаюсь, что ты лирик-романтик, какого еще поискать.

9 сентября впервые пришел в роту, познакомился с офицерами. Один из них из 1 роты (*КВОВУ, 1971 год выпуска, Александр Тимченко*), второй из 6 роты (*КВОВУ, 1972 год выпуска, Сергей Маковский*), третий из 12 роты (*КВОВУ, 1973 год выпуска, Сергей Сухомлинов*), я из 7 роты, а еще один из ТашВОВУ (*Сергей Золотарев*). Все кадеты, командир роты тоже кадет (МсСВУ), МосВОВУ закончил, в нашей системе зубы съел. Вообще, здесь очень большой процент офицеров – кадеты. В роте отношения между офицерами очень хорошие. КР называет всех не иначе как по именам, официального тона не слышал ни разу, даже перед строем называет нас Сережами (у нас три Сережи).

Нас, молодых офицеров, приняли очень хорошо, мы совершенно не чувствовали, что молодые, как будто служим здесь давно. Игорь (*Ревин*) принял взвод М.Пивоварова, я принял у Сережи Сухомлинова из 12 роты (*КВОВУ*), а он ушел на старшего переводчика части. Весь прием состоял в том, что он показал мне, где спит моя братия. Я единственный специалист по языку в роте, поэтому в моем подчинении класс иностранного языка, на 16 учебных мест, намного лучше, чем наша лаборатория устной речи (*в Киевском ВОВУ*). Один из магнитофонов я отнес к нам домой, так что неотъемлемый элемент холостяцкой квартиры – магнитофон у нас есть.

Бойцы очень даже неплохие, один с незаконченным высшим, остальные со средним специальным и средним образованием. Заместитель командира группы – казах, толковый парень, один киргиз, один таджик, еще один казах, один украинец, остальные русские. Основная масса молодежь, но через полгода из них будут настоящие рейнджеры. Недавно сдавали политподготовку, сдали с одной четверкой. О командире группы (*бойцы*) заботятся больше, чем о себе.

Рабочий день до начала проверки был полностью удовлетворяющим большие потребности молодого офицера. По собственному желанию каждое утро проводил физзарядку с ротой. В 8 часов завтрак. До 2 часов занятия. С 2 до 4 обеденный перерыв. Потом еще примерно 2 часа работы - и ты свободен.

Самое тяжелое для нас – это мины, но я на них просто «забил», так как сейчас не выучишь, а с нового учебного года начну учить вместе с солдатами. Старики ин.яз. знают неплохо, постараюсь поднять этот уровень еще выше. Многие, да не многие, а почти все солдаты имеют от 10 до 20 прыжков. Мы же

будем прыгать только в мае-июне-июле. Как-нибудь прыгнем и постараемся не свернуть себе шею, как ты и просил.

Уже были на учениях. Когда приедешь, расскажу поподробнее, но сейчас хочется сказать большое спасибо полковнику Емцеву (*преподаватель военной топографии в Киевском ВОВУ*) за то, что научил нас. Ведь топография одинакова везде. Задание мы выполнили только благодаря высокому классу, высокому уровню топографической выучки командира. Здесь, кроме ПМ, офицеру по штату положен АКМС и ранец десантника РД-54. Все это пришлось таскать на себе, чтобы у солдат не было и мысли упрекнуть командира. Десантный паек немного лучше пехотного. Вот здесь-то я и почувствовал заботу о командире, так как бойцы не сядут есть раньше командира, разогреют, пригласят, а потом сами садятся.

О нашей жизни уже все тебе написал и иссяк на 20-й странице моего письма.

Сейчас, если никто не оторвет, напишу письмо Александру (*кличка одноклассника по КВОВУ, в то время служил в Псковской бригаде спецназ*), опишу свои первые впечатления и расспрошу о его жизни.

До свидания.

Саид

* * *

18.10.74г.

г.Чирчик

Здравствуй, Лена!

... Уже полтора месяца мы в Чирчике. Очень быстро освоились, наверно, потому, что из нашей курсантской роты здесь 8 человек. Все-таки в таком коллективе легче, но самое главное, конечно, сама атмосфера дружбы, которая царит в части. Здесь много наших бывших выпускников, которых знали еще в училище. Во всем помогают, что, конечно, играет не последнюю роль. Живу в одной комнате с Игорем Ревиным, с которым вместе уже целых 7 лет (*кроме КВОВУ, автор с ним учился в СвСВУ*). Магнитофон – неотъемлемый атрибут холостяцкой квартиры – перекочевал к нам из класса иностранного языка, который находится в моем ведении.

Уже были на учениях. Было ужасно трудно, но задачу выполнили. На себе почувствовал, как мои десантники заботятся о командире. Взаимовыручка на первом плане, но это уже детали, которые, правда, и характеризуют десантников. Часть стоит в городе, в 15 мин. езды от центра, но подробнее об этом в следующем письме.

Передавай большой привет бабушке.

До свидания. Пиши. Жду.

Сергей

* * *

29.10.74г.

г.Чирчик

Здравствуйте, дорогие мама и Иринка!

... В тот вечер, когда я приехал, мой сосед Рафик (*Латыпов*) был в наряде и я решил навести порядок в нашей комнате, повесить занавески, шторы, тем самым создать уют в квартире. ... Навел порядок, полы вымыл. Уютно стало, правда, ни занавески, ни шторы не повесил.

Вчера нашей части вручили навечно Знамя Военного совета Среднеазиатского военного округа. Навечно потому, что наша часть завоевывает это Знамя уже третий раз. Часть была названа лучшей среди всех воинских частей САВО.

Ира, поедешь в Чирчик, много вещей с собой не бери. Самое главное, возьми спортивный костюм. Если будет свободное время, то съездим на турбазу «Чимган». Как только возьмешь билет, давай телеграмму, я постараюсь встретить. Если не встречу, то в Ташкенте надо на такси доехать до Чирчикской автостанции, ее еще называют «Шастри». Оттуда на автобусе до Чирчика, а там попросишь, чтобы остановили на остановке «Роддом». Потом ищешь десантную часть 64411. На КПП спросишь меня из 6 роты.

Пока все. Счастливо доехать. До свидания.

Сергей

* * *

09.11.74г.

г.Чирчик

Здравствуй, Буль!

Сразу же после праздников, в довершение к ноябрьским торжествам, получил от тебя письмо. А праздник отметили отлично, собрались в общаге Кормушин, Федя, московский кадет из Рязани (*Виктор Боев*), к которому приехала сестра с подругой. Девчонки сначала навели в наших комнатах идеальный, насколько это возможно в наших условиях, порядок, а потом приготовили все необходимое для праздничного стола. Торжество затянулось до 3-х часов. Когда уходил домой, то свет горел только в окнах нашей общаги, остальные же давно спали. Игорь (*Ревин*) отмечал в какой-то другой кампании, даже не знаю, где.

8 числа поехал в Ташкент, сходил сначала в выставочный зал, а потом в Музей прикладного искусства УзССР. Осмотрел его не весь, но со временем займусь им основательно, тем более что там есть, что посмотреть. Крамской, Брюлов, Иванов, Суриков, Маковский, Левитан. Айвазовский и то есть. Правда, многое в копиях, но лучше это, чем вообще ничего. Ведь Ташкент – это не Москва и Ленинград, но и не Чирчик, в котором центр цивилизации – это базар и кинотеатр им. А.Навои.

Хоть разделяет нас с тобой не одна тысяча верст, хоть в чем-то мы с тобой не похожи, но «в принципе», как говорил наш комбат в Киеве, мы остались верны своим старым, давно проверенным принципам и ведем схожий образ жизни. Важно то, что мы не стоим на месте, движемся вперед, нашли что-то интересное, что вносит какое-то разнообразие в нашу жизнь, не оставляя времени на разгульную жизнь, к которой здесь пристрастились некоторые

офицеры, даже выпускники 1 роты (КВОВУ), которых мы в свое время, когда были курсантами, очень уважали. Я уже знаю Ташкент лучше многих из них, бывал там, куда они и не думали заглянуть, зато они знают все кабаки в Ташкенте. Я не хочу сказать, что я из другого теста, но я презирал тех, кто ни к чему не стремился, и если у меня наступали такие времена, то презирал и себя. Постараюсь не опускаться, как некоторые, на месте которых можно оказаться сразу же как расслабишься.

Поэтому все мои взоры устремлены на Ташкент. Мне, правда, не предоставляют возможность без очереди брать билеты в театр или Концертный зал «Бахор». Например, болгарский ансамбль «София» пришлось «брать измором», но зато в «Академкниге» меня встречают с улыбкой, правда, купил всего три книги, но, сам знаешь, по Китаю очень мало литературы. Искал здесь атлас мира, такой же, какой я тебе привез с каникул, но не нашел. Вообще, здесь мало литературы на иностранных языках.

Вот уже 3 недели у нас сборы, вся часть работает, а молодые офицеры постигают специфику ВДВ. И никакие мы еще не «попрыгунчики», как ты нас называешь в своем письме. Прыгать начнем где-то в июне, вот тогда и будешь называть нас «попрыгунчиками», но прежде, чем научишься летать, надо еще много поползть по земле, а точнее по парашюту, чем мы сейчас и занимаемся. Работаем в паре с Федей, он учит меня покорять небо. Я ему уже успел натереть палец при укладке строп. Все, что учили в ВОВУ по тактике, можно заткнуть плашмя в ..., - здесь все другое, вот и учимся.

Правильно говорил Александер, мины замучили, но с нового учебного года, когда будем учить солдат, все станет на свои места. Так же, как Александер приехал к тебе, хочу съездить домой и я, не знаю, когда представится возможность, но я выберу время. Александеру еще не написал, т.к. Игорь случайно со своими книгами в чемодан засунул твое письмо, а потом вместе со мной искал его по всей квартире и только три дня назад, опять же случайно, нашел его. Так что скоро напишу Александеру.

Не знаю, когда будет у меня отпуск, но я хотел бы поехать в апреле-мае, тем более, что больших ограничений в этом вопросе у нас нет. Я тебе уже говорил, что хочу съездить в Ленинград, может быть, заскочу к Александеру. Ты же обязательно должен приехать к нам, когда бы у тебя не был отпуск.

Ну, вот, пока все. Пиши, не тяни с ответом.

Саид

* * *

28.01.75г.

г.Чирчик

Здравствуйте, дорогие мама и Иринка!

... Недавно ездили на стрельбище, видели, как бросают десантников из Ан-12. Ух, красотища, когда все небо в куполах. Скорее бы уж нам прыгать.

Сергей

* * *

04.02.75г.

г.Чирчик

Здравствуй, Буль!

Получил твое письмо, но сразу ответить не смог – заела текучка жизни, хотя теперь стало легче, командиры все на месте, кроме Сереги (*Золотарева*), к которому мы ездили в госпиталь. Соответственно, в наряды хожу теперь меньше, что все-таки налагает кое-какой отпечаток на свободное время.

После твоего отъезда (*из Чирчика, Буль был в Чирчике в отпуске*) начал новую здоровую, спортменистую и т.д., и т.п. жизнь, что, естественно, отразилось и на моих бойцах, которые сразу же запросили пощады, т.к. приходилось на каждой зарядке пробегать достаточно большое расстояние, что после перерыва и для меня было тяжело при наших высокогорных условиях, а для них после «зимней спячки» тем более. Утром, в 6:30 одному из них приходилось прибегать и будить меня, т.к. будильника не было, а условный рефлекс (вставать самому), который был у меня в ВОКУ, еще не выработался.

Как только купил будильник, выпало столько снега и стало так холодно, что Средняя Азия сразу же напомнила мне Урал с его холодом и снегом. Вчера вышел на плац и сразу же вспомнил плац СВУ, тем более, упоминание в твоём письме о Свердловске, Ире (*Вагиной, свердловская знакомая автора*), Рогаткине (*командир роты суворовцев СвСВУ, в которой учился автор*) (да, о чем вы с ним разговаривали?) нагнало тоску, сразу же захотелось в отпуск. Да и Федька «подлил масла в огонь» - уезжает в Белоруссию в отпуск завтра. Пообещал передать приветы Буселку (*Василий Бусел*) и Леше Ксендзову (*одноклассники по Киевскому ВОКУ*).

За то время, которое прошло с того дня, когда ты уехал, два раза побывал в театре Горького, а в театре им.А.Навои посмотрел «Золушку» и «Жизель», а также послушал «Кармен», которую хотел посмотреть и ты. После «Кармен» чуть с Игорем (совершенно случайно он тоже возвращался на последнем автобусе) не провели ночь на шоссе между Ташкентом и Чирчиком – автобус сломался. Выручило то, что остановилось такси и мы с Игорем «выиграли вбрасывание». Мне пришлось загрузиться пятым в «мотор», но это уже мелочи жизни. Не знаю, что было с теми, которые позже нас подбежали к такси, наверное, не скоро вернулись домой.

Сейчас живу одной мыслью – скорее бы в отпуск. Если поеду в марте, то остался месяц. Ничего, скоро приеду в Ленинград.

Пока все. До свидания.

Саид

* * *

24.02.75г.

г.Чирчик

Здравствуй, Буль!

Давно получил твое «ленинградское», а тем более «минское» письмо, но ответить сразу не смог. ... В августе–сентябре Игорь Ревин женится на той девчонке, с которой мы видели его, когда в Ташкенте ходили на кинофильм «Романс о влюбленных».

9 февраля приехал Володя Гладков (*одноклассник автора по Свердловскому СВУ и по разведывательному факультету КВКУ, выпускался в 1975 году*), и в нашу общагу пахло чем-то училищным, родным, знакомым, сразу же захотелось в отпуск. Как он заявил, ты толком не объяснил ему, как к нам добраться, и он пока нас искал, рассказал всю «военную тайну». На каждом углу, как он нам потом поведал, кричал: «Где тут находится этот самый, как его, спец-з?» Когда он уже почти нашел нас, подошел к одному нашему солдатику и спросил его, ни с «ентого» ли он самого романтического заведения. Однако спросил не завуалированно, а, как и до этого спрашивал, совершенно прямо. Солдатик даже язык проглотил от неожиданности, услышав такое от какого-то гражданского «шпака». Мы его, конечно, научили потом жизни.

Наша с ним встреча прошла тоже романтично. Лежу в своей комнате на кровати, читаю «Мы – суворовцы», и вдруг Боев открывает дверь и говорит: «К тебе». Радости не было конца. Володя быстро освоился. На следующий день Федя уезжал в отпуск и Володя проводил его в Ташкенте, а днем позже я провожал Володю, но билетов на этот день не было и пришлось взять билеты на утро следующего дня. Посидели с ним в «России» (*ресторан в Ташкенте*) и поехали к его другу по Киевскому ВОКУ, с которым они учатся в одном взводе, переночевали у него и проводили Володю на следующее утро в Душанбе.

Пока все. До свидания.

Саид

* * *

18.04.75г.

г.Чирчик

Здравствуй, Буль!

Наконец-то, нашел время написать тебе, хотя дома было для этого много времени, но из дома решил никому не писать, просто не хотел. Все время читал, а когда приехал сюда, не мог избавиться от странного желания почитать что-нибудь, тем более, что привез много интересных книг. Трудно было бросить все и сесть за письма, но сегодня наступил, кажется, переломный момент, что проявилось в том, что я целый день «пинал воздух», хотя и было время читать. Решил, что пришло время, и теперь пишу тебе первому.

После того, как ты ушел в свою воинскую часть (*в Ленинграде*), я видел твоих бойцов на дороге, думал, что увижу и тебя, но пришлось уехать, не попрощавшись с тобой. В Ленинграде ходил к Пушкину на квартиру, поболтался по городу и поехал к Тамаре Владимировне (*Байбус, преподавательница английского языка, которая преподавала автору в 9 классе в Свердловском СВУ*). Она пожурила меня за то, что я, уехав в Псков, лишил себя удовольствия в такую прекрасную и столь редкую для Ленинграда хорошую погоду погулять по пригородам. Но после моих рассказов о визите в Псков она сказала, что суворовцы могут ценить настоящую дружбу. Сходили с ней и Ирой (*дочь Тамары Владимировны*) на Пескаревское кладбище, о многом поговорили. Дала она мне список современной английской и французской литературы, которую следует прочитать. Договорились на следующий день, вернее вечер, что идем в Большой театр.

На следующий день сходил сначала в баню, затем в гостинице «Европейская» купил коробку конфет, гвоздики и поехал уже изученным маршрутом к универсаму на улице Замшина (*где живет Тамара Владимировна*). Пока Тамара Владимировна занималась своим туалетом, Ира поиграла мне на пианино. Если когда-нибудь скучно станет, поедь к ним, послушай «Осенний сон», сразу же легче станет. Тем более, что Тамара Владимировна приглашала тебя и обещала поводить тебя по театрам, дефицитным.

Когда муж ее познакомился со мной, то сказал, что «молодые нынче офицеры пошли». В театр поехали на их «Жигулях», и что не делает чести профессиональному разведчику, я совершенно не обратил внимания на номер машины. Смотрели «Ромео и Джульетту». Ира сказала, что под впечатлением будет ходить целую неделю. Я хоть и не такой впечатлительный, но и мне ужас, как понравилось.

Теперь в Чирчике только и делаю, что рассказываю, что был в театре им.С.М.Кирова, куда и ленинградцу трудно попасть. В среду я уезжал. Тамара Владимировна приехала в Пулково проводить и привезла альбом с видами Ленинграда, который у меня чуть с руками не оторвали, когда я в самолете стал его смотреть. Тамара Владимировна все пыталась узнать, в чем же заключается моя работа.

Приехал из отпуска и сразу же включился в работу – уехали на стрельбище и были там до 2 ночи. Проверка не прошла в мое отсутствие, и вот целую неделю сдаем ее. Так что дел куча. Думал, что хоть в Пятой квартире за время отпуска сделают ремонт, так тоже нет. Только позавчера побелили, и сейчас по колено в известке ходим.

Дописываю уже 22 апреля. Сегодня вернулись с учений, в которых участвовали за противника против воздушно-десантной дивизии. Пришлось вспомнить пехотную тактику. Федя тоже здесь был. Видели десантирование парашютно-десантного полка с техникой, потрясающее зрелище. Это надо видеть. Десантники тоже brave ребята, с танками быстро расправляются. Правда, они ругали проклятую Среднюю Азию за то, что днем не знаешь, куда деваться от жары, а ночью холод ужасный.

В Ташкенте еще не был после того, как сходил в театр в день приезда. Зато Игорь Ревин бывает там в неделю 3-4 раза, но ему легче, он у невесты уже свой человек, уезжает вечером и приезжает утром к занятиям. В августе думает жениться.

Ну, вот, пока все. Пиши. До свидания.

Саид

* * *

22.04.75г.

г.Чирчик

Здравствуйте, дорогие мама и Ирина!

Извините, что сразу после приезда (*из отпуска*) не написал, телеграмму отправил почти сразу, правда, не в понедельник, а во вторник, потому что в понедельник утром поехали на стрельбище и вернулись где-то в 2 часа ночи.

Приехал после отпуска в Ташкент, а здесь уже все цветет, распустилось, вдоль железной дороги целые ковры из тюльпанов.

За время отпуска в части почти ничего не изменилось, все осталось по-старому. Живем с Рафиком все там же. В квартире ремонт, грязь – не пролезешь.

Я думал, что хоть весеннюю проверку сдадут наши без меня. Так нет, наоборот, она началась, когда я приехал. А сегодня вернулись с учений, видели десантирование парашютно-десантного подразделения. Зрелище потрясающее. Бросали технику, очень красиво и впечатляюще.

Ну, пока все. До свидания.

Сергей

* * *

8.05.75г.

г.Чирчик

Здравствуй, Буль!

Вчера приехал Бахтий (*заместитель командира группы автора, ездил в Ленинград за молодым пополнением*), привез твое письмо и кучу впечатлений о Ленинграде, где ему очень понравилось, да и не могло не понравиться.

30 апреля вечером мы с Федей уехали на природу и вернулись только 2 мая вечером, отдохнули, купались, загорели, а Федя даже сгорел, т.к. не внял доброму совету вовремя одеться.

Сейчас здесь уже жароша, поэтому хожу все время в х/б, так как оно намного удобнее тем, что открытый ворот, да и «вокинская» привычка берет свое. Единственное неудобство – тельник приходится часто стирать. Берет еще не надевал, т.к. знаю, что не имею морального права его носить. Надену только после первого прыжка с парашютом, а он уже скоро, в начале июня. Пока еще не готовимся, но скоро начнем.

До свидания.

Саид

* * *

20.5.75г.

г.Чирчик

Здравствуй, Буль!

Сразу же отвечаю на твое письмо, прежде всего, потому, что ужас как испугался твоих угроз, т.к. Грузия, где ты побывал (*Женя ездил в Грузию за молодым пополнением*), - это такая страна, в которой вполне возможна быстрая адаптация человека, который после возвращения будет вполне способен «зарезать» за какое-то время не пришедшее письмо. Мне «рзашаться» жизни из-за такого пустяка совсем не резон, особенно, когда впереди такие события...

Да, впереди прыжки и этому событию в части подчинено все. Парашютно-десантный городок не пустует ни минуты. Занимаются все, от полковников до молодых солдат, которыми я сейчас командую. На стапелях и тренажерах кручусь как шестерка, но это необходимо. Иногда командует командир роты, а в основном, конечно, больше командуешь сам, отрабатываешь автоматизм у подчиненных при приземлении на воду, лес, при сближении с куполом товарища и т.д.

Правду говорили о том, что солдаты в период прыжков становятся шелковыми, бегом выполняют даже какую-нибудь просьбу, не говоря уже о чем-нибудь большем. Но самое интересное, конечно, - это вышка, которую поставили в нынешнем году и испытали, сбросив сначала 4 гири по 32 килограмма, а потом прапорщика весом 100 кг., ну а теперь прыгают все. Знающие люди говорят, что с этих 25 метров сложнее прыгнуть, чем из самолета, т.к. видно землю. Но, честно скажу, что, вклинившись в какое-то подразделение, чтобы прыгнуть с вышки первый раз, совершенно не боялся. Если такое же чувство будет при прыжках из самолета, то это хорошо. Сегодня наша рота весь день оккупировала парашютно-десантный городок. И я, пользуясь все той же «командирской привилегией», прыгнул еще пять раз. В части уже работает бассейн, плаваю в обед и вечером, правда, не всегда. Да, забыл сразу написать, что прыжки у нас 2 июня начинаются. 1 июня солдаты принимают присягу, а 2-го прыжки. Истинные контрасты армии.

26 мая еду в Алма-Ату на соревнования по офицерскому четырехборью (кросс 3 км., гимнастика, плавание, стрельба из пистолета ПМ). Сообщили об этом 2 недели назад, подготовиться за это время, конечно, трудно, но ехать придется, хотя бы для того, чтобы посмотреть Алма-Ату. Проинструктировал Валерия Бахтия, который опять стал моим замом, чтобы, вопреки всем указаниям (укладывать парашюты на тех, кто есть), уложил и мой парашют, а мы к прыжкам постараемся вернуться.

Да, ты прав, и ВОКУ уже вспоминаешь не с той (*негативной*) стороны, с какой вспоминал его на каникулах. С каким-то благоговением смотрю на курсантов ТашВОКУ. Сейчас с удовольствием сдал бы какую-нибудь сессию, даже самую трудную, которой была у нас седьмая (*сессия*) с ее ужасным зачетом по научному коммунизму. Помню, как тогда после экзамена по тактике Жоржик (*кличка преподавателя тактики на разведывательном факультете Киевского ВОКУ подполковника Г.Александрова*) вызвал нас с Александром и на глазах у всех преподавателей кафедры поставил нас «на уши» за (*плохо отработанную*) летучку на картах. Относительно наших однокашников по ВОКУ скажу одно, ужасно тяжело было бы без них.

До свидания. Пиши.

PS. Купил отличную книгу «Цзацзуань. Изречения китайских писателей», отличная штука. Искал иллюстрированный немецко-русский словарь для тебя, но, увы... Без картинок есть, а таких, какой надо тебе, говорят, даже не видели.

Саид

* * *

06.6.75г.

г.Чирчик

Здравствуйте, дорогие мама и Иринка!

День рождения отметил отлично. Ваши поздравления получил вовремя. Отмечал день рождения в пятницу. Купил 6 кг мяса, из которого мы с Олегом (*Кривопаловым*), нашим замполитом роты, сделали отличный шашлык. Купил вина, пива, и мы отметили мое рождение. Получилось здорово, во всяком случае, лучше, чем эта всем уже надоевшая колбаса и кабачковая икра, которые

обычно бывают на праздничных столах холостяков. Собрались на торжество в роще на берегу канала. Мы это место называем ресторан «Корневище».

25 мая я с одним нашим парнем уехал в Алма-Ату на соревнования по офицерскому четырехборью, которые проходили в Алмаатинском ВОКУ. Выступили не очень удачно, подвела стрельба из пистолета, т.к. взяли пистолет, совершенно не пристрелянный. Плавание и гимнастику сдали хорошо, а на кросс 3 км даже не пошли, т.к. смысла не было. Если интересно, то можешь посмотреть, как нас, вернее меня, «прочесали» в газете САВО «Боевое знамя» за 31 мая. Но, Бог видит, я не виноват. Как оказалось, пистолет стрелял на 36 см вправо от центра. Но это все ерунда, главное, что я отвлекся и отдохнул перед прыжками, посмотрел Алма-Ату.

Самое главное событие – это то, что я уже 2 раза прыгнул с парашютом. Первый прыжок был 2 июня. В 13:10 я уже приземлился, будучи во власти эмоций. А до этого с 8 часов утра мы сидели и ждали своей очереди, одновременно жарились на солнце, потом надели парашюты и опять жарились, но все уже были сосредоточены и морально готовы к прыжку. Я лично морально был готов полностью, совершенно не стоял вопрос выпрыгивать из самолета или нет. В любом случае бы выпрыгнул.

Прежде, чем посадить в самолет, а прыгал я со своим взводом, нас и парашюты десять раз проверили. Дождались своей очереди, сели в самолет Ан-2 и полетели. Сделали круг над Чирчиком, набрали высоту 1000 м, вышли на боевой курс, прозвучал сигнал и первый парашютист ушел. Я прыгал вторым и, честное слово, выпрыгнул из самолета с таким же чувством, как выхожу из комнаты через дверь, с той лишь разницей, что оттолкнулся левой ногой, как и надо. Пролетел 5 секунд, сработал страхующий прибор, купол раскрылся. Чувствую, вишу в воздухе. Посмотрел вверх, купол ровненький и кругленький как тарелка. Посмотрел вниз, поболтал ногами, а земля далеко далеко, и такая красивая как будто причесанная. Дикий восторг охватил меня. Ведь вот он мой первый прыжок. Да, видимо, не обманул я того полковника (*представитель кадров ГРУ ГШ, который приезжал в апреле 1974 года в КВОКУ с целью подбора выпускников разведфака для службы в спецназе*), который приезжал в училище и спрашивал, прыгну ли я с парашютом.

Сначала казалось, что земля далеко. И чем ниже спускаешься, тем быстрее земля набегают. В воздухе все кричат друг другу, переговариваются, матерятся, а перед землей все это прекращается. Ну, а я, опять же, как учили, развернулся по ветру, чтобы земля набегала спереди, и очень мягко приземлился. Ну, тут себя настоящим героем почувствовал. Собрал парашют. Солдатики кричат: «Товарищ лейтенант! Ну, как? Сейчас придем Вас поздравлять!» Пришли, поздравили, помогли донести парашют до пункта сбора. А там уже ждут офицеры, чтобы посвятить в десантники. Это значит, что ловят прыгнувшего в первый раз, сгибают его в поясе и запасным парашютом бьют пониже спины. Все, конечно, в шутку, со смехом, но я все равно не дался. Как они ни пытались, не смогли отбить мне зад. Саня Тимченко, мой командир роты, поздравил меня, вручил парашютный значок с подвеской, на которой была выбита единица.

На следующий день опять хотел прыгнуть, но до нас очередь не дошла. Поднялся ветер, и прыжки отменили. А сегодня еще раз прыгнул, и опять понравилось.

За время, прошедшее с конца отпуска, похудел на 8 кг, так что не знаю, в чем душа держится. Да еще наша столовая закрылась на ремонт. Питаемся кое-как.

Пока все. До свидания.

Сережа

* * *

29.7.75г.

г.Чирчик

Здравствуй, Буль!

Наконец-то получил от тебя письмо, из которого узнал, что ты уехал на целину. В предыдущем письме ты писал, что на целину хотят послать тебя, но твой шеф обещал отстоять. С той давней поры утекло много воды в Чирчикском канале Бозсу, и за это время можно было позвонить хотя бы один раз, чтобы сообщить свой адрес, тем более, что расстояния для тебя не проблема и есть возможность звонить в Ленинград, можно же было позвонить сюда. Нет стопроцентной гарантии, что я бы при нашей занятости пришел бы на переговоры, но попытаться стоило бы.

Да, за 8 лет, которые я в армии, ни разу не был так занят, как в эти два последних месяца. Мало того, что сделал уже 11 прыжков, которые, в совокупности с укладкой и подготовкой к ним, отнимают много времени и свободного, и «сплячего», и рабочего, конечно. 6 раз был на учениях и еще раз пойду 31-го июля.

Из 11 прыжков, 5 сделал из Ан-2, шестой тоже должен был быть из Ан-2. Однако почти целый день просидели на аэродроме на сорокаградусной жаре, затянутые в парашюты, но так и не прыгнули, так как поднялся ветер. Корабль, в котором был я, 2 раза взлетал и два раза садился, т.к. не разрешали выброску. Потом был небольшой перерыв до 11 июля, и с этого времени я сделал еще 6 прыжков из Ан-12, и теперь у меня одиннадцать.

Прыгать из Ан-12 очень понравилось, т.к. есть, где развернуться и при прыжке, и в самом «салоне». Особенно нравится гул в ушах от ветра, когда отделяешься от самолета. Ты помнишь, я тебе писал, что не боялся прыгать совсем. Этого я бы не сказал тебе перед моим восьмым прыжком. Подрагивали руки, колени стучали одна об другую до того самого момента, пока не одели парашюты. А когда проверили нас, и мы сели ждать своей очереди, я успокоился до такой степени, что заснул, что делают все, и я в том числе, почти всегда, когда есть время, ведь поднимаемся на прыжки в 2:30-3:00. Когда проснулся, встали, построились, от былых настроений не осталось и следа. Может быть, это и был тот самый психологический барьер, хорошо, что он так хорошо и быстро кончился. После этого прыгнул еще 3 раза и ни разу не вспоминал то, что было тогда.

Мой юбилейный 10-й прыжок, который продолжился суточными учениями, пришелся на 25 июля, на день, когда исполнился год нашей офицерской службы. С десятым прыжком получаешь звание и значок «Парашютист отличник».

Когда-то, еще до начала прыжков, встретил Лешу Хмеля (*выпускник инженерного факультета КВОКУ 1974 года, проходил службу в Чирчикском парашютно-десантном полку Ферганской воздушно-десантной дивизии, в 1980 году погиб в Афганистане*), и он утверждал, что мне «еще до его шести прыжков (которые он успел совершить к тому моменту) пыхтеть и пыхтеть». Сейчас у него семь, а у меня одиннадцать, и еще один будет 31-го (июля). И вообще, сейчас есть хорошая возможность сравнить нашу систему с ВДВ (*с настоящими десантниками*). Ты знаешь, Буль, честное слово, упало мнение о ВДВ. Взять хотя бы морально-психологическую подготовку их и нашу. У нас за все время не было ни одного отказа от прыжков. У них же 3-4 человека из Ан-2 не выпрыгивали не из каждого корабля, конечно, но за прыжковый день в 2-3 кораблях получалось так. Честно скажу, на прыжках из Ан-12 не видел, чтобы кто-то не прыгнул, но зато в последний раз насчитал 6 человек, которые открыли купола во время снижения на стабилизации, что категорически запрещается. Сам можешь себе представить, что может произойти с человеком, если скорость за доли секунды падает с 300-350 км. в час до 5 м/сек. А как они (*десантники*) приземляются, это надо видеть. Или их никто не учит, или они обо всем забывают, когда прыгают. У нас тоже бывает, одного-другого приложит об землю очень здорово, бывают такие моменты. У них же единицы приземляются правильно. А вообще, это их личное дело, как хотят, так пусть и прыгают.

Когда я прыгал свой 11-й прыжок, Федька прыгал свой 50-й. В самолете перед тем, как прыгать, протянули руки через спинку сидений и пожали их друг другу, и я с первым потоком ушел, а через 6 минут, после того, как самолет развернулся, выпрыгнул и Федя со своими бойцами. На земле поздравили его с юбилейным прыжком. Да, кстати, если я избежал посвящения в парашютисты после первого прыжка, то после прыжка из Ан-12, как ни убегал, как ни сопротивлялся, ничего не получилось, поймали, скрутили и как дали запаской пониже поясицы, тем самым посвятили в десантники. Федьку тоже в тот день посвятили.

Получается, что почти все письмо о прыжках. Вообще-то, о другом и писать-то нечего, потому что другого нет, так как прыжки ни на что другое не оставляют времени. В Ташкенте за 2 месяца был всего один раз, когда женили Игоря Ревина. Свадьба была 28 июня, а у нас должна была быть тревога, но нас отпустили в Ташкент. Свадьба была хорошая, но опять же бедные женщины, как им достается, когда свадьба дома. Теперь Игорь, страсть, какой деловой, его совсем не видно в бригаде. Правда, он сейчас в комендатуре, а в части не появляется. 24 июля приехала моя мама в отпуск, теперь будет нас с Рафиком Латыповым откармливать, т.к., по ее словам, «душе не в чем держаться», что полностью отражает наше состояние.

До свидания. Пиши. Звони.

Саид

* * *

21.8.75г.

г.Чирчик

Здравствуй, Буль!

Ох, и давно же я тебе не писал. Сначала потому, что не было времени из-за прыжкового периода, а потом, когда прыжки кончились, не захотел писать на старый адрес, т.к. ты уже мог уехать, и вот сейчас пишу, чтобы отложить письмо до того времени, пока не получу твой адрес.

Прыжковый период кончился. За эти 2 месяца совершил 12 прыжков и, как оказалось, из молодых офицеров я сделал больше всех прыжков. 24 июля приехала мама. Хотел ее свозить на прыжки, чтобы посмотрела, но она не захотела, испугалась. Уже не помню точно, сколько учений было за этот период, и закончились они тоже соревнованиями взводов с практическим десантированием (мой 12 прыжок) 31 июля. Эти соревнования – сплошные гонки, где побеждают сильнейшие. Мой взвод занял 6 место, хотя, если бы дали связь, было бы где-то 2-3 место. За 1 место Рафик (*Латыпов*) получил часы, ну а я – грамоту.

Вернулся с соревнований, мама даже расплакалась, когда увидела меня, такой я был грязный и замученный. Помылся, сели ужинать с Рафиком, вдруг открывается дверь и входит Володя Гладков (*однокашник по разведывательному факультету КВОВУ, выпускался в 1975 году*). Куча эмоций, конечно, и огорчения по поводу того, что он следующим утром должен уезжать, а также потому, что не успел на наш последний прыжок. Володя рассказал о выпуске из училища, который, по его словам, был хуже, чем наш. Его направили на Дальний Восток.

Буль, купил тебе *Die Erde* (*немецкий словарь*) такой же, как тот, к которому в ВОКУ «приделали ноги» (*украли*). Пиши адрес – вышлю. Видел я и иллюстрированный словарь издательства Лейпциг, но, увы, не в магазине, а в личном пользовании у моего командира роты (*А.Л.Голубовича*). Очень хорошая штука, совсем почти новая, но отдать он мне его отказался.

До свидания.

Саид

20.10.75г.

г.Чирчик

Здравствуйте, дорогие мама и Ирина!

Чего же это вы, такие разэтакое, не пишете. Мама, ты, наверное, думаешь, что если побывала у меня в гостях, так это дает тебе полное право не писать полгода. Совершенно не интересуешься, как дела у сына. Хорошо ли, плохо ли. Я думаю, что ты сведения обо мне черпаешь из периодической печати, т.е. из окружной газеты «Боевое знамя» за 2 и 9 октября. А вообще, все газеты в этот период только и писали о парашютно-десантной роте капитана А.Л.Голубовича. Ну, а тот факт, что ты никак не отреагировала на все это, говорит о том, что окружную газету ты не читаешь и не знаешь, что творится в мире.

Ну, вот, пока и все. У меня все хорошо. В заметках, которые я высылаю, подчеркнутые фамилии – это ребята из моего взвода.

До свидания.

Сережа

Р.С. Мама, газетные заметки никуда не выбрасывай, а если есть возможность, то возьми целую газету с этими публикациями на работе.

* * *

26.10.75г.

г.Чирчик

Здравствуй, Буль!

Ну, наконец-то, получил от тебя письмо, которое ждал 3 с лишним месяца. Знаешь, честное слово, очень обрадовался, когда получил его. Сразу же перехотелось морду тебе набить, хотя, чем ближе было то время, когда я смог взять в руки это долгожданное письмо, тем острее было желание осуществить свою задумку. Смотри, а то, когда сам приеду, и вправду морду набью, благо научился не просто бить, а бить по науке, «чтобы сначала было больнее, а потом дурнее», это тоже учти.

О себе можно написать много. За прошедшие 3 месяца, как я тебе уже писал, совершил 7 прыжков из Ан-12, и еще раз убедился, что «лучше нету войск на свете, чем десантные войска». Очень понравилось прыгать из Ан-12, это намного лучше, чем из Ан-2. Всего совершил 12 прыжков, что в материальном отношении выразилось в 40 рублях, а в моральном – оценить трудно, т.к. прыжки закаляют и морально, и физически. На восьмом прыжке, кажется, был психологический барьер. Если это был он, то все-таки переборол себя, собрался. О деталях расскажу, когда приедешь.

В конце июля приехала мама и очень удивилась тому, что мы все такие худые, а по ее словам, «заморенные». При ней мы прыгали последние 2 прыжка. Прыжки из Ан-12 начинались обычно на рассвете, а уезжали на аэродром, как правило, в 3 часа ночи, и она все время, пока мы не возвращались, не спала. Хотел повезти ее на площадку приземления, чтобы посмотрела, но она в самый последний момент испугалась, не захотела. Вообще, почти каждый прыжок был с учениями, а на последнем -соревнования взводов. Я занял 6 место, хотя вполне могли занять и 3 место, но ерунда. Много из того, что было на учениях, писать нельзя, когда приедешь, расскажу.

Самое интересное началось потом. Когда вернулся с учений, зашел в комнату, мама расплакалась. Такой у меня был замученный и, возможно, несчастный вид. Только отмылся от пыли и грязи, только поужинал, открывается дверь, и слышу знакомый голос. Чей бы ты думал? Володи Гладкова. Радости и эмоций куча была. Жаль, что он не приехал на сутки раньше, а то бы мы ему показали наше десантирование. На следующее утро он уезжал, я поехал его провожать. Володя рассказал о выпуске, отметил, что он был хуже, чем у нас. Ему наш выпуск больше понравился. Проводил его домой. Направили его в Хабаровск, и вот недавно получил от него письмо, в котором он пишет, что занимается тем, что «слушает» и ничем другим не занимается.

Весь август напряженно работали, готовились к проверке, тем более, что вернулся с курсов «Выстрел» наш командир роты (*капитан А.Л.Голубович*), кавказский кадет, человек с широким размахом и большими организаторскими способностями, смог поставить все вопросы (*боевой подготовки и внутреннего порядка*) на должный уровень, с учетом нашей «специфики». В октябре

большинство номеров нашей «окопки» (*«Окопной правдой» в Чирчике называли газету Среднеазиатского военного округа «Боевое знамя»*) только про нас и рассказывало, и альбом роты «О нас пишут» значительно пополнился новыми газетными публикациями. Одно время каждый номер «Боевого знамени» все открывали с тщеславными мыслями: «А вдруг, еще что-нибудь напишут». Две заметки посылаю тебе. Обе из одной газеты. Одна о Феде (*Волох*), другая обо мне. «Спепифика» здесь, конечно, не раскрыта, но это и не нужно. Подчеркнутые фамилии – это мои ребята, а Вахтий – это Валера Бахтий, который приезжал к тебе в Ленинград. Он уже сделал себе дембельский альбом и через неделю уволится, а сейчас стоит со мной в наряде по КТП.

В самом начале сентября приехала моя сестра Ира и привезла несколько пачек сигарет «Союз-Апполон». Одну из пачек я отдал Бахтию. Все курильщики были в восторге.

19 сентября приехал Ющ (*Саша Ющенко, однокашник автора по СвСВУ, закончил инженерный факультет КВОКУ, в то время служил в Группе Советских Войск в Германии*) и как раз успел на свадьбу Феде, где я был свидетелем. Свадьба прошла хорошо.

Приехали молодые лейтенанты из КВОКУ, в основном, все нормальные ребята. Почти все живут у нас в Пятой квартире, за исключением Атаханова. Здесь же Саня Бабенко, который, если помнишь, еще в Киеве купил у тебя брюки. Это, по его словам, ты «мрачный и молчаливый». Он живет в моей комнате, где мы с ним построили импровизированный шкаф, в котором храним все свои «доспехи».

Забыл написать, что Ющ не доволен своей Германией и откровенно позавидовал нам. Вот так, дружище. Все познается в сравнении.

Игорь Ревин сейчас поехал с женой в Ленинград в отпуск. Я дал ему твой адрес. И пока Игорь в отпуске я живу у него. Посоветовал ему, что можно посмотреть в Ленинграде, где можно остановится. Дал ему кучу заданий.

Недавно получил письмо, из которого узнал, что в нашем полку прибыло – у Александра родился десантник (*сын Николай*), молодец Александр. Теперь пусть приезжает на следующее лето сюда к нам отдыхать.

До свидания.

Саид

* * *

17.11.75г.

г.Чирчик

Здравствуй, Буль!

Позавидовал тому, что ты в праздники отдыхал, а я отвечал за личный состав с 6:00 7 ноября до 6:00 8 ноября, а отсюда и вывод – пришлось спать в казарме, накрывшись десантной курткой. 8 ноября ходил в кино, так и провел праздник, но зато 9 ноября поехали с Бобом (*Сашей Бабенко*) в Ташкент. Сходили в «Голубые Купола» (*популярное кафе в центре Ташкента*), потом взяли бутылку коньяку, на это деньги всегда есть, ведь система Киевского ВОКУ, в этом плане, в нас выработала определенный динамический стереотип. Затем поехали с Саней к родителям его однокашника, с которым он вместе в

ВОКУ учился и который сейчас в Монголии, посидели у них и вернулись в Чирчик.

С 15 октября по 15 ноября у нас опять были сборы молодых офицеров, которые закончились учением. Где бы ты думал? В Кызылкумах. Доблестный офицерский корпус вышагивал по советским прериям, где не только на машине не подъехать, но и человека не встретишь. Встретили, правда, одного, когда нас выбросили, а потом на все 90 км. пути ни одного местного жителя. Так что не пригодилось знание языка «противника» Атахановым (*выпускник КВОКУ 1975 года, узбек по национальности*), который в мое командование во время этого учения, которое продолжалось сутки, упорно искал местных жителей в самых невероятных местах. И как досадно было, когда их там не оказывалось, и в следующее место ему уже не хотелось идти, но попробуй, не выполни приказ, и Атаханов опять несется в сторону от маршрута, хотя все убеждены, что там никого нет.

Буль, ты знаешь, в пустыне в ноябре не так уж страшно, солнце совсем не палит и даже идет дождь, а ночью такой «колотун», что никакие оборудованные места для отдыха не помогают. Час возился, чтобы оборудовать себе место, разжег костер, прогрел землю и т.д., но хватило всего этого на 2 часа, после которых вскочил и бегал вокруг общего костра пока не согрелся, потом нашел себе «пятачок под солнцем» и кое-как дожил до утра. А утром пошел снег, который шел весь день. Все промокли и продрогли, но не унывали, однако все-таки были рады радиогамме, которая приказывала закончить учение и вернуться в часть. Так что всех прекрас пустыни мы так до конца и не почувствовали, но все еще впереди, нам здесь служить долго. Зимой, говорят, пойдем в горы, тоже прекрасно, сплошная романтика. Только успевай впечатляться.

Буль, только сейчас узнал, что, возможно, в декабре-январе будут прыжки. Приезжай, и если не попрыгаешь, то хоть посмотришь, что это такое.

Ну, писать заканчиваю, а то неизвестно, сколько еще можно писать тебе это письмо.

До свидания. Пиши. Жду.

Саид

* * *

17.03.76г.

г.Чирчик

Здравствуй, Буль!

Приехал из отпуска в часть, а здесь рассказов об учениях, которые проходили с войсками, куча целая, не знаешь, кого слушать. По оценкам самых высоких начальников, все хорошо, хотя некоторые группы попались «противнику», некоторые не дали связь с Центром. В общем, показали мы нашим новым начальникам (*командование ТуркВО*), что мы собой представляем и что мы можем.

Только я посокрушался по поводу того, что я пропустил такое важное мероприятие, как меня буквально хватают за рукав на укладке парашютов и волокут в штаб (замечу, я не сильно упирался), вручают все необходимое, и я, озадаченный, уяснивший и оценивший, ночь готовлюсь, а утром уезжаю (*на*

очередные крупные учения войск ТуркВО). Вообще-то, можно было двое суток еще уяснять и оценивать (поставленную моей разведгруппе задачу), т.к. именно столько ехали в район ведения разведки поездом, офицеры-друзья по несчастью в купе, а солдатики в общем вагоне.

В самый женский праздник (8 марта) мне с моими бойцами пришлось, как у нас в ВОКУ говорили (основываясь на внешнем виде общевойсковых эмблем, которые носили все курсанты Киевского ВОКУ), «сидеть в кустах, сводить концы с концами и ждать Героя (Советского Союза)» – это я к тому, что форма одежды у нас была соответствующая (пехотная) и экипировка тоже. 8 марта, можешь себе представить, 10 часов пролежал на снегу, накрывшись плащ-палаткой, которую завалило снегом, и все смотрел (вел разведку наблюдением). И, что самое главное, все, что высмотрел, передал (в Центр).

Как-то «пехотные» мотоциклисты (войсковые разведчики) остановились в 20 метрах от нас. Мы слышали все, что они говорили, а они нас не заметили. Я уже распределил бойцам роли, кто кому должен «в глаз дать». Себе тоже выбрал одного, но все обошлось. А все потому, что они (войсковые разведчики) «мышей не ловят», как говорит Федя. Когда в течение нескольких дней давали информацию в Центр, у меня то и дело вырывалось: «Эх, пехота, не успеете добраться до такого-то места, как вас по нашей информации «разбомбят».

За Александра от всей души рад. (Женя Климович в своем письме коротко описал успешные действия группы спецназ Псковской бригады под командованием Александра в ходе учения войск Ленинградского военного округа, после чего начальник штаба округа приказал «расстрелять» Александра и всю его разведгруппу за то, что они полностью вскрыли дислокацию запасного командного пункта штаба ЛенВО, и он был признан уничтоженным «противником». Однако через некоторое время этот же начальник штаба ЛенВО сам лично наградил нашего однокашника по КВОКУ именными наручными часами). С Федей долго обсуждали это и пришли к выводу, что 7 рота КиевВОКУ начинает показывать себя. То, что Александр первая ласточка, делает честь нашей 7 роте, которую обычно характеризовали как «единственную в своем роде курсантскую роту в Вооруженных Силах СССР, в которой училось такое большое количество выпускников суворовских военных училищ».

Ну, чувствую, хватит тебя баловать.

До свидания.

Саид

* * *

26.3.76г.

г.Чирчик

Здравствуйте, дорогие мама и Иринка!

Извините, что так долго не писал, но на то были свои причины.

Дело в том, что не успел я приехать из отпуска, как меня сразу же отправили на учения, очень интересные и ответственные. Был я у самого Каспийского моря, в горах. Ехали туда и обратно в поезде. 8 марта, в самый праздник, мне пришлось пролежать на снегу в горах целых 10 часов. Можно было только переворачиваться с боку на бок, чтобы не отлежать бока.

Теперь только я по-настоящему оценил то, что в наших сухих пайках все продумано. Очень нужен сухой спирт, с помощью которого я, лежа на снегу, разогревал себе банки с консервами. Намучались здорово, но тем приятнее был успех. Недавно был разбор, мне поставили отличную оценку.

Несколько раз был в Ташкенте, но театр им.А.Навои еще на ремонте, а больше и ходить некуда.

Недавно смотрел постановку Ташкентского драмтеатра им.А.Горького «Забыть Герострата». Очень понравилось. Театр приезжал к нам, в Чирчик, в ДК «Химик» выступали. Вообще-то, они постоянно приезжают, надо будет чаще ходить.

Пока все. Извините, что не поздравил вас с 8 марта.

До свидания.

Сереза

7.05.76г.

г.Чирчик

Здравствуй, Буль!

Скоро наша Пятая квартира значительно освобождается. Уезжают (*в Капчагай*) Ревин, Боев, Ершов, Боб и еще один парень из последнего выпуска. Как ни странно, но я и Рафик, а также некоторые другие специалисты нашего уровня (*имеется в виду наш китайский язык*) остаемся служить здесь, а уезжают вместе с нашими коллегами те, которые совершенно об этом не думали. Трудно объяснить, чем это обусловлено. Со временем, конечно, пойдем замысел Командования, но на прямой вопрос по этому поводу наши московские отцы-командиры образно ответили, чтобы «держали свои языки (*иностранные*) за зубами, они нам еще будут нужны и на службу не повлияют». Прыгать они (*капчагайцы*), наверное, будут здесь, так что еще успею посвятить Боба в парашютисты после его первого прыжка. Очень не хотелось бы, чтобы он уезжал. Хотя он немного и не собранный, но все-таки привыкли мы друг к другу.

Относительно твоих служебных дел... могу дать совет: не подавай повод, чтобы тебе предъявляли какие-либо претензии твои командиры, т.к. при назначении, например, на должность, которой ты, возможно, достоин больше, чем кто-либо, обычно вспоминают те мелочи, которые и не характеризуют человека, но имеют, порой, решающее значение.... Есть моменты, когда нужно показать товар лицом, и, чем больше служу, тем больше убеждаюсь в этом. Глаза на это открыл мне Голубович. Можно работать с отдачей на 100%, и даю все 100% на то, что никто этого не заметит и не оценит, но в ответственный момент надо уметь «преподнести, показать свой труд» (слова Голубовича), иначе ничего не добьешься. При этом, как мы с тобой говорили, «без всякого пресмыкания, без подбострастных взглядов», это само собой разумеется.

У меня в этом плане был весьма показательный пример. Перед весенней проверкой весь политический отдел навалился на меня с намеками по поводу того, что у меня на груди совершенно отсутствуют всевозможные регалии, в смысле ордена и медали. Значков об окончании много, а другого нет. Каждый подходит, похлопает по плечу, укажет на место на груди, где надо будет проколоть дырку. Большинство указывало на место над кадетским значком, но

я совершенно не придавал всем этим намекам значения, относил это к ничего незначащим разговорам.

Однако вдруг узнаю, что мой взвод по политической подготовке будет проверять командир части (*подполковник В. Колесник*), в то время как других проверяли только офицеры штаба. Уже потом, анализируя последние события, я понял, что он захотел лично посмотреть, что я собой представляю. Все было хорошо, ребята отвечали неплохо, но не было наглядных пособий, что и послужило причиной того, что он поставил взводу четверку. Командир с некоторым сожалением сказал, что ему меня характеризовали несколько в ином плане. Он думал, что у меня все исключительно, а тут, оказывается, наглядных пособий мало. Видишь, какое значение имеет умение «показать».

...Здесь (*в бригаде*) приходится работать, как коню, – это ты знаешь. Много своих издержек и много другого, что быстро лишает любого всяких иллюзий романтики, с которыми сюда приходит большинство, но то, что здесь занимаются делом – это точно. Бирками (*изготовлением бирок для снаряжения и имущества солдат, да и офицеров*), тапочками (*имеется в виду заниматься «добыванием» прикроватных тапочек для солдат роты*) и движением под кодовым названием «декоративный фанерит» (*шутливое выражение, которое в Киевском ВОКУ означало облицовку декоративной фанерой казарменных помещений в армии*) тоже страдаем, потому что быт свой надо же устраивать, сам видел наши конюшни (*Чирчикская бригада специального назначения располагалась на том месте, где в 40-х - 50-х годах на самом деле находились конюшни одного из кавалерийских эскадронов Советской армии*).

...Отношения в части характеризует то, что «товарищем лейтенантом» меня, например, называют только в строю или те, кто не знает, как меня зовут, а все мои начальники, вплоть до комбата, не иначе, как «Сережа, а при солдатах «Сергей Александрович»...

Посмотри подшивку «Кр.звезды» с середины апреля. Она публикует фотографии десантников в маскировочных халатах из ТуркВО – это наши. А рота ст.л-та А.Тимченко – это бывшая рота А.Голубовича, ст.с-нт Абилов – мой зам.ком. взвода. Последняя публикация в «Красной звезде» за 8 мая, на первой странице.

Пока все. До свидания. Пиши. Жду.

Саид

P.S. Буль, есть к тебе просьба, пиши разборчивее, отдельные слова приходится выносить на совет Пятой квартиры.

* * *

20.6.76г.

Кашкадарьинская обл.

(УзССР)

Здравствуйте, дорогие мама и Иринка!

Наконец-то, выбрал время написать вам. За этот месяц, который я не писал, произошло ужасно много событий, которые в большинстве случаев и были причиной того, что я не писал.

Во-первых, ездил на соревнования по офицерскому многоборью. Пришла телеграмма из округа, которой вызвали на соревнования троих офицеров из нашей части, и одним из них был я. Не хотелось ехать, но пришлось. Не хотелось потому, что далеко, в Термез – это на границе с Афганистаном, самая жаркая точка СССР. И это правда. На себе почувствовали, но все-таки выступили неплохо. Я, наконец-то, сделал 1 разряд, хотя готовился мало. Приехали с соревнований как раз в мой день рождения. Саня Бабенко уже ждал, собрались у нас в комнате, выпили немного, разговаривали до 2-х часов ночи.

8 июня у нас должны были начаться прыжки с парашютом. Уже начали готовиться, как вдруг мне говорят, что отправляют на целину. Не хотел я ехать, да и не должны были меня отправлять. Но все-таки решили отправить меня. С одной стороны, плохо, конечно, что занимаюсь здесь не своим делом, а с другой, - это доверие, которое оказывают не каждому. Командир части так и сказал, что отправляют меня на целину, учитывая мои деловые качества.

Дали мне в заместители прапорщика Озорнина, и начали мы с ним работать. Получили имущество на взвод и 23 машины. 4 июня погрузили все это в эшелон и поехали в Самарканд. Приехали 6 июня, разгрузились и прибыли к месту, где формировалась наша целинная рота. Пока стояли в Самарканде, один раз с Озорниным были в городе, посмотрели Регистан.

15 июня выехали в Кашкадарьинскую область и приступили к уборке. Работы много и шоферам, и мне, т.к., кроме 23 машин, еще 33 человека солдат. Из них 21 призваны из запаса, некоторым уже больше 30 лет. Работать с ними приходится не так, как с солдатами, т.к. это не военные люди, хотя каждый из них служил когда-то в армии. В этом отношении трудно, конечно, да и условия жизни здесь ниже средних. Живем или в палатках, или в школах. Матрацы лежат прямо на земельном полу.

Но это все ерунда. Единственное, что меня угнетает, так это то, что наши там, в Чирчике, сейчас прыгают, делом занимаются, а мне приходится с машинами копать...

До свидания.

Сережа

* * *

23.6.76г.

Кашкадарьинская обл.

Здравствуй, Буль!

Вот и мне выпала честь испытать все прелести целины. Да, до сих пор не могу поверить, что присутствую на целине (обращаю твое внимание на то, что не «работаю», а «присутствую», работал я в части). До сих пор меня мучает одна и та же мысль, что меня, боевого командира, заставили заниматься делом, которое не только не привлекает меня, а наоборот, так тяготит меня, что я считаю каждый день своего пребывания здесь и считаю месяцы, которые придется провести в этой пустоте. И это в то время, когда в части прыжки, когда предстоят крупные учения. Вспомнишь об этом, и на глаза наворачивается скупая мужская, но все-таки слеза.

А все так хорошо начиналось. В конце мая телеграммой из округа меня и еще двух ребят вызвали на соревнования по офицерскому четырехборью в Термез – это самая жаркая точка СССР на юге Узбекистана. Там я все-таки выполнил норму 1 разряда. Теперь у меня два первых разряда. Еще один по легкой атлетике, который я сделал в прошлом году. По моим планам, должен был в этом году сделать первый разряд по парашютному спорту, но судьба распорядилась иначе, и приходится повышать свои технические знания.

Вернулись из Термеза 24 мая, а дома Боб был уже наготове, я тоже кое-что привез, ну а для коллег нужен только повод. Посидели, поговорили о ВОКУ, вспомнили былое. Буквально на следующий день мне сказали, что поеду на целину. Зная твои отзывы о целине, сразу же попытался отказаться, но никого не интересовало мое желание. Даже тот факт, что я секретарь парторганизации роты не помог мне. Все-таки пришлось ехать. С одной стороны, хреновато, конечно, а с другой, - доверие, которое оказывают не каждому. Однако, как я понял, когда приехал на целину, таким образом на целину смотрят только в нашей части, а в остальных частях сюда пихают тех, кто не нужен там. Хорошо, что хоть меня не столкнули, а оказали доверие. Сам слышал, что командир сказал, когда обсуждалась кандидатура другого офицера: «Этот тюфяк, не справится». Здесь меня успокаивает мысль, что обо мне так не думают, что не спихнули, а доверили, и если бы этого не было, то, наверное, умер бы с тоски, т.к. каждый день для меня длиннее недели. Каждое утро подсчитываю, сколько еще осталось, и ставлю себе задачу выдержать еще 4 месяца. Не знаю, как это у меня получится, ведь 20 дней, которые я здесь, целая вечность.

Дали мне зам. ком. взводом прапорщика из нашей части Лешу Озорнина – это уже легче... Рота формировалась под Самаркандом. За то время, которое мы там стояли, один раз ездили в Самарканд. Вообще, город стоит того, чтобы специально съездить и посмотреть. За день ничего не увидишь, нужно минимум три дня. Так что в следующем году надо будет спланировать поездку в один из древнейших городов мира. Зашли с Лешей в ресторан «Юбилейный». Очень понравилось, или, может быть, это только на контрасте с теми условиями, в которых нам приходилось жить. Выпили бутылку сухого вина, тоже очень понравилось. Вообще-то, я на время целины объявил себе сухой закон. Не знаю, как будет дальше, но пока мне удастся не пить. Все здесь думают, что я совершенно не пью, так жить легче, иначе будешь пить целыми днями вместе с другими, сам ведь знаешь.

В «Красной звезде» ищу твою «физиомордию» под рубрикой, рассказывающей об учении «Север», но ничего пока не нашел, а может быть, пропустил, ведь пресса сюда идет весьма плохо. Ужасно завидовал тебе и страстно желал попасть куда-нибудь туда, в самые скотские условия (учений), но подальше отсюда, от этих запчастей, бензина, масел и т.д.

До свидания.

Саид

* * *

28.6.76г.

Кашкадарьинская обл.

Здравствуйте, дорогие мама и Иринка!

Уже чаще стало появляться свободное время, т.к. немного освоился, теперь писать буду больше, хотя ответы начну получать, только когда приедем в Казахстан. Сначала думали, что здесь надолго не задержимся, а оказалось, что стоять будем до 10 июля.

Что написать о своей жизни? Начинаю потихоньку втягиваться. Уже знаю, где можно потребовать, а где нельзя, т.к. бесполезно. Уже есть кое-какой опыт. Живу со своим заместителем Лешей (*Озорниным*) в палатке. Нам нравится. Можно было, конечно, поселиться, как и солдаты, в школе, но школа здесь хуже сарая, поэтому в палатке очень даже хорошо. Питаемся из общего котла, благо что повар хороший, готовит неплохо.

Солдаты из запаса, все из Самарканда, поэтому иногда привозят из дома, куда я их отпускаю за запчастями, помидоры, огурцы, яблоки, чеснок. Чеснок едим за каждым приемом пищи, а с ним можно хоть черта съесть, сами знаете. Благо женщин здесь нет, стесняться некого.

Надо видеть, как здесь люди живут... Самое страшное в том, что они и не стремятся жить лучше. Живут, как жили их деды и прадеды. Хотя перед домом, если это можно назвать домом, стоит комбайн, трактор или даже «Жигули».

Единственная цивилизация – это райцентр, куда ездили один раз в баню. Там купил 2 книги «Порт-Артур», за которыми у нас в Чирчике все гонялись, а здесь свободно стоят. Высылаю их вам.

Посмотрел я, как у нас убирают хлеб. Да, сложная это работа, особенно, здесь в Узбекистане, где все надеются, что за них будет работать какой-то дядя, а они будут чай пить. Говорят, что в Казахстане дело поставлено на более серьезную основу, там, чувствуется, что люди работают, а не сачкуют. Главное, что здесь невозможно навести порядок, т.к. «рука руку моет». Все связаны между собой родственными узами, и никто никого не может заставить работать, тем более наказать. Вот это и выливается в то, что порой свое разгильдяйство стараются прикрыть спинами других. Но мы тоже не мальчики, просто так, голыми руками нас не возьмешь (*имеются в виду несколько случаев, когда администрация местных колхозов пыталась «подставить» военных целинников и за наш счет решить свои сугубо корыстные задачи*).

Ну, пока все. До свидания. Пишите.

Сережа

* * *

29.7.76г.

с.Приречное

(Теректинский р-н, Уральской обл.)

Здравствуй, Буль!

Долго не писал тебе и от тебя не получал писем целую вечность, но теперь свои координаты знаю точно и, думаю, что скоро получу от тебя письмо

листов на «шевернадцать» с описанием всего, что с тобой приключилось, начиная с учения «Север».

Что тебе написать о целине, если ты сам все прекрасно знаешь. Когда приехали сюда, в Уральскую область, еще больше начинаю понимать, почему Узбекистан называют «диким краем». Просто диву даешься, когда смотришь, как люди живут, например, в Кашкадарьинской области Узбекистана. Знаешь, что можно жить лучше и намного лучше, но из-за своей аморфности люди живут так же, как жили их деды и прадеды, хотя работают механизаторами всех профилей. Совсем другое дело здесь, в Уральской области, сразу чувствуется Россия. Села аккуратные, дома кирпичные с паровым отоплением, в каждом селе баня...

О своем командирстве на целине можно писать много, но не хочу, т.к. боюсь сглазить. Командир роты, вроде бы, неплохой мужик, майор. Командиры взводов тоже ребята нормальные, все капитаны, которых я называю «обветренными как скалы», только единственный недостаток у всех – это пьянство. Я сумел застраховаться от этого тем, что внушил всем, что совершенно не пью, чему сначала почти не верили, но сейчас зато легче жить.

Слышал, что наши уехали в Капчагай, и Боб вместе с ними. Не знаю, как там будет, но, наверно, в свой десятидневный отпуск (*который положен офицеру после возвращения с целины*) съезжу к ним, посмотрю, как они там устроились.

До свидания.

Саид

* * *

31.7.76г.

с.Приречное

Здравствуйте, дорогие мама и Иринка!

Так приятно было в этой глуши услышать ваши голоса по телефону, поговорить с вами. Настроение сразу же улучшилось намного, и теперь под впечатлением этого разговора буду ходить долго.

20 июля погрузили в эшелон все наши машины и людей и поехали сюда, в Уральскую область. Здесь, так же как и там, солдаты живут в палатках, а офицерам построили халабуду из камыша, поставили туда койки и называли это палаткой для офицеров. Вообще-то, в ней не холодно и не так сыро ночью, и не жарко днем. Лагерь наш стоит в километре от деревни, в которой есть все магазины, начиная от продовольственного и кончая книжным, баня, столовая, клуб. Во всех отношениях здесь намного лучше, чем там, в Узбекистане, где мы стояли...

Получили ли вы бандероль с «Порт-Артуром»?

До свидания. Пиши.

Сережа

* * *

15.8.76г.

с.Приречное

Здравствуй, Буль!

Ты знаешь, я так обрадовался, когда получил твое письмо. Во-первых, потому, что это было письмо от тебя, во-вторых, потому, что это было первое за два с лишним месяца письмо, первое письмо за мою целину, и еще можно много доводов привести в пользу твоего письма. Когда мне наш почтальон вручил твое письмо, у меня невольно вырвалось: «Буль есть Буль!» - что вызвало недоумение на лице почтальона, который, конечно, ничего не понял, но, как говорил наш командир роты в училище Емельянов, «но мы-то с тобой все знаем...». Есть у меня одна целинная фотография, которую ты, наверно, сразу же нашел в конверте. Эта фотография предназначалась тому, кто первый пришлет письмо. Как мне ни хотелось отослать фотографию домой, но высылаю ее тебе. Такая же фотография, только раза в четыре больше была в стенгазете целинного батальона с надписью: «Лучший командир взвода 4 роты лейтенант...». Звание «лучший», правда, никто официально не засвидетельствовал, но, как говорил Батя Будянский (*однокашник по Киевскому ВОКУ*), «мелочь, а приятно». Знаешь ведь, как у нас делают стенгазеты, когда они очень нужны. Вот и стал лучшим, хотя до этого далеко.

Видно, что давным-давно не получал от тебя писем, т.к. сначала совершенно не мог разобрать твои каракули (*почерк у Буля действительно очень непонятный*), но потом все-таки потихоньку восстановил утраченные навыки и с середины письма дело пошло лучше. Я удивил всех своих «коллег по целинному несчастью» объемом твоего письма (*письмо было на 72 страницах*), многим здесь трудно было поверить, что кто-то получает такие объемные письма, еще труднее верилось в то, что кто-то пишет такие письма. Когда же я сказал, что это далеко не предел, что бывало и хуже (54 листа, или 108 страниц, были присланы ценной бандеролью ценою в 10 руб.), некоторые почему-то задумались.

...когда начали наводить в роте (*воинский*) порядок (*и дисциплину*), многим это не понравилось, и однажды солдаты в знак протеста отказались ужинать. Когда мне сказали, что мои (*мой взвод*) вместе со всей ротой не ели, пошел разбираться. У палаток увидел гудящую толпу человек 35, которая была готова сделать все, что угодно. Тут-то и пригодилось искусство убеждать, которому больше всего научился в ВОКУ. Да разве эта, даже самая организованная на самое плохое толпа, может сравниться с одним офицером ВДВ по способности убеждать. Когда подходил к ним, думал, что или я их всех сразу «разложу на лопатки», или они из меня сделают что-то бесформенное. Когда уходил, отозвал в сторону своего сержанта и начал с ним говорить охрипшим от крика голосом, он голосом полным обреченности сказал, что, если мне удалось убедить полроты, то одного его мне без труда удастся убедить. Это все пишу к тому, что хочу сказать, что всегда можно обойтись без рук, хотя, вообще-то, нервы иногда берут верх, но волю им давать не надо.

До свидания.

Саид

* * *

17.8.76г.
пос.Приречное

Здравствуйте, дорогие мама и Иринка!

Вчера получил от мамы письмо, так стало приятно, ведь это первое за всю целину письмо из дома... У меня здесь появилась первая целинная фотография, которую я решил выслать тому, кто первый пришлет письмо. Выслал ее Жене (*Климовичу*), т.к. он первый прислал письмо на 72-х страницах, хотя мой адрес он получил на 10 дней позже вас. Потом прислал письмо дедушка, а уж потом я получил мамино письмо...

Как мы здесь питаемся? Очень просто. Из солдатского котла. Кормят неплохо. Кроме того, купили себе керогаз и жарим то яичницу, то картошку. Так что не голодаем. Единственное, чего здесь нет, так это фруктов и овощей, к которым привык в Чирчике.

Да, мама, ты права, отвык я уже от Чирчика, вернее привык к целине, а еще точнее, свыкся с мыслью, что я на целине. Много времени понадобилось для этого, ровно полтора месяца. Теперь уже легче. Недавно получил письмо из нашей части (*от начальника автомобильной службы бригады капитана М.М.Хайдарова*). Пишут, что сформировали еще один взвод на целину и командиром назначили того парня (*лейтенанта Н.Земского*), который больше всех смеялся над нами, когда мы уезжали на целину.

Ну, пока все. До свидания. Пишите скорее, еще успею получить ответ до отъезда отсюда.

Сережа

20.9.76г.
пос.Краснодольск
(*Келлеровский район Кокчетавской области*)

Здравствуй Буль!

Уже почти месяц никому не писал. Просто настроение было такое, что ничего не хотел делать, хотя тебе я написал большое письмо, которое отправил из Приречного. Неужели ты его не получил?

Что написать о себе? Ты знаешь, все так опротивело. Ты понимаешь, о чем я говорю. Не могу даже думать о своей теперешней работе без содрогания. Хоть самая большая часть моей целинной эпопеи уже позади, но впереди самая трудная половина. Не знаю, на чем держусь. Наверное, на том упрямстве, которое ты всегда относил к моим недостаткам, однако теперь сам видишь, что «нет худа без добра».

Самое интересное событие последнего месяца – это моя поездка домой. Вообще-то, я давно уже хотел, тем более, что из Уральской области не очень далеко, а главное удобно лететь... Готовился к этой поездке еще в Приречном, и х/б с тех самых пор лежало в чемодане выстиранное и нетронутое. Предметы особого внимания – берет и тельняшка, ну, а сапоги – это, само собой разумеется. Посмотрел на себя в зеркало, и невольно вырвалось: «Красавец!» – как у Шукшина в кинофильме «Калина красная».

Вид портил только большой и тяжелый чемодан, но зато приятно было сознавать, что он почти полностью набит книгами, которые накопил в Уральской области (на 37 руб.). Большинство из них по искусству. Диву приходилось даваться, когда видел, какие книги годами там лежат, и никто их не берет. Уже порванные, затасканные, но очень ценные. Приедешь, посмотришь. До сих пор не могу себе простить, что не просмотрел одну единственную полку с детской литературой, а там оказалась книга «Рембрант, Гойя», которую взяла одна woman, тоже приезжая. Ну, ничего, успокаивает только то, что все их все равно не купишь. На целую страницу ушел в сторону от повествования о поездке домой, но ведь, сам знаешь, что книги стоят и не только одной страницы письма. О них можно писать без конца, только читать сейчас некогда.

Следующим вечером после приезда домой пошли в ресторан «Центральный» и сидели почти за тем же столиком, что и в тот раз, когда ходили с тобой туда. Помнишь? Хорошо провели время.

После возвращения из дома к моим целинным делам живу на квартире, т.к. другого места в том колхозе, где мы стоим, для меня нет. Именно сейчас очень жалею, что ты не на моем месте. Нет, ты не подумай, что я тебе желаю худа. Дело в том, что мои хозяева, если их так можно назвать, - немцы. Каждый день от них можно слышать что-нибудь на русском, очень много на украинском, т.к. они приехали сюда с Украины, и столько же на немецком. Ты с ними сговорился бы. Если относительно украинского я их успокоил, то немецкий далеко не мой язык, хотя другие тоже начинаю забывать. На стенах у них ковры с надписями, сделанными в готическом стиле. Читают, и даже очень часто Die Bibel (*Библию*). Так, что тебе здесь было бы очень интересно.

До свидания.

Саид

* * *

30.10.76г.

с.Семаковцы

(Городенковский р-н, Ивано-Франковской обл.)

Здравствуйте, дорогие мама и Иринка!

... Из Кокчетавской области уехали 15 октября и на восьмые сутки пути приехали в Западную Украину. Ехали через Свердловск и Киев. В Свердловске позвонил Ире (*Вагиной, свердловской знакомой автора*). У нее три месяца назад родилась дочка. В Киеве видел дом и балкон Саши Ющенко, когда поезд проходил мимо.

Выгружались на станции Коломыя Ивано-Франковской области. Расположились мы в 50 км от Коломыи, почти на самом берегу р.Днестр. Вроде бы, везде был, а вот, на Гуцульщине впервые. Что можно написать? Люди живут здесь намного лучше, чем даже в Узбекистане. Нет, не богаче, но лучше. Культура выше намного, аккуратные домики, кажется, только вчера выстроенные, хорошо отделаны снаружи, внутри на стенах оригинальный, и в каждом доме свой, накат.

Очень помогает мне то, что я говорю по-украински. Многие даже не верят, что я русский. А один учитель из местной школы так и не поверил, пока не показал ему свое офицерское удостоверение. Язык дает мне много, ведь все вопросы приходится решать самому, т.к. стоим отдельно от роты, поэтому все, начиная от картошки с мясом и кончая заправкой и обслуживанием машин, в моем ведении. Быстро привык к местным интонациям и с каждым разговариваю только по-украински, чем заслужил уже уважение у местного населения.

Что удивило всех, так это то, что здесь очень богатые магазины как продуктовые, так и промтоварные. Например, два сорта копченой колбасы в магазинах – это уже плохо. Обычно больше...

Самое главное я не написал. Мы приехали сюда убирать свеклу, чего, конечно, никто не жаждал, но что делать. Людей нагнали сюда очень много, серьезно взялись в этом году за свеклу. Не знаю, сколько, но меньше месяца мы здесь не будем. Надеюсь, что к середине декабря будем дома.

Ну, пока все. До свидания.

Сереза

* * *

13.11.76г.

с.Семаковцы

Здравствуй, Буль!

Наконец-то, получил от тебя письмо, но так и не понял, получил ли ты мое письмо, которое я писал из Уральской области. Вот сейчас перед тем, как взял в руки твое письмо, хотел много сделать, сказал солдатам немного подождать, но, когда «впился глазами» в письмо, то сразу все отошло на второй план, даже перед солдатами не удобно. Бросил все и сел писать тебе.

Да, моя нынешняя целина – это «Повторение пройденного» тобой. Теперь я очень хорошо понимаю, почему твои мысли постоянно крутились вокруг твоей целины, даже в бассейне ты не мог о ней забыть. Целина забрала у нас целый кусок жизни. Знаю, что за эти полгода я не продвинулся в профессиональном отношении ни на шаг. Во-первых, не сделал ни одного прыжка, хотя рассчитывал выполнить 1 разряд по парашютному спорту. Во-вторых, мой опыт управления (*разведывательными подразделениями специального назначения*), а у нас, сам знаешь, это очень сложно, остался на том же уровне, что и был, если вообще не растерял его. Да, и многое, очень многое ушло с этой целиной. Сейчас подсчитать и взвесить очень трудно, да и не в конкретных цифрах дело.

Единственное, что я приобрел здесь, так это опыт работы с личным составом. Еще одно, за что я все-таки благодарен целине (надо же быть объективным) – это за то, что здесь я приобрел такие черты характера, которых у меня совсем не было или были зачатки. Хоть ты меня считал упертым и твердым, но я таким не был – это точно, а скорее был, но не в такой степени, как нужно. Теперь стал железным, не как Феликс (*Дзержинский*), конечно, но все-таки.

Еще целина научила меня работать. По старой училищной привычке я, где можно, сачковал, хотя и любил свою работу. Теперь же на целине работаю так, как будто меня стимулировали рублем. А ведь работать приходится не столько с машинами, сколько с людьми. С ними-то приходится работать в первую очередь. Честное слово, время свое не жалел постоянно контролировал, проверял, часто не спал, но расслабиться им (*солдатам своего целинного взвода*) не давал и все-таки никогда не был уверен, что кто-то что-нибудь не «выкинет». Ну, ладно, не буду об этом. Общими фразами много не скажешь, а на конкретные факты просто времени нет.

Буль, ужасно быстро летит время. Это же надо, уже 6 рота (*разведывательного факультета Киевского ВОКУ, выпускалась из училища в 1976 году*) командует (*в войсках*). А ведь, кажется, совсем недавно (*в январе 1972 года*) я (*будучи во время каникул в Свердловском СВУ*) разговаривал с (*суворовцем Свердловского СВУ*) по фамилии Ли, который с виноватым лицом (*из-за совершенного им какого-то дисциплинарного проступка*) стоял перед Н.П.Рогаткиным (*командир роты суворовцев в СвСВУ в бытность обучения автора в СВУ, а в последующем, в 1972 году, и командир роты у суворовца Ли, о котором речь идет в письме*), которого я просил забыть этому юному суворовцу его грехи и направить в Киевское ВОКУ (*в общем говоря, речь в данной части письма идет о том, что еще, казалось бы, совсем недавно суворовец Ли учился в СвСВУ и нарушал дисциплину, но вот прошло совсем немного времени и он в 1976 году закончил 6 роту Киевского ВОКУ и уже, так же, как и его однокашники, командует где-то в войсках своим личным составом*).

Да, недавно в «К 3» (*газета «Красная звезда»*), в передовой статье отмечалось наше дважды Краснознаменное (*Киевское ВОКУ*) среди лучших (*военных училищ страны*). Мелочь, а приятно. У нас (*в 15 обрСпН*), наверно, тоже много из 6 роты (*КВОКУ*). Может быть, даже в нашей роте (*специального назначения 15 обрСпН*) будут ее выпускники.

Сейчас, после смерти в Китае Мао Цзэдуна, упорно слежу за страной «наших друзей». Что будет дальше, неизвестно, и газеты молчат, а больше не от куда взять сведения. Не хочу говорить всем известной фразой о том, что, может быть, мы тоже пригодимся. Но есть надежда, что вспомнят о том, что есть такие универсальные специалисты, хотя, что я могу сейчас показать после того, как побывал здесь. Ну, посмотрим. А времени (*на целине*) все-таки потеряно очень много.

Ну, пока все. До свидания.

Пиши уже в Чирчик.

Саид

* * *

31.11.76г.

с.Семаковцы

Здравствуйте, дорогие мама и Иринка!

... Праздник Октября провели очень хорошо, весь день работали еще больше, чем в обычный день, я уже не говорю о 8 ноября – это, само собой разумеется. Да, это и лучше, ведь чем быстрее вывезем эту опостылевшую

свеклу, тем быстрее уедем. Сейчас уже, кажется, конец работы виден. Говорят, что 28 ноября последний день работы, а дня через три после этого уедем. До Самарканда будем ехать где-то 2 недели.

... 30 ноября грузимся и едем в Самарканд.

До свидания.

Сереза

* * *

8.12.76г.

с.Семаковцы

Здравствуйте, дорогие мама и Иринка!

Наконец-то, подходят к концу наши целинные мучения. Уже 8 суток едем с Украины. Завтра к обеду должны приехать в Самарканд. Там разгрузимся и будем сдавать машины, что мне кажется, будет самое трудное. Где-то числа 15-16 декабря сдам машины, и поедем домой...

Главное то, что скоро будем дома. Знаете, мне и раньше Чирчик очень нравился, но после этой скотской целины я еще больше полюбил его. Уже очень хочется скорее вернуться в часть, узнать все изменения и новости. За целину мне положено будет 10 суток отпуска. Наверно, сразу же приеду домой.

Не знаю, как там будет, но, возможно, в январе возьму отпуск за 1977 год, хочется отдохнуть. В общем, приедем в часть, узнаем все, что нужно. Надо будет еще с Женей (*Климовичем*) созвониться и договориться с ним относительно отпуска. Кажется, он собрался жениться на своей целинной алмаатинской знакомой.

Ну, вот пока и все. До свидания.

Пишите.

Сереза

* * *

27.02.77г.

г.Чирчик

Здравствуй, Буль!

Не успел приехать (*из отпуска из Ленинграда*), как сразу же «загремел» в наряд, но зато есть возможность написать всем письма...

... в тот же вечер уехал в Москву, там сходил в Третьяковку, поехал в гости к Олегу (*Кривопалову*), а на следующий день за праздничным столом встретился с Бахтием и Зариповым (*бывшие чирчикские подчиненные автора, в это время учились в Москве*). 25 февраля был уже в Чирчике.

До свидания.

Саид

* * *

15.4.77г.
г.Чирчик

Здравствуйте, дорогие мама и Ирина!

... О себе могу написать только то, что сейчас очень много ходим в наряды. С 7 апреля начались прыжки. Уже сделал 4 прыжка, из них два – вчера, а сегодня стою в наряде.

Сережа

* * *

23.05.77г.
г.Чирчик

Здравствуйте, дорогие мама и Ирина!

... в апреле у нас были прыжки, и я сделал 6 прыжков. Это хорошо, теперь у меня уже 23 прыжка. В июне-июле опять будут прыжки, попрыгаем. 1976 год мне засчитали как льготный, и теперь у меня в сентябре этого года, вместо трех лет службы, будет 4,5 года выслуги.

Сережа

* * *

28.5.77г.
г.Чирчик

Здравствуйте, дорогие мама и Ирина!

День рождения свой отметил хорошо. Вечером, после работы, собрались в моей комнате, посидели, выпили немного. Офицеры батальона подарили мне бритву электрическую.

Сейчас работаю в роте молодого пополнения, готовим их к прыжкам. Целыми днями торчу на парашютной вышке и бросаю их оттуда, тем самым вырабатываем у них «высокий моральный дух». Прыжки у нас начнутся с 6 июня.

Сережа

* * *

26.7.77г.
г.Чирчик

Здравствуйте, дорогие мама и Ирина!

... 9 июля у Жени Климовича была свадьба, и я решил съездить. Свадьба была в г. Панфилов – это почти на границе с Китаем. 8 июля сел в самолет и полетел в Алма-Ату, а оттуда 9 часов на автобусе. Автобус шел через г. Капчагай, где я встретил Володю Сомова, с которым учился в Киевском ВОКУ, в одном взводе. Он тоже ехал к Жене на свадьбу. Всю дорогу с ним проговорили.

Приехали в Панфилов, когда молодые уже зарегистрировались и уехали кататься. Ну, потом, конечно, бурная встреча и сама свадьба, на которой я был

свидетелем. Свадьба очень понравилась. Утром мы сели в самолет и улетели в Алма-Ату, а оттуда в Ташкент, и в понедельник я был уже на работе.

Прыжки уже закончились. Всего в этом году прыгнул 11 прыжков, и теперь у меня 28 прыжков.

Ну, пока все. До свидания.

Пишите, приезжайте.

Сереза

* * *

11.9.77г.

г.Чирчик

Здравствуй, Буль!

Наконец-то, выбрал время написать тебе, но его в самом деле не было, т.к. с середины августа и до начала сентября с Сашей Чубаровым ездили в Ташкент, подбирали себе (*в бригаду*) молодежь. Сам знаешь, люди у нас должны быть очень хорошими, поэтому совсем не жалеют рабочего времени двух наших офицеров, которые ездят по военкоматам Ташкента и ведут работу по отбору. Сначала по документам, потом беседы с каждым призывником, конечно, без всяких объяснений относительно нашей специфики. Если бы везде у нас делалось так, то было бы хорошо. После Ташкента работали в Ангрене – это 110 км. к югу от Ташкента. Уже начали готовиться к проверке.

Федя со дня на день собирается стать отцом.

Пока все. До свидания.

Саид

* * *

27.10.77г.

г.Чирчик

Здравствуйте, дорогие мама и Ирина!

... У Феди Волоха 2 дня назад родилась дочка.

Сереза

* * *

9.11.77г.

г.Чирчик

Здравствуйте, дорогие мама и Ирина!

Сегодня шел на обед, зашел на почту и получил письмо от Иры. Ну, наконец-то, «лед тронулся, господа присяжные заседатели», Ира написала мне. Недавно получил письмо от дедушки, они с бабушкой тоже обижаются, что не пишете.

Сейчас команду ротой молодого пополнения. Трудновато, но ничего, справляюсь. Опыт-то все-таки есть. Праздники провел в служебных заботах. 6 ноября до 24:00 был в роте. 7 ноября был в патруле по части и опять же провел все время в роте. Утром вспомнил, что ровно 10 лет назад (*будучи суворовцем Свердловского СВУ*) впервые участвовал в первом в жизни параде,

посвященном 50-летию Октября. Кажется, совсем недавно это было, но как быстро прошли эти годы, и сколько знаменательных событий было за это время: Свердловское СВУ, Киевское ВОКУ, здесь уже 3 года. Вечером, 7 ноября, была в части общая вечерняя проверка, в которой должны были участвовать все офицеры части. Пришел домой где-то в 11 часов и вспомнил, что праздник уже прошел, а дома даже выпить нечего, так закрутился, что даже не подумал об этом. Лежал, лежал на кровати, слушал музыку и решил написать письмо Жене Климовичу. До 2 часов ночи 8 ноября писал ему письмо.

В остальном у меня все нормально. На 7 ноября стояла такая погода, что казалось будто бы не ноябрь вовсе, а 1 мая. Как вы отметили праздник? Дедушка просил выслать вторую книгу «В лесах». Если есть, то вышлите.

Пока все. До свидания. Пишите.

Сереза

* * *

28.3.78г.

г.Чирчик

Здравствуй, Буль!

Могу только догадываться, что ты обо мне думаешь, ведь я получил твое письмо еще в конце января и за 2 месяца не нашел времени написать тебе. Оправданий, конечно, более-менее веских не могу тебе представить, да и откуда им взяться, если все по-старому, кроме... Вот об этом «кроме» и пойдет речь. Письмо твое получил, когда у меня была мама, читали твое письмо вместе с ней. Когда мама была у меня, я простыл и взял освобождение, решил три дня за все три года поболеть, но это мне не удалось, т.к. в конце первого же дня прибежал посыльный и сказал, что меня вызывает командир роты (*капитан Юрий Цыганов*). Оказалось, что его отъезд в Фатерланд (*то есть в Германию*) срочно отменяется, и его, вместо Германии, отправляют на курсы «Выстрел» на 8 месяцев, и мне нужно принимать роту.

На следующий день начал ее принимать, но это еще не самое главное. Главное в том, что из нашей роты решили сделать рабочую роту, которая будет заниматься строительством в части, а это сейчас, оказывается, самое главное. В нашу роту перевели всех демобилизующихся в мае солдат и несколько человек молодых, которые не годны к службе в ВДВ. В общем, собрался весь цвет части, которым мне приходится сейчас руководить. Пришлось срочно перестраивать все формы и методы работы, к которым привык. Ну, сейчас уже все, кажется, нормально.

Сейчас на повестке дня другая проблема – стройка. Командир части (*подполковник А.Овчаров*) со мной имеет больше дел, чем со своими заместителями. А так как начальству трудно угодить, то шишки на мою грешную голову сыплются сейчас больше, чем на чью-либо. Иногда начинаю думать о том, что все это «анахронизм», т.е. «а, на хрена мне все это нужно». Хоть рота и рабочая, но прыгать будем все, перед увольнением в запас бойцы прыгнут по 3 прыжка. Они начинаются 30 марта. Кажется, всех своих бойцов подготовил хорошо.

29 декабря, когда я еще командовал своим доблестным оркестром (*группа спецназ, которая одновременно являлась внештатным оркестром Чирчикской бригады спецназ*), с которым трудно и жалко было расставаться и о котором сейчас вспоминаю с грустью, первый батальон ходил в школу на новогодний вечер. Ну и я там был, как главный «оркестрант» части. Там я познакомился с преподавательницей русского языка и литературы Ириной. Ей 21 год, первый год преподает в школе. Долго рассказывать о том, как мы встретились и познакомились, не буду, но потом обязательно расскажу все в деталях. Ну, а сейчас могу сказать, что намерения самые серьезные. Родители Ирины тоже живут в Чирчике, около танкового училища. Мы друг на друга влияем положительно, единственное, что волнует ее маму, так это то, что ежедневные встречи заканчиваются где-то около 12 ночи, и от училища приходится возвращаться пешком, а чаще бегом, но это совсем не трудно, если втянуться. Проходя ночью мимо части, почти каждый раз захожу в роту и проверяю наличие личного состава. Совмещаю приятное с полезным.

Недавно собирались у Федя, посидели, поговорили о днях прошедших, погорланили наши песни. Он сейчас серьезно занимается воспитанием своей дочери.

Что у тебя нового? Пиши. Жду.

Саид

* * *

3.7.78г.

г.Чирчик

Здравствуй, Буль!

Наконец-то, собрался написать тебе. Письмо твое получил, когда пошел на обед, и читали мы его с Ирой на канале, т.к. каждый день в обеденный перерыв ходим купаться на канал. Вода такая холодная, что все, что обычно круглое, становится квадратным. Это, наверное, из-за «контраста температур» (почти, как у Плейшнера из кинофильма «Семнадцать мгновений весны») (*имеется в виду рассуждения Плейшнера о контрасте температур, когда горячий кофе заливается холодной водой*) воздуха и воды. Сейчас у нас почти каждый день 40 градусов, а иногда и больше, а вода в канале течет с гор, ужас, какая холодная. Выскакиваешь из такой воды, как заново родился, все тело, словно, колет иголками, но зато освежает очень хорошо. Из-за этой жары ходим иногда спать к Ириным родителям, у них прохладно, хорошо. Каждый раз, когда садимся за стол, вспоминаем твой завидный аппетит. Всем ты здесь понравился. Ирин папа постоянно вспоминает тебя, особенно, когда я вежливо отказываюсь выпить с ним сухого домашнего вина.

Сейчас готовимся прыгать из Ан-12. Сегодня пришли самолеты, завтра начнем прыжки, а с ними переходы по жаре, так что весь пот еще впереди.

Федя согласился пойти на то место, которое предлагали мне в Рязани (*командиром курсантского взвода на факультете специальной разведки Рязанского воздушно-десантного училища*), в сентябре уезжает. Видел в «Красной звезде» его фотографию? Если не видел, то посмотри обязательно. Газета за 13 июня.

За все это время один раз были с Ирой в горах, на Чимгане. Забрались на ту арчу, куда мы лазили с тобой, а потом с Александером. Хорошо провели время, правда, солнца не было, но все равно было здорово.

Не знаю, смогу ли я взять отпуск в августе, но сделаю все возможное, чтобы уехать в августе. Тогда мы с Ирой приедем в гости к вам. Узнавал я относительно бронирования гостиниц в Ленинграде, до сентября уже ничего нет, так что придется просить тебя сделать это, т.к. больше просить некого.

До свидания.

Саид

* * *

14.01.79г.

г.Чирчик

Здравствуйте, дорогие мама и Ирина!

... У меня намечаются кое-какие изменения. 1 февраля должен уехать в Москву на учебу на 5 месяцев для совершенствования языка. Поеду, наверно, на поезде, так что встречайте нас с Федей Волохом (он тоже едет). Перед отъездом я или позвоню, или дам телеграмму...

Сереза

21.3.79г.

пос.Загорянка

(Московская обл.)

Здравствуйте, дорогие мама и Ирина!

9 марта были с Ириной у Олега Кривопалова. Он в этом году заканчивает политическую академию. Хорошо отметили женский праздник. Вспомнили нашу чирчикскую службу.

Валеру Бахтия еще не видел, но звонил. Договорились, что они с Ринатом Зариповым (*В.Бахтий и Р.Зарипов в это время продолжали учиться в Москве*), тоже моим бывшим солдатом, приедут к нам где-то в конце марта. Как встретимся, обязательно от вас передам привет.

Сереза

* * *

21.12. 79г. – январь 80г.

г.Чирчик

Здравствуй, Буль!

Наконец-то, свершилось! Наконец-то, я опять пишу тебе. Вообще-то, за столь долгое молчание мне надо хорошенько «намылить» шею, но поверь, Буль, порой обстоятельства сильнее нас. И я оказался во власти таких обстоятельств...

... а если следовать хронологии событий, то в ноябре (1979 года) у нас начались экзамены, которые, конечно, хотелось сдать как можно лучше. Хотя мы с Федотом (*Волохом*) и отказались служить по новой специальности, которой нас здесь научили, и попросили отправить нас назад в Чирчик. Но, как

стало известно, наше желание не учли и все-таки направили на новую работу и, естественно, на новые места службы. Федота – в Благовещенск, а меня в тот округ, с которого начинал свою офицерскую службу, т.е. в САВО, а точнее в Усть-Каменогорск. Но о своем новом назначении мы узнали только в середине декабря, а в конце ноября сдавали экзамены. Научный коммунизм сдал на 4, т.к. понадеялся на свой старый багаж и почти не готовился, но это мне наука на будущее, чтобы не зазнавался. Зато экзамен по специальности умудрился сдать лучше всех. Честно скажу, что сделал это не с перепугу, просто готовился и «не очковал» (*не боялся*), когда отвечал. Генерал-лейтенант (*Ходаковский, председатель государственной комиссии*) чуть не прослезился и сказал, что я отлично подготовлен. Ну, а после такой оценки все, начиная от нашего начальника и кончая слушателями, похлопывали меня по плечу и говорили, что меня нельзя оставлять в ВДВ, слишком большая роскошь для крылатой пехоты, надо забирать к себе (на новую специальность), хотя я и не хочу.

Домой прилетели с Федотом 30 ноября, 3 декабря вышли на работу, представились командиру, а он, о ужас! Такого мы не ожидали: «Принимайте роты. Приказ командующего (*ТуркВО*) уже есть». Мы с Федотом языки проглотили. Сбылась мечта идиотов. Роты получили. А ведь сами знаем, что через неделю-две придет другой приказ, и мы должны будем уехать (*к новым местам службы*). Но об этом мы командиру не сказали, хотя наши слова все равно ничего не изменили бы. Вышли мы из кабинета командира, как пыльным мешком трахнутые и сразу же в секретку. На Федю выписка из приказа уже пришла, а на меня еще не было. На меня выписка пришла через два дня. Тоже обрадовался, конечно, ужасно. Сам понимаешь, что получить в ВДВ должность ротного – великое благо. Роты мы, конечно, принимать не стали, т.к. не было смысла, но до отпуска командовали.

Ты, наверно, удивляешься, почему мы (*Волохом*) до сих пор не уехали (*к новым местам службы*), но в связи с обострением международной обстановки (*имеются в виду события, связанные с вводом советских войск в Афганистан*) нас не только в Усть-Каменогорск и Благовещенск, но и в отпуск за 1979 год не пускали. В отпуск ушли с Федотом только 8 января, а совсем недавно пришло распоряжение отправить нас (*к новым местам службы*), так что после отпуска будем собираться.

Знаю, какой вопрос тебя волнует. Нет, завоевания Апрельской революции (*в Афганистане*) не защищали, хотя были близки к этому. Очень хотелось испытать себя в настоящем деле, но не довелось. Теперь задача – потянуть время до 15 февраля, когда, возможно, начнет «раскручиваться» Иранский кризис. Может, будет что-нибудь интересное, а мы, сам знаешь, (*как поется в одной из десантных песен*) «легки на подъем». Жаль будет, если главные дела будут решаться без нас.

Сейчас нахожусь в отпуске без выезда из города, даже к матери не могу съездить.

На этом заканчиваю. До свидания. Пиши. Жду.

Саид

* * *

7.4.80г.

г.Усть-Каменогорск

Здравствуйте, дорогие мама и Ирина!

Мама, чего ты волнуешься за Рафика Латыпова (*Р.Латыпов в это время был в Афганистане командиром 469 отдельной роты специального назначения 40 общевойсковой армии*) и всех остальных наших ребят (*в Афганистане*). Ничего страшного там нет. Я тоже мог оказаться там, даже просился, но так как из Москвы меня уже направили сюда, поэтому туда не взяли.

Если ты помнишь, то мы как-то с тобой спорили о том, что на южных границах что-нибудь да будет, но ты не верила, теперь, наверное, поняла, что была не права. Из Афганистана мне никто не пишет, но я поеду в отпуск в Чирчик и все, что мне нужно, узнаю.

Сереза

* * *

22.7.80г.

г.Усть-Каменогорск

Здравствуйте, дорогие мама и Ирина!

О том, что я ездил в Чирчик за Ирой и Женей, вы знаете...

Свободного времени было мало, но мы с Ирой специально выделили один день, чтобы съездить в Ташкент, в госпиталь к Рафику Латыпову, который уже месяц лежит там после ранения в крестец. Ранение очень тяжелое, но сейчас уже все нормально, будет служить, здоровье поправится. Надо честно сказать, что он был близок к тому, что все это могло быть уже не для него. Однако, слава Богу, все обошлось.

Сереза

* * *

15.8.80г.

г.Усть-Каменогорск

Здравствуй, Олег (*Кривопалов*)!

Большое спасибо за поздравление с 50-летием ВДВ и одновременно прошу прощения за то, что не поздравил вас с Галей, но дело в том, что я весь июль был занят ответственным и довольно хлопотным делом...

Очень много новостей узнал в Чирчике, о многих из них в письме и не напишешь. Одна из главных – это то, что Колесник Василий Васильевич за афганские события получил Героя Советского Союза. Кстати, первый из наших, но будем надеяться, что далеко не последний. Когда я узнал об этом, то обрадовался так, что будто сам получил это звание. Кто-кто, а Вась-Вась, как никто другой, заслужил это звание.

Если говорить о наградах, то орден Красного Знамени получил Витя Боев. Рафик Латыпов тоже что-то должен получить, но еще неизвестно, а пока он лежит в госпитале в Ташкенте с очень тяжелым ранением в крестец. Галя (*супруга Олега Кривопалова*), ты должна знать, насколько это серьезно. Но

Рафику очень повезло, так как пуля из знаменитого английского карабина «Бур-303» не задела важные органы таза. Врачи обещают ему не только продолжение рода Латыповых, но и не просто военную службу, а даже службу в ВДВ. Врачам можно верить, т.к., когда я у него был в госпитале, через месяц после ранения, он уже свободно ходил, правда, с костылями. После выздоровления он получает батальон в нашей части. Мне ужасно неудобно было перед Рафиком, когда мы с Ириной были у него в госпитале. Ведь он настоящий боевой офицер наших войск, а я уже вторые гражданские брюки протираю.

Рафик рассказал много интересного. В письме, конечно, не напишешь всего, но если коротко, то местные горные условия внесли много изменений в нашу тактику. Много позаимствовали у американцев, особенно в вопросах взаимодействия с авиацией (истребительной, бомбардировочной), а благодаря вертолетам все (в 469 отдельной роте специального назначения 40 общевойсковой армии) живы и раненых всего 4 человека, Рафик в том числе.

Витя Коновальчиков тоже там (в Афганистане), уехал в июле. Надеюсь, что у него все будет хорошо.

До свидания. Большой привет всем.

Сергей

* * *

18.12.82г.

г.Москва

Здравствуйте, Олег и Галя!

Давненько не писал вам. Олег, ты просто не знаешь, как я рад твоим письмам, ведь они – напоминание о нашей совместной службе, о Чирчике. А нам есть, о чем вспомнить, есть, кого вспомнить.

В этом году в Военную академию имени М.В.Фрунзе поступили Серега Золотарев, Маковский и Рафик Латыпов. Рафик и Маковский вернулись из Афганистана с орденами и свободно поступили. Голубович ушел преподавателем в Самаркандское (автомобильное) училище, после этого я его не видел.

Летом я со своим семейством отдыхал дома, я имею в виду Чирчик. Естественно, был в части. Из «старых» остались только Ленский. Жена у него умерла, он женился второй раз и родил ребенка. Остался также Болдырев, Земский и наши прапорщики. Остальных не только ты, да, и я уже не знаю.

Если сказать о «старых» традициях, порядках и духе, то их уже нет. Мне кажется, что они стали куда-то деваться с момента ухода В.В. (Василия Васильевича Колесника), и от начальника к начальнику порядки все хуже, дисциплина все ниже. Сюда, конечно, масла подлили афганские события, т.к. Чирчик – это резерв и кабульской роты, и батальона Стодереvского (не знаю, знаешь ли ты, что он ушел со своим батальоном туда, говорят, воюет там очень хорошо). А в бригаде, по-моему, развал и шатание. Отсюда и исключение из партии зам. по тылу бригады (подполковник Турбуланов) за растрату в 35 тыс. рублей. На очереди, говорят, сам комбриг. Так что мое посещение нашей части оставило у меня тяжелый осадок на душе.

Был на прыжках 2 августа. Сами прыжки, конечно, мало, чем изменились, а, вот организация примерно такая же, как в свое время была у

наших коллег (*из парашютно-десантного полка ВДВ*) из Аранчи (*пригородный район Чирчика*).

Ну, пока все. До скорой встречи.

Сергей

* * *

11.9.84г. г.Москва

Здравствуй, Олег!

Ты знаешь, как приятно было получить твою телеграмму (*поздравление с Днем ВДВ*), правда, я не смог получить ее именно 2 августа, т.к. в это время мы были в гостях у моей мамы, и приехали только 6 августа, но все равно очень приятно. А в части был большой праздник на стадионе УзКТЖМ (*Узбекский комбинат тугоплавких и жаропрочных металлов*), где организовали показательные прыжки спортсменов-парашютистов и «показуху» с рукопашным боем, метанием ножей и т.д. Но мне всего этого не довелось увидеть. Зато мы с (*моим сыном*) Женей ездили на прыжки, «прокатились» на Ан-12, наблюдали и фотографировали выброску парашютистов. Правда, Женя, будучи в самолете, как оказалось, еще хотел увидеть, «как парашютисты приземлялись». Но это в будущем.

Встречался с Валерой Бахтием, он уже старший лейтенант на майорской должности. Так что у него все нормально.

Витя Коновальчиков приходит в Чирчик начальником штаба. Может, с его приходом что-нибудь изменится.

Пока все.

До свидания. Пиши. **Сергей**

* * *

05.6.85г.

г.Москва

Здравствуй, Олег!

Спасибо за поздравление. Относительно (*гибели в Афганистане*) Саши Тимченко (*выпускник Уссурийского СВУ 1967 года и Киевского ВОКУ 1971 года, затем командир группы, роты, батальона в Чирчикской бригаде спецназ, после окончания Академии имени М.В.Фрунзе Уссурийская бригада спецназ, затем военный советник бригады коммандос в Афганистане*) я уже слышал, но после того, как получил твое письмо, вновь разволновался, как будто только что узнал об этом. Как-то живо вспомнилось все, что было связано с Саней, с службой в Чирчике. Он оказался первым из тех, кого я знал хорошо и кто погиб в Афганистане (хочется, чтобы он был последним). Очень жаль, что Сани уже нет. Поеду в отпуск, обязательно узнаю все детали и напишу тебе.

Я все, что касается Афганистана, держу в поле зрения. Меня многие спрашивают об этом, интересуются, почему Афган меня так интересует. Некоторым не объясняю, потому что все равно не поймут. Как говорил один из моих знакомых в Киевском ВОКУ: «Им Богом не дано это понять». Другим можно объяснить, и они поймут, но порой трудно объяснить так, чтобы все было понятно. Думаю, что ты меня поймешь, ведь я чувствую какую-то свою вину перед теми, кто там был, кто был ранен, а вот теперь и перед теми, кто

погиб, хотя вины-то моей нет. Все время задаю себе вопрос: «А, смог бы я сделать то, что выпало на долю других?» Думаю, что смог бы. Но думать – это одно, а делать – другое.

Недавно узнал подробности восстания наших пленных в Пакистане, и первая мысль была – живы еще традиции русской и советской армии в наших Вооруженных Силах. Там было 12 наших пленных и 12 афганцев. Известно, что среди наших было два таджика и один офицер, который посоветовал этим таджикам убедить душманов, что они помогут обратить русских в мусульманскую веру. Души поверили и разрешили всем ходить на молитву. Во время одной из молитв по сигналу офицера все 24 человека захватили автоматы и винтовки, которые душманы во время намаза кладут около себя, и покрошили всех в капусту, а затем закрылись в складе. Остальное ты знаешь. Можешь этот факт использовать в своей партийно-политической работе с личным составом. По-моему, очень показательно. Красноречиво говорит о непокорности русского характера, да и наши мусульмане тоже молодцы.

До свидания. Пиши.

Сергей

* * *

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной книге, временные рамки которой охватывают в основном 1974 год – начало 1980 года, мне, в общем-то, удалось хоть и отрывочно, отдельными значимыми служебными и жизненными эпизодами описать, как проходила служба простых советских офицеров, сержантов и солдат 15 отдельной бригады специального назначения. Как представляется, ценность этой книги не только в том, что она дает хоть и далеко не полное, но все-таки представление о том, как совершенствовался, мужал и крепчал советский спецназ в середине 70-х годов, то есть на рубеже начала Афганской эпопеи. Как уже говорилось выше, эта книга полезна также и тем, что освещает и сохраняет для потомков пусть небольшую, но все-таки достаточно значимую частицу доблестной истории войск специального назначения Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных сил Советского Союза.

Определенная ценность книги также заключается в том, что она дает представление о том, как служили, работали над собой простые солдаты, сержанты и офицеры войск специального назначения, как происходил процесс становления разведчиков-спецназовцев, какие были у них традиции, проблемы, трудности и однозначные победы. Я думаю, что книга может оказаться весьма интересной новому, молодому поколению России во всем его многообразии. Как мне представляется, наглядный пример легендарной Чирчикской отдельной бригады специального назначения, и описание того, как мы служили в те далекие и во многом легендарные годы, может быть весьма и весьма полезным материалом тем ребятам, которые сейчас служат в войсках специального назначения России, да и не только им. Кроме того, я уверен, что кое-какой наш практический опыт можно будет взять для себя и многим другим нашим современникам, интересующимся проблемами войск специального назначения.

Надеюсь, что мои коллеги и сослуживцы по 15 бригаде спецназ, прочитав эту книгу, найдут возможность высказать свои собственные оценки,

предложения и, критические замечания по ее содержанию и описанным в ней событиям. Буду искренне рад, если мои воспоминания подвигнут кого-нибудь на то, чтобы написать свою собственную книгу воспоминаний об их службе в 15 обрСпН.

Надеюсь, что книги воспоминаний, написанных Игорем Стодереvским, Юрием Тимофеевичем Старовым, Олегом Кривоpаловым, в которых они описывают свою службу в 15 бригаде спецназ, а также и моя скромная книга – это всего лишь начало длительного процесса всестороннего осознания, описания и увековечивания повседневной и боевой деятельности, а также неувядаемой славы этой прославленной воинской части, 15 отдельной бригады специального назначения, в которой нам пришлось служить.

Сергей Александрович КАЛИНИЧЕНКО

